

NORDIC AND BALTIC STUDIES REVIEW

2018
Issue 3

**Междисциплинарный научно-образовательный центр FENNICA
Петрозаводского государственного университета**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies “FENNICA”
Petrozavodsk State University

**Междисциплинарный научно-образовательный центр NORDICA
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies “NORDICA”
Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences

**АЛЬМАНАХ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ И БАЛТИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
NORDIC AND BALTIC STUDIES REVIEW**

Вып. 3 / Issue 3

**Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2018**

УДК 94(48)+94(474)+94(47)

ББК 63.3(4)+63.3(2)

А

Международный научный электронный журнал <http://nbsr.petsu.ru>

Главный редактор — И. Р. Такала
Ответственный секретарь — А. В. Толстикова

Редакционный совет

Богатырёв Сергей, Великобритания
Валге Яак, Эстония
Валцак Войцех, Польша
Вишавайнен Тимо, Финляндия
Гиеровская-Каллаур Иоанна, Польша
Ерусалимский К. Ю., Россия
Карелин В. А., Россия
Котлярчук Андрей, Швеция
Кюнтг Эни, Эстония
Линдквист Уле, Исландия
Муллонен И. И., Россия
Нымм Елена, Эстония
Пересветов-Мурат Александр, Швеция
Селин А. А., Россия
Суни А. В., Россия
Таннберг Тьну, Эстония
Янке Карстен, Дания

Редакционная коллегия

Брюггеман Карстен, Эстония
Голубев Алексей, Канада
Джаксон Т. Н., Россия
Илюха О. П., Россия
Котт Мэтью, Швеция
Кривоноженко А. Ф., Россия
Мюклебуст Кари Ага, Норвегия
Рупасов А. И., Россия
Ряйхя Антти, Финляндия
Соломещ И. М., Россия

Разработка и техническая поддержка РЦНИТ ПетрГУ

Адрес редакции: 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 413

E-mail: nbs-ed@petsu.ru

ISSN 2541-8165

© МНОЦ FENNICA ПетрГУ, 2018

© МНОЦ NORDICA ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2018

© Авторы, 2018

© Техническая поддержка — РЦНИТ ПетрГУ, 2018

International academic journal <http://nbsr.petsu.ru>

Editor-in-Chief — Irina Takala
Editorial Secretary — Aleksandr Tolstikov

Editorial Council

Sergei Bogatyrev, UK
Konstantin Erusalimskiy, Russia
Joanna Gierowska-Kallaur, Poland
Carsten Jahnke, Denmark
Vladimir Karelin, Russia
Andrej Kotljarchuk, Sweden
Enn Küng, Estonia
Ole Lindquist, Iceland
Irma Mullonen, Russia
Jelena Nõmm, Estonia
Alexander Pereswetoff-Morath, Sweden
Adrian Selin, Russia
Leo Suni, Russia
Tõnu Tannberg, Estonia
Jaak Valge, Estonia
Timo Vihavainen, Finland
Wojciech Walczak, Poland

Editorial Board

Karsten Brüggeman, Estonia
Alexey Golubev, Canada
Olga Ilyukha, Russia
Tatjana Jackson, Russia
Matthew Kott, Sweden
Kari Aga Myklebost, Norway
Alexander Rupasov, Russia
Antti Rähkä, Finland

Technical support — PetrSU, RCNIT

Address of the editorial office: room 413, 33, Lenin Str., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia

E-mail: nbs-ed@petsu.ru

© PetrSU, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies “FENNICA”, 2018

© Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies “NORDICA”, 2018

© Authors, 2018

© Technical support — PetrSU, RCNIT, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ.....	8
EDITORS' INTRODUCTION	9

СТАТЬИ / ARTICLES

Марина Бессуднова / Marina Bessudnova

«РУССКАЯ УГРОЗА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РУКОВОДСТВА НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА КОНЦА XV ВЕКА / THE RUSSIAN THREAT IN THE LATE 15TH-CENTURY POLITICAL STRATEGY OF THE TEUTONIC ORDER'S LEADERSHIP	11
---	-----------

Алексей Жуков / Alexei Zbukov

КРЕСТЬЯНСКИЙ УКЛАД И ВОЕННАЯ СЛУЖБА В ЖИЗНИ ГОРОЖАН: ГОРОД ОЛОНЕЦ В СЕРЕДИНЕ XVII–XVIII ВВ. / TOWNSPEOPLE'S PEASANT WAY OF LIFE AND MILITARY SERVICE: THE TOWN OF OLONETS IN THE MIDDLE OF THE 17TH AND THE EARLY 18TH CENTURIES	23
---	-----------

Галина Иванова / Galina Ivanova

ПОЧТОВЫЕ ТРАКТЫ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ И НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ОБРАЗА ЖИЗНИ КАРЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТРАКТОВЫХ ДЕРЕВЕНЬ (ПО СТАТИСТИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ) / POSTAL TRACTS IN SOUTH KARELIA AND CERTAIN ASPECTS OF THE KARELIAN POPULATION'S LIFE STYLE IN WAYSIDE VILLAGES (ACCORDING TO STATISTICAL SOURCES).....	43
---	-----------

Александр Кривоноженко / Aleksandr Krivonozhenko

АЛКОГОЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ / ALCOHOL PROBLEM IN KARELIAN VILLAGE BEFORE AND DURING WORLD WAR I.....	54
--	-----------

Евгения Назарова / Evgeniia Nazarova

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР РАСПАДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ЛАТВИЯ И ЭСТОНИЯ НА ПУТИ К НЕЗАВИСИМОСТИ. 1914–1917/ THE NATIONAL QUESTION AS A FACTOR OF THE COLLAPSE OF THE RUSSIAN EMPIRE. LATVIA AND ESTONIA ON THE ROAD TO INDEPENDENCE. 1914–17.....	73
--	-----------

Елена Усачёва / Elena Usachiova

ИНЖЕНЕР ЭДУАРД МОБЕРГ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ НА СЛУЖБЕ КАРЕЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА / ENGINEER EDWARD MOBERG: 10 YEARS IN THE SERVICE OF THE KARELIAN GOVERNMENT	110
---	------------

Ольга Илюха / Olga Ilyukha

«РУНА О ЗАДЕРЖАНИИ ШПИОНА»: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА В СОВЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ПРОПАГАНДИСТСКОМ ДИСКУРСЕ 1930-Х ГОДОВ / A RUNO SONG ABOUT DETENTION OF A SPY: THE STATE BORDER IN THE 1930s SOVIET FOLKLORE AND PROPAGANDA DISCOURSE.....	123
---	------------

Ирина Такала / Irina Takala

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В КАРЕЛИИ / THE GREAT TERROR IN KARELIA	143
---	------------

Вячеслав Иванов / Viacheslav Ivanov

СОВЕТСКО-ФИНЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1939–1944 ГГ. В ОСВЕЩЕНИИ УКРАИНСКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ / THE 1939–44 SOVIET-FINNISH RELATIONS IN THE UKRAINIAN POST-SOVIET HISTORY WRITING.....	208
--	------------

Людмила Вавулинская / Liudmila Vavulinskaia

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ДИАЛОГЕ КАРЕЛИИ И ФИНЛЯНДИИ В 1950–1970-е гг. / INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE DIALOGUE BETWEEN KARELIA AND FINLAND, 1950–70s.....228

Maxim Kirchanov / Максим Кирчанов

HONOURING THE DEAD, PRAISING THE LIVING: THE INVENTED TRADITIONS OF OBITUARIES AND LAUDATORY ARTICLES, OR HOW BALTICISTS COMMUNICATE WITH THEIR DEAD AND REVERE THE LIVING / ПОЧИТАТЬ МЁРТВЫХ, ПРЕВОЗНОСИТЬ ЖИВЫХ: ИЗОБРЕТЁННЫЕ ТРАДИЦИИ НЕКРОЛОГОВ И ХВАЛЕБНЫХ СТАТЕЙ, ИЛИ КАК БАЛТИСТЫ ОБЩАЮТСЯ СО СВОИМИ УСОПШИМИ И ЧТУТ ЗДРАВСТВУЮЩИХ.....250

Нина Зайцева, Наталья Крижановская / Nina Zaitseva, Natalia Krizhanovskaia

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА ВЕПСКОГО ЯЗЫКА И ОТКРЫТОГО КОРПУСА ВЕПСКОГО И КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ) / CORPUS LINGUISTICS IN THE BALTIC-FINNIC RESEARCH AREA (THE CORPUS OF THE VEPS LANGUAGE AND THE OPEN CORPUS OF THE VEPS AND KARELIAN LANGUAGES).....264

ПУБЛИКАЦИИ / PRIMARY SOURCES

Владимир Карелин, Андрей Репневский / Vladimir Karelin, Andrei Repnevskii

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПРОФЕССОРА ОЛАФА БРОКА И ПЕТРА САВИЦКОГО (1916–1958) / SELECTIONS FROM THE CORRESPONDENCE OF PROFESSOR OLAF BROCH AND PETR SAVITSKII (1916–58).....275

Ирма Муллонен / Irma Mullonen

МАТЕРИАЛЫ К «СЛОВАРЮ ТОПОНИМОВ КАРЕЛИИ» / MATERIALS TO THE DICTIONARY OF KARELIA'S PLACE-NAMES.....304

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ / PAPERS OF THE ACADEMIC CONFERENCES

ELITES AND THE STATE. ORGANISATION, DISSOLUTION AND RE-INVENTION OF STATE AND GOVERNMENT, 1725–1925 /
ЭЛИТЫ И ГОСУДАРСТВО. СОЗДАНИЕ, РАСПАД И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВА И СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ, 1725–1925

Марҗа Вуогинен / Марья Вуоринен

PREFACE / ПРЕДИСЛОВИЕ..... 331

Марҗа Вуогинен / Марья Вуоринен

A NOBLEMAN WITH BOURGEOIS ATTITUDES: N. H. PINELLO CHALLENGING THE POLITICAL ROLE OF THE FINNISH NOBLE ESTATE / ДВОРЯНИН СО ВЗГЛЯДАМИ БУРЖУА: Н. Х. ПИНЕЛЛО БРОСАЕТ ВЫЗОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ФИНЛЯНДСКОГО БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ.....334

Марина Загора / Marina Zagora

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО НИКОЛАЙ АДЛЕРБЕРГ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ (1866–1881) / GOVERNOR- GENERAL OF THE GRAND DUCHY OF FINLAND NIKOLAI ADLERBERG AS THE REPRESENTATIVE OF RUSSIAN ELITE IN HELSINGFORS (1866–81).....353

Ira Jänis-Isokangas / Ира Янис-Исокангас

KONRAD (KONNI) ZILLIACUS AND REVOLUTIONARY RUSSIA / КОНРАД (КОННИ) ЦИЛЛИАКУС И РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ.....366

Aapero Kähkönen / Аапте Кяхкёнен

STATE-BUILDING AND FOREIGN POLICY: THE CASE OF EAST KARELIA AND THE ROLE OF FINLAND IN SOVIET FOREIGN POLICY IN 1921–22/ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: СЛУЧАЙ ВОСТОЧНОЙ КАРЕЛИИ И РОЛЬ ФИНЛЯНДИИ В СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В 1921–1922 гг.....380

**ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО ИСТОРИИ В РАМКАХ
XIX РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКОГО КУЛЬТУРНОГО ФОРУМА
«ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ И РОССИИ» (САВОНЛИННА,
29 СЕНТЯБРЯ 2018 г.) /**

THE HISTORICAL SEMINAR CIVIL WARS IN FINLAND AND RUSSIA (THE 19TH RUSSIAN-FINNISH CULTURAL FORUM, SAVONLINNA, SEPTEMBER 29, 2018)

Сергей Журавлёв / Sergei Zhuravlev

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ОРГАНИЗАТОРОВ ИСТОРИЧЕСКОГО СЕМИНАРА /
INTRODUCTORY WORD FROM THE ORGANISERS OF THE HISTORICAL SEMINAR.....396**

Тимо Вихавайнен / Timo Vihavainen

**ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ И РОССИИ: ЧТО БЫЛО ОБЩИМ, ЧТО
ОСОБЕННЫМ И КАКОВО НАСЛЕДИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ
И РОССИИ / THE CIVIL WARS IN FINLAND AND RUSSIA: WHAT WAS COMMON, WHAT WAS
PARTICULAR, AND WHAT WAS THE CIVIL WAR LEGACY IN FINLAND AND RUSSIA.....400**

Борис Колоницкий / Boris Kolonitskii

**ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1916–1926? /
CIVIL WARS IN THE AREA OF THE RUSSIAN EMPIRE, 1916–26?.....410**

Владимир Булдаков / Vladimir Buldakov

**ВОСПРИЯТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ РОССИЙСКИМ
ОБЩЕСТВОМ В 1918 ГОДУ / PERCEPTION OF THE CIVIL WAR IN FINLAND BY THE RUSSIAN
SOCIETY IN 1918.....421**

Елена Дубровская / Elena Dubrovskaja

**РОЛЬ РУССКОГО И КАРЕЛЬСКОГО ФАКТОРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОТИВОСТОЯНИИ В РЕГИОНЕ: СОБЫТИЯ 1918 г. В ФИНЛЯНДИИ, ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ / THE ROLE OF THE RUSSIAN AND THE KARELIAN
FACTORS IN POLITICAL CLASH IN THE REGION: THE 1918 EVENTS IN FINLAND,
THE CIVIL WAR IN WHITE SEA KARELIA.....437**

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Лев Сунд / Leo Sund

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Kalleinen K. *Suuriruhtinaskunnan etuvaltiossa: ministerivaltiosihteerin R. H. Rehbinderin Suomen etujen puolustajana Pietarissa 1811–1841*. Helsinki: SKS, 2017. 308 s.459

Алексей Востров / Alexei Vostrov

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Коваленко Г. М. Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина. СПб.: Крига, 2018. 354 с.463

Евгения Корюнова / Evgeniia Korunova

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы — Russia and the Countries of Northern Europe: Physical and Symbolic Borders:

Сб. ст. V Киркенесского международного семинара историков / Редкол.: С. Г. Веригин, А. А. Комаров, Й. П. Нильсен, М. Н. Сулейм, В. В. Тевлина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 183 с.;
Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders / Ed. by T. N. Jackson, J. P. Nielsen. М.: Языки славянской культуры, 2005. 216 с. 471

Александр Осипов / Aleksandr Osipov

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Глушанок Т. М. История туризма Карелии. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. 176 с. 480

БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY

Наталья Чикина / Natalia Chikina

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ 2002 / CHRONICLES OF THE LITERARY LIFE OF KARELIA 2002..... 494

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

Юлия Михайлова / Iuliia Mikhailova

СВЯЗИ РОССИЙСКИХ И ЭСТОНСКИХ ИСТОРИКОВ В РАМКАХ ПРОЕКТА «РОССИЯ И ПРИБАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН В XVIII–XX ВВ. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ» / CONNECTIONS BETWEEN RUSSIAN AND ESTONIAN HISTORIANS WITHIN THE PROJECT *RUSSIA AND THE BALTIC REGION IN THE 18TH–20TH CENTURIES. PROBLEMS OF RELATIONSHIPS IN A CHANGING WORLD*..... 525

Ольга Бурдакова, Елена Ньмм / Olga Burdakova, Jelena Nõmm

ТРАДИЦИЯ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ СЕМИНАРОВ «ESTO-RUSSICA» В ЭСТОНИИ: 2013–2018 / THE *ESTO-RUSSICA* SCHOLARLY EDUCATIONAL SEMINARS TRADITION IN ESTONIA: 2013–2018..... 538

Владимир Карелин, Андрей Репневский / Vladimir Karelin, Andrei Repnevskii

СОСЕДИ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И НОРВЕГИИ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИТОГАМ РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА «АСИММЕТРИЧНОЕ СОСЕДСТВО...») / NEIGHBOURS IN THE FAR NORTH: HISTORICAL CONNECTIONS BETWEEN RUSSIA AND NORWAY (INTERNATIONAL SCHOLAR CONFERENCE ON THE RESULTS OF THE RUSSIAN-NORWEGIAN RESEARCH AND PUBLISHING PROJECT *ASYMMETRIC NEIGHBOURHOOD*)..... 544

Елена Сойни / Elena Soini

КУЛЬТУРЫЙ КОД СОЛОВКОВ / A CULTURAL CODE OF THE SOLOVKI..... 557

Mirja Jääskeläinen, Nadia Vystriakova / Мирья Яаскелайнен, Надежда Быстрякова

AMERICAN AND CANADIAN FINNS AND THE DEVELOPMENT OF THE FOREST SECTOR OF RUSSIAN KARELIA IN THE 1930s / АМЕРИКАНСКИЕ И КАНАДСКИЕ ФИННЫ И РАЗВИТИЕ ЛЕСНОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ КАРЕЛИИ В 1930-е гг. 561

IN MEMORIAM

Елена Маркова / Elena Markova

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ИНКЕРИНМАА. ПАМЯТИ АРМАСА ИОСИФОВИЧА МИШИНА (15.02.1935–9.10.2018) / THE LONG ROAD TO INKERINMAA. IN MEMORY OF ARMAS MISHIN (15.02.1935–9.10.2018)..... 566

Елена Сойни / Elena Soini

Е. М. МЕЛЕТИНСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ Э. Г. КАРХУ / ELEAZAR MELETINSKII IN EINO KARHU'S MEMORIES..... 576

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Третий выпуск нашего альманаха вновь получился большим и разнообразным, хотя, как и в предыдущих выпусках, в нём превалирует пока историческая тематика. Радует расширение прибалтийской проблематики и появление статей, которые, на наш взгляд, могут вызвать интересную научную полемику. По-прежнему мы стараемся давать слово молодым исследователям.

В этом выпуске мы увеличили число постоянных рубрик. Возродив во втором выпуске традицию публикации докладов значимых конференций года, мы убедились в необходимости подобного рода материалов — их читают так же активно, как и основные статьи. На этот раз на суд читателей представлены наиболее значимые доклады двух российско-финляндских семинаров историков, проходивших в 2018 г. в Санкт-Петербурге и Савонлинне. О некоторых других научных форумах рассказано в рубрике «Научная жизнь». Отдавая себе отчёт, что обзор близких нам по тематике конференций года далеко не полон, мы надеемся, что для следующих выпусков подобных материалов будет больше и просим читателей активнее сообщать нам о научной жизни своих регионов.

Мы ввели также рубрику «Библиография», где публикуем научно-библиографический обзор периодики Карелии на национальных языках за 2002 г. Цель этой рубрики — возродить традицию публикации справочно-библиографических материалов «Летопись литературной жизни Карелии», выходивших на протяжении почти 50 лет (1963–2011).

В разделе «Публикации» на этот раз представлены фрагменты переписки профессора Олафа Брока и Петра Савицкого (1916–1958), а также материалы к подготавливаемому учёными ИЯЛИ КарНЦ РАН «Словарю топонимов Карелии».

Представляя на суд читателей очередной выпуск «Альманаха североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review», мы надеемся, что сотрудничество различных центров нордистики России и мира, возрождённое на этой научной площадке будет и дальше крепнуть и развиваться.

Ирина Такала

Александр Толстик

Петрозаводск, 18 декабря 2018 г.

EDITORS' INTRODUCTION

Like the previous issues, the third issue of the *Nordic and Baltic Studies Review* is large and thematically diverse, even though history-related themes still have a bigger presence. We are delighted to have more materials related to the Baltic regions, and hope that the published articles will stimulate interesting scholarly debates. As usually, we are glad to provide young scholars with an opportunity to share their research.

Beginning with this issue, we have enlarged the number of permanent journal sections. In the previous issue, we revived a tradition of publishing proceedings of notable conferences. This format was well received, and the proceedings have been read as often as research articles. This time, we publish the most interesting papers from two Russian-Finnish historical seminars that took place in St. Petersburg and Savonlinna during 2018. Reports of several other conferences are placed in the section Academic Events. We realise that our coverage of thematically relevant conferences is far from complete, and hope to place more conference reports in the following issues. Please, share with us the news of relevant academic events in your regions.

We also introduced a section on Bibliography that includes a bibliographic review of the periodicals published in the Finno-Ugric languages in the Republic of Karelia during 2002. Our goal is to revive a tradition of publishing reference and bibliographic materials that for almost fifty years had been represented by *Letopis' literaturnoi zhizni Karelii* [Chronicle of Literary Life in Karelia] (1963–2011).

The section on Primary Sources presents selected correspondence between Olaf Broch and Petr Savitskii (1916–1958), as well as materials from a toponymical dictionary of Karelia, which is currently produced by the scholars of the Institute of Linguistics, Literature, and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences.

By presenting you our newest issue of *The Nordic and Baltic Studies Review*, we hope that it will serve a common purpose of building a stronger national and international collaboration between different scholarly centers engaged with these disciplines.

Irina Takala

Aleksandr Tolstikov

Petrozavodsk, December 18, 2018

СТАТЬИ
ARTICLES

БЕССУДНОВА Марина Борисовна / BESSUDNOVA Marina

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого / Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

Россия, Великий Новгород / Russia, Velikii Novgorod

magistrmb@gmail.com

«РУССКАЯ УГРОЗА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РУКОВОДСТВА НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА КОНЦА XV ВЕКА*

‘THE RUSSIAN THREAT’ IN THE LATE 15TH-CENTURY POLITICAL STRATEGY OF THE TEUTONIC ORDER’S LEADERSHIP

Abstract: In the late 1490s the leadership of the Teutonic Order used a paradigm of its Livonian branch’s confrontation with the ‘Russian apostates’ for purely pragmatic goals, namely, for arguing in defense of its rights to some privileges and getting cash subsidies from the Roman curia. In this regard the Grand Masters Johann von Tiefen and Friedrich of Saxony cooperated with the Livonian master Wolter von Plettenberg and tried to prove the viability of the order’s role as a ‘crusader’ by developing and attempting to implement an alliance directed against Muscovy (so called Isenburg’s plan). After the hope for the support from the Roman curia had disappeared, Friedrich of Saxony lost interest in the project.

Ключевые слова / Keywords: Немецкий орден, Ливонский орден, «русская угроза», конец XV в. / The Teutonic Order, the Livonian Order, ‘the Russian threat’, the late 15th century

Комплекс документации Немецкого (Гевтонского) ордена из Тайного государственного архива прусского культурного наследия (*Geheimes Staatsarchiv des preussischen Kulturbesitzes*) в Берлине даёт представление о том заметном воздействии, которое оказала на характер и динамику развития российско-ливонского конфликта в конце XV в. политика верховных магистров. Так, руководство Немецкого ордена внесло немалый вклад в развитие концепта «русской угрозы» в ситуации второй половины 1490-х гг., о чём и пойдёт речь в настоящей статье. В историографии указанный эпизод, как правило, специально не рассматривается, хотя вообще вопрос о появлении и особенном усилении на рубеже XV–XVI вв. мотива «русской угрозы» в Ливонии, а также о его использовании с вполне прагматическими целями орденом руководством, разумеется, привлекал внимание исследователей¹.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-01-50098.

¹ См., например, из недавних публикаций: *Selart A. Political Rhetoric and the Edges of Christianity: Livonia and Its Evil Elements in the Fifteenth Century // The Edge of the Medieval World / Ed. by G. Jaritz and J. Kreem. Budapest, 2009. P. 55–69* (автор прослеживает ситуацию на протяжении всего XV в., не ограничиваясь его последними десятилетиями, и особенно подчёркивает инструментальную роль концепта «русской угрозы» в том числе в деятельности Немецкого ордена); *Thumser M. Antirussische Propaganda in der ‘Schönen Historie von wunderbaren Geschäften der Herren*

В силу зависимости Немецкого ордена от Польской короны в результате поражения в Тринадцатилетней войне (1454–1466) и серьёзных финансовых затруднений его верховные магистры Иоганн фон Тифен (1489–1497) и Фридрих Саксонский (1498–1510) не могли оказать ливонскому подразделению ордена действенной поддержки, о которой их постоянно просил ливонский магистр Вольтер фон Плеттенберг (1494–1535). В то же время их отношение к внешнеполитическим проблемам Ливонии мотивировалось стремлением привлечь Ливонский орден² к борьбе за сохранение привилегий Немецкого ордена, полученных им от пап и императоров в эпоху военно-колониационного освоения Пруссии и Ливонии, в XIII в. Вопрос о праве ордена обладать ими после завершения христианской миссии дискутировался на протяжении всего XV в.³ и представлял серьёзную проблему. Привилегии сообщали Немецкому ордену статус государя (ландесгерра) Пруссии и Ливонии, и их упразднение должно было повлечь за собой радикальную реорганизацию всех орденских структур и вероятную передислокацию с берегов Балтики на Дунай для обороны католического мира от натиска турок-османов⁴. Устранение угрозы во многом зависело от того, удастся ли Немецкому ордену, чья религиозная природа давно приобрела формальный характер и уступила место административно-хозяйственным и государственным функциям, доказать свою верность традициям служения «на пути Господнем» и тем самым подтвердить сохранение своей изначальной «крестоносной» идентичности. На это были нацелены внутриорденские реформы XIV–XV вв., посредством которых верховные магистры, и в частности Иоганн фон Тифен⁵, пытались возродить в рыцарях ордена дух старинного благочестия.

zu Livland mit den Russen und Tataren' // *Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Livland* / Hrsg. von M. Thumser. Berlin, 2011. S. 133–153; *Maasing M.* 17 Infidel Turks and Schismatic Russians in Late Medieval Livonia // *Fear and Loathing in the North: Jews and Muslims in Medieval Scandinavia and the Baltic Region* / Ed. by C. Heß and J. Adams. Berlin, 2015. P. 347–388. URL: <https://www.degruyter.com/downloadpdf/books/9783110346473/9783110346473-021/9783110346473-021.pdf> (15.12.2018).

² Собственно говоря, формально в Ливонии действовало (сохраняя, впрочем, самостоятельность) лишь отделение (ландмейстерство) Немецкого ордена. Поэтому выражение «Ливонский орден» иногда рассматривается как не вполне корректное. Автор, однако, оставляет за собой право его использовать в силу сложившейся традиции и по соображениям удобства.

³ Подробнее см.: *Sarnowsky J.* Die ständische Kritik am Deutschen Orden in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts // *Das Preußenland als Forschungsaufgabe. Eine europäische Region in ihren geschichtlichen Bezügen. Festschrift für Udo Arnold zum 60. Geburtstag, gewidmet von den Mitgliedern der Historischen Kommission für Ost- und Westpreußische Landesforschung* / Hrsg. von B. Jähnig. Lüneburg, 2000. S. 403–422.

⁴ *Thumser M.* Eine neue Aufgabe im Heidenkampf? Pläne mit dem Deutschen Orden als Vorposten gegen die Türken // *Europa und die Türken in der Renaissance* / Hrsg. von B. Guthmüller, W. Kühlmann. Tübingen, 2000. S. 139–178.

⁵ *Biskup M.* Plan reformy zakonu krzyżakigo w Prusach z 1492 roku // *Prusy–Polska–Europa: Studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych* / Red. J. Tandecki, A. Radziwiński. Toruń, 1999. S. 277–285; *Бессуднова М. Б.* Верховный магистр Иоганн фон Тифен — «последний брат-рыцарь»

Осенью 1493 г. накануне утверждения папой Александром VI Борджа привилегий Немецкого ордена вопрос об их правомерности был вновь поднят епископом Эрмандландским (Варминьским) Лукасом Ватценроде (1489–1512), который пользовался поддержкой прусского епископата и польского короля⁶. Для нейтрализации возникшей угрозы верховный магистр Тифен старался снискать благосклонность церковных иерархов и лоббировать интересы ордена в римской курии, но этому препятствовала нехватка денег. Между тем своим противостоянием «русским схизматикам» Ливонский орден как одно из подразделений Немецкого ордена наглядно демонстрировал сохранение его «крестоносной» сущности, а потому в стратегических расчётах верховного магистра ему отводилась ключевая роль. В начале 1494 г. верховный магистр писал в Рим, что в настоящий момент «требуется сохранить Немецкий орден, госпиталь всей немецкой нации, который и сегодня является оплотом против русских и защитой святого христианства на окраинах [католического мира], с его привилегиями и установлениями (*grundfeste*), пожалованными папами, императорами и князьями, утвердить их и ничего против них не предпринимать»⁷. Руководство Ливонского ордена разделяло эту позицию. Плеттенберг, тогда ещё ландмаршал, настойчиво просил рижского архиепископа Гильдебрандта дать положительное заключение по делу о привилегиях, хотя знал о его нежелании вмешиваться в это дело⁸.

Поскольку условия Второго Торуньского мира 1466 г. не касались ливонского орденового государства, вопрос о привилегиях не имел для него большого значения. Солидарность ливонских орденовых чинов с главой Немецкого ордена была обусловлена в первую очередь потребностью в деньгах и желанием получить от папы в качестве «крестоносной милости» (*crucitate*) «отпущение» (*aplaß*) с правом на получение дохода от продажи «крестоносных» индульгенций. Такое право предоставлялось государям, доказавшим свою ревность в борьбе с «врагами христианства»⁹. «Отпущение» Ливонский орден получал в 1448 г. во время войны с Псковом и Новгородом¹⁰; его намеревался просить магистр Берндт фон дер Борх для противостояния «русской угрозе» (в реальности для борьбы с архиепископом

во главе Немецкого ордена // Человек XV в.: Грани идентичности / Под ред. А. А. Сванидзе и В. А. Ведюшкина. М., 2007. С. 26–42.

⁶ *Górski K.* Lukas von Watzenrode: Życie i działalność 1447–1512. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 52–65. URL: <http://www.kpbc.ukw.edu.pl/dlibra/plain-content?id=40244> (15.12.2018).

⁷ Geheimes Staatsarchiv des preußischen Kulturbesitzes (далее — GStA PK). XX. Hauptabteilung (далее — HA). Ordensfolianten (далее — OF) 18b. Fol. 169r–169v.

⁸ Верховный магистр просил Плеттенберга убедить архиепископа Рижского направить к епископу Эрмандландскому своих посланцев и вступить за орден (Ibid. Fol. 162r–163v). Плеттенберг обратился к архиепископу с таким предложением, но тот из-за позиции своих подчинённых (*suffraganten*) не был расположен это делать: Ibid. XX. HA. Ordensbriefarchiv (далее — OBA). No. 17819.

⁹ *Ehlers A.* Die Ablasspraxis des Deutschen Ordens im Mittelalter. Marburg, 2007. S. 32.

¹⁰ Бессуднова М. Б. Война Ливонского ордена с Новгородом 1443–1448 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. 2012. Вып. 1. С. 79–83.

Рижским) в 1470-х гг.¹¹ К этому же в последние десятилетия XV в. стремились короли Венгрии, Польши и Дании.

«Крестоносный» статус внешнеполитических предприятий Немецкого ордена, таким образом, гарантировал незыблемость его привилегий, обещал солидные денежные вливания, а также позволял верховному магистру под предлогом оказания помощи Ливонии отказываться от участия в походах против турок, на чём настаивал польский король¹². В 1496 г. верховный магистр Тифен включился в «соревнование» за папскую милость и предложил Плеттенбергу направить к императору совместное посольство, чтобы просить того ходатайствовать перед папой о предоставлении Ливонскому ордену «крестоносной» буллы¹³, но тот от предложения отказался, сославшись на удалённость и нехватку времени¹⁴.

Идея крестового похода против русских тем временем была санкционирована папой. В послании к епископам Упсалы и Або от 22 июня 1496 г. он провозгласил проповедь крестового похода в воевавшей на тот момент с русскими Швеции и в Ливонии¹⁵. Готовность провести сбор пожертвований изъявили ганзейские города¹⁶. Верховный магистр ввиду предстоящего похода против турок также намеревался «обрести крест», в чём ему должны были помочь «добрые друзья» Немецкого ордена (*unsers ordens guten frunden*) в Риме, и рассчитывал на содействие ливонского магистра¹⁷, но тот, однако, вновь отказался. По его словам, он «получил совет на время, пока не пройдёт «золотой год» (*gulden jar*), оставить мысль о принятии креста, ибо добиваться его сейчас, а потом вскоре отменять означает потерять деньги, да к тому же, если русские про то узнают, они возжелают нарушить мир и напасть на страну [Ливонию]. Сейчас же у них [ливонцев] есть ещё надежда какое-то время жить в мире и без потерь»¹⁸. Впрочем, желание предотвратить войну с Московским государством не помешало Плеттенбергу одобрить миссию ландкомтура Эльзаса Вольфганга фон Клингенберга и комтура Остероде Людвиг фон Зансхейма, направленных верховным магистром к императору с ходатайством

¹¹ В августе 1473 г. магистр фон дер Борх резко отозвался о епископе Замландском Дитрихе фон Луба, который, будучи членом Немецкого ордена, добивался папской милости лишь для своего диоцеза (GStA PK. XX. HA. OVA. No. 16422). В начале 1480 г. магистр сам безуспешно пытался добиться «отпущения» в римской курии (GStA PK. XX. HA. OVA. No. 16867). См. также: *Arbusow L. Die Beziehungen des Deutschen Ordens zum Ablasshandel seit 15. Jahrhundert // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. 1910. Bd. 20. H. 3. S. 371–377.*

¹² *Thumser M. Eine neue Aufgabe im Heidenkampf? S. 159.*

¹³ *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch / Hrsg. von L. Arbusow. Abt. 2 (далее — LEKUB 2). Riga, 1900. Bd. 1. Ende Mai 1494–1500. No. 350. S. 253–254.*

¹⁴ *Ibid. No. 354. S. 257.*

¹⁵ *Ibid. No. 364. S. 262–263.*

¹⁶ В сентябре 1496 г. ганзейские города поддержали верховного магистра в намерении добиться «креста» и обещали «позволить его проповедовать, поставить ящики [для денег] и оказать помощь спасению христиан Ливонии» (*Ibid. No. 411. S. 296*).

¹⁷ *Ibid. No. 429. S. 313.* См. также: *Thumser M. Eine neue Aufgabe im Heidenkampf? S. 160–162.*

¹⁸ *LEKUB 2. Bd. 1. No. 447. S. 325.*

о помощи Немецкому ордену в обретении *cruciate*. Плеттенберг считал это хорошим заделом на будущее¹⁹.

В сентябре 1496 г. у верховного магистра появилась надежда, что дело о привилегиях при содействии влиятельных людей «продвигается в нужном направлении» (*in gutem wege sey*)²⁰, но вскоре епископ Эрмандландский вновь вынес этот вопрос на суд курии²¹. Два раунда переговоров представителей ордена с епископом (15 ноября 1496 и 11–13 января 1497 г.)²² не дали результата. 24 мая 1497 г. верховный магистр обратился к Максимилиану I с посланием, в котором живописал нависшую над Ливонией угрозу со стороны «неверных русских схизматиков» (*abgesiinderten ungloubigen Renszen*), сетовал на невозможность ввиду предстоящей турецкой кампании оказать помощь ливонским собратьям и просил освободить от недавно учреждённого налога («единого пфеннига», введенного Вормским рейхстагом 1495 г.)²³ ряд имперских баллей (округов), дабы Немецкий орден смог выполнить свой долг по защите христианства от турок и «русских схизматиков»²⁴. Ссылкой на «русскую угрозу» верховный магистр сопровождал также просьбы о денежном вспоможении, обращённые к главам отдельных баллей²⁵. В лучших традициях религиозной риторики, выполнил описание валашского похода 1497 г. секретарь верховного магистра Либориус Накер, который представил орден основным защитником христианства, сражавшимся с его врагами на многих фронтах²⁶. Та же тема неоднократно затрагивалась и в официальной корреспонденции главы Немецкого ордена²⁷.

Осенью 1497 г. штатгальтер Вильгельм фон Изенбург, который временно возглавлял Немецкий орден после смерти Иоганна фон Тифена, назначил обер-прокуратором Немецкого ордена в Риме энергичного Михаила Шульдете, «господина учёного, имеющего опыт в делах этой страны, привилегий нашего ордена и римской курии»²⁸, которому получил добиваться благоприятного разрешения проблемы привилегий и пожалования ордену крестоносной

¹⁹ Ibid. S. 325.

²⁰ Ibid. No. 419. S. 305. Весной 1495 г. епископ и некоторые лены эрмандландского капитула обратились к королю Яну Ольбрахту по поводу орденских привилегий и предложили ему удалить орден из Пруссии в Подолию (*Thumser M. Eine neue Aufgabe im Heidenkampf? S. 154–155*).

²¹ LEKUB 2. Bd. 1. No. 422. S. 307–308.

²² GStA PK. XX. HA. OVA. No. 17944, 17956.

²³ *Schmid P. Der Deutsche Orden und die Reichssteuer des Gemeinen Pfennigs von 1495: die Grundherrschaft des Deutschen Ordens im Reich an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert. Neustadt a. d. Aisch, 2000. S. 336.*

²⁴ LEKUB 2. Bd. 1. No. 535. S. 391.

²⁵ Ibid. No. 536, 539.

²⁶ Liborius Naker's Tagebuch über den Kriegszug des Hochmeisters Johann von Tiefen gegen die Türken im Jahre 1497 // *Scriptores rerum Prussicarum. Leipzig, 1874. Bd 5 S 289–314.* См. также: *Thumser M. Eine neue Aufgabe im Heidenkampf? S. 162–164.*

²⁷ LEKUB 2. Bd. 1. No. 27, 42, 50, 56, 61, 289, 422, 478.

²⁸ Ibid. No. 606. S 440.

«индульгенции»²⁹. Одновременно Изенбург предполагал, используя посредничество епископов Кёльна и Трира, обратиться к императору и рейхстагу, чтобы тот «подвигнул [церковных иерархов] в римской курии к столь христианскому делу»³⁰.

Активность орденского руководства в борьбе за «индульгенцию» в 1497–1498 гг. сопровождалась заметной радикализацией его отношения к Московскому государству, что проявилось в инициативе штатгальтера по созданию антимосковской коалиции в составе Дании, Швеции и Ливонии. Исходные посылки «плана Изенбурга» 1497 г. созвучны содержанию папского послания шведским прелатам от 1496 г., призывавшего католиков объединить усилия в борьбе с «русской угрозой»³¹. В письмах штатгальтера подчёркивается оборонительный характер задуманного альянса³², однако в этом возникает сомнение, когда речь заходит о предполагаемом вторжении в Россию и принудительном обращении русских в католичество³³. В отечественной историографии указанный пассаж обычно использовался как доказательство агрессивных планов ордена³⁴, хотя созвучность его вышеназванному папскому посланию позволяет усматривать здесь риторический элемент, сообщавший проекту сходство со «священной войной». Подобная кодировка имела глубокий смысл в момент, когда в папской курии решался вопрос о привилегиях Немецкого ордена, а его руководство тщилось обосновать свое право на них, доказывая свою верность крестоносной традиции.

Претворить «план Изенбурга» в жизнь в 1497 г. помешала позиция датского короля Ханса, который после победы над регентом Швеции Стеном Стуре Старшим и обретения шведской короны утратил интерес к проекту. В конце 1497 г. в состав «тройственного союза» был включен польский король Ян Ольбрахт, брату которого, Сигизмунду, обещали шведскую корону. «Следуя по этому пути, — говорилось в послании штатгальтера к Стену Стуре, — королевства Польское и Шведское, земли Пруссии, Ливония со всеми ганзейскими городами достигнут союза и взаимопонимания и будут достаточно сильны, чтобы оказать сопротивление

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. No. 624. S. 455.

³¹ Ibid. No. 364. S. 262–263.

³² В письме от 7 ноября 1497 г. штатгальтер просил императора содействовать примирению Дании и Швеции, чтобы «в неверных русских, врагах нашей святой веры, не рождалась и не пробуждалась гордыня и жажда христианской крови и в дальнейшем не свершалось разорительных набегов на христианские и немецкие земли» (Ibid. No. 611. S. 444).

³³ «Много лучше и более необходимо оказать русским вооруженное сопротивление, вторгнуться в их страну и принудить их принять христианскую веру, как была принуждена Пруссия нашим орденом с помощью христианских князей, государей и властей Любека». Из письма штатгальтера Изенбурга от 16 января 1498 г.: Ibid. No. 637. S. 469–470.

³⁴ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 213–214.

неверным русским, татарам и туркам, а также прочим их врагам»³⁵. При сложившихся обстоятельствах манифестация идеалов борьбы с «врагами веры» обретала для Немецкого ордена особый смысл. Для обоснования прав на «крестоносные» привилегии было недостаточно одних риторических приемов с использованием ссылок на заслуги ордена в деле христианизации Пруссии и Ливонии, пророчества св. Биргитты и св. Сибиллы и прочие духовные мотивации. Поражение 1497 г. в Валахии существенно девальвировало заслуги ордена в борьбе с турками, и потому противостояние «русским схизматикам» в Ливонии оставалось его единственным серьёзным козырем в борьбе за папскую милость. Нельзя также исключать, что замысел штатгальтера был связан с передачей магистерских полномочий Фридриху Саксонскому, представителю одной из самых влиятельных княжеских фамилий: ввиду родства Фридриха с датским королём³⁶ и наличия у него влиятельных сородичей³⁷ «план Изенбурга» имел шансы на осуществление.

Плеттенберг в целом поддержал идею альянса³⁸, хотя претендовавший на Северную Эстонию король Дании Ханс представлялся ему опасным в роли союзника Ливонии³⁹. Перемена в настроениях магистра, доселе старавшегося сохранять мир с московским государем, была обусловлена очевидной бесперспективностью продолжения переговоров с Иваном III. Необязательность великого князя в соблюдении договорённостей, парадоксальность выдвигаемых им условий, его нежелание или неспособность искать компромиссные решения, склонность к давлению — всё это в конечном итоге вызвало у магистра реакцию отторжения⁴⁰. Провал российско-ливонских переговоров 1498 г. в Нарве и увеличение числа пограничных инцидентов вынудили его искать иной вариант

³⁵ Из обращения посла верховного магистра к Плеттенбергу. Конец 1497 г. (LEKUB 2. Bd. 1. No. 629. S. 458–460).

³⁶ Датская королева Кристина принадлежала к династии Веттинеров и приходилась Фридриху Саксонскому кузиной.

³⁷ См.: *Sach M.* Hochmeister und Großfürst: Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart, 2002. S. 51–52.

³⁸ Об одобрении Плеттенбергом инициативы штатгальтера тот сообщал имперскому магистру в письме от 4 (или 9) ноября 1497 г. (LEKUB 2. Bd. 1. No. 610. S. 443). В обращении капеллана штатгальтера, направленного послом к Стену Стуре в конце 1497 г., говорится, что он представляет не только главу Немецкого ордена в Пруссии, но и ливонского магистра — «моих милостивых государей из Пруссии и Ливонии» (Ibid. No. 629. S. 458).

³⁹ Ещё накануне воцарения Ханса в Швеции штатгальтер предупреждал Плеттенберга, что, если король «завоюет и заполучит королевство шведское с помощью насилия, он, возможно, образует для ливонских земель плохое соседство и станет претендовать на Гарриен и Вирланд, что для вас и нашего ордена окажется слишком тяжким» (Ibid. No. 606. S. 439). См. также: Ibid. No. 610. S. 443; No. 644. S. 478.

⁴⁰ В июне 1499 г. Плеттенберг выразил эту мысль в письме к Фридриху Саксонскому: «И поскольку мы из года в год должны жить [рядом] с подлым (*snoden*) народом в такой боязни и преследовании, что не знаем, чего можно от него ожидать, и даже полагаем его неспособным к [соблюдению] прочного мира, и должны в соответствии с обстоятельствами одержать немало побед (*vorlaen*), чтобы, не принимая в расчет их подлое, коварное предательство, пребывать в полной уверенности, что имеем страну умеющую за себя постоять (*wachbafflich*)» (Ibid. No. 823. S. 622).

решения проблемы. Перспектива заключения Ливонией военно-политического союза с некоторыми европейскими государями и поддержка со стороны Немецкого ордена могли положительно сказаться на результативности её противостояния Московскому государству, в том числе и военного. Указанные обстоятельства позволили ливонскому магистру в начале 1498 г. проявить бóльшую жёсткость в диалоге с великим князем, благо как раз этого требовала кампания по соисканию Ливонским орденом «крестоносной милости».

Осенью 1498 г. Плеттенберг направил в Рим ревельского епископа Николая Роддендорпа, которому поручил совместно с прокуратором ордена Михаилом Шульдете добиваться папской милости и связанных с ней субсидий⁴¹. В конце года, однако, прокуратор сообщил, что, несмотря на помощь влиятельных лиц и внимание папы к положению дел в Ливонии, их усилия оказались безрезультатными. Папа ограничился обращением к государям Дании и Литвы, которых призвал отказаться от своих договоренностей с русскими и оказать помощь Ливонии⁴². Позже верховный магистр посоветовал Плеттенбергу направить копии папских посланий в Москву, но тот счёл это нецелесообразным⁴³.

Спор о привилегиях ордена также вступал в завершающую стадию. В письме от 28 декабря 1498 г. тот же Шульдете сообщает: «Надеюсь, что дело завершится до Сочельника, но при этом я должен выплатить очень много денег, а у меня нет ни гроша». Вызывает интерес упоминание о некоем португальце, «злодее» (*bosze bufę*), который выдавал себя за приближённого великого князя Литовского и имел верительные грамоты к папе. Располагая поддержкой епископа Жемайтийского и герцога Померанского, этот человек интриговал против Немецкого ордена и Ливонии, а когда Шульдете попытался ему помешать, пообещал сломать тому шею⁴⁴. И ещё один фрагмент из указанного письма: «Я узнал от поляков, находящихся сейчас в Риме, что король Польши и король Венгрии направляют к папе свое посольство в составе 60 всадников. Меня беспокоит, что они также станут домогаться *cruciate*. Не думаю, что они добьются успеха, хотя на все воля Божья. Если же они преуспеют, чему я намерен препятствовать, они не должны использовать это в ущерб Ливонии и стране нашего ордена в Пруссии»⁴⁵.

Нехватка денег помешала Шульдете добиться цели⁴⁶, что заставило верховного магистра отказаться от расчётов на папскую милость и активизировать свои

⁴¹ Ibid. No. 752. S. 562.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid. No. 848. S. 646.

⁴⁴ Ibid. No. 753. S. 563.

⁴⁵ Ibid. S. 564.

⁴⁶ «Дело стоит больших денег... Где есть нужда в деньгах, там делу не поможет никакое усердие» (Ibid. No. 822. S. 621).

контакты с империей⁴⁷. Людвиг фон Зайнсхейм, которого Фридрих Саксонский в 1500 г. направил к императору для переговоров о передаче верховному магистру регалий имперского князя, высказался по этому поводу вполне определённо: «Вследствие предоставления себя империи и восприятия [верховным магистром княжеских] регалий орден не будет иметь проблем из-за своих привилегий»⁴⁸. В феврале 1499 г. верховный магистр просил Максимилиана I выступить в роли третейского судьи в деле об орденских привилегиях, предоставив ему документальные подтверждения прав ордена⁴⁹. Плеттенберг же, хоть и обращался к императору за помощью⁵⁰, не спешил признавать зависимость Ливонского ордена от империи, поскольку не хотел возлагать на него бремя имперских налогов⁵¹, в частности, выплату «единого пфеннига»⁵². Ливонского магистра настораживали также приверженность императора идее союза с Россией⁵³ и малая результативность обсуждений «ливонского вопроса» на рейхстагах⁵⁴. Плеттенберг тактично отклонил приглашение императора принять участие в Аугсбургском рейхстаге 1500 г. и признать себя ленником империи в качестве её князя⁵⁵.

Изменение вектора прусской политики в немалой степени предопределялось ухудшением отношений Орденской Пруссии и Польши, а также заинтересованностью Фридриха Саксонского в сближении с великим князем

⁴⁷ В письме от 31 декабря 1498 г. ливонский магистр советовал Фридриху Саксонскому в ожидании известий из Дании, которые должно было доставить посольство герцога Саксонского, направить своих представителей на Аугсбургский рейхстаг. Император в этом послании назван «нашим всемилостивейшим господином» (*unnszen allergnedichsten bernn*) (Ibid. No. 753. S. 564–565).

⁴⁸ Ibid. No. 1046. S. 787.

⁴⁹ Ibid. No. 775. S. 579.

⁵⁰ Ibid. No. 407. S. 291–293; No. 411–412. S. 295–298; No. 419. S. 305; No. 429. S. 312–313; No. 443. S. 321–322; No. 448. S. 326; No. 577. S. 418–416; No. 599. S. 432–433; No. 605. S. 437–438; No. 611. S. 443–444; GStA PK. XX. HA. OBA. No. 17906, 17909, 17914, 179326 17958.

⁵¹ *Wimmer E.* Livland — ein Problem der habsburgisch-russischen Beziehungen in der Zeit Maximilians I.? // Deutschland, Livland, Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert: Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg / Hrsg. von N. Angermann. Lüneburg, 1988. S. 76–77. Поведение Плеттенберга дало основание М. Хельману отрицать принадлежность Ливонии к империи (*Hellmann M.* Wolter von Plettenberg: Bedingungen und Beweggründe seines Handels // Wolter von Plettenberg, der größte Ordensmeister Livlands / Hrsg. von N. Angermann. Lüneburg, 1985. S. 48), хотя его точка зрения не бесспорна (*Wimmer E.* Livland — ein Problem der habsburgisch-russischen Beziehungen in der Zeit Maximilians I.? S. 104–106).

⁵² *Schmid P.* Der Deutsche Orden und die Reichssteuer des Gemeinen Pfennigs von 1495. S. XXXIX.

⁵³ Livland — ein Problem der habsburgisch-russischen Beziehungen in der Zeit Maximilians I.? S. 70.

⁵⁴ В 1495 г. Плеттенберг на Вормском рейхстаге обращался за помощью к имперским «сословиям» (Deutsche Reichstagsakten. Mittelreihe. Bd. 5. No. 1199–1200. S. 938–940; LEKUB 2. Bd. 1. No. 247–250. S. 184–189). Затем этот вопрос поднимался на также состоявшемся в Вормсе рейхстаге 1497 г., но был перенесен на следующее собрание (Deutsche Reichstagsakten. Mittelreihe. Bd. 6. No. 51. S. 345). Однако Фрайбургский рейхстаг 1498 г. даже не включил его в повестку дня (Ibid. No. 582. S. 422–423).

⁵⁵ Ibid. No. 1034. S. 779–780; № 1046. S. 787–788. См. также: *Wimmer E.* Livland — ein Problem der habsburgisch-russischen Beziehungen in der Zeit Maximilians I.? S. 74–76.

Московским⁵⁶. Обращает на себя внимание постепенное исчезновение ссылок на «русскую угрозу» в орденских посланиях начала XVI в.⁵⁷, вследствие чего Ливонский орден в качестве борца против «русских схизматиков» для главы Немецкого ордена перестал представлять интерес. Равнодушие к его судьбе сквозит в обращённых к верховному магистру строках письма имперского магистра Андреаса фон Грумбаха, где говорится, что тяжёлое положение Ливонии не угрожает Немецкому ордену как таковому (*zu unsers ordenns noitdorft dorinne nichts gespart oder verhalten*)⁵⁸.

В заключение следует отметить, что обращение руководства Немецкого ордена к идее противостояния «русским схизматикам» в конце 1490-х гг. представляет сложный для однозначного понимания феномен. В нём отражены уровень ментальности и ценностные установки общественного сознания той эпохи, религиозно-исторические представления и экклезиологические посылок, интенсивная саморефлексия орденского сообщества как следствие изживания им своей изначальной, духовно-военной, природы, а также естественное переживание страха, вызванное внезапным появлением на границах Ливонии ранее почти неизвестных Западу «москвитов». Вместе с тем парадигма векового противостояния Ливонского ордена «русским схизматикам» была задействована руководством Немецкого ордена для достижения сугубо прагматических целей — в качестве аргумента в защиту орденских привилегий и для получения денежных субсидий в виде «крестоносной милости», что вызвало интерес и в Ливонии. Стараясь доказать состоятельность ордена в роли «крестоносца», верховные магистры фон Тифен и Фридрих Саксонский вместе с ливонским магистром Плеттенбергом разработали план создания антимосковского альянса («плана Изенбурга»), однако когда надежда на папскую милость не оправдалась, Фридрих Саксонский утратил к проекту интерес. Плеттенберг не мог столь легко отступить, поскольку для подготовки Ливонии к войне — которую он в свете постоянных вооружённых нападений и безуспешных переговоров с Иваном III считал неизбежной — крайне нуждался в финансовом и военном содействии европейских государей. Он продолжал добиваться «крестоносной милости» в одиночку, но достиг успеха лишь по окончании российско-ливонской войны 1501–1503 гг.

⁵⁶ Балязин В. Н. Россия и Тевтонский орден (первая четверть XVI в.) // Вопросы истории. 1963. № 6. С. 60–72; Sach M. Hochmeister und Großfürst. S. 118–131.

⁵⁷ Анонимное поэтическое сочинения рубежа XV–XVI вв. из орденского архива не упоминает «русских схизматиков» в кругу многочисленных врагов Немецкого ордена (Thumser M. Eine neue Aufgabe im Heidenkampf? S. 175–176).

⁵⁸ LEKUB 2. Bd. 1. No. 757. S. 567.

Список литературы

Балязин, В. Н. Россия и Тевтонский орден (первая четверть XVI в.) / В. Н. Балязин // Вопросы истории. — 1963. — № 6. — С. 60–72.

Бессуднова, М. Б. Верховный магистр Иоганн фон Тифен — «последний братрыцарь» во главе Немецкого ордена / М. Б. Бессуднова // Человек XV в.: Грани идентичности / под ред. А. А. Сванидзе и В. А. Ведюпкина. — Москва : ИВИ РАН, 2007. — С. 26–42.

Бессуднова, М. Б. Война Ливонского ордена с Новгородом 1443–1448 гг. / М. Б. Бессуднова // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. — 2012. — Вып. 1. — С. 79–83.

Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения : конец XIV — начало XVI в. / Н. А. Казакова. — Ленинград : Наука, 1975. — 350 с.

Arbusow L. Die Beziehungen des Deutschen Ordens zum Ablasshandel seit 15. Jahrhundert / L. Arbusow // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. — Riga : Nicolai Kymmell, 1910. — Bd. 20, h. 3. — S. 367–529.

Biskup, M. Plany reform zakonu krzyżakigo w Prusach z 1492 roku / M. Biskup // Prusy–Polska–Europa: Studia z dziejów średniowiecza i czasów wczesnonowożytnych / red. J. Tandecki, A. Radziwiński. — Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. — S. 277–285.

Ehlers, A. Die Ablasspraxis des Deutschen Ordens im Mittelalter / A. Ehlers. — Marburg : N. G. Elwert, 2007. — 659 s. — (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens 64).

Górski, K. Lukas von Watzenrode : życie i działalność 1447–1512 / K. Górski. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1973. — 159 s. — (Studia Copernicana X). — URL: <http://www.kpbc.ukw.edu.pl/dlibra/plain-content?id=40244>. — (15.12.2018).

Hellmann, M. Wolter von Plettenberg. Bedingungen und Beweggründe seines Handels / M. Hellmann // Wolter von Plettenberg, der größte Ordensmeister Livlands / hrsg. von N. Angermann. — Lüneburg : Nordostdeutsches Kulturwerk, 1985. — S. 47–70. — (Schriftenreihe Nordost-Archiv 21).

Maasing, M. 17 Infidel Turks and Schismatic Russians in Late Medieval Livonia / M. Maasing // Fear and Loathing in the North : Jews and Muslims in Medieval Scandinavia and the Baltic Region / ed. by C. Heß and J. Adams. — Berlin : De Gruyter, 2015. — P. 347–388. — URL: <https://www.degruyter.com/downloadpdf/books/9783110346473/9783110346473-021/9783110346473-021.pdf>. — (15.12.2018).

Sach, M. Hochmeister und Großfürst : die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit / M. Sach. —

Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2002. — 488 s. — (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa 62).

Sarnowsky, J. Die ständische Kritik am Deutschen Orden in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts / J. Samowsky // Das Preußenland als Forschungsaufgabe. Eine europäische Region in ihren geschichtlichen Bezügen. Festschrift für Udo Arnold zum 60. Geburtstag, gewidmet von den Mitgliedern der Historischen Kommission für Ost- und Westpreußische Landesforschung / hrsg. von B. Jähnig. — Lüneburg : Nordostdeutsches Kulturwerk, 2000. — S.403–422. — (Einzelschriften der Historischen Kommission für Ost- und Westpreußische Landesforschung 20).

Schmid, P. Der Deutsche Orden und die Reichssteuer des Gemeinen Pfennigs von 1495 : die Grundherrschaft des Deutschen Ordens im Reich an der Wende vom 15. zum 16. Jahrhundert / P. Schmid. — Neustadt a. d. Aisch : Degener, 2000. — 276 s. — (Einzelarbeiten aus der Kirchengeschichte Bayerns 76).

Selart, A. Political Rhetoric and the Edges of Christianity: Livonia and Its Evil Elements in the Fifteenth Century / A. Selart // *The Edge of the Medieval World* / ed. by G. Jaritz and J. Kreem. — Budapest : Central European University — Department of Medieval Studies ; Central European University Press ; Centre for Medieval Studies — Tallinn University, 2009. — P. 55–69. — (CEU Medievalia 11).

Thumser, M. Eine neue Aufgabe im Heidenkampf? Pläne mit dem Deutschen Orden als Vorposten gegen die Türken / M. Thumser // *Europa und die Türken in der Renaissance* / hrsg. von B. Guthmüller, W. Kühlmann. — Tübingen : Niemeyer, 2000. — S. 139–178. — (Frühe Neuzeit 54).

Thumser, M. Antirussische Propaganda in der ‘Schönen Historie von wunderbaren Geschäften der Herren zu Livland mit den Russen und Tataren’ / M. Thumser // *Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Livland* / hrsg. von M. Thumser. — Berlin : LIT, 2011. — S. 133–153.

Wimmer, E. Livland — ein Problem der habsburgisch-russischen Beziehungen in der Zeit Maximilians I.? // *Deutschland, Livland, Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert : Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg* / hrsg. von N. Angermann. — Lüneburg : Nordostdt. Kulturwerk, 1988. — S. 53–110.

ЖУКОВ Алексей Юрьевич / ZHUKOV Alexei

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

zhukov@karelia.ru

КРЕСТЬЯНСКИЙ УКЛАД И ВОЕННАЯ СЛУЖБА В ЖИЗНИ ГОРОЖАН: ГОРОД ОЛОНЕЦ В СЕРЕДИНЕ XVII–XVIII ВВ.*

TOWNSPEOPLE'S PEASANT WAY OF LIFE AND MILITARY SERVICE:
THE TOWN OF OLONETS IN THE MIDDLE OF THE 17TH AND THE EARLY
18TH CENTURIES

Abstract: The group gradation in Russia had not ever reached the top point even by the end of the 18th century, particularly in provincial towns. Thus, between the middle of the 17th and the early 18th centuries the urban population of the Karelian town of Olonets were semi-peasants and semi-merchants while the streltsy were semi-soldiers and semi-craftsmen at the same time, as well as semi-policemen (within the framework of local self-government). The reason for their “intermediate status” of that kind lies in the services imposed on the non-privileged strata of taxpayers.

Ключевые слова / Keywords: Сословия, городское население, крестьянство, купечество, ремесленники, стрельцы, солдаты, крепость, провинциальный город, уезд, самоуправление / Estates, urban population, peasantry, merchantry, craftsmen, streltsy, soldiers, fortress, provincial town, uезд, self-government

Город Олонец как центр воеводского управления Олонецким уездом был основан в 1649 г. поблизости от древнего сельского центра Олонецкого погоста. Новые горожане, которые в основном были представлены посадскими людьми и стрельцами, имели местное крестьянское происхождение. В XVIII в. их потомки вошли в различные группы сословной структуры Российской империи.

Сословия хорошо известны истории Западной Европы. Там сословия формировались как определённые большие группы (слои) населения, с узаконенным родом занятий и соответствовавшими им более или менее чётко оформленными правами и обязанностями как внутри группы, так и по отношению к другим группам и государству в целом. В России же складывание сословного устройства общества оказалось более длительным. С определённой последовательностью и осмысленностью сословное устройство стало оформляться лишь в царствование

* Работа выполнена на средства бюджетного финансирования плановой научной темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)» (Срок выполнения: 2018–2020 гг.). Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9. The work was done with the means of budget financing of the planned scientific theme “Karelia in conditions of peace and war (from the Middle Ages to the present day)” (Deadline: 2018–2020). State registration number: АААА-А18-118030190093-9.

Петра I Алексеевича. В качестве примера приведём его знаменитые указы о единонаследии (1714 г.) и «Табель о рангах» (1722 г.)¹. Ключевой момент сословной реформы Петра I — зависимость служилых слоёв от государства, подчинение его интересам по службе.

Сошлёмся и на историографию сословной проблематики. Так, А. Б. Каменский утверждает, что до царствования Петра III «социальная структура Российской империи была такова, что все слои общества, его сословия и сословные группы, все население огромной страны было лично зависимым и обязано той или иной службой либо другому сословию, либо непосредственно государству». Он же полагает, что до конца XVII — первой четверти XVIII в. «дворянства как единого сословия не существовало, а “правлящий” класс состоял из ряда сословных групп, сильно различавшихся между собой и по имущественному, и по правовому положению»².

В развернувшейся затем дискуссии о характере сословно-классового строя России, как допетровского времени, так и XVIII–XIX вв., были определены перспективные направления дальнейших исследований: институты сословной организации и характер юридического оформления сословных структур; сословное представительство и эволюция системы государственных органов России; эпохи реформ, перемены в сословной стратификации общества и сословная политика правительства; сословный менталитет и особенности «политического поведения»³.

К настоящему времени в историографии доминирует мнение о ведущей роли государства в развитии сословий, наиболее конституированным из которых в XVIII в. стало дворянство, превратившееся из социальной группы служилых людей в правящий класс, костяк бюрократического аппарата и армии⁴. Результаты состоявшейся дискуссии обобщены в историографической статье Е. Н. Марасиновой 2007 г. Она повторила их в очерках (монографии) о взаимоотношении власти и личности (общества) в XVIII в.⁵

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830 (далее — ПСЗ). Т. V. 1713–1719. С. 91–94; Т. VI. 1720–1722. С. 486–493.

² Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 62–63.

³ Доклады конференции опубликованы: Сословия и государственная власть в России, XV — середина XIX вв.: Чтения памяти Л. В. Черепнина. М., 1994. Ч. I–II.

⁴ Милов А. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 562.

⁵ Марасинова Е. Н. Абсолютизм и дворянское сословие (некоторые проблемы историографии первой четверти XVIII века) // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 года: Памяти профессора А. А. Преображенского: Сборник статей. М., 2007. С. 277–302. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=9&id=422> (29.12.2018); Её же. Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/213372767> (29.12.2018).

Вслед за автором указанных работ нас более всего не устраивает тезис научного дискурса о всеобщем закреплении сословий в XVI–XVII вв. и их постепенном освобождении на протяжении XVIII–XIX столетий. Наиболее чётко он прописан у Б. Н. Миронова, утверждающего, что к началу XVIII в. «все население России было закрепощено, причём в большинстве случаев на двух или трех уровнях: духовенство — государством и епископами, посадские — государством и посадской общиной, государственные крестьяне — казной и сельской общиной, помещичьи крестьяне — казной, сельской общиной и помещиком, дворянство — государством»⁶.

Прежде чем некий «субъект» (актор) мог произвести решительное действие (например, «закрепление») над «объектом», и первый, и второй должны находиться в статичном состоянии, а их взаимоотношения обязаны быть жёстко фиксированными и неизменными. В противном случае становится весьма надёжной «сцепка» между актором и объектом воздействия, и результаты такого «решительного действия» страдают размытостью, половинчатостью, незавершенностью. Но известно, что избранное нами для исследования время как раз и характеризовалось отсутствием указанной статичности. Прежде всего, само государство (актор) находилось в переходном состоянии от порядков сословно-представительской монархии к состоянию абсолютной монархии. Переходность воплощалась в бурных социально-политических коллизиях, которыми изобиловали как начало Петровского царствования (начиная со стрельцкого бунта и регентства Софьи Алексеевны), так и «эпоха дворцовых переворотов» XVIII в.

Однако в то время и общество, и его отдельные группы не представляли собой статично застывшие формы. В данной статье эта ситуация анализируется на примере посадских и стрельцов города Олонца и крестьян Олонецкого уезда.

В целом, размытость сословного статуса широкого круга сословных групп, его нечёткое оформление, законодательно вынуждают нас употреблять термины *сословие* и *сословная группа* в определённой степени условно, а именно в той мере, в какой реальный статус и функции различных групп общества соответствовали их законодательно оформленному сословному статусу. При этом особенно осторожно определение *сословие* следует употреблять по отношению к допетровскому времени. Известно, что сословная структура Российской империи брала начало в социально-классовой стратификации общества предыдущих времен Российского царства. Соборное Уложение 1649 г. в известной мере цементировало на высшем законодательном уровне социальную структуру. Однако в данном разрезе Уложение не смогло разрешить проблему чёткого разделения на страты и слои

⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 413.

с резкими границами между ними не только в плане юридического узаконения прав и обязанностей, но даже по роду занятий.

Например, проживавшие в городских стрелецких слободах военные-стрельцы занимались одновременно и торговлей, и ремеслом, что вызывало недовольство собственно городских купцов и ремесленников. Последние, впрочем, также имели зачастую нехарактерные для их «сословия» занятия как до сословной реформы Петра I начала 1720-х гг., так и после законодательных унификаций укладов жизни различных классов и слоёв общества. Поэтому представляется важным отследить те противоречия, которые характеризовали уклады жизни и профессиональной деятельности тех же самых горожан-посадских, как до царствования Петра Алексеевича, так и многим позднее, когда посадские превратились в сословные слои *купцов, мещан* («городских обывателей») и других.

Горожанину надлежит проживать в городе. Но, как и в случае дискуссии о сословном устройстве России, отечественная историография как бы «теряется» и в определениях «российский город» и «статус горожанина» того времени. В самом деле, легче всего с таким определением дело обстоит в отношении западноевропейской, в том числе скандинавской ситуации. Город — это самоуправляющееся сообщество, обладающее особыми правами и привилегиями, коих лишены сельские жители. Город — это обособленная административно, юридически и церковно территория. Из данного статуса, кстати, и следовало юридическое оформление сословия горожан в Новое время. В России ситуация была иной. Отмечалось, что посадские, кроме торговли и ремесла, занимались сельским хозяйством, и лишь наличие крепости делало поселение городом⁷.

Ни в коей мере не претендуя на решение означенной проблемы статуса российского города, всё же позволим себе привести некоторые примеры из истории Карелии, иллюстрирующие сложность рассматриваемой ситуации.

Так, на севере Карелии, в неземледельческом Беломорье находился Сумский острог, который являлся и военной крепостью, и крупнейшим в Западном Беломорье торгом Соловецкого монастыря и монастырских крестьян. Кроме того, с 1580-х по 1630-е гг. в остроге размещалась резиденция государевых воевод, которым подчинялся стрелецкий гарнизон; «гражданскую» (вотчинную) администрацию представлял сумский приказной старец из числа иеромонахов Соловецкого монастыря, которому правительство подчинило именно в управление

⁷ Дискуссию об этом см.: *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 162. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?pid=465> (29.12.2018).

все западно-беломорские соловецкие вотчинные волости⁸. Заметим, что Сумский острог всё же не стал городом. Официально не возникло и Сумского уезда как единицы административно-территориального устройства государства. В то же время располагавшееся немногим севернее промысловое (а не торговое) поселение Кемь в конце XVI в. также обзавелось крепостью-острогом, а в 1784 г. Кемский городок был преобразован в город Кемь, центр нового Кемского уезда Архангельской губернии.

Тогда же правительство наделило статусом уездного города центр Пудожского погоста (района). Между тем и в Средние века, и в начале Нового времени будущий город не имел своей крепости, а представлял собой собственно Пудожский погост-место, то есть приходскую церковь с кладбищем и куст из шести деревень в её округе. Они и стали городом Пудожем, но ни городской крепости ни хотя бы укрепления вокруг жилых кварталов (как в Петрозаводске), в нём все равно не появилось, а новые горожане как занимались до этого сельским хозяйством, торговлей и промыслами, так и продолжили заниматься этой привычной для себя деятельностью. Из данных примеров, касающихся территории только нынешней Карелии, как будто бы следует, что город — это поселение, признанное в качестве такового правительством, которое отправляло туда соответствующую государственную администрацию. Очевидно, однако, что приблизиться к решению проблемы «город и горожане» можно лишь подробно изучая историю множества российских городов. Убедительные материалы для этого предоставляет история раннего Олонца.

Цель данной работы — выявление степени отмеченной «условности» социального, сословного статуса городского населения на примере жителей Олонца в середине XVII–XVIII в.

Город Олонец, то есть прежде всего Олонецкая крепость, а также и городской посад при ней, был основан в 1649 г., на стрелке в месте слияния рек Верхний Олонец и Мегрега. Олонец находился недалеко от беспокойной русско-шведской границы в Карелии, и поэтому вскоре на южном берегу Мегреги, напротив крепости, встала Стрелецкая слобода, заселённая тремя сотнями олонецких стрельцов. Первыми горожанами-посадскими становились не переселенцы из других городов страны, а местные зажиточные *крестьяне и сельские торговцы*, главным образом из ближайшего Олонецкого погоста, чьи деревни и земли превратились теперь в «олонецкие ближние волости» (по отношению к городу Олонцу).

⁸ Подробнее см.: Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII вв. Петрозаводск, 2013. С. 396–398; *Его же*. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 89–90.

Это мероприятие отражало *обычную практику записи* (во многом *добровольной*) в новые горожане окрестных сельских жителей при учреждении городов.

Данная практика применялась и в дальнейшем, во времена империи. Достаточно вспомнить, что уже в следующем XVIII столетии в той же Карелии, например, новый центр Олонецкого наместничества (губернии) Петрозаводск (получил статус города в 1777 г.) был заселён «из записавшихся в то время купцов, мещан и разных селений крестьян, простирившихся числом до 2400 душ мужского пола», как написано в «Предложениях по улучшению состояния г. Петрозаводска, выработанных городничим, городским головой и депутатами, избранными от граждан» (30 мая 1826 г.)⁹. Тогда же городское начальство и депутаты констатировали катастрофическое уменьшение за 50 лет числа городских обывателей: «а ныне... только таковых находится 1023 ревизских душ». Исправление ситуации они видели не в возвращении в город бывших горожан, а в приписке к Петрозаводску ближней «деревни Сулажгоры крестьян, простирающихся числом мужского пола около 150 душ, которые занимаются по большей части торгом и промыслом, принадлежащим купечеству и мещанству»¹⁰. Последнее свидетельствует, что не только горожане «осваивали» не относившиеся к их сословным группам профессии, но и сельские жители вполне свободно выполняли работы, закреплённые сословными законами за горожанами.

Но вернемся к Олонцу середины XVII в. Аналогично свободной записи селян в городское посадское население, набор в *городовые стрельцы* также осуществлялся путём перевода добровольно согласившихся («охочих людей» — из тех же крестьян Олонецкого уезда) на посад Олонца и формирования из них стрелецких десятков, полусотен и сотен. Для обустройства им был выделен целый район посада, в котором стрельцы поставили свои дворы; район получил название *Стрелецкая слобода*¹¹. Из добровольцев же, обосновавшихся в своих городских дворах, укомплектовывалась и небольшая группа пушкарей Олонецкой крепости. В 1659/60 г. девять пушкарей получили из олонцкого уездного бюджета по три рубля на «дворовое строение», в следующем 1660/61 г. двое пушкарей — по два рубля каждому на постановку двора¹².

⁹ Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы. Петрозаводск, 2001. Кн. 2. 1803–1903. С. 18.

¹⁰ Там же.

¹¹ См., например, сведения за 1685 г. из «Книги Олонецкого города обрубном строении»: «Да от Николских ворот до Большого мосту вниз подле Мерегу ж реку до Угловой башни, что против Стрелецкой слободы, пятьдесят сажень» (Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 137. Боярские и городские книги. Оп. 2. Д. 245. Л. 7 об.).

¹² Там же. Ф. 137. Олонец. Д. 4. Сметные и поместные списки доходов и расходов Олонца и Заонежских погостов 1653–1663 гг. Л. 345 об., 411.

Мы привыкли, что солдаты регулярной армии, если и проживают в городах, то не в своих домах, а в казармах, расположенных на специально отведённой территории городских гарнизонов. Ситуация со стрельцами входит в явный диссонанс с этими устоявшимися представлениями. Дело в том, что к концу царствования Петра I, и даже к середине XVIII в., дети и внуки олонецких стрельцов уже были записаны *солдатами* олонецкого гарнизона, хотя они продолжали проживать в своих дворах в собственной слободе, которую просто переименовали из Стрелецкой в *Солдатскую*. Олонецких гарнизонных солдат и их семьи окормляла собственная приходская церковь во имя архангела Михаила, «архистратига Воинства Небеснаго», которая была поставлена в слободе ещё их дедами и отцами-стрельцами¹³. Поэтому олонецкие стрельцы (и солдаты) представляли собой довольно сплочённую группу, отграниченную от других и профессионально, и церковно — в виде собственного отдельного прихода с «воинским посвящением» церковного престола.

Данное положение дел не являлось чем-то исключительным ни тогда, ни позднее. Так, в том же Петрозаводске целый городской район носит историческое название Солдатская слобода — по улице Красной, переходившей в ул. им. Крупской (ранее — ул. Солдатскую); ещё в XIX в. в слободе в своих домах проживали солдаты Петрозаводского гарнизона.

Если же мы обратимся по времени «вглубь», то обнаружим, что сама солдатская служба была не нова для жителей Олонецкого уезда. Как раз с 1648 по 1666 г. в солдаты и драгуны «полков нового строя» были записаны почти все крестьяне Олонецкого уезда, то есть населения сельских территорий Заонежских погостов и Лопских погостов, но не новые горожане Олонца, которые пользовались привилегией «не тянуть солдатскую лямку». При этом новые горожане продолжали владеть и своими старинными деревенскими участками, а зачастую и жить в родной деревне; более того, олончане принялись скупать деревенские участки разорявшихся на службе солдат-крестьян (подробнее см. ниже).

Но чем данная ситуация отличалась принципиально от положения дел, зафиксированных более чем через столетие в указе императрицы Екатерины II из Сената от 3 марта 1782 г.? Указ так описал жизнь олончан в Олонецком уезде: «В самом городе Олонце живут крестьяне, а по уезду рассеяны купцы и мещане (*Олонца. — А. Ж.*), кои там имеют свои дóмы, земли и сенные покосы, отчего и происходит то неустройство, что оные никакой тяготы не несут, а живут

¹³ Там же. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 2374. «Книга Олонецкого уезду церковникомъ, и другихъ чинов разночинцомъ, которые во 231 году не положены», 1722–1723 гг. Л. 3–7 об.; Д. 2384. «Книга переписная Новгородской губернии по городу Олонцу и его уезду имеющимся при соборной, приходских и ружных церквах, также и при монастырех действительным священно – и церковнослужителям и их детям, учиненная в 1749 году». Л. 1–12 об.

как помещики»¹⁴. Прочитанное описание можно было бы посчитать гротескным, связанным с негодованием столичной бюрократии по поводу невозможности привлечь горожан к приписным работам на петрозаводском Александровском пушечном заводе, если бы не обычность самой этой ситуации, которая, воспроизводилась на протяжении более чем столетия¹⁵.

Из приведённых примеров можно констатировать, что сословный статус как горожан, так и селян не по закону, а *на практике* не отличался слишком строгим разграничением их профессиональной деятельности, как того требовали новые сословные порядки абсолютной монархии.

Отметим, что уже по царскому указу 1649 г. в посадские записывались зажиточные селяне Заонежских погостов — «люди нескудные» и особенно промышлявшие торговлей, но которые за возрастом не могли быть записаны в солдаты («отписка» олонецких воевод Федора Волконского и Степана Елагина 1649 г., не позднее 27 октября)¹⁶. Уже из этого воеводского отчёта очевидно, что критерии отбора в посадские не сводились только к богатству и торговле, поскольку главным правилом отбора выступила негодность к военной службе в «полках нового строя». Действительно, именно с 1648 г. крестьяне будущего Олонецкого уезда были переведены на положение солдат, которых обучали военному делу нанятые за границей офицеры. Получается, что именно данный критерий — *по обязанностям*, а не по привилегиям и даже не по роду занятий — и лёг в основу формирования олонецких посадских: крестьяне — солдаты и рейтары, посадские же — нонкомбатанты.

Правда, И. А. Чернякова, ссылаясь на несколько челобитных о нежелании некоторых из выбранных переселяться в Олонец, делает неожиданный вывод, что в посадские записывали с явными злоупотреблениями, «кого придется, по принципу “лишь бы не меня”»¹⁷. Но во-первых, наличие нескольких челобитных ещё не означает, что подавляющее большинство новых посадских не соответствовало критериям отбора, а согласившиеся с переселением челобитных не слали. Во-вторых, имеется убедительное опровержение подозрений об имущественной несостоятельности первых олончан.

Сохранились бюджеты Олонца и Олонецкого уезда за первое десятилетие их существования. Из источников следует, что солдаты полностью освобождались

¹⁴ Сенатский указ «Об искоренении беспорядков и злоупотреблений, открывшихся в Олонецкой области» // ПСЗ. Т. 21. С. 422–430 (№ 15360).

¹⁵ Видимо, на такое же положение дел, как и в «олонецком указе» Сената, намекают и процитированные выше петрозаводские «Предложения по улучшению...» 1826 г. (Петрозаводск: 300 лет истории. С. 18).

¹⁶ Карелия в XVII в.: Сборник документов. Петрозаводск, 1948. С. 84.

¹⁷ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. С. 182–183.

от основных налогов — *дани* за землю и *оброчных денег* за промыслы, но их выплачивали оставшиеся вне солдатской службы уездные «охудалые крестьяне и бобыли». Размер общей суммы составлял около 20,5 рублей со всего уезда. Однако в ходе напряжённых боев с Речью Посполитой, в 1654/55 г. и сельских бедняков взяли в солдаты. Чтобы покрыть недобор налогов, олонецкий воевода окольникчий В. А. Чоглоков провёл разбор землевладения и записал под налоговое бремя деревенские земли и сельские промыслы посадских олончан; в связи с этим общая сумма собранных уездных налогов сразу увеличилась в 28 раз (!), превысив 567 рублей¹⁸. В дальнейшем указанная сумма взималась без недоимки. Укажем, что в начале 1650-х гг. в Олонце стояло всего 60 посадских дворов, а через десять лет — около 160 дворов. О бедности первых немногочисленных олонецких горожан вряд ли возможно говорить.

Приведённый пример с выплатой налогов однозначно свидетельствует также о том, что при переводе селян на жительство в город, дальновидное правительство вовсе не стремилось лишить их земельных наделов в родных деревнях или запретить заниматься промыслами, т. е., говоря современным языком, ограничить базу налогообложения только «городскими» занятиями новых горожан. Наоборот, оно сразу же воспользовалось этим *сельским резервом* городской экономики, как только в том наступила нужда.

Вскоре выяснилось, что у подобного подхода имелась и другая сторона, чреватая ростом социальной напряжённости как внутри деревни, так и по отношению «деревни» к «городу». Как раз тогда, во время войны России с Речью Посполитой, а потом и со Швецией, олончане усиленно скупали сельскохозяйственные земли вблизи города и поодаль. И масштабы этих покупок были настолько велики, что вызвали массовое недовольство и челобитную от 7 октября 1662 г. всех олонецких крестьян-солдат на царское имя против «всех посадских людей». В тексте жалобы читаем: «*живут, государь, те посацкие по волостям, от города верст по десять и по двадцать, и по стю, и по двести, а не в городе, и паишут деревенские участки, и тягла... окромя оброчных денег... не платят ничего. И нам, холопом твоим, от них, посацких... жить стало натужно*»; кроме того, некоторые олончане силой отнимали крестьянскую пашню и сенные угодья, пока солдаты несли военную службу; солдаты потребовали возратить несправедно нажитое, пригрозив массовым дезертирством, «*чтоб нам, холопом твоим, от них в конец не погибнуть и в рознь не разбрестися, и с твоей бы, великий государь, салдатской службы не отбыть*»¹⁹. Это писалось во время войны, поэтому старший воевода Новгородского полка боярин кн. Б. А. Репнин, которому подчинялись

¹⁸ РГАДА. Ф. 137. Д. 4. Л. 88–89 об. (сведения из уездного бюджета 7163 [1654/55] г.).

¹⁹ Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Новгородский стол. Стлб. 129. Л. 221.

олонецкие солдаты, срочно отправил своему сыну воеводе Великого Новгорода И. Б. Репнину приказ: «и тебе велеть на Олонец к воеводе ко князю Терентию Мышецкому, и велеть [ему] про те их салдацкие от посацких людей тяготы и обиды всяким сыском накрепко, и по сыску, чево доведетца, меж ими указ учинить, чтоб им, салдатом, будучи на государевой службе, от их, посацких людей, разорения не было»²⁰.

Разбирательство, конечно, последовало, но олончане продолжали владеть собственными деревенскими участками. Вот, например, «крепость» олочанина посацкого человека Ануфрия Петрова на своего брата, «Олонецкого города на посацкого человека деревни Рышкалицы» Аверкия Петрова: 14 сентября 1709 г. братья поделили свой общий деревенский участок пополам, «а домовую посуду медную, железную и деревянную, и хоромное строение, и платье, и серебряную кузнь, и денежные, и хлеб молоченой и немолоченой, и в полях насеяной, розделили пополам в прошлых годах», кроме того, Аверкий отдал с доплатой двенадцати рублей брату Ануфрию свою часть дворового места, двора и хором с самым городе Олонце «на Скотинной улице у креста», а вместо этого получил от Ануфрия «клеть полевою, что у него, Аверкия под окном к берегу Туксинскому», то есть в деревне Рышкалицы на берегу реки Туксы; писал туксинский церковный преображенский дьячок Тимофей Никифоров²¹. Оба брата — посацкие, но один, Ануфрий, получив имущество, предпочел жить в Олонце, а другой, Аверкий, остался в родной деревне Рышкалицы и наращивал здесь свои владения.

Кроме того, разными путями, в основном за неуплату долга, олончанам продолжали доставаться и собственно крестьянские наделы. В доказательство приведём несколько типичных примеров из истории семейства олонецких посацких людей Найковых. 2 января 1715 г. олончанин посацкий человек Юрий Найков явил для записи в «Книгу записи крепостных дел» при Петровском заводе несколько договоров об аренде («кортомных памятей») своего отца Афанасия Назарьева сына Найкова.

По первой из «кортом», 19 марта 1665 г. Афанасий взял в аренду у крестьянина Микиты Лукьянова из деревни Понкары (рядом с деревней Рыпушкалицы) Низовской трети Олонецкого погоста его участок сенокоса в Киви-пожне, «промеж трех соседей», сроком на десять лет (до 19 марта 1675 г.). Микита сразу же получал деньги за весь срок аренды, а причитавшиеся с участка государевы подати и волостные выплаты Афанасий обязался выплачивать «в его, Микитины руки»

²⁰ Там же. Л. 223–224.

²¹ Там же. Ф. 615. Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв. Оп. 1. Д. 7753. Книга збору крепостных дел надсмотрщика Ивана Пономарева старых крепостей генваря с 1 числа 1715 г. Л. 21–22.

ежегодно. Но сверх того крестьянин занял у Афанасия 40 алтын «без роста» (беспроцентно), однако с тем условием, что отдаст долг только после окончания аренды сенокоса, причём *пока долг не будет выплачен, олончанин Найков вправе пользоваться пожней как своей собственной*, а Миките Лукьянову, «и роду его, и племени без тех денег в ту поженку не вступаться»²². Надо думать, что обедневший на солдатской службе Микита так и не смог вернуть заем в 40 алтын, и именно поэтому с 1675 по 1715 гг. сенокосом по-прежнему владел сначала Афанасий Найков, а затем его сын Юрий. Последний владел пожней у деревни Понкары и в дальнейшем, поскольку «кортома» без возражений была переписана в государственную учётную «книгу крепостей».

Вторым в «книге» записан договор об аренде от 9 апреля 1665 г. Афанасия Найкова на участок в Киви-пожне с другим местным крестьянином Андреем Варфоломеевым. Её условия были теми же, что и в первом случае, кроме суммы дополнительного займа — четыре рубля²³. Третья «кортома» того же олончанина от 6 марта 1665 г. говорила об аренде участка в Киви-пожне у крестьянина Осипа Мартьянова по прозвищу Сирной Солдат на тех же условиях и с дополнительным займом четырёх рублей; она была записана в «Книгу крепостей» 14 января 1715 г.²⁴ Тогда же была записана долговая расписка Осипа Афанасию от 17 ноября 1680 г. на заём дополнительно двух рублей с полтиною, а в конце этой «заемной кабалы» как бы подведён итог по двум последним разновременным документам: «И без тех 6 с полтиною рублей ему, Осипу, в ту пожню не вступаться»²⁵. Наконец, 14 января 1715 г. в учётную книгу была переписана «кортома» Афанасия последнему соседу Микиты, Андрея и Осипа, владевшему участком в Киви-пожне, — солдату Гаврилу Фофанову от 14 марта 1665 г., с теми же условиями, но с дополнительным займом 2 рублей 23 алтын и 2 денег²⁶. Таким образом, можно сделать вывод, что крестьяне, бывшие хозяева участков большого сенокоса Киви-пожни, не смогли отдать свои долги посадскому человеку Афанасию Найкову, и с 1675 г. он, а затем его сын Юрий, стали владельцами всей Киви-пожни *de facto*, но не *de jure*, поскольку, по этим четырем кортомным памятям и одной «кабале», долги являлись бессрочными и участки должны были быть возвращены вышеперечисленным крестьянам или их наследникам при погашении займа.

Видимо, для Афанасия было выгодным вкладывать свои деньги в виде долга неплатежеспособным заёмщикам, поскольку кортомная память оборачивалась фактически залоговой записью на недвижимость (сенокосы). Поэтому в дальнейшем

²² Там же. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Л. 1 об.—3.

²⁴ Там же. Л. 3—3 об.

²⁵ Там же. Л. 3 об.—4.

²⁶ Там же. Л. 4–4 об.

олончанин постарался стать не владельцем, как в предыдущих случаях, а собственником *de jure* заложенных ему других земель. После вступления во владение Киви-пожней, 9 мая 1675 г. он заключил ещё одну «кортому» на десять лет с крестьянином деревни Слобода Семеном Федоровым сыном Тергуя на большой сенокос на Кюлянском болоте, который находился рядом с сенокосом самого Афанасия и с которого выплачивался довольно высокий годовой налог в два рубля. Дополнительно Семен занял у Афанасия десять рублей, но условия оказались уже другими: если по окончанию аренды, в 1685 г. Семен не погасит долг, то вся его пожня достается Афанасию Найкову «по вся годы впредь», т. е. переходит в его собственность. Текст аренды также был представлен новым собственником пожни на Кюлянском болоте Юрием Найковым и скопирован канцеляристом в «Книгу записей крепостных дел» 14 января 1715 г.²⁷

Кстати, из текста ещё одной «крепости» от фамилии Найковых узнаём, что большой сенокос Кюлянское болото находился практически в черте самого города Олонца: «возле Большой Пробойной улицы, с верхней стороны улицы Больших Имманитц»²⁸. Как видим, этим городским сенокосом владели не только горожане (тот же Афанасий Найков имел там свой участок), но и крестьяне близлежащих деревень, которые, следовательно, сохраняли свои наследственные участки, даже несмотря на постройку города и вхождение большого сенокоса в городскую черту.

Так, данная закладная от 1 декабря 1685 г. появилась в связи с тем, что крестьянин деревни Путилово Иван Ильин занял у посадского человека Фотия Анисимова сына Найкова шесть рублей на один год, а в заклад передал во владение последнему свой участок сенокоса в Кюлянском болоте; заклад был бессрочным. Пока долг не будет выплачен, Фотий был вправе владеть сенокосом. Но в документе прослежена судьба этой закладной до 1715 г. Она использовалась как *вексель*. Долг не был выплачен, и Ф. Найков владел сенокосом вплоть до 1 июня 1700 г., когда «отдал Фотий крепость подьячему Приказной избы Роману Иевлеву». В тексте не указана причина передачи, но очевидно, что ею Фотий за что-то расплатился с подьячим. Затем, когда подьячий умер, его вдова Дарья Степанова дочь отдала «крепость» олонцкому посадскому Антипу Архипову «за свой долг», а 22 июня 1715 г. уже Антип и представил эту закладную-вексель для копирования в «Книгу крепостей»²⁹.

При анализе подобных арендных договоров, долговых расписок и закладных записей следует помнить о запрете властей лишать солдат-крестьян

²⁷ Там же. Л. 4 об.–5.

²⁸ Там же. Л. 27.

²⁹ Там же. Л. 27–27 об.

их недвижимости в ответ на солдатское челобитье 1662 г. против «всех посацких людей». В 1666 г. солдатская служба в полках «нового строя» Олонецкого уезда была отменена, солдаты стали вновь только крестьянами, и следовательно, данный запрет терял силу. Соответственно, теперь олончане могли становиться собственниками крестьянских участков *de jure*.

Например, 10 января 1677 г. была составлена купчая крепость на покупку у «корельского выходца» Козьмы Леонтьева его земельного надела олончанами Василием Серебряниковым с братьями. «Карельскими выходцами» в России называли беженцев из Кексгольмского лена Швеции (бывшего до 1611 г. Корельским уездом России); по царскому указу они наделялись деревенскими участками в наследственное владение. Так, в 1673/74 г., по грамоте олонецкого воеводы думного дворянина Богдана Ивановича Ордина-Нащекина карельский выходец Кузьма получил такой надел в олонецкой деревне Вярцелы, который в 1677 г. и продал Василию за 15 рублей и с передачей ему подлинной приказной памяти о праве на эту землю; 6 апреля 1715 г. родич Василия (брат?) Иван Федоров Серебряников зарегистрировал купчую записью её в «Книге крепостей»³⁰.

Надо сказать, что уже тогда некоторые посацкие олончане предпочитали проживать не в самом городе, а в деревнях, поблизости от своих «участков деревенских». Например, 24 мая 1697 г. «олонецкий посацкий человек деревни С Песку» Никифор Яковлев сын Кургина занял у олончанина же троицкого соборного священника Федула Матвеева 2 рубля, заложив ему свой деревенский участок сенокоса в урочище Вербой-болото; долг он не отдал, и пожня перешла во владение попу, который 4 августа 1703 г. сам отдал закладную другому посацкому человеку Матвееву Воробьеву «за свой долг»; наконец, последний, и тоже за долг, расплатился этой закладной-векселем ещё с одним олонецким посацким человеком из деревни С Песку Ефимом Насоновым (он представил её для снятия копии в учётную книгу 27 июня 1715 г.)³¹. Таким образом, в данном источнике зафиксированы четыре олончанина — священник и три посацких, причём двое из последних проживали не на посаде в Олонце, а в одной деревне С Песку; в результате оборота земельной закладной-векселя олончанин Ефим стал владельцем сенокоса своего деревенского соседа посацкого же олончанина Никифора Кургина.

Деревенские владения помогли первым посацким пережить страшный пожар 1668 г., в котором сгорел весь Олонец вместе с крепостью. Как говорилось в царском указе 1672 г. о возобновлении крепости и города, «Олончания, посацкие люди... сошли в Заонежские погосты в села и в деревни по-прежнему, кто где жил»; царь указал всех их

³⁰ Там же. Л. 14–15.

³¹ Там же. Л. 28–28 об.

«свесть по прежнему на посад, тотчас, и велеть им жить на посаде, а в села и в деревни без отпуску им ездить не велеть»³². Как видим, жизнь на посаде — вовсе не привилегия, а обязанность в духе крепостного права: указ прикреплял посадских к городу, точно так же, как вотчинные и помещичьи крестьяне прикреплялись к земле по крепостническим нормам Соборного Уложения 1649 г. В свете изложенного вывода предлагаем вновь оценить указ 1782 г. Екатерины II и степень негодования высшей имперской бюрократии на олончан: оказывается, даже через столетие после царя Алексея Михайловича в городе придерживались *de facto* того же положения, которое стихийно сложилось в истории раннего Олонца. Процитированная выше «раздельная крепость» братьев-олончан 1709 г. отражает ход этого процесса в тяжелую Северную войну со Швецией.

Имеются материалы и за более раннее время, которые говорят о том, что даже уездные власти не рассматривали проживание олончан вне города как преступление. Во-первых, как ни парадоксально, уже крепостнический царский указ 1672 г. предусматривал вполне законную лазейку для его неисполнения, а именно клаузула «без отпуску им ездить не велеть». Следовательно, уездные власти были вправе давать такие разрешения-«отпуска».

Во-вторых, сама практика проживания посадских олончан не в городе, а в деревнях уезда (то есть не только в ближайшем Олонецком погосте, но и в других Заонежских и Лопских погостах) приводила к тому, что власти относились к такому положению дел как к данности. Более того, при оперативном управлении, например, в важнейшей сфере исполнения жителями государственных повинностей, они считали посадскими не только дворы олончан, стоявшие непосредственно в городе на посаде, но вообще все дворы посадских, в какой бы сельской местности уезда они ни находились. Причём местные власти докладывали в столичные приказы «на царское имя» об этом как о самом собой разумеющемся, даже не упоминая олонцкий указ Алексея Михайловича 1672 г.

В доказательство приведём строки из отчета воеводских властей Олонецкого уезда в Новгородский приказ на имена царей Ивана и Петра Алексеевичей об обрубном строении Олонецкой крепости (был подан 18 февраля 1685 г.). Во исполнение царского указа, в счёт военной повинности «города городить» жители уезда должны были починить «обруб» — пострадавшие в половодье укрепления перед крепостью, на рву и по рекам Верхний Олонец и Мерrega, построить новые надолбы, отремонтировать мосты перед крепостными воротами, а также сорванную ураганом кровлю на крепостных стенах. Для этого со всех податных дворов уезда собирались деньги на оплату бревен, гвоздей и работу

³² Карелия в XVII в. С. 225.

плотников — по три алтына две деньги со двора. Поэтому в документ содержит точный подсчёт всех дворов, начиная с дворов посадских олончан. Прочитываем: «С Олонца с посацких людей и з бобылей, которые живут в городе на Олонце и за городом в слободах, да на Олонце ж в стародворцовых и в повоотписанных в семи третях, и на Сямозере — с трехсот с пятидесяти з девяти дворов — 35 рублей 30 алтын. И те деньги взяты.

С посацких же людей, которые живут в Заонежских погостех на своих участках в пахотных деревнях — с Важинского, с Оштинского, с Мегорского, с Вытегорского, с Андомского, с Шун[г]ского, с Кижского, с Шуйского, с лопского Линдозерского погостов, с Кузаран[д]ской волости и с Повенецкого рядку, — со ста тридцати с пяти дворов — 13 рублей 16 алтын 4 денги. И те деньги взять»³³. Далее в отчете расписано количество крестьянских дворов по третям Олонецкого погоста и по Заонежским и Лопским погостам³⁴.

Приведённый отрывок о посадских олончанах и их «Олонце» (и городе, и сельской местности одновременно), свидетельствует о том, что уездные и столичные приказные власти не интересовало, сколько именно посадских дворов стояли непосредственно в городе, как и не занимало, какое их количество находилось по отдельности в каждой из олонецких третей (групп волостей), или в других погостах. Потому что всё это было совершенно неважно для исполнения государственной повинности. Важным было взыскать сбор сполна.

Практика государственного управления, и особенно в сферах исполнения перед государством повинностей, выплат налогов и сборов, вела к тому, что был важен сам социально-политический статус человека (посадский ли, крестьянин, и т. д.), каким бы размытым на деле он ни являлся, а не конкретные занятия поданного, тем более — место его проживания. Даже сам статус не чётко определял обязанности перед государством, которое было вправе требовать от горожан выплат сельскохозяйственных (деревенских) налогов, если посадский проживал в «пахотной деревне» или владел там участком, а от крестьян — городских сборов, например, на ремонт городских укреплений. Олончане же, как и крестьяне Олонецкого уезда, пользовались таким положением, осваивая податные «специальности» друг друга.

Безусловно, к складыванию такого положения подталкивали и обстоятельства проживания в отдалённой приграничной крепости — постоянная угроза нападения шведов через близкую государственную границу и, в связи с этим, малые размеры собственной торговли олончан в городе. В уже упоминавшемся бюджете Олонца и Олонецкого уезда 1654/55 г. зафиксирована новая статья доходов — пошлины

³³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 2. Д. 245. Л. 13 об.–14 об.

³⁴ Там же. Л. 14 об.–25 об.

с посадских торговых лавок и амбаров: 5 рублей 14 алтын 4 деньги³⁵, то есть уже в 103 раза меньше, чем взятые тогда же 567 рублей прямых налогов за посадское владение землёй и ведение промыслов на селе. Начавшаяся в 1656 г. война со Швецией вообще закрыла приграничную торговлю. Только после заключения очередного «вечного мира» с королевством в 1661 г. эта торговля возобновилась, и тогдашний уездный бюджет зафиксировал: выдано 49 проезжих грамот олонецким торговым людям на проезд в Швецию, взята пошлина 24 рубля 25 алтын³⁶. К концу XVII в. торговля олончан окрепла. Р. Б. Мюллер приводит строки из источника 1694 г.: из Олонца в Швецию ежегодно выходят «карбасов по 20 и болши, а на всяком карбасе бывает товару тысяч по 10 и болши»; обратно везли главным образом золотые монеты (для продажи их в казну) и дефицитные металлы³⁷. Она же приводит данные о внутренней торговле олончан на крупнейшей на Севере Тихвинской ярмарке: 1654 г. — 56 торговца, 1675 г. — 44, 1693 г. — 62 человека³⁸.

Заметим, однако, что под олончанами источники не обязательно имеют в виду собственно олончан-посадских: за пределами Олонецкого уезда олончанами называли вообще всех его жителей. Напомним, что в отличие от западных стран (той же Швеции, например), в России торговать имели право не только горожане, но и крестьяне, что подтверждается множеством частноправовых актов, в том числе происходящих из Олонецкого уезда. Даже международную торговлю могли вести уездные селяне-торговцы.

Доказывает такое положение вещей источник из среды олонецких купцов — и посадских, и селян, которые были пленены шведами на территории своего королевства в начале Северной войны с Россией. Оказавшись в Стокгольме, один из них, торговец из Вытегорского погоста Родион сын Попов, 4 августа 1703 г. занял у своего собрата по несчастью «олончанина посадцкого человека Сидора Федорова сына Белозерова свицких денег сто ефимков, а противу русских десять рублей, а заплатить на Руси»; «писал, будучи в полону, Оштинского погосту Нижней Водлицы Назар Васильев сын», то есть ещё один олонецкий сельский торговец; свидетелями займа выступили два плененных торговых олончанина — «города Олонца посадские люди». При этом законность такой заёмной (попутно — и правомочность занятости сельских торговцев в сфере международной торговли) вполне признавалась государством: в 1715 г. она тоже была переписана в «Книзу крепостей» Петровского завода, подобно множеству вышеприведенных земельных актов³⁹.

³⁵ Там же. Ф. 137. Олонец. Д. 4. Л. 100 об.–101.

³⁶ Там же. Л. 406.

³⁷ Мюллер Р. Б. Очерки истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 193.

³⁸ Там же. С. 165.

³⁹ РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 7753. Л. 28.

Иллюстрацией ко всему сказанному о степени развитости внутри города Олонца торговли в разные времена служит нумизматический материал, поднятый с 1000 м² археологических раскопов в Олонецкой крепости и близ неё. Из 107 найденных монет подавляющее большинство составляют монеты XVIII–XIX вв., только пять относятся к концу XVII — началу XVIII вв., и ни одной монеты с конца 1640-х по 1672 г. (до времени второй Олонецкой крепости) не обнаружено⁴⁰. Действительно, торговом внутри города времен первой Олонецкой крепости Олонец ещё не мог похвастаться.

Приграничное положение Олонца потребовало от правительства организации стрелецкого гарнизона. Р. Б. Мюллер считала, что корпус олонецких стрельцов возник в 1660 г., с присылкой в Олонец 30 иногородних стрельцов для несения караульной службы⁴¹. Однако наши источники дают более раннюю дату появления стрелецкого гарнизона, причём набранного из местных жителей. Речь идёт о бюджете Олонца и Олонецкого уезда 1656/57 г. (года начала война со Швецией и зимнего прихода большого шведского отряда под Олонец). Там зафиксирован царский указ и наказ из приказа Новгородской четверти воеводе В. А. Чоглокову: ему было велено на Олонце (читай — в уезде) прибрать из бобылей 200 человек стрельцов, положив им жалованье по пять рублей на год; там же есть запись об исполнении указа: набрано 190 стрельцов, выплачено каждому по 1 рублю 15 алтын 4 деньги⁴². Простой расчёт показывает, что это выплаты за три с половиной месяца. Поскольку год заканчивался 31 августа, то *начало стрелецкой службы на Олонце следует отнести к середине мая 1657 г.* Совершенно очевидно, что Москва озаботилась безопасностью новой крепости сразу после отражения зимнего шведского штурма Олонца и в условиях, когда уездные солдаты отправились в Швецию на войну. Бобыли — категория сельского населения, они не имели общинной пашины и занимались промыслами и наёмным трудом. В марте 1658 г. число стрельцов было доведено до указных 200 человек⁴³.

Видимо, поначалу стрельцы были размещены в домах посадских, так как лишь в 1660/61 г. из казны им было выделено 400 рублей «на дворовое строение» (по два рубля на человека), а также прибавка к жалованью за хлеб и овёс для лошадей⁴⁴. Этот год и следует считать годом рождения в Олонце Стрелецкой слободы (по южному берегу реки Мегрега). Наконец, в следующем 1661/62 г. число стрельцов по царскому указу было увеличено до 300 человек, новым также выплатили по два рубля на дворовое строение, а всего трем сотникам, шести пятидесятникам, 24 десятникам и рядовым стрельцам было выплачено за этот год

⁴⁰ Древний Олонец. Петрозаводск, 2011. С. 71.

⁴¹ Мюллер Р. Б. Очерки... С. 160.

⁴² РГАДА. Ф. 131. Олонец. Д. 4. Л. 203 об.–204.

⁴³ Там же. Л. 251–252.

⁴⁴ Там же. Л. 430–431.

почти 7970 рублей, правда, медными деньгами. Это составило 47 % от всех годовых уездных расходов, включая жалование уездным солдатам трех полков нового строя⁴⁵.

Как видим, содержание стрельцов казне обходилось недешево. У стрельцов были важные задачи: во-первых, они охраняли крепость Олонец, а во-вторых, служили пограничной и таможенной стражей на русско-шведской границе. Когда же в конце 1670-х гг. на самоуправление города Олонца правительство возложило обязанности по начислению и сбору налогов со всего уезда, то стрельцы стали исполнять и полицейские функции, охраняя олонецких налоговых сборщиков и приставов с собранными деньгами и препровождая в Олонец на суд неплательщиков налогов. Несомненно, как и везде, стрельцам не возбранялось заниматься личными промыслами и торговлей.

Известно, что Петр I упразднил стрелецкие войска. В Олонце стрельцов записали в солдаты, оставив их проживать в своей слободе, которая теперь стала называться Солдатской. Об этом свидетельствуют Переписная книга действительным и недействительным священно- и церковнослужителям 1722–1723 гг., в которой отмечен «пригород» с церковью во имя архангела Михаила, архистратига воинства Небесного, то есть стоящая вне крепости Олонца Солдатская слобода⁴⁶. Сам храм был построен стрельцами в Стрелецкой слободе в 1672 г., когда появилась и новая Олонецкая крепость⁴⁷.

Итак, на примере положения олонецких посадских и стрельцов наш анализ показал незавершённость оформления социального (сословного) статуса российского горожанина во второй половине XVII — начале XVIII вв. Данное существенное обстоятельство опровергает высказываемое в историографии отечественной истории XVII–XVIII вв. мнение о закреплении всего населения уже к началу XVIII столетия.

На деле реальный статус горожанина, посадского и стрельца, характеризует приставка *полу-*. Олончане-горожане являлись одновременно полукрестьянами и полоторговцами. Вторая половина постоянного населения города, стрельцы, были полувоенными и полуремесленниками, а потом и полуполицейскими. Главной особенностью, отличавшей положение российского горожанина, выступали не род занятий или привилегии, как на Западе, а обязанности, доходившие до полукрепостнической приписки к посаду. Уже во время основания города именно критерий *обязанностей*, а не привилегии или род занятий, лёг в основу формирования корпуса первых олонецких посадских. Но горожане, как и крестьяне, все же могли этому противостоять, пользуясь всё тем же своим полуопределённым статусом. Поэтому и в будущем сословный статус как горожан, так и селян не по закону, а *на практике*, не отличался слишком строгим разграничением их профессиональной деятельности, как того требовали новые сословные порядки абсолютной монархии.

⁴⁵ Там же. Л. 498 об.–499.

⁴⁶ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2374. Л. 3.

⁴⁷ Древний Олонец. Петрозаводск, 2011. С. 99.

У посадских важным стимулом для обеспечения себя известным достатком стала возможность приобретать крестьянские наделы во владение и даже в собственность — в прибавку к сохранявшимся за ними наследуемыми деревенскими дворами и угодьями. В результате уже в последней четверти XVII в. большинство олонецких посадских проживало не в городе Олонце, а в своих деревнях. Особенно много таких «крестьянско-посадских дворов» стояло в деревнях Олонецкого погоста.

Практика государственного оперативного управления в несении государственных повинностей и выплат налогов вела к тому, что был важен принципиально сам социально-политический статус человека (посадский, стрелец, крестьянин), каким бы размытым на деле он ни являлся, а не конкретные занятия поданного, и тем более, не место его проживания, как в сословной стратификации общества западного типа. Но даже этот социальный статус не чётко определял обязанности российского поданного перед государством. Государственные власти были вправе требовать от горожан выплат сельскохозяйственных (деревенских) налогов, если посадский проживал в деревне или владел там участком, а от крестьян — городских сборов, например, на ремонт городских крепостных укреплений. Поэтому олончане, как и крестьяне Олонецкого уезда, пользовались таким положением, осваивая податные «специальности» друг друга. Тем самым они увеличивали круг экономических возможностей каждого из хозяйств в довольно скудных условиях приграничной северной окраины государства.

Но и государство также пользовалось этим обстоятельством для наращивания своей налогооблагаемой базы в северном уезде. Полукрестьянский уклад многих посадских олончан увеличивал сумму налогов, полугородские торгово-промышленные занятия многих селян давали законную возможность привлекать их к выполнению военных повинностей в городе.

Сельские бобыли прямо набирались властями для создания корпуса городских олонецких стрельцов, которые в следующем XVIII в. получили солдатский статус, но продолжали проживать в своих дворах, в своей Солдатской слободе, с собственным отдельным Михайловским приходом.

В целом вырисовывается система взаимного поддерживания статусов горожанина-посадского, горожанина-стрельца (солдата) и крестьянина путём освоения всеми этими непривилегированными категориями податного населения сословно-профессиональных занятий друг друга. Абсолютистское государство могло лишь констатировать данное положение вещей, иногда выражая свой указной гнев.

Список литературы

Древний Олонец / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории. — 2-е изд., перераб. и доп. — Петрозаводск : Verso, 2011. — 173 с.

Жуков, А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII вв. / А. Ю. Жуков. — Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2013. — 491 с.

Жуков, А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. — Великий Новгород : Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2003. — 255 с.

Каменский, А. Б. «Под сению Екатерины...»: вторая половина XVIII века / А. Б. Каменский. — Санкт-Петербург : Лениздат, 1992. — 447 с.

Карелия в XVII в. : сборник документов / Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. — 441 с.

Марасинова, Е. Н. Абсолютизм и дворянское сословие (некоторые проблемы историографии первой четверти XVIII века) / Е. Н. Марасинова // Связь веков: исследования по источниковедению истории России до 1917 года : памяти профессора А. А. Преображенского : сборник статей. — Москва : РОССПЭН, 2007. — С. 277–302. — URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=9&id=422>. — (29.12.2018).

Марасинова, Е. Н. Власть и личность: Очерки русской истории XVIII века / Е. Н. Марасинова. — Москва : Наука, 2008. — 458 с. — URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/213372767>. — (29.12.2018).

Милов, А. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / А. В. Милов. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 573 с.

Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. — Т. 1. — 547 с.

Мюллер, Р. Б. Очерки истории Карелии XVI–XVII вв. / Р. Б. Мюллер. — Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. — 175 с.

Петрозаводск : 300 лет истории : документы и материалы. — Петрозаводск : Карелия, 2001. — Кн. 2. 1803–1903. — 400 с.

Сословия и государственная власть в России : XV — середина XIX вв. : международная конференция Чтения памяти Л. В. Черепнина. — Москва : Межвузовский центр гуманитарного образования «Петр Великий» Московского физико-технического института, 1994. — Ч. I–II.

Чернякова, И. А. Карелия на переломе эпох : очерки социальной и аграрной истории XVII века / И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. — 295 с. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=465>. — (29.12.2018).

ИВАНОВА Галина Викторовна / IVANOVA Galina

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

my_videl_2010@rambler.ru

ПОЧТОВЫЕ ТРАКТЫ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ И НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ ОБРАЗА ЖИЗНИ КАРЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТРАКТОВЫХ ДЕРЕВЕНЬ (ПО СТАТИСТИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ)*

POSTAL TRACTS IN SOUTH KARELIA AND CERTAIN ASPECTS
OF THE KARELIAN POPULATION'S LIFE STYLE IN WAYSIDE VILLAGES
(ACCORDING TO STATISTICAL SOURCES)

Abstract: The article discusses the influence of the postal routes in South Karelia on the local Karelian population living along the postal tracts from the late 1800s until the early 20th century. The focus is on Kotkozerskaia, Rypushkalskaia, Vidlitskaia and Nekkulskaia volosts (districts) of Olonets uезд (county), through which the routes from Petrozavodsk to Olonets and from Olonets to Serdobol / Sortavala (in the Grand Duchy of Finland) passed. The statistical publications on the history of Olonets guberniia (governorate) are analysed. It is concluded that the postal routes contributed to the formation of the specific economy in the wayside villages and volosts. First of all, these volosts and villages were more populated compared to other ones in the same uезд. The location of churches along the tracts (or in relative proximity to them) testifies to the increasing religious significance of these localities. The level of literacy among the population in these volosts was also higher. The routes contributed to the emergence and development of the industries needed to meet their specific needs. The availability of a route gave the local population new opportunities for extra incomes as well as increased its mobility and promoted trade. Thus, the peasants of Olonets uезд were actively involved in the transportation. They visited St. Petersburg in order to earn money and supported trade relations with the population of the neighbouring guberniias.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, карелы, статистика, пути сообщения, почтовый тракт, кустарные промыслы / Karelia, Karelians, statistics, communication routes, postal tract, domestic industry

Пути сообщения и передвижения по ним издавна привлекают внимание историков и этнографов как важный аспект жизни общества, отражающий направления мобильности, торговые, военные и иного рода контакты различных народностей.

Развитие дорожной сети на территории Карелии проходило неравномерно. Природно-географические и экономические условия края способствовали большей

* Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190092-2).

концентрации сухопутных дорог в южной части Олонецкой губернии. В северных районах из-за многочисленных рек и озёр, а также болотистой местности, в большей степени тележные дороги отсутствовали. Такая ситуация сохранялась в Карелии до середины XX в. Соответственно, основные почтовые тракты губернии проходили по южным волостям, связывая между собой и с губернским центром уездные города — Олонец, Повенец, Пудож, Вытергу и Каргополь. Олонецкий уезд — место коренного проживания южных групп карелов — ливвиков и людиков. По его территории в XIX в. пролегли два сухопутных почтовых тракта южной Карелии направлениями Петрозаводск — Олонец и далее на Санкт-Петербург и Олонец — Сердоболь (Сортавала).

Цель статьи — рассмотреть некоторые культурные явления жизни притрактового населения, сформировавшиеся под влиянием почтовой инфраструктуры. Под притрактовыми деревнями и притрактовым населением понимаются жители волостей, по территории которых проходили почтовые тракты¹. В данном случае притрактовым населением являются жители Коткозерской, Рыпушкальской, Видлицкой и Неккульской волостей Олонецкого уезда. Хронологические рамки исследования ограничиваются концом XIX в. — первым десятилетием XX в.

Историографический базис рассматриваемого вопроса представлен рядом публикаций, посвящённых истории дороги и дорожного строительства. Среди основных работ в данном направлении следует назвать труд А. С. Кудрявцева «Очерки истории дорожного строительства в СССР»², где автор поэтапно раскрывает историю появления дорог на территории СССР, говорит о технологии строительства сухопутных дорог и отмечает их значение. Изучением формирования путей сообщения в Древнерусском государстве занимался Н. Н. Воронин³. Коллективная исследовательская работа «Дороги России. Страницы дорожного дела»⁴ продолжает исследование становления сети сухопутных дорог страны. Особый интерес в рамках данной темы представляет труд О. Н. Катионова «Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв.»⁵, посвящённый особенностям жизни притрактового населения. Среди исследований сухопутных путей сообщения Карелии особое знание имеет научно-популярная работа «Дороги Карелии. С древнейших времён до наших дней»⁶, в которой представлена

¹ Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004.

² Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР. М., 1957. Т. 1–2.

³ Воронин Н. Н. Средства и пути сообщения // История культуры древней Руси / Под общ. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. М.; Л., 1951. Том I. Домонгольский период. Материальная культура / Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, М. А. Тихановой. С. 280–314.

⁴ Дороги России: страницы истории дорожного дела. СПб., 1996.

⁵ Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв.

⁶ Дороги Карелии: С древнейших времен до наших дней / Сост. О. А. Ширлин и др. СПб., 1999.

история развития дорожного строительства и дорожного управления в республике. В целом исследования дорог Карелии носят фрагментарный характер. Сведения о существовавших дорогах встречаются в монографиях и статьях историков и этнографов⁷.

В качестве источниковой базы по рассматриваемому вопросу послужили статистические публикации Олонецкой губернии⁸, заметки губернских газет и архивные материалы Олонецкой уездной дорожной комиссии.

Таким образом, маркерами влияния трактов на жизнь олонецких карелов являются описываемые в статических источниках демографические показатели, расположение церквей и школ и промыслы притрактового населения.

В XVI в. сложились основные направления сухопутных путей Карелии⁹, среди которых исследователи выделяют путь, тянувшийся с юга на север и связывавший Олонецкий погост с Ругозерским через селения Коткозеро, Святозеро, Святнаволок, погосты Селецкий и Паданский. Данный путь является основой для оформившегося

⁷ История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск, 2001; История экономики Карелии: в 3 кн. / Редкол.: А. С. Колесов (пред.) [и др.]. Петрозаводск, 2006; *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993; *Жуков А. Ю.* История карелов Поморья и Беломорской Карелии в свете новых источников конца XVII–XVIII вв. // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Петрозаводск, 2016. С. 46–58; *Его же.* Система расселения и административно-территориального деления Приладожской Карелии (XII–XVIII века) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 6. С. 72–79. URL: http://resources.krc.karelia.ru/transactions/doc/trudy2011/trudy_2011106_072-79.pdf (28.12.2018); *Его же.* Становление приходов и волостей в Святозерско-Пряжинском и Крошнозерском ареалах межэтнического контактирования ливвиков и людиков в XV–XVIII вв. // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа. Петрозаводск, 2015. С. 52–101.; *Паиков А. М.* История Карелии с древнейших времен до 1917 года: Учебное пособие. Петрозаводск, 2013. Ч. 1. История Карелии с древнейших времен до конца XVII века; *Дубровская Е. Ю.* Социально-экономическое положение Карельских уездов в конце XIX — начале XX вв. // Препринт доклада на заседании Ученого совета Института языка, литературы и истории. Петрозаводск. 1989 г. и др.

⁸ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии: иллюстрированное издание / Статистическое бюро Олонецкого губернского земства; сост.: Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин; под ред. В. Кузнецова; фот. И. А. Никольского. Петрозаводск, 1905. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=970> (28.12.2018); Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. / Сост. [И. Благовещенский]. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=8> (28.12.2018); Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года. СПб., 1879. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=237> (28.12.2018); Олонецкая губерния: статистический справочник / Статистическое бюро Олонецкой губернской земской управы; предисл. В. Бузина. Петрозаводск, 1913. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=971> (28.12.2018); Труды Губернской земской комиссии по выработке плана введения всеобщего обучения в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1906. Вып. 2. Уезды Олонецкий и Повенецкий. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=16882> (28.12.2018); Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / Олонецкий губернский статистический комитет; сост. И. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1907. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=1068> (28.12.2018).

⁹ Дороги Карелии: С древнейших времен до наших дней. С. 22.

в XVIII в. тракта Олонца — Петрозаводск. В XVII в. среди сухопутных дорог Карелии в источниках отчётливо выделяются и указываются интересующие нас тракты от Олонца на Сердоболь и уже упоминавшийся тракт от Олонца к северо-карельским погостам¹⁰. В XVIII в. началось почтовое сообщение между Петербургом и городами Карелии, в частности, в 1707 г. было открыто почтовое сообщение с г. Олонцом¹¹.

Согласно данным рапорта Олонецкой дорожной комиссии начала XIX в., интересующие нас дороги являлись официальными почтовыми трактами губернии¹²: Тракт Петрозаводск — Олонца был частью тракта государственного значения, связывавшего столицу Российской империи с губернским центром — г. Петрозаводском. По интересующей нас территории он проходил через селения Рыпушкальской и Коткозерской волостей. Протяжённость данного тракта равнялась 146 $\frac{1}{4}$ версты, из которых по территории Олонецкого уезда проходило 66 вёрст. Далее, по территории Неккульской волости того же уезда, тракт продолжался по направлению к Санкт-Петербургу. Этот участок равнялся 21 версте.

Тракт от города Олонца к Сердоболу по территории Олонецкой губернии пролегал по деревням двух волостей Олонецкого уезда — Рыпушкальской и Видлицкой. Он начинался в Олонце, а его концом условно считалась д. Пограничные Кондуши Видлицкой волости, так как именно в этой деревне оканчивалась территория Олонецкой губернии и проходила граница с Великим княжеством Финляндским. Протяжённость тракта равнялась 65 верстам. Одной из особенностей карельских деревень являлся гнездовой характер размещения¹³, таким образом, вдоль рассматриваемого тракта находились четыре подобных кустовых поселения: Рыпушкальское, Ильинское, Тулоксинское и Видлицкое.

Для анализа численности притрактового населения были взяты данные статистического комитета МВД за 1873 и 1905 гг.¹⁴ На 1873 г. по тракту Олонца — Сердоболь проживал 2871 человек, из них 1221 мужчина и 1650 женщин. К 1905 г. население увеличилось. Так, количество мужчин возросло до 1953 человек, женщин — до 2117, общее число проживавших в притрактовых деревнях составило 4070. Резкий рост населения за указанные годы произошёл в Видлицкой волости. Если в 1873 г. в притрактовых деревнях проживало 1539 человек,

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1/1. Протоколы Олонецкой губернской дорожной комиссии 27 февраля 1834 — 31 декабря 1838. Л. 107–110.

¹³ *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел (Карельская АССР): этнографический очерк. М.; Л., 1965. С. 80.

¹⁴ Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года; Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год.

то к 1905 г. в тех же селениях стало 2673 жителя. Такой демографический скачок может быть связан не только с тем, что эти деревни располагались на тракте, который вёл в Великое княжество, но и с открытием в 1897 г. чугуноплавильного завода в Видлице¹⁵ и улучшением в ней медицинской помощи в связи с открытием больницы в 1901 г.¹⁶ Это способствовало увеличению продолжительности жизни местных жителей. Кроме того, возможно, что произошла ошибка в подсчётах, которую могли допустить представители статистического комитета. Кстати, что касается логистики, завод в Видлице, принадлежавший «Акционерному обществу Путиловских заводов»¹⁷, имел удобное расположение: Видлица связывалась сухопутным трактом через Олонец и водным путем по Ладожскому озеру с Санкт-Петербургом.

По тракту Олонец — Петрозаводск в Олонецком уезде находилось 15 населённых пунктов общей численностью 517 человек: 221 мужчина и 296 женщин. К 1905 г. прослеживается общее уменьшение количества населения в рассматриваемых притрактных деревнях: мужчин стало 205, женщин 216. Интересен тот факт, что по левую сторону от тракта находилось большее количество деревень, расположенных по берегам рек и озёр, которые, однако, сухопутный тракт обошел стороной. Стоит отметить, что эти входившие в состав Коткозерской волости населённые пункты не имели церквей.

Тракт от Олонца на Санкт-Петербург, как было сказано выше, проходил по селениям Неккульской волости. На 1873 г. численность населения в данных деревнях была равна 1427 (685 мужчин и 742 женщины). К 1905 г. здесь, как и в Видлицкой волости, наблюдается рост населения. Общее число жителей стало равняться 1734 (810 мужчин и 924 женщины).

Таким образом, по данным статистического комитета МВД за 1905 г., в Олонецкой уезде проживало 39949 человек¹⁸. Из них 21 832 человека проживали в рассматриваемых притрактных волостях, что составляло примерно 55 % населения от общего числа жителей уезда, при этом наиболее многочисленной из четырёх притрактных волостей являлась Неккульская волость (7024 человек). Наименьшее число жителей проживало в Коткозерской волости (3294 человека). В притрактных деревнях проживало приблизительно 33 % населения от общего числа жителей притрактных волостей.

¹⁵ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 272.

¹⁶ *Понуровский А. В.* Историческая справка. Развитие медицины на территории Олонецкого уезда // ГБУЗ «Олонецкая ЦРБ» [Электронный ресурс]. URL: http://crb.onego.ru/?page_id=1084 (28.12.2018).

¹⁷ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 272.

¹⁸ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. С. 80.

Необходимо обратить внимание на расположение церквей в Олонецком уезде. На 1873 г. в нём было зафиксировано 39 церквей, 29 часовен и три пустоши¹⁹. Три православные церкви располагались по тракту Олонец — Петрозаводск. В селениях, располагавшихся по тракту Олонец — Сердоболь, находилось восемь православных церквей, и по небольшому участку дороги на Санкт-Петербург располагалось пять церквей и четыре часовни. Вблизи указанных трактов также находились и пустоши — Важеозерская, имевшая три церкви, Андрусовская пустошь (две церкви) и Сяндебская пустошь (две церкви).

Интересно, что восемь церквей и девять часовен располагались в поселениях в бассейне р. Свирь. Кроме того, в деревнях Важинской и Мятусовской волостей находилось ещё двенадцать часовен и девять церквей. Очевидно, что Свирь играла важную экономическую роль для Олонецкой губернии. Эта река связывает Онежское озеро с Ладожским, по ней осуществлялось паромное сообщение между Петрозаводском и Санкт-Петербургом, в летнее время перевозились товары в столицу империи. Зимой по побережью Свири проходила часть зимнего пути на Каргополь. Ещё в Средневековье по реке Свирь, через озера Онежское и Ладожское проходил главный торговый водный путь, связывавший Карелию с Новгородом²⁰. Стоит отметить, что передвижение по рекам и озерам на деревянных лодках было весьма опасным, и потому наличие в районе крупного водного пути столь большого количества поселений, церквей и часовен кажется вполне обоснованным.

Однако по этнической принадлежности среди населения Мятусовской и Важинской волостей преобладали вепсы, что в рамках данного исследования заставляет нас вновь обратить внимание на карельское население Олонецкого уезда, преимущественно проживавшее в Неккульской, Рыпушкальской, Коткозерской, Видлицкой, Ведлозерской и Туломозерской волостях. На карельской территории большее количество церквей и часовен располагалось в притрактных поселениях и волостях, что позволяет сделать предположение о влиянии трактов на религиозную жизнь карелов.

Важным показателем воздействия дороги на карельское население предстаёт также уровень его грамотности. В «Списке населённых мест Олонецкой губернии» за 1873 г. уделено внимание церквям и часовням в населённых пунктах. Однако в аналогичной публикации за 1905 г. предпочтение отдаётся уже расположению школ, а информация о церквях не прослеживается. В 1906 г., согласно данным Олонецкого губернского земства, в карельских волостях Олонецкого уезда

¹⁹ Олонецкая губерния: Список населённых мест по сведениям 1873 года. С. 138–158

²⁰ Пашков А. М. История Карелии с древнейших времен до 1917 года. С. 28.

насчитывалось 38 школ и четыре школы в г. Олонце²¹. Из них десять школ располагались в притрактовых деревнях²². В волостях, отдалённых от тракта (Ведлозерской и Туломозерской), находилось восемь школ, остальные функционировали в притрактовых волостях. Карелы Олонецкого уезда были заинтересованы в получении школьного образования и изучении детьми русского языка, т. к. это способствовало установлению продуктивных отношений с русским населением²³. Так, к 1913 г. процент грамотного населения Олонецкого уезда составил 53,9 %²⁴.

Близость важных сухопутных путей сообщения сказывалась на занятиях местного населения, что особенно прослеживается в промысловой специфике. При анализе публикации статистического бюро Олонецкого губернского земства «Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии»²⁵ акцент был сделан на промыслах и ремеслах непосредственно связанных с дорогой: экипажном, кузнечном, сундучно-ящичном, корзиночно-коробочном, кожевенном и извозным.

В Олонецком уезде экипажным промыслом занимались 148 человек²⁶. Ведущей в этой области была Рыпушкальская волость, где умельцев экипажного дела насчитывалось 52 человека²⁷, которые изготавливали кабриолеты, тарантасы, телеги, дровни, кибитки, тележные оси, колеса и сани. Лучшими мастерами колёсного промысла считались крестьяне деревни Нурмойлы Рыпушкальской волости Олонецкого уезда²⁸. В Видлицкой волости производились кабриолеты и сани²⁹, а центром производства сёдел и хомутов в Олонецком уезде являлся Коткозерский погост³⁰. В статистических публикациях, а также в периодической печати Олонецкой губернии отмечается, что мастерами Олонецкого уезда изготавливались лучшие фасоны экипажей. Считалось, что учителями для Олонецких карел были финны³¹. Реализовалась продукция экипажного промысла на ярмарках Олонца и Петрозаводска. Особый спрос на экипажи и сани олонцев существовал

²¹ Труды Губернской земской комиссии по выработке плана введения всеобщего обучения в Олонецкой губернии. С. 46–82.

²² Это также подтверждается материалами «Списка населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год» (С. 44–80).

²³ *Илюха О. П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX в. СПб., 2007. С. 110.

²⁴ Олонецкая губерния: статистический справочник. С. 32.

²⁵ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Там же. С. 89.

²⁸ *Благовещенский И. И., Гарязин А. А.* Кустарная промышленность в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 95. С. 12.

²⁹ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. С. 24–25.

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ *Благовещенский И. И., Гарязин А. А.* Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. С. 12.

в Лодейнопольском уезде³². Местное население притрактовых деревень также приобретало средства передвижения лучшего качества³³.

Кузнечное дело было распространено по всему Олонецкому уезду и удовлетворяло в первую очередь нужды населения. В рамках дорожных промыслов и ремёсел кузнечное дело выполняет ряд важных функций: оковка зимних и летних экипажей, ошиновка колес и подковка лошадей. В Олонецком уезде жили мастера, занимающиеся тележным и кузнечным промыслами, они же выполняли столярные, кузнечные, слесарные и малярные работы. За такой навык ценились уланские крестьяне Рыпушкальской волости³⁴. Всего кузнецов в Олонецком уезде проживало 101 человек, из них в Рыпушкальской волости — 13, в Видлицкой — 11, в Неккульской — 21 и в Коткозерской — 12³⁵.

В Олонецкой уезде в сундучно-ящичном и корзиночно-коробочном ремесле были заняты 24 человека³⁶. Изготовлением туесов занимались мастера из Видлицкой и Коткозерской волостей, плетением корзин — во всех трёх притрактовых волостях³⁷. В качестве ёмкости для хранения продуктов туеса использовались не только дома. Наполнив молоком или простоквашей, путники брали их в дорогу. За прочность и долгий срок службы карелами ценились плетёные из бересты корзины с крышками и дорожные кошеле. Продукцию данного промысла сбывали на ярмарках Олонца и Петрозаводска, а крестьянам из Тулоксы и Видлицы удавалось продавать свои изделия в Финляндии³⁸.

В 1867 г. в Олонецком уезде возник новый промысел — плетение соломенных шляп³⁹. Наиболее распространено оно было среди населения Неккульской волости. Оно было также известно жителям Рыпушкальской волости. По данным за 1905 г. в Олонецком уезде проживало 206 мастеров этого промысла⁴⁰. Его особенность заключается в том, что он возник непосредственно под влиянием тракта и носил исключительно коммерческий характер — плетёные из соломы шляпы изготавливались для продажи в Санкт-Петербурге. Занимались плетением шляп преимущественно женщины и подростки. Соломенные шляпы Неккульской волости побывали на Парижской выставке 1900 г.⁴¹, что позволяет судить о хорошем качестве соломенной продукции.

³² Там же.

³³ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. С. 24–28.

³⁴ Там же. С. 149.

³⁵ Там же. С. 145.

³⁶ Там же С. 18.

³⁷ Там же С. 19.

³⁸ *Благовещенский П. П., Грязин А. А.* Кустарная промышленность в Олонецкой губернии. С. 9.

³⁹ Там же. С. 11.

⁴⁰ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. С. 99.

⁴¹ Там же. С. 100.

Наличие почтовых трактов в Олонецком уезде отразилось и на развитии кожевенного производства. Так, в притрактных деревнях Видлицкой и Рыпушкальской волости, которые являлись центрами этого ремесла⁴², находилось семь кожевенных заведений⁴³. Из кожи изготавливали сапоги, шоры, сбрую. Проходившие по волостям тракты открывали возможность сбыта кожи и кожевенных изделий в Финляндию. Однако Олонецкие мастера зачастую уходили на заработки в Санкт-Петербург, соседние волости и губернии⁴⁴.

Извозный промысел, распространённый в Олонецкой губернии, являлся наиболее «дорожным». Как отмечает Иван Иванович Благовещенский, наибольшую выгоду в губернии от данного промысла имели именно крестьяне Олонецкого уезда⁴⁵. Карелы занимались перевозкой грузов: от присвирских пристаней в Олонец, поставляли товары купцов и ремесленников на губернские ярмарки, в период строительства Видлицкого чугунно-плавильного завода перевозили необходимые для этого материалы. Занимались транспортировкой и торговлей товаров собственного производства (сено, рыба, ремесленные изделия) в Санкт-Петербург, Финляндию, соседние губернии. Занимались пассажирскими перевозками⁴⁶. Функции извозчика в карельских семьях выполняли не только мужчины, но и мальчики, и замужние женщины⁴⁷. Последние на телегах самостоятельно отправлялись с товарами в Финляндию⁴⁸.

Выполнение дорожной и гужевой повинности ложилось тяжелым бременем на плечи крестьян притрактных деревень, отрывая их от текущих работ практически круглогодично⁴⁹. Тем не менее почтовые тракты влияли на формирование характерной хозяйственной жизни населения притрактных деревень и волостей. В первую очередь это нашло отражение в демографической ситуации: в притрактных волостях и деревнях где было больше жителей по сравнению с отдалёнными от дорог населёнными пунктами карелов Олонецкого уезда. Размещение церквей и пустошей по тракту или в относительной близости от него, позволяет судить о религиозной значимости данных местностей. Необходимость, вызванная стремлением достичь экономического благосостояния,

⁴² Там же. С. 50.

⁴³ Олонецкая губерния: список населённых мест по сведениям 1873 года. С. 138–158.

⁴⁴ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. С. 79.

⁴⁵ Олонецкий сборник: материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 4. С. 29.

⁴⁶ Дороги Карелии: С древнейших времен до наших дней. С. 66.

⁴⁷ М. Г. Салменижская волость // Олонецкие губернские ведомости. 1866. № 26. С. 472.

⁴⁸ Макаров Г. Н., Рягов В. Д. Образцы карельской речи: Говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л., 1969. С. 25–26.

⁴⁹ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск. С. 118–119.; Покровский П. Корел, его быт и занятия (Олонецкий уезд) // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 6. С. 66.

отразилась в распространении грамотности среди подрастающего поколения и взрослого населения. В особенности тракты способствовали появлению и развитию промыслов, необходимых для удовлетворения нужд трактов. Наличие тракта открывало новые возможности для дополнительного заработка местного населения и способствовало повышению его мобильности, развитию торговли. Крестьяне Олонецкого уезда активно занимались извозным промыслом, отправлялись в Санкт-Петербург на заработки и вели торговые отношения с соседними губерниями.

Список литературы

- Балагуров, Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. / Я. А. Балагуров. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1962. — 351 с.
- Благовещенский, И. И. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / И. И. Благовещенский, А. Л. Грязин // Олонецкие губернские ведомости. — 1895. — № 95. — С. 12.
- Благовещенский, И. И. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / И. И. Благовещенский, А. Л. Грязин // Олонецкие губернские ведомости. — 1895. — № 96. — С. 9–11.
- Благовещенский, И. И. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / И. И. Благовещенский, А. Л. Грязин // Олонецкие губернские ведомости. — 1895. — № 97. — С. 11–13.
- Воронин, Н. Н. Средства и пути сообщения / Н. Н. Воронин // История культуры древней Руси / под общ. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1951. — Том I. Домонгольский период. Материальная культура / под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, М. А. Тихановой. — С. 280–314.
- Дороги Карелии : с древнейших времен до наших дней. — Санкт-Петербург : Лики России, 1999. — 197 с.
- Илюха, О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX в. / О. П. Илюха. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2007. — 304 с.
- История Карелии с древнейших времен до наших дней / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 944 с.
- Катионов, О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. / О. Н. Катионов. — Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2004. — 568 с.

Кудрявцев, А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР : в 2 т. / А. С. Кудрявцев.— Москва : Дориздат, 1957.

Макаров, Г. Н. Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта карельского языка / Г. Н. Макаров, В. Д. Рягоев. — Ленинград : Наука, 1969. — 283 с.

М. Г. Салменижская волость / М. Г. // Олонецкие губернские ведомости. — 1866. — № 26. — С. 472– 474.

Пашков, А. М. История Карелии с древнейших времен до 1917 года : учебное пособие / А. М. Пашков. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. — Ч. 1. История Карелии с древнейших времен до конца XVII века. — 74 с.

Покровский, П. Корел, его быт и занятия (Олонецкий уезд) П. Покровский // Олонецкие губернские ведомости. — 1873. — №6. — С. 66.

Понуровский, А. В. Историческая справка. Развитие медицины на территории Олонецкого уезда / А. В. Понуровский // ГБУЗ «Олонецкая ЦРБ» [Электронный ресурс]. — URL: http://crb.onego.ru/?page_id=1084. — (28.12.2018).

Тароева, Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР) : этнографический очерк / Р. Ф. Тароева. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965. — 222 с.

КРИВОНОЖЕНКО Александр Фёдорович / KRIVONOZHENKO Aleksandr
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
krivfed@yandex.ru

АЛКОГОЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

ALCOHOL PROBLEM IN KARELIAN VILLAGE BEFORE AND DURING WORLD WAR I

Abstract: The article is focused on the role of alcohol in the everyday life of Karelian peasants in the early XX century. The author found out that drinking was not the norm in Karelian village. Drinking alcohol was associated with very important events in the life of a peasant. It was noted that the peasants positively accepted the ban on alcohol sale during the World War I. The prohibition improved the economic situation of the Karelian peasants. It helped to reduce crime in the peasant society. Moreover, it improved relationships within village families. At the same time, card-playing for money became popular in Karelian village. Local intelligentsia regarded this as a substitute for alcohol. The Zemstvo believed it was possible to defeat the new evil by educating the peasants.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, Олонецкая губерния, Кемский уезд, Первая мировая война, пьянство, сухой закон / Karelia, Olonets province, Kemsky district, World War I, alcohol abuse, prohibition

Практика употребления алкоголя в России имеет многовековую историю. За это время сложились устойчивые традиции и нормы поведения, связанные с алкогольными напитками. Их вариации в значительной степени зависят от локальных культурных традиций, а также места конкретной социальной группы или отдельного индивида в структуре социальной иерархии. В любом случае, алкоголь являлся (и является) важным фактором социально-экономического состояния всех слоёв российского общества: от нобилитета до маргинальных групп. Государство, понимая важность и многогранность алкогольной проблемы, а также осознавая её экономическую составляющую, стремилось к осуществлению контроля в этой области. Однако на разных исторических этапах степень такого контроля варьировалась: за столетие с 1890-х по 1990-е он менялся от государственной монополии в сфере производства и реализации алкоголя до широкой либерализации, граничащей с почти полным отсутствием какого-либо контроля.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

На протяжении XX в. власти в России дважды инициировали серьёзные ограничения в сфере потребления алкоголя: в период Первой мировой войны и в разгар Перестройки. На фоне совершенно разных социально-экономических и политических условий эти попытки были призваны придать обществу дополнительные стимулы для внутренней мобилизации перед решением грандиозных задач. Однако, как показала практика, попытки введения сухого закона оказали обратное влияние на развитие ситуации, став в той или иной степени факторами, приведшими к итоговому структурному кризису и Российской империи, и Советский Союз.

Цель данной статьи заключается в изучении практики введения государством ограничений на потребление алкоголя в период Первой мировой войны на примере Карелии. Будут проанализированы причины этой инициативы, этапы её реализации и итоги, а также выявлены региональные особенности. Следует уточнить географические рамки исследования: в статье главное внимание будет уделено введению ограничительных мер в сфере потребления алкоголя в четырёх уездах Олонецкой губернии (Петрозаводском, Повенецком, Олонецком и Пудожском), а также Кемском уезде Архангельской губернии.

В научной литературе подчёркивается, что сложившаяся норма потребления алкоголя населением края была связана с праздничными днями, когда спиртные напитки являлись частью обрядовой культуры¹. Распитие алкоголя вне этих хронологических рамок осуждалось деревенским обществом. На наш взгляд, корни такой нетерпимости связаны прежде всего с механизмами саморегулирования внутри традиционного аграрного общества. С точки зрения общины, пьянство отдельного крестьянина грозило расстройством его хозяйства и разорением семьи. В силу того, что община была объединена социально-экономическими взаимосвязями, девиантное поведение одного из её членов содержало в себе потенциальные риски для благополучия всего общества. Характерным примером может служить система круговой поруки при уплате налогов, когда община обязана была компенсировать казне недоимки по сборам, которые не в состоянии были выплатить неимущие крестьяне². Примеры такой зависимости встречаются в источниках. В декабре 1913 г. крестьяне Сенногубской волости Петрозаводского уезда составили приговор о полной ликвидации «навсегда» торговли всем спиртным в пределах их земель. В качестве обоснования в документе указывался вред, который причинялся

¹ *Винокурова И. Ю.* Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 1996. С. 48.

² *Кожевникова Ю. Н.* Кижское сельское общество на рубеже XIX–XX вв.: к вопросу о налогообложении крестьян (по документам из Карельского собрания ИРЛИ РАН (Пушкинский дом)) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2015. Вып. 15. С. 159. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/kizhskij-vestnik-vyipusk-15/1649.html> (21.12.2018).

крестьянам общества от работы пивной лавки. Лавка работала чуть больше года, но негативные последствия от неё были очевидны. В приговоре отмечалось: «...в Сенногубской волости наблюдается пьянство, причем наблюдается много случаев, что многие пропивают свои последние гроши, что отражается на платеже податей. Молодежь приучается к пьянству и часто устраивает скандалы, что в прежнее время наблюдалось несравненно реже»³.

Сложившаяся парадигма употребления алкоголя подтверждается источниками. Во второй половине XIX в. авторы этнографических очерков указывают на трезвость как норму среди населения края. В северной Карелии крестьяне лишь изредка употребляли водку и ром. Пиво практически не варилось в связи с низкими урожаями ячменя⁴. В научной литературе отмечается общее снижение объёмов приготовления этого напитка в Карелии к началу XX в.⁵ В печати рассматриваемого периода есть указания на то, что угасание интереса к пиву на севере было связано не только с отсутствием излишка ячменя. В частности, публицист, издатель и деятель монархического движения С. Ф. Шарапов отмечал, что в условиях винной монополии казна стремилась получить наибольший доход от продажи крепкого алкоголя, притесняя при этом производство популярного на севере пива⁶.

В Горском обществе Кондопожской волости Петрозаводского уезда, население которого составляли русские, также отмечалась умеренность в употреблении алкоголя. П. Певин, подготовивший обширный историко-этнографический очерк этой местности Олонецкой губернии, заметил, что крестьяне Горского общества не тратят на выпивку большое количество денег и времени. Кроме того, подтверждается обрядовый характер употребления алкоголя: на праздниках или на мирских сходах. Причём на сходах выпивка была своеобразным средством крестьянской дипломатии. Отказывавшийся от исполнения обязанностей по общественным должностям крестьянин предлагал участникам схода «вино». Такое угощение являлось непременным атрибутом, который проситель предлагал крестьянам для принятия положительного решения миром по своему вопросу⁷.

В Лижемском обществе, также входившем в Кондопожскую волость Петрозаводского уезда, источник отмечает роль спиртного в важнейших событиях крестьянской жизни: «Впрочем, без выпивки у крестьянина не обходится никакое

³ Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. 1. (Канцелярия олонцкого губернатора). Оп. 3. Д. 16 / 712. Л. 67.

⁴ Чубинский П. Статистико-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского статистического комитета за 1865 год. Архангельск, 1866. Кн. 2. С. 103.

⁵ Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья... С. 48.

⁶ Шарапов С. Ф. Монополия и трезвость // Мирные речи. По-русски. Старое и новое: Три сб. 1900 года. 2-е изд. М., 1901. С. 212.

⁷ Певин П. Очерк Горского прихода, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 50. С. 5.

семейное и общественное дело: кроме свадеб, пьется вино при *закладке* (основании) дома, — пьется *половое*, когда настилаются полы (*мост*); — пьется *коневое*, когда поднимут последнее бревно, — пьется на новоселье, на крестинах, похоронах и т. д. Без водки не обходятся никакие крестьянские условия, подряды, никакие сельские сходы и приговоры: мена, купля, продажа непременно сопровождаются “*литками*”⁸.

Таким образом, алкоголь играл важную роль в жизни населения края, поскольку являлся атрибутом экстраординарных событий: религиозных праздников (которые коррелировались с сельскохозяйственным календарём), важнейших этапов жизненного пути, в том числе связанных с изменением социального статуса, а также сопровождали принятие решений на низовом уровне самоуправления — мирских сходах. В остальных случаях практика употребления алкоголя подлежала жёсткому социальному контролю.

По мнению М. В. Пулькина, сложившаяся традиционная парадигма употребления крестьянами алкоголя начала меняться в последней трети XIX в., после вызванной Великими реформами трансформации общества. Активизация процессов внутренней миграции привела к тому, что через крестьян, уезжавших в город, началась трансляция городского уклада жизни в деревню⁹. Современники также связывали рост пьянства в олонецкой деревне с увеличением числа крестьян, которые отправлялись на отхожие промыслы в города, «откуда большинство из них возвращается нравственно испорченными»¹⁰. Одним из следствий этого процесса стало изменение значения алкоголя в деревне: из напитка, сопровождавшего исключительные моменты в жизни крестьянства, «вино» превращалось в причину повального пьянства.

Изменения в норме потребления алкоголя сельским населением Карелии на рубеже XIX–XX вв. фиксируются источниками. П. Певин указывает, что пьянством были «заражены» многие местности Петрозаводского уезда вокруг Горского общества. В Кемском уезде также фиксировалось увеличение интереса населения к спиртному в начале XX в. Эта тенденция была характерна как для волостей с карельским населением¹¹, так и в местностях на берегу Белого моря, населённых русскими¹². Несмотря на явную тенденцию к увеличению потребления алкоголя, население Карелии, тем не менее, потребляло его в среднем меньше, чем в других регионах страны. По итогам подсчётов за 1903–1912 гг.,

⁸ Плотников А. Лижемский приход Петрозаводского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 132. С. 2.

⁹ Пулькин М. В. Алкоголь и традиционная культура в XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Традиционная культура. 2012. № 2 (46). С. 118.

¹⁰ Обзор Олонецкой губернии за 1912 год. Петрозаводск., 1913. С. 29.

¹¹ Бубновский М. П. Контур Архангельской Карелии // Известия общества изучения Архангельской губернии. 1914. № 14. С. 435.

¹² Там же. № 13. С. 410.

Олонецкая губерния вошла в число губерний, уровень потребления «вина» в которых был ниже, чем средний показатель по Европейской России¹³.

Таким образом, анализируя алкогольную проблему в России на рубеже XIX–XX вв., современные историки сходятся в оценке влияния водки и других спиртосодержащих напитков на деревню. В частности, отмечается, что в деревне среднее количество «вина» на душу населения было в разы меньше, чем в городах. Кроме того, запойный алкоголизм для села был не характерен. Специфика пьянства в деревне определялась её периодическим характером и была связана с важными событиями крестьянского календаря. Особенность алкогольного вопроса в карельской деревне, как отмечает И. Р. Такала, заключался в низком уровне (в сравнении со средним показателем по стране) потребления спиртосодержащих напитков. Мы разделяем аргументацию историка, связывающего этот феномен с бедностью населения, отсутствием традиции винокурения и логистических возможностей доставки алкоголя в отдалённые уезды Олонецкой губернии и Архангельской Карелии, а также сильными позициями старообрядчества в целом ряде волостей¹⁴.

К началу XX в., несмотря на увеличение роли алкоголя в карельской деревне, ситуация с пьянством в исследуемом регионе пока ещё была далека от критической. Этого нельзя было сказать о других местностях Российской империи. Алкоголизация населения страны тревожила и правительство, и широкие круги общественности — от демократических до крайне правых. Очевидные негативные социально-экономические последствия пьянства ставили под сомнение дальнейшие темпы развития государства. В связи с этим на рубеже веков началась дискуссия о мерах по контролю и снижению уровня потребления алкоголя. Правительство выступало за контроль над производством и реализацией алкоголя. Финансовая выгода для бюджета от осуществления подобной реформы также играла не последнюю роль. Общественность считала более действенным не контроль над алкогольным рынком, а осуществление безотлагательных мер по снижению алкогольной зависимости населения России. Винная монополия, введённая в 1894 г., рассматривалась представителями трезвенного движения в лучшем случае в качестве косвенной меры по борьбе с пьянством. Общая оценка государственной монополии со стороны заинтересованной общественности была негативной. Министерству финансов, выступавшему главным лоббистом монополии, указывали на негативные социальные явления, к которым приводили «казёнки» в деревне и городе¹⁵.

¹³ Коровин А. М. Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903-го по 1912-ый год. М., 1916. С. 30.

¹⁴ Такала И. Р. Веселие Руси: история алкогольной проблемы в России. СПб., 2002. С. 230.

¹⁵ Николаев А. В. Антиалкогольная кампания в России 1894–1914 годов: исторический опыт решения проблемы // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35 (136). С. 67.

В Карелии в начале XX в. борьба с пьянством стала одной из главных общественных задач. В крае активно создавались общества трезвости. Определённую роль в этом играла и церковь. Приходские священники, непосредственно наблюдавшие повседневную жизнь крестьянства, с большой тревогой отмечали на страницах периодической печати разлагающую роль пьянства в деревне¹⁶. В связи с этим, в Карелии наряду со светскими начали активно появляться приходские братства трезвости. Следует отметить, что зачастую инициатива организации таких братств исходила «сверху» в результате распоряжений местного архиерея¹⁷. В свою очередь, последние получали многие документы распорядительного характера относительно организации мер по борьбе с пьянством из Синода¹⁸. В то же время главный запрос на использование ресурсов духовенства в борьбе с пьянством исходил от земства. Деятели местного самоуправления через губернатора наладили тесные взаимоотношения с епископом Олонецким и Петрозаводским Никанором для объединения усилий по борьбе с пьянством в регионе. Результатом этой работы стало создание в течение зимы–весны 1913–1914 гг. в приходах Олонецкой губернии 21 общества, 1 братства и 2 кружков трезвости. Согласно разработанной земством и духовенством программе, до конца 1914 г. трезвенные кружки и общества должны были возникнуть при каждом приходе губернии. Для координации работы создавался «Епархиальный комитет для борьбы с пьянством»¹⁹. Таким образом, природа возникновения многих приходских братств имела административный характер. По оценке М. В. Пулькина, аналогичная кампания в конце XIX в. не приняла в Олонецкой губернии массового характера²⁰. Видимо, с этим связана резолюция епископа Никанора под разработанной программой 1914 г.: «Дай Бог, чтобы не на бумаге только и не для показа и отписок, а на деле велась борьба с пьянством и сродными ему пороками»²¹.

Общий вектор дискуссии вокруг алкогольной проблемы постепенно приводил общество к пониманию необходимости применения более жёстких мер по борьбе с пьянством. К тому же мнению стали склоняться Николай II и большая часть

¹⁶ Енохов П. Общество трезвости в с. Ладве Петрозаводского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости 1909. № 2. С. 48.

¹⁷ Матвеев Н. Рапорт председателя Горского во имя св. Николая Чудотворца Братства трезвости при церкви Горского прихода Петрозаводского уезда священника Николая Матвеева // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 15. С. 328

¹⁸ Быкова А. Г. Общества трезвости в истории трезвенного движения в России в XIX — начале XX вв. // Омский научный вестник. 2005. № 4 (33). С. 24.

¹⁹ Результаты земского ходатайства // Вестник Олонецкого губернского земства (далее — ВОГЗ). 1914. № 12. С. 27. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11971&cType=1> (21.12.2018).

²⁰ Пулькин М. В. Алкоголь и традиционная культура... С. 119.

²¹ Результаты земского ходатайства. С. 27.

высшего руководства страны. К началу 1910-х гг. против разработки таких законопроектов выступало лишь Министерство финансов, отстаивавшее экономическую выгоду, которую давала для бюджета государственная винная монополия²². По мнению В. Б. Аксенова, решение императора начать более активную антиалкогольную кампанию было связано с придворными интригами. На Николая II оказали влияние круги, близкие к Г. Распутину и находившиеся в конфликте с министром финансов В. Н. Коковцевым. Последний был представлен в глазах императора как главный апологет «винного» бюджета, приводившего к расцветанию пьянства в народе²³.

Новый министр финансов П. Л. Барк весной 1914 г. стал осуществлять крайне осторожные меры, направленные на ограничение винной монополии. Основным мероприятием, осуществлённым в этой области Министерством до войны, следует назвать циркуляр местным управляющим акцизными сборами. В нём, в частности, предлагалось оказывать поддержку инициативе «снизу» по ограничению продажи алкоголя в конкретной местности²⁴. Население откликнулось на инициативу, но интенсивность «приговорной» кампании была неравномерной в разных частях страны. В Олонецкой и Архангельской губерниях она не отличалась особой активностью²⁵.

Приговоры сельских обществ о закрытии торговли алкоголем в конкретной местности не являлись принципиально новым механизмом для социального регулирования в карельской деревне. Они практиковались до упомянутой выше волны «приговорной» кампании начала 1914 г. За несколько лет до того крестьяне поморского села Сорока высказались за закрытие винной лавки, которая уже работала с ограничениями. Это был крупный населённый пункт, в котором находились четыре лесопильных завода и многочисленные промысловые артели. Сформировавшаяся здесь своеобразная социальная среда под влиянием спиртного негативно влияла на общественное спокойствие. Ответной защитной реакцией местного крестьянства стало составление соответствующего приговора. В день закрытия в Сороке «казёнки» запастись спиртным посчитал необходимым даже местный полицейский чин²⁶. В селе Ладва Петрозаводского уезда местные крестьяне в середине 1900-х гг. высказались за запрет продажи алкоголя из местной

²² Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и первая мировая война: (Материалы международного научного colloquium) / Под ред. Н. Н. Смирнова. СПб., 1999. С. 150

²³ Аксенов В. Б. «Сухой закон» 1914 года: от придворной интриги до революции // Российская история. 2011. № 4. С. 128.

²⁴ Циркуляр управляющего Министерством финансов // Трезвая жизнь. 1914. № 4. С. 479.

²⁵ Петрицев А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1914. № 5. С. 280.

²⁶ Бубновский М. П. Контур Архангельской Карелии. № 13. С. 410.

«казёнки» по праздникам. Видимо, запрет был временным, поскольку пролонгации этого приговора не последовало и лавка возобновила прежний режим работы²⁷.

Таким образом, важно обратить внимание на принципиальную деталь: порой приговоры не запрещали продажу алкоголя полностью, а лишь вводили определённые ограничения. На наш взгляд, степень ограничения доступности алкоголя, устанавливаемая в мирских приговорах, напрямую была связана с остротой проблемы пьянства в той или иной местности. Гибкость системы крестьянского самоуправления оставляла возможность вариативного воздействия на негативные общественные явления, связанные с пьянством.

Упомянутая низкая активность «приговорной» кампании в Олонецкой и Архангельской губерниях в начале 1914 г. свидетельствует о том, что проблема пьянства в карельской деревне (речь идёт именно о деревне, поскольку уровень потребления алкоголя в немногочисленных городах исследуемого региона был на порядок выше) не принимала масштабных размеров. Об этом говорят свидетельства очевидцев крестьянского быта, а также статистика. Олонецкие крестьяне выпивали накануне Первой мировой войны в среднем 0,9 л водки на душу населения, что было в 2,5 раза ниже аналогичного показателя в целом по стране²⁸. Тем не менее алкоголь являлся частью обрядовой крестьянской культуры. Так что полностью отказаться от него крестьянам было трудно.

Накануне Первой мировой войны существовал общественный запрос на создание действенных механизмов, которые ограничивали бы употребление алкоголя. Руководство страны, несмотря на очевидные бюджетные потери, придерживалось того же мнения, что находило положительный отклик и поддержку со стороны трезвенного движения²⁹. Всё это даёт основание утверждать, что и государство, и общество были готовы к введению последующих преобразований в алкогольном вопросе. Исследователь государственной антиалкогольной политики О. А. Чагадаева высоко оценивает взвешенные и осмотрительные меры, которые предпринимало правительство до начала войны в области борьбы с пьянством. По мнению историка, в условиях мирного развития

²⁷ Енохов П. Общество трезвости в с. Ладве Петрозаводского уезда... С. 48.

²⁸ Такала И. Р. Веселие Руси. С. 229.

²⁹ Воронов Д. Н. Жизнь деревни в дни трезвости: (По данным земских и других анкет): Доклады, прочитанные в марте 1916 г. в заседаниях Комиссии по вопросу об алкоголизме при Русском обществе охранения народного здоровья. Пг., 1916. С. 1. URL: <http://elibrary.ru/nodes/17840-voronov-d-n-zhizn-derevni-v-dni-trezvosti-po-dannym-zemskih-i-drugih-anket-doklady-prochitannye-v-marte-1916-g-v-zasedaniyah-komissii-po-voprosu-ob-alkogolizme-pri-russkom-obschestve-ohraneniya-narodnogo-zdraviya-pg-1916> (21.12.2018).

последовательные меры в указанной сфере страны могли привести к положительным результатам³⁰.

Важную роль в государственной политике ограничения потребления алкоголя накануне войны играло руководство армии. Очевидность грядущего крупномасштабного военного конфликта заставила командование заранее продумать все возможные причины, которые могли бы повлиять на сроки мобилизации запасных. Главным из них могло стать пьянство. Дело в том, что традиционно проводы в армию являлись одним из пограничных событий крестьянской жизни, для которых было характерно обрядовое пьянство. Исходя из опыта Русско-японской войны 1904–1905 гг., особое внимание командование армии уделяло мерам по соблюдению трезвости среди мобилизованных. Действенность этих мер апробировалась на местах во время проверок запасных. Так, в январе 1914 г. петрозаводский уездный воинский начальник обратился к губернатору М. И. Зубовскому с просьбой о временном закрытии пивных и винных лавок в селениях, которые были определены центрами сборов³¹. Аналогичные меры предпринимались в населённых пунктах, расположенных на пути следования команд новобранцев³².

Начавшаяся в июле 1914 г. мобилизация в армию сопровождалась обнаружением запрета на продажу алкоголя на весь срок этой кампании. Олонецкий губернатор получил от начальника штаба войск приказ обеспечить быструю мобилизацию, для чего необходимо было строго следить за соблюдением запрета на продажу алкоголя и пресекать любые случаи тайной торговли такими напитками. Все выявленные случаи незаконного оборота алкоголя местным властям было предложено расценивать как причинение целенаправленного вреда армии в условиях военного времени³³.

В историографии отмечается высокий уровень организации проведённой мобилизации как в Олонецкой губернии, так и в Кемском уезде Архангельской губернии³⁴. Действительно, по сравнению с «винными» бунтами мобилизованных (абсолютное большинство отправляемых в армию составляли крестьяне) в сибирских и уральских губерниях, которые громили закрытые «казёнки» в поисках водки³⁵, в Карелии призывная компания прошла спокойно. Тем не менее полной организованности, о которой с воодушевлением рапортовали чиновники, добиться

³⁰ Чагадаева О. Конец винополии: Государственная инициатива по борьбе с пьянством накануне Первой мировой войны // Родина. 2011. № 8. С. 143.

³¹ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16 / 712. Л. 21.

³² Там же Л. 118.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 120 / 45. Л. 2.

³⁴ Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб., 2017. С. 54.; История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск, 2001. С. 315.

³⁵ Аксенов В. Б. «Сухой закон» 1914 года. С. 131.

не удалось. В Олонце мобилизованные выразили желание получить водку из казённой лавки, однако все дальнейшие действия в этом направлении были пресечены местным уездным исправником. В то же время были отмечены случаи незаконной продажи алкоголя из городского ренковского погреба К. А. Чертова³⁶. Другой зафиксированный случай пьянства мобилизованных запасных произошёл на борту парохода по пути в Лодейное поле. В ходе последовавшего разбирательства все свидетели указывали на то, что запасные были пьяными и вели себя неподобающим образом³⁷. Перед отправкой запасных из Петрозаводска, которая состоялась 1–5 сентября 1914 г., офицеры заранее согласовали с местными властями запрет на продажу алкоголя в городе на это время. Кроме того, по просьбе губернатора М. И. Зубовского, участковый надзиратель 1-го участка Новгородско-Олонецкого акцизного управления распорядился запретить продавать не только водку, но и вина на борту пароходов, на которых отбывали мобилизованные³⁸.

Ограничения на реализацию алкоголя (постановлением М. И. Зубовского продажа вин не была запрещена) были введены лишь на период основной волны мобилизации. О постоянном «сухом законе» речь не шла. Тем не менее даже временные меры в такой чувствительной сфере общественной жизни вызвали панический ажиотажный спрос на алкоголь. В рапортах уездных исправников и докладных записок врачей отмечался резкий всплеск интереса населения Карелии к виноградным винам в августе 1914 г. на фоне ограничений по продаже водки. В частности, в сообщениях из Олонецкого уезда сообщалось, что «за минувший месяц совершенного закрытия питейных заведений население не отвыкло от их потребления»³⁹. Разрешение продажи вина привело к тому, что и мещане, и крестьяне стали скупать низкокачественные вина ящиками. Олонецкий уездный исправник Ф. И. Озеров рапортовал губернатору, что начавшееся массовое употребление виноградных вин вызвало повальное пьянство, не наблюдавшееся ранее: «...пьяные не в состоянии двигаться и валяются на улицах, в канавах, полицейские не в состоянии их вести, а должны носить»⁴⁰. Особой популярностью у населения пользовались креплёные вина. Бутылка портвейна «Сова» стоила 40 копеек. От употребления всего одной бутылки такого напитка человек терял сознание⁴¹. Для сравнения, на эти деньги в конце августа 1914 г. в Олонце можно было купить 4,5 кг ржаной обдирной муки⁴².

Нездоровый ажиотаж, который демонстрировало население Олонецкой губернии в отношении креплёного вина в августе 1914 г., беспокоил местные власти

³⁶ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120 / 45. Л. 3.

³⁷ Там же Л. 35.

³⁸ Там же. Л. 66.

³⁹ Там же. Л. 11 об.

⁴⁰ Там же Л. 8.

⁴¹ Там же Л. 60.

⁴² Местные хлебные цены // ВОГЗ. 1914. № 16. С. [130]. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11930&cType=1> (21.12.2018).

по нескольким причинам. Патриотический подъём второй половины июля, когда России была объявлена война, мог раствориться на фоне ухудшающегося морального облика общества. Кроме того, предстояли первые выплаты предусмотренных законом пособий семьям ушедших на войну мужчин. Существовали опасения, что население понесёт полученные деньги в ренсковые погреба и это отразится на уровне его благосостояния. Губернатор М. И. Зубовский обратился в МВД с просьбой экстренно запретить продажу в губернии крепких вин, поскольку «началось жестокое пьянство, причём крестьяне напиваются до потери сознания дешёвыми сильно наспиртованными сортами портвейна, хереса, мадерь»⁴³. 4 сентября 1914 г. было опубликовано обязательное постановление губернатора, запрещающее торговлю винами крепче 16 градусов под угрозой штрафа в размере 3000 рублей или ареста до 3 месяцев⁴⁴. Важно отметить, что речь идёт о городском поселении, т. к. на селе торговля виноградными винами любой крепости уже была запрещена⁴⁵.

Обращает на себя внимание обилие регулировавших алкогольный рынок законодательных актов, которые выходили во второй половине лета — осенью 1914 г. из канцелярий как центральных, так и губернских органов власти. Очевидно, что общество не было готово к введению таких радикальных ограничительных мер. Государство пыталось в ручном режиме реагировать на конкретные проблемы, возникавшие в этой области, постоянно лавируя между запросами разных социальных групп: претензиями высшего общества на доступность алкоголя, петициями земцев и активистов трезвенного движения, требованиями армии, жалобами терявших товар торговцев и акционеров пивных заводов. В результате, такого явления, как «сухой закон», в Российской империи в период Первой мировой войны не появилось, поскольку в стране сохранялась легальная возможность приобрести алкоголь.

Поиск оптимальной формы контроля над спиртным как в стране, так и на уровне Олонецкой губернии, продолжался на протяжении всей второй половины 1914 г. и начала 1915 г. 23 августа 1914 г. Николай II объявил о продлении запрета на продажу алкоголя до конца войны, однако в скором времени последовали распоряжения, которые перекаладывали на местные органы самоуправления регулирование степени жёсткости запрета в конкретной местности⁴⁶. Руководствуясь этим документом, городские думы и уездные земские собрания выработали ходатайства, в которых определили степень ограничения реализации алкоголя в рамках того или иного уезда и города. Общая информация, по поданным ходатайствам представлена в таблице 1.

⁴³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120 / 45. Л. 55.

⁴⁴ Там же Л. 94.

⁴⁵ Там же Л. 130.

⁴⁶ *Такала II. Р. Веселие Руси. С. 168.*

Таблица 1⁴⁷

Сведения об ограничении продажи алкоголя на территории Карелии в период
Первой мировой войны

Уезд	Дата ходатайства	Решение	Алкоголь, доступный для легального приобретения
Повенецкий уезд и г. Повенец	1 ноября 1914 г.	В Повенце и Повенецком уезде повсеместный запрет на продажу всех видов алкоголя, кроме лёгких вин, до конца войны	Лёгкие вина в Повенце
Петрозаводский уезд и г. Петрозаводск	4 ноября 1914 г.	В Петрозаводске и Петрозаводском уезде запрет на продажу водки, пива, всех водочных настоек, коньяков, рома и крепких виноградных вин до конца войны	Лёгкие вина в Петрозаводске до 5 февраля 1915 г.
Пудожский уезд и г. Пудож	17 ноября 1914 г.	В Пудоже и Пудожском уезде повсеместный запрет на продажу всех видов алкоголя до окончания войны	Нет
Олонецкий уезд и Олонец	9 ноября 1914 г.	В г. Олонце и Олонецком уезде повсеместно запрещена продажа всего алкоголя до окончания войны	Нет
Кемский уезд Архангельской губернии	—	По результатам крестьянских приговоров о запрещении продажи алкоголя	Нет сведений

Из данных таблицы следует, что на территории изучаемого региона законодательно были установлены строгие ограничения продажи алкоголя. В карельской деревне приобрести его легально было невозможно.

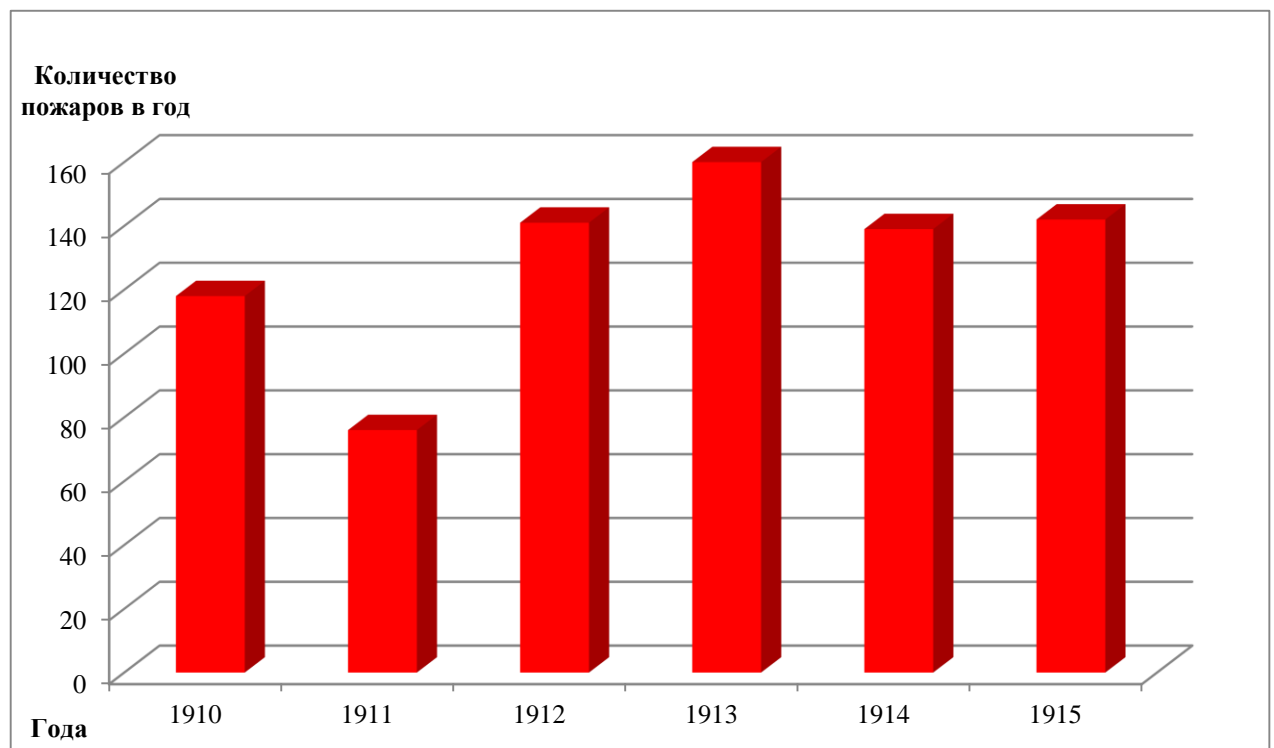
⁴⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120 / 50. Л. 57.; Карелия в годы Первой мировой войны: сборник документов и материалов / Редкол.: Е. Ю. Матвеева, Е. С. Намятова, М. Е. Неёлова. Петрозаводск, 2014. С. 355–356.

Введённые ограничения по реализации алкоголя оказали положительное влияние на ряд аспектов общественно-экономической жизни карельских крестьян. В Олонецкой губернии было отмечено двукратное снижение числа преступлений, значительная часть которых совершалась в состоянии опьянения. Если в августе 1913 г. в Олонецкой губернии у судебных следователей было зафиксировано 96 дел, то в августе 1914 г. их число сократилось до 49⁴⁸. Заметим при этом, что снижение преступности могло быть вызвано не только запретом продажи алкоголя, но и снижением числа лиц, которые могли его употребить и совершить преступление: в результате мобилизации в армию были призваны мужчины молодого и среднего возраста.

Со снижением пьянства в научной литературе связывается резкое снижение количества пожаров в населённых пунктах⁴⁹. Однако анализ подсчёта случаев пожаров, которые произошли на описываемой территории в 1914 и 1915 гг. (подсчёт за 1916 и 1917 гг. осложнён неполнотой данных), говорит о том, что взаимосвязь между запретом алкоголя и количеством пожаров в регионе неочевидна.

Диаграмма 1⁵⁰

Количество пожаров на территории современной Карелии в 1910–1915 гг.

⁴⁸ Что даёт трезвая жизнь // ВОГЗ. 1914. № 23. С. 12. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11230&cType=1> (21.12.2018); Введенский И. Н. Опыт принудительной трезвости. М., 1915. С. 12.

⁴⁹ Блохина Н. Н. К истории создания «сухого закона» в Российской империи в 1914 г. // Вопросы наркологии. 2015. № 4. С. 58.; Что даёт трезвая жизнь. С. 12–13.

⁵⁰ Составлено по: обзорам Олонецкой губернии за 1910–1914 гг.; обзорам Архангельской губернии за 1910–1915 гг.; материалам ВОГЗ за 1915–1917 гг.

Источники отмечают ряд других положительных тенденций в социально-экономической жизни карельских крестьян после введения запрета на алкоголь. Увеличились местные (не связанные с отходом) заработки, уменьшилось количество обращений за ссудами в местные кредитные товарищества⁵¹. Значительно улучшился моральный климат в деревне. Нормой становились трезвые свадьбы, беседы, народные праздники, которые не заканчивались драками и бранью. Трезвость стала залогом улучшения семейных взаимоотношений в крестьянских семьях, поскольку прекратились «отвратительные семейные сцены, вызываемые пьяными, буйными отцами семейств»⁵².

Однако было бы ошибкой идеализировать сложившуюся после запрещения продажи алкоголя морально-психологическую и экономическую ситуацию в деревне. В условиях постоянно дорожавших продуктов питания и других вызовов военного времени даже удачно вложенные сэкономленные на алкоголе средства не могли существенно повлиять на рост благосостояния крестьянства в долгосрочной перспективе. Кроме того, в деревнях оставались завсегдатаи «казёнок», которые были уверены, что после завершения войны водка снова вернётся в деревню. Пока же они использовали различные средства для подавления алкогольного влечения. Усиленно курился крепкий табак, употреблялась сильно наперченная пища, «только бы «покрепче жгало»»⁵³. При этом необходимо заметить, что источники свидетельствуют об отсутствии в карельской деревне массовых случаев употребления спиртосодержащих жидкостей: денатурированного спирта, лака, политуры и т. д.⁵⁴.

Спиртное не могло бесследно исчезнуть из жизни деревни. Донесения полицейских чинов периодически фиксировали факты употребления водки. Имели место и нетипичные ситуации. В одной из деревень летом 1915 г. был зафиксирован факт пьянства. В ходе проведённого дознания выяснилось, что один из крестьян угощал водкой товарищей по случаю призыва в армию. Однако водка была куплена им вполне легально ещё весной 1914 г. в казённой лавке и держалась в запасе больше года именно к этому случаю⁵⁵.

⁵¹ *Кашурин П. С.* Влияние войны и трезвости на народное хозяйство и жизнь: (Из Остречинской вол., Петрозаводского у.) // ВОГЗ. 1914. № 23. С. 13. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11230&cType=1> (21.12.2018).

⁵² *Коренной П.* Война и деревня: Сообщение из Заонежья // ВОГЗ. 1915. № 2. С. 6. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11431&cType=1> (21.12.2018); *Кузарианин.* Отрезвлённая Кузарианда // ВОГЗ. 1915. № 4. С. 12. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11270&cType=1> (21.12.2018).

⁵³ *П-ий А. В.* По поводу отмены продажи спиртных напитков // ВОГЗ. 1915. № 4. С. 13. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=028&id=11270&cType=1> (21.12.2018).

⁵⁴ Там же; *Коренной П.* Война и деревня. С. 6.

⁵⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121 / 7. Л. 3.

Достать алкоголь в карельской деревне было непросто, однако попадая в уездные города, заинтересованные лица могли купить спиртосодержащие жидкости. Частой была практика «угощения» незаконным алкоголем. В Повенце был составлен протокол на мещанина Ивана Ильича Попова, который «...пьяный без сознания лежал у лестницы чайной общества трезвости». При проведении дознания выяснилось, что денатуратом его угостил неизвестный мужчина⁵⁶.

В Пудожье главным поставщиком алкоголя на подпольный рынок был местный купец Н. Копейкин, который до войны владел ренковым погребом в этом городе. На незаконную торговлю алкоголем жаловались местные жители. Крестьянин из Толвуйской волости Петрозаводского уезда С. М. Бутяев, проживавший в то время в Пудожье, писал в июле 1915 г. о сложившейся ситуации губернатору М. И. Зубовскому. Крестьянин патетически замечал, что торговля спиртным в городе не прекращается, несмотря на запрет «его императорского величества и желание всего русского народа». Разбирательство привело к составлению очередного протокола. При этом Н. Копейкин удрученно заявил: «Вот сделаешь людям добро, а сам страдай»⁵⁷.

Постройка Мурманской железной дороги также в известной степени отразилась на положении дел в рассматриваемой сфере. И в источниках, и в литературе отмечается, что население Карелии было незнакомо с традициями самогонварения⁵⁸. Этот факт можно объяснить экономическими причинами: у местных жителей не было в избытке зерна, картофеля, сахара — то есть основных необходимых ингредиентов. С началом строительства мурманской магистрали в край приехали тысячи рабочих из центральных губерний России. Некоторые из них занимались сооружением не только железной дороги, но и самогонных аппаратов, «угощая» затем, в том числе, и местных крестьян, приехавших на заработки⁵⁹.

Существовали возможности купить спиртное вполне легально, если у желающего были «проблемы» со здоровьем. Дело в том, что медицинская наука того времени допускала употребление алкогольных напитков по медицинским показаниям. В связи с этим губернатор регулярно выдавал разрешения на отпуск аптекам крепких виноградных вин и даже пива⁶⁰. Ситуацией пользовались и желающие выпить, и желающие заработать. Среди последних был уже

⁵⁶ Там же. Оп. 2. Д. 10 / 105. Л. 7.

⁵⁷ Там же. Оп. 1. Д. 121 / 7. Л. 188.

⁵⁸ *Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А.* Карелия в годы Первой мировой войны. С. 57.

⁵⁹ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18 / 745. Л. 35 – 36.

⁶⁰ Там же. Оп. 1. Д. 122 / 8. Л. 8, 48.

упомянутый пудожский купец Н. Копейкин, хотя поставлять такие оригинальные лекарства для «больных» он не имел права⁶¹.

Населению не запрещалось готовить пиво, а также брагу дома для собственного употребления⁶². Возможности самостоятельно готовить алкогольные напитки способствовала свободная продажа дрожжей⁶³. Приготовленный особым образом «квас», достигавший крепости 7,5 %, пользовался большой популярностью у крестьян, приезжавших в город по хозяйственным делам⁶⁴.

Доступность дрожжей создавала условия для изготовления пива в деревнях. Согласно рапорту олонецкого уездного исправника, в Видлицкой волости в приготовлении и продаже пива участвовал уроженец Финляндии. Интерес выходца из Великого княжества к спиртному в Карелии неслучаен. В XIX — начале XX в. алкоголь составлял значительную часть в структуре контрабандных товаров, которые перевозили крестьяне через финляндскую границу. Жители северокарельских деревень покупали спирт в Сороке и привозили его в Финляндию, прикрыв сверху селёдкой⁶⁵. В то же время наблюдался и обратный процесс: из финляндских деревень в Беломорскую Карелию отправлялся картофельный самогон⁶⁶. О налаженной алкогольной контрабанде между финскими и карельскими крестьянами говорят и другие факты. На месте пересечения границы дорогой, ведущей от Белого моря в Куусамо (в районе Паанаярви), лежало большое количество битого стекла от водочных бутылок⁶⁷. С введением запрета на продажу алкоголя в России в 1914 г. поток контрабандной водки в Финляндию снизился. Видимо, незаконные поставки спиртного оттуда в Карелию также были маловероятны. Несмотря на то, что официально введение «сухого закона» в Финляндии не было утверждено Николаем II, в автономии с начала Первой мировой войны действовал запрет на продажу спиртных напитков в городах. Поскольку почти весь оборот алкоголя был сосредоточен в них, то можно констатировать, что в Финляндии *de facto* также действовал запрет на продажу алкоголя с 1914 г.⁶⁸

Запрет на продажу алкоголя вызвал в карельской деревне другое негативное социальное явление — увлечение азартными карточными играми. Современники

⁶¹ Там же. Д. 121 / 7. Л. 186.

⁶² Такала II. Р. Веселие Руси. С. 168.

⁶³ *Yot*. Растущее пьянство в Петрозаводске // Олонецкая неделя. 1915. № 32. С. 10.

⁶⁴ НАРК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10 / 105. Л. 1 – 3.

⁶⁵ Бубновский М. II. Контур Архангельской Карелии // Известия общества изучения Архангельской губернии. 1914. № 14. С. 435.

⁶⁶ Майнов II. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. С. 280.

⁶⁷ Сент-Илер К. К. Как мы прошли с Белого моря в Финляндию: (Отклики войны на Севере). Юрьев, 1915. С. 31.

⁶⁸ Johnson W. The Liquor Problem in Russia. Ohio, 1915. P. 93.

считали, что по тому урону, который приносят карты в социально-экономическую жизнь крестьянства, азартные игры вполне можно было сопоставить с довоенным пьянством⁶⁹. Притоны открывались почти повсеместно. Это были обычные крестьянские дома, хозяева которых получали вознаграждение с каждого выигрыша. Земская интеллигенция края однозначно оценивала причины новой девиации, стремительно набравшей оборот в деревне. В частности, отмечалось, что крестьяне стали получать хорошие деньги на заработках, а также с продажи продукции сельского хозяйства закупочным конторам на постройке железной дороги. Другая важная причина заключалась в том, что оторванным от пьянства людям не предлагалось должной альтернативы. Крестьянин шёл играть от скуки. Естественно, необходимо чётко понимать, что подвержен этому негативному явлению был далеко не каждый житель деревни, как не каждый был пьяницей. У главы крепкого крестьянского хозяйства просто могло не иметься времени на карты.

На страницах земских изданий предлагались разные способы решения проблемы зависимости деревни от нового социального недуга. Некоторые из них были связаны с принудительными мерами, но большинство авторов высказывалось за необходимость просвещать деревню через сеть народных домов, читален⁷⁰.

Таким образом, анализ целого ряда источников позволяет сказать, что до последней четверти XIX в. потребление алкоголя крестьянами Карелии представлялось элементом обрядовой сферы и не являлось повседневной практикой. Трезвость как норма была связана с внутренними факторами сдерживания крестьянской общины, стремившейся к социальному благополучию, а также с целым рядом внешних факторов: географическим положением, отсутствием путей сообщения, низкой плотностью населения, сильными позициями старообрядчества. Кроме того, анализ этнографических очерков позволяет сделать вывод, что в волостях, населённых карелами, позиции трезвости были несколько сильнее, чем среди русских Карелии.

К концу XIX в. структура потребления алкоголя постепенно стала меняться. Под влиянием городских традиций спиртное начало занимать более видное место в повседневности карельской деревни. Осознавая сильную деструктивную роль пьянства в социально-экономической жизни общины, крестьяне стремились к нивелированию этой угрозы. Используя механизмы самоуправления, общества составляли приговоры и запрещали или ограничивали продажу алкоголя на своих землях. Это движение совпало с усилиями по популяризации трезвости со стороны общественности, а накануне Первой мировой войны — и государства.

⁶⁹ Кубаков П. Азартные игры как новое нарастающее бедствие // Олонеккое утро. 1915. № 6. С. 4.

⁷⁰ Федорович А. Борьба с карточной игрой // ВОГЗ. 1915. № 20. С. 9. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=025&id=12817&cType=1> (21.12.2018); Андронов А. Борьба с азартом // ВОГЗ. 1916. № 2. С. 6. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=025&id=13640&cType=1> (21.12.2018).

Карельская деревня в целом одобрила запрет на продажу алкоголя. Эта кампания принесла некоторые положительные явления: улучшился микроклимат в семьях, снизилось число преступлений, в деревне стало оставаться больше денег. Однако следует крайне осторожно оценивать масштабы положительного влияния запрета алкоголя в 1914 г. на социально-экономическую жизнь крестьян Карелии. Имевшиеся на руках средства в условиях военного времени постепенно обесценивались инфляцией. Вложить их в развитие хозяйства также стало труднее: промышленность страны в экстремальных условиях оказалась не в состоянии обеспечить село современными сельскохозяйственными орудиями. В деревне пьянство было побеждено, но в уездных городах Олонецкой губернии оставались возможности найти спиртосодержащие продукты химической промышленности, купить на чёрном рынке крепкое пиво и т. д. Приток рабочих из других губерний на строительство железной дороги познакомил местных жителей с ранее малоизвестным в карельской деревне самогонварением. Наконец, на смену алкоголю в Карелии, как и в других регионах страны, пришли азартные игры, таившие в себе не меньше опасности, чем «зелёный змей».

Важно подчеркнуть, что крестьянский мир в Карелии до Первой мировой войны принципиально не отвергал алкогольные напитки полностью, принимая радикальные меры лишь при необходимости. Крестьянство было затронуто общенациональным патриотическим подъёмом во второй половине лета 1914 г. и разделяло уверенность в быстротечности войны и скорой победе. В таких условиях трезвая жизнь воспринималась как своеобразная жертва, своего рода духовный обет, данный обществом ради успешной борьбы армии с неприятелем. Однако затягивание войны со временем привело к нарастанию общей психологической усталости населения. А запрет на доступ к алкоголю внёс свою лепту в усугубление этого состояния, что затем стало одной из причин Гражданской войны.

Список литературы

Аксенов, В. Б. «Сухой закон» 1914 года: от придворной интриги до революции / В. Б. Аксенов // Российская история. — 2011. — № 4. — С. 126–139.

Блохина, Н. Н. К истории создания «сухого закона» в Российской империи в 1914 г. / Н. Н. Блохина // Вопросы наркологии. — 2015. — № 4. — С. 52–62.

Быкова А. Г. Общества трезвости в истории трезвенного движения в России в XIX — начале XX вв. / А. Г. Быкова // Омский научный вестник. — 2005. — № 4 (33). — С. 22–26.

Винокурова, И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX—начало XX в.) / И. Ю. Винокурова. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ. — 1996. — 139 с.

Дубровская, Е. Ю. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914 – 1918 / Е. Ю. Дубровская, Н. А. Кораблев. — Санкт-Петербург : Нестор–История, 2017. — 432 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

Карелия в годы Первой мировой войны : сборник документов и материалов / редкол.: Е. Ю. Матвеева, Е. С. Намятова, М. Е. Неёлова. — Петрозаводск : Verso, 2014. — 493 с.

Кожевникова, Ю. Н. Кижское сельское общество на рубеже XIX — XX вв. : к вопросу о налогообложении крестьян (по документам из Карельского собрания ИРЛИ РАН (Пушкинский дом)) / Ю. Н. Кожевникова // Кижский вестник. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2015. — Вып. 5. — С. 152–161. — URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/kizhskij-vestnik-vyipusk-15/1649.html>. — (21.12.2018).

Мак-Ки, А. Сухой закон в годы Первой мировой войны : причины, концепция и последствия введения сухого закона в России : 1914–1917 гг. / А. Мак-Ки // Россия и первая мировая война : (материалы международного научного colloquium) / под ред. Н. Н. Смирнова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — С. 147–159.

Николаев, А. В. Антиалкогольная кампания в России 1894–1914 годов: исторический опыт решения проблемы / А. В. Николаев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 35 (136). — С. 60–72.

Пулькин, М. В. Алкоголь и традиционная культура в XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) / М. В. Пулькин // Традиционная культура. — 2012. — № 2 (46). — С. 112–121.

Такала, И. Р. Веселие Руси: история алкогольной проблемы в России / И. Р. Такала. — Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2002. — 335 с.

Чагадаева, О. Конец винополии : государственная инициатива по борьбе с пьянством накануне Первой мировой войны / О. Чагадаева // Родина. — 2011. — № 8. — С. 141–143.

НАЗАРОВА ЕВГЕНИЯ ЛЬВОВНА / NAZAROVA Evgeniia

Институт всеобщей истории Российской академии наук / Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

ezis08@gmail.com

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС КАК ФАКТОР РАСПАДА РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ. ЛАТВИЯ И ЭСТОНИЯ НА ПУТИ К НЕЗАВИСИМОСТИ.
1914–1917**

**THE NATIONAL QUESTION AS A FACTOR OF THE COLLAPSE
OF THE RUSSIAN EMPIRE. LATVIA AND ESTONIA ON THE ROAD
TO INDEPENDENCE. 1914–17**

Abstract: The first part of the article outlines the 1914–17 discussion on establishing national autonomies in the non-Russian regions of the Empire when the WWI made the national question extremely urgent both for the central government and national elites. After the collapse of the Empire the Provisional Government did not work out any general programme for solving the problem. The second part analyses the activity of Latvian and Estonian national-democratic leaders for solving the national question in their respective regions. They presented their projects of establishing national autonomies based on democratic principles to the Provisional Government in spring 1917. Although the latter did not approve these programmes in full, the elected National Land Councils started corresponding reforms, while the Bolsheviks who were also present in these Councils made efforts to undermine the creation of autonomies. When Russia was proclaimed the democratic state on September 1 (13), 1917, the federative form of the state was not declared. But despite growing tendency to independence, establishing national autonomies within a Russian Democratic Federal Republic to be proclaimed by the All-Russian Constituent Assembly remained more attractive perspective for the Latvians and Estonians. The dissolution of the Constituent Assembly in January, 1918 marked the end of the hopes for national autonomies within the Russian Democratic Federal Republic. Still, the formation of the Soviet Federative State in spite of the Bolsheviks' previous idea of a unitary proletarian republic, indicated that the Communist authorities had to take into account the peoples' desire for national autonomies. This fact highlights the missed opportunities for the Provisional Government to save the project of the Russian democratic state.

Ключевые слова / Keywords: Российская империя, Латвия, Эстония, Первая мировая война, Временное правительство, Всероссийское учредительное собрание, национальный вопрос, идея автономии / The Russian Empire, Latvia, Estonia, World War I, the Russian Provisional Government, the All-Russian Constituent Assembly, national question, the idea of autonomy

Цель настоящей статьи — проследить, как в течение 1917 г. реализовалась идея национального самоопределения и создания национальной государственности у эстонцев и латышей. Но рассматривая ситуацию в Прибалтийском регионе в 1917 г., надо иметь в виду, что происходившие здесь реформы местного управления были частью движения к национальной самостоятельности

большинства народов Российской империи, хотя и со своей спецификой в каждом национальном районе. Противоречия между имперским центром и нерусскими народами страны, возникавшие с XVIII в. по мере расширения границ империи и включения национальных окраин в единую систему административного управления Российского государства, приобрели особую остроту на фоне мировой войны и явились одним из факторов распада империи.

Характерной чертой развития многоэтнической Российской империи, особенно во второй половине XIX — начале XX в., было постоянно усиливавшееся преимущество титульной русской нации в наиболее важных сферах жизни на национальных окраинах. В основе государственной идеологии в Российской империи со времени правления императора Николая I лежали постулаты т. н. теории официальной народности: «православие, самодержавие, народность»¹. В рамках этой идеологии строилась и политика имперского центра в отношении с национальными окраинами. Причём центральная власть практически не учитывала особенности экономического, социального и культурного развития нетитульных народов.

Вместе с тем уже в начале XX в. стало очевидным, что многие народы национальных окраин страны, в первую очередь западных частей империи и Закавказья, по уровню культуры, образования, ведению хозяйства не только не уступали титульной нации, но нередко и превосходили её. При этом «инородцы» не имели прав самоуправления в своих этнических районах, не могли получать полноценного образования на родном языке, были ограничены в правах владения землей².

¹ Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. М., 1999. Вып. 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. С. 233–244.

² Некоторые представители социальной элиты нетитульных народов использовались имперской властью в административном управлении их этническими территориями или, чаще, другими национальными окраинами, становясь, таким образом, частью господствующего класса страны и проводником имперской национальной политики. Численно увеличивавшаяся в течение XIX в. интеллектуальная элита нерусских народов, находя применение своим профессиональным навыкам очень часто именно за пределами своих этнических территорий (педагоги, медики, юристы, инженеры, офицеры, др.), становилась частью общегосударственной сословной структуры. Многие представители этих элит предпочитали обрусеть, но другие, национально ориентированные, были носителями формировавшегося национального сознания своих народов и возглавляли национальные движения. Усиление на национальных окраинах русификации в области административного управления, перевод на русский язык обучения в учебных заведениях всех ступеней и введение русского языка как обязательного во всех сферах жизни местного общества со второй половины XIX в. настроило против империи разные социальные слои «инородцев» и активизировало требования равенства прав наций и народов, входившие в противоречие с основными принципами национальной политики империи. См., например: Далбилов М. В. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; Камзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005; Миллер А. П. Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской

Вопрос о предоставлении прав самоуправления коренным народам окраин империи оказался на повестке дня в российском обществе уже в годы Первой русской революции, в том числе и потому, что нетитульные нации получили возможность посылать своих депутатов в Государственную думу. Появились и первые национальные политические партии. В ноябре 1905 г. вопрос об организации в России «народовластия на началах федеративного строя» на съезде Союза автономистов-федералистов обсуждали представители двенадцати народов империи (включая латышей, литовцев и эстонцев). По конкретным вопросам федеративного устройства согласия на съезде достигнуто не было. Но в обществе активно дискутировался вопрос о необходимости предоставления административных и экономических прав народам национальных окраин на их этнических территориях. Создание национальных автономий представлялось сторонникам автономистов-федералистов необходимым условием дальнейшего существования многонационального государства³. Тема культурной и политической автономии рассматривалась также в прессе отдельных народов, например, латышей и эстонцев⁴. Автономию для Украины требовали депутаты Государственной думы от украинских губерний⁵. В Думе дискутировался вопрос о предоставлении Польше всех тех прав земского и городского самоуправления, которые имели губернии в центре России. Правда, в итоге были приняты решения, не удовлетворявшие поляков⁶.

империи // Россия и Балтия. М., 2004. Вып. 3. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я пол. XVIII–XX в. С. 142–154; Назарова Е. А. Латышские педагоги в России // Интеллигенция в многонациональной империи: Русские, латыши, немцы: XIX — начало XX в. М., 2009. С. 128–220; Nazarova E. Latvians in the Service Class of the Russian Empire // Russia on the Baltic: Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perception (16th–20th Centuries) / Ed. by K. Brüggemann and B. D. Woodwoth. Wien; Köln; Weimar, 2012. P. 331–343; Ованесов Б. Т. Армянская интеллигенция Российской империи в общественной жизни Северного Кавказа (конец XVIII — начало XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ставрополь, 2009. № 6. С. 44–49; Суни А. В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982; Суни Р. Г. Национальная политика // Критический словарь русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С. 617–621 и др.

³ См. об этом: Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы / Ред. И. В. Нам. Томск, 1998. С. 56–57; также: Бодуэн де Куртене П. А. Возможно ли мирное сожителство разных народностей в России? // Отечество: Пути и достижения национальных литератур России: Национальный вопрос. СПб., 1916. Т. 1. С. 9–21.

⁴ A. G. Rašvaldība un autonomija // Balss. 1906. 7. okt. Nr. 214. 2.–3. lpp.; Lazarovskis N. Par autonomiju // Galvas Pilsētas Avīzes. 1906. 27. janv. Nr. 7. 1. lpp.; 31. janv. Nr. 8. 1. lpp. Также: Карьяхарм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин, 1987. С. 228; Назарова Е. А. Переводы с латышского на русский в эпоху заката империи. 1914–1917 гг. // Россия и Латвия в потоке истории: 2-я половина XIX — 1-я половина XX в. М., 2015. С. 123–124.

⁵ Тацрова-Яковлева Т. Г. Украинские земли в новое время (середина XVI–XIX вв.) // История Украины. СПб., 2015. С. 256.

⁶ Широкопад А. Б. Польша. Непримируемое соседство. М., 2011. С. 309–310.

Альманах североευропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3

В 1907–1914 гг. в России параллельно происходили два процесса: с одной стороны, шло дальнейшее развитие самосознания коренных народов окраин страны и усиливались требования предоставить им на их этнических землях равные с титульной нацией экономические, социальные и административные права⁷, а с другой — в русском обществе, воспитываемом в духе преимущества русской нации, усилилось недовольство требованиями «инородцев». Назревавший конфликт отчетливо проявился в начале 1914 г. в обмене резкими обвинениями на Всероссийском съезде учителей, а также в высказывавшихся в статьях писателя Василия Васильевича Розанова претензиях к «неблагодарным» народам, которые не хотят «растворяться в русском народе». Правда, далеко не вся русская интеллигенция разделяла подобные взгляды, поддерживая развитие всех народов страны⁸.

То, что национальный вопрос — одно из наиболее слабых мест в Российской империи, стало ясно уже в начале войны⁹. После вступления России в войну подавляющая часть национальных элит западных окраин и Закавказья выразила поддержку имперским властям¹⁰. Они, однако, рассчитывали, что после окончания войны в Российской империи будет решен вопрос о самоопределении наций вплоть до создания независимых государств. Показательна в этом плане литовская «Янтарная декларация», в которой Россия названа «освободительницей народов» и в которой говорится, что дружбу между литовским и русским народом «ничто не затмило». Авторы декларации выражали надежду на то, что после победы России над «тевтонским мечом» будут объединены все литовские земли и появится возможность для полноценного развития литовской нации¹¹. Можно сказать,

⁷ Или с той нацией, которая являлась опорой империи в управлении данной национальной территорией. Например, с прибалтийскими немцами в Прибалтийских губерниях, которые не являлись коренной нацией региона.

⁸ См. об этом: *Назарова Е. А.* Переводы... С. 124–125; кроме того: *Её же.* Георг Розе — друг поэта Брюсова: фрагмент из истории создания общероссийского культурного пространства. 1914 г. // *Vēsture: avoti un cilvēki.* Daugavpils, 2018. Vol. XXI. 268.–276. lpp. URL: https://du.lv/wp-content/uploads/2018/01/Vesture_XXI_2018_internets.pdf (30.12.2018).

⁹ О том, как складывались отношения властей России с населением разных регионов империи в связи необходимостью решать национальные проблемы в годы войны, см.: *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.

¹⁰ *Тауфова-Яковлева Т. Г.* Украинские земли в новое время... С. 258; *Мейнандер Х.* История Финляндии. М., 2017. С. 130; *История Азербайджана* / Ред. Д. Б. Гулиев. Баку, 1979. С. 118; *Бахтурина А.* Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1(14) августа 1914 г. // *Acta historica Klaipedensis.* 2015. Vol. 31. P. 50–51; 20. *gadsimta Latvijas vesture* / Red. V. Bērziņš. Rīgā, 2000. I.sēj. Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918. 540. lpp.

¹¹ *Лауринавичюс Ч., Роуэлл С.* Многовековое соседство: исторические связи Литовского и Русского государств в XIV–XX вв. Вильнюс, 2009. С. 50; *Каспаравичюс А.* Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // *Россия и Балтия.* М., 2015. Вып. 7. Памятные даты и историческая память. С. 256–262.

что для литовцев оказался более предпочтительным выбор ориентации на Россию, а не на Польшу или Германию.

Белорусские национально-демократические лидеры, также ориентировавшиеся на Россию, первоначально отдавали предпочтение восстановлению двуединого белорусско-литовского государства в качестве преемника Великого княжества Литовского. Идея же белорусской государственности оформилась после того, как стало очевидным отсутствие у литовской элиты желания к объединению на равных условиях¹².

Учитывая важность позиции в войне польской элиты и польского народа в целом, главнокомандующий российской армии великий князь Николай Николаевич издал 1 августа 1914 г. (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) манифест, где говорилось о необходимости возрождения Польши под «скипетром русского царя, свободной в языке, вере и самоуправлении»¹³. Но таких довольно туманных обещаний для польских национальных демократов было недостаточно. В июне 1915 г. Николай II созвал польско-литовское совещание по определению будущего польского самоуправления, а в августе того же года председатель Совета министров И. А. Горемыкин объявил о признании польской автономии после войны¹⁴.

Поддержка имперских властей армянскими национально-демократическими кругами в войне была связана с надеждой на полное освобождение Западной Армении от турецкого ига и на объединение армянских земель. Особенно актуальным это стало после массового уничтожения армян на территории Турции в 1915–1916 гг. и бегства тысяч армян через границу в Российскую империю. Правда, ни одна из союзных держав, включая Россию, не давала обещаний предоставить армянам автономию¹⁵.

Надежды на расширение прав самоуправления на национальных окраинах усиливались в связи с тем, что в российской армии сражались представители почти всех народов империи. Кроме того, власти пошли на создание регулярных и добровольных национальных частей в составе российской армии. Всего в первые два года войны в составе российской армии воевали финские (добровольцы), польские, латышские части, татарский (азербайджанский) кавалерийский полк,

¹² Михалюк Д. Литовско-белорусские отношения на территории OBER-OST в годы 1-й мировой войны (1915–1919) // Россия и Балтия. М., 2017. Вып. 8. Новый мир на развалинах империи. С. 59–78; Михалюк Д. Беларуская Народная рэспубліка ў 1918–1920 гг.: Ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск, 2015, С. 108–121.

¹³ Бахтурина А. Воззвание великого князя Николая Николаевича. С. 50–55.

¹⁴ Тышовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. С.386–387.

¹⁵ История армянского народа: С древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1980. С. 260–269.

кавалерийская дивизия из народов Северного Кавказа, грузинские и армянские добровольческие части¹⁶.

Необходимость создания своих воинских частей весной 1915 г. обсуждалась и в эстонской демократической печати. С таким предложением к лифляндскому губернскому правлению обратился юрист и издатель газеты «Postimees» («Почтальон») Яан Тыниссон. Предполагалось сначала использовать национальные части для оборонительных работ, а при приближении немецких войск и непосредственно в военных действиях. За создание таких частей выступила и русскоязычная пресса в Эстляндской губернии (газеты «Ревельские Известия», «Ревельский вестник»), обвинившая эстонцев в отсутствии патриотизма. Однако эстонская общественность в подавляющем большинстве была тогда против национальных частей, не считая нужным таким образом проявлять свои патриотические чувства. К тому же фронт в тот момент находился далеко от Эстляндии и Северной Лифляндии, и перед эстонцами не стоял вопрос о защите своей земли. К рассмотрению этого вопроса вернулись в конце лета 1916 г. из-за опасения, что германские войска могут вторгнуться на этнические эстонские территории. Но тогда германское наступление остановили, а к созданию эстонских частей приступили лишь в 1917 г.¹⁷

О том, что появление национальных воинских частей воспринималось как шаг к национальной автономии, свидетельствует пример с латышскими стрелковыми батальонами. Для согласования вопроса об их формировании латышская делегация ездила в июле 1915 г. в ставку Северо-Западного фронта. Выступая после возвращения в Петроград перед латышской общественностью, один из членов делегации — депутат IV Государственной думы Янис Голдманис — заявил, что командующий фронтом генерал М. В. Алексеев¹⁸ с пониманием отнёсся к идее предоставления латышам «широкого самоуправления» после окончания войны¹⁹.

Правда, решение властей о создании национальных частей, вопреки тому, как это воспринимали национальные элиты, было вызвано в первую очередь необходимостью постоянно пополнять армию свежими силами. Добровольческие

¹⁶ Паюф А. Эстонские национальные воинские части в русской армии // Россия и Балтия. Вып. 8. С. 35–36; Мейландер Х. История Финляндии. С. 129–131; Армянское добровольческое движение // Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915–1916 годы: Сборник документов и материалов. Ереван, 1995. Вып. I / Сост. Г. А. Абраамян, Т. Г. Севан-Хачатрян. URL: <http://www.genocide.ru/lib/abrahamyan/75-87.htm#80> (30.12.2018); Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте: 1914–1917 г. М., 2014. С. 28, 33–36, 41.

¹⁷ Паюф А. Эстонские национальные воинские части в русской армии. С. 40–43; Зеттерберг З. История Эстонской республики. Таллинн, 2013. С. 39–40.

¹⁸ В августе 1915 г. М. В. Алексеев был назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего.

¹⁹ Silins J. Zināmākais latvietis Petrogradā: Jāņa Goldmaņa politiskā darbība Krievijā un Latvijā // Latvijas Arhīvi. 2015. Nr. 3. 168. lpp. URL: http://www.arhivi.lv/sitedata/ZURNALS/zurnalu_raksti/Silins_Zin161-196.pdf (30.12.2018).

части не всегда были хорошо подготовлены в военном отношении. Но среди соплеменников военнотружущие-«иногородцы» воевали лучше, особенно если приходилось защищать их этнические территории.

Поддержка национальных элит была необходима властям империи и в связи с намерениями Германии и её союзников обострить национальные проблемы в России. Германия, Австро-Венгрия и Турция активно вели антироссийскую пропаганду среди народов национальных окраин Российской империи. Германия поддерживала сепаратистские силы в Финляндии и Грузии, где были группы, выступавшие за полную независимость их народов от России. После начала войны грузинские эмигранты создали «Комитет независимости Грузии». В 1915 г. представитель комитета Г. Мачабели, прибыв в Грузию, предлагал при поддержке Германии начать войну против России. А в 1916 г. Комитет опубликовал доклад «Права грузинского народа», в котором обращался к мировой общественности с просьбой помочь Грузии в восстановлении нарушенных Россией условий Георгиевского трактата 1783 г.²⁰

Турция проводила подрывную работу среди населения Азербайджана и Средней Азии. Как полагают историки, восстания в Средней Азии в 1916 г., начавшиеся после объявления о мобилизации местного населения в царскую армию, проходили не без участия турецких и германских эмиссаров²¹.

В Галиции с самого начала войны был сформирован легион украинских сечевых стрельцов, присягнувших на верность Австро-Венгрии и Украине (подразумевалась независимая от России Украина), что было чрезвычайно опасно для Российской империи на фоне национальных выступлений в украинских губерниях страны²². В Финляндии прогермански настроенные представители финской элиты начали тайный набор в германскую армию²³.

Польская элита и в Австро-Венгрии, и в России выдвигала требования по созданию единого государственного образования. В августе 1914 г. в Австро-Венгрии началось формирование Польского легиона. В августе 1915 г. после занятия территории Польши германскими и австрийскими войсками оккупационные власти дали согласие на введение некоторых элементов национально-культурной

²⁰ Новикова И. Н. Германия и проблема финляндской независимости: 1914–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; Мейландер Х. История Финляндии. С. 127; Широкопад А. Б. Грузия: Закавказский тупик? М., 2010. С. 78.

²¹ Паназов А. В. Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А. Н. Куропаткина в его подавлении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2012. № 2. С.109–112; Ганин А. В. Кровавые уроки шестнадцатого года: Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1 (7). С. 94–124; К истории восстания киргиз в 1916 г. / С предисл. А. Чулошниковой // Красный архив: Исторический журнал. 1926. Т. 3 (16). С. 53–75.

²² Таирова-Яковлева Т. Г. Украинские земли в новое время... С. 257–258.

²³ Мейландер Х. История Финляндии. С.131.

автономии (преподавание на польском языке в школах, создание национальной высшей школы и др.). 5 ноября 1916 г. Германия и Австро-Венгрия подписали акт («акт двух императоров») о создании на территории Царства Польского Российской империи конституционной монархии, тесно связанной с двумя государствами-основателями²⁴. Очевидно, что решения российских властей в польском вопросе были непосредственно связаны с борьбой за польское общественное мнение.

К концу 1915 г. на занятой германской армией части западных территорий Российской империи (Курляндии, Литвы, белорусских земель в районе между Белостоком и Гродно) был установлен оккупационный порядок *Ober-Ost*. В латышской части Курляндской губернии (Курземе) оккупационная администрация, состоявшая из местных немцев, продолжила проводить политику онемечивания населения, начатую после революции 1905–1907 гг.²⁵ Немецкий язык насаждался как обязательный для общения в губернии. Под жёсткий контроль администрации были поставлены школы, в которых детей начали массированно обучать немецкому языку, с целью заменить им разговорный латышский. Были закрыты латышские общества, ограничено распространение прессы на латышском языке. В других же районах *Ober-Ost'a* германская администрация поддерживала культурную деятельность представителей нерусских национальностей, пытаясь таким образом завоевать их симпатии в противопоставление политике русификации²⁶.

В самой Российской империи в 1915–1916 гг. из западных районов в глубь страны отпоявились около двух миллионов беженцев белорусов, поляков, латышей, литовцев и др. Правительство рассматривало национальные элиты, возглавившие национальные благотворительные организации, как необходимое связующее звено в решении проблем беженцев.

Так что имперские власти, заинтересованные в сохранении лояльности нерусских народов, должны были проводить национальную политику таким образом, чтобы нейтрализовать недовольство и элит, и широких народных масс, особенно там, где часть этнических земель была оккупирована противником.

Следствием надежды национальных элит на то, что их народам может быть предоставлено самоуправление на этнических территориях, стал законопроект об административных правах латышей и эстонцев в Прибалтийских губерниях

²⁴ Тьмановский М., Кеневич Я., Хольцер. Е. История Польши. С. 388–390.

²⁵ После революции 1905–1907 гг. царские власти, испугавшиеся размаха выступлений латышей и эстонцев, пошли на уступки прибалтийским немцам, рассматривая их как опору империи в регионе. Была восстановлена немецкая гимназия, усиливались немецкие общества, в Курляндию начали переселять работников и арендаторов — немцев, вместо выселенных латышских крестьян. См.: Крутников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, 1989. С.132–137.

²⁶ 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 633.–639. lpp.; Михалюк А. Литовско-белорусские отношения на территории OBER-OST... С. 63. *Liulevičs V. G. German-Occupied Eastern Europe // A Companion to World War I /Ed. by J. Horne. Chichester; Malden (MA), 2010. P. 447–463.*

(«Законодательное представление о введении земских учреждений в Прибалтийском крае»), с которым 24 марта 1916 г. на заседании Думы выступил депутат Янис Залитис. Проект подписали 93 депутата Думы от всех национальных окраин и некоторых русских губерний. У проекта оказались сторонники в правящих структурах империи, но в итоге он был отвергнут большинством членов правительства и генералитета как не соответствующий интересам государства²⁷. В качестве некоторой компенсации за отказ принять законопроект и для поднятия боевого духа латышских стрелков им 19 июля 1916 г. было разрешено в особых случаях исполнять национальный гимн, что раньше запрещалось²⁸.

Об основных положениях будущих автономий в национальной прессе много писали ещё до падения империи в феврале 1917 г. Естественно поэтому, что после свержения монархии для многих нетитульных народов Российской империи вопрос о национальном самоопределении был наиболее важным. По замечанию латышской газеты, от Временного правительства требовали самостоятельности во всех национальных районах Российской империи от финнов до бурят на Дальнем Востоке и до народов Туркестана²⁹.

Однако провозглашение России республикой произошло лишь спустя полгода, определение же формы государства было отложено до Всероссийского учредительного собрания. Программы решения национального вопроса в масштабах всей страны у Временного правительства не было. Одним из его первых указов было уравнивание в правах представителей всех наций и конфессий³⁰. Но насущный вопрос о самоопределении народов на своих территориях начали решать лишь для Финляндии и Польши. Уже 7 марта 1917 г. было принято постановление о восстановлении действия конституции Великого княжества Финляндского и расширении прав работы сейма. Вместе с тем ограничения в правах управления сейма, введённые в 1904 г., должны были быть отменены только по окончании войны. При этом возврат к первоначальным положениям конституции Финляндии должен был произойти не автоматически, а после того, как сенат «войдет с соответствующими предложениями» в правительство. Вновь созываемому сенату, если того потребуют обстоятельства, будут переданы из правительства проекты основных законов³¹. То есть права сената были

²⁷ Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века: Сборник документов и материалов / Сост. Т. Карьяхарм. Тарту, 2000. № 51. С. 357–395.

²⁸ 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 581. lpp.

²⁹ Mēs prasām Latvijas autonomiju! // Brīvais strēlnieks. 1917. 13. apr. Nr. 2. 1. lpp.; Nacionālo organizāciju vēlēšanās // Ibid. 26. apr. Nr. 10. 1. lpp.

³⁰ Об отмене вероисповедных и национальных ограничений, 20 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1. С. 46.

³¹ Об утверждении конституции ВКФ и о применении ее в полном объеме, 7 марта 1917 г. // Там же. С. 23–25.

сформулированы нечётко; предполагалось, что окончательно статус Финляндии будет утверждён на Всероссийском учредительном собрании³².

В начале марта было опубликовано воззвание Временного правительства к полякам, в котором говорилось, что русский народ признаёт «за братским польским народом всю полноту права собственной волею определить судьбу свою». Свободной Польше предстояло возродиться из трёх разрозненных частей. Но окончательно скрепить «новый братский союз и дать своё согласие» на изменение государственной территории России должно было Учредительное собрание³³. Начала работать ликвидационная комиссия по выявлению имущества, принадлежавшего государственным и общественным учреждениям Царства Польского³⁴.

Очевидно, что решение польского вопроса, как и финляндского, диктовалось внешнеполитическими обстоятельствами. Причём Россия выступила сторонником создания единого свободного государства из всех польских земель, и этой новой Польше предлагался «новый братский союз»³⁵. В условиях же продолжавшейся войны такой «братский союз», вероятно, предполагал военную помощь Польскому государству в освобождении земель, находившихся пока под властью Австро-Венгрии и Германии.

Вслед за поляками и финнами на изменения надеялись и другие народы бывшей империи. Но поскольку их требования не были столь актуальными для внешнеполитического положения России в условиях войны, они должны были каждый по отдельности отстаивать перед Временным правительством требования национального самоопределения. При этом до конца сохранялась надежда на провозглашение федеративной республики Всероссийским учредительным собранием, которое первоначально было назначено на октябрь 1917 г.

Важность национального движения для пролетарской революции в России подчёркивали и большевики. Сразу после падения монархии 1917 г. В. И. Ленин выступил за предоставление независимости Финляндии. Но в отличие от планов национально-демократических сил, стремившихся как минимум добиться широкой автономии в Российской федеративной республике, свою ближайшую задачу лидеры большевиков видели в создании социалистического пролетарского

³² Сули Р. Г. Национальная политика. С. 621.

³³ Воззвание Временного Правительства к полякам // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. С. 423, 424.

³⁴ Ликвидационная комиссия по делам Царства Польского, 15 марта 1917 г. // Там же. С. 273; О дополнении Положения о Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, 10 апреля 1917 г. // Там же. С. 288–289.

³⁵ Воззвание Временного Правительства к полякам. С. 424.

государства. Его лучшей формой, обеспечивавшей свободу народов, они считали государство централизованное³⁶.

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть варианты деятельности по достижению национальной государственности всех наций Российской империи³⁷. Далее подробно остановимся на том, как разные политические силы в Латвии и Эстонии проводили в жизнь свои идеи о будущем национально-государственного устройства на их этнических землях.

Общим в истории латышей и эстонцев было то, что в прибалтийско-немецкой автономии, в которую входили Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии, коренные народы практически не имели прав административного управления, а их права и возможности землепользования были ограничены сохранением помещичьего землевладения остзейского дворянства. Последнее определяло полуфеодалный характер отношений в деревне, несмотря на предпринимаемые полумеры по ограничению прав дворян-помещиков на распоряжение землёй и связанных с этим привилегий.

Разница в положении латышской и эстонской частей региона в годы войны заключалась в том, что почти все латышские земли были оккупированы германской армией ещё до Октябрьского переворота, а эстонские области германская армия заняла только в 1918 г., уже после победы большевиков.

Актуальный для региона «Остзейский вопрос» обострился в Прибалтийских губерниях с началом войны. Депутаты Государственной думы от прибалтийских немцев и значительная часть немецких землевладельцев поддержали российские власти, но были и те, кто приветствовал германскую армию. После начала войны в регионе, особенно в Латвии (в Лифляндской и Курляндской губерниях), имели место многочисленные случаи открытого негативного отношения коренного населения к здешним немцам, спровоцированные в том числе и поведением местных военных и гражданских властей. Появились статьи против местных немцев в национальной и русской прессе Прибалтийских губерний. Агрессивность в отношении немецкого населения усиливалась и в связи с появлением в Северной Латвии многих тысяч беженцев из Курземе. Власти империи выслали многих

³⁶ Позицию большевиков по национальному вопросу в 1914 г. теоретически обосновал В. И. Ленин. Признавая право народов на национальное самоопределение, особенно в имперском государстве, он призывал к добровольному отказу от самоопределения и от полноценного развития наций (в первую очередь, от национального школьного образования) в интересах классовой борьбы пролетариата и пролетарского социалистического государства, которое, лишь будучи единым, может обеспечить подлинное равенство и свободу народов. (*Ленин В. И. К вопросу о национальной политике / Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 25. С. 64–72.*)

³⁷ О роли национального фактора в революции 1917 г. см.: *Шубин А. В. Национальных фактор в революции (1917 год) // Acta historica Klaipedensis. 2015. Vol. 31. P. 120–132.*

прибалтийских немцев в восточные районы страны. Тем не менее существовало опасение, что остзейцы могут стать «пятой колонной». В этих условиях перед властями встал вопрос об изменении политики в регионе в пользу коренных народов³⁸.

В интересах латышских и эстонских землевладельцев в 1915 г. Дума приняла закон «Об отмене особых поземельных прав владельцев дворянских вотчин в Прибалтийских губерниях», что расширяло возможности для торговли и предпринимательства коренного населения (закон вступил в силу 10 июля 1916 г.)³⁹. Чтобы сгладить национальный конфликт в Эстляндской губернии, здешние немецкие землевладельцы были вынуждены искать контакты с лидерами эстонского национально-демократического движения, предложив им участвовать в органах самоуправления в губернии. Соответствующий законопроект был разработан в 1915 г. под руководством секретаря канцелярии комитета эстляндского рыцарства Б. фон Веттера-Розенталя и Константина Пятса (тогда — главного редактора газеты «*Tallinna Teataja*», или «Галлинский вестник»). Согласно законопроекту, функции самоуправления переходили из компетенции рыцарства к общему земскому собранию, состоявшему из 110 гласных. Но если учесть, что количество гласных распределялось поровну между фракциями крупных и мелких землевладельцев, то преобладание представителей от немецких помещиков становится очевидным. Подобный перекос предполагался и в исполнительных органах⁴⁰. В результате уступки со стороны рыцарства эстонскому населению были минимальными и не удовлетворяли национально-демократические круги, которые продолжали отстаивать идею широкой автономии.

Вопрос о латышской автономии рассматривался осенью 1916 г. на собрании представителей национальной общественности, где основным докладчиком выступал Янис Годманис⁴¹. Тогда же в газетах и журналах на примерах из мировой истории изучался вопрос о том, что такое государственная автономия, а также обсуждались возможные варианты латышской автономии в составе Российского государства. При этом проводилось чёткое различие между стремлением

³⁸ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи. С. 87–98.

³⁹ Карьяхарм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. С. 176–177. Особые привилегии владельцев дворянских вотчин оговаривались в Своде гражданских узаконений Прибалтийских губерний (ст. 883, 892). В хозяйственном отношении они имели право: «1. Винокурения, пивоварения и продажи пива и съестных припасов, а также право заводить и содержать корчмы и шинки, согласно с действующими о том постановлениями; 2. Право учреждать в пределах имения местечки и открывать, установленным для сего порядком, рынки и ярмарки; 3. Право именоваться и подписываться владельцем того имения». См. об этом: Андреева Н. С. Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX века // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 56–57.

⁴⁰ Карьяхарм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. С. 215–216.

⁴¹ Šilpītis J. Zināmākais latvietis Petrogradā. 172.–173. lpp.

к автономии, которая должна была остаться в составе единого государства, и сепаратизмом. Были разработаны и основные положения будущей автономии. Причём латышские стрелковые части рассматривались в качестве начала будущих вооружённых сил автономии⁴².

Остававшиеся в не оккупированной германской армией латышской части Лифляндской губернии помещики, в отличие от эстляндских, не предлагали лидерам латышей и эстонцев совместного участия в самоуправлении. Вместе с тем в 1915–1917 гг. латышская национальная элита приобрела большой опыт административно-хозяйственного управления, защищая интересы беженцев. Причём руководящая организация помощи беженцам — Латышский центральный комитет по обеспечению беженцев, имевший более 200 филиалов и ассоциированных с ним общественных структур по всей Российской империи, по роду своей деятельности был в определённом смысле народным правительством⁴³. То есть сложились уже национальные структуры, которые могли быть преобразованы в органы управления будущей латвийской автономией.

После Февральской революции ожидание демократических реформ в России весьма скоро сменилось разочарованием во Временном правительстве. Вопрос о национальной автономии рассматривался всеми латышскими и эстонскими национально-демократическими партиями, выступавшими за создание Российской федеративной демократической республики, в которую Латвия и Эстония вошли бы на правах национально-административных автономий⁴⁴.

Против политической формы национальной автономии выступили лидеры эстонских большевиков во главе с Яном Анвельтом, который, солидаризируясь с русскими большевиками, считал, что конечной целью революции должно стать единое пролетарское государство, а национальные государства приводят к раздроблению возможностей пролетариата⁴⁵. Некоторые эстонские большевики

⁴² См. например: *Freinbergs K. Autonomija // Taurētājs*. 1916. 1. jūn. Nr. 2. 29.–33. lpp.; *Latviešu balss V. Domē // Baltija*. 1917. 15. febr. Nr. 38. 1. lpp.; *Autonomija // Līdums*. 1917. 22. febr. Nr. 45. 1. lpp.; *Kas ir autnomija? // Jaunais Vārds*. 1917. 19. febr. Nr. 42. 1. lpp. и др. См. также: *Germanis U. Nacionālās ideoloģijas attīstība pasaules kara laikā // Germanis U. Ceļā uz Latviju: Raksti par mūsu vēsturi*. Rīgā, 1993. 15.–17. lpp.

⁴³ *Назарова Е. А. Латышский Исход 1915–1917 годов и национальная интеллигенция // История. Электронный научно-образовательный журнал [Электронный ресурс]*. 2017. Вып. 4 (58). Проблемы истории Скандинавско-Балтийского региона. URL: <http://history.jes.su> (26.09.2018).

⁴⁴ *Demokratiskā republika.// Jaunais Vārds*. 1917. 12. marts. Nr. 58. 1. lpp.; *Akuraters J. Latvijas autonomijas lietā // Līdums*. 1917. 12. apr. Nr. 82. 5. lpp.; *Autonomijas neiecinātāji // Ibid*. 10. maijs. Nr. 105. 1. lpp.; *Smīni par Latvijas autonomiju // Baltijas Vēstnesis*. 1917. 27. apr. Nr. 18. 1. lpp.; *Mēs prasām Latvijas autonomiju! // Brīvais strelnieks*. 1917. 13. apr. Nr. 2. 1. lpp.; *Ko mēs gribam? // Baltija*. 1917. 7. apr. Nr. 48. 1. lpp.; *Vai Latvijas autonomija ir reakcionāru prasība? // Ibid*. 12. apr. Nr. 53. 1. lpp.; *Граф М. Эстония и Россия 1917–1991: Анатомия расставания*. Таллинн, 2007. С. 42, 45–51.

⁴⁵ *Таммисту К. П. Под всполохом молний: О жизни и деятельности Я. Анвельта (1884–1937)*. М., 1989. С. 73.

высказывали мнение о необходимости объединения всех эстонских земель в одном национально-территориальном образовании в составе централизованного государства. Точно также за объединение трех латышских земель в одном территориальном образовании выступали латышские социал-демократы⁴⁶. При этом большевики допускали отдельные элементы национально-культурной автономии в едином пролетарском государстве. А меньшевики представляли будущую национальную государственность латышей в форме широкой национально-территориальной автономии.

В резолюции латышских большевиков, опубликованной 29 апреля 1917 г. в газете «*Cīņa*» («Борьба»), нежелательность федеративной формы государства обосновывалась сложностями, как экономического развития, так и классовой борьбы пролетариата в таком государстве. В дальнейшем, после победы пролетарской революции, также предполагалось создать унитарное государство, хотя и с элементами культурной автономии наций⁴⁷. Правда, среди большевиков были сторонники и других форм национальной автономии. Например, за право народов на политическую автономию в пролетарском государстве выступал Паулс Дауге⁴⁸. Идею территориально-политической автономии Латвии поддерживал крупнейший латышский поэт Райнис (Янис Плиекшанс), который был близок большевикам по своим социально-политическим взглядам. Он считал, что латыши сначала должны создать свою национальную государственность, а потом уже сами решать судьбу Латвии либо в пользу независимости, либо как часть пролетарского государства. Свои взгляды Райнис излагал как в стихах, так и в аналитических статьях в прессе⁴⁹. За что неоднократно подвергался резкой критике со стороны латышских большевиков, в первую очередь их лидера Петериса Стучки⁵⁰.

Прежде чем проводить политико-административные преобразования, необходимо было выделить из этнически смешанной Лифляндской губернии эстонские уезды и объединить все эстонские земли в единую административно-территориальную единицу. Кроме того, латыши требовали выделить историческую

⁴⁶ Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. С. 74; Бахтуркина А.Ю. Изменение административных границ Прибалтийских губерний весной–летом 1917 г. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4 (10). Ч. 2. С. 180–184.

⁴⁷ Vēl reiz Latvijas autonomija // *Cīņa*. 1917. 22. apr. Nr. 35. 1. lpp.; 23. apr. Nr. 36. 1. lpp.; 24. apr. Nr. 37. 1. lpp.; Rezolūcija Latvijas pašvaldības (autonomijas) jautojumā // *Ibid*. 29. apr. Nr. 41. 1. lpp.

⁴⁸ *Germanis U.* Rainis revolūcijas laika presē 1917 gadā. // *Germanis U.* Ceļā uz Latviju. 92.–93. lpp.

⁴⁹ См.: *Raiņis.* Kentu kalnu burvis. // *Jaunais Vārds*. 1917. 15. marts. Nr. 1. 1. lpp.; *Idem.* Mums visiem vienas sāpes // *Dzimtenes Vēstnesis*. 1917. 11. marts. Nr. 58. 1. lpp.; *Idem.* Zeme un valsts // *Taurētājs*. 1916. Nr. 7. 3. lpp.; 1917. Nr. 3. 127. lpp.; *Idem.* Atskats uz kadu neizdevušos sabiedrīsku mēģinājumu // *Jaunais Vārds*. 1917. 4. febr. Nr. 29. 1. lpp.; 5. febr. Nr. 30. 1. lpp.; *Idem.* Mēs un mūsu vienotā zeme // *Ibid*. 12. marts. Nr. 58. 1. lpp.

⁵⁰ J. Raiņa vēstule P. un D. Stučkam 22.10.1918 // *Raiņis J.* Literārais mantojums. Rīgā, 1957. Vol. I. 351. lpp.; J. Raiņa vēstule P. Stučkam. 07.11.1918 // *Ibid*. 352.–353. lpp.

область Латгалию (Латгале) из состава Витебской губернии и объединить её с двумя другими историческими землями. На совещании 24 марта в Риге комиссия под председательством товарища министра внутренних дел Д. М. Щепкина, при участии комиссаров Временного комитета Государственной думы от латышей (Я. Залитиса, Я. Голдманиса) и эстонцев (Яана Рамота), а также других представителей национальной общественности, приняла решение разделить Лифляндскую губернию на латышскую и эстонскую части. Уезды, населённые эстонцами, были переданы Эстляндской губернии. Южная, латышская, часть губернии образовала отдельную губернию, за которой в русских документах осталось название Лифляндская, а в латышских документах она называлась Видземской⁵¹.

Официальное подтверждение раздела Лифляндской губернии было включено в один документ с определением внутреннего устройства и порядка самоуправления Эстляндской губернии в новых границах (Постановление «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии») от 30 марта 1917 г. Пограничные территории со смешанным населением предполагалось разделить совместной согласительной комиссии. Притом уже тогда возникли споры из-за того, кому достанется г. Валка (Валг) с уездом, населённым латышами и эстонцами⁵².

Ранее, 11–13 марта в Таллине (Ревеле) на заседании представителей самоуправления городов и уездов был выработан меморандум с требованием создания Эстонской автономии, который 18 марта представили Временному правительству. В поддержку национально-территориальной автономии 26 марта в Петрограде состоялась демонстрация, в которой участвовало до 40 тысяч эстонцев, включая и эстонских военнослужащих⁵³. Опасаясь, что в ближнем от линии фронта тылу может оказаться нестабильный регион, Временное правительство согласилось на предоставление Эстонии временной автономии, хотя окончательное решение этой проблемы откладывалось до проведения общероссийского Учредительного собрания.

Постановление о временном самоуправлении (слово «автономия» не упоминалось) Эстляндской губернии, которое должно было действовать до начала 1919 г., было подписано Временным правительством 30 марта 1917 г. Согласно Постановлению, ликвидировались все существовавшие ранее органы

⁵¹ Baltijas guberņu sadalīšana // Līdums. 1917. 28. marts. Nr. 71. 2. lpp.

⁵² О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии, 30 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. С. 256; Latvijas un Jgaunijas robežas // Līdums. 1917. 9. apr. Nr. 80. 1. lpp.

⁵³ *Зеттерберг С.* История Эстонской республики. С. 39–40.

власти в губернии. Управление Эстляндской губернией в границах всех эстонских земель возлагалось на губернского комиссара Временного правительства, имевшего двух помощников. Губернский временный земский совет, который при составлении проекта мыслился как верховный правящий орган в автономии, определялся как «состоящий при комиссаре». На уровне уездов должны были формироваться уездные земские советы, избираемые на основе всеобщих выборов. В выборах могли участвовать все жители автономии, достигшие 21 года. Выборы в Эстляндский губернский временный земский совет должны были быть двухступенчатыми: в сельской местности сначала выбирали выборщиков (один человек от 100 избирателей), а затем выборщики выбирали депутатов в Губернский временный земский совет по уездам (один представитель от 20 тысяч жителей). В городах выборы в Губернский временный земский совет должны были проводиться отдельно от сельской местности, но также из расчёта один представитель на 20 тысяч избирателей или один представитель от маленьких городов⁵⁴. Правда, были ограничения: избирательного права не имели те, кто прожил на территории данного избирательного округа менее года. Последних же было немало, поскольку люди часто меняли местожителства из-за поисков работы.

Принятие Постановления 30 марта было обставлено властями как огромное достижение в решение проблемы эстонской автономии. 9–10 апреля Таллин посетила делегация Временного правительства во главе с А. Ф. Керенским — тогда министром юстиции. Делегация присутствовала на торжественном собрании эстонской общественности, на котором было подтверждено желание эстонцев остаться в составе Российской демократической республики⁵⁵.

Появление Эстляндского губернского временного земского совета, выражавшего интересы эстонского населения, было важно для развития эстонского самоуправления. Однако совет либо принимал все свои распоряжения и шаги по управлению губернией вместе с губернским комиссаром, либо его самостоятельные решения должны были утверждаться комиссаром. Иначе говоря, полномочия Эстляндского губернского временного земского совета были весьма ограничены. Губернский комиссар после утверждения документов предоставлял их в Министерство внутренних дел. То есть деятельность самоуправления находилась под полным контролем правительства. В Постановлении ничего не говорилось о волостном устройстве и о том, как строить волостное управление. Хотя именно волость являлась местом проживания большинства эстонцев и была тесно связана

⁵⁴ О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии, 30 марта 1917 г. С. 255–258.

⁵⁵ Там же. С.43; *Notikumi Latvijā // Dzimtenes Ziņas*. 1917. 18. jūl. Nr. 54. 2. lpp.

с землепользованием и землевладением. Временное устройство Эстляндской губернии было рассчитано до 1919 г.

Безусловно положительным было разрешение использовать эстонский язык в местных органах управления, хотя сохранялась возможность обращения на русском и немецком языках, поскольку на территории будущей автономии проживали и носители этих языков. Положительным было и то, что губернским комиссаром стал один из лидеров эстонского национально-демократического движения Яан Поска. Это существенно повышало возможности Временного земского совета в управлении губернией.

Подготовка к выборам началась сразу же после утверждения проекта правительственной комиссией, хотя не было официальной публикации Постановления, после которой должно было начаться проведение реформы. Собрание в Таллине 9–10 апреля официально не могло заменить публикацию. Кроме того, не были опубликованы также необходимые в законоприменительной практике правила проведения реформы, которые должны были дать более полное и подробное представление о содержании, порядке исполнения и результатах преобразований. То есть помимо того, что предлагаемые изменения вызвали недовольство у эстонской общественности из-за ограниченности предоставленных самоуправлению прав, существовало ещё и ощущение, что власти хотели не столько ввести самоопределение в губернии, сколько уничтожить структуры остзейской дворянской автономии.

Выборы в Губернский временный земский совет начались уже весной, но только в сельской местности. Из-за спешки и плохой подготовки проведения выборов в них приняло участие менее трети потенциальных избирателей. Выборы в городах состоялись только в сентябре–октябре. Поэтому первое свое заседание 1 июля 1917 г. Эстляндский губернский временный земский совет провёл в урезанном составе. В нём оказались представители разных политических сил, в том числе и пять большевиков. Они начали предпринимать шаги, противоречившие работе новых органов самоуправления. В частности, они сразу же выступили против назначения на должность губернского комиссара Я. Поски⁵⁶. Однако влияние их на работу совета было не слишком заметным.

Без участия делегатов от городов говорить о представительстве в совете интересов городского населения не приходилось. А исполнительный орган

⁵⁶ См.: *Аренс О., Эзергайлис Э.* Прибалтика: Эстония и Латвия // Критический словарь русской революции. С.646.

совета — Временная земская управа Эстляндской губернии — был избран только спустя три недели⁵⁷.

Естественно, что подобный ограниченный характер полученного самоуправления не мог удовлетворить национально-демократические силы Эстонии. Так что партии национально-демократической ориентации уже весной начали разрабатывать основы конституции эстонской автономии в составе федеративной России. Объединителем национальных сил в этом вопросе выступила Эстонская демократическая партия во главе с Яном Тыниссоном и Пээтером Пылдом. 1 мая 1917 г. газета «*Postimees*» напечатала список требований в связи с созданием широкой автономии. Были сформулированы положения о всеобщих гражданских свободах, об основах государственности, о построении суда, о землеустройстве и социальных правах населения. Верховным органом власти в Эстонии должно было стать Национальное собрание. Эстония рассматривалась как полноправный член будущей Российской федерации. Выдвигались требования демократизации всех сфер жизни общества и введение эстонского языка как основного языка в автономии⁵⁸.

Ограниченность утвержденного 30 марта эстонского проекта, который мог рассматриваться лишь как первый шаг к настоящей автономии, отмечалась и в латышской прессе⁵⁹. Тем не менее даже такой успех эстонских демократов давал надежды на возможность получения прав самоуправления в Латвии. Правда, было ясно, что в тот момент можно было рассчитывать лишь на самоуправление, а не на широкую автономию. Но и самоуправление позволило бы решить первоначальные задачи по обеспечению впоследствии перехода к политическому оформлению латвийской государственности в форме широкой автономии. Первый проект конституции Латвийской автономии в составе Российского государства был разработан ещё до падения монархии и опубликован 1 апреля 1917 г. в журнале «*Taurētājs*» («Трубач») ⁶⁰. Но очевидно, что подобный проект в тех условиях был бы отвергнут правительством. Соответственно, следовало ориентироваться на то, что смогли получить от власти эстонцы.

Главным достоинством эстонского проекта лидеры латышских национальных демократов считали признание Временным правительством единого Эстонского

⁵⁷ *Zemtebergs C.* История Эстонской республики. С. 40–41; Igaunijas pašvaldības projekts // *Baltijas Vēstnesis*. 1917. 7. apr. Nr. 2. 2. lpp.; Igaunijas pagaidu pašvaldības projekts // *Ibid*; *Грязин П. Н., Руус М. П.* Юридическая дата рождения Эстонской демократической республики (теоретическая постановка проблемы) // *Теоретические проблемы истории права: Studia juridica II*. Тарту, 1989. С. 116–117. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 847).

⁵⁸ *Граф М.* Эстония и Россия 1917–1991. С. 42–43.

⁵⁹ *Demokratiskas vēlēšanas un buržuazija* // *Cīņa*. 1917. 9. apr. Nr. 25. 1. lpp.; *Vidzemes pagaidu pārvaldes projekts* // *Līdums*. 1917. 16. apr. Nr. 86. 1. lpp.

⁶⁰ *Latvijas satversmes projekts* // *Taurētājs*. 1917. Nr. 2. 122.–125. lpp.

территориально-административного образования⁶¹. Латышский проект также предполагал объединение трех исторических областей, хотя на практике оно могло состояться лишь после освобождения Курземе (Курляндской губернии) от германских войск. Объединителем же латышских областей должна была выступить Видземе как регион, остававшийся тогда ещё не оккупированным германскими войсками.

Ещё 12–13 марта 1917 г., состоялось собрание представителей Видземе, на котором был избран Видземский временный земский совет. На собрании присутствовали и делегаты других исторических областей, в том числе представители оккупированной Курземе (Курляндской губернии), а также организаций беженцев родом из разных областей Латвии. Так что Я. Голдманис, один из инициаторов собрания, характеризовал его как первое Латвийское учредительное собрание⁶².

Единогласно решение о единой Латвийской автономии было принято и на собрании представителей Курземе, избравших Курземский временный земский совет. В связи с оккупацией Курземе собрание проходило 25–28 апреля в Тарту. Правда, в самой оккупированной Курземе ещё в марте 1917 г. местный ландтаг обратился к Вильгельму II с просьбой присоединить область к Германии. А 21–22 сентября 1917 г. там же прошло заседание другого Курземского земского совета (без участия представителей области, находившихся за линией фронта) со значительным преобладанием прибалтийско-немецких помещиков. На нём также было принято решение ориентироваться на Германию. Однако представители Курземе за пределами оккупированной зоны этого решения не признавали⁶³.

В Латгале (Латгалии) по вопросу о присоединении к единой Латвии существовали сильные разногласия; часть лидеров области Латгале требовали создания отдельной автономии, учитывая различия в языке (латгальский диалект, в настоящее время признан отдельным языком балтийской группы⁶⁴), и в историческом развитии. Все же Первый конгресс латгальских городов и волостей 26–27 апреля принял резолюцию о присоединении Латгале к единой Латвийской автономии⁶⁵.

Проект самоопределения для Видземской (латышской Лифляндской) губернии, который в дальнейшем предполагалось распространить на все латышские земли,

⁶¹ Vidzemes pagaidu pārvaldes projekts; Rīgas Ziņas // Brīvais Strelnieks. 1917. 30. apr. Nr. 14. 3. lpp.

⁶² Šiliņš J. Zināmākais latvietis Petrogradā. 174. lpp.

⁶³ См. об этом: 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 581.–604., 639. lpp.; Šiliņš J. Zināmākais latvietis Petrogradā. 174. lpp.

⁶⁴ Брейдак А.Б., Латгальский язык. // Языки мира. Балтийские языки. М., 2006. С. 193–213.

⁶⁵ Kempis F. Latgales likteņi. Rīgā, 1991. 133.–155. lpp.; 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 591.–596. lpp.

Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3

разрабатывался специальной комиссией Временного земского совета с конца марта. В Петроград же латышская делегация привезла проект в конце мая — в те дни, когда в правительстве обсуждали новую реформу земского устройства в России. В связи с этим до латышской делегации дошла информация, что правительство хочет распространить на Балтийские губернии общероссийское положение о земском устройстве, а утверждённый 30 марта проект для Эстонии следует рассматривать лишь как декретное распоряжение правительства, не имеющее законодательной силы.

Стало понятным, почему Постановление 30 марта сразу не сопровождалось публикацией правил о введении его в действие. В создавшейся обстановке обсуждение проекта самоопределения Видземе началось с бурных дебатов между правительственной комиссией и делегациями латышей и эстонцев. Латышские и эстонские делегаты заявили, что у них нет полномочий обсуждать вопрос о земском устройстве, и пригрозили уйти с заседания. Во избежание большого скандала и последующих проблем в важном военно-стратегическом регионе проект эстонского самоопределения был оставлен в силе и дополнен необходимыми разъяснениями. Был также рассмотрен и утверждён проект самоопределения Видземе⁶⁶.

В результате 22 июня был опубликован Указ о введении в действие Постановления 30 марта о временном устройстве местного самоуправления Эстляндской губернии. В добавление к Постановлению 30 марта в Указ включили статьи о порядке выборов волостного схода, волостном управлении и имуществе, а также статьи о дорожных и прочих повинностях и сборах, возлагаемых на сельское население. Тогда же опубликовали и Правила введения самоуправления для Эстляндской губернии⁶⁷.

22 июня датируются также Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний и Правила введения самоуправления для Лифляндской губернии⁶⁸. Вопреки надеждам латышей, а также вопреки названию Постановления

⁶⁶ Vīdzemes Pagaidu Zemes Padomes valdes sēde 6. jūnijā // Jaunais Vārds. 1917. 7. jūn. Nr. 127. 2. lpp.; 9. jūn. Nr. 129. 2. lpp.

⁶⁷ О введении в действие постановления 30 марта 1917 г. о временном устройстве административного управления и местного самоуправления в Эстляндской губернии // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1918. Вып. 2 С. 174–177; Правила о введении в действие постановления Временного Правительства, 30 марта 1917 года, о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии // Там же. С. 178–185.

⁶⁸ Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. С. 185–188; Правила о введении в действие постановления

(для Лифляндской и Курляндской губерний), в документе ничего не говорилось об объединении латышских областей. Статьи Постановления предназначались только для Видземе. Лишь в конце документа было сказано, что всё в нём прописанное должно быть с некоторыми изменениями распространено и на Курляндскую губернию, для которой будут составлены и особые правила для введения в действие⁶⁹. О том, что Видземе и Курземе составят одно территориально-административное образование, сказано не было.

В присоединении же Латгале (Латгалии) комиссия Временного правительства отказала, сославшись на то, что исторические условия развития этой области сильно отличались от Видземе и Курземе, а кроме того, среди населения значительный процент составляли представители других национальностей⁷⁰.

В отличие от эстонского латышский проект предполагал прямые выборы во все советы всех жителей не моложе 20 лет, проживавших в данной местности. При этом срок проживания на одном месте не был ограничен. Один депутат избирался от 15 тысяч человек, а не от 20 тысяч, как в эстонском проекте. То есть предполагалось более широкое представительство коренного населения в органах самоуправления.

Губернский временный земский совет Видземе определялся как действующий не *при* губернском комиссаре (как в эстонском Постановлении), а *наравне* с комиссаром. Губернский совет устанавливал вместе с губернским комиссаром (а не губернский комиссар вместе с советом, как в эстонском проекте) ответственность уездных советов в области земского самоуправления, административного управления и местных сборов. То есть предполагался бóльший, чем в Постановлении для Эстляндской губернии, вес Видземского временного земского совета в решении внутренних дел губернии. Правда, видземский губернский комиссар имел такие же права в объявлении выборов и в связях с правительственными учреждениями, что и Эстляндский совет. В Правилах введения постановлений для обеих губерний различий в главенствующей роли губернского комиссара над советом не было.

Губернским комиссаром был назначен Андрейс Приедкалнс, а его помощником — Карлис Улманис⁷¹. Основным языком общения в Видземе становился латышский, хотя допускалось обращение в административные органы на русском и немецком языках.

Временного Правительства о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской губернии // Там же. С. 189–196.

⁶⁹ Положение о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний. С. 188.

⁷⁰ Vīdzemes Pagaidu Zemes Padomes valdes sēde 6 jūnijā.

⁷¹ 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 590. lpp.

Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3

По утверждённым правилам, выборы в Губернский и уездные советы Видземе и начало их работы назначались на конец августа. Но на самом деле функции Губернского совета уже выполнял избранный в марте 1917 г. Видземский временный земский совет, в который входили представители разных социальных групп латышского общества. Работа совета стимулировалась постоянным бурлением в обществе. Большое значение имели проходившие летом съезды латышских беженцев и учителей, напрямую связанных с развитием латышской нации. Рассматривались аграрные, школьные и другие проблемы⁷². В начале июля на заседании правления Видземского временного земского совета была избрана комиссия для организации выборов⁷³.

В документах о самоопределении для эстонцев и латышей не упоминалось о последующем утверждении их на Всероссийском учредительном собрании. Тем не менее неудовлетворенная полученными условиями самоопределения латышская и эстонская демократическая общественность, впрочем как и широкие круги других народов бывшей империи, ждали созыва Всероссийского учредительного собрания, надеясь, что на нём Россия будет провозглашена федеративной республикой. Но заявление властей о том, что этот вопрос действительно будет рассмотрен на Всероссийском учредительном собрании, отсутствовало. К тому же уже 9 августа Временное правительство опубликовало решение о переносе выборов в Учредительное собрание на 28 ноября, поскольку во многих регионах страны подготовка к ним ещё не началась⁷⁴. Неопределенность будущего вызвала раздражение и накаляла ситуацию в стране. Появились мнения о необходимости полного отделения национальных районов от России, хотя летом всё же преобладали надежды на автономии.

3–4 июля на Эстонском национальном конгрессе, в котором приняли участие представители разных политических партий (кроме большевиков и эсеров) было принято решение о том, что для развития Эстонии предпочтительнее оставаться в Российской демократической федеративной республике на правах административной национально-территориальной автономии⁷⁵. Аналогичное решение было принято ещё в июне на съезде эстонских военнослужащих. Подобные же постановления приняли в начале октября на съезде Радикально-демократической и Социально-демократической (без большевиков) партий⁷⁶.

⁷² Vīzemes Pagaidu Zemes Padomes valdes sēdes no 4.–7. jūlijām // Jaunais Vārds. 1917. 5. jūl. Nr. 151. 2.–3. lpp.; 6. jūl. Nr. 152. 2. lpp.; 7. jūl. Nr. 153. 2. lpp.; 8. jūl. Nr. 154. 2. lpp.; 9. jūl. Nr. 155. 2. lpp.

⁷³ Noteikumi par Vidzemes apriņķu Zemes Padomju vēlēšanām // Līdums. 1917. 11. aug. 1917. Nr. 182. 3. lpp.

⁷⁴ Satikmes Sapulces atlikta // Ibid.

⁷⁵ Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. С. 49; *Зеттерберг С.* История Эстонской республики. С. 44.

⁷⁶ Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. С. 42, 45–49, 51–52; *Зеттерберг С.* История Эстонской республики. С. 43–44.

Правда, после захвата Риги германской армией и появления прямой угрозы оккупации эстонских островов на закрытом заседании Земского совета Эстляндской губернии 25 августа был рассмотрен вопрос о возможности полного отделения Эстонии от «смертельно больной» России⁷⁷. Но в конце августа сторонников автономии оказалось больше.

В сентябре 1917 г. на Национальном конгрессе в Таллине было подтверждено требование образования Эстонской автономии как равноправного члена в составе Российской федеративной республики. Всероссийского учредительного собрания, где утвердили бы Эстонскую автономию, ждали как последнего этапа революции⁷⁸.

Летом 1917 г. за полное отделение Латвии от России выступили члены Национально-демократической партии, в основном представлявшие творческую интеллигенцию и юристов⁷⁹. Однако лидеры национально-демократического движения, имевшие опыт государственной политической и экономической деятельности — депутаты Государственной думы разных созывов (Я. Голдманис, Я. Залитис, Янис Чаксте), были настроены на последовательные переговоры с Временным правительством и на создание федеративной России. Исходя из собственного опыта, они лучше понимали сложности, с которыми столкнётся Латвия в случае полного отделения от России.

На совещании всех латышских партий и организаций, состоявшемся в Риге 30 июля, была принята резолюция, провозглашавшая: 1) латыши, как и другие народы, имеют право на полное самоопределение; 2) в составе единой Латвии должны быть объединены три исторические этнические области; 3) Латвия должна стать автономной частью Российской демократической республики⁸⁰.

Уже летом 1917 г. в Видземском временном земском совете была создана специальная комиссия, в задачу которой входила разработка основных пунктов проекта конституции Латвийской автономии. Проект был опубликован накануне Октябрьского переворота. При составлении документа за основу был взят упомянутый выше проект, напечатанный в журнале «*Taurētājs*» 1 апреля 1917 г.⁸¹ В территорию автономии должны были войти исторические области Видземе, Курземе и Латгале. Жителям пограничных населённых пунктов с этнически смешанным населением предоставлялась возможность на референдумах решать вопрос о пограничной линии. Латвия виделась как широкая политическая

⁷⁷ *Zemterbergs C.* История Эстонской республики. С. 44.

⁷⁸ *Граф М.* Эстония и Россия 1917–1991. С. 56.

⁷⁹ *Germanis U.* Politiskais noskaņojums latviešu sabiedrībā 1917. Gada sakumā. Autonomijas prasība // *Germanis U.* Ceļā uz Latviju. 23.–24, 80.–81. lpp.; *Nacionāldemokrāti un 18. Novembris* // *Pirmdienas Rīts*. 1927. 21. nov. Nr. 11. 2. lpp.; *Ligotņi J.* Zigfrīds Meierovics: Mūžs, darbs, liktenis. Rīgā, 2001. 43. lpp.

⁸⁰ См.: *Apspriešanās par Latvijas autonomiju* // *Jaunais Vārds*. 1917. 1. aug. Nr. 173. 1. lpp.

⁸¹ *Latvijas satversmes projekts*.

автономия национально-территориального типа со всеми правами законодательной и исполнительной власти на своей территории и как равная составная часть федеративной Российской республики. Кроме того, в проекте конституции упоминались политико-административные и правовые функции, которые автономия должна была делегировать центральной власти⁸².

Но усилия сторонников латвийской автономии наталкивались на постоянно усиливавшееся в массах влияние большевиков. Большевики не отказывались от сотрудничества с национально-демократическими силами (особенно в беженских организациях), последовательно вели борьбу за массы, готовя захват власти и создание единого пролетарского государства⁸³. Рост их сторонников преимущественно среди социальных низов был вызван тяжёлым экономическим положением военного времени, особенно в связи с огромным наплывом беженцев. Активную агитацию большевики вели также в армии, где их влияние с весны 1917 г. значительно увеличилось. 16–17 июля 1917 г. был создан пробольшевистский Исполнительный комитет совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколат)⁸⁴. К концу лета большевики получили преимущество и в Исполнительном комитете латышских стрелков (Исколатстрел), образованном в конце марта 1917 г., хотя сначала большевики там были в меньшинстве. В стрелковых частях обсуждались вопросы об автономии Латвии, но стрелки в основном разделяли позицию большевиков по поводу создания единого пролетарского государства. Правда, ещё в сентябре Исколатстрел опубликовал несколько резолюций, в которых высказывалось требование о формировании российской армии по национальному принципу⁸⁵.

Авторитет большевиков среди населения в самой Латвии был выше, чем среди соплеменников, рассеянных по всей территории страны. В Латвии к концу лета они имели преимущество в Советах народных депутатов. А 13 марта большевики выиграли выборы в городскую Думу Риги. Правда, надо учесть, что в Риге тогда находились примерно 24 тысячи стрелков, участвовавших в выборах⁸⁶. Кроме того, не исключено, что латыши голосовали за социал-демократов (большую часть которых составляли большевики), поскольку видели в них защиту против сильной

⁸² Latvijas autonomija // Cēsu Avīze. 1917. 24. okt. Nr. 11. 1. lpp.

⁸³ Latvijas autonomijas jautājums mūsu sociāldemokrātijas piektajā kongresā // Jaunais Vārds. 1917. 20. jūl. Nr. 163. 1. lpp.; 22. jūl. Nr. 165. 1.–2. lpp.; Mūsu sociāldemokrāti un Latvijas autonomija // Līdums. 1917. 13. okt. Nr. 236. 1. lpp.

⁸⁴ Rīgas strādnieku deputātu Padomes sedē // Jaunais Vārds. 1917. 12. aug. Nr. 183. 1. lpp.; 13. aug. Nr. 184. 1. lpp.; Исколастрел // Военный энциклопедический словарь. М., 1986. С. 297.

⁸⁵ Germanis U. Politiskās cīņas saasināšanās un latviešu padomju vara Vidzemē // Germanis U. Ceļā uz Latviju. 61. lpp.

⁸⁶ Par Rīgas pilsētas domes vēlēšanu // Līdums. 1917. 16. aug. Nr. 186. 3. lpp.

общины в городе местных немцев (они заняли на выборах второе место после социал-демократов) — очевидных сторонников германской армии.

Серьёзный удар по возможностям латвийского национального самоопределения был нанесен выборами в Губернский земский совет, в котором приняли участие и одержали победу большевики. Как и эстонские, латышские большевики, планировали через этот популярный в массах орган самоуправления саботировать создание латвийской автономии. Выборы состоялись 20 августа, но из-за начавшегося германского наступления в Риге они не проводились, но проходили в Рижском и других уездах Видземе. А 27 состоялись выборы в уездные земские советы. Явка избирателей в оба дня оказалась значительно меньше, чем рассчитывали национально-демократические партии, исходя из числа участников в состоявшихся ранее выборах в Думы уездных городов. За большевиков голосовали латышские стрелки из расположенных в Северной Латвии частей. Кроме того, перед выборами большевики, как писала газета их главных конкурентов — Латвийского крестьянского союза «*Lidums*» («Подсека»), изменили тактику и перестали открыто выступать против автономии Латвии⁸⁷. Кроме того, в очень тяжёлых условиях войны избирателей в первую очередь привлекали конкретные лозунги большевиков об экономическом и социальном равенстве, а не проблемы национальной автономии. Как итог, по всем уездам в целом социал-демократы (преимущественно большевики) получили больше голосов, чем другие участвовавшие в выборах партии⁸⁸.

С избранием Губернского и уездных земских советов полномочия работавшего с марта Видземского временного земского совета, который был проводником идеи национальной автономии, закончились. Но несмотря на то, что новые Земские советы уже не могли рассматриваться как органы власти будущей автономии, лидеры национально-демократических сил, подавляющее большинство которых находились тогда в российских столицах, продолжали выступать с требованиями объединения латвийских областей и предоставления Латвии национально-административной автономии. Национально-демократические силы (Латышский крестьянский союз, занявший второе место на выборах 20 и 27 августа, Национально-демократическая партия — третье место на тех же выборах, и др.) по вопросу об автономии пользовались поддержкой меньшевиков и эсеров, имевших немало сторонников в народных массах⁸⁹.

⁸⁷ *Latvijas autonomija — un savas kūts augša!* // Ibid. 20. aug. Nr. 190. 1. lpp.

⁸⁸ *Gubernas Zemes Padomes vēlēšanu iznākums Valkā* // Ibid. 23. aug. Nr. 191. 1.–2. lpp.; 27. aug. Nr. 196. 1. lpp.; 29. aug. Nr. 97. 2. lpp.

⁸⁹ О позиции латышских меньшевиков по вопросу автономии Латвии, на чём они настаивали ещё и после разгона Учредительного собрания 6 января 1918 г., см.: *Бартеле Т. Судьба латышских Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3*

За широкую автономию Латвии выступал также Национальный союз латышских военнослужащих, созданный летом 1917 г.⁹⁰ Позже, уже в ноябре, московское отделение этого союза выступило с требованием предоставления Латвии независимости и призвало начать за это борьбу. Осенью в Москве начало формироваться Объединение беспартийных латышских рабочих, которое поддержало демократическую республику и выступило в защиту своей «латышскости» в противовес пролетарскому интернационализму большевиков⁹¹. То есть идея создания национальной государственности пользовалась поддержкой среди латышей.

Несмотря на надежды народов страны, при провозглашении России демократической республикой 1 сентября 1917 г. не были отмечены её многонациональный характер и федеративное устройство. Рассматривая эту не удовлетворившую национально-демократические силы регионов страны ситуацию, надо учитывать, что сторонниками унитарного государства были русские конституционные демократы и представляемые их партией буржуазные круги страны, не говоря уже о русском дворянстве, черносотенцах и т. п. Против национальных автономий выступали и русские жители национальных окраин России⁹². Что касается второй власти в стране, возникшей после падения монархии, — Советов народных депутатов, то на национальных окраинах они поддерживали объединение в одном территориальном образовании разделённых между губерниями национальных территорий своих народов. Определение же политической формы национального образования как в русских, так и в национальных районах, зависело от партийной принадлежности или ориентации депутатов. В русских областях к концу лета 1917 г. имела место большевизация Советов народных депутатов. Соответственно, Советы принимали позицию большевиков, то есть выступали за создание единого пролетарского советского государства⁹³.

Иначе говоря, русская часть населения страны в массе своей по разным причинам не была готова к превращению России в федерацию. Даже если слова А. Ф. Керенского о том, что «Свободная Россия может быть только

национальных организаций Москвы в условиях большевистской власти: 1918–1922 годы // Россия и Балтия. Вып. 8. С. 110–111.

⁹⁰ Latvijas autonomija un — savas kūts augšā!

⁹¹ Полностью политическая программа этой группы была сформулирована уже после Октябрьского переворота. См.: *Бартеле Т.* Судьба латышских национальных организаций Москвы... С. 108, 110.

⁹² См., например: *Kadas lekcijas lasa Baltijas krievi* // *Lidums*. 1917. 31. maijs. Nr. 121. 1. lpp.

⁹³ 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 597.–598. lpp.; *Бахтурина А. Ю.* Изменение административных границ. С. 180–183.

децентрализованной»⁹⁴, действительно соответствовали его взглядам на будущее страны, реальной поддержки по этому вопросу он в своём окружении не имел.

8–15 сентября в Киеве прошло Совецание представителей народов России («съезда порабоцённых народов»), на котором присутствовали делегаты от партий и организаций разной политической ориентации из всех национальных районов страны. На нём подавляющим большинством голосов была принята резолюция «О федеративном устройстве Российского государства» с требованием признать Россию федеративной демократической республикой. Высказывалась надежда на то, что федеративное устройство Российской республики будет закреплено на Всероссийском учредительном собрании⁹⁵. Против решения совещания выступили большевики, отстаивавшие в дебатах создание единой коммунистической республики. Но такая точка зрения не нашла поддержки у большинства делегатов⁹⁶.

19 сентября на приеме у А. Ф. Керенского латышская делегация среди прочих вопросов пыталась обсудить и объединение Видземе и Латгале. Но Керенский разговора на эту тему постарался избежать⁹⁷.

Официально выборная кампания во Всероссийское учредительное собрание началась в августе 1917 г., когда проводить выборы на оккупированной части латвийских земель было невозможно. В этой связи особое внимание национально-демократические лидеры уделяли голосованию сотен тысяч латышских и латгальских беженцев, разбросанных по всей территории Российской империи. При этом они добились того, чтобы предвыборный материал в местах массового расселения латышей по всей империи печатался по-русски и по-латышски⁹⁸.

В Эстонии большевики имели очень большое влияние в гарнизонах Тарту и Таллина и во флотских экипажах, а также среди безземельных и малоземельных крестьян. По вопросу о будущем Эстонии большевиков поддерживали левые эсеры⁹⁹. Накануне Октябрьского переворота большевики получили преобладание в Ревельском (Таллинском) совете, а также в подавляющем числе Советов на территории Эстонии. Правда, реально судить о настроениях эстонцев по этим показателям сложно, поскольку среди военнослужащих, участвовавших в выборах, большинство составляли представители русского и других народов страны.

⁹⁴ См.: Съезд народов и областей России (Съезд Народов, Федеративный Съезд, Съезд порабоцённых народов России) 1917 // Конституанта [Электронный ресурс]. URL: https://constituanta.blogspot.com/2012/09/1917_4.html (31.07.2018).

⁹⁵ Krievu laikrasti par republikas izsludināšanu // Līdums. 1917. 8. sept. Nr. 206. 1. lpp.; Ko darīt Krievijas mazajām tautām? // Ibid. 9. sept. Nr. 207. 1. lpp.; Революционное движение в России в сентябре 1917: Общенациональный кризис. М., 1961. С. 527–528.

⁹⁶ Līgotni J. Zigfrīds Meierovics. 42.–43. lpp.

⁹⁷ Ibid. 44. lpp.

⁹⁸ Latviešu valodā vēlēšanas uz Satversmes Sapulci // Latviešu Bēgļu Apgādāšanas Centrālkomitejas Ziņojums (далее — Ziņojums). 1917. 19. okt. Nr. 69. 1. lpp.

⁹⁹ Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. С. 67–69.

После Октябрьского переворота большевики стали единственной правящей партией в стране. Соответственно изменилось и соотношение возможностей большевиков и национально-демократических сил. Именно в это время национально-демократические силы при поддержке населения предприняли последние попытки заявить о своих правах на власть в Эстонии и Латвии и о создании высшего органа государственного управления.

После установления советской власти в Петрограде губернский комиссар Временного правительства Я. Поска вынужден был передать власть в Таллине Эстонскому военно-революционному совету во главе с Иваном Рабчинским и Виктором Кингисепшом.

Следующим шагом было наступление на национально-демократические структуры. 13 ноября председатель исполкома Эстонского военно-революционного совета заявил о роспуске Эстляндского губернского земского совета. В ответ 15 ноября Эстляндский совет объявил себя верховной властью в Эстонии до созыва Эстонского Учредительного собрания. Совет был переименован из Эстляндского губернского земского совета в Земский совет Эстонии. Создалась некая неопределенная ситуация, когда от участия во Всероссийском учредительном собрании официально не отказывались, но и не была принята декларация, которая подтверждала бы намерение Эстонии стать частью Российской демократической федеративной республики¹⁰⁰. Само изменение названия Земского совета символизировало своего рода разрыв с Россией и её губернским административным устройством¹⁰¹.

После этого собрания в эстонской газетой «*Postimees*» была напечатана декларация Земского совета Эстонии об эстонской независимости. Согласно ей, вся власть в Эстонии переходила в руки Земского совета, который призывал жителей игнорировать распоряжения и приказы Исполкома рабочих и солдатских депутатов, как не имеющие ничего общего с эстонским народом. Причём, публикуя указанное сообщение, редакция газеты действовала вопреки приказу Исполкома, заявив, что на территории Эстонии вся власть принадлежит местным учреждениям самоуправления. А при попытке конфисковать тираж газеты едва не произошло вооружённого столкновения между посланными Исполкомом латышскими стрелками и прибывшими на защиту газеты эстонскими частями¹⁰².

¹⁰⁰ Там же. С. 69–70, 74–75; *Зеттерберг С.* История Эстонской республики. С. 45–47.

¹⁰¹ В эстонской историографии есть мнение, активно поддерживаемое в 1920–1930-х гг., о том, что дату 15 ноября можно рассматривать как дату образования Эстонской демократической республики. См.: *Грязин И. Н., Руус М. П.* Юридическая дата рождения Эстонской демократической республики. С. 112–122.

¹⁰² Подробно о событиях сообщили и латышские газеты. См., например: *Mazas tautas. Igaunijas patstāvības deklarācija // Laika Vēstis. 1917. 24. nov. Nr. 43. 1. lpp.*

Фактически в Эстонии установилось двоевластие, хотя решающий голос был всё же у большевиков. При этом обе власти согласились провести Эстонское учредительное (конституционное) собрание 21–22 января 1918 г. Большевики согласились и на выборы (в ноябре 1917 г.) эстонской делегации на Общероссийское учредительное собрание.

После того как большевики взяли власть в стране, национально-демократические силы не питали больших надежд на установление в России федеративной демократической республики. Лозунг о создании независимой Эстонской демократической республики выдвинула на своем съезде 10–11 декабря 1917 г. Эстонская партия труда. Но Совет старейшин Эстонского Земского совета всё же надеялся осуществить план эстонской автономии в федеративной России, тем более что существовала угроза оказаться в полном подчинении у Германии. Хотя и в случае выбора независимости было очевидно, что Эстония сама не сможет преодолеть ни внешние, ни внутренние проблемы, которые неминуемо возникнут в новом государстве. К тому же эстонская национально-демократическая элита не имела опыта государственного управления. Поэтому рассматривалась возможность объединения с Финляндией, уже получившей независимость. Кроме того, члены Земского совета были направлены в страны Скандинавии и Западной Европы, чтобы выяснить возможные варианты поддержки Эстонского государства с их стороны в случае объявления независимости последнего¹⁰³.

Ещё в сентябре по инициативе лидеров латышского национального движения было решено создать Латвийский временный национальный совет (ЛВНС), который выработал бы единую позицию по вопросу об автономии объединенной Латвии на Всероссийском учредительном собрании. На конец октября было назначено Организационное собрание для формирования ЛВНС, на которое планировали избрать делегатов от исторических областей, всех политических партий, латышских стрелков, беженцев, а также от действовавшего с середины сентября в оккупированной Риге Демократического блока. Но из-за Октябрьского переворота Организационное собрание смогли провести лишь 16–18 ноября 1917 г. в Валке, уже в условиях большевистской власти в Видземе. На нём утвердили состав Временного национального совета и приняли Декларацию об образовании единой автономной демократической Латвии в границах трех исторических областей Видземе, Курземе и Латгале. Было принято также решение о подготовке к Латвийскому учредительному собранию.

¹⁰³ Граф М. Эстония и Россия 1917–1991. С. 75–80; Земтерберг С. История Эстонской республики. С. 44; Igaugu stāvoklis // Dzimtenes ziņas. 1917. 12. okt. Nr. 82. 1. lpp.

Хотя речь на собрании шла лишь об автономии Латвии в составе России, в сложившихся политических условиях не исключалось и создание в дальнейшем независимого Латвийского государства. На одном из первых заседаний Временного национального совета было решено послать делегацию за границу, чтобы выяснить, как в западных странах отнесутся к независимой Латвии и можно ли ожидать от них поддержки, в том числе и против планов Германии включить всю территорию Латвии в зону своего господства¹⁰⁴. О необходимости образования независимого Латвийского государства в конце ноября заявил и один из лидеров национально-демократических сил Зигфридс Анна Мейеровицс¹⁰⁵.

Против национально-территориальной автономии на Организационном собрании выступили большевики, бывшие тогда уже правящей партией в стране¹⁰⁶. Власть большевиков на не оккупированной части Латвии держалась в основном благодаря поддержке армии. Большевики пользовались большим влиянием в стоявшей в Видземе 12-й армии, а также в 1-й и 5-й армиях, расположенных в Латгале, то есть могли опереться на военную силу для удержания своей власти. Вместе с тем Временный национальный совет имел здесь поддержку у местного населения. Чтобы полностью нейтрализовать влияние Временного национального совета, большевики провели 16–18 декабря в Валмиере съезд Советов рабочих, стрелковых и безземельных депутатов, на котором была провозглашена советская власть в Латвии и объявлено о создании Латвийской советской республики. Причём последняя была не только признана декретом СНК Советской России, но к Латвийской советской республике была присоединена выделенная из Витебской губернии Латгале. Иначе говоря, советское правительство учло стремление латышей к объединению и сделало то, от чего отказывалось Временное правительство. Правда, значительная часть латгальской интеллигенции, поддерживавшая создание единой Латвии, не приветствовала присоединение Латгале именно к советской Латвийской республике¹⁰⁷.

Большевики выступили против выборов на Латвийское учредительное собрание. А едва ли не первым актом новой власти было закрытие демократических газет «*Līdums*» и «*Laika Vēstis*» («Вести времени»), оценивавших действия

¹⁰⁴ Latviešu Pagaidu Nacionālā Padome // Ziņojums. 1917. 6. nov. Nr. 70. 1. lpp.; Visiem latviešiem! // Ibid. 8. dec. Nr. 72. 3. lpp.; Apspriede Latvijas satversmes sapulces sasaukšanas lieta // Līdums. 1917. 30. nov. Nr. 274. 1.–2. lpp.; Latviešu pagaidu Nacionālpadomes sēdē // Ibid. 5.–6. lpp.; *Līgotņu J. Zigfrīds Meierovics*. 52. lpp.; *Germanis U. Latviešu pagaidu Nacionālā Padome* // *Germanis U. Ceļā uz Latviju*. 79. lpp.

¹⁰⁵ *Бартеле Т. Судьба латышских национальных организаций Москвы...* С. 109.

¹⁰⁶ *Mūsu lielinieki — pret Latvijas Satversmes sapulce* // Līdums. 1917. 30. nov. Nr. 274. 1. lpp.; 20. gadsimta Latvijas vesture. Vol. I. 611. lpp.

¹⁰⁷ Советская Латвия./Под ред. П. П. Ерана, З. Я. Бланки и др. Рига, 1985. С. 182–183; *Kemps F. Latgales likteņi*. 156.–157. lpp.

большевиков как начало конца демократии¹⁰⁸. Был распущен и Временный национальный совет.

Хотя было уже достаточно ясно, что у большевиков и национально-демократических лидеров имеются разные представления о дальнейшей судьбе Латвии, оставалась ещё слабая надежда на Общероссийское учредительное собрание как на высшую стадию развития русской революции¹⁰⁹.

Ещё в преддверии Общероссийского учредительного собрания представители разных национальных партий приняли предложение членов «Союза защиты Учредительного собрания» (в него входили в основном правые эсеры, также меньшевики, народные социалисты, кадеты и представители других организаций) о возможной защите Учредительного собрания военными силами «военных дружин национальных меньшинств». Прийти к единому решению не удалось. Описывавший это событие правый эсер Борис Соколов называет его курьёзным и анекдотичным по своему замыслу¹¹⁰. Но сам факт таких переговоров указывает на то, что национальная элита рассматривала национальную территориально-административную автономию в составе федеративной демократической России как наиболее удобный вариант существования для своих наций. Кроме того, это обстоятельство свидетельствует в пользу предположения, что если бы Временное правительство вовремя объявило о создании демократической федеративной республики с разработкой основных положений конституции на Учредительном собрании, то оно могло бы получить политическую и военную поддержку наций по укреплению своей власти.

Выступившие 5 января 1918 г. на Учредительном собрании представители от Эстонии (Ю. Сельмаа от Эстонского земского совета) и Латвии (Я. Голдманис от АВНС) первостепенной задачей Российской демократической республики считали освобождение занятых германской армией эстонских островов и областей Латвии. По словам Ю. Сельмаа, после освобождения островов эстонцы подтвердят на своём Национальном учредительном совете право на самоопределение и намерение «мирного сожительства с братским народом Великороссии». Я. Голдманис, в свою очередь, говорил о необходимости объединить все латышские области и об искреннем стремлении латышского народа «к политической свободе и автономии Латвии»¹¹¹.

¹⁰⁸ Gala sakums // Līdums. 1917. 1. dec. Nr. 275. 1. lpp.

¹⁰⁹ Viskrievijas Satversmes sapulces vēlēšanas // Ibid. 2. lpp.; Cēļa jūtis // Ibid. 2. dec. Nr. 276. 1. lpp.; Cīņa par un pret Satversmes sapulci // Ibid. 5. dec. Nr. 278. 1. lpp.

¹¹⁰ Соколов Б. Защита Всероссийского учредительного собрания // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XIII. С. 37–38.

¹¹¹ Учредительное собрание. Россия, 1918: Стенограмма и другие документы / Сост. Т. Е. Новицкая. М., 1991. С. 151–153.

Разгон большевиками Учредительного собрания 6 января 1918 г. поставил точку в планах национально-демократической элиты нетитульных наций империи образовать свои автономии в составе Российской федеративной демократической республики и ознаменовал окончательный распад многонационального Российского государства. Большевикам потребовались огромные силы для восстановления большей части территории бывшей империи военным путем.

Вместе с тем отказ большевиков от прежних намерений создать единое пролетарское государство, образование ими федеративного (союзного) советского государства (хотя и при всестороннем контроле из центра федерации), свидетельствует о том, что идея широкой автономии поддерживалась разными социальными слоями бывших национальных окраин Российской империи. Курс национально-демократических лидеров народов страны на независимость с конца 1917 г. был вызван стремлением отделиться не от Российского государства как такового, а именно от нового коммунистического государства. В свою очередь, развитие национальной идеи в среде нерусских народов страны в 1917 г. позволяет судить об упущенных возможностях Временного правительства, изначально не готового (как не было в основном готово и русское общество) к реформированию многонационального Российского государства в федеративную республику.

Список литературы

Андреева, Н. С. Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX века / Н. С. Андреева // Вопросы истории. — 2002. — №2. — С. 56–57.

Аренс, О. Прибалтика: Эстония и Латвия / О. Аренс, Э. Эзергайлс // Критический словарь русской революции : 1914–1921. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 644–652.

Армянское добровольческое движение // Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915–1916 годы : сборник документов и материалов. — Ереван : «Арересум»-АНИ, 1995. — Вып. I / сост. Г. А. Абрамян, Т. Г. Севан-Хачатрян. — С. 96–97. — URL: <http://www.genocide.ru/lib/abrahamyan/75-87.htm#80>. — (30.12.2018).

Бартеле, Т. Судьба латышских национальных организаций Москвы в условиях большевистской власти. 1918-1922 годы / Т. Бартеле // Россия и Балтия. —

Москва : Весь Мир, 2017. — Вып. 8. Новый мир на развалинах империи. — С. 108–128.

Бахтурина, А. Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1(14) августа 1914 г. / А. Бахтурина // Acta historica Klaipedensis. — 2015. — Vol. 31. — С. 46–72.

Бахтурина, А. Ю. Изменение административных границ Прибалтийских губерний весной-летом 1917 г. / А. Ю. Бахтурина // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». — 2017. — №4 (10). — Ч. 2. — С. 177–185.

Бахтурина, А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 388 с.

Брейдак, А. Б. Латгальский язык / А. Б. Брейдак // Языки мира. Балтийские языки. — Москва : Academia, 2006. — С. 193–213.

Вортман, Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века / Р. Вортман // РОССИЯ / RUSSIA. — Москва : ОГИ, 1999. — Вып. 3 (11). Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. — С. 233–244.

Ганин, А. В. Кровавые уроки шестнадцатого года : восстание 1916 г. в Семиреченской области / А. В. Ганин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2016. — № 1 (7). — С. 94–125.

Граф, М. Эстония и Россия 1917–1991 : анатомия расставания / М. Граф. — Таллинн : Argo, cop., 2007. — 536 с.

Грязин, И. Н. Юридическая дата рождения Эстонской демократической республики (теоретическая постановка проблемы) / И. Н. Грязин, М. П. Руус // Теоретические проблемы истории права : Studia juridica II. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1989. — С. 116–117. — (Ученые записки Тартуского государственного университета. — Вып. 847).

Долбилов, М. В. Русский край, чужая вера : этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. В. Долбилов. — Москва : ИЛО, 2010. — 1000 с.

Зеттерберг, З. История Эстонской республики / З. Зеттерберг. — Таллинн : KPD, 2013. — 399 с.

Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2018. Issue 3

Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века : сборник документов и материалов / Сост. Т. Карьяхарм. — Тарту : Eesti Ajalooarhiiv, 2000. — 402 с.

Исколастрел // Военный энциклопедический словарь. — Москва : Военное издательство Министерства обороны Союза СССР, 1986. — 863 с.

История Азербайджана / Ред. Д. Б. Гулиев. — Баку : ЭЛМ, 1979. — 304 с.

История армянского народа : с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Г. Нерсисяна. — Ереван : Изд-во Ерев. ун-та, 1980. — 458 с.

Карьяхарм, Т. Э. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. / Т. Э. Карьяхарм. — Таллин : Ээсти Раамат, 1987. — 309 с.

Каспаравичюс, А. Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века / А. Каспаравичюс // Россия и Балтия. — Москва : Наука, 2015. — Вып. 7. Памятные даты и историческая память. — С. 253–274.

Комзолова, А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. — Москва : Наука, 2005. — 380 с.

Крупников, П. Я. Полвека истории Латвии глазами немцев / П. Я. Крупников. — Рига : Авотс, 1989. — 315 с..

Лауринавичюс, Ч. Многовековое соседство: исторические связи Литовского и Русского государств в XIV–XX вв. / А. Лауринавичюс, С. Роуэлл. — Вильнюс : LII Leidykla, 2009. — 63 с.

Масловский, Е. В. Мировая война на Кавказском фронте, 1914–1917 г. / Е. В. Масловский. — Москва : Вече, 2014. — 543 с.

Мейнандер, Х. История Финляндии / Х. Мейнандер. — Москва : Весь Мир, 2017. — 237 с.

Миллер, А. И. Язык, идентичность и лояльность в политике властей Российской империи / А. Т. Миллер // Россия и Балтия. — Москва : ИВИ РАН, 2004. — Вып. 3. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи : 2-я пол. XVIII–XX в. — С. 142–155.

Михалюк, Д. Литовско-белорусские отношения на территории OBER-OST в годы 1-й мировой войны (1915–1919) / Д. Михалюк // Россия и Балтия. — Москва : Весь Мир, 2017. — Вып. 8. Новый мир на развалинах империи. — С. 59–78.

Міхалюк, Д. Беларуская Народная рэспубліка ў 1918–1920 гг. : ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці / Д. Міхалюк. — Смаленск : Інбелкульт, 2015. — 496 с.

Назарова, Е. А. Латышские педагоги в России / Е. А. Назарова // Интеллигенция в многонациональной империи : русские, латыши, немцы : XIX — начало XX в. — Москва : ИВИ РАН, 2009. — С. 128–220.

Назарова, Е. А. Переводы с латышского на русский в эпоху заката империи : 1914–1917 гг. / Е. А. Назарова // Россия и Латвия в потоке истории : 2-я половина XIX — 1-я половина XX в. — Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2015. — С.123–144.

Назарова, Е. А. Латышский Исход 1915-1917 годов и национальная интеллигенция / Е. А. Назарова // История. Электронный научно-образовательный журнал. — 2017. — Вып. 4 (58). Проблемы истории Скандинавско-Балтийского региона. — URL: <http://history.jes.su>. — (26.09.2018).

Назарова, Е. А. Георг Розе — друг поэта Брюсова: фрагмент из истории создания общероссийского культурного пространства. 1914 г. / Е. А. Назарова // Vēsture: avoti un cilvēki. — Daugavpils : Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2018. — Vol. XXI. — 268.–276. lpp. — URL: https://du.lv/wp-content/uploads/2018/01/Vesture_XXI_2018_internets.pdf. — (30.12.2018).

Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России, начало XX в. : документы и материалы / ред. И. В. Нам. Томск : Изд-во науч.-техн. лит., 1998. — 205 с.

Новикова, И. Н. Германия и проблема финляндской независимости : 1914–1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Ирина Николаевна Новикова. — Санкт-Петербург, 1998. — 20 с.

Ованесов, Б. Т. Армянская интеллигенция Российской империи в общественной жизни Северного Кавказа (конец XVIII — начало XX века) / Б. Т. Ованесов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2009. — № 6. — С. 44–48.

Папазов, А. В. Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А. Н. Куропаткина в его подавлении / А. В. Папазов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». — 2012. — № 2. — С.109–112.

Пагор, А. Эстонские национальные воинские части в русской армии / А. Пагор // Россия и Балтия. — Москва : Весь Мир, 2017. — Вып. 8. Новый мир на развалинах империи. — С. 34–58.

Революционное движение в России в сентябре 1917 : Общенациональный кризис. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 631 с.

Советская Латвия : Латвийская Советская Энциклопедия / гл. ред. П. П. Еран. — Рига : Латвийская Советская Энциклопедия, 1985. — 810 с.

Суни, А. В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. / А. В. Суни. — Ленинград : Наука, 1982. — 158 с.

Суни, Р. Г. Национальная политика / Р. Г. Суни // Критический словарь русской революции : 1914–1921. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 617–623.

Таирова-Яковлева, Т. Г. Украинские земли в новое время (середина XVI — XIX вв.) / Т. Г. Таирова-Яковлева // История Украины. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. — С. 100–259.

Таммисту, К. И. Под всполохом молний : о жизни и деятельности Я. Анвельта (1884–1937) / К. И. Таммисту. — Москва : Политиздат, 1989. — 270 с.

Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. — Москва : Весь Мир, 2004. — 542 с.

Широкоград, А. Б. Грузия : закавказский тупик? / А. Б. Широкоград. — Москва : Вече, 2010. — 414 с.

Широкоград, А. Б. Польша : Непримириное соседство / А. Б. Широкоград. — Москва : Вече, 2011. — 437 с.

Шубин, А. В. Национальный фактор в революции (1917 год) / А. В. Шубин // Acta historica Klaipedensis. — 2015. — V. 31. — С. 120–132.

20. gadsimta Latvijas vesture / red. V. Bērziņš. — Rīgā : Latvijas vēstures institūta arhāds, 2000. — I.sēj. Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918. — 869. Lpp

Çermanis, U. Ceļā uz Latviju : raksti par mūsu vēsturi / U. Çermanis. — Rīgā : Memento, 1993. — 252 lpp.

Kemps, F. Latgales likteņi / F. Kemps. — Rīgā : Avots, 1991. — 198 lpp.

Līgotņū, J. Zigfrīds Meierovics : mūžs, darbs, liktenis / J. Līgotņū. — Rīgā : Valters un Rapa, 2001. — 157 lpp.

Liulevicius, V. G. German-Occupied Eastern Europe / V. G. Liulevicius // A Companion to World War I / ed. by J. Horne. — Chichester ; Malden (MA) : Wiley-Blackwell, 2010. — P. 447–463.

Nazarova, E. Latvians in the Service Class of the Russian Empire / E. Nazarova // Russia on the Baltic : Imperial Strategies of Power and Cultural Patterns of Perception (16th–20th Centuries) / ed. K. Brüggemann and B. D. Woodwoth. — Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau Verlag, 2012. — P. 331–343. — (Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte 22).

Šiliņš, J. Zināmākais latvietis Petrogradā : Jāņa Goldmaņa politiskā darbība Krievijā un Latvijā / J. Šiliņš // Latvijas Arhīvi. — 2015. — № 3. — Lpp. 161–194. — URL: http://www.arhivi.lv/sitedata/ZURNALS/zurnalu_raksti/Silins_Zin161-196.pdf. — (30.12.2018).

УСАЧЁВА Елена Витальевна / USACHIOVA Elena

Национальный архив Республики Карелия / National Archives of the Republic of Karelia

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

usachjova@onego.ru

ИНЖЕНЕР ЭДУАРА МОБЕРГ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ НА СЛУЖБЕ КАРЕЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ENGINEER EDWARD MOBERG: 10 YEARS IN THE SERVICE OF THE KARELIAN GOVERNMENT

Abstract: In the early 1920s the government of the Karelian Workers' Commune tried to find ways to accelerate the economic development of the region and employed skilled specialists. The article traces the activities of a Swedish engineer Eduard Moberg who came to Karelia as one of the invited experts. Studying his biography helps to estimate the role of foreign engineers and technicians in the development of the Karelian economy in the 1920s–1930s. The sources of this study are the unpublished documents (many of them are in Finnish) from the National Archives of the Republic of Karelia.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, Швеция, Ухта, электрификация, иностранные специалисты, инженерно-технические специалисты / Karelia, Sweden, Ukhta, electrification, foreign specialists, engineering and technical specialists

Реализация программы ускорения экономического развития Карелии, принятой руководством возникшей в 1920 г. Карельской Трудовой Коммуны, предполагала привлечение рабочей силы из других стран, прежде всего — из Финляндии, а также из США, Канады, Швеции и Норвегии¹. Достаточно малонаселённая Карелия испытывала острую нехватку квалифицированных специалистов и рабочих. История миграционных волн из Финляндии и Северной Америки в 1920–1930-е гг. получила освещение в трудах карельских историков, прежде всего И. Р. Такала, а также Ю. М. Килина, С. Н. Филимончик и некоторых других². Однако деятельность работников, приехавших из иных стран, например, из Швеции, и роль иностранных квалифицированных инженерно-технических специалистов в осуществлении программы экономического подъёма нашей

¹ *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 129.

² Например: *Такала И. Р.* Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е — первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск, 2009. С. 107–148.; *Её же.* Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002; *Её же.* В поисках Эльдорадо: Североамериканские финны в довоенной Карелии // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1993. С. 91–110.; *Килин Ю. М.* Карелия в политике Советского государства, 1920—1941 гг. С. 129.; *Филимончик С. Н.* Об участии иностранных рабочих в индустриализации Карелии в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: (История Великого Октября на Северо-Западе России): Межвуз. сб. Петрозаводск, 1987. С. 145–156.; История экономики Карелии. В 3 кн. / Под ред. А. С. Колесова. Петрозаводск, 2005. Кн. 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.).

республики, являются менее изученными в исторической науке. Как правило, исследователи ограничиваются констатацией факта нахождения и работы в Карелии иностранных инженеров, а также представителей рабочего класса из Швеции³.

Имя одного из шведских инженеров, Эдуарда Моберга⁴, трудившегося в Карелии в 1920–1930-е гг., осталось в памяти жителей нашей республики во многом благодаря тому, что в посёлке Калевала сохранилось здание, получившее название «Дом Моберга». Однако до недавнего времени о его жизни и работе в Карелии было известно крайне мало. Фактически единственным исследователем, изучавшим деятельность Эдуарда Моберга, стала шведская журналистка Каа Энеберг, статьи которой содержат определённые неточности и значительные лакуны относительно «карельского» периода его жизни⁵. В монографии историков Э. П. Лайдинена и С. Г. Веригина есть упоминание о некоторых аспектах биографии некоего «Эдуарда М.», под которым, без сомнения, имеется в виду Эдуард Моберг⁶.

Между тем изучение деятельности Моберга в Карелии позволяет более объективно оценить роль и место иностранных специалистов в развитии экономики нашего края в 1920–1930-е гг. Данное исследование явилось результатом изучения обширного комплекса ранее не публиковавшихся документов Национального архива Республики Карелия, в значительной степени представленных в фондах на финском языке.

Шведский инженер Эдуард Моберг приехал в Петрозаводск по приглашению карельского правительства в январе 1923 г. (хотя в одном из документов указывается, что он прибыл в 1922 г.). К тому времени Моберг уже имел солидный опыт работы на различных предприятиях Швеции, Финляндии, Норвегии, России и Германии.

Эдуард Маркомович (или Матвеевич — в Карелии его отчество обозначали в двух вариантах) родился в шведском городе Мальмё 3 февраля 1881 г. в семье директора паровых мельниц. В анкете Моберг указывал, что у него есть родной и двоюродные братья, проживающие в Швеции, Голландии и США. По завершении обучения в политехникуме в 1902 г. Эдуард Маркомович проработал полгода электромонтером в компании «АЕГ», затем был переведен на должность электроинженера, на которой и трудился все последующие годы. Однако подолгу на одном месте службы он не задерживался. До своего переезда в Советскую Россию Эдуард Моберг сменил не менее десяти предприятий в разных странах: работал в немецкой компании «Сименс», в компании «АСЕА» (в т. ч. в её российском

³ Рагозина А. А. Техническая интеллигенция Карелии в 1920–1930-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 28; История экономики Карелии. Кн. 2. С. 64.

⁴ Вообще говоря, шведскую фамилию *Moberg* точнее передавать по-русски через «у» — Муберг. И так он её писал сам (см., например, ниже его автограф), однако мы предпочли в данном случае придерживаться традиционного, привычного для большинства читателей варианта. — *Прим. ред.*

⁵ *Eneberg K.* Ken on Mobergin talon nimen takana? // *Oma mua*. 2016. No. 49 (1339). 21. talvikuuta. S. 7. Та же статья на фин. яз.: *Eadem.* Kuuka on mies Mobergin talon nimen takana? // *Karjalan heimo*. 2016. No. 11–12. S. 176–179.

⁶ *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. Петрозаводск, 2004. С. 190, 258.

отделении в Петрограде с 1915 по 1919 г.), на монтажных и проектных работах в Финляндии, бывал по делам службы в Эстонии, Нидерландах, Дании. В своём исследовании историки Э. П. Лайдинен и С. Г. Веригин вкратце упоминают о некоей «тёмной» странице биографии Моберга — якобы он «в 1914 г. был судим за обман, в феврале 1920 г. его выдворили из Финляндии»⁷. Последним местом работы стало Шведское телеграфное управление, где Моберг трудился в 1922 г. около года, после чего в его карьере наступила небольшая пауза⁸. Возможно, проблемы на родине и отсутствие подходящей работы подтолкнули инженера к решению переехать в советскую Карелию, где была обещана интересная работа и неплохой заработок. По крайней мере, мотивы идейного характера здесь вряд ли имели место: Моберг никогда не принадлежал ни к каким партиям, и в последующем, во время его работы в Карелии неоднократно отмечалось, что он не занимается общественной и политической деятельностью.

Проработав год в Петрозаводске в должности инженера-электрика Карсовнархоза, Моберг переехал в Ухту. В то время уездные власти во главе с Вернером Форстеном активно приступили к мероприятиям, которые позволили бы осуществить здесь экономический прорыв. Остро стояла задача создания центра местной промышленности и сети дорог, электрификации населенных пунктов. Всё это было бы невозможно без квалифицированных инженерных кадров. Инициатива местных властей была поддержана. Осенью 1923 г. для изучения вопроса об электрификации Ухты туда был направлен в командировку электроинженер Эдуард Моберг⁹. В январе 1924 г. он уже прибыл в уездный центр на работу.

Моберг приступил к работе инженера (электроинженера) коммунального подотдела уездного исполкома с 6 января 1924 г. по индивидуальному договору. Ему была определена приличная по тем временам зарплата в 200 рублей в месяц — такой суммы в исполкоме не получал никто (для сравнения, начальник отдела, которому подчинялся Моберг, зарабатывал около 100 рублей)¹⁰. Так высоко был оценён труд инженера, на которого возлагались большие надежды.

В марте 1924 г. вышел приказ по общему отделу уездного исполкома, согласно которому инженеру Мобергу поручалось строительство электростанции и мастерских. В сентябре того же года в домах жителей Ухты появилась электроэнергия. Как писал позднее Вернер Форстен, «электричество первый раз осветило глушь северной Карелии». Электростанция, спроектированная Эдуардом Мобергом и построенная под его руководством, была паровой и размещалась в деревянном строении. Ток вырабатывался локомотивом, энергии с трудом хватало

⁷ Там же. С. 258.

⁸ Национальный архив Республики Карелии (далее — НАРК). Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 375. Л. 1–7.

⁹ Punainen Karjala. 1927. No. 65. 16. kesäkuuta.

¹⁰ НАРК. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 219. Л. 3.

на освещение домов и появившихся немного позже мастерских¹¹. Однако именно эта временная электростанция впервые дала возможность построить ряд небольших предприятий местной промышленности. В июне 1925 г. Ухтинский уездный съезд советов одобрил проект инженера Моберга по дальнейшей электрификации Ухтинской, Вокнаволоковской, Юшкозерской волостей, к реализации которого приступили позже¹².

Сразу после открытия электростанции Моберг начал детальную разработку проектов строительства других объектов. В ноябре 1924 г. он подготовил несколько смет. План постройки первой в Ухте электрической мельницы предполагал, что она будет давать тонну ржаной муки в час и 100–150 кг крупы, тем самым принося ощутимую прибыль уезду. Необходимость создания механической мастерской Моберг объяснял тем, что без неё «невозможно привести в порядок моторные лодки, пароходы и прочее. И от этого зависит разрешение вопросов по постройке лесопильного завода, мельницы». Моберг также подготовил сметы на создание лесопильного завода, столярной мастерской для сельхозинвентаря¹³. В ближайшие годы планы инженера были реализованы — в Ухте впервые заработали предприятия местной промышленности, как и задумывалось руководством уезда.

Другим серьезным направлением в деятельности Эдуарда Моберга в 1924–1925 гг. стали проекты строительства каналов с целью организации в уезде водного сообщения, которое имело большое значение ввиду отсутствия нормальной дорожной сети. В июне 1925 г. состоялось торжественное открытие канала Елмонен, соединившего Среднее и Верхнее Куйтто, строительство которого осуществлял Эдуард Моберг¹⁴. Он же контролировал техническое состояние водного транспорта, осуществлял осмотр и готовил сметы на ремонт парового катера и моторной лодки. Также Эдуард Маркомович являлся автором проекта постройки моста в Рятюля (район Ухты) по шведской технологии с установкой пружин между балками¹⁵.

В конце сентября 1925 г. Моберг был направлен дорожным отделом Центрального управления коммунального хозяйства (ЦУКХ) АКССР для изучения возможности постройки канала между системой озер Куйтто и р. Кепайоки через р. Пожа. Представленный проект предполагал сооружение канала длиной четыре километра с устройством трёх шлюзов. Моберг считал, что это будет южный водный путь длиной 214 км, который соединит Вокнаволок, Ювалакшу, Ухту, Луусалми, Юшкозеро и Панозеро. Предполагалось перемещение грузов из Кеми в Панозеро гужем, а оттуда водным путем до Ухты. Стоимость проекта оказалась слишком внушительной — 92700 рублей, а выводы Моберга о его рентабельности посчитали в Петрозаводске завышенными. Кроме того, отмечалось, что в виду строительства тракта Кемь — Ухта значение водного пути уменьшится. В итоге

¹¹ Там же. Ф. Р-794. Оп. 2. Д. 67. Л. 178

¹² Там же. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 4. Л. 65.

¹³ Там же. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 144. Л. 178–186.

¹⁴ Punainen Karjala. 1925. No. 74. 16. heinäkuuta.

¹⁵ НАРК. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 9. Л. 136 об.

дорожный отдел ЦУКХа не изъявил желания реализовать в полном объеме проект Моберга, хотя некоторые его предложения были признаны заслуживающими внимания¹⁶.

Эдуарду Мобергу как единственному инженеру уезда с высшим образованием поручали массу работ, даже тех, которые не были приоритетными для него в силу полученного образования и опыта работы в области электромеханических работ. На начальном этапе строительства здания Ухтинского уездного совета он активно в нём участвовал, в последующем передав основные полномочия технику Туомасу Валлеру. Самые активные этапы строительства будущего Советского Дома пришлись на тот период, когда им занимался Туомас Валлер. Именно он начинал работы по закладке фундамента, возводил здание под крышу, занимался внутренней отделкой, завершал строительство. Но имя Валлера по какой-то причине оказалось в тени его шведского коллеги, и ныне здание именуется «Домом Моберга».

Фото 1. Здание исполкома Калевальского райсовета (ныне — «Дом Моберга»), с. Ухта, 1948 г. Автор съемки К. Перфильев

Деревянные постройки не являлись приоритетом в деятельности электроинженера Моберга, очевидно, по этой причине не все объекты ему удавались. Например, его чертёж такой несложной постройки, как коровник для Ухтинской школы крестьянской молодежи, не был утверждён в Петрозаводске из-за серьёзных недочетов. В итоге чертёж пришлось переделывать Туомасу Валлеру.

¹⁶ Там же. Ф. Р-794. Оп. 7. Д. 1. Л. 29–32.

В октябре 1925 г. Эдуард Моберг был командирован в Регозеро для проведения изысканий полезных минералов на горе Хаукка, несмотря на то, что геологоразведка явно не входила в обязанности инженера. Его отчёт содержал сведения о наличии здесь медной руды и слюды, а также вполне оптимистичные планы разработки залежей графита¹⁷. Впрочем, образцы, отправленные в Горный институт, показали их низкое качество. Планам добычи полезных ископаемых в промышленных масштабах не было суждено сбыться.

В конце 1925 г. Эдуард Моберг принял решение вернуться в Петрозаводск. 15 декабря он написал заявление с просьбой выплатить ему единовременное пособие в размере ежемесячного оклада и другие положенные выплаты по причине перевода в распоряжение Совнархоза. Интересно, что он просил выдать сумму авансом «за неимением средств на переезд»¹⁸. Этот факт, конечно, удивителен ввиду весьма солидной заработной платы инженера. Вероятно, все заработанные средства инженер пересылал семье. Эдуард Моберг отправился в столицу АКССР с хорошими рекомендациями от уездных властей. Как отмечалось в выданной справке, за время работы в Ухте инженер осуществил «постройку Иолмоцкого канала, составил пятилетний план электрификации Ухтинского уезда и смету на таковую, руководя одновременно практическими работами. Все возложенные на него работы инженер Моберг выполнял с энергией и вполне добросовестно»¹⁹.

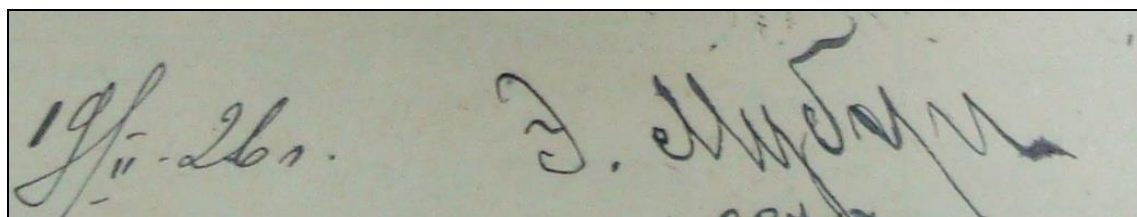
A photograph of a handwritten signature in dark ink on a light-colored paper. The signature is written in a cursive style and includes the date '19/II-26г.' on the left and the name 'Э. Моберг' on the right.

Фото 2. Подпись Эдуарда Моберга (автограф), 19 февраля 1926 г.

О деятельности Эдуарда Маркомовича в последующие месяцы пребывания в Петрозаводске известно немного. Так, из документов следует, что в феврале он был отправлен в Ленинград в качестве инженера-электрика Центрального совета народного хозяйства АКССР для переговоров по вопросам строительства Паданской ГЭС²⁰. В апреле 1926 г. Эдуарда Моберга вновь командировали в Ухту. Его возвращение объяснялось необходимостью возведения первой ГЭС в уезде, поскольку здесь остро ощущалась нехватка мощности существующей небольшой электростанции. Дальнейшее развитие уездных предприятий напрямую зависело от решения проблемы снабжения их электроэнергией.

¹⁷ Там же. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 54. Л. 76, 82–86 об.

¹⁸ Там же. Д. 219. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 12.

²⁰ Там же. Ф. Р-794. Оп. 1. Д. 375. Л. 7.

Прибыв в Ухту, Эдуард Моберг обратился в уездный исполком с просьбой решить ряд проблем, возникших по приезду: обеспечение жильем (этот пункт стоял первым), оплата дорожных расходов, чёткое определение круга обязанностей, назначение помощников и переводчика для перевода документов на русский язык. В этом же письме он обозначил планы начального этапа строительства ГЭС²¹.

Приказом от 7 мая 1926 г. общий отдел уездного исполкома распределил обязанности между строительным техником Туомасом Валлером и инженером Эдуардом Мобергом. Последнему поручалось строительство новой ГЭС, обеспечение деятельности имеющейся электростанции, чертёж новой больницы и наблюдение за строительством, металлическая мастерская, кузница, контроль за ремонтом корабля и двигателя, а также все иные работы в «электрической и механической областях»²².

Главная задача, поставленная перед инженером, — строительство ГЭС, была успешно решена в течение года. Строительство продолжалось всю зиму, хотя условия были крайне неблагоприятными — морозы достигали минус 42 градусов. Газета «*Punainen Karjala*» в марте 1927 г. отмечала образцовую организацию работ инженером Эдуардом Мобергом. Строители были полностью освобождены от излишней бумажной волокиты, при этом все вопросы по поставке и закупке материалов обсуждались совместно с рабочими. Строительные материалы расходовались с такой бережливостью, что работы обошлись дешевле, чем думали инженеры «в центре» (было использовано не 20 тысяч брёвен, а только 750)²³.

В июне 1927 г. состоялось торжественное открытие Ухтинской гидроэлектростанции. Построенная по последнему слову техники, станция позволила на тот момент решить многие экономические проблемы уезда. В то время это была одна из самых северных ГЭС в мире, построенная всего за десять месяцев в исключительных условиях — почти в 200 км от железной дороги и даже при отсутствии нормальных грунтовых дорог в уезде. Первые лица нашей республики удостоили своим посещением Ухтинскую ГЭС и высоко оценили качество проведённых работ, отметив значение станции для развития края.

Выполнив поставленную задачу, Эдуард Моберг сразу отправился обратно в Петрозаводск, чтобы заняться вопросами энергетики в других районах республики. Однако он и в дальнейшем принимал участие в судьбе своей станции: уже в январе 1930 г. Ухтинский исполком принял основанное на предложениях Моберга решение о необходимости расширения ГЭС. Интересно, что когда прибыли инженеры для обследования станции, они пришли к выводу, что ГЭС фактически была

²¹ Там же. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

²² Там же. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 219. Л. 13.

²³ Punainen Karjala. 1927. No. 33. 26. maaliskuuta.

построена не по утверждённому в центре проекту, а по проекту Моберга, который единолично внес в него существенные изменения и при этом не оставил детальных чертежей²⁴.

Фото 3. На открытии Ухтинской ГЭС (в центре — Э. Моберг), м. Нискакоски, 7 июня 1927 г. Автор съемки не установлен.

Сохранившиеся архивные документы дают ответ на вопрос, чем именно занимался Эдуард Моберг в Карелии. Однако с их помощью непросто оценить его личностные качества, узнать факты биографии, не связанные с трудовой деятельностью. На момент приезда в Советский Союз Моберг был женат, имел троих детей. Имя жены в документах не указывается, известно только, что она была примерно на 15 лет младше своего мужа. Двое старших детей от первого брака остались в Финляндии, а младший сын от второй супруги родился примерно в 1924 г. Однако семья проживала с Эдуардом Мобергом в Карелии далеко не всё время. По крайней мере, в Ухте он не был обременён семейными заботами. Более того, документы сообщают о попытке сватовства Моберга к местной девушке. Вероятно, история так и была бы предана забвению, если бы не одно обстоятельство: Туомас Валлер, который оказался в этом замешан, состоял в компартии, и за участие в «сватовстве» его серьёзно наказали по партийной линии. Материалы дела Валлера проливают свет на историю, случившуюся в 1927 г.

²⁴ НАРК. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 1432. Л. 32.

в Вокнаволоке²⁵. В конце марта Валлер и Моберг поехали туда в связи с вопросами строительства новых зданий и электростанции. Завершив все дела, в последний день командировки они отправились в гости к местному крестьянину Миттоеву, чтобы «отметить» окончание работы. В доме Миттоева они познакомились с Татьяной Пекшуевой, 25-летней молодой вдовой, которая помогала здесь по хозяйству. В разговоре с Валлером девушка поведала о своей вдовьей доле, и тот предложил ей найти нового супруга, на роль которого, по его мнению, вполне мог бы подойти 46-летний инженер Моберг. Надо сказать, что присутствовавший при беседе «жених» вообще не понимал, о чём идёт речь, — он не знал языка, на котором общались Валлер с Татьяной. Услышав свою фамилию, он попросил друга объяснить суть разговора. Моберг обрадовался, узнав, что ему предлагают невесту, и попросил Валлера продолжать «сватовство». Сначала Татьяна воспринимала всё как шутку, однако мужчины заверили её, что инженер фактически холост — его супруга из Финляндии уехала в Швецию и не планирует жить с мужем. При этом Моберг является очень «перспективным женихом» — по вызову правительства скоро уедет на работу в столицу. Когда инженер снял с руки своё золотое кольцо и его надели на палец Татьяне, девушка окончательно поверила в серьёзность намерений гостей. Моберг через переводчика — Валлера заверил её, что завтра они вместе поедут в Ухту, где официально регистрируют брак. Утром, собираясь в дорогу, Валлер решил уточнить у своего приятеля, остаются ли его намерения в силе, и тот ответил утвердительно. Татьяну взяли с собой. Прошло ещё два дня, однако инженер так и не повёл избранницу в ЗАГС. В итоге он вручил ей 25 рублей и велел возвращаться обратно домой в Вокнаволок, объяснив, что у него и в планах не было жениться на ней. Но девушка, посчитавшая себя опозоренной, обратилась в соответствующие органы. Туомаса Валлера тут же привлекли к ответственности по партийной линии за распитие спиртных напитков во время командировки и посредничество в «брачном деле». Для Моберга, никаких особых последствий история не имела. То, что он был ценным иностранным специалистом и не состоял в рядах ВКП(б), не раз спасало его от ответственности за небольшие «приключения» в Ухте. Из четырёх взысканий, наложенных по партийной линии на Валлера, три были связаны с распитием им спиртного со своим коллегой Эдуардом Мобергом. Однако последний всегда избегал каких-либо наказаний.

Моберг владел несколькими языками (шведским, немецким, норвежским, датским), однако финского и русского языков практически не знал. Если за годы проживания в Карелии он и выучил местные языки, то в небольшом объёме. Эдуард Маркомович ставил свою подпись под документами по-русски, однако все письма

²⁵ Там же. Ф. П-1187. Оп. 3. Д. 14.

и прочие бумаги писал на шведском языке, который являлся для него родным. Возможность разговаривать на одном языке способствовала тесному общению Моберга с Валлером, который не только был его ближайшим коллегой, но и часто выступал в роли переводчика. В Карелии в то время были и другие специалисты, говорившие на шведском языке, поэтому Моберг имел здесь определённый круг общения. Подготовленные инженером документы переводились на финский язык (часто в роли переводчика выступал Ээро Хаапалайнен). При необходимости пересылки документов в Петрозаводск они переводились ещё и на русский. Возможно, языковыми проблемами отчасти можно объяснить «скромность» Моберга — в документах не удалось найти упоминания о том, чтобы инженер выступал с какими-то публичными речами даже на открытии своих «великихстроек», таких, как Ухтинская ГЭС.

Уехав из Ухты в 1927 г., Моберг трудился на нескольких карельских предприятиях, в том числе консультантом на кондопожском строительстве и главным инженером треста «Карелэлектро». Последнее на сегодняшний день известное место пребывания Моберга — Олонек, где он работал инженером по электрификации, по крайней мере, до сентября 1932 г., занимаясь строительством Видлицкого электрокомбината. Сюда он приехал с семьёй — с сыном и супругой²⁶. Условия проживания вряд ли устраивали инженера. В анкете иностранного специалиста, составленной в Олонце в январе 1932 г., отмечались «скверные» жилищные условия Моберга, нерегулярная выплата зарплаты и снабжение продуктами с большими перебоями²⁷.

Имеются документальные свидетельства того, что в июне 1933 г. Эдуард Моберг ещё находился в Карелии²⁸. Вероятно, вскоре он уехал обратно в Швецию. Начиная с 1929 г. инженер неоднократно выражал желание вернуться на родину. Первым поводом стали критические высказывания о результатах его деятельности на Кондопожском ЦБК. Как писал в 1930 г. Эдвард Гюллинг, инженер «тогда рассердился, продал все свое имущество и угрожал выехать из Карелии». Главе карельского правительства удалось уговорить Моберга остаться. Однако в 1930 г. возникла проблема с обменом его сбережений на валюту (инженер просил обменять три тысячи рублей для поездки в Швецию на несколько месяцев). Опасаясь дипломатического скандала, Гюллинг вновь вмешался в конфликт. Он ходатайствовал перед Москвой об урегулировании вопроса, хотя признавал, что Моберг, несмотря на все его заверения, может, уехав в Швецию, не вернуться обратно. В следующем году Москва запретила перевод валютной части

²⁶ Там же. Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 39.

²⁷ Там же. Ф. Р-685. Оп. 2. Д. 119. Л. 3.

²⁸ Там же. Д. 173. Л. 537.

зарплаты инженера в Швецию, что подразумевалось договором, и это снова вызвало у него раздражение и желание уехать на родину. Гюллингу на какое-то время удалось решить вопрос путём увеличения Мoberгу оклада в полтора раза²⁹. Очевидно, недовольство Эдуарда Маркомовича жизнью в Карелии нарастало и в конце концов он вернулся на родину в поисках лучшей доли.

О последующих годах жизни Эдуарда Мoberга известно из статьи шведской исследовательницы К. Энеберг, опубликованной в газете «*Ota tina*»³⁰ и в журнале «*Karjalan heimo*» в 2016 г.³¹ Ссылаясь на архивные документы, она утверждает, что бывший строитель Ухтинской ГЭС сотрудничал с финскими и шведскими органами государственной безопасности, предоставляя информацию о советской Карелии и о своих бывших коллегах. За свои «показания» он получал приличные суммы. О том, что Мoberг имел отношение к финским и шведским спецслужбам и в 1934 г. сообщал им сведения об Э. Гюллинге, упоминают в своей работе также историки Э. П. Лайдинен и С. Г. Веригин, которые основываются на архивных документах, хранящихся в УФСБ РФ по РК³². По данным К. Энеберг, в 1941 г. перед началом Великой Отечественной войны Мoberг отправился в Германию на работу в компанию «Сименс». Однако там ему объяснили, что как инженер он не представляет для них интереса, хотя может быть полезен в качестве поставщика агентурных данных. Ему предложили работу по сбору и передаче сведений о Советском Союзе, в том числе о передвижении советских войск на приграничных территориях (К. Энеберг пишет, что ей неизвестно, в каком объёме он передавал подобные сведения). Конечно, эта страница биографии Эдуарда Мoberга на сегодняшний день остается недостаточно изученной. Сотрудничал ли он с германской разведкой, подтвердить или опровергнуть по документам Национального архива Республики Карелия не представляется возможным. То, что за Мoberгом «присматривал» НКВД и считал его шпионом, косвенно подтверждает справка отдела КГБ при Совете министров КАССР от 19 ноября 1969 г. относительно дела расстрелянного в 1938 г. Якова Мяки. В справке указывалось, что Мяки, в 1925–1927 гг. возглавлявший Ухтинский уездный комитет ВКП(б), «был связан по шпионской деятельности с агентом шведской разведки Мубергом». Причём необоснованность ареста и последующая реабилитация Мяки в 1956 г. объяснялись отсутствием доказательств шпионских

²⁹ Там же. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 163. Л. 8–82.

³⁰ Eneberg K. Ken on Mobergin talon nimen takana? S. 7.

³¹ Eadem. Kuka on mies Mobergin talon nimen takana? S. 176–179.

³² Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 190, 258.

связей, а не опровержением самого факта работы Моберга на иностранную разведку³³.

Вершина карьеры инженера Моберга осталась в прошлом. В последние годы он вёл не слишком трезвый образ жизни и умер в Швеции в середине 1940-х гг., пребывая в затруднительном материальном положении.

Конечно, факт сотрудничества Эдуарда Моберга со спецслужбами и зарабатывание средств путём доноительства на своих коллег, с которыми он работал в Карелии многие годы, вряд ли можно считать «достижениями» в его запутанной биографии. Интересно, что такой поворот событий глава карельского правительства Эдвард Гюллинг предполагал ещё в 1930 г., когда ходатайствовал перед Москвой о решении финансовых проблем Моберга. В переписке он высказывал опасения, что если вопрос перевода части заработанных Мобергом средств в валюту в Москве не решат, то тот может уехать «и рассказать за границей разную чепуху». При этом Гюллинг довольно высоко оценивал вклад шведского инженера в развитие экономики нашего края³⁴. А достижения «ухтинского» периода Моберга сохранили о нём добрую память как о строителе первых электростанций уезда и главном историческом здании поселка, которому позднее даже присвоили его имя — «Дом Моберга».

Эдуард Моберг приехал в чужую для него страну для реализации своих профессиональных навыков в ожидании достойного вознаграждения за свою работу. Именно этим он занимался все годы пребывания в Карелии: чётко выполнял поручения руководства, при этом не забывая о решении своих материальных вопросов, избегал участия в общественной деятельности и прочих мероприятиях, не связанных с исполнением трудовых обязанностей. Идеалистом, приехавшим строить социализм, он не был. Эдуард Моберг — один из прибывших в Карелию иностранных инженерно-технических специалистов, деятельность которых требует дальнейшего изучения и оценки. Его вклад в развитие экономики нашего края, безусловно, заслуживает внимания в контексте изучения истории Карелии 1920–1930-х гг.

Список литературы

История строительства в Карелии / В. Г. Баданов, Л. И. Вавулинская, В. А. Слепков, С. Н. Филимончик. — Петрозаводск : ПетроПресс, 2007. — 206 с.

История экономики Карелии. В 3 кн. / Л. И. Вавулинская, С. Г. Веригин, О. П. Илюха, С. Н. Филимончик ; редкол. А. С. Колесов (пред.) [и др.]. — Кн. 2.

³³ НАРК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7406. Л. 5–6.

³⁴ Там же. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 163. Л. 81–82.

Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). — Петрозаводск : ПетроПресс, 2005. — 244 с.

Килин, Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920—1941 гг. / Ю. М. Килин. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1999. — 275 с.

Лайдинен, Э. П. Финская разведка против Советской России / Э. П. Лайдинен, С. Г. Веригин. — Петрозаводск : РИФ, 2004. — 293 с.

Рагозина, А. А. Техническая интеллигенция Карелии в 1920-1930-е гг. : дис. ... канд. ист. Наук / Александра Александровна Рагозина. — Петрозаводск, 2004. — 218 с.

Такала, И. Р. В поисках Эльдорадо : североамериканские финны в довоенной Карелии / И. Р. Такала // Вопросы истории Европейского Севера : сб. науч. ст.. — Петрозаводск, 1993. — С. 91–110.

Такала, И. Р. Финны в Карелии и в России : история возникновения и гибели диаспоры / И. Р. Такала. — Санкт-Петербург : «Журнал Нева», 2002. — 172 с.

Такала, И. Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е — первая половина 1930-х годов) / И. Р. Такала // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. — Петрозаводск : КНЦ РАН, 2009. — С. 107–148.

Филимончик, С. Н. Об участии иностранных рабочих в индустриализации Карелии в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.) / С. Н. Филимончик // Вопросы истории Европейского Севера: (История Великого Октября на Северо-Западе России) : межвуз. сб. — Петрозаводск, 1987. — С. 145–156.

Eneberg, K. Ken on Mobergin talon nimen takana? // Oma muu. — 2016. — No. 49. — 21. talvikuuta. — S. 7.

Eneberg, K. Kuka on mies Mobergin talon nimen takana? // Karjalan heimo. — 2016. — No. 11–12. — S. 176–179.

ИЛЮХА Ольга Павловна / ILYUKHA Olga

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

iljuha@krc.karelia.ru

**«РУНА О ЗАДЕРЖАНИИ ШПИОНА»: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА
В СОВЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ПРОПАГАНДИСТСКОМ ДИСКУРСЕ
1930-Х ГОДОВ***

*A RUNO SONG ABOUT DETENTION OF A SPY: THE STATE BORDER
IN THE 1930s SOVIET FOLKLORE AND PROPAGANDA DISCOURSE*

Abstract: The Soviet folklore, as a project implemented in the 1930s–1950s by the authorities implying the active involvement of folklorists to induce the corresponding response from narrators, is classified by researchers (often ironically) as a type of the pro-Soviet pseudofolklore, falsified folklore, fakelore *etc.* A promising approach for studying this phenomenon is the analysis of the relationship between the ‘power’ and the ‘folk’ discourses, between the Soviet propagandist context and a folklore text. This article studies how journalistic texts about the Soviet state border were perceived by the carriers of the folklore tradition, how the ‘folklore’ images of the Soviet border were constructed, and how the folk art influenced the style of the Soviet propaganda discourse. It is demonstrated that the border topic reached its full accomplishment in the Soviet folklore’s songs, laments, tales (*skazy*), fairytales, byliny, ‘noviny’, and ditties. In the works of that kind the border of the country was presented as a part of the Soviet universe, an epic image of the Soviet cosmos. All around the country folk narrators, responding to the ideological demand, integrated the new reality of the Soviet border into the traditional world view. The results were the figures of the ‘bogatyri’ patrolling the border and confronting external enemies who were metaphorically described as “hissing serpents and creeping reptiles” or as werewolves spies. On the one hand, these folklorised texts about the Soviet border fit well into the overall Soviet power discourse of the Homeland’s frontiers, but on the other hand, they deviate from it in some ways. For example, the famous locution “the border under lock and key” does not occur in them (unlike the idea of the closedness of the border as such). At the same time, the image of Saint George the Conqueror, cherished by the people, was integrated into the Soviet border folklore and the Soviet border guards were likened to this saint, as well as to Ilya of Murom. Thus, a kind of a dialog between the ‘people’ and the ‘authorities’ took place in the sphere of folk literary art. The creation of the national myth was not fully manageable, no matter how hard the authorities tried to gain total control of the process.

Ключевые слова / Keywords: Советский фольклор, государственная граница, образы границы, дискурс-анализ, история ментальностей, советская пропаганда, 1930-е гг. / Soviet folklore, state border, images of the border, discourse analysis, history of mentalities, Soviet propaganda

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр РАН». Регистрационный номер темы АААА-А18-118030190093-9.

*Мимо этой стражи зверь да не прорыскивал,
Птица, черный ворон, мимо их да не пролетывал,
Никакой шпион да не проскакивал.*
Из былины «О Сталине», 1940 г.

Советская власть в поисках подтверждения собственной «народности», «корней», взяла на вооружение фольклорную традицию. «Голос народа» должен был звучать в унисон с решениями коммунистической партии, подтверждать легитимность власти, служить инструментом создания нового — но вместе с тем связанного с героическим прошлым — советского семиотического пространства. Соответственно, содержание фольклора должно было измениться по воле партии, а значит, и весь процесс его создания следовало сделать подконтрольным и управляемым.

Проект по созданию советского фольклора осуществлялся во второй половине 1930-х — начале 1950-х гг., а его пик пришелся на 1937–1940-е гг. Работа, поддерживаемая советским государством, осуществлялась при активном участии учёных-фольклористов, писателей, журналистов, партийных пропагандистов. Проводилась систематическая работа по «обучению» сказителей. И столичные, и провинциальные учёные направлялись в деревни, где они не только вели записи фольклора, но и проводили соответствующие «инструктажи». Сказителей в первую очередь обеспечивали газетами, им поставлялись книги и пропагандистские материалы, в их домах раньше других устанавливали радиоприемники для знакомства с актуальными темами. С целью стимулирования творчества устраивались съезды и радиофестивали сказителей, их награждали орденами, принимали в члены Союза советских писателей, прославляли на страницах периодической печати. Сказитель воспринимался исследователями 1930-х гг. как начинающий автор в профессиональном литературном творчестве¹.

Работа шла в различных регионах: не остались без внимания государства и учёных-фольклористов певцы и сказители самых разных фольклорных традиций, как на национальных окраинах, так и в центре страны. В Карелии — уникальном фольклорном крае — проект развернулся масштабно, а Российский Север в целом дал подавляющую часть произведений советского фольклора. Заинтересованность

¹ Иванова Т. Г. Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (о жанровой природе песенного советского эпоса) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Доклады III Международной конференции «Рябининские чтения-99». Петрозаводск, 2000. С. 84–85.

власти, активность исследователей-фольклористов, готовность сказителей служить советскому государству — всё это в совокупности принесло свои плоды.

Результатом работы стало создание многочисленных авторских произведений, объявленных фольклорными. Актуальное осмысление в духе народного патриотизма получили различные жанры народной словесности: так появились «новинки» — произведения, которые в отличие от былин и в противовес им, воспевали не прошлое, а настоящее, где народные богатыри замещались героями-современниками. Общей направленностью этого вида творчества было прославление счастливой советской страны, её истории, вождей и героев. Поскольку в СССР шло целенаправленное создание мобилизующего общенационального мифа о народе-богатыре, то особенно большим был спрос на героический фольклор, идеализирующий как отдельные личности, так и весь народ. По тому же принципу создавались сказки, колыбельные, частушки, в которых актуальная информация излагалась фольклорным слогом и опиралась на традиционную мифологию.

Для ознакомления советских людей с фольклорными произведениями нового содержания организовывались встречи сказителей с трудящимися и учащимися, нередко со смешанными по возрастному составу аудиториями слушателей, поскольку такие тексты адресовались, как правило, «всему народу». Вместе с тем дети были целевой аудиторией: авторитет старцев-сказителей использовали в целях повышения эффективности патриотической пропаганды среди подрастающих поколений. Сказителей приглашали выступать в школах, дворцах пионеров, в детских домах. Советскому фольклору щедро отводилось место на страницах СМИ и специальных сборников. Родившийся в результате такого эксперимента советский фольклор в современной литературе получил характерные, часто ироничные определения: «фольклорные новообразования», «околофольклорное явление», «псевдофольклор», «фальсифицированный (или искусственный) фольклор», «фальшлор», «фейклор» и др.

История создания советского фольклора, его суть и результаты хорошо изучены². Исследованы его происхождение, авторство (установлены имена

² В частности: *Miller F. J. Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era.* Armonk (New York); London, 1990; *Маркова Е. И.* Творчество сказителей (основные мифологемы 1930-х годов) // *История литературы Карелии.* Петрозаводск, 2000. Т. 3. С. 94–98; *Иванова Т. Г.* История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. СПб., 2009; *Козлова И. В.* Покорение полярного Севера в творчестве советских сказителей // *Актуальные проблемы современной фольклористики и изучения классического наследия русской литературы: Сб. науч. статей памяти профессора Е. А. Костюхина.* СПб., 2009. С. 143–161; *Марковская Е. В.* Сказители Карелии и новые произведения эпического склада 1930–1950-х годов // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы международной научной

сказителей и собирателей, становившихся соавторами), а также наиболее популярные темы: образы героев Гражданской войны и советских вождей, коллективизация, покорение Арктики, советская конституция, военные конфликты конца 1930-х гг., раскрепощенная советская женщина, и др. Современные исследователи выдвигают на первый план, среди прочих, вопрос о месте советского эпического фольклора в сталинской культуре в целом³. Этот искусственный, с точки зрения фольклористов, продукт имеет значение для изучения, скорее, механизмов пропаганды и отклика на неё «народа», вклада носителей фольклорной традиции в создание общего пропагандистского дискурса.

Тема границы, её отражение в советском «фольклоре», пока не представлена в исследовательской литературе системно. Вместе с тем граница не могла не войти в общенациональный миф. Как часть советского мироздания она присутствует в произведениях советского фольклора различных жанров: новинах, сказах, сказках, плачах, лирических и колыбельных песнях, частушках. Разнообразие её фольклорных репрезентаций во многом определено мифогенностью пространства границы.

Фольклорные мотивы и образы в советских публицистических произведениях о границе

Отправной точкой для обращения автора этой статьи к советскому фольклору стали газетные и другие публицистические тексты 1930-х гг. Географические координаты границ в советских газетных колонках новостей, включая детскую периодическую печать, обычно размыты: «на западных границах», «на южных рубежах», «на восточном пограничье», «на N-ской заставе»⁴. Географическая условность описываемых событий на границе сродни эпической модели репрезентации пространства: «в некотором царстве, в некотором государстве». Скупы в отношении «координат местности» публицистические пропагандистские

конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калеваль». Петрозаводск, 2010. С. 221–226; *Миронова В. П.* Фольклорные новообразования в репертуаре карельских сказителей 1930–1940 годов // Музыкальная традиция Северной Карелии. Петрозаводск, 2013. С. 50–57; *Архипова А. С., Неклюдов С. Ю.* Фольклор и власть в «закрытом обществе» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–103; *Сенькина Т. И.* Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии / Ред. Е. И. Маркова. Петрозаводск, 2012; *Русский политический фольклор: Исследования и публикации* / Ред.-сост. А. Панченко. М., 2013; *Филлимончик С. Н.* Собрание и изучение фольклора в Карелии в 1930-е годы // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права: Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П. М. Машерова. 2018. С. 77–79.

³ См. об этом: *Панченко А. А.* Культ Ленина и «советский фольклор» // Одиссей. Человек в истории. М., 2005. С. 334–366.

⁴ Исключением являются крупные военные конфликты. Превращение границы в линию фронта сопровождалось указанием более точных географических привязок. Например: река Халхин-Гол, озеро Хасан и т. д.

тексты о подвигах пограничников. В них географическая привязка осуществляется за счёт историко-культурных маркеров, часто имеющих негативные коннотации: столкновения на границах с самураями, шляхтичами, лахтарями. Тексты о границах советского отечества освящались ореолом государственной тайны, что и служило оправданием географической нечеткости описываемых событий и служило их мифологизации.

При описании государственной границы в публицистике нередко присутствуют фольклорные мотивы. Они улавливаются на сюжетно-композиционном уровне, при трактовке образов, в системе метафор. Базовый сюжет многих литературно-публицистических текстов 1930-х гг. о коллизиях на границах стандартен: погоня, схватка и задержание врага. Вспомним, что при описании подвигов богатырей в русских былинах наблюдается схожая последовательность мотивов, включающих седлание коня, богатырскую поездку, поединок, победу героя. Образ пограничника строится по фольклорной модели героя: «Он храбро сражался против семи». Конь героя «самый быстрый на заставе» или «гнедой, тонконогий», «распустив по ветру гриву, конь мчался, едва касаясь копытами земли». Пограничник, как и былинный богатырь, обычно узнаёт о появлении врага в поле (в лесу) по следу, разглядывает далекого неприятеля в бинокль (богатырь — «в трубку серебряную»), тот и другой принимают бой «ночью темною».

В качестве примера приведём текст, написанный героем боев на озере Хасан И. Мошляком. Он писал о российско-японской границе 1930-х гг., что там, где стоят советские пограничники, «ни человек, ни зверь не пройдет незамеченным. Разве птица перелетит»⁵. Сравним эти слова с текстом о богатыре Илье Муромце в дореволюционном издании для школьных библиотек: «Три года стоят уже богатыри на своей молодецкой заставе, не пропускают ни конного, ни пешего, ни своего, ни чужого; мимо них ни зверь не проскользнет, не птица не пролетит...»⁶.

Наиболее выразительно связь образов былинных богатырей с советскими современниками выражалась «шершавым языком плаката»⁷. Так, на плакате В. И. Говоркова «Славна богатырями земля наша!»⁸, посредством визуальной метафоры показана суть советского воина, отбрасывающего тень богатыря, а танк здесь — крепость на гусеницах. Фольклорные коннотации имеют и другие тиражировавшиеся советской пропагандой визуальные репрезентации защитников

⁵ Мошляк И. У озера Хасан. М.; Л. 1939. С. 14.

⁶ Русские богатыри. СПб., 1912. С. 96.

⁷ Фраза из поэмы Владимира Маяковского «Во весь голос» (1930).

⁸ Говорков В. И. «Славна богатырями земля наша!»: Плакат. М.; Л., 1941.

рубежей. Например, кинофильм «Джудльбарс» (1935) открывается сценой, изображающей трёх конных пограничников, прямой аналогией созданному по фольклорным мотивам полотну Виктора Васнецова «Богатыри» (1871–1898).

Выражения «рать великая», «богатырские заставы», «богатырская сила», «сталинские соколы», «лютый враг», «орда великая» стали широко употребимы в пропагандистских текстах 1930-х и 1940-х гг. Просторы СССР нередко определялись как «богатырская ширь», а живущие здесь люди — как «народ-богатырь». Таким образом, публицистика охотно следовала за фольклорными прототипами, заимствовала мифологемы⁹, традиционные художественные изобразительные средства, необходимые и для героизации, и для канонизации отдельных личностей. Регламентация и санкционирование определённой нормы, модели поведения в фольклоре объясняют широкое использование мифологем в идеологическом дискурсе¹⁰. В то же время, как уже замечено фольклористами, сказители «могли брать из газетных статей и сюжеты, и готовые фразы для описания подвигов»¹¹. То есть публицистика обогащала сказителей темами, сюжетами, давала образы героев и идеологемы¹².

Взаимопроникновение публицистических и фольклорных текстов рождает массу вопросов. В данной статье мы попытаемся найти ответы лишь на некоторые из них. Во-первых, как, в каких контекстах рисуется государственная граница в советском фольклоре и какими смыслами она наделяется? Во-вторых, важно понять, каким образом сказители, направляемые властью, встраивали в традиционную картину мира советскую границу как новую реальность и как этот конструкт вписывался в общий советский дискурс о границах. И наконец, в каком направлении разворачивался диалог «народа» и «власти» в деле производства советского фольклора и был ли он в принципе возможен?

В данном случае мы используем прежде всего прошедшие через редактирование и цензурирование опубликованные материалы, напечатанные в самых разных изданиях: от академических до детских сборников, от общественно-политических и художественных альманахов до пионерских журналов

⁹ Мифологема — прототипическая формула, заключающая в себе универсальную идею-образ, которая затем может получить национальное наполнение. Важно, что мифологема является универсалией человеческого сознания, облаченной в яркий вербальный образ, что способствует во многом иррациональному ее усвоению социумом.

¹⁰ См. об этом подробнее: *Клушина Н. И.* Теория идеологем // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4. С. 55–59.

¹¹ *Козлова И.* Локальные военные конфликты конца 1930-х годов в СМИ и творчестве сказителей // *Городские тексты и практики*. М., 2017. Т. 2. Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий. С. 113.

¹² Идеологема — стилистически оформленное идеологически нагруженное выражение (лозунг, сентенция, афоризм, метафора), мифологема, используемая в идеологических целях.

и региональных газет. Широкий спектр адресатов изданий говорит о восприятии народного слова властью и уверенности в его мобилизующей силе.

Сотворение советского космоса и рождение границ

Создание мира социализма из хаоса и мрака Гражданской войны, возведение страны — укреплённой крепости со стражами на границах в советском фольклоре связывается с демнургом Сталиным. В новине (обозначенной при публикации как былина) народной поэтессы из Поморья Марфы Семёновны Крюковой «Слава Сталину будет вечная» это время описывается как время творенья, когда

«Он рубил и бил силу белую,
Он рубил и бил не день, не два¹³.
Те остались жить, кто успел сбежать.
Он очистил дорожки прямоезжие,
Он очистил города и деревеньки,
Еще те ли границы русские.
Он поставил на них стражу верную,
Еще славных ребят-пограничников.

Тут свалились с земли цепи крепкие,
Светом вся земля осветилась»¹⁴.

Описание начальной советской истории завершается аллюзией к библейскому: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3). Как видим, истоки советской истории представлены как космогонический акт, что вполне соответствовало официальной трактовке 1917 г. в качестве рубежа между «тёмным прошлым» и «светлым настоящим».

Освоение Арктики (в текстах 1930-х гг., и не только пропагандистских, используется слово *завоевание*¹⁵) — приращение территории СССР сопровождалось маркировкой новых границ, установкой советского флага и других символов власти. Полярные станции уравнивались в фольклоре с «богатырскими заставами». Как пишет И. В. Козлова, новый «эпос» рождался стремительно. В 1937 г., через три года после возвращения героической экспедиции челюскинцев, был записан ряд

¹³ Согласно Библии, тверди земные создавались три дня, а на четвёртый Бог создал светила.

¹⁴ Крюкова М. С. Слава Сталину будет вечная: Русская былина. Записана в 1937 г., Архангельская обл. // Зажглась золотая заря: Сказки и легенды. М., 1939. С. 83.

¹⁵ См., например: Чистов В. Народное творчество Советской Карелии // Народное творчество Карело-Финской ССР: Записи 1937–1938 гг. / Подг. текстов, вступ. ст. и прим. В. Чистова; под ред. А. Н. Лозановой. Петрозаводск, 1940. С. XV.

былин (новин) на эту тему. В том же году, вскоре после начала экспедиции Папанина, появились «сказы» и «былины» (новины), прославляющие папанинцев. Одна из новин, «Сказание про полюс», была записана от Марфы Крюковой¹⁶ как «моментальный отклик» на событие. В ней воспевались покорители и новые властелины Арктики, которым служат её прежние хозяева — белые медведи:

«Советские герои, пречудные рыцари,
Они стоят на заставе на самой морозной,
Они живут-проживают у того столба стоячего,
У славного герба советского.
<...>
Медведи белые им поклоняются...»¹⁷.

Границы не только расширялись, но и укреплялись в соответствии с «волей народа». Такое обращение к вождю звучит в плаче, записанном от народной сказительницы Феклы Ивановны Быковой в Карелии:

«Постройте-ка стены везде да каменные,
Наш любимый Иосиф Виссарионович,
И поставьте кругом стражу великую...
У нас ведь есть сердечны детушки,
Мы дадим тебе защитников и заборонщиков»¹⁸.

Здесь поэтически выражена готовность матерей принести в жертву «сердечных детушек» — «защитников и заборонщиков». Та же готовность к потерям на границах с беспышным отчаянием звучит в частушке, очевидно — заказному отклику на пропагандируемое на рубеже 1930–1940-х гг. движение «Брат на смену брату»:

«Нам с Востока весть прислали,
Что геройски сын убит.
Не горюй, страна родная,
Завтра младший подменит»¹⁹.

¹⁶ Имя Марфы Крюковой было известно в 1930-х гг. наравне с народными певцами Джамбулом и Сулейманом Стальским. См.: *Крюкова М. С. Заря-солнышко: Сказание / Обработка В. Попова. М.; Л., 1939. С. 3.*

¹⁷ Опубликовано впервые: *Комсомольская правда. 1937. 24 июня.* Цит. по: *Козлова И. В. Покорение полярного Севера в творчестве советских сказителей. С. 150.*

¹⁸ *Быкова Ф. «Постройте-ка стены везде да каменные» // Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940. С. 258–259.* Ранее опубликовано: *Сказы и плачи о Ленине. Петрозаводск, 1938. С. 39–41.*

¹⁹ Новые фольклорные материалы: (Из архива Фольклорной комиссии) // *Советский фольклор: Сборник статей и материалов. Л., 1941. № 7. С. 272.*

Если Быкова просит Сталина укреплять границы, то карельский крестьянин Тимофей Туруев в новине «Красная Армия и былинщики» обращается к пограничникам с просьбой «стеречь врага лютого»:

«Ой, заставушки, вы богатырские,
Да вы удалы-храбры молодцы,
Герои славные советские!
Вы постоите-ка на крепких заставушках,
Охраняйте границы советские
Как водные и сухопутные,
Сухопутные и воздушные.
Стерегите врага лютого,
Чтоб не прошел он границу советскую,
Не напакостил бы нам в ночь темную,
Не испортил бы нам дело славное,
Жизнь прекрасную и счастливую»²⁰.

Граница — сакральное политико-мифологическое пространство, ощущение которого выражается в смысловом контрасте света и тьмы, добра и зла, мира людей и мира «чёрных воронов», «гадов ползучих» и «змей шипучих».

Пограничье — локус оборотничества

В советском фольклоре нашел отражение внедрявшийся большевиками принцип опоры пограничных частей Красной армии на местное население, предусматривавший привлечение колхозников и пионеров к охране государственных рубежей. В произведениях советских сказителей антагонистом живущего у границы бдительного колхозника является, как правило, перешедший через границу шпион-оборотень, скрывающийся под личиной благонамеренности. В народных представлениях граница своего и чужого мира — место обитания хтонических существ, осуществляющих связь между мирами. В зыбком переходном пространстве локализуется оборотничество, чужак прячется под маской «своего». В литературе имеются указания на то, что сказители использовали в своём творчестве личный опыт встречи с «чужаками». «Сказочник-карел, колхозник Исаков, премированный за задержание нарушителя границы, сложил на карельском

²⁰ Записанная от Туруева на карельском языке новина «Красная Армия и былинщики» была опубликована в журнале «Карелия» в 1939 г. В 1940 г. была сделана звуковая запись этого же текста на русском языке (хранится в Фонограммархиве ИЯЛИ, а расшифровка — в архиве Карельского научного центра РАН: Разряд III. Оп. 1. Д. 3125/2).

языке сказку на эту тему»²¹, — писал фольклорист В. Чистов. Он же, желая подчеркнуть реалистичность и актуальность описываемых сказителем событий, отмечал, что карельский крестьянин сказитель Тимофей Туруев опирался на рассказы односельчан о встречах с нарушителями границы: «Старушка-карелка из Сегозерского района, — сообщает сказитель Т. Е. Туруев, — больная и слабая, которая и ходила-то, казалось, еле передвигая ноги, пробежала за полтора часа 10 километров, чтобы предупредить пограничников о замеченных ею нарушителях границы»²².

В 1937 г. в разгар шпиономании в газете «Красная Карелия» была опубликована на карельском языке и в переводе на русский «Руна о задержании шпиона». Запись была сделана Виктором Гудковым в д. Вохтозеро Петровского района Карелии от Анастасии Федоровны Никифоровой.

<p>Оли колме меччүниэккуа. Качотах хүө — мужикк' астуу. Меччуниэкат күзүтәхе: «Кэнен синя, мужикк, олет?» Мужикку' хейле вастуадоухе: «Минун он диэдöй тәнне куоллух, Түө олетто минун роднят. Калмужимах муах он панду, Раудуристу он примиезтәннү». Меччуниэкат санотахе: «Мужикку се муаниттелоу. Пиäl' ой раяс туллух он и Шпионанну кавелöү го». Меччуниэкат рөнгәхтутәхес, Отетах мужику кийни: «Эт оле синя мейян родню, Синя олет хукан родню. Куй хуку муал пиллуа пидäү, Муга и синя тахтозид и Тәм' он синун диэдян ристу». Отетах хүө мужиккуа го «Куне нидäү сине виэммө». Вийяхе хүө мужиккуа го Советскойн застуаван эдех.</p>	<p>Трем охотникам однажды Человек попал навстречу, И охотники спросили: «Чей такой, скажи, ты будешь?» Человек им отвечает: «Дед мой близко похоронен, Вы мне родственники тоже. Где-то здесь могила деда — Там поставлен крест железный». Тут охотники смекают: «Обмануть прохожий хочет, Он пришел через границу И, наверное, шпионит». Тут они переглянулись И прохожего забрали: «Не родня ты вовсе наша, Ты родня, быть может, волку. Как вредят хозяйству волки, Так и ты хотел бы сделать. Ну-ка, где же дедов крестик?» Крепко взяли незнакомца: «Куда следует — доставим». Повели его, да прямо На советскую заставу²³.</p>
--	--

²¹ Чистов В. Народное творчество Советской Карелии. С. XXI.

²² Там же. С. IX–X.

²³ Руна о задержании шпиона // Красная Карелия. 1937. 23 октября. С. 3. В сборнике «Народное творчество Карело-Финской ССР. Записи 1937–1938 гг.» (1940) дословно воспроизведен тот же

Комментируя книжную публикацию этого сочинения, озаглавленную уже как «Песня о поимке шпиона» (1940), В. Чистов отмечал: «Песня эта сложена А. Ф. Никифоровой размером старых карело-финских эпических песен». Привычный карелам ритм и размер стиха калевальской метрики должен был служить проводником идеологических установок в сердца и души людей.

В этих текстах — и в «руне», и в «песне» — уделено внимание фигуре шпиона. Мотив перехода государственной границы — поклониться могилам предков — не может ввести в заблуждение бдительных карельских охотников. Чужак ищет могилу деда с железным крестом — именно это истораживает местных жителей, ведь по карельской традиции на кладбищах ставились деревянные кресты, а железные характерны для финских лютеранских кладбищ²⁴. Этот маркер «чужести» становится основанием для задержания подозрительного человека.

В дальнейшем песня в качестве народной под названием «Поимка шпиона» многократно публиковалась в различных сборниках. Виктор Евсеев включил её даже в академическое издание «Карельское народное поэтическое творчество» 1981 г.²⁵

Тот же самый сюжет лёг в основу текста, записанного от знаменитого карельского сказочника Матвея Михайловича Коргуева и опубликованного в 1938 г. в альманахе «Карелия» в переводе В. А. Зоргенфрея под названием «Карельский сказ о задержании шпиона»²⁶. Каким образом произошёл этот «творческий обмен» между сказителями? Возможно, Коргуев прочитал газетную публикацию 1937 г. и дал жизнь сюжету уже в новом жанре. Отметим одну деталь, отличающую содержание «сказа» от «руны» и «песни». У Коргуева маркером чужести выступает не качество кладбищенского креста, а его размещение. Чужак в данном случае проговаривается, что крест на разыскиваемой им могиле деда установлен «в головах». Это и вызывает подозрение, поскольку у православных крест полагается ставить в ногах, в отличие

самый текст под названием «Песня о поимке шпиона» (С. 96). Указано, что песня записана от А. Ф. Никифоровой (С. 207). В академическом издании В. А. Евсеева 1981 г. опубликован вариант под названием «Поимка шпиона», записанный составителем в 1940 г. также в Вохтозере от А. Ф. Никифоровой. Жанр определён как народная песня. От версии, записанной Гудковым, его отличают, в частности, начальные строки: «Три охотника однажды человека повстречали». Также вместо строки «Тут они переглянулись» появилась фраза «Тут они все закричали». Слово «крестик» в строке «Ну-ка, где же дедов крестик?» заменено на «крест-то»: Карельское народное поэтическое творчество / Подг. и пер. текстов В. Я. Евсеева. Л., 1981. С. 345–346.

²⁴ Благодарю за консультацию Алексея Петровича Конкку.

²⁵ См.: Песни народов Карело-Финской ССР / Сост. В. П. Гудков, Н. Н. Леви. Петрозаводск, 1941; Кондратьева С. Карельская народная песня. М., 1977; Карельское народное поэтическое творчество. С. 345–346 (одна из наиболее поздних публикаций произведения, составитель, В. Я. Евсеев, отмечал наличие нескольких версий этой песни, записанных в разных деревнях: С. 401).

²⁶ Коргуев М. Карельский сказ о задержании шпиона // Карелия: Литературно-художественный альманах Карельского союза советских писателей. Петрозаводск, 1938. Кн. 1. С. 173.

от зарубежных соседей. Но эта деталь не меняет сути дела: и в одном, и в другом случае этнические традиции становятся приметой человека, идейно чуждого.

Задержание шпиона вписано в схему охоты на человека-зверя. Колхозные охотники вооружены ружьями, в сказе Коргуева они угрожают шпиону также и капканом: «Знаем, кто ты — волку родня! Так на земле пакостит волк, так же и ты пакостить рад. Видишь в кустах волчий капкан?»²⁷. В тексте частушки пойманного шпиона, как зверя, удачливый добытчик «волочит» на заставу, предъявляя его представителям власти:

«Милый, славный паренек
И, знать, не ворона:
На заставу приволок
Подлого шпиона»²⁸.

Герои границ. Русские богатыри как клише для создания образа советского пограничника

Особое значение в условиях советского «эпического времени» (Анна Астахова), эры титанов с её «беззастенчивыми преступлениями» (Алексей Лосев) приобрели фигуры богатырей — «старопржежных и нынешних». Современные богатыри — стахановцы, челюскинцы, пограничники становились продолжателями героических традиций и персонажами советского пантеона.

Граница — «фронт мирного времени», место испытания для героя. Канонизированный православной церковью образ Ильи Муромца — былинного защитника рубежей земли русской — был очищен от христианских напластований и стал одним из фольклорных клише для создания идеологически актуального героя. Советские сказители, безусловно, продолжали эпическую традицию, в которой заставы богатырские были «земскою оборонительною силою, какою сделался Илья Муромец»²⁹, т. е. функционально отождествляли Илью Муромца и Советского Пограничника.

Марфа Крюкова в одну из созданных ею новин ввела образ легендарного командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армии В. К. Блюхера, которому приписывается авторство метафоры «граница на замке». Здесь хорошо видны традиционные для фольклора приёмы и характерные метафоры, использованные для создания идеологически востребованного и в то же время

²⁷ Там же. С. 173.

²⁸ Новые фольклорные материалы. С.272.

²⁹ Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1869. С. 463–464.

народного образа, современного богатыря, напоминающего былинного Илью Муромца:

«...А на том бережку сам Блюхер стоит,
 Сам Блюхер стоит, богатырь геройский.
 Он стоит на заставе на великой в латах богатырских,
 Он стоит да высматривает,
 Чтоб ни птицы пролетные, ни звери морские
 Ни волки рысучие, ни гады ползучие
 Из чужих земель чтоб по морюшкам не прошли...»³⁰.

Вскоре имя Блюхера, объявленного «врагом народа», было вымарано из публикаций, включая новины.

Серьёзные военные конфликты на границах СССР на рубеже 1930–1940-х гг. получили моментальные отклики в народном творчестве. Наибольшее внимание привлёк конфликт с Японией на озере Хасан в 1938 г. В творчестве севернорусских сказителей также отразились изменение границы между СССР и Польшей и Советско-финляндская война³¹. В откликах на эти события, и тем более в новинах о Великой Отечественной войне, в центре внимания — уже не поединок пограничника и шпиона, а столкновение бойцов Красной армии — «красных соколов», олицетворяющих правду, с чужеземным коллективным врагом: «японскими самураями», «польскими панами», «белофинскими лахтарями», отождествляемым с «черным вороном» — носителем кривды.

Тем не менее это не исключает описаний персонифицированного подвига. Например, в «Былине о бойце Зырянове», сочинённой Никифором Васильевичем Кигачевым из д. Тубозеро Пудожского района, прославляется подвиг красноармейца-пограничника Зырянова, «зарубившего тридцать семь самураев» в 1938 г. на дальневосточной границе³², а Марфа Крюкова в поэтическом «Сказе про славного пограничника Василия Утина» славит бойца погранвойск, сражавшегося с фашистами в годы Великой Отечественной войны³³. Сказители, опираясь в этих случаях на информацию, полученную из газет и радио, не только излагали её

³⁰ Крюкова М. С. Сказания // Новый мир. 1937. № 5. С. 25–29. Цит. по: Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. С. 680–681.

³¹ См. подробнее: Козлова И. В. Враги советского народа в творчестве севернорусских сказителей // Рябининские чтения–2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 284–287.

³² Марковская Е. В. Сказители Карелии и новые произведения эпического склада 1930–1950-х годов. С. 223.

³³ Крюкова М. Сказ про славного пограничника Василия Утина // Пограничник. 1947. № 1. С.59–61.

в стилизованной фольклорной форме, но и могли делать произвольные дополнения в отношении фактических сведений о жизни героя. Так, герой Советского Союза пограничник Василий Ильич Утин, согласно сказу Марфы Крюковой, провёл детство в «вольном Новгороде», где слушал «старинушки досельные про могучих русских про богатырей» (то есть был воспитан на традициях русского богатырства), тогда как по официальным данным он вырос в Башкирии. Такое «творческое» оперирование сказителей фактами жизни реальных людей объяснимо, ведь биография была лишь затейливой виньеткой для воспеваемого подвига. Воспринятая из СМИ информация, переработанная сказителями, вновь возвращалась на страницы газет и журналов, чтобы звучать уже от имени «народа».

Произведения, описывающие подвиг пограничников в «смертном бою», который заканчивается гибелью героя, в своем финале окрашены оптимизмом: дети и молодёжь будут хранить память о подвигах «красных богатырей» и воспримут традиции воинского богатырства. Однако «Плач по мужу, убитому на границе» пронизан не столько заказным оптимизмом, сколько надеждой на помощь советской власти и персонально вождя, поскольку «живем теперь-то мы да не по-старому»: «Мы напишем скорописчатые грамотки / Многоумным головушкам, / Мы товарищу Сталину — / Он не бросит нас победных...»³⁴.

Пожалуй, наиболее выразительными с точки зрения раскрытия созданных образов и отражения идеологемы неприступности советской границы, являются сказки. В сказке «Страна счастливых и честных людей», сочинённой Матвеем Коргуевым, Иван пересекает границу, чтобы попасть в государство, «где бедным жить хорошо». Делает он это ночью, скрытно, так как знает, что иначе «поймают и посадят в тюрьму». Тем не менее и в сказочной реальности герою не удаётся пройти через границу незамеченным: «Долго пограничники расспрашивали Ивана о жизни в другом государстве и зачем он пришел сюда»³⁵.

Тема границы является центральной в сказке «Три сына» (записана в 1938 г. в Московской области со слов В. И. Беспаликова из д. Яшкино). Чудесное спасение израненного врагами младшего брата-пограничника осуществляют два его старших брата с помощью живой воды. В этой сказке функции чудесного ковра-самолета выполняет современный аэроплан, роль царя-батюшки — товарищ Сталин, да и каждый из братьев уже в зачине повествования наделён актуальным статусом: «Было у старика три сына. Старший пошел в моряки, второй сын обучился

³⁴ Плач по мужу, убитому на границе: Записан от П. З. Ражиковой в 1937 г. М. Михайловым // Народное творчество Карело-Финской ССР: Записи 1937–1938 гг. С. 100–101.

³⁵ Страна счастливых и честных людей: Сказка, записанная от М. М. Коргуева // Советские сказки / Сост. В. Базанов. Б. м., 1943. С. 31.

на аэроплане летать, а третий сын пограничную службу нес»³⁶. В сказке личные имена двух старших братьев не называются. Поначалу и другой их брат номинируется как младший или третий. Однако после прохождения им испытания, совершения подвига на границе, он обретает личное имя — мученый Егор. Под именем Егория Мученика в русской культуре столетиями хранилась память о Святом Георгии Победоносце, изображавшемся в образе всадника, поражающего чёрного змия. Сказитель связал образ советского пограничника с образом святого воителя Георгия Победоносца. Эта проявившаяся в сказке связь ярко говорит о том, что народ хранил и передавал новым советским поколениям память о христианских святых даже в подцензурных произведениях.

В финале сказки старшие братья меняют свои воинские профессии, предпочитая службу на границе как самую важную, повышающую статус. Показательно, что, отправляясь на рубежи родины — спасти ли младшего брата или уже служить, они каждый раз просят на это разрешение у Сталина. Исполнение такого желания — царская награда, а одаривание орденами — наделение волшебным средством, защитной силой:

«Очень радовался Сталин, что спасли Егора, руки всем жал и говорил:

— Чего вам от меня желательно?

Меньшой брат, который выздоровел, ответил:

— Желаем все трое не разлучаться, вместе быть. Желаем все на Дальнем Востоке, на границе служить.

Сталин им ответил:

— Так тому и быть. Героям не откажешь. Я таких героев очень обожаю и люблю. Дал он им ордена, и уехали братья на границу»³⁷.

Отправляясь на границу, все три брата становятся символическими змеборцами. В финале сказки звучит идеологема о непобедимости советского народа, вложенная в уста врагов: «Входит, что нам их никогда не уничтожить».

Символы границы в советском фольклоре

В советском фольклоре Сталин, который «выше всех богатырей на свете», «среди всех батыров батыр», наделяется чертами пограничника-чекиста, становится символическим пограничником. Как и его «ночной дозор», великий вождь не спит

³⁶ Три сына: Русская сказка (записана в 1937 г. со слов В. И. Беспаликова из д. Яшкино Озерского района Московской области) // *Зажглась золотая заря*. С. 52.

³⁷ Там же. С. 56–57.

днём и ночью, поскольку «враг не дремлет». Ключевые соматические характеристики пограничников — чуткость (всё слышат) и зоркость (всё видят) — присущи и Сталину. Марфа Крюкова в сказании «Заря-солнышко» нарисовала соответствующий образ вождя: «Чутким ухом-то он слышит все, / Веселым взором он видит все»³⁸.

Этот образ получил развитие в записанной от нее же новине «Слава Сталину будет вечная». Как пограничник осматривает окрестности с дозорной вышки в бинокль, так и Сталин с кремлёвской башни смотрит «в трубочку подзорную»:

«Как со той башни день и ночь
Во платье-то во военном все
В руках с трубочкой с подзорною,
Со улыбочкой со веселою
Глядит-правит страной заботливо
Превеликий вождь, предобрый отец,
Еще славной, мудрой Сталин-свет.
Он глядит-глядит, — не намотрится,
Чутким ухом все прослушивает,
Зорким взором своим все видит»³⁹.

Здесь ритмический повтор, подобно магическому заклинанию мифа, создаёт образный колорит, поэтическую реальность большой эмоциональной силы, а укреплённая граница и кремлёвская стена выступают двумя концентриками обороны страны-крепости.

Характерно, что яркий фразеологизм «граница на замке», имевший широкое хождение в газетных текстах 1930-х гг., не нашёл прямого использования в советском фольклоре. Однако в нём фигурирует ключ, открывающий замок. Переход, «путь» ключей от старого «хозяина страны» к новому, описан в сказании Марфы Крюковой «Заря-солнышко», опубликованном, в частности, в издательстве детской литературы (Детиздат) ЦК ВЛКСМ в 1939 г.

«Золоты ключи от Россиюшки», у пьяного царя Николая, который спрятался в дни «восстаньца» от «ребятушек-солдатушек» в подвале своего дворца, похитила царица и передала их «помещикам да заводчикам». Затем добытые «красными дружиниушками» ключи были переданы вождю революции, а умирающий Ленин вручил их Сталину со словами: «...Бери, бери, да ты прими ключи, / Золоты ключи от всей земелюшки». Обратим внимание на то, что в духе идеи грядущего торжества

³⁸ Крюкова М. С. Заря-солнышко. С. 41.

³⁹ Её же. Слава Сталину будет вечная. С. 85.

социализма во всем мире, «ключи от Россиюшки» превращаются в отмычку «от всей земелюшки»⁴⁰. В трактовке исторических событий чувствуется дух «Краткого курса», в котором Сталин рисуется ленинским наследником и последователем. Слухи и народные легенды о царской семье в их негативном содержании были востребованы в советском мифотворчестве, очерняющем досоветское прошлое страны.

Здесь улавливается также аллюзия к библейскому сюжету о вручении Иисусом архангелу Петру ключей от рая, с которым соотносится образ Сталина, возделывающего страну-сад, будущий коммунистический рай. Замок — символ неволи — не вошёл в фольклорные тексты, но в них представлены ключи — символ не только власти, но и свободы. Советский дискурс о границе несомненно, связывает воедино символику запертых границ с ключами, хранящимися в Кремле. Связь центра с границами — и в желании пограничников подражать Сталину, и в надёжности таких богатырей (батыров), как Клим Ворошилов, подобных по твёрдости граниту, неприступной скале и Сталину. В 1936 г. Джамбул пел:

«Наша Родина — мира оплот,
Наше счастье добыто в боях,
А границы зорко хранит
Тот, кто в Сталине видит пример,
Для врагов неприступный гранит
Клим-батыр, первый кзыл-аскер⁴¹»⁴².

Итак, тема государственной границы получила своё наиболее полное раскрытие в советском фольклоре в 1937–1940 гг., когда он создавался наиболее интенсивно. В этот период не только происходят конфликты на рубежах страны, но и осуществляется расширение советских границ, наблюдается пик шпиономании. Советское мироздание, включая границу, рисовалось на основе эпического канона, в сочетании рационального и иррационального, с использованием характерных для устного народного творчества традиционных средств выразительности, веками отшлифованных, а потому легко узнаваемых и «родных» речевых оборотов и смысловых формул. Идеи, важные для власти, для осуществления социального конструирования, в советском фольклоре срачивались с мифологемами,

⁴⁰ Крюкова М. С. Заря-солнышко.

⁴¹ Пик Кызыл-Аскер (5842 м) в горах Тянь-Шаня отличается наличием отвесного, неприступного склона, похожего на стену.

⁴² Джамбул. Песня о Москве // Избранные песни / Сост. Е. Мозольков. М., 1948. С. 21.

укоренёнными в национальном сознании. Шла своеобразная интеграция мифологии «сверху», искусственно конструируемой советскими провластными кругами, и самопроизвольно складывающейся мифологии коллективного сознания. Созданный фольклорными средствами образ государственной границы отражал коллективные мифологические представления, советское идеологическое воображение. При выполнении социального запроса на создание художественной модели советского героя в практике создания текстов шла реанимация архаических моделей и образов, имеющих мобилизующую силу. Также на основе традиционных фольклорных текстов и образов создавалась метафорическая система описания советских героических профессий, в первую очередь воинских, к которым относились и пограничники.

Мобилизационный потенциал этих образов был инструментализирован создателями текстов различных жанров. Задача «вернуть народу его песни» на деле означала вливание нового вина в старые мехи. Пытаясь доказать «народность» своей идеологии, политических ориентиров, власть широко применяла фольклорные схемы и образы, пропущенные через сито рациональности и способные «работать» на советскую идею. Эмоциональная суггестия, магические коннотации, связывающие фольклор и тоталитарную культуру, а также отношение людей к фольклору как «голосу народа», объясняют стремление к его широкому использованию советской пропагандой.

Такого рода тексты не могут не привлекать внимание историков как проявление политической культуры и политической коммуникации своего времени. Тема границы получила логически завершённое выражение в произведениях советского фольклора, а проект его созданию сыграл свою роль в инструментализации образа страны как осаждённой крепости. Фольклоризированные тексты о советской границе, с одной стороны, вписывались в общий советский дискурс власти о границах Родины, с другой стороны, имели свои яркие особенности в трактовках образов и смыслов. В частности, сказителями не был использован растиражированный пропагандой фразеологизм «граница на замке», хотя сама идея закрытости границ была представлена предельно артикулированно. В советский фольклор о границе был вписан, хотя и в редуцированном виде, хранимый народом образ святого Георгия Победоносца, которому, наряду с Илией Муромцем, уподоблялись советские пограничники. Таким образом, даже в условиях цензуры в сфере народной словесности шёл определенный диалог «народа» и «власти». Создание национального мифа не стало полностью подконтрольным, несмотря на стремление власти к тотальному управлению этим процессом.

Список литературы

Архипова, А. С. Фольклор и власть в «закрытом обществе» / А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов // Новое литературное обозрение. — 2010. — № 101. — С. 84–103.

Иванова, Т. Г. Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (о жанровой природе песенного советского эпоса) / Т. Г. Иванова // Мастер и народная художественная традиция русского севера : доклады III Международной конференции «Рябининские чтения–99». — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2000. — С. 84–85.

Иванова, Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. / Т. Г. Иванова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. — 800 с.

Карельское народное поэтическое творчество / подг. и пер. текстов В. Я. Евсеева. — Ленинград : Наука, 1981. — 410 с.

Клушина, Н. И. Теория идеологем / Н. И. Клушина // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4. — С. 55–59.

Козлова, И. Локальные военные конфликты конца 1930-х годов в СМИ и творчестве сказителей / И. Козлова // Городские тексты и практики. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. — Том 2. Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий. — С. 97–117.

Козлова, И. В. Враги советского народа в творчестве севернорусских сказителей / И. В. Козлова // Рябининские чтения—2011 : Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. — С. 284–287.

Кондратьева, С. Н. Карельская народная песня / С. Н. Кондратьева. — Москва : Советский композитор, 1977. — 282 с.

Маркова, Е. И. Творчество сказителей (основные мифологемы 1930-х годов) / Е. И. Маркова // История литературы Карелии: В 3 т. — Петрозаводск : [Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН], 2000. — Т. 3. — С. 94–98.

Марковская, Е. В. Сказители Карелии и новые произведения эпического склада 1930–1950-х годов / Е. В. Марковская // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. — С. 221–226.

Миллер, О. Ф. Илья Муромец и богатырство Киевское / О. Ф. Миллер. — Санкт-Петербург : Тип. Н. Н. Михайлова, 1869. — 895 с.

Миронова, В. П. Фольклорные новообразования в репертуаре карельских сказителей 1930–1940 годов / В. П. Миронова // Музыкальная традиция Северной Карелии. — Петрозаводск : Петрозаводская гос. Консерватория, 2013. — С. 50–57.

Панченко, А. А. Культ Ленина и «советский фольклор» / А. А. Панченко // Одиссей. Человек в истории. — Москва : Наука, 2005. — С. 334–366.

Русский политический фольклор: исследования и публикации / ред.-сост. А. Панченко. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — 399 с.

Сенькина, Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии : очерки и материалы / Т. И. Сенькина. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2012. — 216 с.

Филимончик, С. Н. Собрание и изучение фольклора в Карелии в 1930-е годы / С. Н. Филимончик // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права : материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П. М. Машерова. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. — С. 77–79.

Чистов, В. Народное творчество Советской Карелии / В. Чистов // Народное творчество Карело-Финской ССР : Записи 1937–1938 гг. / подг. текстов, вступ. ст. и прим. В. Чистова ; под ред. А. Н. Лозановой. — Петрозаводск : Государственное издательство Карело-Финской ССР, 1940. — С. VIII–XXII.

Miller, F. J. Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era / F. J. Miller. — Armonk (New York) ; London : M. E. Sharpe, 1990. — 192 p.

ТАКАЛА Ирина Рейевна / TAKALA Irina

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра

Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

irina.takala@onego.ru

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР В КАРЕЛИИ*

THE GREAT TERROR IN KARELIA

Abstract: Providing detailed description of the events that took place in Soviet Karelia in 1937–38, the article fills a much needed gap in the national historiography. The analysis of archival documents and the Memory Book of the Republic of Karelia (according to the database “Victims of Political Terror in the USSR” of the Memorial Society) allows identifying the Karelian specificity of the Great Terror, as well as suggesting explanation to the exceptional brutality and scope of mass operations in the republic. The Great Terror is defined as the highest phase of the Bolshevik population policy pursued since 1917.

Ключевые слова / Keywords: Политика населения, массовые репрессии, Карелия, Большой террор, оперативные приказы НКВД, кулацкая операция, финская операция / Population policy, mass repression, Karelia, the Great terror, the operational orders of the NKVD, the kulak operation, the Finnish operation

80 лет назад, 17 ноября 1938 г., было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», положившее конец Большому террору — массовым репрессиям 1937–1938 гг., жертвами которых стали около полутора миллиона человек.

Дискуссии относительно причин перехода сталинского режима от проводившихся ранее кампаний арестов или ссылок, нацеленных строго на определённые категории населения, к массовым репрессивным акциям, которые охватили все без исключения слои советского общества, ведутся уже не одно десятилетие¹. Выдвигая самые разные версии, большинство

* Статья подготовлена в рамках выполнения Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Реализация этнонациональной политики в Карелии в XX–XXI веках на фоне меняющейся информационной среды региона». Регистрационный номер: АААА-А18-118020990109-0 и в рамках выполнения государственного задания Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр РАН». Регистрационный номер темы АААА-А18-118030190093-9.

¹ Историкографический обзор всей огромной литературы по Большому террору не входит в задачи данной статьи, мы можем лишь отослать читателя к историкографическим обзорам последних лет: Хлевнюк О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 433–451; Keep J. L. H., Litvin Alter L. Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millennium. London; New York, 2005; Историография сталинизма / Под ред. Н. А. Симония. М., 2007; Степанов М. Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). Абакан, 2008; Кун Д., Литвин А. Эпоха

исследователей солидарно в том, что какое-то одно, универсальное объяснение государственного террора немыслимо.

Нам представляется продуктивной мысль Питера Холквиста о том, что политика «ликвидации вредоносных элементов», уходящая своими корнями в европейские практики XIX в. и переосмысленная большевиками сквозь призму марксизма, была одним из важных элементов «политики населения» и новых техник государственной интервенции. Советское государство поставило новые цели для использования практик, заимствованных из общеевропейского репертуара, и оказалось удивительно последовательным в работе с определённым шаблоном политики населения, предполагавшим, что некие элементы среди населения можно идентифицировать и что благополучие государства требует либо изъятия, либо ликвидации опасных элементов². Поощряя с 1917 г. государственное насилие против разных социальных и этнических групп, большевики стремились вылепить своё население, отсекая либо уничтожая «вредоносные элементы», якобы стоявшие на пути построения социалистического общества. К концу 1920-х гг. эта политика насилия, носившая ранее в значительной мере реактивный характер, трансформировалась в превентивные репрессии, постепенно становившиеся системообразующим фактором.

В идеологическом обосновании репрессивной политики государства по отношению к своим гражданам изначально присутствовало сопряжение двух линий — внутренней и внешней. Одним из главных аргументов, оправдывавших усиление террора, стал тезис о «внешней угрозе», который из жупела контрреволюции периода Гражданской войны постепенно эволюционировал в «военные тревоги» конца 1920-х и шпиономанию 1930-х гг. Особенно активно внешнеполитические фобии начали внедряться в общественное сознание после того, как произошёл отказ от теории мировой революции и Сталин стал развивать идею о возможности построения социализма в отдельно взятой стране³. Обобщённый образ «внешнего врага», опирающегося на внутреннего «врага народа», насаждался в массы весьма настойчиво и последовательно.

Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009; *Кропачев С. А.* От лжи к покаянию: Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах. СПб., 2011; *Кропачев С. А., Кричко Е. Ф.* Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012; *Тепляков А. Г.* Эпоха репрессий: субъекты и объекты // Между канунами: Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2013. С. 1135–1169.

² *Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М., 2011. С. 166–167.

³ *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1948. Т. 8. С. 262.

Периодические идеолого-пропагандистские кампании по насаждению образов «своих» и «чужих» в разных обличьях не только позволяли канализировать потенциал социального недовольства в ненависть против «врагов» всех мастей, но и делали население соучастником репрессий, легитимируя политику террора. Необходимость адаптации к постоянному насилию порождала новые повседневные практики, которые включали в себя как индивидуальные стратегии сопротивления террору, так и стратегии солидарности с действиями власти, оправдание и поддержку этих действий⁴.

Ко второй половине 1930-х гг. критическая масса для перехода к тотальному террору была накоплена, в пароксизме насилия слилось множество репрессивных логик, и Большой террор стал кульминацией политики населения большевиков и практик полицейского управления обществом.

Историю Большого террора невозможно изучать без учёта его преемственности по отношению к политическому насилию 1920-х — начала 1930-х гг., интенсивность которого во многом определялась региональной спецификой. Карельская специфика обуславливалась геополитическим положением республики (финляндское приграничье) и заключалась в превалировании финского шпионского дискурса в репрессивной политике советской власти, а также в размахе «антишпионских» акций органов безопасности, практиковавшихся задолго до Большого террора и направленных в первую очередь на местное карельское население⁵.

Обстоятельного научного исследования Большого террора в Карелии до сих пор нет. В работах общего характера сведения о массовых операциях представлены крайне невнятно и фрагментарно, без какого-либо анализа⁶. Раздел о Большом терроре в книге Н. Барона⁷ написан в основном по источникам из московских архивов и подчинён основной теме исследования — центральной власти и периферийному сопротивлению в рамках «пространственной истории», что не позволяет автору углубиться в конкретику и сужает взгляд на феномен в целом. Отдельные, весьма немногочисленные и разрозненные исследования не дают полной картины

⁴ См.: *Голдман В.* Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010; *Шлегель К.* Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011; *История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий.* М., 2012.

⁵ См.: *Takala I.* 'Border Locked!' Special Aspects of State Terror in the Karelian Border Region of the 1920s — first half of the 1930s // *Revue d'histoire nordique — Nordic Historical Review.* 2015. № 19. P. 103–127.

⁶ См., например: *История Карелии с древнейших времён до наших дней.* Петрозаводск, 2001. С. 498–502; *Органы безопасности Карелии.* Петрозаводск, 2008. С. 99–102.

⁷ *Барон Н.* Власть и пространство: автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М., 2011. С. 322–351.

происходившего в Карелии в 1937–1938 гг.⁸ Единственной, непосредственно посвящённой теме остаётся книга И. Чухина⁹, носящая скорее научно-популярный характер. Её главным достоинством является публикация сведений из недоступных многим исследователям архивов ФСБ и МВД. Но за прошедшие двадцать лет опубликовано много новых документов, появилась огромная историография о массовых операциях 1937–1938 гг., что существенно корректирует наше сегодняшнее видение Большого террора.

В настоящей статье мы попытаемся воссоздать целостную картину происходившего в Карелии в 1937–1938 гг. и выявить региональную специфику Большого террора.

Механизм и жертвы Большого террора

Официальный курс на развёртывание массовых репрессий в стране был взят на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б). В резолюции пленума «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов»¹⁰, принятой 2 марта 1937 г. по докладам Молотова и Кагановича, был намечен обширный перечень мероприятий по ликвидации последствий этой «диверсионно-вредительской деятельности» в ряде отраслей промышленности и на транспорте. Сталин в своём докладе 3 марта призвал партию бороться с политическими противниками уже не при помощи дискуссий, а «методами выкорчёвывания и разгрома», поскольку они превратились «в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующую по заданиям разведывательных органов иностранных государств»¹¹.

Июньский пленум ЦК (23–29 июня 1937 г.) окончательно развязал руки НКВД, став прологом к массовым операциям. После доклада наркома внутренних дел Николая Ежова о раскрытии грандиозного заговора с участием

⁸ Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов / Сост. Анатолий Цыганков. Петрозаводск, 1992; *Takala II. P.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 161–206; *Её же.* Репрессии в Кондопоге // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 217–222; *Её же.* «Всех проучим памятным уроком»: об изучении национальных операций Большого террора // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 1 (3). С. 173–191; *Takala I.* The Great Purge // Journal of Finnish Studies. 2011. Vol. 15, issues 1 & 2. Victims and Survivors of Karelia. P. 152–166; *Eadem.* ”Kikimustoisen läksyn me kaikille luemme” — Suuren terrorin kansallisuusoperaatioiden erityispiirteitä Karjalassa // Historiallinen aikakauskirja. 2017. № 3. S. 291–302.

⁹ *Чухин И. И.* Карелия–37: идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.

¹⁰ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 10 С. 3–13.

¹¹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 6, 10.

видных деятелей партии и страны¹² наркомату были предоставлены чрезвычайные полномочия. Составной частью этих полномочий стало указание политбюро ЦК ВКП(б), разрешающее применять физические методы воздействия при допросах в ходе следствия по контрреволюционным преступлениям¹³. Вся подготовка и реализация массового террора от начала до конца регулировалась множеством разного рода документов, принимавшихся политбюро и руководством НКВД.

Уже 2 июля политбюро приняло директиву «Об антисоветских элементах», ставшую началом подготовки к «кулацкой операции». Всем областным, краевым, республиканским партийным органам и органам НКВД предписывалось взять на учёт «всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников», наиболее враждебных из них немедленно арестовать и расстрелять, проведя их дела через тройки, а остальных выслать в лагеря. Предлагалось в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу и высылке¹⁴.

Тройки как внесудебный карательный орган не были новацией 1937 г. В 1920-е — начале 1930-х гг. они создавались при всех полномочных представительствах ГПУ, хотя специального аппарата не имели, а использовали оперативный состав органов ГПУ и уголовного розыска. В период раскулачивания, с 1930 по 1933 гг. тройками было осуждено 392524 человека и только за 1930–1931 гг. ими было вынесено свыше 28 тысяч смертных приговоров¹⁵. В мае 1933 г. политбюро лишило тройки ОГПУ права выносить смертные приговоры, а в 1934 г., в ходе создания НКВД, они были ликвидированы. Год спустя в краях, областях и республиках, подчинённых непосредственно центру, приказом НКВД СССР № 00192 от 27 мая 1935 г. были образованы так называемые милицейские тройки (председатель — начальник УНКВД или его заместитель, члены — высшие чины местной милиции). Обязательным было участие в заседаниях прокурора. Дела, как правило, должны были рассматриваться в присутствии арестованных. Максимальное наказание, которое могла назначить милицейская тройка, составляло 5 лет лагерей¹⁶.

¹² См.: *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М., 2008. С. 293–312.

¹³ О существовании такого разрешения известно из шифрованной телеграммы, направленной Сталиным 10 января 1939 г. секретарям ЦК, обкомов и крайкомов, а также руководителям наркоматов и управлений внутренних дел. См.: *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 444–445.

¹⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 234–235.

¹⁵ Трагедия советской деревни: Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. С. 126–130, 809.

¹⁶ История Сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. М., 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С. 259–260; Трагедия советской деревни. 2006. Т. 5. Кн. 2. С. 556–557.

Тройки, созданные на местах летом 1937 г., имели совсем иной состав, утверждавшийся Москвой (как правило, начальник местного УНКВД — председатель, первый секретарь ЦК/обкома/крайкома партии и прокурор) и самые широкие полномочия, включая право массовых расстрелов. Судьи не видели обвиняемых, сам процесс происходил очень быстро, об этом говорит статистика приговоров. В один день тройка могла осудить 200–500 человек, а были случаи, когда и больше тысячи¹⁷. Распоряжение зам. наркома внутренних дел Михаила Фриновского от 8 августа 1937 г. не сообщать осуждённым тройкой о смертном приговоре было впоследствии механически распространено и на приговорённых к высшей мере наказания (ВМН) по другим видам массовых операций¹⁸. Этот подход, распространённый ещё в практике ОГПУ, был направлен на предупреждение сопротивления, самоубийств, массовых протестов со стороны заключённых.

На заседаниях с 5 по 11 июля политбюро утвердило поступившие из республик, краёв и областей предложения о составах троек и о лимитах репрессированных¹⁹. Примерно в 30 % телеграмм, поступивших в Центральный комитет, региональные партийные руководители просили руководство дать разрешение на преследование, наряду с кулаками и уголовниками, других групп населения, отмеченных печатью враждебности, опасности или вредности²⁰, что существенно расширило «контингенты, подлежащие репрессии» в подготавливаемом «кулацком» приказе.

Однако в утверждённом 31 июля на политбюро оперативном приказе НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» цифры эти оказались совсем иными²¹. Для каждой республики, области, края указывались контрольные

¹⁷ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 51–52.

¹⁸ Там же. С. 175; Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 604 (сноска 62).

¹⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 239–242.

²⁰ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 25.

²¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281. В этом отношении интересен сравнительный анализ «лимитов», присланных из регионов и утверждённых политбюро в начале июля, с установленными для этих же регионов в приказе № 00447, предпринятый вслед за А. Гетти целым рядом исследователей. Общая численность репресслируемых сократилась на 29300 человек, причём в основном уменьшилась расстрельная категория (на 25500). Сокращения коснулись прежде всего тех запросов из республик, краёв и областей, в которых суммарно запрашивалось более 4000 жертв. В. Хаустов и Л. Самуэльсон полагают, что таким образом руководство НКВД хотело «перестраховаться» от невыполнения намеченных планов по количеству репрессированных. См.: *Getty A. J. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // The Russian Review. 2002. Vol 61, no. 1. P. 112–137; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 39–46; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 268; Gregory P. Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin. New Haven. 2009. P. 225–230; Ellman M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 // Europe-Asia Studies. 2010. 62 (6). P. 922.*

округлённые ориентировочные лимиты по количеству арестов по первой (расстрел) и второй (заключение) категориям, которые нельзя было превышать на местах самостоятельно, но разрешалось, «когда обстановка будет требовать», отправлять наркому Ежову соответствующие мотивированные ходатайства об увеличении утверждённых цифр. Таким образом, в самом приказе была заложена возможность увеличения лимитов на репрессии, что сразу было замечено на местах. Заявки региональных управлений НКВД и обкомов партии на предоставление дополнительных лимитов по арестам и расстрелам шли в Москву вплоть до весны 1938 г. и «кулацкая» операция стала самой массовой репрессивной акцией Большого террора.

Согласно приказу № 00447 аресту подлежало 268950 человек, из которых 75950 человек должны были быть расстреляны (в том числе десять тысяч заключённых лагерей НКВД), а 193000 отправлены в лагеря и тюрьмы на срок от восьми до десяти лет. Операцию следовало начать в большинстве регионов страны с 5 августа (в некоторых южных и восточных областях — 10 и 15 августа), на её проведение отводилось четыре месяца. На деле операция в ряде регионов несколько раз продлевалась, выделялись дополнительные лимиты, в результате, количество осуждённых по приказу № 00447 к ноябрю 1938 г. составило не менее 818 тысяч человек, из них свыше половины (436 тысяч) было приговорено к расстрелу²².

Параллельно с разворачиванием «кулацкой» операции шла подготовка и других массовых репрессивных акций. 15 августа 1937 г., Ежовым был подписан приказ № 00486 «Об операции по репрессированию жён изменников родины», который послужил основой для расправ над родственниками «врагов народа», в том числе и над «социально опасными детьми осуждённых»²³. По неполным данным, только за первые полгода после принятия приказа в стране было репрессировано не менее 43 тысяч жён и детей «врагов народа»²⁴.

²² Здесь и далее мы ориентируемся на данные, приведённые Н. Охотиным и А. Рогинским: Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Электронный ресурс]. URL: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html (11.11.2018). Согласно ведомственной статистике НКВД СССР, по кулацкой операции (приказ № 00447) было суждено 767397 человек, из них 386798 по первой категории (Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 305).

²³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 86–93; ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960. Документы / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000. С. 106–110.

²⁴ Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жены...» // Узницы «Алжира»: Список женщин — заключённых Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003. С. 22, 24. Точных данных о числе репрессированных членов семей «врагов народа» до сих пор нет. В спецсообщении Ежова и Берии Сталину от 15 октября 1938 г. говорится, что по приказу № 00486 «за истекший период по неполным данным репрессировано свыше 18000 жён арестованных предателей, в том числе по Москве свыше 3000 и по Ленинграду около 1500» (Дубянка. Сталин и Главное управление

В то же самое время появляются и так называемые национальные приказы, главными из которых стали № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР» (25 июля 1937 г.), № 00485 «Об операции по репрессированию членов ПОВ, военнопленных полесской армии, перебежчиков из Польши, политэмигрантов и политобменных из Польши, бывших членов ППС и других польских политических партий» (11 августа 1937 г.) и № 00593 «Об операции по репрессированию бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов Маньчжоу-Го (харбинцы)» (20 сентября 1937 г.)²⁵. Конечно, «национальными» эти приказы, особенно харбинский, назвать можно лишь с достаточной долей условности, тем не менее именно они стали основой для массовых репрессий против многих этнических меньшинств Советского Союза, в том числе и финнов.

Число национальных операций с августа 1937 по февраль 1938 г. постоянно расширялось, хотя специальными документами (приказы и директивы НКВД) чётко были определены лишь восемь линий: немецкая, польская, румынская, харбинская, латвийская, греческая, иранская и афганская. Однако параллельно появлявшиеся документы постепенно расширяли эти направления за счёт других национальностей. В декабре 1937 г. в состав репрессируемых по «латвийской линии» специальной директивой были включены «перебежчики финны, эстонцы, литовцы и болгары»²⁶. В директиве НКВД СССР от 1 февраля 1938 г. о продлении национальных операций появляется указание провести «аналогичную операцию» в отношении болгар и македонцев²⁷. Всего в документах названы представители 17 национальностей, включая первых депортируемых (корейцы, курды). При этом следует иметь в виду, что перечисленными в документах категориями аресты не ограничивались, да и национальный состав репрессированных по той или иной линии мог оказаться весьма пёстрым. С весны 1938 г. национальные операции становятся основным направлением в массовых репрессиях.

Польский и харбинский приказы ещё больше упростили процедуру принятия решений, впервые введя в практику НКВД «альбомный» порядок осуждения с тем, чтобы одним росчерком пера можно было решить судьбу сразу

госбезопасности НКВД. С. 563), но эти сведения явно занижены. И. Чухин, опираясь на данные Центрального архива ФСБ РФ, приводил совершенно другие данные: уже к началу 1938 г. в стране было репрессировано 27114 жён и 36795 детей «врагов народа» (Чухин И. Особая папка: санкции на погром // Северный Курьер. 1993. 10 июля).

²⁵ История Сталинского Гулага. Т. 1. С. 267–268, 275–277, 281–283.

²⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 652 (примечание 62).

²⁷ Там же. С. 468–469.

нескольких десятков человек. На каждого арестованного по национальным линиям составлялась короткая справка с предложением о приговоре (расстрел или заключение в лагерь на пять–десять лет), справки комплектовались в специальные списки-альбомы, которые подписывали начальник УНКВД и местный прокурор. Затем альбом направлялся в Москву, где окончательное решение выносила т. н. двойка, комиссия, состоящая из наркома внутренних дел Н. Ежова и прокурора СССР А. Вышинского. По возвращении альбомов на места приговоры приводились в исполнение.

Центром в качестве основных рассматривались три линии: польская, харбинская (харбино-японская) и немецкая, что хорошо прослеживается в итоговых цифрах. В целом по стране репрессированные по национальным приказам составили примерно 40 %. «Национальная» линия репрессий курировалась третьим отделом НКВД (борьба со шпионажем), «кулацкая» — четвёртым (борьба с внутренней контрреволюцией).

Таблица 1

Число репрессированных по основным национальным линиям в 1937–1938 гг.²⁸

Линия	Осуждено (тыс. чел.)	В т. ч. к ВМН	
		всего	%
польская	139,8	111,1	79,4
немецкая	55,0	41,9	76,2
харбинская	46,3	31,0	66,9
латышская	21,3	16,6	77,8
иранская	13,3	2,0	15,4
греческая	12,6	10,5	84
финская	11,1	9,1	82
эстонская	9,7	8,0	82,2
румынская	8,3	5,4	65,6
афганская	1,6	0,4	23,5
Всего по основным линиям	319,0	236,0	74,0

²⁸ Таблица составлена по данным, приведённым Н. Охотиным и А. Рогинским («Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника). Цифры в разных исследованиях несколько варьируются и, по общему мнению, не являются окончательными (поэтому в таблице округлены до тысяч человек), но тенденция и степень жестокости той или иной операции в них прослеживаются хорошо.

Помимо двух основных направлений Большого террора — «кулацкого» и «национального» — контингенты репрессируемых постоянно расширялись с принятием множества других центральных документов: приказы и директивы об иностранцах, перебежчиках, военных, эсерах, меньшевиках, анархистах, железнодорожниках, энергетиках, транспортниках, об ужесточении наказаний за «разговоры» и т. д.

Последним аккордом массовых операций стали события осени 1938 г. 15 сентября политбюро принимает постановление об образовании на местах особых троек для рассмотрения дел на арестованных по национальным приказам. В двухмесячный срок особые тройки должны были рассмотреть дела в отношении лиц, арестованных до 1 августа 1938 г., приговоры по первой категории предписывалось приводить в исполнение немедленно²⁹. Через день Ежовым был подписан соответствующий приказ НКВД № 00606.

Причиной для принятия решения об отмене «альбомного порядка» осуждения и создания в каждом регионе специального внесудебного органа для вынесения приговоров по «нацконтингентам» (то есть по всем нерассмотренным альбомам) было то, что Центр оказался не в состоянии оперативно подписывать поступающие с мест альбомы. Между отправкой документов в Москву и получением их назад проходило несколько месяцев. Летом 1938 г. в Москве скопилось альбомов со всей страны более чем на 100 тысяч человек. С мест сыпались жалобы на перегруженность вследствие этого тюрем, на дороговизну содержания уже фактически приговорённых к расстрелу заключённых и т. п.³⁰

Таким образом, главным предназначением особых троек была оперативная физическая ликвидация людей, осуждённых в альбомном порядке по национальным операциям, что можно расценить как подготовку к завершению Большого террора. Персональный состав особых троек не требовал утверждения политбюро, в отличие от троек, созданных по приказу № 00447 и уже прекративших своё существование. В них входили только первые лица: начальник УНКВД, местный партийный руководитель и прокурор, решения были окончательными и не требовали утверждения в Москве. О подготовке к завершению массовых операций говорит и то, что особые тройки не могли рассматривать дела на иностранных подданных, имели право освобождать обвиняемых, дела на арестованных после 1 августа 1938 г.

²⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 549.

³⁰ Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 27.

следовало передавать в суды, трибуналы, Военную коллегия или на рассмотрение ОСО³¹.

Если верить ведомственной статистике НКВД СССР, по приказу № 00606, то есть особыми тройками на местах, с 15 сентября по 1 ноября 1938 г. были осуждены 93137 человек, 63921 из них (68,6 %) приговорены к расстрелу³². Всего с октября 1936 по ноябрь 1938 гг. по делам, которые вели органы госбезопасности, было арестовано не менее 1710000 человек, осуждено не менее 1440000 человек, в том числе приговорено к расстрелу не менее 724 тысяч человек³³.

Прекращён Большой террор был так же, как и начат, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г.³⁴ и приказом НКВД СССР от 26 ноября 1938 г. № 00762, разъяснявшим порядок осуществления этого постановления и отменявшим приказы, циркуляры и распоряжения НКВД 1937–1938 гг.³⁵ Прекращение массовых операций вовсе не означало отказа руководства страны от репрессивной политики. В преамбуле постановления 17 ноября давалась высокая политическая оценка проведённым репрессивным акциям, декларировалось продолжение и впредь беспощадной борьбы со всеми врагами СССР «при помощи более совершенных и надёжных методов». Компрометируя главных исполнителей и способы осуществления массовых операций, партийное руководство страны стремилось к снижению политической роли органов безопасности, возвращаясь к установлению жёсткого контроля над НКВД, выполнившего свою задачу, а главное — снимало с себя ответственность за произошедшее. По сути, документы, завершившие Большой террор, декларировали не возвращение к «социалистической законности», а лишь то, что только контролируемые и упорядоченные государством репрессии являются допустимыми и правильными³⁶.

³¹ ОСО (Особое совещание) — внесудебный орган, существовавший при ОГПУ с 1920-х гг. В составе НКВД СССР Особое совещание было сохранено и действовало при наркомвнудел. Оно имело право выносить приговоры о заключении в исправительно-трудовые лагеря, ссылке и высылке до пяти лет или высылке за пределы СССР в отношении лиц, «признаваемых общественно опасными». После ликвидации других внесудебных органов (тройки, двойка) Особое совещание сохранилось без изменения функций и продолжало существовать при МГБ и МВД СССР. Было упразднено по Указу Президиума Верховного Совета СССР 1 сентября 1953 г. (Трагедия советской деревни. М., 2002. Т. 4. С. 934, примечание 121).

³² Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 305.

³³ Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. Ср.: Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 305.

³⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 607–611.

³⁵ Там же. С. 612–615.

³⁶ Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 422; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». М., 2003. С. 230–232.

Подготовка операций

В Карелии отсчёт национальных операций можно начинать уже с осени 1935 г., когда руководители республики Эдвард Гюллинг и Густав Ровио были отозваны в Москву и на V пленуме Карельского обкома ВКП(б) прозвучал призыв к разгрому «финских буржуазных националистов»³⁷. Первый удар пришелся по политэмигрантам, «красным финнам», которые занимали многие руководящие посты в республике. Газеты запестрели разоблачительными статьями, тщательной проверке, а иногда и разгрому подвергались целые парторганизации³⁸. Наряду с исключениями из партии и увольнениями, по всей республике, прежде всего в Петрозаводске и погранрайонах, стала нарастать волна арестов. Основательной чистке подвергся ряд воинских подразделений Ленинградского военного округа, одно из них, Карельская егерская бригада, было расформировано, многие офицеры-финны арестованы³⁹.

Всего за 1935 г. из числа исключенных из ВКП(б) финнов органами НКВД было репрессировано свыше 40 человек, около 50 находились в розыске, примерно столько же подлежало выселению с территории Карелии⁴⁰. Следственные дела финских коммунистов, представших перед судом в 1935–1936 гг., уже вполне сопоставимы с документами периода Большого террора: обвинения в контрреволюционной деятельности и шпионаже выходят на первый план. Массовый характер с осени 1935 г. приобрели и аресты среди финперебежчиков⁴¹. Было ликвидировано Переселенческое управление, занимавшееся вербовкой и трудоустройством финнов-иммигрантов из США и Канады, в недрах НКВД тщательно пополнялись досье на иностранцев⁴².

³⁷ См.: Красная Карелия. 1935. 3–10 окт. Эдвард Гюллинг возглавлял карельскую автономию с 1920 по 1935 г., Густав Ровио был первым секретарём обкома партии в 1929–1935 гг.

³⁸ Такала II. «Дело Гюллинга-Ровио» // Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов. Петрозаводск, 1992. С. 44–46.

³⁹ Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. П-3. Оп. 3. Д. 296. Л. 64–68; Д. 314. Л. 64–65.

⁴⁰ Подсчитано по: Там же. Д. 333. Л. 6–65, 78–102. Подробнее см.: Такала II. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 84–91.

⁴¹ С начала 1930-х гг. так стали называть людей, массово, семьями переходивших финляндско-советскую границу на всём её протяжении, что явилось следствием экономического (а отчасти и политического) кризиса в Финляндии. Все финперебежчики изначально состояли на учёте ОГПУ/НКВД. Подробнее см.: Такала II. Р. Финны в Карелии и в России. С. 54–61.

⁴² Массовое переселение финнов из США и Канады в СССР началось в 1930 г. под воздействием активной пропагандистской кампании, развёрнутой советским и карельским правительствами и подхваченной коммунистической прессой Северной Америки. Квалифицированные североамериканские рабочие-финны, по замыслам карельского руководства, должны были составить костяк национальных пролетарских кадров республики. Всего в 1930–1935 гг. в республику переехало примерно шесть с половиной тысяч североамериканских финнов. (Подробнее см.: Golubev A., Takala I. The Search for Socialist El Dorado: Finnish Immigration from the United States and Canada to Soviet Karelia in the 1930s. East Lansing (MI), 2014). Судя по так называемым «агентурным данным», сохранившимся в архивах, в среде американских

После рассылки на места закрытого письма ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (29 июля 1936 г.)⁴³, на фоне широкой пропагандистской кампании резко активизировались в республике и поиски бывших троцкистов. Троцкистские организации были выявлены в Карплане, Наркомместпроме, пединституте, на Онегзаводе⁴⁴.

Тогда же, в конце 1936 г. районными отделениями НКВД были заведены две агентурные разработки, которые во многом определили масштабы Большого террора в Карелии. В приграничном Петровском районе, свыше 80 % жителей которого составляли карелы, начальником РО НКВД А. Черновым началась разработка дела «Повстанцы» о якобы создаваемых финляндской разведкой из числа карбеженцев⁴⁵ повстанческих отрядов, главной целью которых был развал колхозов и срыв госпланов по лесозаготовкам⁴⁶. В Кондопожском районе начальник РО А. Пушкин начал собирать оперативные материалы по разработке «Диверсанты», под пристальное внимание агентуры попали промышленные предприятия Кондопоги, прежде всего Целлюлозно-бумажный комбинат с его «иностранным» руководством — директором финном Х. Ярвимиаки, главным инженером немцем Б. Ландорфом и представителем чешской фирмы «Шкода» И. Шандо⁴⁷.

Развернуться в полную силу районным отделениям тогда не дали. Чернов жаловался, что по разработке «Повстанцы» в декабре 1936 г. он не получил ни помощи, ни указаний от руководителей наркомата⁴⁸. Запретили активно действовать и Пушкину. Новый начальник НКВД Карелии Карл Тенисон, назначенный на эту должность в декабре 1935 г., высказался о его инициативах так: «Дай волю Пушкину, так он в одну ночь полрайона пересадит»⁴⁹. Несколько месяцев спустя вожжи были отпущены.

финнов были свои осведомители, которые снабжали НКВД материалами (см., например: НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 277. Л. 1–8).

⁴³ *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1997. Т. 16. С. 286–311.

⁴⁴ *Чухин И.* Карелия–37. С. 29.

⁴⁵ «Карбеженцы» — жители пограничных районов, главным образом карелы, покинувшие родину в годы Гражданской войны и возвращавшиеся домой по амнистии 1923 г. Из 15 тысяч беженцев, большая часть которых ушла в Финляндию в начале 1922 г. в результате жестокого подавления крестьянского восстания на севере Карелии, домой вернулось около семи–восьми тысяч человек. Причисленные изначально к категории «нежелательные элементы», карельские беженцы были главным объектом внимания карельского ГПУ на протяжении всех 1920-х и первой половины 1930-х гг.

⁴⁶ Отчёты наркома внутренних дел // Их называли КР. С. 130–131.

⁴⁷ Там же. С. 143.

⁴⁸ *Чухин И.* Карелия–37. С. 30.

⁴⁹ Там же. С. 42.

К 1937 г. карельскими органами безопасности был накоплен огромный материал. Каждый отдел НКВД вёл сотни литерных дел по отраслям промышленности, культуры, общественной жизни, где кроме статистических данных был щедро представлен компромат на конкретных людей. Более 700 агентов и осведомителей собирали слухи. В каждом районном отделении имелись агентурные разработки на подозреваемых в шпионаже, вредительстве, другой антисоветской деятельности. В архивах хранились тысячи дел на карбеженцев, финперебежчиков, иностранцев, троцкистов, эсеров, оппозиционеров, церковников. Например, по данным Пудожского РО НКВД 1937 г., из 26 тысяч жителей района 1314 являлись «контрреволюционным элементом». На картотечном учёте состояло 575 человек, имелось 247 дел-формуляров (в т. ч. 109 на бывших членов партии и 120 на финперебежчиков), велось 163 литерных дела, начиная с РИКа и кончая детским домом⁵⁰.

Решения февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК придали новый импульс для расширения массовых операций в республике. Со второй половины марта 1937 г. из Петрозаводска в Москву потоком шла информация о перестройке партийной работы и одновременно о фактах «оживления буржуазного национализма». Главными «разрабатываемы контингентами» у карельского НКВД оставались финны: «фашистские националистические группы террористов-финнов» оперативно были обнаружены не только в пограничном Петровском районе, но и в Пряжинском, Кондопожском, Тунгудском, Прионежском. Бывший председатель Карельского Совнаркома Эдвард Гюллинг продолжал ещё жить и работать в Москве, однако специальным постановлением бюро обкома 26 марта все организации и улицы, носящие его имя, были переименованы⁵¹.

Из Москвы в свою очередь по всей стране летели телеграммы, которые требовали сведений в 3-й отдел НКВД о состоявших на учёте иностранных гражданах, политэмигрантах, перебежчиках, людях, работавших за границей, т. е. шёл скрупулёзный сбор сведений о всех тех, кого собирались причислить к «агентам иностранных разведок». 10 мая 1937 г. Тенисон отправил в Москву список на 259 финперебежчиков, проходящих по материалам органов безопасности «как реэмиграционно и контрреволюционно настроенных». Основными пунктами концентрации финперебежчиков в Карелии были названы Петрозаводск (около 3500 человек), Прионежский (около 2500 человек) и Кондопожский (около 1000 человек) районы. Кончался документ разделом «Наши предложения», где обосновывалась необходимость «всех перебежчиков,

⁵⁰ Там же. С. 35–36.

⁵¹ НАРК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 266. Л. 1–2, 57–62.

состоявших на особом учёте НКВД, изъять, частью выселив из СССР, частью переселив в тыловые области Союза»⁵². Подобного рода разделы впоследствии постоянно присутствовали в документах, предназначенных для московского руководства, и раз от разу предложения становились всё более жёсткими и радикальными. Одновременно из районных отделений НКВД поступала информация в Петрозаводск о состоявших на учёте харбинцах и «их связях с китайцами и корейцами»⁵³.

Тогда же в республике в полную силу развернулись и мероприятия по выявлению «внутренней контрреволюции». 9 июня 1937 г. 4-й отдел УГБ НКВД Карелии начал операцию по агентурной разработке «Повстанцы». Месяц спустя Карельский обком информировал ЦК о том, что в Кондопожском, Петровском, Кестеньгском районах, в системе Кареллеса, Наркомземе вскрыт уже целый ряд «контрреволюционных шпионско-вредительских повстанческих организаций», большинство участников которых составляют финны; свыше 80 руководящих работников исключены из партии и арестованы как враги народа. На Кондопожском бумкомбинате, где сосредоточено большое количество финперебежчиков и американских финнов, шпионско-вредительскую организацию возглавляло руководство комбината — директор Ханнес Ярвимики, его заместитель, начальник Кондопожской стройконторы Калле Экман, зам. директора Целлюлозного завода Ээро Антонен. Крупная контрреволюционная повстанческая организация, созданная в 1931 г. финскими разведорганами, вскрыта в Петровском районе, по делу арестовано 60 человек. Участились нелегальные переходы финской границы с территории Карелии: только в июле погранохраной задержано 30 человек, все финны, бывшие перебежчики, работа продолжается⁵⁴.

На ранних этапах органы безопасности старались выйти на максимальное число руководящих работников, стремясь доказать серьёзность оперативной обстановки в республике, а также собственную значимость и успехи в борьбе с контрреволюцией. Арестованных на допросах заставляли подписывать обширные списки членов их «вредительских организаций». Например, в протоколе допроса главного инженера треста Кареллес Павла Барчугова от 19 июля 1937 г. в числе участников контрреволюционной организации отрасли указаны 34 руководящих работника, включая управляющего трестом

⁵² Архив УФСБ по РК. ФСДП. П/ф. КРО. Оп. 1. П. 42. Л. 171–174. Сноски на дела архива УФСБ по Республике Карелия даются по архивным шифрам 1990-х гг.

⁵³ Требование о сборе информации по харбинцам было отправлено в районы 12 мая 1937 г. специальной шифрованной телеграммой (Там же. Л. 197–198).

⁵⁴ НАРК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 265. Л. 38–43.

Георгия Валлина, его заместителя Александра Павловича и директоров 12 крупнейших леспромхозов и механизированных баз⁵⁵.

В этой связи с трудом поддаётся объяснению реакция карельских властей на директиву политбюро от 2 июля 1937 г. о предложениях по лимитам. 8 июля первый секретарь карельского обкома партии Пётр Ирклис отправил в Москву шифротелеграмму следующего содержания:

«МОСКВА ЦК ВКП(б)

По Карельской АССР выявлено активно проводивших контрреволюционную подрывную работу кулаков, вернувшихся после отбытия наказания и срока ссылки 33 человека, уголовного элемента 9 человек, прочего антисоветского элемента 44 человека. Расстрелу подлежат 12 человек, направлению в лагеря 74 человека. Проявляющих враждебность в менее активной мере и подлежащих высылке в административном порядке 257 человек, в том числе: кулаков 69 человек, уголовного элемента 146 человек. Довыявление продолжаем.

Состав тройки представляется на утверждение ЦК ВКП(б) следующий: 1) Ирклис П. А. секретарь Карельского обкома; 2) Тенисон К. Я. НКВД Карельской АССР; 3) Михайлович заместитель прокурора Карельской АССР»⁵⁶.

Требуемые лимиты (12 человек по первой категории, 74 по второй) и состав карельской тройки были утверждены решением Бюро ЦК от 10 июля⁵⁷. Трудно понять, почему посланные из Карелии контрольные цифры репресслируемых оказались столь малы (самые маленькие из всех предложенных регионами⁵⁸). По всей вероятности, республиканские власти ещё до конца не осознали значимость установок на массовые репрессии, буквально поняв предписание насчёт «кулаков и уголовников». Возможно, это поняли в центре. 21 июля за связь с «правыми» Ирклис был арестован, а неделю спустя новый секретарь обкома Михаил Никольский отправил Ежову следующую телеграмму:

«По Карелии прошу в связи с новым выявлением утвердить к расстрелу 358 человек активно проводивших контрреволюционную и шпионскую работу. Направление в лагеря прошу утвердить менее активных 400 человек.

Взамен Ирклиса в состав тройки представляется на утверждение Никольский М. Н.»⁵⁹.

⁵⁵ Чухин И. Карелия—37. С. 44.

⁵⁶ Сталинский план по уничтожению народа. Документ № 17 // Альманах «Россия. XX век» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1005794> (18.11.2018).

⁵⁷ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 323.

⁵⁸ См.: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. С. 39–44 (таблица 1).

⁵⁹ Сталинский план по уничтожению народа. Документ № 81 // Альманах «Россия. XX век» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1006217> (18.11.2018).

Понимание того, что ждёт от регионов центр, приходило быстро. Если за март-июнь в республике было арестовано чуть более двухсот человек, то в июле было произведено уже около шестисот арестов.

Расчленив операции, которые разворачивали ещё до получения основных приказов из Москвы 3-й и 4-й отделы УГБ НКВД, очень трудно: по многим делам «внутренняя и внешняя контрреволюция» сливаются и самый наглядный пример тому — дело «о контрреволюционной националистической организации в Карелии» (условное название «дело Гюллинга-Ровио»). Первая сводка по этому делу была отправлена в Москву в конце июля 1937 г. Список членов организации, ещё не названной пока «финской», состоял из 50 человек и все они, за исключением карелов Фёдора Поттоева и Николая Ющиева, а также вепса Степана Макарьева, были именно финнами. Все до 1935 г. занимали видные руководящие посты в республиканском партийном и советском аппарате, многие продолжали работу на районном уровне⁶⁰. Интересно, что, называя руководителей организации, нарком Тенисон просил начальство арестовать в Москве Эдварда Гюллинга и Густава Ровио «с последующим направлением в наше распоряжение»⁶¹. Это была явно местная инициатива. В Петрозаводске просто не знали, что Ровио находится в тюрьме уже три недели, а Гюллинг — две. Тогда же, в июле 1937 г., были арестованы бывший председатель Петрозаводского горсовета Вернер Форстен, его жена, сотрудник наркомпроса Айно Форстен, сотрудник Карпушникины Вяйнё Турунен, директор Лыжной фабрики Илья Туомайнен, один из первых руководителей карельской автономии Яков Мяки, член обкома ВКП(б) Пааво Хюппенен, второй секретарь горкома ВКП(б) Антти Хирвонен.

В Кондопоге массовые аресты тоже развернулись за месяц до официального начала операции. Руководители бумкомбината Ярвимаки, Экман и Антонен были арестованы 7 июля. Неделю спустя та же участь постигла заведующего производством комбината Алексея Линева, начальника проектного бюро Якова Тийтинена, зав. мастерской Войтто Вайнио, зав. кадрами Симо Суси, инженера Георгия Шайкевича. Не было обойдено вниманием органов безопасности и районное начальство: 25 июля арестовали председателя Кондопожского РИКа Фёдора Поттоева, в начале августа — первого секретаря райкома партии Георгия Шерешкова⁶².

⁶⁰ Подробнее см.: Такала И. Дело Гюллинга-Ровио. С. 34–73.

⁶¹ Архив УФСБ по РК. Ф. СДП. П/ф. КРО. Оп. 1. П. 42. Л. 95–101.

⁶² Такала И. Репрессии в Кондопоге С. 219–220.

Одновременно ширились аресты «правых» — тех, кто был прислан в республику после 1935 г. из Ленинграда и теперь обвинялся в причастности к т. н. правотроцкистскому блоку. Вслед за Ирклизом был арестован председатель СНК АКССР Павел Бушуев, нарком финансов Альфред Муценек, нарком коммунального хозяйства Евгений Зингис, член обкома Михаил Хосин, первый секретарь карельского обкома ВЛКСМ Павел Маринушкин. На 1 августа 1937 г. по городу Петрозаводску и районам Карелии на формулярном учёте НКВД состояли 2110 бывших членов ВКП(б).

Таким образом, ещё до официального начала массовых, операций руководящие звенья партийной, советской и хозяйственной номенклатуры Карелии были основательно почищены. Руководителей УНКВД — наркома Карла Тенисона и его заместителя Александра Солоницына, это не коснулось.

1937 год, август–декабрь

Официальный отсчёт массовых операций начался в Карелии с 5 августа 1937 г. Как уже отмечалось, цифры, появившиеся в приказе № 00447, мало соотносились с присланными с мест. Лимиты для Карелии в нём составили тысячу человек — 300 по первой категории и 700 по второй⁶³. Каждые пять дней в Москву, в 8-й отдел ГУГБ НКВД (учётный), отправлялась телеграмма со сведениями о количестве арестованных и осуждённых тройкой, и судя по этим данным, только за первый месяц операции (с 5 августа по 5 сентября 1937) было арестовано 728 человек⁶⁴.

Дела на руководящих работников рассматривались Военной коллегией Верховного суда СССР, ударными темпами заработала и республиканская тройка. В первые три месяца основная масса обвиняемых шла по линии 4-го отдела УГБ, выполнявшего приказ № 00447. В то же время началась и активная чистка лагерей, причём осуждённым по линии 3-го отдела ББК тройка выносила исключительно расстрельные приговоры: только в августе 1937 г. карельской тройкой были приговорены к расстрелу 405 заключённых⁶⁵.

Состав тройки неоднократно менялся, так как в ходе расправ судьи нередко превращались в обвиняемых. За полтора года массовых операций в республиканской тройке сменилось четыре секретаря обкома (Никольский, Леонинок, Иванов, Куприянов) и два наркома внутренних дел (Тенисон, Матузенко). Постоянной оставалась лишь фигура прокурора Георгия Михайловича, сумевшего продержаться на своём посту до начала 1939 г.

⁶³ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 332.

⁶⁴ Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д. 168. Л. 1–23 (подсчёты).

⁶⁵ См.: Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 188 (таблица 5).

Все операции по борьбе с внешней и с внутренней контрреволюцией планировалось, как уже отмечалось, закончить в четыре месяца, однако уже первые недели показали, что многих руководителей на местах ни сроки, ни цифры, определённые ежовскими приказами, не удовлетворяют. В ЦК ВКП(б) и НКВД СССР пошли телеграммы с мест с просьбами увеличить число репресслируемых, особенно по первой категории. Карелия не осталась в стороне от этого «почина». Уже в августе, отчитываясь о ходе операции по приказу № 00447, секретарь обкома Михаил Никольский просит ЦК разрешить республиканской тройке «приговорить к расстрелу не 300 человек, а 550, с тем чтобы все активные контрреволюционные повстанческие элементы и их гнезда были уничтожены»⁶⁶.

Никольский был членом тройки с первого по десятое заседание, на которых было репрессировано около тысячи человек⁶⁷. Но его рвение показалось Москве недостаточным. В начале сентября газета «Правда» опубликовала статьи собкора по Карелии Б. Золотова «Рупор буржуазных националистов» (9 сентября) и «Вражеские гнезда в советском аппарате Карелии» (11 сентября), в которых погромной критике подверглась редакция главной республиканской газеты «Красная Карелия» и всё высшее руководство республики — и те, кто уже был арестован, и находившиеся ещё у власти. Журналисты были обвинены в благодушии, отвлекавшем народ от «борьбы против буржуазных националистов, агентов финской и германской разведок». А тем временем, писал Золотов, «в Совнарком, Наркомпросе, Наркомфине, Госплане Карельской АССР, горком и обком орудовала оголтелая банда шпионов, пытавшихся закабалить карельский народ и при помощи фашистской Германии восстановить в Карелии власть помещиков и капиталистов».

Подобного рода «сигналы», направлявшие дальнейший ход репрессий, «Правда» печатала о многих регионах СССР. Критика сосредотачивалась на частных примерах, на отдельных людях, без каких-либо обобщений, стремясь убедить население, что все неполадки в обществе вызваны коварством врагов, а не управленческими провалами и дисфункциональностью системы⁶⁸. Местная пресса не оставалась в стороне. «Красная Карелия» с весны 1937 г. активно участвовала в разоблачениях разного рода «врагов» на предприятиях и в организациях республики, журналисты проводили и собственные

⁶⁶ НАРК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 265. Л. 80.

⁶⁷ Чухин И. Карелия–37. С. 113.

⁶⁸ Нераф Ф-К. Пять процентов правды: Разоблачение и доносительство в сталинском СССР. 1928–1941. М., 2011. С. 330.

расследования, выявляя «нежелательный элемент», называя десятки конкретных имён и фамилий. Но вклад газеты в ход нарастающих репрессий оказался недостаточен. Главный редактор Василий Градусов немедленно был снят с работы, исключён из партии и вскоре арестован⁶⁹.

Публикации Б. Золотова сопровождалась его закрытыми служебными письмами, по сути, доносами, отправленными главному редактору «Правды» Льву Мехлису, где собкор гораздо жёстче и откровеннее требовал «большевистского оздоровления» всего руководящего звена Карелии⁷⁰. Интересно, что наряду с арестованными той же осенью председателем КарЦИКа Николаем Архиповым и секретарём обкома Никольским, в доносах Золотова «политически сомнительными личностями» весьма настойчиво назывались зав. ОРПО⁷¹ обкома Михаил Леонинок, зав. отделом агитации и пропаганды Ян Миляйс, начальник УНКВД Карл Тенисон (оба латыши) и зам. наркома Александр Солоницын. Все они продолжали работать на своих местах ещё более полугода: Тенисона арестовали в феврале 1938 г., остальных в июне. Леонинок был членом тройки на одиннадцатом–пятнадцатом заседаниях после ареста Никольского⁷². Копии писем Золотова были пересланы Мехлесом Сталину и Ежову, но, очевидно, к подобного рода доносам на высшее руководящее звено в центре относились дозированно, приберегая информацию для очередного витка «зачисток».

26–27 сентября состоялся пленум обкома партии по обсуждению публикаций в «Правде». Новым секретарём обкома стал присланный из Ленинграда Николай Иванов, член тройки с шестнадцатого по сорок второе заседание, на которых было осуждено около шести тысяч жителей республики⁷³.

На пленуме выступил председатель тройки, начальник НКВД Тенисон, который информировал собравшихся об операции по ликвидации в Карелии «организации контрреволюционных буржуазных националистов». Организация эта, по словам Тенисона, была одной из самых разветвлённых и существовала с 1920 г., с момента приезда в республику Гюллинга, Мяки и Форстена. Именно они стали создателями «националистического центра», позднее в него вошёл Ровио, с приездом которого расстановка сил в республике целиком оказалась в руках националистов. Гюллинг и Ровио добивались расширения вербовки

⁶⁹ Мышление людей сталинской системы, её творцов и одновременно жертв, хорошо характеризует дневник Василия Градусова. См.: *Верхоглядов В. 1937: Дневник Василия Градусова // Их называли КР. С. 253–292.*

⁷⁰ Частично опубликованы И. Чухиным (*Чухин И. Карелия–37. С. 69–72.*)

⁷¹ Отдел руководящих партийных органов.

⁷² История Сталинского Гулага. Т. 1. С. 290.

⁷³ *Чухин И. Карелия–37. С. 115.*

иностранцев, настаивали, чтобы перебежчикам, находившимся в ссылке и лагерях, было дано разрешение на переезд в Карелию. По их призыву в республику хлынули американские финны, которые неплохо жили и за океаном, а здесь соглашались работать простыми рабочими, устраивая через своих жён легальную связь с заграницей. Главной задачей «центра» являлось присоединение Карелии к Финляндии, для чего в различных местах создавались опорные базы, где сосредоточивались антисоветские элементы, финперебежчики и американские финны (Кондопожский бумкомбинат, Петрозаводская лыжная фабрика, Матросы, Вилга). Главной опорной базой была Кондопога, всего же повстанческие организации вскрыты в одиннадцати районах Карелии, помимо пограничных — в Пудоже и Заонежье. Основным ядром на случай вооружённого восстания должна была стать Егерская бригада, кроме того, в отдельных местах создавались специальные военизированные отряды. Центральный отряд находился в Петровском районе и должен был «в момент военных действий захватить Вохтозерский тракт, отрезать Петрозаводск и дать путь финским войскам». Повстанческие организации занимались также националистической пропагандой, шпионажем, вредительством во всём народном хозяйстве Карелии: поджигали леса, срывали севообороты, запахивали сенокосы. Под видом стахановцев в Москву посылались террористы, которые старались попасть на приём к Сталину и Молотову. Органы НКВД так долго не могли раскрыть заговор, поскольку организацию спасали руководители республики. Только благодаря «Правде» врагов удалось разоблачить, однако, по мнению Тенисона, предстоит большая работа «по очистке низовки», она ещё мало затронута⁷⁴.

Подобного рода обвинения можно найти в следственных делах любого управления НКВД по всему Советскому Союзу. Шаблоны таких документов создавались ещё в недрах ОГПУ, их лишь привязывали к местной специфике и корректировали с учётом запросов времени и политической обстановки. При этом следователи, измышляя чудовищные фальсификации, не утруждали себя тем, чтобы придать им хоть какую-то видимость достоверности. Густава Ровио, например, обвиняли в том, что он создал «организацию буржуазных националистов» в Карелии в 1928 г., когда он ещё не был секретарём обкома и работал в Ленинграде. В следственных делах других обвиняемых создание организации датируется 1927, 1925, 1923 годами. В бумагах Тенисона появляется новая дата — 1920 г., год создания карельской автономии.

⁷⁴ НАРК. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 232. Л. 23–30.

После пленума по республике покатила нарастающая волна массовых разоблачений, «вражеские гнёзда» обнаруживались везде — от наркоматов до сапожных мастерских и школ. Газеты пестрели разоблачительными сообщениями, сопровождая их откликами и письмами трудящихся. Осенью Тенисон и Иванов буквально забрасывали Москву шифровками примерно такого содержания: «13 октября с.г. я просил увеличить лимит первой категории на 1000 человек. Ответ прошу телеграфировать, так как дела первой категории на заседание троек подготовлены»⁷⁵. Власти охотно шли навстречу пожеланиям с мест, районные же отделения НКВД включились в своеобразное соревнование по выполнению и перевыполнению приказов начальства. В результате подобного служебного рвения к 20 ноября, когда сроки проведения операций подходили к концу, республиканская тройка вместо 300 приговорила к расстрелу 1690 человек (72 % всех осуждённых). К первой категории были отнесены и все 1200 осуждённых по линии Беломорско-Балтийского комбината (ББК)⁷⁶.

В целом, однако, с принятием основных приказов, карельское руководство оказалось в достаточно сложном положении. Основными контингентами, «разрабатываемыми» 3-м и 4-м отделами НКВД были финны и карелы, приказы же предписывали заниматься помимо «кулаков и антисоветчиков» поиском немцев, поляков, латышей, эстонцев, численность которых в республике (не говоря уж о «харбинцах») была весьма невелика⁷⁷. Рассылая в районы директивы по национальным приказам, Тенисон одновременно продолжал требовать от подчинённых вести «тщательный учёт всех финских националистических элементов, прежде всего из числа политэмигрантов, бывших социал-демократов, бывших членов ФКП и ВКП(б), финперебежчиков, финно-американцев и шведов»⁷⁸. В Москву же от него шли жалобы на отсутствие официальных директив по финской линии.

Инициатива была услышана: в ноябре 1937 г. М. Фриновским был разработан соответствующий проект приказа, в котором, в частности, говорилось:

«В целях немедленного и решительного репрессирования финской агентуры и пресечения работы финских разведывательных органов приказываю: с... начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации диверсионно-шпионской и фашистско-повстанческой агентуры финской

⁷⁵ Чухин И. Карелия—37. С. 39, 140 (приложение 3).

⁷⁶ Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д.168. Л. 1–23 (подсчёты), 37–42.

⁷⁷ По переписи 1933 г., в Карелии поляки, немцы, латыши, эстонцы в среднем составляли по 0,2 % от всего населения (656, 623, 684 и 621 человек соответственно): Перепись населения АКССР 1933 г. Петрозаводск, 1934. Вып. I. С. XIII.

⁷⁸ Архив УФСБ по РК. Ф. СДП. П/ф. КРО. Оп. 1. П. 42. Л. 63.

разведки в промышленности, на транспорте, в совхозах и колхозах и решительному разгрому всей базы диверсионно-повстанческой работы финских разведорганов в Карелии, Мордовии, Удмуртии, Марийской и Коми автономных республиках и среди карельского и вообще финско-угорского населения других краёв и областей. Операцию завершить к 15 декабря. Аресту подлежат: а) все перебежчики из Финляндии, работающие на военных заводах, в оборонных цехах, на транспорте, на оборонных стройках вне зависимости от наличия у них иностранных паспортов, б) все бывшие участники восстания в Карелии и Ингерманландии, бежавшие ранее в Финляндию, а затем возвратившиеся в СССР, вне зависимости от времени возвращения, г) все советские граждане, связанные с финскими дипломатическими учреждениями, д) финские политэмигранты, на которых имеются материалы, позволяющие подозревать их в шпионаже и диверсии, е) так называемые американские (канадские) финны — граждане СССР, ж) агенты Разведупра и НКВД, участвовавшие в легендарных разработках, так или иначе находившиеся в контакте с финскими разведорганами, во всех случаях, если имеются основания подозревать их в двойничестве, з) все подозреваемые по шпионской и диверсионной работе граждане СССР, связанные с моряками финских пароходов, теплоходов и проводниками финских железнодорожных вагонов.

На отнесённых в процессе следствия к первой и второй категориям каждые десять дней составлять списки с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованных, и направлять их на окончательное утверждение в НКВД СССР. После утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором Союза приговор немедленно приводится в исполнение, т. е. осуждённые по первой категории расстреливаются, а по второй — отправляются в тюрьмы и лагеря»⁷⁹.

Приказ так и не увидел свет. Вероятно потому, что одновременно велась работа по подготовке латышской операции, которая началась с 3 декабря 1937 г.⁸⁰ Как уже отмечалось, 14 декабря она была распространена и на финнов, после чего «финская линия» в национальных операциях Карелии стала главной уже официально. Планы Фриновского по завершению финской операции к 15 декабря оказались неактуальными: «национальное» направление Большого террора только набирало силу.

⁷⁹ Чухин И. Карелия–37. С. 60–61.

⁸⁰ История Сталинского Гулага. Т. 1. С. 285–286.

В декабре 1937 г. появляются первые списки-альбомы, составляемые на арестованных по национальным приказам, и заработала т. н. двойка. Только по первым девяти спискам-альбомам, составленным с 4 по 30 декабря, прошло 900 человек, 727 из них (80,8 %) были приговорены к расстрелу. Существенным образом изменился и национальный состав обвиняемых, 64,2 % которых теперь составляли финны⁸¹. О том, что польская операция должна была быть завершена к 20 ноября 1937 г., а сроки харбинской истекали 25 декабря, похоже, уже никто не вспоминал. В Карелии всю разворачивали операцию по финнам, продолжая заодно аресты и расправы по приказу № 00447. За последние десять дней 1937 г., с 20 по 30 декабря, в республике было арестовано 740 человек⁸². Карельская тройка за декабрь (Тенисона на заседаниях тогда заменял Солоницын) рассмотрела 1007 дел, приговорив к расстрелу 972 человека⁸³.

Для следственной обработки такого количества дел по указанию Тенисона были созданы ещё пять «бригад» следователей, в том числе в некоторых погранотрядах. К работе с арестованными привлекали красноармейцев, милиционеров, гражданских членов партии, никогда не имевших дела со следствием, и заставляли их любыми методами добиваться признаний. Следственные и реабилитационные документы свидетельствуют о том, что избиения, издевательства, угрозы, допрос «стойка» и непрерывный допрос, пытка бессонницей, фальсификация материалов были в Карелии, как и в других местах, обычной практикой⁸⁴.

Ударными темпами работала и специальная следственная бригада, получившая среди посвящённых название «железная» или «стальная». Она была создана в Медвежьегорске в декабре 1937 г. специально для работы по финской операции, возглавлял её лейтенант госбезопасности Николай Тидор. Именно к Тидору в Медгору со всей республики этапировали арестованных финнов (бригада занималась исключительно финнами) для завершения следствия и получения нужных показаний. В документах это деликатно именовалось «следственной обработкой». Руководствуясь принципом «при допросе все средства хороши», стальная бригада добивалась замечательных результатов — у неё арестованные подписывали все⁸⁵. Медгора стала и главным местом расстрела по приговорам двойки.

⁸¹ Подробнее см.: *Такала II*. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 190 (таблица 6).

⁸² Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д.168. Л. 24–31 (подсчёты).

⁸³ *Чухин II*. Карелия–37. С. 146–147, приложение 9 (подсчёты).

⁸⁴ Подробнее см.: *Чухин II*. Карелия–37. С. 47–56.

⁸⁵ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. КРО. Оп. 1. П.52. Л. 70, 90, 162, 164, 286, 287.

Таблица 2

Места расстрелов по первым протоколам двойки⁸⁶.

	декабрь 1937 — январь 1938	
	всего расстреляно	в т. ч. финны
Медгора	618	379
Петрозаводск	23	11
Пудож	23	22
Реболы	16	—
Ругозеро	15	—
Олонец	5	4
не известно	27	18
Всего	727	434

Масштабы работы медвежьегорской расстрельной команды, возглавляемой зам. начальника 3-го отдела ББК НКВД А. Шондышом, ужасают: 28 декабря 1937 г. в 4 часа 00 минут расстреляно по Альбомам 1–2 138 человек, из них 89 финнов; 2 января, время то же, расстреляно 60 человек (59 финнов); 10 января — 148 человек (83 финна), 20 января — 150 человек (82 финна), 21 января — 104 человек (62 финна)⁸⁷. И. Чухин в своей книге приводит хронику массовых расстрелов в республике, составленную на основании актов о приведении приговоров в исполнение с указанием фамилий 47 исполнителей — работников НКВД КАССР и Белбалтлага НКВД СССР⁸⁸. По ней получается, что 20–21 января 1938 года Шондыш и его подчинённый Бондаренко расстреляли 685 человек. Очевидно, что приговоры в исполнение приводили не только люди, подписывавшие акты, в расстрелах участвовали военнослужащие погранотрядов, комендатур, возможно красноармейцы. Сохранились документы, свидетельствующие, что в Ухтпечлаге, например, в аналогичной ситуации проводилась специальная войсковая операция с применением станковых пулемётов⁸⁹.

Расстрелы производились в обстановке строжайшей секретности и в абсолютном большинстве актов нет указаний на точное место расстрела

⁸⁶ Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 193 (таблица 7).

⁸⁷ Архив УФСБ по РК. Ф. КРО, л. 1–7.

⁸⁸ Чухин И. Карелия–37. С. 153–159, прил. 15–17. Данные по альбомным расстрелам декабря–января (с. 158) совпадают с приведёнными нами только в одном случае — 28 декабря 1937 г.

⁸⁹ Чухин И. Карелия–37. С. 119.

и захоронения. Основными местами расстрелов в Карелии были места, где находились следственные изоляторы (тюрьмы): Петрозаводск, Кандалакша, Пудож, Кемь, Олонец и Медвежьегорск (изолятор 3-го отдела ББК). Расстреливали также в Ругозере, Реболах, Кондопоге. Трудпоселенцев и заключённых ББК массово убивали в Медгоре, Сегеже, Сосновце, Уросозеро, на Водоразделе (7-8 шлюзы ББК).

1938 год, январь–июль

Работа троек по «кулацкой» операции должна была закончиться 1 января 1938 г., а к 15 января местные органы внутренних дел обязаны были представить итоговую отчётность по операции⁹⁰. 10 января 1938 г. Тенисон направил Ежову и Фриновскому обширную докладную записку с итогами массовых операций в 1937 г. Данные эти в основном уже публиковались⁹¹, однако не все сведения попали в печать. Тенисон анализировал в докладе и ход национальных операций, главной из которых была финская. Из 874 человек, арестованных по финской линии, 59 были объявлены резидентами финской разведки, 283 — агентами, ещё 480 человек оказались «участниками контрреволюционных националистических повстанческих и диверсионно-вредительских организаций»⁹². Данные «оперативного удара по польской колонии» были менее впечатляющими: арестован 141 человек «поляков и лиц других национальностей, связанных с польской Дефензивой и Консульством», из них «сознались» в шпионаже 36 человек, «вскрыто» следствием и шесть резидентур. По латышской и харбинской операциям успехи были совсем скромными — арестованы соответственно 53 и 21 человек⁹³.

Всего в республике на 1 января 1938 г. было арестовано 5340 человек, из них «70 резидентов и 1267 агентов иностранных разведок». Прделано это было весьма скромными силами: по данным Тенисона, в 3-м отделе УГБ НКВД КАССР работало семь человек, в 4-м отделе — девять. Лишь в конце октября чекистский состав центрального аппарата численно возрос до 30 человек, получив пополнение из межкраевой школы НКВД. В 20 районах Карелии опер состав УГБ насчитывал 38 человек, большинство из них, как признавался нарком, «были малоопытными и не имели специального чекистского образования». Свою настоятельную потребность в количественном увеличении оперативного аппарата Тенисон обосновывал и намерением дальше расширять

⁹⁰ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 548 (прим. 14).

⁹¹ См.: Отчёты наркома внутренних дел // Их называли КР. Петрозаводск, 1992. С. 128–145.

⁹² Архив УФСБ по РК. Ф. СДП, п/ф. Секретариат, оп. 1, п. 82, л. 52.

⁹³ Там же. Л. 69–71.

операцию по финнам для «дальнейшего разгрома шпионско-диверсионных очагов»⁹⁴.

Подобные победные реляции, полные служебного рвения и готовности продолжать, шли в Москву со всех концов страны, нужно было принимать решения по формально закончившимся уже операциям.

14 января 1938 г. Фриновский разослал общую директиву, в которой предлагал продлить работу троек «до особого распоряжения»⁹⁵. Этим особым распоряжением стало постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января, на следующий день доведённое до сведения местных партийных органов и управлений НКВД. Постановление продлеvalo «кулацкую» операцию в 21 регионе страны до 15 марта (в Дальневосточном крае до 1 апреля), им выделялись дополнительные лимиты и продлевалась работа троек. Всего было выделено лимитов на 57200 человек, в том числе на 48 тысяч человек по первой категории и 9200 человек по второй. Карелия получила право расстрелять по кулацкой линии ещё 1500 человек и 500 отправить в лагеря⁹⁶.

Однако и 15 марта действие приказа НКВД № 00447 не было остановлено. Операция продлевалась решениями политбюро по ходатайствам с мест. Весной–летом 1938 г. тройки продолжали работать по дополнительным лимитам в целом ряде регионов страны⁹⁷. По Карелии такое решение за подписью Сталина было принято 19 марта: «Удовлетворить просьбу Карельского обкома ВКП(б) о продлении работы тройки по рассмотрению дел на бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов до 15 апреля и об увеличении дополнительно лимита по 1 категории на 600 чел. и по второй — на 150 чел.»⁹⁸.

31 января 1938 г. политбюро принимает решение и о продлении до 15 апреля национальных операций, сохранив существующий альбомный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей вне зависимости от их подданства.

В Карелии, судя по документальным данным, аресты и деятельность тройки были приостановлены всего на две недели, с 5 по 17 января⁹⁹, аресты же

⁹⁴ Там же. Л. 74–77.

⁹⁵ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 548.

⁹⁶ Там же. С. 34–35.

⁹⁷ См.: Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. Документы 20–28.

⁹⁸ Там же. С. 69.

⁹⁹ Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д. 168. Л. 24–31.

по национальным операциям продолжались полным ходом¹⁰⁰. С конца января из Петрозаводска в районы уже потоком шли распоряжения об активизации всей работы, при этом очевидно, что ситуация менялась буквально каждые сутки и списки подлежащих аресту постоянно расширялись. Поначалу это вызвало серьёзное замешательство у начальников РО и Погранотрядов. Из районов следовали просьбы о разъяснении ситуации кого арестовывать, кого нет и жалобы на то, что «нет материала на выход»¹⁰¹.

Нервозность объяснялась видимо и переменами в самом аппарате НКВД: новый виток массовых операций сопровождался чисткой органов безопасности. В Карелии это коснулось лишь главных действующих лиц. В январе из республики был отозван заместитель наркома капитан Солоницын, правая рука и главный исполнитель всех начинаний Тенисона. Самого наркома отозвали в начале февраля, латыш по национальности он, надо полагать, не мог достойно продолжать проведение национальных операций. В апреле 1938 г. Тенисон был арестован по обвинению в правотроцкистской деятельности и как агент латвийской охранки. Месяц спустя, не дождавшись суда, он умер в больнице Бутырской тюрьмы¹⁰².

Наркомом внутренних дел Карелии стал полковник Степан Матузенко, в прошлом украинский крестьянин и псаломщик, выпускник церковно-приходской школы и пограничной школы ОГПУ¹⁰³. Он был председателем тройки с 34-го по 46-е заседание, по решениям которых было репрессировано около трёх тысяч человек. Он же возглавлял и Особую тройку НКВД КАССР, репрессировавшую ещё 1805 жителей республики.

Порядок был наведён быстро. Разъяснения нового наркома для районных отделений по поводу «окончательного разгрома работы иноразведок среди финской колонии», его чёткие указания — кого арестовывать (практически всех финнов), как вести дела (максимально ускоренными темпами), как оформлять документы для альбомов, расставили все точки над «и». Главным направлением массовых операций становятся национальные линии. В целях наиболее полного учёта «движения и результатов операции» были разработаны специальные формы отчётности — подробнейшие таблицы по всем национальным линиям, которые следовало отправлять в центр каждое 1 и 15 число месяца¹⁰⁴. С конца февраля из районов уже лавиной шли списки финнов, подлежащих аресту,

¹⁰⁰ Там же. Ф. ДСП. П/ф. КРО. Оп. 1. П. 52. Л. 59.

¹⁰¹ Там же. П. 53. Л. 2, 10–13, 19, 73–82.

¹⁰² НАРК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 10285, 10783, 10784.

¹⁰³ Там же. Д. 6856. Подробнее о Тенисоне, Солоницыне, Матузенко см.: Чухин И. Карелия–37. С. 104–112.

¹⁰⁴ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. КРО. Оп. 1. П. 53. Л. 26–34.

с просьбой о санкциях, которые следовали незамедлительно, иногда даже по телефону. Не забывали и о других национальных линиях, дополняя их своими. Так, в Кондопоге была вскрыта «турецкая шпионская организация». Три работника артели «Дружба Турции» после недолгой обработки признались, что являются агентами турецкой разведки¹⁰⁵. Выполняя указания начальства по «увеличению числа допрашиваемых до 30 человек сразу»¹⁰⁶, во многих районах к арестам и ведению следствия широко привлекали партийно-комсомольский актив.

По мере развития операции органы безопасности на местах входили во вкус и становились всё активнее. И если в феврале Петрозаводск подгонял РО, то в марте — начале апреля из районов поступали списки для санкций на арест со слезными просьбами эти санкции не задерживать, «так как сроки поджимают»¹⁰⁷. Причём список мог сопровождаться запиской, скажем, такого содержания: «Прошу дать санкцию на арест 9 финперебежчиков, особоучетников НКВД, проживающих в Матросах. Показаний на вышеуказанных финнов у нас нет, но народ очень интересный. Их нужно немедленно изолировать»¹⁰⁸.

Как вскоре выяснилось, торопились зря. Операция по финнам сначала была продлена на месяц, а затем последовали постановление политбюро (26 мая 1938 г.)¹⁰⁹ и приказ НКВД СССР № 1160 (28 мая 1938 г.)¹¹⁰ об очередном продлении национальных операций и деятельности двойки до 1 августа 1938 г.

Работа по национальным линиям и по «очистке районов и сельсоветов, заселённых финнами», шла по накатанному руслу все лето, хотя отыскивать компрометирующие материалы на ни в чём не повинных людей становилось всё труднее. В июне–июле, перед завершением операции, в основных местах проживания финнов — Прионежском, Кондопожском, Калевальском районах и, конечно, в Петрозаводске, продолжались ежедневные массовые аресты, людей стали хватать прямо на улицах, на глазах у изумлённых прохожих. С крупных предприятий (Кондопожский бумкомбинат, Петрозаводская лыжная фабрика)

¹⁰⁵ Там же. П. 42. Л. 199–201.

¹⁰⁶ Такая фраза была, например, в телефонных переговорах начальника 3-го отдела УГБ НКВД лейтенанта Антонова с врид начальника Калевальского РО сержантом Мартыновым (Там же. П. 52. Л. 81–82).

¹⁰⁷ Например, врид начальника Калевальского РО сержант Мартынов, ещё недавно жаловавшийся на «отсутствие материала», 2 апреля писал начальнику 3-го отдела Антонову следующее: «Просим в связи с ограниченным сроком до окончания следствия аресты санкционировать телеграфно, чтобы успеть до 15 апреля «обработать» дела...» (Там же. Л. 263).

¹⁰⁸ Там же. Л. 135.

¹⁰⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 538.

¹¹⁰ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. КРО. Оп. 1. П.54. Л. 12–13.

в наиболее «горячие» дни арестованных увозили грузовиками. Не прекращались в 1938 г. и попытки продолжить чистить ряды КПФ и Коминтерна. От арестованного в Кондопоге 25 июля 1938 г. девятнадцатилетнего шофёра Арне Каупинена, объявленного шпионом с 1923 г. (т. е. с пятилетнего возраста), следователи добивались признания, что он был завербован в шпионскую организацию её главарём — секретарём и членом Президиума Исполкома Коминтерна Отто Вилле Куусиненом¹¹¹. Аресты продолжались и в начале августа, в основном в Петрозаводске и Кондопожском районе: с 1 по 10 августа было арестовано не менее 60 финнов¹¹², а «зачистка» лагерей шла всю осень.

Итоги массовых операций были подведены в конце лета, и они со всей очевидностью продемонстрировали, насколько «эффективнее» действовали органы безопасности республики в 1938 г.: по сравнению с 1937 число репрессированных финнов, например, увеличилось в 3,3 раза. Всего за период с 1 января 1937 по 10 августа 1938 г., согласно данным карельского НКВД, в республике было арестовано и осуждено 9536 человек, больше половины из них (54 %) за семь месяцев 1938 г.¹¹³ 96 % осуждённых было репрессировано по «кулацкому» и национальным приказам. Получив в общей сложности лимиты по приказу № 00447 на 3750 человек (2400 по первой категории и 1350 по второй), карельская тройка осудила 4885 человек, 3935 из них (80,6 %) приговорив к расстрелу. Двойка осудила 4251 человека, из них 3996 (94 %) были приговорены к расстрелу. Осуждённые за шпионаж составляли 23 % всех репрессированных, больше было только «повстанцев» — 42,6 %¹¹⁴. По данным чекистов, на территории Карелии шпионскую работу вели иностранные разведки десяти государств: Японии, Германии, Англии, Франции, Польши, Латвии, Эстонии, Турции, Норвегии и, конечно же, Финляндии¹¹⁵.

И. Чухин в своей книге, опираясь на собранные материалы для карельской книги памяти, приводит совсем иные итоги операций: карельская тройка осудила 8428 человек (из них 7221 к расстрелу), а двойка — 2143 человека (из них 1838 к расстрелу)¹¹⁶. Всего 10571 человек. Расхождения в общей численности осуждённых во время массовых операций можно объяснить тем,

¹¹¹ Чухин И. Карелия–37. С. 44–45.

¹¹² Подсчитано по: *Lahti-Argutina E.* Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. Turku, 2001.

¹¹³ Подсчитано по: Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д. 169. Т. 1. Л. 5–8. В анализируемых сводках НКВД даны сведения за 1937 г. начиная с 1 января. Следует при этом иметь в виду, что львиная доля арестов и приговоров приходится на период с 5 августа 1937 г., когда в республике развернулись массовые операции.

¹¹⁴ Подробнее см.: *Такала И.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 194–196 (таблицы 8–9).

¹¹⁵ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. Секретариат. Оп. 1. П. 82. Л. 17.

¹¹⁶ Чухин И. Карелия–37. С. 77 (и 147, приложение 9), 81 (и 150, приложение 12).

что в данные Чухина включены репрессированные заключённые Белбалтлагеря НКВД, не вошедшие в анализируемые архивные сводки. Лимит по Белбалтлагерю в 800 человек был утверждён шифрованной телеграммой Ежова от 5 августа 1937 г.¹¹⁷ вслед за приказом № 00447 и, как отмечалось выше, значительно перевыполнен.

Существенная, почти в два раза, разница в результатах работы тройки и двойки ещё ждёт своего объяснения, нужно вернуться к первичным материалам, изученным Чухиным. Отметим лишь несколько моментов. И. Чухин выявил, что приговоры по приказу № 00447 выносились карельской тройкой и после 15 апреля 1938 г.: последнее заседание состоялось 10 ноября, а последний расстрел — 27 ноября, т. е. через десять дней после официального окончания массовых операций и запрета на исполнение приговоров троек¹¹⁸. Однако летние и осенние заседания касались исключительно заключенных Белбалтлага и трудпоселенцев, которые составляли значительную долю осужденных тройкой — 3286 человек¹¹⁹. Кроме того, в приложении 12 «Комиссия НКВД СССР и Прокуратуры СССР»¹²⁰ последний упомянутый список-альбом датирован 12 апреля 1938 г. Но деятельность двойки продолжалась до 1 августа 1938 г., и вполне вероятно, что какие-то данные не были учтены. Наконец, возможны просто ошибки в подсчётах и описки¹²¹.

Впрочем, как бы ни различались данные, итоги эти были не окончательными. В тюрьмах продолжали ожидать приговора более двух тысяч арестованных по ежовским приказам, а Большой террор продолжился операциями по репрессированию семей «врагов народа».

1938 год, лето–осень

До сих пор у исследователей нет полной картины того, что происходило летом 1938 г. в Карелии. С прекращением в апреле работы тройки встал вопрос о местах содержания арестованных. Как выразился член тройки, первый секретарь обкома Николай Иванов, «у нас в Петрозаводске есть более тысячи человек, которых нужно сажать как врагов народа, но мы их не сажаем в тюрьму,

¹¹⁷ Там же. С. 160, прил. 18.

¹¹⁸ Там же. С. 77, 147, 156.

¹¹⁹ Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 554 (примечание 33 Н. Г. Охотина и А. Б. Рогинского).

¹²⁰ Чухин И. Карелия–37. С. 150.

¹²¹ Книгу «Карелия–37» готовил к изданию по незаконченной рукописи друг Ивана Чухина журналист Валерий Верхоглядов. Автор, погибший в 1997 г., уже не мог сам всё проверить и что-то изменить.

потому что у нас тюрьмы переполнены»¹²². Он же достаточно откровенно на городской партконференции делился с делегатами своими соображениями по решению жилищного вопроса в городе, разболтав тем самым совершенно секретное постановление вышестоящих органов «о выселении белофиннов»¹²³. За свою откровенность Иванов поплатился быстро. В июне 1938 г. первым секретарём карельского обкома партии и новым членом тройки стал 33-летний Геннадий Куприянов, присланный в республику из Ленинграда¹²⁴. Тройками с его участием было репрессировано две с половиной тысячи человек.

Именно летом в полную мощь были развёрнуты операции по выселению из Петрозаводска и погранрайонов семей репрессированных. Готовились к ним заранее. Например, в «Справке НКВД КАССР о семьях репрессированных руководящих работников, подлежащих высылке за пределы Карелии», составленной в середине апреля, перечислены фамилии 63 человек, чьи семьи должны были быть высланы из Петрозаводска и девяти районов республики. Среди них 9 руководящих работников аппарата обкома ВКП(б), СНК и КарЦИКа, 11 секретарей райкомов партии, 7 председателей и зам. председателей РИКов, 21 руководящий работник пяти наркоматов и десяти областных учреждений, 15 директоров заводов, фабрик и строек¹²⁵.

Семьи репрессированных по национальным приказам планировали выслать практически все. 9 июня 1938 г. нарком Матузенко отправил в Москву «лично тов. Ежову» докладную записку «О выселении за пределы КАССР финнамериканцев и семей репрессированных финнов». В ней в частности говорилось: «На территории Карельской АССР вскрыта и ликвидирована антисоветская организация финских буржуазных националистов. Главари этой контрреволюционной организации председатели Гюллинг и Ровио, не найдя поддержки своим замыслам среди трудящегося населения карелов, использовали финперебежчиков, остатки недобитого кулачества и участников каравантюры.

Помимо этого, Гюллинг через специально созданное переселенческое управление пополнял вражеские ряды завозом из Канады финнамериканцев. Такое мероприятие мотивировалось отсутствием в Карелии квалифицированной рабочей силы для лесных разработок. Из Канады финны прибывали с собственными автомобилями, пишущими машинками, валютой и заданиями иностранных разведок... В числе арестованных в 1937–38 гг.

¹²² НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 9. Л. 39.

¹²³ Там же. Ф. П-1230. Оп. 19. Д. 4. Л. 40–46.

¹²⁴ Там же. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 9. Л. 45–46.

¹²⁵ Там же. Д. 94. Л. 83–86.

финнов оказалось шпионов 2100 чел., или 20 % от всего числа финнов, проживающих в Карелии.

Буржуазно-националистическая финская организация расставляла на ответственные и руководящие должности только своих сторонников — финнов. Таким образом, в их руках были главнейшие партийные, советские и общественные организации, а также промышленные предприятия, сельское хозяйство и транспорт... В результате их руководства, направленного на срыв выполнения мероприятий партии и правительства, положение в Карелии по борьбе с последствиями вредительства до сих пор остаётся напряжённым.

Национальная политика в Карелии, благодаря Гюллингу, Ровио и их приспешникам, в корне искажалась. Трудящихся Карелии принуждали читать газеты, книги, слушать радиопередачи, учить детей на непонятном им финском языке. Национальная рознь и вражда всячески культивировались.

Аппаратом НКВД КАССР проведена специальная работа по учету остатков финнамериканцев. Взято на персональный учёт 1416 чел., из которых состоит в иностранном подданстве 81 чел. Большинство финнамериканцев проживает в пограничных районах и некоторая часть в г. Петрозаводске.

Прошу вашего распоряжения на выселение из пограничной Карельской республики 1416 человек финнамериканцев в Омскую или Архангельскую область, где использовать их исключительно как рабочую силу на лесных разработках. Помимо этого, прошу санкционировать выселение 1500 семей репрессированных финнов, проживающих в пограничных районах и г. Петрозаводске, за пределы Карелии»¹²⁶.

Поступили ли из Москвы соответствующие документы, неизвестно. Возможно, конкретных распоряжений по выселению «финнамериканцев» и не было, поскольку в конце августа Матузенко вновь обратился к Ежову с аналогичной просьбой: «Для того чтобы лишить благоприятной почвы иностранные разведки по насаждению новых шпионских организаций на территории Карелии, и особенно в пограничных районах, необходимо ускорить санкцию на выселение за пределы Карелии всех прибывших из Канады финнамериканцев, а также семьи репрессированных финнов, эстонцев, латышей, немцев и поляков»¹²⁷.

Тем не менее «очистка» погранрайонов и столицы шла все лето: из Петрозаводска, Ухтинского, Ребольского районов людей вывозили в «тыловые» районы республики — Кемский, Пудожский, Заонежский. Многие

¹²⁶ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. Секретариат. Оп. 1. П. 82. Л. 1–3.

¹²⁷ Там же. Л.20.

петрозаводские семьи (старики, женщины, дети, включая грудных младенцев) были отправлены спецбаржами на известняковые разработки Оленьих островов Онежского озера. Согласно специально разработанной по этому поводу инструкции, выселению подлежали «семьи врагов народа, репрессированных финнов, шведов, эстонцев, латышей и национальностей, не входящих в состав Союза»¹²⁸. На сборы людям давали сутки, иногда и вовсе два часа. О масштабах операции пока можно судить лишь по косвенным данным. Например, известно, что только с 20 июля по 23 августа из Петрозаводска было выселено 395 семей — 922 человека, в том числе 417 детей¹²⁹.

В следственном деле Матузенко сохранились показания о том, что в июле–сентябре 1938 г. из Петрозаводска было административно выселено около 600 семей репрессированных финнов. Неофициальное согласие на эту акцию нарком получил от секретаря обкома Куприянова, председателя СНК Солякова, председателя ЦИК Горбачева и прокурора республики Михайловича. Руководили операцией зам. наркома Дубровин и начальник 4-го отдела Антонов, осуществлял — начальник республиканской милиции Андреев силами милиции и членов ВКП(б), выделенных для этой цели горкомом партии. Списки выселяемых составлялись Антоновым и утверждались Матузенко¹³⁰. Общая численность выселенных семей до сих пор не известна. В октябре 1938 г. Матузенко докладывал Ежову, что в результате проведённых мероприятий в пограничных районах Карелии осталось 1350 финнов (включая и семьи репрессированных) и просил разрешение на завершение операции по переселению¹³¹.

Параллельно осенью начинается жестокая расправа над арестованными по национальным приказам. Особая тройка при НКВД КАССР в составе наркома Матузенко, секретаря обкома Куприянова и прокурора республики Михайловича начала свою работу через три дня после принятия приказа № 00606. 20 сентября она вынесла своё первое решение: 110 человек (из них 22 женщины), все финны, по стандартному обвинению «шпионская работа в пользу Финляндии» были приговорены к расстрелу¹³². Тем же днём помечен ещё один протокол заседания тройки — рассмотрено 100 дел (список-альбом № 2), 96 человек приговорено к расстрелу. 21 сентября была решена судьба 499 человек, 485 постановили расстрелять¹³³. Всего за неполный месяц

¹²⁸ НАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 493. Л. 108.

¹²⁹ Чухин И. Тайна одной «операции» // Петрозаводск. 1995. 7 апреля. С. 12.

¹³⁰ *Его же*. Карелия–37. С. 108–109.

¹³¹ Архив УФСБ по РК. Ф. ДСП. П/ф. Секретариат. Оп. 1. П. 82. Л. 81–82.

¹³² См.: Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 199 (таблица 10).

¹³³ Чухин И. Карелия–37. С. 148, приложение 10.

было оформлено 32 протокола заседаний Особой тройки (последнее 10 октября), было осуждено 1805 человек, 1708 из них (94,6 %) — приговорены к расстрелу¹³⁴. Финны среди осуждённых составили 83 %, карелы 13 %. 97 % осуждённых Особой тройкой были репрессированы по финской линии. Большинство приговоров было приведено в исполнение тогда же, в сентябре–октябре расстреляли 1530 человек, 73 % из них в окрестностях Петрозаводска¹³⁵. Работа Особой тройки значительно повысила процент осуждённых в Карелии за шпионаж — до 35 % от всех репрессированных, что в два раза превышало среднестатистический показатель по стране¹³⁶. Своим правом на освобождение арестованных карельская Особая тройка не воспользовалась.

Следует упомянуть ещё об одной операции, которую пытались инициировать, но не успели реализовать карельские власти. В октябре 1938 г. Куприянов послал в Москву донос на второго секретаря обкома калининского карела Дмитрия Смирнова. Из этого документа явствует, что борьба с буржуазным национализмом в республике постепенно приобретает иной характер. «После разгрома основных гнезд финских буржуазных националистов, писал Куприянов, оставшиеся неразоблачёнными участники контрреволюционных организаций изменили свою тактику и начали вербовку в карельские буржуазно-националистические организации». Цель прежняя — создание Великой Финляндии и «сближение карельского языка с финским». В сентябре уже было арестовано несколько «карельских буржуазных националистов», однако, по мнению Куприянова, речь идёт о большой организации, которую ещё предстоит разоблачить¹³⁷.

Об организации «буржуазных националистов-карел» упоминалось уже в январских отчётах Тенисона, однако речь там шла фактически о делах по «организации Гюллинга-Ровио». Карелы проходили по ним вместе с финнами, попытка развернуть отдельную карельскую операцию была предпринята лишь осенью 1938 г. Связано это было очевидно с тем, что «финская линия» была уже практически отработана, а руководство республики, опять не уловив сигналов Москвы о переходе к завершающему этапу массовых репрессий, продолжало проявлять активность и выказывать рвение в борьбе

¹³⁴ Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 200 (таблица 11). Практически такие же данные приводит Чухин (Чухин И. Карелия—37. С. 148, приложение 10).

¹³⁵ Чухин И. Карелия—37. С. 157, приложение 16 (подсчёты).

¹³⁶ Если анализировать данные, приведённые в книге О. Мозохина, то в среднем по СССР доля осуждённых за шпионаж среди репрессированных в 1937–1938 гг. составила около 17 % (Подсчитано по: Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Жуковский; М., 2006. С. 333, 336, 338, 340).

¹³⁷ НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 86. Л. 63–64.

с «врагами народа». Примером для Куприянова послужило активно разрабатываемое с февраля 1938 г. чекистами Калининской области «Карельское дело»¹³⁸, по материалам которого проходил и Смирнов¹³⁹. В качестве повода для начала новой операции очень подходила ситуация с развитием карельской письменности¹⁴⁰. Руководителями обнаруженной в республике «карельской националистической шпионской организации» были объявлены секретарь обкома Смирнов, председатель терминологической комиссии по развитию карельской лексики, нарком просвещения Владимир Филимонов, ответственный редактор газеты «Советской Карелия» Пётр Савельев и научный сотрудник Карельского научно-исследовательского института Матти Хямляйнен¹⁴¹. Правила карельского литературного языка и их создатели были объявлены виновниками хаоса, возникшего в республиканском образовании в результате ликвидации финского языка и ускоренного введения новой письменности.

Развернуть антикарельскую кампанию на полную мощность Куприянов и Матузенко не успели. В соответствии с постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. в республике началась чистка органов безопасности. В декабре Куприянов слал в Москву один за другим документы, разоблачавшие деятельность наркома Матузенко и его предшественников, а также прокурора Михайловича. Факты, приведённые в этих документах (о «вражеской работе» в НКВД, об «ошибках» в ходе ведения следствия, о несправедных арестах и несправедливых приговорах) вовсе не означали, что секретарь Карельского обкома осуждает государственную политику 1937–1938 гг. Совсем наоборот, он радел за интересы дела. «Органы НКВД, — писал Куприянов, — за эти два года провели, безусловно, громадную работу по разоблачению врагов народа, шпионов и т. д. Но при недостатках следственной работы мы не получили того, что могли получить. Мы не изучили как следует методов вербовки, обработки и засылки к нам шпионов со стороны финской разведки, не пошли дальше и не установили взаимодействия между финской и немецкой разведками, не установили даже мест перехода границы, всех этих дорог, тропинок, по которым финская разведка направляла своих агентов в Карелию. По повстанческим организациям не установили путей и способов засылки оружия из Финляндии и не обнаружили мест хранения этого оружия»¹⁴².

¹³⁸ См.: Карельское «дело»: Дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации». Тверь: б. и., 1991.

¹³⁹ НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 86. Л. 92–96.

¹⁴⁰ Об этом подробнее: *Анттикоски Э.* Стратегия карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 214–218.

¹⁴¹ См.: *Белусов К. Ф.* Лингвист ≠ Фашист или дело о несостоявшемся процессе // Север. 2014. № 1–2. С. 178–185.

¹⁴² НАРК. Ф. П-3. Оп. 5. Д. 86. Л. 69–70, 73.

Вывод Куприянова однозначен: необходимо как можно быстрее «устранить все недостатки с тем, чтобы успешней разоблачать врагов нашей партии, врагов народа». Ежовщина кончилась. Репрессии продолжали оставаться неотъемлемой составляющей управления советским обществом.

Печальная статистика

К цифрам из разных источников, характеризующим масштабы репрессий в 1937–1938 гг., как мы уже показали, следует относиться осторожно. Многие первичные материалы, отложившиеся в архивах, не совпадают со сводными данными, составленными по окончании операции, и уж порой совсем не сопоставимы с документами более позднего происхождения¹⁴³. Данные карельского НКВД 1938–1939 гг., на которые мы в основном опираемся, тоже нельзя назвать исчерпывающими, однако представляется, что они с достаточной степенью достоверности отражают ситуацию по арестам и расправам в период Большого террора¹⁴⁴.

Очевидно, что за эти два года были вынесены приговоры не менее чем 11300 жителей республики. 96,5 % были репрессированы по приказам, причём в Карелии число репрессированных по национальным линиям превышает число арестованных и осуждённых по приказу № 00447 (55 % и 45 % соответственно) — в то время как в целом по стране репрессированные по национальным приказам составили примерно 40 %¹⁴⁵, — а главной линией оказалась финская, по которой специального приказа не было. По этой линии в республике было арестовано и осуждено 5600 человек, или 93,3 % от всех

¹⁴³ См.: Такала И. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С.112; Чухин И. Жестокая статистика репрессий // Северный Курьер. 1997. 15 января.

¹⁴⁴ Если сравнивать материалы, отложившиеся в карельском архиве УФСБ, с данными Центрального архива ФСБ России, то они не слишком отличаются друг от друга. Например, в документах ЦА ФСБ, опубликованных в многотомном издании «Трагедия советской деревни», данные об общем числе репрессированных в Карелии по кулацкому приказу полностью совпадают с приведёнными нами сведениями (Трагедия. Т. 5. Кн. 2 С. 161). Некоторые различия есть лишь по данным о репрессированных карельской тройкой по приказу № 00447. Согласно сводке № 33 ГУГБ НКВД, к 1 марта 1938 г. тройкой КАССР было осуждено 5074 человека, из них 4330 (85,3 %) приговорено к расстрелу (Там же. С. 57). Эти данные уже превышают цифры из карельских документов, притом что в марте Карелия получила дополнительные лимиты, а тройка продолжала действовать до 15 апреля. Здесь следует учитывать, что указанная сводка основана на телеграфных рапортах, которые поступали из регионов каждые пять дней и в которые могли попасть сведения об осуждённых по лагерным лимитам. Статистические данные, приведённые в книге О. Мозохина по материалам ЦА ФСБ (4372 репрессированных карельским УНКВД в 1937 г. и 6112 — в 1938 г.) отличаются от наших только применительно к 1938 г., что вполне объяснимо, поскольку здесь учтены сведения за август–ноябрь (Мозохин О. Б. Право на репрессии. С. 335, 339).

¹⁴⁵ Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Электронный ресурс]. URL: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html (25.10.2018).

репрессированных по национальным приказам (по польской линии — 4,6 %, по немецкой — 0,8 %, по харбинской — 0,7 %). Финны, чья численность в Карелии в середине 1930-х гг. едва превышала 3 % населения, составили более 41 % всех репрессированных (карелы — 27 %, русские — 25 %). Среди осуждённых по национальным приказам доля финнов была ещё выше — 74 % (карелы — 16 %, русские — 3 %) ¹⁴⁶.

Однако окончательные итоги по результатам массовых операций 1937–1938 гг. подводить всё ещё рано. Мы солидарны с теми исследователями, которые полагают, что многие цифровые данные могли быть учтены не полностью или неправильно подсчитаны и должны в дальнейшем быть скорректированы в сторону увеличения ¹⁴⁷. Это становится очевидным, если обратиться к постоянно пополняющимся базам данных репрессированных и книгам памяти, составленным в регионах.

Сравнение архивных цифровых данных с материалами книги памяти Республики Карелия ¹⁴⁸, точнее с её несколько переработанным вариантом в базе данных «Жертвы политического террора в СССР», изданном в 2007 г. обществом «Мемориал» ¹⁴⁹, можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 3

Сравнительная таблица данных источников ¹⁵⁰.

Осуждено	Источник	всего	русские	карелы	финны
1.01.1937– 17.11.1938	Архив УФСБ РК	11 341	2 874	3 059	4 688
	% осуждённых	100	25,3	26,9	41,3
	% от населения 1937 г.	2,2	0,9	2,8	33,4
	БД Мемориала (книга памяти РК)	12 989	4 636	3 123	3 006
	% осуждённых	100	35,7	24,0	23,1
	% от населения 1937 г.	2,5	1,4	2,8	21,4

¹⁴⁶ Подробные данные см.: *Такала II*. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии С. 194–200 (таблицы 8–9, 11).

¹⁴⁷ См.: Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 567.

¹⁴⁸ Поминальные списки Карелии. 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Петрозаводск, 2002. Ч. 2. Большой террор.

¹⁴⁹ Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007 (CD-ROM).

¹⁵⁰ Составлена по: Архив УФСБ по РК. Ф. КРО; Книга памяти Республики Карелия по базе данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007; Всесоюзная перепись 1937 г.: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007.

Значительная разница в общем количестве осуждённых и в данных по русским объясняется тем, что в республиканской книге памяти в число репрессированных за указанный период вошли заключённые лагерей (2672 человека) и трудпоселенцы (519 человек). Без их учёта книга памяти даёт нам сведения о 9798 репрессированных (русских 2933, карелов 3113, финнов 3005).

Большое расхождение данных по финнам можно объяснить неполнотой базы. В мартирологе, составленном Эйлой Лахти-Аргутиной¹⁵¹, есть сведения о 3775 финнах, репрессированных в Карелии. И этот мартиролог нельзя считать полным — о судьбах многих людей, исчезнувших в те страшные годы, мы просто ничего до сих пор не знаем.

В последнее время исследователи всё чаще прибегают к анализу баз данных по книгам памяти с целью составления социально-демографического портрета репрессированных и выявления региональной специфики¹⁵². Наиболее удачными из этих исследований следует считать те, где использование электронной базы данных «Мемориала» сочетается с внимательным изучением региональных архивных материалов, позволяющих углубиться в местную специфику и верифицировать данные базы по архивно-следственным делам.

Исследование карельской книги памяти жертв политических репрессий по базе данных «Мемориала» уже было предпринято Л. А. Лягушкиной с целью выявления социального портрета репрессированных¹⁵³. В своей статье она пишет, что в базе данных репрессированных в Карельской АССР содержится информация о 10872 человеках¹⁵⁴. Нам не очень понятно, как был получен такой вывод, поскольку наш анализ того же источника привёл к иным результатам. Вообще степень репрезентативности карельской книги памяти следует ещё досконально изучить. В ней, например, встречаются люди, осуждённые не в Карелии. В свою

¹⁵¹ Подсчитано по: *Labti-Argutina E.* Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. Turku, 2001.

¹⁵² См., например: *Ilić M.* The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52, no. 8. P. 1515–1534; *Жданова Г. Д.* Статистический анализ реализации приказа № 00447 // *Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447.* М., 2009. С. 718–745; *Кодин Е. В.* Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953. М., 2011.; *Мишина Е. М.* Социальный портрет репрессированных в 1935–1937 гг. на Алтае: анализ базы данных и архивных документов // *Историческая информатика*. 2013. № 3. С. 3–14; *Лягушкина Л. А.* Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // *Историческая информатика*. 2012, № 1 (сентябрь). С. 30–43.

¹⁵³ *Лягушкина Л. А.* Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2014. № 3. С. 36–44; *Её же.* Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): Сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.

¹⁵⁴ *Её же.* Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР. С. 37.

очередь, приговорённых карельской тройкой финнов мы находим в книгах памяти других областей (Ленинградский мартиролог, книга памяти Мурманской области).

Следственные дела на высших руководителей республики рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР, и эти люди не попали в отчёты карельского НКВД. Многие из них нет и в книге памяти Карелии. Имя руководителя республики Эдварда Гюллинга (приговорён ВКВС СССР 14 июня 1938 г. к ВМН, расстрелян в тот же день) мы находим в московских расстрельных списках, а его жены Фанни Гюллинг (приговорена ОСО при НКВД СССР 7 июля 1938 г. как член семьи изменника Родины к восьми годам ИТЛ, умерла в Карлаге в 1944 г.) в Книге памяти «Узницы АЛЖИРа». В московских расстрельных списках значатся первый секретарь карельского обкома партии в 1929–1935 гг. Густав Ровио (осуждён 21 апреля 1938 г., расстрелян в тот же день) и Александр Шотман, бывший председатель КарЦИКа (осуждён 29 октября 1937 г., расстрелян на следующий день), в Ленинградском мартирологе — зам. управляющего трестом Кареллес Самуил Иткин (осуждён и расстрелян 3 декабря 1937 г.), нарком коммунального хозяйства Карелии Евгений Зингис и нарком финансов Альфред Муценёк (оба осуждены и расстреляны 18 февраля 1938 г.). Таких лакун в карельских списках много.

Обращаясь к этому источнику, надо помнить и то, что в изданных в 2002 г. «Поминальных списках Карелии» есть немало ошибок, пропусков и опечаток, оставшихся (а иногда и дополнившихся) в базе данных «Мемориала», к тому же сведения о многих людях даны на момент ареста и не всегда правильно отражают социальный статус репрессированного.

Приведём лишь один пример. 11 сентября 1939 г. Особое совещание при НКВД СССР рассматривало групповое дело на Вернера Форстена, Тойво Алавирта, Василия Пейппо-Гурьева, Илью Туомайнена и Ивана Петрова. Большинство участников группы было арестовано в июле–августе 1937 г. (Петров в ноябре) и к маю 1938 г. из всех обвиняемых были выбиты показания, что они являются участниками «шпионско-повстанческой националистической организации» и финскими шпионами. Трудно сказать, почему им тогда же не был вынесен приговор. Возможно, групповое дело, да ещё с обвиняемыми масштаба «националистического центра» не могло быть рассмотрено внесудебными органами, а для Военной коллегии Верховного суда СССР и двух разных военных трибуналов, куда дело направлялось в 1938 г., доказательств, видимо, не хватило. В конце концов, Особое совещание в 1939 г. вынесло приговор: осудить Форстена, Алавирта, Пейппо-Гурьева, Туомайнена и Петрова по ст. 58–1«а», 58–10, 58–11 к заключению в ИТЛ сроком на восемь лет каждый. Все реабилитированы Военной коллегией Верховного суда СССР 16 июля 1955 года. До реабилитации дожили только Форстен и Петров.

Что мы видим в базе данных?

Вернер Форстен, первый секретарь Ухтинского райкома ВКП(б) в 1920-е гг., председатель Петрозаводского горсовета в 1930-е назван зам. наркома Наркомата местной промышленности. Приговорён особой тройкой КАССР 10 октября 1938 г. по ст. 58–6–10–11 к восьми годам лишения свободы. Остальное верно — направлен в Краслаг, освобождён в 1946 г.

Тойво Алавирта накануне ареста трудился простым рабочим на петрозаводской лыжной фабрике (гонения на финнов, напомним, начались в Карелии в 1935 г.), о чём и свидетельствует книга памяти. Но эти сведения совершенно не информативны. Политэмигрант 1918 г., красный финн Алавирта в двадцатые годы возглавлял в Ленинграде финскую секцию при ЦК ВКП(б), с 1927 г. сменил Форстена в Ухтинском райкоме, в 1935 г. — директор совпартшколы в Петрозаводске. Приговор выглядит совсем нелепо: Особая тройка КАССР 11 сентября 1939 г., обвинение по ст. 58–6–10–11. Далее верно — восемь лет, направлен в Устьвымлаг, умер 23 июня 1940 г.

Василий Пейппо-Гурьев осуждён Особой тройкой КАССР 10 октября 1938 г., обвинение по ст. 58–10–11. Приговор: восемь лет, направлен в Севжелдорлаг, умер 11 сентября 1939 г. Но это дата постановления ОСО! Он умер в Северном железнодорожном лагере 8 декабря 1941 г.

У Ильи Туомайнена тот же что у Алавирта нелепый приговор: Особая тройка КАССР 11 сентября 1939 г., обвинение по ст. 58–10–11. Верно, что умер в Краслаге 2 ноября 1940 г.

Единственный карел в группе Иван Петров в базе данных представлен совсем загадочно: «сек.Дед.Рк Вкпб. Проживал: Карельская АССР, Петрозаводск, других областей», приговорен к расстрелу НКВД СССР (т. е. двойкой, даты приговора нет) по ст. 58–10, место захоронения не установлено, сведений о реабилитации нет.

На самом деле: третий секретарь и зав. отделами Карельского обкома ВКП(б) при Ровио Иван Петров был снят с работы в 1935 г., отправлен в Дедовичи первым секретарём райкома партии, арестован там и этапирован в Петрозаводск по делу «группы Форстена». Срок по приговору ОСО 1939 г. отбывал в Краслаге, освобождён в 1946 г. Работал инспектором райпотребсоюза в Псковской области, весной 1949 г. арестован вновь и приговорён к ссылке на поселение в Красноярский край. Реабилитирован вместе со всеми 16 июля 1955 г. Умер в 1961 г.

Тем не менее электронная база данных позволяет эффективнее выявить особенности Большого террора в Карелии, поэтому мы тоже обратимся к ней, предложив свои подсчёты, которые несколько отличаются от данных полученных Л. Лягушкиной, и расширив поисковые вопросы. Сразу оговорим, что анализировался весь массив данных с учётом репрессированных в 1937–1938 гг. заключённых Белбалтлага и трудпоселенцев (если это не оговорено особо). Без учёта этого контингента трудно оценить весь масштаб деятельности республиканских внесудебных органов.

Если сопоставлять сведения о количестве арестованных и осуждённых по Карелии, сохранившиеся в Архиве УФСБ по РК, с данными переписи населения 1937 г., то в ходе массовых операций в республике было репрессировано примерно 2,2 % населения, а по базе данных даже 2,5 % (см. таблицу 3). Это является одним из самых высоких показателей по стране: в среднем по СССР в 1937–1938 гг. было репрессировано 0,8 % населения¹⁵⁵. Доля репрессированных карелов в сравнении с населением 1937 г. составила 2,8 %, а доля финнов выглядит совсем беспрецедентной — от 21,4 до 33,4 %, то есть каждый пятый или даже третий.

Около 70 % репрессированных карелов было арестовано и осуждено по приказу № 00447, пики их арестов пришлись на ноябрь–декабрь 1937 и март 1938 гг., т. е. на завершающие этапы первой и второй фаз «кулацкой» операции (Рис. 1). Пики арестов финнов — это декабрь 1937 г., когда латышская операция была распространена на финнов, затем февраль–март и июль 1938 г. как результат решений политбюро о продлении национальных операций сначала до 15 апреля, а затем до 1 августа.

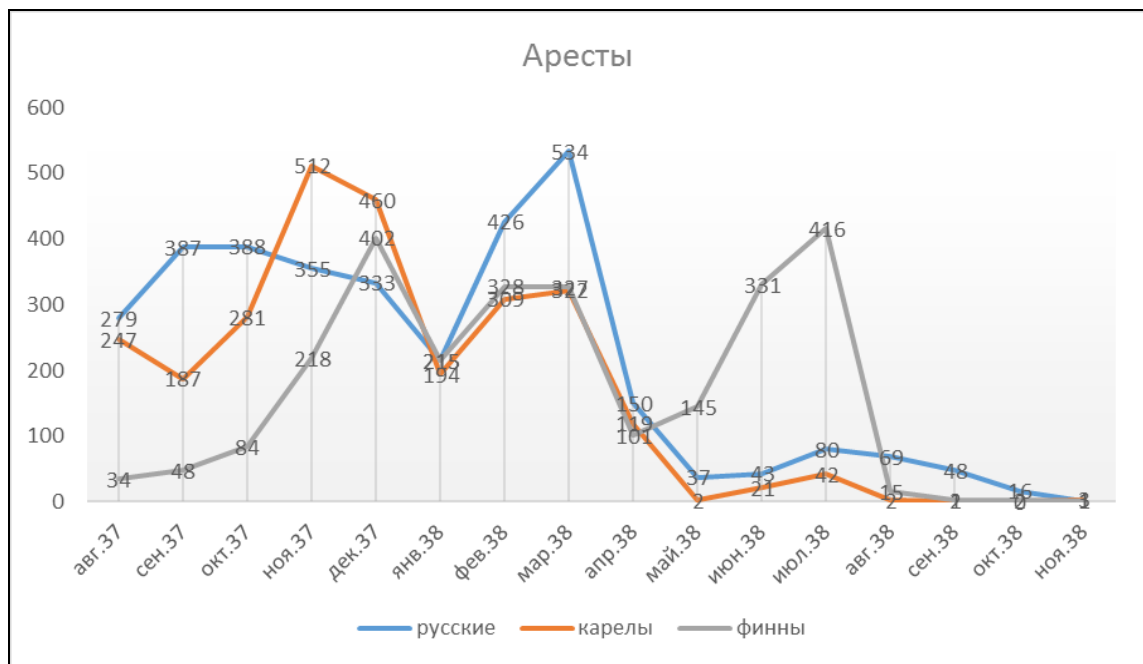

Рис. 1

Графики приговоров, в том числе расстрельных (Рис. 2–3), у карелов и русских также свидетельствуют о том, что среди них основные репрессии шли по «кулацкой» линии. Пики приговоров, вынесенных финнам — это январь и апрель 1938 г. (окончание первого и второго этапов национальных операций),

¹⁵⁵ Подсчитано по: Охотин Н. Г., Рогинский А. Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника; Всесоюзная перепись 1937 г.: Общие итоги. С. 32.

а самый большой — сентябрь 1938 г. как результат деятельности карельской Особой тройки НКВД.

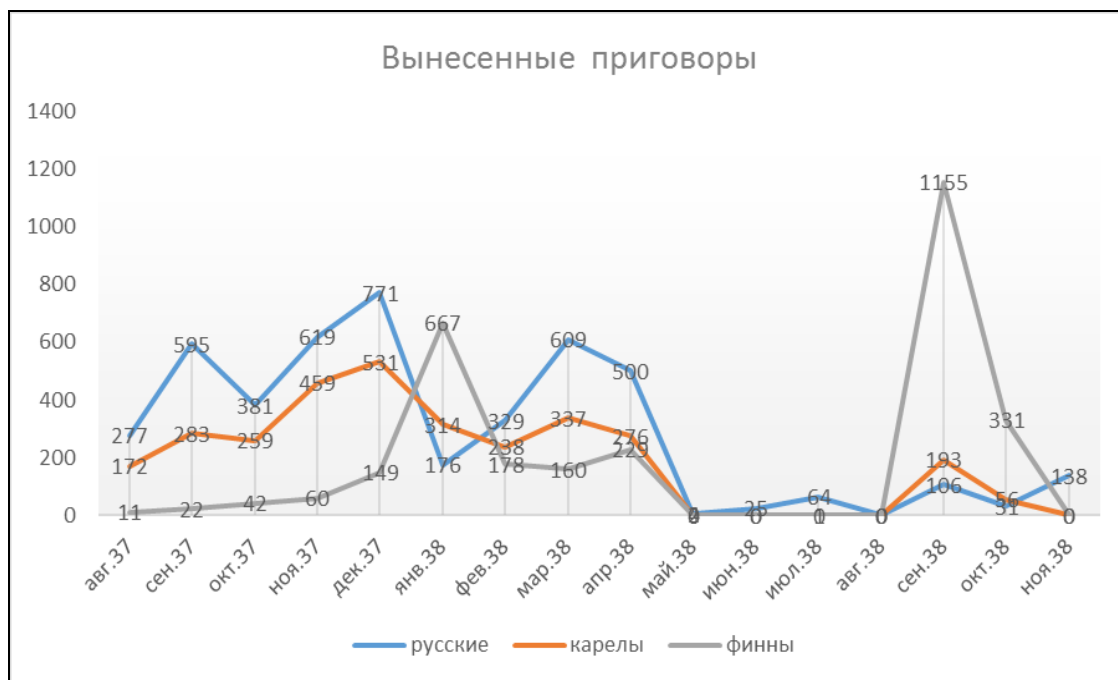

Рис. 2

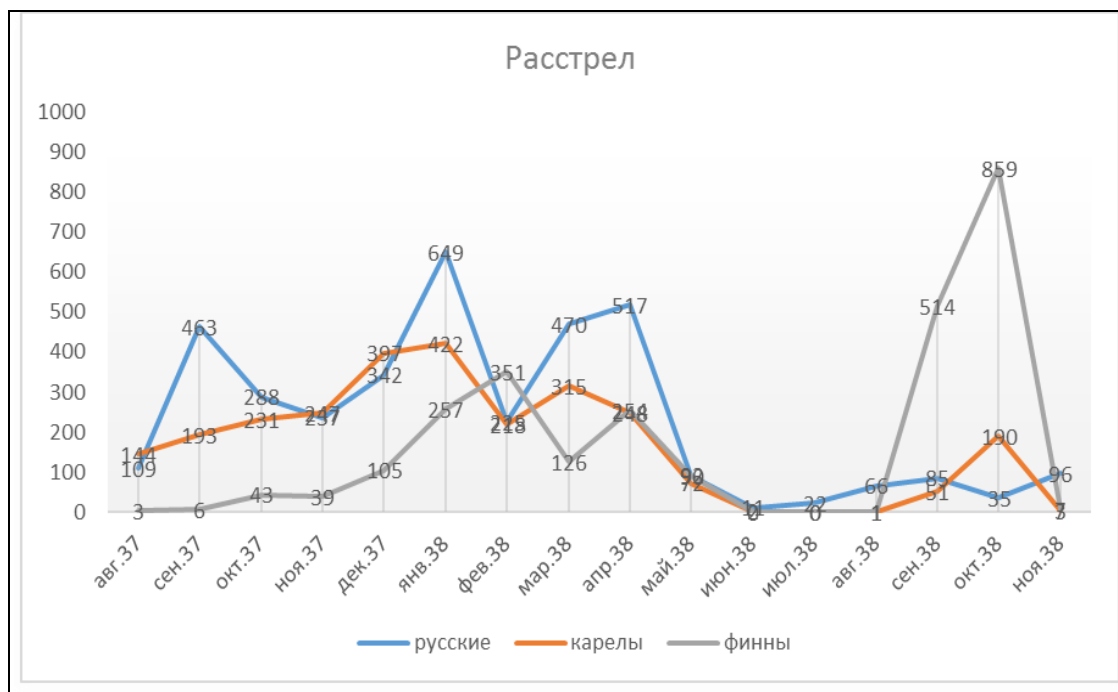

Рис. 3

Доля приговорённых к расстрелу за время массовых операций среди русских составила 78,1 %, среди карелов — 87,5 %, среди финнов — 88,3 %.

Выше она была только у поляков (90,4 %) и немцев (90,1 %) как главных «героев» основных операций. Реже всего приговаривали к расстрелу вепсов — 44,4 % (12 случаев из 27 осуждённых). Среди трудпоселенцев процент расстрельных приговоров был 93, у заключённых — 99.

Приведённые данные свидетельствуют о широком масштабе и особой жестокости массовых операций в Карелии. Наиболее наглядно жестокая статистика приговоров карельских внесудебных органов выглядит в сравнении со среднестатистическими данными по стране:

Таблица 4

Из общего числа осуждённых в 1937-38 гг.	В среднем по СССР (в %)	В Карелии (в %)
Приговорено к расстрелу (всего)	50	87
Доля приговорённых к расстрелу внесудебными органами (всего)	65	90
Тройками	53	81
Двойкой	74	94
Особой тройкой	69	95

Подавляющим большинством репрессированных были мужчины. Женщины составили примерно 5 % от всех осуждённых, что сопоставимо со средними данными по стране. Среди русских этот процент был около трёх, среди карелов — около четырёх, а доля репрессированных женщин среди финнов доходила до 9 %. При этом приговоры в отношении женщин в Карелии были гораздо суровее, чем в целом по стране¹⁵⁶. По нашим подсчётам русских женщин приговаривали к ВМН (расстрел) в 63 % случаев, финнок — в 64 %, карелок — в 66 %.

Репрессии охватили все основные возрастные группы населения. Самыми молодыми были 13-летние Витя Анкудинов (русский) и Женя Тифитулин (татарин), репрессированные в рамках приказа № 00447 и получившие десять и восемь лет лагерей. Самыми пожилыми жертвами Большого террора стали три родившиеся в 1861 г. карела: Семён Касьянов из Саригоры (Ведлозерский район), Михаил Мотин из Сопохи (Кондопожский район) и Яков Феофанов

¹⁵⁶ Л. Лягушкина приводит следующие данные по изученным ею регионам: в Башкирии женщин приговаривали к ВМН в 5,2 % случаев, в Горьковской области — в 12 %, в Северной Осетии — в 14,4 %, в Алтайском крае — в 27 %. В Карелии этот показатель был 60 %. Русских женщин ВМН ожидала в 49 % случаев, а финнок — в 62 %: *Лягушкина Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР. С. 40.*

(Конец-остров, Ребольский район). Все трое были крестьянами, все трое были обвинены в шпионаже и по приговору тройки расстреляны.

Наиболее пострадавшими возрастными группами у карелов стали группы от 31 года до 50 лет (60 %), у финнов репрессированных в этом возрасте ещё больше — 67% (рис. 4–5).

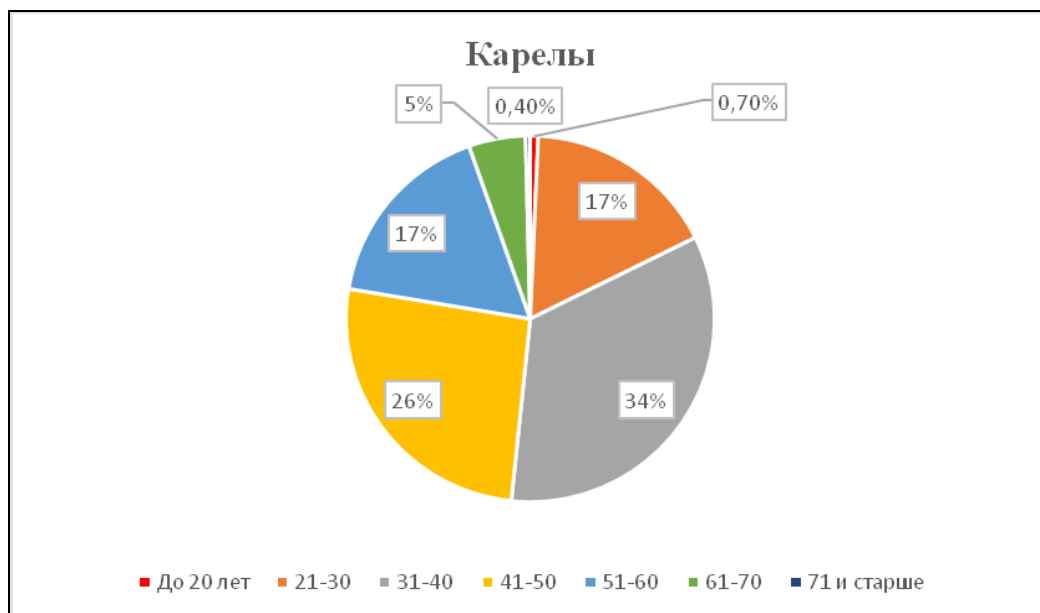

Рис. 4

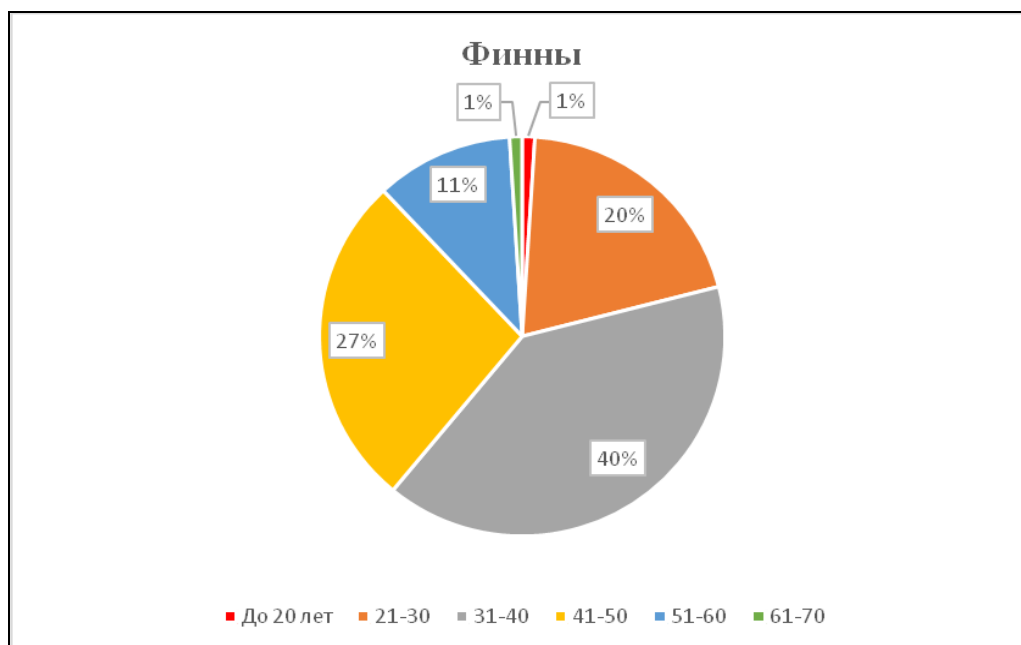

Рис. 5

Обращает на себя внимание и большое число подвергшихся репрессиям молодых людей в возрасте до 30 лет: среди карелов это 18 %, среди финнов —

21 % (по стране данные колеблются, как правило, в диапазоне 10–15 %¹⁵⁷). В случае с карелами вполне вероятно, что речь идёт о подростках детей карбеженцев, которых репрессировали, памятуя о «социально опасном» прошлом родителей. Дети финнов-эмигрантов, уроженцы тех мест, где работали их родители (Финляндия, Швеция, Норвегия, США) тоже не могли остаться без внимания НКВД. Финская молодёжь (как и заключённые), вероятно, была и своеобразным «резервом» у органов безопасности на случай невыполнения приказов сверху — их доля среди репрессированных явно возрастает на излёте Большого террора (рис. 6).

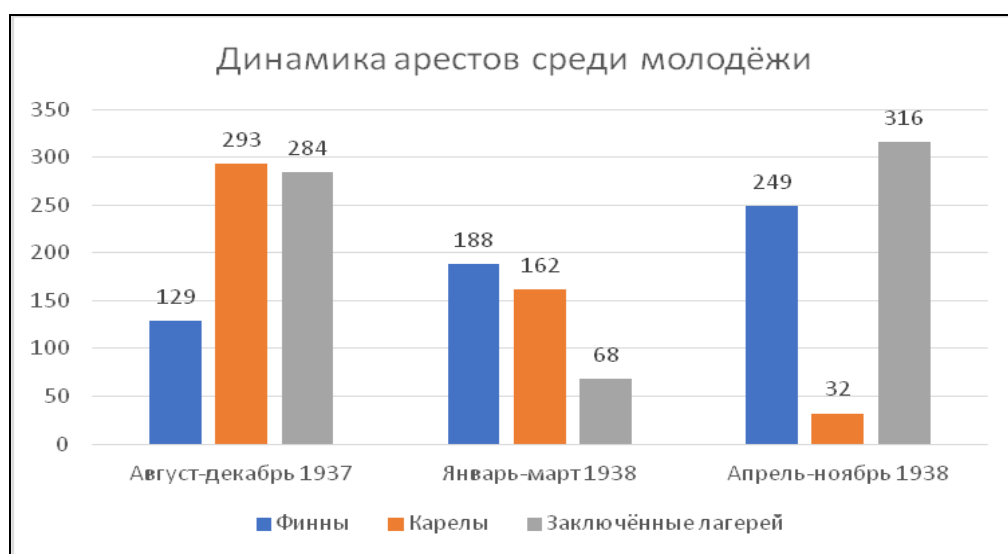

Рис. 6

Вот лишь один пример, когда в течение месяца была арестована вся кондопожская семья.

Пятидесятилетний финперевежчик Матти Лепистё, перешедший границу с женой и детьми в 1932 г., в конце тридцатых работал на кондопожском бумкомбинате слесарем. 1 июля 1938 г. его арестовали, а 20 сентября на своём первом заседании Особая тройка КАССР приговорила его к ВМН по ст. 58, п. 6, 7 (участие в контрреволюционной организации, экономическая контрреволюция). Расстрелян на следующий день в окрестностях Петрозаводска.

Тогда же, в июле (точной даты нет) была арестована его жена Сайми, работница бумкомбината. Её приговорили к ВМН 21 сентября по ст. 58, п. 10 (шпионаж) и расстреляли под Петрозаводском 23 сентября.

Их старшая 24-летняя дочь Сюльви, табельщица комбината, была арестована 21 июля 1938 г., 3 октября приговорена к ВМН по ст. 58, п. 6, 10,

¹⁵⁷ Лягушкина А. А. Там же. С. 39; Кодин Е. В. Репрессированная российская провинция. С. 24.

а 8 октября расстреляна. Такое же обвинение было предъявлено Особой тройкой и её младшей сестре восемнадцатилетней Маргет-Хельме, арестованной 29 июля 1938 г., правда приговор был мягче — три года лишения свободы. За четыре дня до её ареста, 25 июля из дома забрали пятнадцатилетнего Арво, который предстал перед Особой тройкой 4 октября. Контрреволюционную 58 статью вменить ему не могли, и он получил пять лет лагерей по ст. 19 (подготовка к преступным действиям) и 84 (въезд в СССР без разрешения властей).

Это не единственный случай, когда семьи финперебежчиков репрессировали чуть ли не в полном составе. Арво реабилитировали год спустя, в ноябре 1939, а всех остальных членов семьи только в 1962 г.

Как уже отмечалось, не вошли в базу данных сведения о многих людях, арестованных в самом конце массовых операций и осуждённых (или освобождённых) позже, в 1939 г. А они могли бы скорректировать в сторону увеличения число репрессированной в Карелии молодёжи (рис. 7). Так, в мартирологе Аргутиной мы находим не менее 20 молодых финнов в возрасте до 25 лет, арестованных уже после официального завершения массовых операций, в августе 1938 г. Почти половина из них — дети североамериканских финнов, уроженцы США.

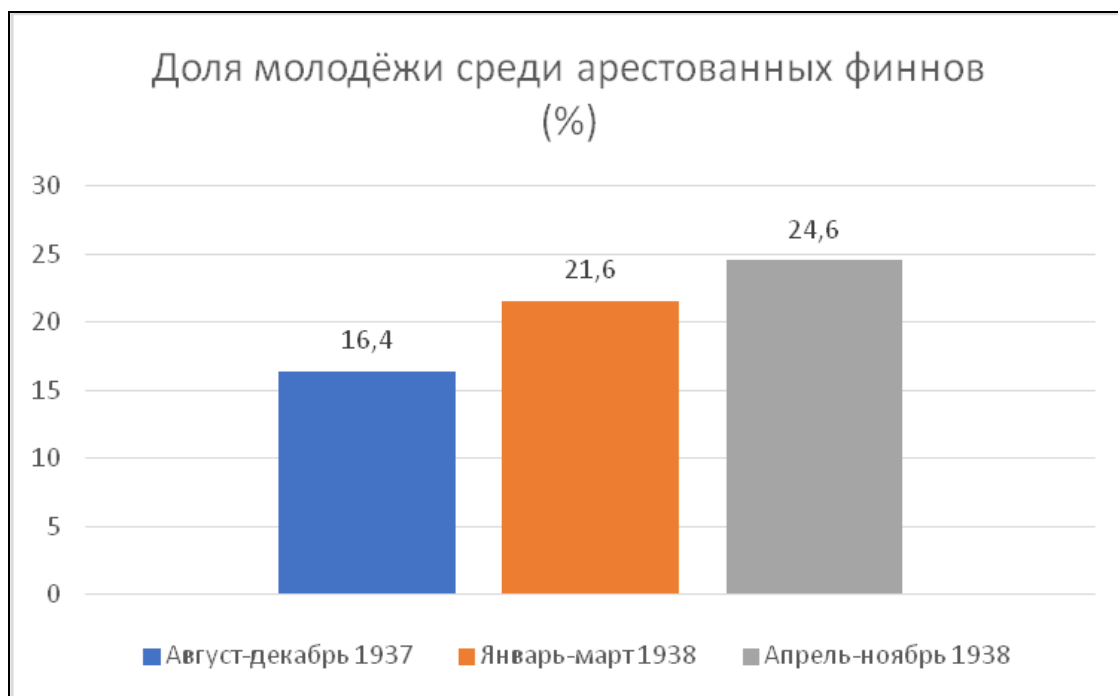

Рис. 7

Л. Лягушкина в своей статье приводила общие данные по возрастному составу репрессированных в Карелии¹⁵⁸. Наш анализ сведений базы данных, включая заключённых и трудпоселенцев, даёт примерно такие же результаты (рис. 8).

Рис. 8

Доля расстрельных приговоров среди всех возрастных групп чрезвычайно велика:

Таблица 5

Возрастная группа	% расстрельных приговоров
До 20 лет	66,5
21–30	81,8
31–40	87,1
41–50	89,1
51–60	91,2
61–70	95,6
71 и старше	96,7

Чем старше был человек, тем меньше шансов у него было остаться в живых, это характерно для всех регионов страны, однако не с таким чудовищным

¹⁵⁸ Лягушкина Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР. С. 39.

процентом расстрелов. Из 30 осуждённых 1861–1867 годов рождения 29, включая самых старших, приговорили к расстрелу. Один «мягкий» приговор (десять лет лагерей), как ни странно, был вынесен двойкой родившемуся в Польше немцу, трудпоселенцу 72-летнему Казимиру Грисюку.

Совершенно беспрецедентно выглядит и доля приговорённых к расстрелу людей трудоспособного возраста, а также молодёжи до 20 лет. Для сравнения приведём аналогичную таблицу по трём другим регионам:

Таблица 6

Возрастная группа	% расстрельных приговоров		
	Алтайский край ¹⁵⁹	Горьковская область ¹⁶⁰	Башкирская АССР ¹⁶¹
До 20 лет	0,0	15,3	0,0
21-30	13,2	19,1	15,2
31-40	26,2	26,1	26,4
41-50	26,1	33,2	33,1
51-60	26,4	43,3	40,1
61-70	46,4	64,1	58,6
71 и старше	0,0	74,6	63,6

Совершенно очевидно, что в приграничной Карелии Большой террор был нацелен просто на физическое уничтожение людей вне зависимости от их социального статуса. Отметим в этой связи, что коммунисты и комсомольцы среди осуждённых составили чуть больше 8 % (7,4 и 0,8 соответственно)¹⁶².

По базе данных можно нагляднее продемонстрировать основные места расстрелов в республике (рис. 9).

¹⁵⁹ Подсчитано по: Мишина Е. М. Социальный портрет репрессированных в 1935–1937 гг. на Алтае: анализ базы данных и архивных документов // Историческая информатика. 2013. № 3. С. 12 (таблицы 3, 4); Книга памяти Алтайского края по базе данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007.

¹⁶⁰ Дягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. 2012. № 1 (сентябрь). С. 36 (таблица 2).

¹⁶¹ Её же. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «Книгам Памяти» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 310 (таблица 1).

¹⁶² Данные о партийной принадлежности в книге памяти отсутствуют у 3,8 % репрессированных — вполне допустимая статистическая погрешность.

Рис. 9

То, что Медгора стала основным местом расстрелов в 1937–1938 гг., объясняется не только наличием здесь «стальной» следственной бригады, «работавшей по финнам». Медвежьегорск был главным местом, где убивали заключённых Белбалтлагеря и находившихся здесь трудпоселенцев. Из более чем двух тысяч арестованных в районе они составляли 76 %. Кроме того, Медгора «обслуживала» все северные районы республики. Петрозаводская тюрьма стала основным местом сосредоточения арестованных в центральной Карелии, на долю которой приходится почти треть всех репрессированных в годы Большого террора (Петрозаводск, Прионежский, Кондопожский, Заонежский и Пряжинский районы). Здесь работала карельская тройка и составлялись списки-альбомы по национальным операциям.

Следует отметить, что около 200 репрессированных в Олонецком районе и не менее 75 в Кандалакшском были расстреляны и захоронены в Ленинграде на Левашовской пустоши, поскольку дела на них оформлялись следователями Ленинградской и Мурманской областей¹⁶³. Всего Левашовская пустошь как место расстрела упоминается в карельской книге памяти 350 раз.

Важно, что база данных позволяет проанализировать динамику массовых операций в районах Карелии (рис. 10¹⁶⁴).

¹⁶³ Кандалакшский район в мае 1938 г. был передан Мурманской области.

¹⁶⁴ Данные по Медвежьегорскому району здесь и при сравнении с переписью 1933 г. (рис. 11–12) приводятся без учёта репрессированных в 1937–1938 гг. заключённых и трудпоселенцев. Всего в районе было арестовано за указанный период 2206 человек.

Рис. 10

И. Чухин в своей книге уже анализировал особенности репрессий по отдельным районам республики¹⁶⁵. Несмотря на то, что база данных тогда не имела сегодняшнего наполнения и приводимые им цифры в ряде случаев отличаются от указанных здесь данных, основной его вывод о том, что между показателями численности населения, количеством, составом и долей репрессированных в районах нет прямой связи¹⁶⁶, вполне подтверждается.

С численностью и плотностью населения доля репрессированных по районам коррелирует слабо. Согласно всекарельской переписи 1933 г.¹⁶⁷, самыми большими по численности населения были Кандалакшский, Олонецкий, Медвежьегорский и Пудожский районы (от 34400 до 28200 человек), а самыми малонаселёнными — Сегозерский, Кестеньгский, Ругозерский¹⁶⁸ и Тунгудский (6500–5300 человек). С динамикой репрессий эти цифры соотносятся плохо (рис. 11).

¹⁶⁵ Чухин И. Карелия–37. С. 87–103.

¹⁶⁶ Там же. С. 89.

¹⁶⁷ Данных по населению районов Карелии в опубликованных материалах переписи 1937 г. нет. За четыре предшествующих года, конечно, произошли изменения в численности и составе населения республики, но вряд ли очень существенные. Сравнение с данными переписи населения 1933 г. позволяет нам проанализировать ситуацию в районах во время Большого террора. Здесь и далее (если не оговорено особо) подсчёты по: Перепись населения АКССР 1933 г. Петрозаводск, 1934. Вып. I. С. 1–6, 8–18.

¹⁶⁸ С ноября 1931 по ноябрь 1934 г. Ребольский район входил в состав Ругозерского, поэтому, когда идёт сравнение с данными переписи, цифры по репрессиям в этих районах объединяются.

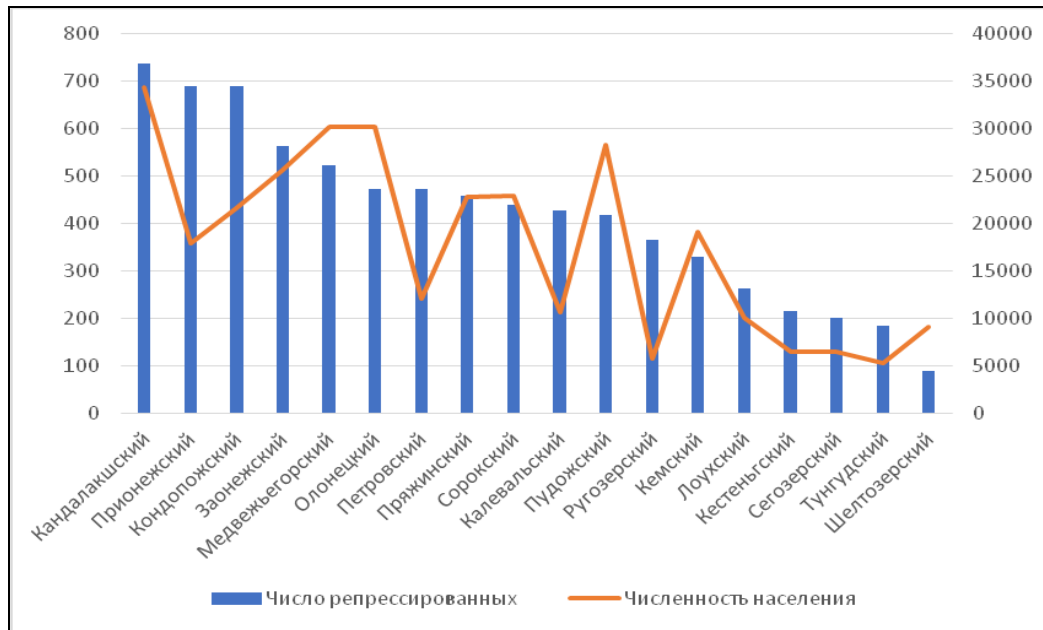

Рис. 11

Ещё сложнее проследить какую-то связь интенсивности репрессий с плотностью населения (рис. 12). Плотность населения самой большой в 1933 г. была Шёлтозерском, Заонежском, Кондопожском и Олонецком районах (от 13 до 8 жителей на км²), а самая низкая (от 0,4 до 0,8 жителей на км²) в Ругозерском, Калевальском, Кестеньгском и Сегозерском¹⁶⁹.

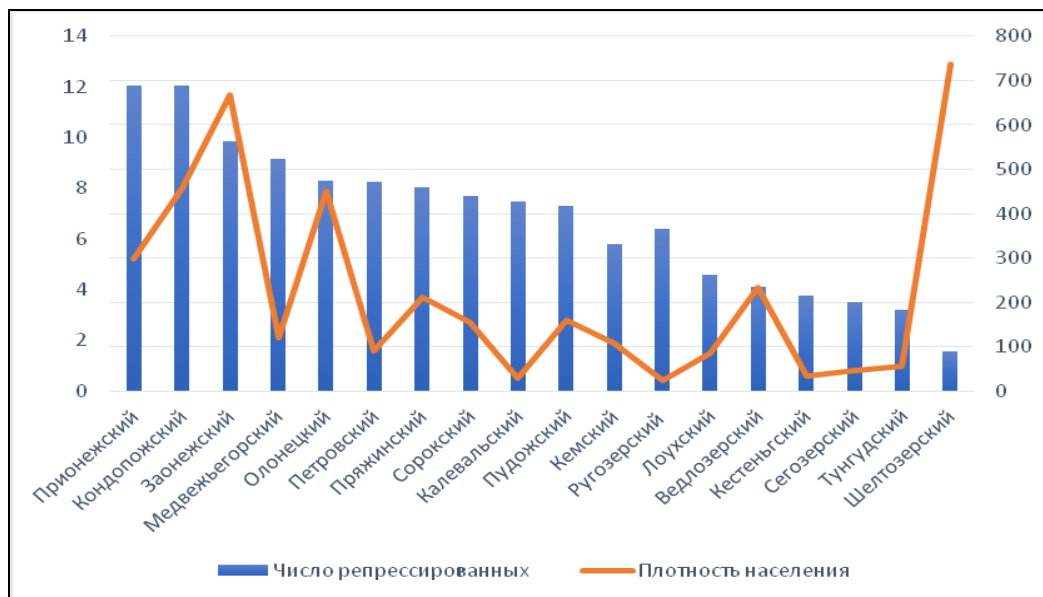

Рис. 12

¹⁶⁹ Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 45. Данных по Кандалакшскому району у Покровской нет.

Масштабы репрессий в том или ином районе зависели от других факторов и от степени их совокупности. Самыми важными, на наш взгляд, были близость к центру, наличие крупных предприятий, лесопромышленных комплексов и строек, пограничное положение и численность финского населения в районе.

Если вынести за скобки столицу Белбаллага Медгору, то первая пятёрка наиболее пострадавших от репрессий районов — это Петрозаводск, административный центр республики, самый населённый и экономически развитый город, Кандалакшский район с Нивастроём (40 % всех репрессированных в районе составили строители Нивской ГЭС) и ближайшие к Петрозаводску районы: Прионежский (совхозы, показательные леспромхозы, Соломенский лесозавод), Кондопожский (ЦБК, кирпичный, пегматитовый заводы, ГЭС) и Заонежский (известняковые разработки). В Прионежском, Кондопожском районах, как и в Петрозаводске, к тому же проживали самые крупные колонии финнов, которые и составили львиную долю репрессированных (в Петрозаводске — половину, рис. 13).

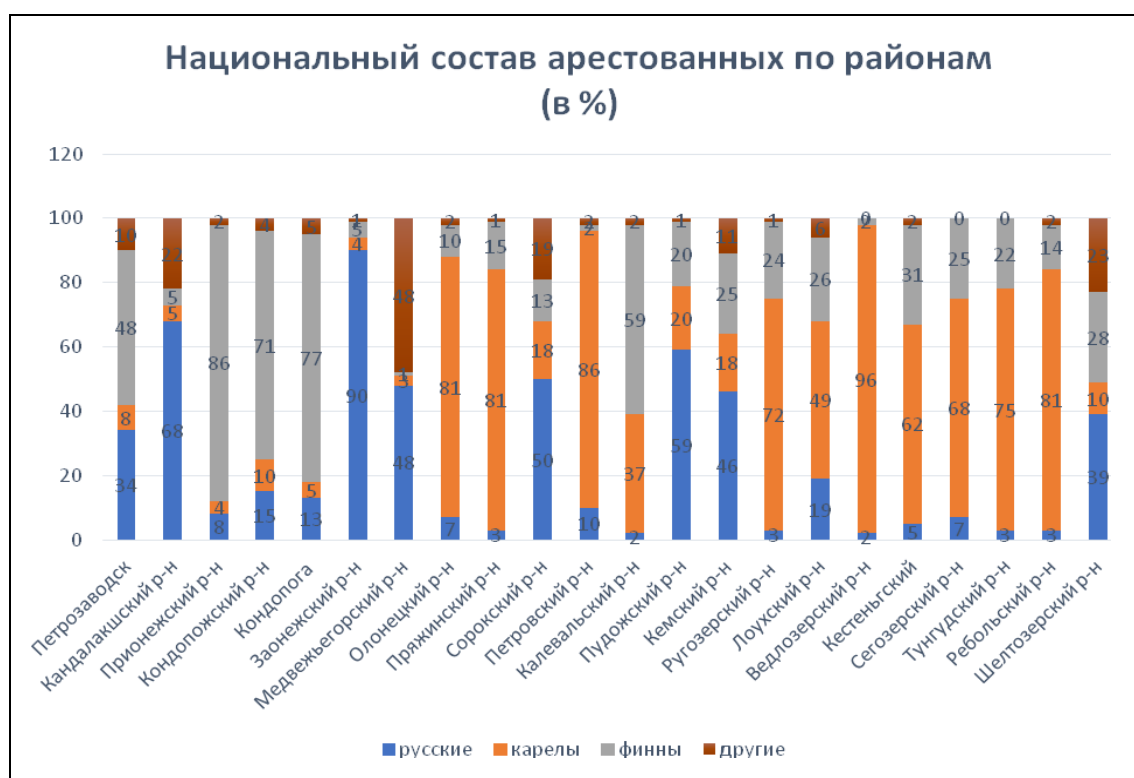

Рис. 13

В приграничных национальных районах — Олонецком, Петровском, Ругозерском, Ведлозерском, Кестеньгском, Ребольском, где карелы составляли от 82 до 95% населения, их доля среди репрессированных колебалась

от 62 до 96 %. Исключение составил Калевальский район (81 % карельского населения), где 59 % репрессированных составили финны. Здесь важным фактором помимо пограничности стало наличие в районе большой финской колонии (почти 10 % населения).

Значительная (48 %) доля других национальностей в Медвежьегорском районе объясняется интернациональным составом заключённых Белбалтлага и трудпоселенцев. В северных районах (Кандалакшском, Сорокском, Кемском) на стройках и предприятиях трудилось немало людей разных национальностей. В Шёлтозерском районе львиную долю «других» составляют местные уроженцы вепсы.

Если сравнивать эти данные с численностью населения по переписи 1933 г., то становится очевидным — доля репрессированных в районе была тем выше, чем больше вышеперечисленных факторов соединялось на данной территории. В отдалённых внутренних районах Карелии с преимущественно русским населением доля репрессированных от общего числа жителей, как правило, была меньше среднестатистического значения 1937 г. 2,2–2,5 %: Медвежьегорский район (без заключённых и трудпоселенцев) — 1,4 %, Пудожский — 1,5 %, Кемский — 1,7 %, Сорокский — 1,9 %. В малочисленном Шёлтозерском районе, на 80 % заселённом вепсами, было репрессировано менее одного процента жителей. Финское население в этих районах колебалось от 0,3 % (Сорокский район) до 2,4 % (Шёлтозерский).

Доля репрессированных росла по мере приближения территории к границе и/или к Петрозаводску: Кандалакшский район — 2,1 % Заонежский — 2,2 %, Лоухский — 2,6 %, Сегозерский — 3,1 %, Кондопожский — 3,2 %, Прионежский — 3,3 %, Тунгудский и Кестеньгский — по 3,4 %, Петровский — 3,9 %, Калевальский — 4 %, Ругозерский и Ребольский — 6,3 %. Привязка к финскому фактору здесь просматривается не всегда. Самые крупные колонии финнов были в Кондопожском районе — 5,4 % населения, Тунгудском — 5,9 %, Калевальском — 9,5 % и Прионежском — 10 %, а в Петровском районе финнов было всего 0,7 %. В данном случае главным оказалось пограничное положение. Тем не менее очевидно, что интенсивность репрессий в районах с большой концентрацией финнов была значительно выше средних показателей по республике (рис. 14).

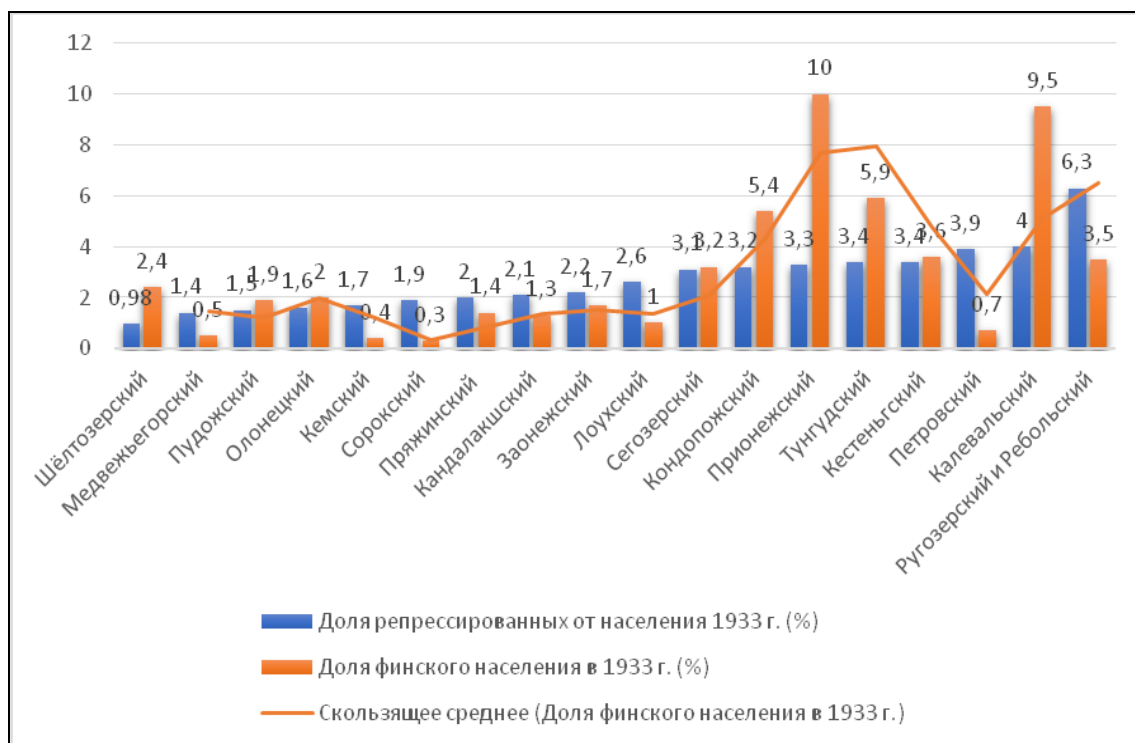

Рис. 14

Когда же соединялось несколько факторов, уровень репрессий начинал зашкаливать.

В Ругозерском сельсовете пограничного Ругозерского района было репрессировано 7,7 % населения (леспромхоз), в Ондозерском с/с — 7,8 % (крупная тракторная база), а в Андроновогорском с/с — 10,3 %, хотя никаких промышленных объектов там не было. Почти все репрессированные были карелами — лесорубы, колхозники, рыбаки. В данном случае видимо сыграла свою роль близость 73-го (ребольского) погранотряда, в котором была создана одна из пяти дополнительных бригад по ускоренному ведению следственных дел. В Ухтинском сельсовете Калевальского погранрайона района было репрессировано 8,7 % жителей, почти все в самой Ухте (районный центр, много финнов, большой промкомбинат, леспромхоз, колхоз). В Мунозерском сельсовете пограничного Петровского района, где находилась большая Моторинская автобаза и расположен административный центр Спасская Губа, репрессировали 8,2 % жителей.

В целом на долю восьми погранрайонов приходится около 38 % всех репрессированных, так что фактор приграничности не всегда был решающим.

В маленьком рабочем посёлке Кондопога (57 км от Петрозаводска) с крупным бумажным комбинатом и долей финского населения в 18 % было репрессировано почти 10 % жителей. А в Матросском сельсовете центрального Прионежского района, где находились показательные Матросская и Вилговская механизированные базы и трудились в основном американские финны, было

репрессировано 18,2 % населения (95 % из них финны). Напомним, что эти, самые пострадавшие во время Большого террора места, «вражескими гнёздами» были названы Тенисоном уже в сентябре 1937 г.

Зависимость динамики репрессий от численности карельского населения района не так очевидна, тем не менее самыми пострадавшими были пять национальных районов с долей карельского населения выше 80 % (рис. 15).

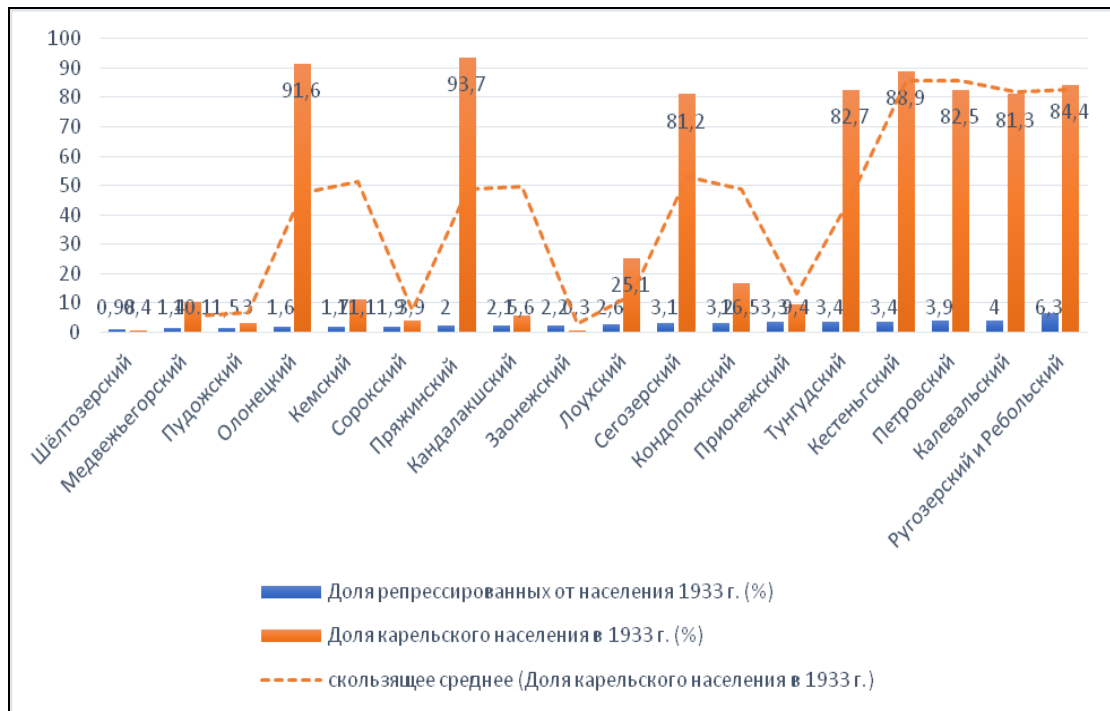

Рис. 15

Обращает на себя внимание, что интенсивность репрессий в Олонецком и Пряжинском районах, соседствующих и с границей, и с Петрозаводском, и на 92–94 % заселённых карелами, оказалась одной из самых низких — 1,6 и 2 % населения соответственно. Причём она не сопрягается напрямую с финским или карельским факторами. Однако следует помнить, что в 1935 г. из восьми сельсоветов Пряжинского и пяти сельсоветов Олонецкого районов был образован приграничный Ведлозерский район¹⁷⁰, в котором было репрессировано не менее 235 человек. Если сопоставить количество репрессированных в этих трёх районах с численностью населения 1933 г. данных территорий, то доля жертв Большого террора здесь приближается к среднестатистической по Карелии — 2,2 %.

¹⁷⁰ Покровская И. П. Население Карелии. С. 44.

Превалирование «национального» или «кулацкого» направления Большого террора уже напрямую зависело от доли финского населения в районе (рис. 16, районы расположены в порядке убывания финского населения).

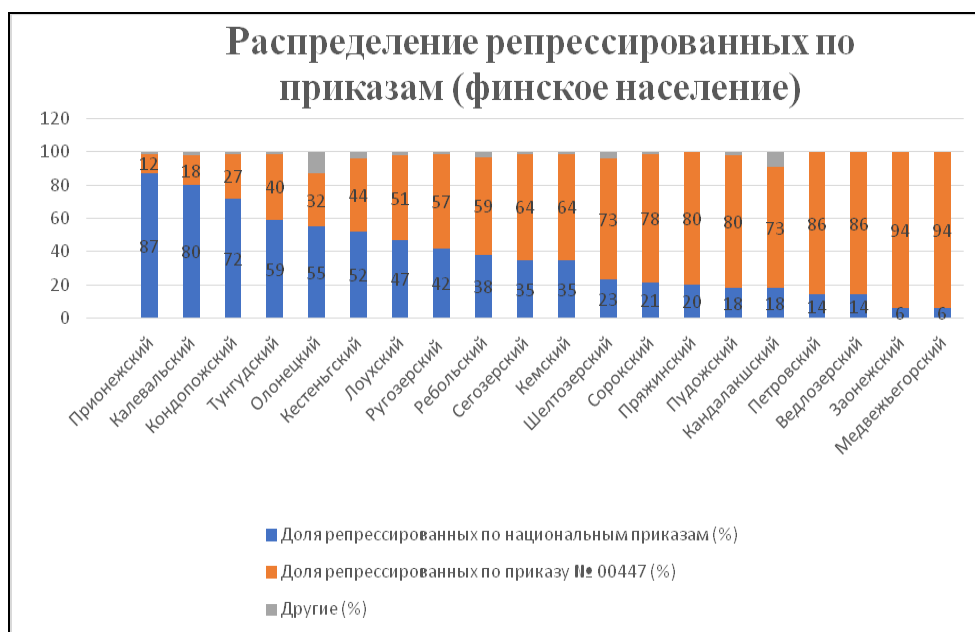

Рис. 16

Этого нельзя сказать о районах с преобладающим карельским населением. Большинство карелов, как мы уже отмечали, было репрессировано по приказу № 00447, что прослеживается и в распределении основных направлений террора по районам (рис. 17, районы расположены в порядке убывания карельского населения).

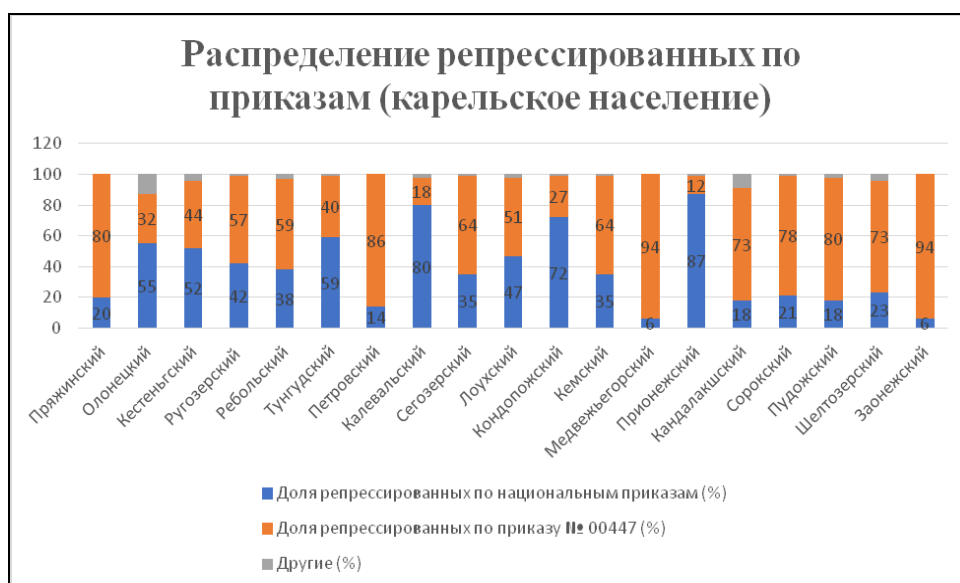

Рис. 17

Анализ данных о распределении репрессий в районах по годам свидетельствует, что первыми под удар попали пограничные районы, затем начинают «чистить» центр, потом очередь доходит до отдалённых северных регионов. Впрочем, во многих местах репрессии шли с достаточной долей интенсивности и в 1937, и в 1938 гг. (рис. 18).

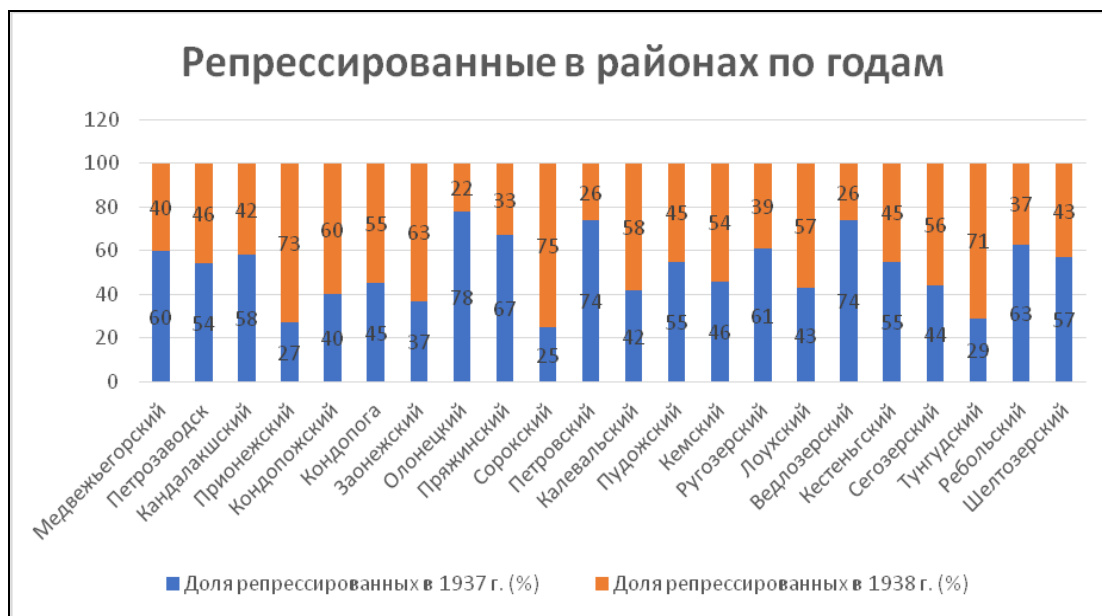

Рис. 18

Интересно выглядит ситуация в Прионежском районе, где доля репрессированных была достаточно велика — 3,3 % населения. Основной вал репрессий (73 %) там пришёлся на 1938 г., хотя Петрозаводск и соседний Кондопожский район активно «чистить» начали ещё до начала Большого террора. Возможно, этот столичный район какое-то время держали как некий резерв на случай невыполнения заданий центра или продления сроков террора.

Об окончательных цифрах репрессированных жителей Карелии во время Большого террора, говорить ещё рано. Но в целом анализ базы данных подтверждает выводы, сделанные по архивным документам об особой жестокости Большого террора в Карелии, о его нарастании в 1938 г. и о важности здесь т. н. национальной составляющей репрессий.

Таблица 7

	05.08– 31.12.1937	01.01– 17.11.1938	Всего
Арестовано	5 072	5 115	10 187
Осуждено	5 927	7 040	12 967
в т. ч. к ВМН	5 018	6 208	11 226

Вместе с тем мы бы не стали определять национальные операции как откровенную «этнизацию террора», о чём пишут некоторые исследователи¹⁷¹. Документы, появлявшиеся параллельно с т. н. национальными приказами и директивами, со всей очевидностью свидетельствуют, что расширение репрессируемых контингентов происходило не столько по этническому, сколько по политическому, в том числе внешнеполитическому, принципу. Ещё в марте 1936 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов», согласно которому политэмигранты оказались одними из главных «агентов разведывательных и полицейских органов капиталистических государств». В Циркуляре НКВД СССР «Об иностранцах» (август 1937 г.) названа была уже 21 страна (в том числе и Финляндия), гражданам которых предписывалось прекратить продление видов на жительство¹⁷². Этот циркуляр объясняет появление в карельских документах таких «национальных» линий как английская, турецкая, шведская, французская, итальянская и венгерская¹⁷³. О том же свидетельствуют и приговоры, вынесенные осуждённым по национальным линиям, в которых преобладают обвинения в шпионаже и повстанческой контрреволюционной деятельности.

Этнизацию террора, точнее создание впечатления об усилении репрессий по национальному принципу, можно приписать скорее деятельности местных властей, старавшихся истово выполнять указания центра. Документы и списки репрессированных показывают, что решающими факторами для включения потенциальной жертвы в списки «национальных» операций была та или иная связь человека с границей, а не его этническая принадлежность¹⁷⁴. Финны-иммигранты, конечно, были в Карелии вне конкуренции. В Петрозаводске, например, где число репрессированных было самым большим по республике (1273 человек по базе данных), финны-иммигранты составили 48 % всех жертв

¹⁷¹ См.: *Баберовски Г. И.* Красный террор: История сталинизма. М., 2007. С. 187; *Его же.* Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство 1917–53 // *Ab Imperio.* 2006. № 1. С. 183; *Снайдер Т.* Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным Киев, 2015. С. 127, 145, 428; *Naimark N. M.* Stalin's Genocides. Princeton, 2010. P. 1.

¹⁷² *Ожотин Н. Г., Рогинский А. Б.* «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника.

¹⁷³ Архив УФСБ по РК. Ф. КРО. Д. 169. Т. 1. Л. 5–8.

¹⁷⁴ Выводы о несостоятельности тезиса об этнизации террора мы находим и в других исследованиях. Авторы работы по национальным операциям в Грузии подчеркивают, что там решающим фактором для репрессий по национальным линиям был не этнический фактор, а связи с зарубежьем, «антисоветское» поведение и «подозрительный» социальный статус репрессируемого. См.: *Большевистский порядок в Грузии.* В 2 т. М., 2015. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. С. 201, 341–345.

массовых операций при доле в 7 % от населения города. Примечательно и то, что из числа репрессированных в столице Карелии уроженцы республики составляли лишь 20 %, а родившиеся в других государствах (Финляндия, США, Канада, Польша, Швеция, Прибалтийские страны) — около половины.

Немаловажную роль в динамике репрессий в Карелии играли и давние трансграничные (экономические и родственные) связи коренного населения — карелов с Финляндией.

Сильная зависимость интенсивности репрессий на местах от т. н. финского фактора возвращает нас к вопросу о политике населения большевиков. Представляется, что национальные операции Большого террора следует рассматривать в общем контексте массовых репрессий как одного из важных элементов этой политики. Острые национальных операций было направлено на те категории людей, чье истинное или мнимое инакомыслие было порождено знакомством с другими системами организации общества. Новое советское поколение, выросшее после революции, не должно было знать об этой другой жизни, чтобы ему не с чем было сравнивать окружающую их действительность. Недаром главными жертвами национальных линий стали политэмигранты, перебежчики и иностранные специалисты. Они видели жизнь других стран и во многом успели разочароваться в социалистической идее. Региональные различия при проведении национальных операций были достаточно велики — в приграничных регионах по очевидным причинам они оказались жёстче, чем во внутренних районах страны. И потому эффект от них оказался сильнее. В Карелии, где физически были уничтожены тысячи финнов, причем мужчины из числа перебежчиков и политэмигрантов едва ли не поголовно, запугать уцелевших в этой бойне удалось настолько, что они замолчали на пятьдесят лет¹⁷⁵.

Несомненно, что массовые операции Большого террора инициировались и достаточно жёстко управлялись ЦК ВКП(б). Периодические чистки в ходе террора аппарата НКВД свидетельствуют, что наркомат был прежде всего инструментом в политике населения, хотя и обладающим большой инициативой и самостоятельностью. Вместе с тем многое, происходившее на местах, зависело от активности и предприимчивости региональных органов управления.

Очевидно, что в каждом регионе власти преследовали те группы населения, которые расценивали как проблемные именно для этого региона. Карельская специфика заключалась в том, что близость границы, давние тесные связи

¹⁷⁵ См.: *Golubev A., Takala I.* The Search for a Socialist El Dorado. P. 142–155, 171–173.

местных жителей с соседями, наличие иностранцев делали политику населения в крае наиболее жёсткой, а террор кровавым.

Список литературы

Анттикоски, Э. Стратегия карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы / Э. Анттикоски // В семье единой: национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920-1950-е годы. — Петрозаводск : Kikimora ; Изд-во ПетрГУ, 1998. — С. 207–222.

Баберовски, Й. Красный террор: История сталинизма / Й. Баберовски. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 227 с.

Баберовский Й. Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство 1917–53 / Й. Баберовски // *Ab Imperio*. — 2006. — № 1. — Р. 177–196.

Барон, Н. Власть и пространство: автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939 / Н. Барон. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 398 с.

Белоусов, К. Ф. Лингвист ≠ Фашист или дело о несостоявшемся процессе / К. Ф. Белоусов // Север. — 2014. — № 1–2. — С. 178–185.

Большевицкий порядок в Грузии : в 2 т. / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. — Москва : АИРО-XXI, 2015. — Т. 1. Большой террор в маленькой кавказской республике. — 638 с.

Всесоюзная перепись 1937 г.: общие итоги : сборник документов и материалов. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 318 с.

Голдман, В. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий / В. Голдман. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 334 с.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960 : документы / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. — Москва : Материк, 2000. — 885 с.

Жданова, Г. Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 / Г. Д. Жданова // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. : массовая операция на основе приказа № 00447. — Москва : РОССПЭН, 2009. — С. 718–745.

Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] / [подгот. В. А. Крахотинным и В. В. Фроловым]. — Москва : Мемориал, 2001. — Электрон. опт. диск (CD).

Историография сталинизма / Под ред. Н. А. Симония. — Москва : РОССПЭН, 2007. — 478 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 944 с.

История сталинизма: жизнь в терроре : социальные аспекты репрессий : материалы международной научной конференции : Санкт-Петербург, 18–

20 октября 2012 г. — Москва : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. — 485 с.

История Сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 томах. — Москва : РОССПЭН, 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. — 726 с.

Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов / сост. А. Цыганков. — Петрозаводск : Карелия, 1992. — 334 с.

Карельское «дело» : дело о так называемой «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации». — Тверь : Упрполиграфиздат, 1991. — 39 с.

Кип, Д. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография / Д. Кип, А. Литвин. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 327 с.

Кодин, Е. В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 / Е. В. Кодин. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 269 с.

Кропачев, С. А. От лжи к покаянию: отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах / С. А. Кропачев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. — 192 с.

Кропачев, С. А. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография / С. А. Кропачев, Е. Ф. Кринко. — Москва : РОССПЭН, 2012. — 349 с.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД : архив Сталина : документы высших органов партийной и государственной власти : 1937–1938. — Москва : Международный фонд «Демократия», 2004. — 734 с.

Лягушкина, Л. А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР / Л. А. Лягушкина // Вестник Пермского университета. Серия «История». — 2014. — № 3. — С. 36–44.

Лягушкина, Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.) : сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти» : дис... канд. ист. наук / Людмила Алексеевна Лягушкина. — Москва, 2016. — 354 с.

Лягушкина, Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.) : анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области / Л. А. Лягушкина // Историческая информатика. — 2012. — № 1 (сентябрь). — С. 30–43.

Лягушкина, Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «Книгам Памяти» / Л. А. Лягушкина // История сталинизма: жизнь в терроре : социальные аспекты репрессий : материалы международной научной конференции : Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. — Москва : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. — С. 305–316.

Мишина, Е. М. Социальный портрет репрессированных в 1935-1937 гг. на Алтае: анализ базы данных и архивных документов / Е. М. Мишина // Историческая информатика. — 2013. — № 3. — С. 3–14.

Мозохин, О. Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953) / О. Б. Мозохин. — Москва ; Жуковский : Кучково поле, 2006. — 479 с.

Нерар, Ф-К. Пять процентов правды: разоблачение и доносительство в сталинском СССР. 1928–1941 / Ф-К. Нерар. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 397 с.

Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. — Петрозаводск : Скандинавия, 2008. — 432 с.

Охотин Н. Г. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Электронный ресурс] / Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. — URL: http://old.memo.ru/history/y1937/hronika1936_1939/xronika.html. — (11.11.2018).

Петров Н. «Сталинский питомец» — Николай Ежов / Н. Петров, М. Янсен. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 446 с.

Петров, Н. В. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. / Н. Петров, А. Б. Рогинский // Репрессии против поляков и польских граждан. — Москва : Звенья, 1997. — С. 22–39.

Покровская, И. П. Население Карелии / И. П. Покровская. — Петрозаводск : Карелия, 1978. — 192 с.

Поминальные списки Карелии. Уничтоженная Карелия : 1937–1938. — Петрозаводск : б. и., 2002. — Ч. 2. : Большой террор.— 1088 с.

Рогинский, А. Б. «Аресту подлежат жены...» / А. Б. Рогинский, А. Ю. Даниэль // Узницы «Алжира». Список женщин–заключённых Акмолинского и других отделений Карлага. — Москва : Звенья, 2003. — 567 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — Москва : Республика ; Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. — 222 с.

Снайдер, Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным / Т. Снайдер. — Киев: Дуліби, 2015. — 584 с.

Степанов, М. Г. Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.) / М. Г. Степанов. — Абакан : Бригантина, 2008. — 159 с.

Такала, И. «Дело Гюллинга-Ровио» / И. Такала // Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов. — Петрозаводск : Карелия, 1992. — С. 34–73.

Такала, И. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов / И. Такала // Вопросы истории Европейского Севера. —

Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 1993. — С. 111–129.

Такала, И. Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры / И. Такала. — Санкт-Петербург : Издательство «Журнал Нева», 2002. — 172 с.

Такала, И. Р. «Всех проучим памятным уроком»: об изучении национальных операций Большого террора / И. Такала // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. — 2016. — № 1 (3). — С. 173–191.

Такала, И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии / И. Такала // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / И. Такала. — Петрозаводск : Kikimora ; Изд-во ПетрГУ, 1998. — С. 161–206.

Такала, И. Р. Репрессии в Кондопоге / И. Такала // Кондопожский край в истории Карелии и России. — Петрозаводск — Кондопога : б. и., 2000. — С. 217–222.

Тепляков, А. Г. Эпоха репрессий: субъекты и объекты / А. Г. Тепляков // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / год редакцией Г. А. Бордюгова. — Москва : АИРО-XXI, 2013. — С. 1135–1169.

Хаустов, В. Н. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Н. Хаустов, Л. Самуэльсон. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 430 с.

Хлевнюк, О. В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии / О. В. Хлевнюк // Историческая наука и образование на рубеже веков. — Москва : Собрание, 2004. — С. 433–451.

Холквист, П. Вычислить, изъять и истребить: статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России / П. Холквист // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / год ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. — Москва : РОССПЭН, 2011. — С. 139–179.

Чухин, И. Жестокая статистика репрессий / И. Чухин // Северный Курьер. — 1997. — 15 января.

Чухин, И. Особая папка: санкции на погром / И. Чухин // Северный Курьер. — 1993. — 10 июля.

Чухин, И. Тайна одной «операции» / И. Чухин // Петрозаводск. — 1995. — 7 апреля. — С. 12.

Чухин, И. И. Карелия–37: идеология и практика террора / И. И. Чухин. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1999. — 160 с.

Шлегель, К. Террор и мечта. Москва 1937 / К. Шлегель. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 741 с.

Юнге, М. Как террор стал «Большим» / М. Юнге, Р. Биннер. — Москва : АИРО-XX, 2003. — 352 с.

Юнге М. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 / М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. — Москва : Новый хронограф, 2008. — 778 с.

Ellman, M. Regional Influences on the Formulation and Implementation of NKVD Order 00447 / M. Ellman // *Europe-Asia Studies*. — 2010. — 62 (6) . — P. 915–931.

Getty, A. J. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s / A. J. Getty // *The Russian Review*. — 2002. — Vol 61, no. 1. — P. 112–137.

Golubev, A. The Search for Socialist El Dorado: Finnish Immigration from the United States and Canada to Soviet Karelia in the 1930s / A. Golubev, I. Takala. — East Lansing (MI) : Michigan State University Press, 2014. — 236 p.

Gregory, P. Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin / P. Gregory. — New Haven : Yale University Press, 2009. — 346 p.

Ilič, M. The Great Terror in Leningrad: a Quantitative Analysis / M. Ilič // *Europe-Asia Studies*. — 2000. — Vol. 52, no. 8. — P. 1515–1534.

Keep, J. L. H. Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millennium / J. L. H. Keep, Alter L. Litvin. — London ; New York : Routledge, 2005. — 248 p.

Lahti-Argutina, E. Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun / E. Lahti-Argutina. — Turku : Siirtolaisuusinstituutti, 2001. — 651 s.

Naimark, N. M. Stalin's Genocides / N. M. Naimark. — Princeton : Princeton University Press, 2010. — 163 p.

Takala, I. 'Border Locked!' Special Aspects of State Terror in the Karelian Border Region of the 1920s – first half of the 1930s / I. Takala // *Revue d'histoire nordique — Nordic Historical Review*. — 2015. — № 19. — P. 103–127.

Takala, I. ”Ikimuistoksen läksyn me kaikille luemme” — Suuren terrorin kansallisuusoperaatioiden erityispiirteitä Karjalassa / I. Takala // *Historiallinen aikakauskirja*. — 2017. — № 3. — S. 291–302.

Takala, I. The Great Purge / I. Takala // *Journal of Finnish Studies*. — 2011. — Volume 15, issues 1 & 2. Victims and Survivors of Karelia. — P. 152–166.

ИВАНОВ Вячеслав Александрович / IVANOV Viacheslav

Крымский инженерно-педагогический университет / Crimean Engineering and Pedagogical University

Крым, пос. Раздольное / Crimea, Rozdolne

slavik1855@gmail.com

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1939–1944 гг. В ОСВЕЩЕНИИ УКРАИНСКОЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE 1939–44 SOVIET-FINNISH RELATIONS IN THE UKRAINIAN POST-SOVIET HISTORY WRITING

Abstract: The Ukrainian post-Soviet researches of the Soviet-Finnish relations during the WWII are analysed. The general trends of the WWII historiography in the post-Soviet Ukraine are outlined. The article focuses on the Ukrainian historians' views of the 'Ukrainian factor' in the Winter War (1939–1940) and the Continuation War (1941–1944).

Ключевые слова / Keywords: СССР, Финляндия, советско-финляндские отношения, украинская постсоветская историография / USSR, Finland, Soviet-Finnish relations, Ukrainian post-Soviet history writing

Исследование советско-финляндских отношений не было обойдено вниманием украинских историков, занимающихся, в частности, проблематикой участия Украины и украинцев во Второй мировой войне. Эта тенденция стала одним из важнейших приоритетов украинской исторической науки в эпоху становления независимого государства. С распадом Советского Союза для украинских учёных наибольшую актуальность приобрели аспекты, связанные с изучением роли украинцев в войнах и локальных конфликтах Советского Союза (1929–1991). Эти исследования осуществляются с привлечением ранее засекреченных материалов из военных и общественно-политических архивов Российской Федерации и Украины, что прежде было невозможным. Характерными особенностями украинской историографии Второй мировой войны стали поиск новых теоретико-методологических основ для изучения и изложения истории Украины в указанный период, игнорирование ранее доминировавшей партийно-классовой трактовки исторических процессов, а также преподавание истории с учётом концепции украиноцентризма, в национально-государственной перспективе¹. Под украиноцентризмом в данном

¹ См.: Друга світова війна як виклик для української історіографії // Україна модерна. 2008. № 13 (2). С. 13–60; Ресніт О. Друга світова війна та Україна: політичні, соціально-економічні й демографічні наслідки // Українсько-македонський науковий збірник. Київ, 2011. Вип. 5. С. 33-39; Шатовал Ю. Друга світова війна: викладання, дослідження, маніпулювання // Дзеркало тижня: інформаційно-аналітичний тижневик. 2013. № 16. С. 1, 18; Шатовал Ю. Друга світова війна: український контекст // Філософська думка: український науково-теоретичний часопис. 2015. № 4. С. 63–71; Осводло В. І. Друга світова війна у психологічному

случае понимается мировоззренческая и философская позиция, политическая и социально-экономическая концепция, которая базируется на построении собственной самостоятельной логической стратегии с точки зрения реализма и прагматизма, предполагает переосмысление собственной истории и поиск истины, поддержку национального достоинства, защиту национального наследия. Исторические события отныне стали оцениваться и рассматриваться через призму украинской национальной идеи, при этом взаимосвязь с российским имперским и советским прошлым подавалась в весьма негативном контексте.

Отношения между Советским Союзом и Финляндией во время Второй мировой войны в украинской постсоветской историографии долгое время не были предметом тщательного и продуктивного научного исследования. Это объяснялось в первую очередь тем, что значительное число источников после распада СССР оказалось на территории Российской Федерации. В них содержатся сведения, например, о дивизиях и бригадах Киевского, Одесского, Харьковского военных округов, которые принимали участие в Советско-финляндской («Зимней») войне 1939–1940 гг.; в частности, информация о численности этих подразделений, их вооружении, участии в боевых действиях. Материалы по истории второй советско-финляндской войны 1941–1944 гг. также в основном на российской территории: документы по военнослужащим-украинцам, которые принимали участие в боях с финскими и немецкими войсками в дивизиях и бригадах Карельского и Ленинградского фронтов, сведения о потерях, ранениях, числе военнопленных, попавших в финский плен, и т. д. Эти источники сосредоточены в центральных архивах (к примеру, ЦАМО РФ, РГВА, РГАСПИ, РГАЭ, АВП РФ и др.) и научных учреждениях Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска и Мурманска. Указанное обстоятельство не давало украинским историкам полностью осветить и проанализировать в своих исследованиях рассматриваемую проблему.

Следует добавить, что к осложнённому доступу к источникам и научным работам добавилась и негативный политический фон. Последовавшее за т. н. Украинским кризисом 2013–2014 гг. ухудшение российско-украинских отношений привело к сворачиванию ряда некоторых совместных проектов по истории Второй мировой войны. Прервался конструктивный и объёмный диалог между российскими и украинскими учёными. Источниковые комплексы, важные прежде всего для исследований украинских историков и касающиеся напрямую

вимірі // Український психологічний журнал: збірник наукових праць. 2016. № 1. С. 87–103; Про український вимір Другої світової війни // Освіта: офіційне видання М-ва освіти і науки України. 2015. № 20/21. С. 2; Євсєва Г. П., Лисенко Г. І., Волкова С. П. Друга світова війна та Україна: історія і сучасність // Вісник Придніпровської державної академії будівництва та архітектури. 2015. № 9. С. 71–79.

изучения Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., находятся в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины (ЦДАГО України), Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО України) и Центральном государственном кинофотофоноархиве Украины имени Г. С. Пшеничного (ЦДКФФА України ім. Г. С. Пшеничного). Главным образом, это материалы, которые показывают внутреннюю картину общественно-политической жизни советской Украины во время «освободительных походов» 1939–1940 гг., отражают аспекты социально-экономической структуры, культурно-идеологической составляющей населения УССР в 1939–1941 гг.

Украинские историки уделили значительное внимание анализу проблемы вступления СССР во Вторую мировую войну, что вновь привлекло внимание к «украинскому вопросу», который временно исчез с повестки дня после окончания революций и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи. Разработка собственной историографической традиции привела к тому, что в украинской исторической науке произошла смена акцентов и приоритетов. Был изменён и основной подход к изучению войны. С середины 1990-х гг. в Украине начали постепенно отказываться от рассмотрения Второй мировой и Великой Отечественной в качестве двух взаимосвязанных конфликтов, происходивших в 1939–1945 гг.² Согласно новому подходу, вступление Украины во Вторую мировую войну произошло 17 сентября 1939 г. и являлось следствием советско-германского пакта о ненападении (23 августа 1939 г.), который вскоре, 28 сентября, был дополнен договором о дружбе и границе между СССР и Германией. Виновниками войны были официально объявлены преступные нацистский и советский коммунистический режимы, ввергнувшие народы Европы в пучину кровопролитного и ожесточённого конфликта. Украинцы, согласно создаваемой концепции, оказались разделены соперничавшими и в то же время сотрудничавшими тоталитарными режимами. В сложившейся ситуации украинцы воспользовались возможностью для создания собственного независимого государства, поскольку накануне войны территория Украины была разделена между Польшей, Венгрией, Румынией и Советским Союзом. Исходя из этой догмы, украинские историки постепенно отказались от использования в научных работах термина «Великая Отечественная война», и конфликт между нацистской Германией и Советским Союзом стал именоваться «Советско-германской» или «Германо-советской войной». Особое внимание стало уделяться событиям, последовавшим сразу за нападением нацистской Германии на Польшу в сентябре 1939 г., участию СССР в разгроме и ликвидации Польского государства, аннексии стран Балтии,

² Трубайчук А. Ф. Пакт о ненападении: была ли альтернатива второй мировой войне. Киев, 1990; Козлітін В. Д. Друга світова війна 1939–1945 рр.: Навчальний посібник. Харків, 2001.

Румынии, развязыванию агрессивной войны против Финляндии³. При этом подчёркивалось, что украинцы принимали участие в борьбе не только против нацизма и фашизма в 1939–1941 гг., но и против сталинского коммунистического режима, в том числе в составе вооружённых сил Польши, Чехословакии, Финляндии накануне гитлеровской агрессии против СССР в июне 1941 г.

Украинская постсоветская историография значительное внимание уделила изучению внешней политики СССР и внутривосточной ситуации в Советском Союзе накануне и во время Второй мировой войны. Так, рассматривались вопросы, связанные с присоединением (в украинской историографии — аннексией) обширных территорий Восточной Европы (Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, части Финляндии, Бессарабии), с геополитическими устремлениями и административно-общественными комплексами советской политики во время Второй мировой войны. В этот круг дискуссионных вопросов вошли и действия И. Сталина и вообще кремлёвского руководства на присоединённых землях от Белого и Балтийского до Чёрного морей (депортации, обмен и перемещение населения, политические репрессии, этнические чистки, затронувшие поляков, украинцев, белорусов, чехов, румын, финнов, карелов, литовцев, латышей и эстонцев).

В украинской историографии выделяются два периода изучения проблематики советско-финляндских отношений с начала Второй мировой и Зимней войны 1939–1940 гг. до заключения перемирия 19 сентября 1944 г. Первый из них связан с 1991 — началом 2000-х годов, когда происходило становление независимой украинской исторической науки. В этот период изучение истории Второй мировой войны началось с нового ракурса, с украиноцентричных позиций. Тогда был осуществлён отказ от советской версии участия Украины во Второй мировой войне. Второй период — это середина 2000-х гг. — 2010-е гг., когда в научный оборот были введены ранее засекреченные материалы архивов, опубликован ряд источников и материалов, посвящённых Второй мировой войне. Тогда же стало уделяться более

³ Депортації: Західні землі України кінця 30-х — початку 50-х рр.: документи, матеріали, спогади / Відп. ред. Ю. Сливка. Львів, 1996. Т. 1–3; *Гаврилів І. О.* Більшовицький терор на західноукраїнських землях у 1939–1941 рр. // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: збірник наукових праць. 2008. № 612. С. 141–148; *Кучерена М. М.* Волинь: 1939–1941 рр.: Навч. посібник для студ. вищих навч. закладів. Луцьк, 2005. 486 с.; *Кульчицький В., Кондратюк С.* Встановлення радянських органів влади в Західній Україні у 1939–1941 роках // Вісник Львівського університету ім. Івана Франка: Збірник наукових праць. Серія юридична. Львів, 2001. Вип. 36. С. 137–141; Друга світова війна в історичній пам'яті України: за матеріалами Українського інституту національної пам'яті / Відп. ред.: І. Юхновський. Київ; Ніжин, 2010; *Нікітенко К.* Криваве «золото» вересня 1939-го. Радянізація Західної України // Дзеркало тижня: інформаційно-аналітичний тижневик. 2015. № 33. С. 15; *Ніколасць Ю.* Динаміка етнічної та етносоціальної структури населення Галичини на початку другої світової війни (1939–1941 рр.) // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. 2016. № 2. С. 251–271.

пристальное внимание проблеме участия украинцев в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг.

На протяжении 1990–2010-х гг. украинские исследователи создали огромный массив литературы, в которой Советско-финляндская война 1939–1940 гг. выделена в качестве отдельного периода Второй мировой войны. В частности, этой проблемой занимались А. Ф. Трубайчук, М. В. Коваль, И. К. Патриляк, Г. Я. Невинная, И. Т. Муковский, А. Е. Лысенко, В. А. Гриневич, Б. М. Гончар, Н. Гетьманчук, Д. В. Ковалев, П. П. Панченко, В. И. Семененко, А. А. Радченко⁴. Украинские историки переосмыслили вопрос о роли и месте Украины в противостоянии нацистской Германии и СССР, определили украинский вклад в разгром нацизма и фашизма во Второй мировой войне, а также акцентировали внимание на изучении проблемы советско-финляндских отношений в контексте вооруженного противостояния СССР и Финляндии во время Великой Отечественной (в украинской историографии «Германо-советской») войны 1941–1945 гг. Ведущими центрами изучения Советско-финляндской войны стали киевская, днепропетровская, харьковская, львовская историографические школы. Они выделяли этот вооруженный конфликт, определяя в нём роль Украины и «украинского вопроса» накануне и в начальный период Второй мировой войны. В данной

⁴ Трубайчук А. Ф. Друга світова війна: Коротка історія. Київ, 1995; Трубайчук А. Ф. Брудершафт двох диктаторів. Київ, 1993; Трубайчук А. Ф. 1939 рік: До історії радянсько-німецької змови. Київ, 1994; Трубайчук А. Ф. Друга світова: посібник для навч. закладів до курсу «Новітньої історії». Київ, 2004; Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняних війнах (1939–1945). Київ, 1999; Патриляк І. К., Боровик М. А. Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду. Ніжин, 2010; Бадах Ю. Радянсько-фінське дипломатичне протистояння (1939–1940 рр.) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Київ, 2011. Вип. 16. С. 278–293; Комаф (Невинна) Г. Я. Німецько-фінські відносини в 1933–1939 рр.: дис... канд. іст. наук. Чернівці, 2005; Невинна Г. Я. Фінляндія в геополітичній грі Балтійського регіону (міжвоєнний період) // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. 2012. № 21 (246). С. 103–107; Україна-Фінляндія: Збірник наукових статей. Київ-Гельсінкі, 1999; Муковський І. Т., Лисенко О. Є. Звитяга і жертвовність: Українці на фронтах Другої світової війни. Київ, 1996; Гриневич В. А. Українці на Радянсько-фінляндській війні 1939–1940 рр.: специфіка політичних настроїв // Політична історія України. ХХ ст.: У 6 т. / Відп. ред. В. І. Кучер. Київ, 2003. Т. 4. С. 74–79; Гриневич В. А. Суспільно-політичні настрої населення України в роки Другої світової війни (1939–1945 рр.). Київ, 2007; Гриневич В. А. Неприборкане різноголосся: Друга світова війна і суспільно-політичні настрої в Україні. 1939 — червень 1941 рр. Київ; Дніпропетровськ, 2012; Гриневич В. А. Радянсько-фінляндська війна 1939–1940, «Зимова війна» 1939–1940 // Енциклопедія історії України: У 10 т. Київ, 2012. Т. 9. С. 121–122; Гончар Б. М. Радянсько-фінляндська війна 1939–1940 // Українська дипломатична енциклопедія. Київ, 2004. Т. 2. С. 380–381; Гетьманчук М. Радянсько-фінляндська війна 1939–1940 рр. та особливості її відображення в сучасній російській історіографії // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». 2006. № 555. С. 109–116; Україна у Великій війні 1939–1945: науково-популярне видання / Відп. за вип. ред. І. Р. Юхновський. Київ, 2014; Семененко В. П., Радченко А. А. Великая Отечественная война. Как это было.... Белгород; Харьков, 2008; Нікітенко К. У чому сила, брате? 75 років тому розпочалася радянсько-фінська війна // Дзеркало тижня: інформаційно-аналітичний тижневик. 2014. № 45. С. 15; Макаренко А. 71 рік Зимовій війні. Як у карельських снігах загинула елітна українська дивізія // Українська правда. Історична правда [Електронний ресурс]. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2010/11/30/6773/> (30.10.2017).

публикации мы рассмотрим отдельные работы украинских учёных, представляющих, несомненно, глубокий научный интерес для их зарубежных коллег, в первую очередь — из Российской Федерации.

М. В. Коваль одним из первых в Украине попытался переосмыслить концептуальные проблемы Второй мировой войны. Именно ему принадлежит идея рассматривать вступление Украины во Вторую мировую войну не 22 июня 1941 г., а 17 сентября 1939 г. М. В. Коваль стал основоположником традиции, согласно которой Зимняя война (наряду с Польской и Бессарабской кампаниями РККА) стала рассматриваться в качестве одного из конфликтов в рамках Второй мировой войны, напрямую связанного с Украиной. Это отличает работы М. В. Коваля от трудов его украинских коллег, занимающихся изучением того же периода⁵. Причём даже в фундаментальном труде Института истории Национальной академии наук Украины, информации об участии украинцев в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. (как и хотя бы самого краткого освещения конфликта) нет вообще⁶.

По мнению М. В. Коваля, этот конфликт был не просто очередным советско-финляндским локальным военным столкновением накануне германо-советской войны 1941–1945 гг. Он имел далеко идущие последствия, в том числе и для Украины, поскольку в нём принимали участие войска, передислоцированные с её территории, украинцы и выходцы с украинских земель — о чём умалчивалось в советской и российской постсоветской историографии. Однако работы М. В. Коваля не свободны от ошибок. В частности, он указывал, что финляндская армия была лучше вооружена и экипирована, что вряд ли соответствовало действительности⁷. Против примерно 15 финляндских дивизий выступило 6 общевойсковых армий, военно-воздушные силы и военно-морской Балтийский флот СССР. С советской стороны в конфликте участвовало более миллиона человек, в то время как им противостояло 150–250 тысяч финских солдат и офицеров, которые испытывали острую нехватку вооружения и обмундирования, компенсируя это выучкой, дисциплиной, отличным знанием местности. Финские солдаты также страдали от морозов, нехватки продовольствия, но поскольку они оборонялись, а не наступали, им было легче, чем красноармейцам, проводить ротацию личного состава вооруженных сил. М. В. Ковалю принадлежит заслуга привлечения внимания к героизму и трагической гибели 44-й стрелковой дивизии имени Н. Щорса, которая была разгромлена под местечком Суомуссалми в начале

⁵ Брицький П. П. Україна у другій світовій війні (1939–1945 рр.). Чернівці, 1995. 114 с.; Литвин В. Україна в Другій світовій війні (1939–1945). Київ, 2004; Кучер В. І., Чернега П. М. Україна у Другій світовій війні (1939–1945). Київ, 2004.

⁶ Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI ст.: іст. нариси: у 2 кн. / Відпов. ред. В. А. Смолій [та ін.]. Київ, 2011. Кн. 1. 731 с.

⁷ Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняних війнах (1939–1945). С. 25.

января 1940 г.⁸ Дивизию, состоящую из призывников-украинцев, которые не привыкли к подобным климатическим условиям, ждала печальная участь. Исследователь отмечает, что здесь, как и в сентябре 1939 г., проявился жертвенный характер Второй мировой войны для украинцев, которые, по сути, стали жертвами двух диктатур: нацистско-гитлеровской и сталинско-большевистской.

Проделанный М. В. Ковалем анализ военно-политической обстановки в 1939–1941 гг. стал, можно сказать, небольшим прологом к изучению советско-финляндских отношений в годы Второй мировой войны украинскими историками. Продолжателем дела М. В. Коваля стал его ученик А. Е. Лысенко. В своих работах он представил материалы о причинах, ходе и результатах Второй мировой войны и её значении для украинских земель⁹. А. Е. Лысенко проанализировал события, которые, по его мнению, так или иначе были тесно связаны с деятельностью украинцев во время Второй мировой войны. Он и ряд других учёных предложили считать датой вступления Украины во Вторую мировую войну не сентябрь 1939 г., а март 1939 г., когда была провозглашена независимость Карпатской Украины. Именно тогда, по мнению исследователей, к «украинскому вопросу» возник интерес, как у тоталитарных, так и демократических государств. В таком контексте авторы в главе с А. Е. Лысенко предложили рассматривать и Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг., в которой принимали участие и рядовые украинцы, мобилизованные сталинским режимом. В работах этих историков широко показана дипломатическая картина подготовки Советского Союза к предстоящей войне с Финляндией, указывается на связь нацистской Германии и СССР в реализации секретных положений советско-германского пакта о ненападении, подписанного 23 августа 1939 г.

Исследователи рассматривают и подчёркивают тот факт, что Сталин отказался от мирного соглашения с Финляндией, сделав ставку на силовой вариант решения проблемы. К этому его подтолкнула, по мнению авторов, политика «умиротворения агрессоров» и фактическая бездеятельность западных союзников в вопросе германской войны против Польши в сентябре 1939 г. А. Е. Лысенко и его коллеги расценивали развязанную Сталиным войну с Финляндией как агрессивный, локальный конфликт, который имел далеко идущие последствия не только для Советского Союза, но и Украины как его союзной республики¹⁰. Зимняя война, по мнению специалистов, привела к тому, что СССР потерял доверие демократической общественности. Он окончательно дискредитировал себя в её глазах после нападения на Финляндию и аннексии части территории этой страны.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ Друга світова війна в історичній пам'яті України; Україна у Великій війні 1939–1945.

¹⁰ Україна у Великій війні 1939–1945. С. 41.

По мнению А. Е. Лысенко, важным последствием войны стало присоединение Финляндии к нацистско-фашистскому блоку стран «Оси» и т. н. Война-продолжение 1941–1944 гг., когда Финляндия не только вернула утраченные по Московскому договору территории, но и приняла участие в блокаде Ленинграда, в результате которой от голода, холода и болезней умерли сотни тысячи жителей города¹¹. Хотя в финляндской историографии утверждалось, что подобные выводы не имеют смысла, так как Финляндия вела собственную «отдельную войну», «войну-продолжение» (*jatkosota*) против Советского Союза, не являясь политическим и военным союзником нацистской Германии, это утверждение опровергли в своих коллективных монографиях украинские исследователи.

Учитывая украинский след Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., А. Е. Лысенко и его коллеги приводят данные относительно дивизий, сформированных на территории УССР во время конфликта. Они отмечают, что по крайней мере 22 тысячи выходцев с Украины погибли в вооруженном советско-финляндском конфликте, десятки тысяч людей остались инвалидами. Анализируя аспекты германо-советской войны 1941–1945 гг., исследователи проводят параллель с Советско-финляндской войной 1939–1940 гг., указывая, что сталинское руководство фактически использовало «финский опыт» по эвакуации населения и ресурсов в контексте борьбы за украинские земли в 1941–1944 гг.¹² Финская кампания наложила след на дальнейший исход Германо-советской войны, заставив, по мнению А. Е. Лысенко и его коллег, реформировать вооруженные силы и пересмотреть недалекую внешнюю политику, способствуя таким образом победе СССР во Второй мировой войне над нацизмом.

В соавторстве с И. Т. Муковским А. Е. Лысенко еще в середине 1990-х гг. издал научную монографию, где представлена попытка комплексного исследования участия воинов-украинцев в сражениях Второй мировой войны с немецко-нацистскими и японскими оккупантами¹³. Используя богатый архивный материал, исследователи впервые в украинской историографии указали на роль и место во Второй мировой войне простого украинского бойца, участника военных кампаний 1939–1945 гг., причём в составе не только Красной армии, но и националистического подполья, вооружённых силах США, Канады, Франции и других стран. Именно И. Т. Муковский и А. Е. Лысенко впервые рассмотрели и осветили участие именно воинов-украинцев в составе частей Красной армии и партизанско-диверсионных отрядов, которые приняли не только участие

¹¹ Там же. С. 43.

¹² Там же. С. 73.

¹³ *Муковський І. Т., Лисенко О. Є.* Звитяга і жертвність.

в обороне Ленинграда, но и в кровопролитных боях с финляндскими войсками на Карельском перешейке.

Несмотря на то, что основной упор в монографии сделан именно на украинских землях, авторы тем не менее уделили должное внимание участию украинцев в Советско-финляндской войне 1941–1944 гг. Историки опирались, насколько это представлялось возможным, на мощную источниковую базу российских и украинских военных и общественных архивных учреждений. На сегодняшний день, к сожалению, это единственная работа, которая освещает данный вопрос. Более того, в украинской постсоветской историографии замалчивается аспекты, которые бы помогли раскрыть факторы участия украинских солдат в боях за оборону Карелии и Прибалтики. Несомненно, исследованию присущи ошибки (к примеру, используется устаревшая советская терминология и классификация), однако уникальность работы историков, которые использовали российские военные межведомственные архивы, состоит в том, что они трактуют и разбирают факторы участия украинцев и выходцев из Украины в боях против финляндских войск летом 1941 г. Например, авторы описывают боевой путь бойцов 168-й стрелковой дивизии, сражавшихся под Петрозаводском¹⁴. Также учёные делают упор на затяжной и позиционный характер боёв на карельском и кандалакшском направлениях, что несомненно повлияло на морально-психологическое состояние бойцов из Украины, которые вынуждены были сражаться в тяжёлых, непривычных для них климатических условиях. Тем не менее, подчёркивают И. Т. Муковский и А. Е. Лысенко, именно стойкость украинских бойцов стала одним из решающих факторов, который способствовал тому, что Ленинград полностью не был отрезан от остальной территории Советского Союза. Это позволило частично эвакуировать больных и измученных голодом, болезнями и холодом защитников города и его жителей¹⁵. Последние эпизоды борьбы за осаждённый город в январе–августе 1944 г. авторы не рассматривают, останавливаясь на ключевых, по их мнению, моментах попыток прорыва блокады лета 1942 г. и зимы 1943 г., последняя из которых увенчалась успехом¹⁶. Таким образом, указанная работа свидетельствует, что интерес в Украине к советско-финляндскому противостоянию не угас.

Систематизированное изложение основных событий Второй мировой войны представлено в учебном пособии А. Ф. Трубайчука¹⁷, где впервые в независимой Украине, опираясь на широкий круг опубликованных источников и материалов,

¹⁴ Там же. С. 152–153.

¹⁵ Там же. С. 158.

¹⁶ Там же. С. 159, 163–174.

¹⁷ *Трубайчук А. Ф. Друга світова війна.*

подавалась украиноцентричная концепция изложения материала этого масштабного геополитического конфликта. Исследователь впервые в научном поле Украины подошёл к рассмотрению, хотя и схематично, советско-финляндского военно-политического противостояния 1939–1944 гг. А. Ф. Трубайчук через призму советско-германских отношений 1939–1941 гг. показывает международную изоляцию сталинского режима, аннексионистские претензии к руководству Финляндии с целью присоединения страны к СССР или превращению её в просоветский сателлит вроде Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Польши после Второй мировой войны. По мнению исследователя, используя абсолютно идентичные антигуманные и антидемократические методы нацистского режима, Сталин стремился к мировому господству. Однако война с Финляндией, по утверждению А. Ф. Трубайчука, привела к катастрофе и показала отсутствие подготовки СССР к мировой войне с противником нового типа, каким была гитлеровская Германия. Нововведением А. Ф. Трубайчука стала первая попытка подвергнуть критическому анализу официальные цифры многочисленных потерь СССР, в частности в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг.¹⁸

Автор определяет количество убитых, раненых, обмороженных, взятых в плен в 234308 человек¹⁹, не объясняя, однако, по какой методике он вел подсчёт и на какие конкретно источники опирался. В то же время он не детализирует потери были среди выходцев из Украины, которые принимали участие в Зимней войне. А. Ф. Трубайчук делает правильный вывод о последствиях этой войны, показывая значительные территориальные потери Финляндии и демографическую катастрофу — переселение во внутренние области страны более 450 тысяч человек, потерявших дома и рабочие места. Впрочем, по утверждению А. Ф. Трубайчука, сталинский СССР не достиг своих политических целей в войне, так как Финляндия выстояла и сохранила свою независимость и суверенитет. Однако территориальные, демографические, экономические потери стали важной составляющей антисоветского фактора, который приобщил страну к лагерю гитлеровской коалиции государств «Оси». Естественно, это событие подготовило в будущем для СССР блокаду Ленинграда²⁰, потерю части Карелии и Советского Севера в 1941–1944 гг. уже во время следующей Советско-финляндской войны, как составляющей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Разрыв Финляндии с нацистской Германией, как справедливо замечает А. Ф. Трубайчук, произошёл лишь после поражения немецкого вермахта

¹⁸ Там же. С. 17–19.

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ Там же. С. 55, 57, 100.

под Сталинградом в 1943 г., когда руководство страны начало тайные переговоры с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции по поводу выхода страны из Второй мировой войны²¹. Широкомасштабное наступление Красной армии летом 1944 г. от Северного Ледовитого океана до Чёрного моря завершилось подписанием перемирия между СССР и Финляндией, которое прекратило боевые действия между этими странами с 19 сентября 1944 г.²²

Аспектам, связанным с изучением судеб украинских военнопленных во время Советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 гг., посвятили свои работы учёные В. Е. Король, А. С. Чайковский, А. В. Потыльчак.

В. Е. Король²³ пришёл к выводу о том, что Советско-финляндская война зимой 1939–1940 гг. должна была послужить уроком для политического и военного руководства СССР²⁴. Неудачный опыт этой кампании не был учтён и стал причиной катастрофы Красной армии, постигшей её летом 1941 г., что привело к трагедии плена советских военных на оккупированных землях Украины в 1941–1944 гг. Свои выводы В. Е. Король основывал на документах и архивных материалах, которые стали доступными на рубеже 1980-х — 1990-х гг.

Автор приводит судьбу 44-й стрелковой дивизии имени Н. Щорса, которая была полностью окружена и уничтожена в декабре 1939 г. — начале января 1940 г. численно уступавшими ей финскими частями. В. Е. Король отмечает, что «во время войны все госпитали Украины были заполнены ранеными и обмороженными солдатами. Эта война показала всему миру, как ослабла Красная армия вследствие репрессий»²⁵. В. Е. Король не приводит в своем труде количество этнических украинцев, попавших в плен к финнам в 1939–1940 гг., но считает этот вопрос крайне дискуссионным.

Проблему организационно-структурной деятельности советских органов НКВД (МВД), в контексте создания и функционирования режимных учреждений и объектов, касающихся военного плена на территории Украины во время Второй мировой войны, рассмотрел и проанализировал А. В. Потыльчак²⁶, профессор Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова. Ученый впервые в современной украинской историографии уделил внимание вопросам подготовки советского правительства к возможному размещению военнопленных финляндской армии на территории Украины. А. В. Потыльчаком было отмечено,

²¹ Там же. С. 103.

²² Там же. С. 114, 140.

²³ Король В. Ю. Трагедія військовополонених на окупованій території України в 1941–1945 роках. Київ, 2002. 128 с.

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ Там же. С. 15–16.

²⁶ Потыльчак О. В. Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954). Київ, 2004.

что данному обстоятельству помешала быстротечность кампании, удалённость украинских лагерей для военнопленных и интернированных лиц от мест сражений. Однако при этом исследователь указывает, что финским солдатам, попавшим в советский плен, грозила гораздо более печальная участь, чем польским военнопленным после Советско-польской войны (17 сентября — 6 октября 1939 г.)²⁷.

Аспекты, связанные с вопросами подсчёта, режима содержания и охраны военнопленных (интернированных), использования их в принудительных работах, врачебного и санитарного обслуживания, агентуры и следствия, с вопросами репатриации военнопленных и интернированных лиц, раскрыты в исследовании А. С. Чайковского²⁸. Он акцентирует внимание на том, что нацистский и сталинский тоталитарный режимы пренебрегали правами и обязанностями гуманитарных правил в отношении военнопленных во время Второй мировой войны. Финских военнопленных ждала участь взятых в плен польских солдат и офицеров, и только заключение мирного договора с СССР 12 марта 1940 г. избавило их от этого. А. С. Чайковский называет значительно большее число финских пленных (1100 человек)²⁹, нежели в других российских научных изданиях. Возможно, в это количество он включает и гражданских лиц, насильно помещённых в лагерь для военнопленных.

Кроме того, А. С. Чайковский в своём исследовании, посвященном движению Сопротивления на оккупированной нацистами Украине в 1941–1944 гг., показал первопричины, которые, по его мнению, способствовали организации антинацистского Сопротивления. По мнению историка советская власть извлекла военно-политические уроки из Зимней войны. В частности, А. С. Чайковский указывает на то, что в суровых природно-климатических условиях Финляндии Красная армия встретила в том числе и с тактикой использования финнами партизанско-диверсионных отрядов, действовавших в тылу и на коммуникациях РККА. Как отмечает исследователь, «финны использовали собственные возможности и опыт будущих противников (в том числе СССР) и создали хорошо обученные диверсионно-разведывательные и другие специальные подразделения, умело применяли тактику партизанской борьбы и достигли небывалых успехов»³⁰. Финский опыт, как считает А. С. Чайковский, подал Сталину идею использовать партизанское движение во время поражений Красной армии в боях против нацистского вермахта в июне — начале июля 1941 г. Оно использовалось для

²⁷ Там же. С. 38–39.

²⁸ Чайковский А. С. Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.). Київ, 2002.

²⁹ Там же. С. 31, 40.

³⁰ Чайковский А. С. Невідома війна: (Партиз. рух в Україні 1941–1944 рр. мовою документів, очима істориків). Київ, 1994. С. 7.

дестабилизации немецкого тыла и подготовки базы к будущему контрнаступлению советских войск с целью отвоевания оккупированной нацистами территории Советского Союза.

Профессора Киевского национального университета им. Тараса Шевченко И. К. Патриляк и Н. А. Боровик — авторы монографии, которая на сегодняшний день является одной из немногих работ, где чётко выделен аспект участия украинцев в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг.³¹ В издании рассматриваются разработанные советским руководством планы реализации тайного соглашения с нацистской Германией от 23 августа 1939 г., согласно которым СССР получал не только западноукраинские и западнобелорусские земли Восточной Польши, но и Прибалтику вместе с Финляндией. Исследователи пришли к заключению, что именно провал дипломатического нажима на Финляндию привёл Сталина к решению начать войну с Финляндией³². Безусловно, авторы трактуют советско-финляндский вооружённый конфликт как агрессию Советского Союза, за которым последовала дипломатическая изоляция и кратковременное сближение Финляндии с гитлеровским блоком. Со временем оно лишь усилилось, усypив бдительность советского руководства относительно угрозы нацистской агрессии, что, в свою очередь, привело к тяжёлым поражениям летом 1941 г.

В работе тем не менее есть ряд ошибок, которые свидетельствуют о том, что авторы не ставили перед собой задачу досконально изучить и проанализировать советско-финляндский конфликт. В частности, указывается, что тактика Красной армии в боях с финнами была «довольно примитивной» и что «линия Маннергейма» представляла собой отлично подготовленные оборонительные рубежи. На самом деле укрепления на «линии Маннергейма» к началу военных действий осенью 1939 г. сильно устарели и уступали своим аналогам в Западной Европе — «линии Мажино» и «линии Зигфрида». Что касается тактики Красной армии, то до вступления в войну США (декабрь 1941 г.) это была одна из сильнейших и хорошо вооружённых армий мира, равной которой к концу Второй мировой войны являлась армия американская. Недальновидная сталинская внешняя политика, массовые репрессии и политико-психологическая атмосфера, царившая в Советском Союзе, стали одной из причин, которые ярко проявились в войне с Финляндией и сыграли свою печальную роль в начальном периоде советско-германской войны в 1941–1942 гг. Тем не менее исследователи передают в целом правильный анализ участия украинцев в Финляндской кампании, особенно Киевской, Днепропетровской, Житомирской, Каменец-Подольской, Винницкой, Полтавской областей. В работе были использованы устные источники, свидетельства очевидцев, которые

³¹ Патриляк И. К., Боровик М. А. Україна в роки Другої світової війни.

³² Там же. С. 66–72.

непосредственно пережили события жестокой и суровой зимы 1939–1940 гг. или были членами тех семей, призывники из которых принимали участие в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Эти важные свидетельства, приводимые авторами, дают представление о реальных масштабах боев и проблемах Красной армии, связанных с обеспечением рядового состава, эвакуацией раненных, санитарно-эпидемиологическим состоянием на фронте и в тылу Советского Союза, о характере и роде потерь среди военнослужащих в боях с финляндскими войсками.

Написанная харьковскими учеными В. И. Семененко и Л. А. Радченко монография посвящена основным событиям Второй мировой войны³³. В главе «Бесславная война» они трактуют Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. в общем геополитическом контексте Второй мировой войны, не выделяя при этом составляющие «украинского аспекта». По их мнению, после провала советско-финляндских переговоров в Москве осенью 1939 г. СССР решился на агрессию против Суоми с целью «приведения к власти просоветского правительства в Хельсинки»³⁴. Другой причиной, обусловившей начало конфликта, стала заинтересованность Советского Союза в финляндских экономических ресурсах с целью их использования в развязавшейся мировой войне. Авторы полагают, что СССР не хотел усиления своего недавнего союзника, нацистской Германии, которая получала из Скандинавии необходимое количество железной руды, мышьяка, висмута, молибдена, никеля и меди. Причём два последних вида цветных металлов нацисты покупали именно у финнов.

Боевые действия на советско-финляндском фронте авторы рассматривают в основном через призму советских и российских современных научно-исторических исследований. В числе украинских потерь они называют потери курсантов Харьковского пограничного училища, входивших в сформированный майором С. И. Донским ударный полк. При этом в работе не уточняется, сколько и где именно учащиеся военных заведений с территории Украины понесли потери. Тем не менее авторы дают в целом трезвую и правильную оценку событий, акцентируя внимание на внешнеполитическом фоне локального советско-финляндского конфликта и рассматривая его в качестве важной составляющей Второй мировой войны. Главным печальным итогом, по мнению В. И. Семененко и Л. А. Радченко, стало то, что «анализ военных действий в Финляндии убедил Гитлера в слабости Красной армии». Огромные потери, понесённые в наступательных сражениях с финнами, привели к новой волне репрессий, которые

³³ Семененко В. И., Радченко Л. А. Великая Отечественная война. Как это было.... Белгород; Харьков, 2008.

³⁴ Там же. С. 33.

только ухудшили обороноспособность Советского Союза и не способствовали к отражению немецкого удара летом 1941 г., в том числе и на территории Украины.

В монографии В. А. Гриневича сделан упор на авторское переосмысление контекста Второй мировой войны в её «украинском измерении»³⁵. Учёный подверг серьёзной критике тезис советской и российской постсоветской исторической науки про «морально-политическое единство советского общества накануне Второй мировой войны», что, по его мнению, не соответствовало действительности. Украинское общество накануне Советско-германской войны оказалось расколотым, без отсутствия единой национальной идеи. Политические репрессии и массовый голод («Голодомор») 1932–1933 гг. привели к тому, что, по мнению автора, не было сформировано общество с чётко определенной советской идентичностью. В конце концов этот фактор привел к поражению Красной армии на украинских землях летом-осенью 1941 г. Рассматривая Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг., В. А. Гриневич указывает на её международно-правовой характер, на то, что СССР укреплял свои геополитические позиции в Скандинавии и на Балтике, а Финляндия решительно отстаивала свой национальный суверенитет. Как и его коллеги, В. А. Гриневич пишет о попытке создания марионеточного правительства «Финляндской Демократической Республики», которую после победы Красной армии должно было возглавить правительство «новой Финляндии». Попытка использовать «немецкий опыт» (Майнильский инцидент) для быстрой аннексии Финляндии потерпел неудачу. В. А. Гриневич отмечает, что украинское общество, в отличие от Польской кампании, целиком и полностью было «не удовлетворено очередной войной»³⁶. В отличие от Польского и Бессарабского походов эта война не была встречена украинской общественностью с энтузиазмом. Добровольцев в ней, по мнению автора, участвовало мало, а призывники с Украины не стремились погибать в лесах Карелии за «идеалы пролетарской революции в Финляндии».

Более того, опираясь на архивные свидетельства российских военно-исторических архивов, автор прослеживает тенденцию, связанную если не со скрытой поддержкой, то с восхищением военными успехами финнов в боях с Красной армией зимой 1939–1940 гг.³⁷ Причем, по мнению В. А. Гриневича, эти свидетельства носили хотя и не массовый, но и не единичный характер. В отличие от разгромленной нацистами Польши и от слабо сопротивлявшейся Румынии Финляндия стала серьёзным испытанием для советской власти. Объявленная во всеулышание победа вызывала, как считает В. А. Гриневич, большие сомнения в украинском обществе. По мнению историка, такая реакция

³⁵ Гриневич В. А. Неприборкане різноголосся.

³⁶ Там же. С. 92.

³⁷ Там же. С. 92–94.

населения на события в Финляндии привела к тому, что с началом Германско-советской войны 1941–1945 гг. упоминания о Зимней войне фактически исчезли из публикаций и выступлений на политические темы. Власти стремились скрыть действительную картину произошедшего в ходе военного конфликта с Финляндией от украинских граждан Советского Союза, дабы не провоцировать новые скандалы.

Таким образом, рассмотрев освещение советско-финляндских отношений 1939–1944 гг. в украинской постсоветской историографии, можно сказать, что после распада Советского Союза, в условиях обретения независимости, был сделан решительный шаг в изучении Зимней войны. Ранее исследователи рассматривали вооруженный конфликт между СССР и Финляндией как локальное столкновение. Украинские учёные сделали акцент на «украинском факторе» во Второй мировой войне и на таких её составляющих, как военная кампании против Польши в сентябре–октябре 1939 г., война против Финляндии в ноябре 1939 — марте 1940 г. и Бессарабском походе в июне — июле 1940 г.

Можно выделить три ключевых фактора в украинских исторических исследованиях, посвящённых проблеме советско-финляндских отношений: 1) создание независимой историографической традиции, опирающейся на советское прошлое, но тем не менее резко дистанцирующееся от неё и ориентирующейся на европейскую историческую науку; 2) выделение в самостоятельную дисциплину проблемы участия Украины во Второй мировой и Великой Отечественной (Германско-советской или Советско-германской) войнах; 3) Выявление и анализ «украинского вопроса», а отсюда и «украинского фактора», в противовес аналогичным исследованиям в российской и белорусской постсоветской историографии советско-финляндских отношений во время Второй мировой войны, акцентирование внимания на участии Украины и украинцев в войнах и локальных военных конфликтах Советского Союза, как на её начальном этапе (1939–1941 гг.), так и в ходе агрессии нацистской Германии и Финляндии против Советского Союза (1941–1945 гг.). Наконец, отметим, что большой упор в украинских исследованиях сделан не только на военно-политических аспектах конфликта, но и на его международно-правовом статусе, а также на значении Зимней войны и Войны-продолжения для украинской политической истории XX в.

Список литературы

Бадах, Ю. Радянсько-фінське дипломатичне протистояння (1939–1940 рр.) / Ю. Бадах // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика. — Київ, 2011. — Вип. 16. — С. 278–293.

Безсмертя. Книга Пам'яті України 1941–1945 / відп. ред. І. О. Герасимов, І. Т. Муковський, П. П. Панченко, Р. Г. Вишневський. — Київ : Пошуково-видавничче агентство «Книга Пам'яті України», 2000. — 944 с.

Брицький, П. П. Україна у другій світовій війні (1939–1945 рр.) / П. П. Брицький. — Чернівці : Чернівецький державний університет ім. Ю. Федьковича, 1995. — 114 с.

Друга світова війна як виклик для української історіографії // Україна модерна. — 2008. — Число 13 (2). — С. 13–60.

Друга світова війна в історичній пам'яті України: за матеріалами Українського інституту національної пам'яті / відп. ред. І. Юхновський. — Київ ; Ніжин : [Лисенко М. М.], 2010. — 247 с.

Депортації: Західні землі України кінця 30-х — початку 50-х рр. : документи, матеріали, спогади / відп. ред. Юрій Сливка. — Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1996. — Т. 1–3.

В'ятрович, В. Від Рейхстагу до Іводзіми. У полум'ї війни: Україна та українці у Другій світовій / В. В'ятрович, М. Майоров, Я. Примаченко. — Харків : Клуб сімейного дозвілля, 2017. — 352 с.

Гаврилів, І. О. Більшовицький терор на західноукраїнських землях у 1939–1941 рр. / І. О. Гаврилів // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: збірник наукових праць. — 2008. — № 612. — С. 141–148.

Гетьманчук, М. Радянсько-фінляндська війна 1939–1940 рр. та особливості її відображення в сучасній російській історіографії / М. Гетьманчук // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: Збірник наукових праць. — 2006. — № 555. — 109–116.

Гриневич, В. А. Українці на Радянсько-фінляндській війні 1939–1940 рр. : специфіка політичних настроїв / В. А. Гриневич // Політична історія України. ХХ ст.: У 6 т. / відп. ред. В. І. Кучер. — Київ, 2003. — Т. 4. — С. 74–79.

Гриневич, В. А. Суспільно-політичні настрої населення України в роки Другої світової війни (1939–1945 рр.) / В. А. Гриневич. — Київ : Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАНУ, 2007. — 520 с.

Гриневич, В. А. Радянсько-фінляндська війна 1939–1940, «Зимова війна» 1939–1940 / В. А. Гриневич // Енциклопедія історії України: У 10 т. — Київ : Наукова думка, 2012. — Т. 9. — С. 121–122.

Гриневич, В. А. Неприборкане різноголосся: Друга світова війна і суспільно-політичні настрої в Україні. 1939 — червень 1941 рр. / В. А. Гриневич. — Київ ; Дніпропетровськ : Ліра, 2012. — 508 с.

Гончар, Б. М. Радянсько-фінляндська війна 1939–1940 / Б. М. Гончар // Українська дипломатична енциклопедія. — Київ : Знання України, 2004. — Т. 2. — С. 380–381.

Євсєєва, Г. П. Друга світова війна та Україна: історія і сучасність / Г. П. Євсєєва, Г. І. Лисенко, С. П. Волкова // Вісник Придніпровської державної академії будівництва та архітектури. — 2015. — № 9. — С. 71–79.

Зінченко, О. Війна і міф. Невідома Друга світова / О. Зінченко, В. В'ятрович, М. Майоров. — Харків : Клуб Сімейного Дозвілля, 2016. — 272 с.

Коваль, М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняних війнах (1939–1945) / М. В. Коваль. — Київ : Альтернативи, 1999. — 336 с.

Козлітін, В. Д. Друга світова війна 1939–1945 рр.: Навчальний посібник / В. Д. Козлітін. — Харків : РА, 2001. — 356 с.

Комар (Невинна), Г. Я. Співробітництво Німеччини та Фінляндії у військовій сфері в 30–х рр. ХХ ст. / Г. Я. Комар (Невинна) // Вопросы германской истории. — 2004. — С. 198–206.

Комар (Невинна), Г. Я. Німецько-фінські відносини в 1933–1939 рр. : дис. ... канд. іст. Наук / Галина Ярославівна Комар (Невинна). — Чернівці, 2005. — 190 с.

Король, В. Ю. Трагедія військовополонених на окупованій території України в 1941–1944 роках / В. Ю. Король. — Київ : Академія, 2002. — 128 с.

Кучерепа, М. М. Волинь: 1939–1941 рр.: навч. посібник для студ. вищих навч. закладів / М. М. Кучерепа. — Луцьк : Видавництво обласної друкарні, 2005. — 486 с.

Кучер, В. І. Україна у Другій світовій війні (1939–1945) / В. І. Кучер, П. М. Чернега. — Київ : Генеза, 2004. — 272 с.

Кульчицький, В. Встановлення радянських органів влади в Західній Україні у 1939–1941 роках / В. Кульчицький, С. Кондратюк // Вісник Львівського університету ім. Івана Франка : збірник наукових праць. Серія юридична. — 2001. — Вип. 36. — С. 137–141.

Литвин, В. Україна в Другій світовій війні (1939–1945) / В. Литвин. — Київ : Вид. дім «Лі-Терра», 2004. — 464 с.

Макаренко, А. 71 рік Зимовій війні. Як у карельських снігах загнула елітна українська дивізія / А. Макаренко // Українська правда. Історична правда [Електронний ресурс]. — URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2010/11/30/6773/>. — (30. 10. 2017).

Муковський, І. Т. Звитяга і жертовність: Українці на фронтах Другої світової війни / І. Т. Муковський, О. Є. Лисенко. — Київ : Пошук, 1996. — 568 с.

Невинна, Г. Я. Фінляндія в геополітичній грі Балтійського регіону (міжвоєнний період) / Г. Я. Невинна // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. — 2012. — № 21 (246). — С. 103–107.

Нікітенко, К. У чому сила, брате? 75 років тому розпочалася радянсько-фінська війна / К. Нікітенко // Дзеркало тижня: інформаційно-аналітичний тижневик. — 2014. — № 45. — С. 15.

Нікітенко, К. Криваве «золото» вересня 1939-го. Радянізація Західної України / К. Нікітенко // Дзеркало тижня: інформаційно-аналітичний тижневик. — 2015. — № 33. — С. 15.

Ніколаєць, Ю. Динаміка етнічної та етносоціальної структури населення Галичини на початку другої світової війни (1939–1941 рр.) / Ю. Ніколаєць // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. — 2016. — № 2. — С. 251–271.

Осьодло, В. І. Друга світова війна у психологічному вимірі / В. І. Осьодло // Український психологічний журнал: збірник наукових праць. — 2016. — № 1. — С. 87–103.

Патриляк, І. К. Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду / І. К. Патриляк, М. О. Боровик. — Ніжин : Видавець ПП Лисенко М. М., 2010. — 590 с.

Потильчак, О. В. Радянський військовий полон та інтернування в Україні (1939–1954) / О. В. Потильчак. — Київ : Вид-во Нац. пед. ун-ту ім. М. П. Драгоманова, 2004. — 482 с.

Полягли в снігах Суомі : Книга Пам'яті України про громадян, які загинули у воєнних конфліктах за рубежем / відп. ред. І. О. Герасимов, І. Т. Муковський, П. П. Панченко, Р. Г. Вишневський та ін. — Київ : Книга Пам'яті України, 2004. — Т. 2. — 968 с.; 2005. — Т. 3. — 984 с.

Про український вимір Другої світової війни // Освіта: офіційне видання М-ва освіти і науки України. — 2015. — № 20/21. — С. 2.

Реєнт, О. Друга світова війна та Україна: політичні, соціально-економічні й демографічні наслідки / О. Реєнт // Українсько-македонський науковий збірник. — Київ : [б. в.], 2011. — Вип. 5. — С. 33–39.

Трубайчук, А. Ф. Пакт о ненападении: была ли альтернатива второй мировой войне / А. Ф. Трубайчук. — Киев : Молодь, 1990. — 116 с.

Трубайчук, А. Ф. Брудершафт двох диктаторів / А. Ф. Трубайчук. — Київ : Істина, 1993. — 336 с.

Трубайчук, А. Ф. 1939 рік: До історії радянсько-німецької змови / А. Ф. Трубайчук. — Київ : Істина, 1994. — 138 с.

Трубайчук, А. Ф. Друга світова війна. Коротка історія / А. Ф. Трубайчук. — Київ : Наук. думка, 1995. — 192 с.

Трубайчук, А. Ф. Друга світова : посібник для навч. закладів до курсу «Новітньої історії» / А. Ф. Трубайчук. — Київ., 2004. — 344 с.

Україна-Фінляндія: Збірник наукових статей / відп. ред. В. Пилипенко. — Київ ; Гельсінкі : Аквилон-Пресс, 1999. — 200 с.

Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI ст.: іст. нариси: У 2 кн. / відпов. ред. В. А. Смолій (голова) [та ін.]. — Київ : НВП «Видавництво “Наукова думка” НАН України», 2011. — Кн. 1. — 731, [3] с.

Україна у Великій війні 1939–1945: науково-популярне видання / відп. За вип. ред. І. Р. Юхновський. — Київ : Емма, 2014. — 264 с.

Чайковський, А. С. Невідома війна : (Партиз. рух в Україні 1941–1944 рр. мовою документів, очима історика) / А. С. Чайковський. — Київ : Україна, 1994. — 255 с.

Чайковский, А. С. Плен. За чужие и свои грехи (Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг.) / А. С. Чайковский. — Киев: Парламентское издательство, 2002. — 503 с.

Шаповал, Ю. Друга світова війна: викладання, дослідження, маніпулювання // Дзеркало тижня: інформаційно-аналітичний тижневик / Ю. Шаповал. — 2013. — № 16. — С. 1, 18.

Шаповал, Ю. Друга світова війна: український контекст // Філософська думка: український науково-теоретичний часопис / Ю. Шаповал. — 2015. — № 4. — С. 63–71.

Шурхало, Д. Український фактор у Радянсько-фінській війні 1939–1940 років / Д. Шурхало, М. Майоров, І. Гоменюк // Радіо Свобода [Електронний ресурс]. — URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/28180903.html>. — (30.10.2017).

ВАВУЛИНСКАЯ Людмила Ивановна / VAVULINSKAIA Liudmila

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

ludvav@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ДИАЛОГЕ КАРЕЛИИ И ФИНЛЯНДИИ В 1950–1970-е гг.*

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE DIALOGUE BETWEEN KARELIA AND FINLAND, 1950–70s

Abstract: The article summarises the historical experience of intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland in the 1950–70s. The special role of the Karelian branch of the Russia-Finland Society in promoting cultural ties is underlined, as well as that of the sister cities movement in the case of Petrozavodsk and Varkaus. Various forms of international cultural cooperation within the fields of literature, art, media, youth exchanges, publishing, and tourism are described and characterised. The importance of such communication for creating a favorable cultural and psychological climate and for fostering collaboration and intercultural understanding is underscored.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, Финляндия, межкультурная коммуникация, культурные связи, города-побратимы / Karelia, Finland, intercultural communication, cultural connections, sister cities

Исследования по межкультурной коммуникации представителей разных культур и социумов¹ в последнее время приобретают всё большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции. Наряду с экономикой

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011) «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)».

¹ Шамне Н. А. Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2003. № 3. С. 73–80; Галинская И. А. Мультикультурализм и межкультурная коммуникация // Культурология. 2005. № 4 (35). С. 6–10; Царева М. А. Межкультурная коммуникация и диалог культур. Хабаровск, 2006; Могилевич Б. Р. Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 5 (61). С. 383–386; Мосалев Б. Г., Авакова О. В. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 3 (29). С. 40–46; Приходько А. И. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 163–166; Легасова Т. А. Духовная культура и межкультурная коммуникация // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 17. С. 36–38; Костина Н. Ю. Межкультурная коммуникация: к истории изучения проблемы // Профессиональное образование и общество. 2014. № 1 (9). С. 33–36; Красильникова О. С. Межкультурная коммуникация и диалог культур как метод познания чужой культуры // Система ценностей современного общества. 2015. № 40. С. 90–94; Черновицкая Ю. В. Межкультурная коммуникация в современном обществе: на пути к обществу культурного плюрализма // Философия и культура. 2018. № 1 (121). С. 22–31 и др.

и политикой межкультурная коммуникация является важным фактором регуляции как внутренней жизни, так и взаимоотношений между странами. Особый научный интерес представляет исследование проблем межкультурной коммуникации в условиях приграничья, где происходит активное взаимодействие различных культур.

Карелия издревле является пограничным регионом России. Геополитическое расположение края на северо-западном рубеже Российского государства определило многие его особенности. Находясь на границе не только государств, но и культур, цивилизаций, Карелия на протяжении веков восприняла и органически усвоила импульсы как с востока, так и с запада. Лишь в советский период западное влияние было минимальным, но даже в это время в Карелии оно не прекратилось совсем. Всё послевоенное время наша ближайшая соседка — Финляндская Республика была одним из основных внешнеэкономических партнёров СССР, не затухали и приграничная торговля, культурные связи с ней.

Развитию всесторонних связей между Карелией и Финляндией в сфере экономики, культуры, образования, обмена информацией способствовали географическое расположение, сходные климатические условия, большая протяжённость совместной границы, общность истории, близость языков финно-угорских народов, населяющих Север России и Финляндию. В связи с этим особый интерес представляет изучение опыта межкультурной коммуникации между Карелией и Финляндией в 1950–70-е гг., когда закладывались основы новых форм сотрудничества на региональном уровне.

В послевоенные годы в Карелии заметно оживилось развитие национальной культуры и финноязычной литературы. Вновь началось преподавание финского языка в школах республики, в университете была создана кафедра финского языка, учителей финского языка готовил Петрозаводский педагогический институт, на финском языке издавались журнал «Карелия» и газета «Советская Карелия». Возобновилась деятельность финского театра. Заметное оживление в послевоенные годы наблюдалось и в развитии финноязычной литературы Карелии².

Переход к более широким культурным контактам между Карелией и Финляндией происходил постепенно. Этому способствовало улучшение политических взаимоотношений между СССР и Финляндией. Учреждённое в октябре 1944 г. общество «Финляндия — Советский Союз» за 1944–1947 гг.

² Прибалтийско-финские народы России / Отв. редакторы Е.И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 531.

выросло до 174 тысяч человек и имело свои отделения по всей стране³. В 1948 г. между двумя странами был заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который оказал значительное влияние на геополитическую расстановку сил на Севере Европы. На основе этого документа было заключено более 100 договоров и соглашений по различным вопросам взаимоотношений и сотрудничества обоих государств⁴.

Точкой отсчёта новой политической линии стал взаимный экономический интерес. К концу 1970-х гг. СССР был крупнейшим торговым партнером Финляндии, которая находилась в привилегированном положении в этой области, что способствовало быстрому экономическому росту страны. В свою очередь, СССР использовал международные связи для решения пропагандистских, политических, дипломатических и экономических задач. Руководство Советского Союза рассматривало Финляндию как посредника в установлении широких экономических и культурных отношений с североевропейскими странами для достижения успеха в борьбе с капитализмом мирными средствами. В годы «холодной войны» Финляндия была единственной западной страной, связанной с Советским Союзом договором 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Советско-финляндские отношения образовали уникальную модель межгосударственного сотрудничества в условиях конфронтации между Западом и Востоком. Курс Паасикиви — Кекконена стал не только правительственной, но и общенациональной политикой⁵.

Расширение культурных связей между Карелией и Финляндией проходило на фоне изменявшейся общественно-политической обстановки в СССР. Для начала 1950-х гг. было характерно сохранение жесткого администрирования и строгого цензурного контроля, чрезмерная идеологизация литературы и искусства. Опубликованные в начале 1949 г. в газетах «Правда» и «Культура и жизнь» редакционные статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» и «На чуждых позициях» обозначили новый виток борьбы за коммунистическую идейность художественного творчества. В 1951–1952 гг. на бюро ЦК КП(б) Карело-Финской ССР были подвергнуты критике редакция республиканской газеты «Тотуус» за «недостаточную пропаганду преимуществ социалистической системы хозяйства

³ *Барышников Н. И.* Поворот в политике Финляндии в отношении СССР в 1944–1948 гг. // Скандинавские чтения 2004 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2006. С. 173.

⁴ *Петров И. А.* Добрые соседи. Краткий очерк дружественных советско-финляндских отношений. Петрозаводск, 1984. С. 21.

⁵ *Казарян А. Р.* «Линия Кекконена» в истории советско-финляндских отношений // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1 (167). С. 71–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liniya-kekkonena-v-istorii-sovetsko-finlyandskih-otnosheniy> (05.11.2018).

и руководящей роли партии в коммунистическом строительстве», а также редакция журнала «На рубеже» за некритическое отношение к финляндской литературе. В качестве положительного момента в работе ансамбля «Кантеле» отмечалось создание ряда новых современных песен и отказ от песен, «несущих в себе черты западно-финляндской музыкальной культуры»⁶.

В феврале 1952 г. бюро ЦК компартии республики рассмотрело вопрос о репертуаре драматических театров республики. Поставленные Финским драматическим театром пьесы финского писателя М. Лассила «Мудрая дева», «Молодой мельник», инсценировка повести того же автора «Воскресший из мертвых», а также трагедия А. Киви «Куллерво» и инсценировка его романа «Семеро братьев» были названы не отвечающими задачам идеологического воспитания трудящихся. Управлению по делам искусств было предложено усилить контроль за осуществлением репертуарных планов театров, принимать спектакли за пять–шесть дней до премьеры со всесторонним обсуждением их качества. Выразившие своё несогласие с подобной оценкой произведений финских литераторов видные писатели республики А. Тимонен и У. Викстрём на заседании бюро ЦК партии республики 27 сентября 1952 г. были обвинены в попытке поставить культуру финской нации в привилегированное положение по отношению к культуре других народов⁷.

В целях решения пропагандистских задач в республике издавалась политическая литература на финском языке. В 1950–1952 гг. были выпущены 149 тысяч экземпляров трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина⁸. В то же время Карельское книжное издательство знакомило читателей по обе стороны границы с лучшими произведениями финляндской и советской литературы. За 1945–1957 гг. на финском языке было издано 923 книги советских авторов тиражом 3420000 экземпляров и на русском языке 17 произведений писателей Финляндии общим тиражом 404 тысячи экземпляров. Среди них: «За спичками» и «Воскресший из мёртвых» М. Лассила, «Железная дорога» Ю. Ахо, «Сказки» Ц. Топелиуса, «Товарищ, не предавай» Э. Синерво и др.⁹

Однако в связи с преобразованием Карело-Финской ССР в Карельскую автономную республику (1956) и в соответствии с политикой придания русскому языку статуса языка межнационального общения был принят ряд дискриминационных мер в отношении финского языка. Перевод школ на русский

⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. Р-2150. Оп. 1. Д. 262. Л. 4.

⁷ Вавулинская Л. И. Театр и цензура в Карелии в послевоенные годы // Цензура в России: История и современность: Сб. науч. трудов. СПб., 2005. Вып. 2. С. 153–154.

⁸ НАРК. Ф. П-1230. Оп. 62. Д. 13. Л. 191.

⁹ Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–2.

язык обучения (1954) повлек за собой свёртывание подготовки учителей, преподававших на финском языке, были ликвидированы финские отделения в школьном и дошкольном педагогических училищах, позднее закрыто финское отделение Историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета. Функционирование финского языка поддерживалось в той мере, которая создавала определённую видимость государственной заботы о финском языке и о традициях культуры местных финнов.

Публичное осуждение культа личности на XX съезде партии (1956 г.) и изменение общественно-политической обстановки в стране положили начало процессам обновления в обществе, способствовали художественному освоению и осмыслению новых социальных, психологических и нравственных проблем.

Финский драматический театр осуществил постановку пьес финских драматургов Ю. Эркко, Т. Паккалы, Х. Вуолийоки, М. Лассила, А. Киви, М. Кант и др. Заслуженный деятель искусств РСФСР, народный артист Карельской АССР, Суло Туорила, долгие годы являвшийся главным режиссёром Государственного Финского драматического театра (с декабря 1991 г. — Национальный театр Республики Карелия), вспоминал: «Егор Булычов и другие» был показан в Москве во время Декады карельского искусства и литературы в 1959 году, как и спектакль по пьесе Алексиса Киви «Сельские сапожники», поставить который поручили мне. Работал я над этими спектаклями, засучив рукава, страстно и с удовольствием. Оба они были положительно встречены и хорошо оценены в Москве. Это, конечно, не случайно, как и то, что на сцене именно нашего театра такое значительное место заняли, наряду с пьесами основоположника советской литературы Максима Горького, произведения основателя финской реалистической литературы Алексиса Киви. Для меня Киви — неиссякаемый источник, из которого можно черпать жизненную мудрость. Во всяком случае «Семеро братьев», «Сельские сапожники», «Куллерво» и «Обручение» всегда у меня под рукой. Я наслаждаюсь, читая эти произведения. Язык Алексиса Киви звучит в моих ушах, как лучшая поэзия. Богатство чувств и яркость изображения у него не могут не задеть душу и сердце слушателя и зрителя. Не сомневаюсь, что оба этих классика литературы всегда должны быть в репертуаре Финского драматического театра — единственного в СССР»¹⁰.

Яркие запоминающиеся образы создали актеры театра Е. Томберг, первая в Карелии актриса, удостоенная звания народной артистки СССР, народные артисты РСФСР Д. Карпова, Т. Ромпайнен, Ю. Хумпи, Т. Ланкинен, актёр и режиссёр театра, заслуженный деятель искусств РСФСР С. Туорила и др.

¹⁰ Туорила С. На жизненном пути: Воспоминания. Петрозаводск, 1971. С. 59.

В 1957 г. на гастролях в Петрозаводске побывали солисты Финского национального оперного театра Лиза Линко и Йорма Хуттунен. Писатель Я. Ругоев на страницах республиканской газеты «Ленинская правда» высказал пожелание, чтобы гастроли известных финских оперных артистов в Петрозаводске послужили толчком к развитию более тесных культурных связей между Карелией и Финляндией. «Об уровне исполнительского мастерства финских гостей лучше всего говорят теплые аплодисменты зрителей на состоявшихся концертах. Полагаю, что и артистические силы нашей республики могут выступать перед финским зрителем с многосторонней, ценной и интересной для него программой. Об этом свидетельствуют хотя бы выступления наших кантелетистов в Финляндии. Такие взаимные поездки желательно организовать и в будущем. Они способствуют духу взаимопонимания между народами»¹¹.

В 1957 г. в г. Петрозаводске прошёл фестиваль финляндских фильмов, который посетило более 30 тысяч человек. Зрители увидели фильмы «Правосудие», «Соперницы», «Прекрасная Инкери», «За спичками», «Дерзкая девчонка», «Молочница Хилья», «Молодой мельник» и др.

В 1958 г. на экраны республики вышел цветной широкоэкранный фильм «Сампо», созданный кинематографистами студии «Мосфильм» (режиссёр А. Птушко) в сотрудничестве с финскими коллегами студии «Суоми-фильм». В его основу были положены руны «Калевалы», в нём участвовали петрозаводские актёры Т. Ромпайнен, К. Севандер, Э. Хиппилайнен, Е. Мюрюляйнен. Картина была показана во многих городах СССР, Финляндии и других государств.

Важным событием в культурной жизни республики стала Декада карельского искусства и литературы в Москве (август 1959 г.), сыгравшая большую роль в популяризации финноязычного и карельского культурного наследия в Советском Союзе. Во время декады были показаны первый национальный карельский балет «Сампо» (композитор — народный артист РСФСР Г. Н. Синисало, режиссер-постановщик — заслуженный деятель искусств РСФСР И. В. Смирнов), опера «Кумоха» Р. Пергамента, «Снегурочка» А. Островского и др. Народный артист СССР композитор А. И. Хачатурян, оценивая балет «Сампо», писал в газете «Правда»: «Музыка отмечена неповторимостью национального колорита, высоким уровнем композиторской техники, многие ее страницы по-настоящему волнуют»¹². Ансамбль «Кантеле» и самодеятельные коллективы в дни декады исполнили новые музыкальные произведения, созданные композиторами и участниками народных

¹¹ Говорят зрители // Ленинская правда. 1957. 24 марта.

¹² Лапчинский Г. Музыкальная культура Карелии. Л., 1968. С. 93.

хоров Карелии. На выставке изобразительного искусства республики экспонировалось более 500 произведений живописи, скульптуры, графики и прикладного искусства. В 1962 г. балетная труппа Музыкально-драматического театра представила балет «Сампо» на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в г. Хельсинки. Все финляндские газеты выступили с положительными отзывами о балете¹³. Огромный интерес, который вызвал «Сампо» в Хельсинки, позволил вывести межкультурное взаимодействие между Финляндией и Карелией на новый уровень.

1960–1970-е гг. характеризовались дальнейшим упрочением советско-финляндских отношений. Качество культурных обменов во многом зависело от ориентированности на взаимодействие. В августе 1960 г. СССР и Финляндия подписали межправительственное Соглашение о культурном сотрудничестве, которое в дальнейшем конкретизировалось межправительственными Программами сотрудничества в области культуры, науки и образования на очередные пять лет. Международное культурное сотрудничество включало также связи в области средств массовой информации, молодёжных обменов, издательского, музейного, библиотечного и архивного дела, спорта и туризма, а также по линии общественных групп и организаций, творческих союзов и отдельных групп граждан.

«Происходившие в 1960–1980-х гг. многочисленные процессы, — подчёркивает финляндский ученый Т. Вихавайнен, — способствовали исчезновению старого образа врага... Можно считать, что в 1960-х гг. начался период так называемой “финляндизации”, неотъемлемой частью которой были хорошие и даже замечательные отношения с Советским Союзом. Финляндизация была популярной в народе политикой, и с ней в действительности было связано не только соглашательство с Советским Союзом, но и положительное отношение ко всему русскому. В международном ракурсе ситуация была уникальной, и даже с российской стороны финнов считали “почти что нашими”»¹⁴. В значительной степени положительному восприятию Финляндии в СССР способствовал поддерживавшийся советской пропагандой уникальный статус послевоенной Финляндии как «нейтрально-дружественного» государства во время «холодной войны»¹⁵.

¹³ Колосенок С., Моносов И. Культура Советской Карелии. Петрозаводск, 1967. С. 148.

¹⁴ Вихавайнен Т. Из «рюсся» в «советикусъ» — из «советикусов» в русские: Революция в представлении соседей // Два лика России: Сб. статей / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2007. С. 313, 318, 319.

¹⁵ Сенявская Е. С. Участие Финляндии во Второй мировой войне в отражении финской и советской пропаганды и в исторической памяти // Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009: Материалы международной российско-финляндской научной конференции (19–22 октября 2009 года). Петрозаводск, 2009. С. 61.

Укреплялись взаимосвязи литераторов Карелии и Финляндии. Большую роль в этом играло созданное в 1962 г. Карельское отделение общества «СССР — Финляндия», которое возглавил председатель Союза писателей республики Антти Тимонен. Активное участие в работе отделения общества принимали члены правления — представители культуры и науки Карелии: режиссер Финского драматического театра Т. И. Хайми, журналист И. А. Петров, доктор исторических наук И. И. Сюкияйнен и др. В конце 1970-х гг. в состав отделения общества «СССР — Финляндия» входили 33 предприятия, организации и учреждения республики, в том числе Онежский тракторный завод, Шуйско-Виданский леспромхоз, Карельский филиал Академии наук СССР и др.¹⁶

Общества дружбы двух стран выступали организаторами поездок делегаций деятелей культуры и науки, проведения регулярных месячников дружбы. С образованием Карельского отделения общества расширилось издание книг финляндских писателей в Карелии. Карельские писатели и литературоведы вели большую работу по переводам лучших произведений русской классики, современной советской литературы на финский язык. Карельское издательство и журнал «Север» регулярно знакомили читателей с впервые выходящими на русском языке в Карелии произведениями таких финских писателей, как Марtti Ларни, Вяйнё Линна, Пентти Хаанпяя. С января 1961 г. книги на финском языке выпускала финская редакция издательства «Прогресс». В 1965 г. пять тысяч финских подписчиков получали из Карелии журнал «*Punalippu*»¹⁷. В то же время в послевоенные десятилетия возрос интерес к Советскому Союзу в Финляндии, где переводились на финский язык книги советских писателей. В течение 1945–1970 гг. в Финляндии вышло 158 советских книг в финских переводах, в том числе произведения М. Горького, М. Шолохова, В. Распутина, В. Белова и др.¹⁸

В ряде произведений карельских композиторов удачно сочетались традиции русской и мировой симфонической музыки с самобытными карельскими народными мелодиями: в «Вепсской рапсодии», «Песнях Заонежья», сюите из «Северного альбома» Р. Пергамента, «Вариациях на финскую тему», сюите «Карельские картинки» Г. Синисало, «Поморской рапсодии», «Финских танцах» А. Теплицкого, в произведениях Р. К. Раутио, К. Э. Раутио, А. И. Голланда, Л. В. Вишкарёва. Были созданы обработки многих финских народных песен, вошедших в репертуар как профессиональных, так и самодеятельных коллективов республики.

¹⁶ НАРК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 763/3424. Л. 70.

¹⁷ Там же. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1952 а. Л. 153.

¹⁸ Карху Э. Г. Финско-русские литературные связи XIX–XX веков // Многоликая Финляндия: Образ Финляндии и финнов в России: Сб. ст. Великий Новгород, 2004. С. 77–78.

Популярностью у зрителей пользовался финский мужской вокальный ансамбль «Манок».

Основу связей в области культуры составляли артистические и художественные обмены в их традиционных формах гастрольно-концертной деятельности. С 1965 г. Финский драматический театр стал регулярно выезжать на гастроли в Финляндию. Финны с удивлением открыли для себя сильный, с собственной школой, культурой и почерком финноязычный театр из русского Петрозаводска. Гастроли оправдали себя и творчески, и экономически — аншлаги на спектакли в Финляндии вернули в театр петрозаводскую публику, он начал приносить доход¹⁹.

В 1966 г. во время гастролей театра в Финляндии на его спектаклях побывали 5400 зрителей. Освещая итоги пребывания театра в Финляндии, республиканская газета «Ленинская правда» сообщала: «Самое радостное — атмосфера дружбы, в которой проходили гастроли. Это подчеркнул вчера во время встречи участников гастролей с журналистами Карелии главный режиссер театра Т. С. Хайми. Он говорил о теплых встречах в городах Финляндии, о том, что пресса широко освещала ход гастролей, отдавая должное мастерству петрозаводских артистов. И хотя встречи с художественной интеллигенцией свидетельствуют о том, что у нас есть расхождения во взглядах на цели и задачи искусства, стремление понять друг друга было очевидным...»²⁰.

В Финляндии показывали свое мастерство артисты балета Петрозаводского музыкально-драматического театра, группы артистов ансамбля песни и танца «Кантеле» и Карельской государственной филармонии. В свою очередь, в 1960-е гг. в Карелии побывали на гастролях известный в Финляндии ансамбль песни и танца «Кийкурит», хоры из городов Турку, Куопио, Хельсинки, духовой оркестр из г. Коккола, финский народный театр г. Ювяскюля, народный театр г. Пиетарсаари, ансамбль песни и музыки г. Тампере и др.

Культурные контакты между сопредельными регионами были весьма разнообразными. В 1966 г. писатели Карелии приняли участие в международном семинаре в г. Хельсинки, а писатель А. Тимонен провел 15 выступлений в Финляндии на тему «О проблемах советской литературы». Карелию посетили ветераны-антифашисты Финляндии, группы учёных. В течение года проходили матчевые встречи спортсменов по гимнастике, футболу, хоккею и ручному мячу²¹.

¹⁹ Такала П. Р., Спажева П. А. Национальный театр Карелии: вехи истории // Альманах североевропейских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. 2017. Вып. 2. С. 532–559. URL: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=786> (05.11 2018).

²⁰ Во имя общего дела: Интернациональные связи Карелии. 1917–1977 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1970. С. 241.

²¹ НАРК. Ф. Р-689. Оп. 17. Д. 109/839. Л. 84.

В 1968 г. балетмейстер В. Мальми в течение месяца консультировала самодеятельные танцевальные коллективы Финляндии. В рамках достигнутых договоренностей в октябре 1969 г. в Финляндию для ознакомления с постановкой музыкального образования и сбора материалов о советско-финских музыкальных связях выезжал директор Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории Г. И. Лапчинский. В Карелии побывал главный редактор журнала «*Ajankuvat*», органа общества «Финляндия — СССР», О. Хелин, подготовивший ряд интересных очерков о Карелии, а также документальный фильм, который демонстрировался по финскому телевидению. Премия Союза журналистов Карелии за 1968 г. была присуждена Т. Э. Пертту за опубликованный в ноябре 1968 г. в газете «*Newosto-Karjala*» цикл очерков о Финляндии «У наших соседей»²².

В июле 1970 г. в Финляндии прошли гастроли Государственного ансамбля песни и танца КАССР «Кантеле». Было дано десять концертов, на которых присутствовало 7590 зрителей. «Несмотря на сложность нынешней политической обстановки в Финляндии по отношению к нам мы не чувствовали никаких враждебных выпадов, никаких попыток к провокационным выступлениям, — подчёркивал руководитель делегации и гастролей, инспектор по искусству Министерства культуры Карельской АССР С. В. Колосенок. — В Финляндии мы встречались с различными людьми, представителями разных слоев общества: с рабочими, интеллигенцией, молодежью, служащими, руководителями городов и поселков. Все они выражали симпатии к нашей стране, одни восторженно, другие — холодно, но вежливо»²³.

С 24 сентября по 8 октября 1971 г. на гастролях в Финляндии находился Петрозаводский государственный финский драматический театр. Актеры побывали в 15 городах и дали 16 спектаклей, которые посмотрели 3500 зрителей. Более 30 газет Финляндии откликнулись на выступления театра. Театр представил финскому зрителю пьесу лауреата Государственной премии Карельской АССР А. Н. Тимонена «Примешь ли меня, земля карельская?», в основу которой легли подлинные исторические события первых лет становления советской власти, происходившие на севере Карелии. Приветствуя после представления актеров из Карелии, заместитель мэра города-побратима Петрозаводска Варкауса отметил: «Несмотря на то, что на протяжении всего спектакля на сцене идет война, в зале все время думаешь о мире. Как хорошо, что горькие страницы взаимоотношений между нашими государствами, подобные той, о которой напомнил писатель Тимонен,

²² Там же. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 45. Л. 43–46.

²³ Там же. Л. 35, 37–38.

остались позади. История многому научила нас»²⁴. Пьеса вызвала интерес и живое обсуждение на страницах печати и в других городах Финляндии: Пори, Тампере, Ювяскюля, Куопио, Пиетарсаари и Хельсинки. «Уверен, тема спектакля еще не раз всплывет в разговорах жителей нашего города, вызовет споры, но это и интересно, — заметил житель города Пори, бывший член парламента от Коммунистической партии Финляндии. — Ваш спектакль — с точным прицелом и бьет в цель. Всем своим ходом он выбивает козырь из рук тех, кто ждал скандала и утверждал, что ваше искусство — чистая пропаганда». Импонировало зрителям и то обстоятельство, что актёры из Карелии играли на близком им языке и владели им безупречно. «И до вас были у нас гастролеры из других стран, — высказывались жители рабочего поселка Ямса, — а запомнились вы: вас мы не только видели, но слышали, не было языкового барьера»²⁵.

Финляндский ученый Вильо Расила справедливо замечает: «Если в Финляндии 1950-х гг. еще весьма критически относились к советской системе, то в 1970-е гг. количество восторженных оценок в отношении Советского Союза неизмеримо выросло. Одновременно с радикализацией студенчества происходил процесс радикализации литературы и, прежде всего, театра. К существующим старым коллективам добавлялись новые театральные труппы, у которых были, к примеру, такие названия как КОМ-театр или вокальный ансамбль “Агитпроп”, прямо указывавшие на агитацию левого толка. Одновременно родились разнообразные песни протеста, критиковавшие общественную систему капитализма и требовавшие ее ликвидации. Но это революционное брожение было не более чем мелкой зыбью на ровной поверхности»²⁶.

Естественно, что власти Карелии были заинтересованы в гастролях коллективов, пропагандирующих демократические идеи. В 1972 г. в Петрозаводск приезжали артисты КОМ-театра из Финляндии. Эти спектакли явились первыми гастролями театра в Советском Союзе. Зрители столицы Карелии познакомились с политическим спектаклем-памфлетом «Финляндский король». Побывавшая на представлении писательница Т. Викстрём так отзывалась о постановке КОМ-театра: «Представление пронизано идеями демократии, симпатиями к простым людям Финляндии, направлено против монархии и произвола, против войны»²⁷. В 1974 г. во время новой гастрольной поездки гости из Финляндии представили две программы: «Песни борьбы», включавшую революционные песни и произведения

²⁴ Штыков А. С миссией дружбы // Ленинская правда. 1971. 4 ноября.

²⁵ Там же.

²⁶ Расила В. История Финляндии / Пер. с фин. и науч. ред. А. В. Суни. 2-е изд., перераб. и доп. Петрозаводск, 2006. С. 319.

²⁷ Викстрём Т. Вместе с рабочим классом: «Финский король» на сцене ком-театра // Ленинская правда. 1972. 15 января.

советских композиторов, и «Всё изменится», которая была посвящена судьбе чилийского народного певца Виктора Хары, казнённого фашистами на стадионе Сантьяго в сентябре 1973 г.

В 1974 г. на гастроли в Финляндию выезжал Петрозаводский кукольный театр. Он показал спектакль «Карельский сувенир», который был создан на основе пьесы заслуженного артиста КАССР Ю. Андреева «Красавица Насто». Вместо шести запланированных спектаклей состоялось 14. Директор одной из хельсинкских школ сказал, обращаясь к актерам театра: «Вы настолько завоевали сердца наших детей, что мы не знаем, как их вернуть себе»²⁸.

Вошло в практику приглашение финских режиссеров для постановки спектаклей в театрах республики. Курт Нуотио поставил в Финском драматическом театре спектакль по пьесе А. Миллера «Охота на ведьм» (1968), Сакари Пурунен осуществил в том же театре постановку спектакля по пьесе Ж. Ануя «Жаворонок». Многие пришлось осваивать: и незнакомый быт, и поиск своеобразных характеров персонажей, и трудность общения с режиссёром через переводчика. Финский режиссер Вилхо Сиивола поставил в Русском драматическом театре спектакль по пьесе А. Киви «Сапожники из Нумми» (1971). Петрозаводские зрители высоко оценили новые творческие удачи театральных коллективов. Главный режиссёр Финского драматического театра Суло Туорила, рассуждая о сотрудничестве с финскими режиссерами, отмечал: «Конечно, наш театр приглашает на отдельные постановки режиссеров из других театров, и это следует приветствовать. Такое общение обогащает и актеров, и репертуар. И пусть порой творческие позиции приглашаемых режиссеров в чем-то не совпадают с традициями театра, все же новый почерк, новые методы всегда идут ему на пользу»²⁹.

В 1977 г. петрозаводский режиссёр Тойво Хайми был приглашен в Финляндию для постановки пьесы «Сталевары» Г. Бокарева в театре г. Оулу. В финской прессе было много откликов на премьеру спектакля. В частности, газета «*Kaleva*» в статье «Монумент рабочей морали и советскому человеку» писала: «...для зрителей городского театра Оулу впервые представилась возможность по-настоящему близко познакомиться с советским человеком, его жизнью и образом мыслей. Сначала трудно сказать, что из этого получится, но постепенно начинает вырисовываться единое целое, которое преобразуется во впечатляющее произведение искусства... Несмотря на то, что в пьесе изображен иной общественный строй, “Сталевары”

²⁸ 12 дней на земле Суоми // Там же. 1974. 28 сентября.

²⁹ Туорила С. На жизненном пути. С. 88.

не являются экзотическим приветом из-за границы. Они дают нам много материала для размышлений о рабочей морали и профессиональной этике»³⁰.

В 1977 г. в Петрозаводске побывал на гастролях театр из г. Куопио. Об укреплении творческих связей театральных коллективов двух стран свидетельствовал тот факт, что 1978 г. был объявлен в Финляндии годом советской драматургии. 15 профессиональных театров Финляндии включили в свой репертуар произведения советских драматургов.

Культурные обмены плодотворно осуществлялись между музыкальными коллективами Карелии и Финляндии. В 1975 г. группа преподавателей и студентов Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова посетила Финляндию, где выступила с концертами. Финскому слушателю были представлены произведения советских композиторов, обработки русских народных песен. Поездке предшествовала переписка с консерваторией г. Ювяскюля, завязавшаяся в конце 1974 г. Сотрудники консерваторий обменивались информацией, рассказывали об истории и традициях учебных заведений. В апреле 1976 г. в Петрозаводске состоялись гастроли концертной группы Союза демократической молодежи Финляндии «Молодые товарищи Куопио», в репертуаре которой были песни революционной тематики, песни протеста, а также народные и современные. С этими песнями солисты ансамбля выступали на митингах, рабочих праздниках, собраниях финских левых организаций.

Разносторонние связи осуществлялись между финским и карельским радио. В 1959 г. в объёме ежедневного вещания Карельского радио редакции вещания на финском языке отводилось в среднем 46 минут в день, в то время как редакции «Последних известий» — 13 минут, редакции пропаганды и передач для молодёжи — 30 минут, экономической редакции — 17 минут. Значительная нагрузка на редакцию финского вещания объяснялась тем, что она в основном переводила материалы, подготовленные на русском языке³¹. С 1967 г. между Государственным комитетом Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению и Финляндским радио действовало соглашение о сотрудничестве. На его основе происходил регулярный обмен радио и телевизионными программами, документальными, научно-популярными и художественными фильмами, сценариями, передачами концертного плана.

В 1968 г. в Финляндию выезжали редакторы карельского радио Т. Макарова и И. Никитин, подготовившие передачу «По ленинским местам Финляндии». В том же году с работой финского радио и телевидения познакомились председатель Комитета телевидения и радиовещания при Совете министров

³⁰ Копылов Э. Телеграмма из Оулу // Ленинская правда. 1978. 22 марта.

³¹ НАРК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 112. Л. 4.

республики П. Сепсяков и редактор Х. Мартикайнен. Несколько раз приезжал в Петрозаводск радиожурналист Унто Миэттинен, подготовивший два цикла передач о Карелии, которые транслировались по финскому радио. Журналисты финского радио произвели в Петрозаводске несколько записей спектаклей в исполнении артистов Финского драматического театра, в том числе «Егерь» А. П. Чехова, «Примешь ли меня, земля карельская?» А. Н. Тимонена и др. В 1969 г. в Петрозаводск приезжала группа финских радиожурналистов, встречавшаяся с журналистами Карелии и интеллигенцией Петрозаводска, а также глава финского радио Э. Репо, который ознакомился с работой карельского радио и телевидения.

О растущем интересе финского читателя к жизни соседней республики свидетельствовал рост тиражей массовой печати. В 1980 г. газета «*Newosto-Karjala*» («Советская Карелия»), издававшаяся на финском языке тиражом более семи тысяч экземпляров, по подписке поставлялась в Финляндию и другие страны, журнал «*Punalippu*» в Финляндии получали восемь с половиной тысяч читателей³².

Успешно развивались связи между учёными из Карелии и Финляндии, встречавшимися на совместных семинарах и симпозиумах. Петрозаводский государственный университет сотрудничал с университетами Хельсинки и Турку, Петрозаводский филиал Ленинградской государственной консерватории — с консерваторией г. Ювяскюля.

Благоприятная политическая обстановка способствовала развитию туризма. В 1966 г. в Финляндии побывало в организованном порядке 110 туристов из Карелии. Кроме того, по вызовам родственников и другим причинам туда выезжало около 300 частных лиц. В то же время Карелию посетили около 300 туристов из Финляндии³³. Сотрудничество в сфере туризма достигло расцвета к концу 1980-х гг., когда количество побывавших друг у друга туристов по обе стороны границы достигало 500 человек в год³⁴.

В 1962 г. было подписано соглашение между комитетами молодёжных организаций СССР и Финляндии. На его основе установились связи между комсомольской организацией Карелии и финляндскими молодёжными организациями. В 1966 г. свыше 130 молодых людей из Карелии приняли участие в поездке традиционного молодежного поезда «Дружба», которая проводилась ежегодно в годовщину подписания Договора о взаимной помощи, дружбе и сотрудничестве между СССР и Финляндией. Как правило, путевки участникам поездки выделялись в награду за успешную учёбу, работу, активную общественную

³² Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 763/3424. Л. 31.

³³ Там же. Ф. Р-689. Оп. 17. Д. 839. Л. 85.

³⁴ Петрозаводск — Варкаус — города-побратимы. Петрозаводск. 2005. С. 26.

деятельность. Поезда «Дружбы» стали новой формой туристского обмена на безвалютной основе, целью которого было ознакомление с историко-культурным наследием сопредельных регионов. В содержательном плане международный туризм интегрировал научно-образовательный, культурно-познавательный, экологический, этнографический виды туризма как единые кросс-культурные коммуникации³⁵.

Группы финских пионеров в 1965–1966 гг. отдыхали в пионерских лагерях Карелии³⁶. Петрозаводский дворец пионеров поддерживал переписку с пионерами ряда финских городов, принимал у себя гостей-пионеров. Такие же мероприятия проводились в Речном училище, лесотехникуме, ГПТУ № 18.

Значительным событием в политической и культурной жизни республики стала организация в августе 1967 г. по инициативе ЦК ВЛКСМ лагеря дружбы советской и финской молодежи (по случаю 50-летия Октябрьской социалистической революции и 50-летия независимости Финляндии). Лагерь открылся в местечке Лососинное под Петрозаводском и работал в течение 13 дней. В числе его участников были представители молодежи Москвы, Ленинграда, Мурманска, Эстонии, Латвии, а также финская делегация, насчитывавшая более 200 человек. Молодёжи представилась возможность общаться друг с другом в неформальной обстановке, установить прочные дружеские контакты. Не обошлось и без идеологических споров: гость из Финляндии Илпо Саупио принял участие в дискуссии о путях развития литературы и искусства и высказался в том духе, что и «Битлз», и Джеймс Бонд, и симфонии Сибелиуса, и самые разные формалистические течения в буржуазном искусстве имеют право на существование только потому, что хоть кому-то по вкусу. Эта мысль тотчас же получила отповедь в молодёжной республиканской прессе: «Понятно, что такая точка зрения неприемлема для советской молодежи и не только для нее»³⁷.

Участники лагеря дружбы с финской стороны так высказывались о его результатах:

«Сеппо Ярвинен: Лагерь мира и дружбы оправдал свое название. Личными отношениями помогаем развитию дружбы между странами. Значение лагеря важно потому, что известия отсюда распространяются по всей Финляндии и Советскому Союзу именно молодежью и в среду молодежи...

Арто Екинэн: ...хотя и были затруднения в языке, все-таки лагерь был хорошим фундаментом дружбы между нашими странами. Нельзя допустить, чтобы

³⁵ Никулина Т. В. Побратимские связи Карелии и Финляндии в 1960-1980-е годы и развитие международного туризма // Россия и Финляндия в многополярном мире. С. 91.

³⁶ НАРК. Ф. Р-689. Оп. 17. Д. 839. Л. 85.

³⁷ Спектор Т. Шишка под спиной: Как в 60-х финны прививали нам эротическую культуру // Вести Карелии. 2001. № 6. 26 апреля — 2 мая.

этот факел затух, потому что мы высоко несем эту дружбу. Мы надеемся увидеть вас в Финляндии...»³⁸.

Большое внимание уделялось культурному обслуживанию финских строителей, участвовавших в строительстве Костомукшского горно-обогатительного комбината и Пяозерского леспромхоза. Для них был организован показ советских кинофильмов, работала передвижная библиотека. Перед рабочими выступали коллективы ансамбля «Кантеле», Петрозаводского финского драматического театра, Калевальского народного хора, Чупинского клуба «Горняк» и др.

Существенную роль в разрушении существовавших барьеров между СССР и Финляндией, в потеплении международной обстановки и закладывании фундамента прочного добрососедского сотрудничества в различных областях сыграли побратимские связи городов Петрозаводска и Варкауса. Соглашение между двумя городами было заключено 18 августа 1965 г. Побратимские связи обозначили зарождение новых форм межгосударственных отношений, осуществлявшихся не только на официальном, но и местном, региональном, личном уровнях.

На первом этапе отношений шёл в основном обмен официальными делегациями. В 1965–1966 гг. в Петрозаводске трижды побывали делегации муниципалитета г. Варкауса, с ответным визитом выезжала делегация Петрозаводского городского совета. Побратимство в тот период являлось в первую очередь элементом внешней политики Советского Союза, и отношения между городами носили политико-культурный характер.

Особенно оживлённый взаимообмен происходил в области культуры и искусства. Ежегодно согласовывались планы дружеских культурных связей. В Варкаусе побывали многие профессиональные и самодеятельные творческие коллективы Карелии, демонстрировались фото- и художественные выставки. В свою очередь, петрозаводчане знакомились с искусством артистов и художников Варкауса. Расширялись контакты между молодежными, женскими, профсоюзными организациями, учебными заведениями, творческими коллективами. Сотни петрозаводчан и жителей Варкауса побывали друг у друга в гостях.

В декабре 1966 г. в Варкаусе прошла выставка произведений карельских художников, на которой было представлено 49 произведений живописи, графики и скульптуры. В 1967 г. в Петрозаводске была организована выставка работ художников из Варкауса, где экспонировалось более 70 картин. Состоялись встречи с художниками, обмен мнениями, критический разбор произведений. Всего выставку посетили 3746 человек, в том числе туристы из разных городов СССР. В числе

³⁸ Во имя общего дела... С. 222.

отзывов о выставке были следующие: «Выставка интересна. Благодарим за большой труд по устройству выставки. Культурный обмен между городами-побратимами Петрозаводском и Варкаусом следует широко развивать и дальше»³⁹.

В постановлении комиссии Верховного Совета Российской Федерации по иностранным делам в 1969 г. среди 50 городов, областей и краев России, установивших постоянные контакты со 108 зарубежными городами, был особо отмечен наряду с Москвой, Ленинградом и Хабаровском опыт Петрозаводска и Варкауса⁴⁰.

В 1970-е гг. между городами-побратимами расширился обмен делегациями, художественными коллективами, спортивными командами, группами учёных, молодёжи и туристов, информационными материалами. Ежегодно приезжали творческие и спортивные коллективы, проводились лыжные, хоккейные, футбольные соревнования и состязания по подледному лову, организовывались фотовыставки. Международные контакты способствовали расширению представлений о культуре, образе жизни, духовном мире людей разных стран, обеспечивали взаимопонимание между ними. Для многих жителей Петрозаводска прямые контакты с жителями Варкауса в течение долгих лет были единственной возможностью познакомиться с жизнью обычных людей по ту сторону границы, расширить свой кругозор.

Традиционными стали Дни дружбы. Во время проведения Дней Петрозаводска в Варкаусе (3–9 июля 1972 г.) демонстрировался кинофильм «Советская Карелия», выпущенный к 50-летию образования Карельской АССР. На премьере присутствовало около 300 зрителей. Было высказано пожелание о дублировании текста фильма на финский язык и его показе в различных городах Финляндии через центральное общество финско-советской дружбы. На встречах и концертах во время Дней Петрозаводска в Варкаусе присутствовало около десяти с половиной тысяч человек, или почти каждый второй житель Варкауса⁴¹.

В то же время имели место случаи использования установившихся культурных связей в целях привлечения населения для проведения определённых мероприятий. Так, осенью 1970 г. группа актеров ансамбля «Кантеле» и педагогов музыкального училища в течение 34 дней выступала с концертами в Финляндии во время отчётной кампании демократического кооператива «Еланто». На концертах присутствовали 6330 зрителей⁴². В отчёте о поездке инспектор по искусству Министерства культуры КАССР С. Колосенок отметил: «Иногда нам казалось, что мы здесь не нужны.

³⁹ НАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 115/1042а. Л. 4; Д. 116/1042/б. Л. 155.

⁴⁰ Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 1850а. Л. 6.

⁴¹ Там же. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 173/1312. Л. 53.

⁴² *Колосенок С.* Встречи в Лапландии. Путевые заметки // Ленинская правда. 1970. 9 октября.

Возглавлявший нашу группу представитель центрального правления кооператива «Еланто» из г. Хельсинки заявил как-то нам, что главное в этих кооперативных праздниках — это отчет кооператива, а концерт — это как бы бесплатный подарок пайщикам. Видимо, концерты им нужны, чтобы собрать больше пайщиков для выслушивания отчета, своего рода — приманка». При подведении итогов гастролей в Хельсинки представитель зам. генерального секретаря общества «Финляндия — СССР» Э. Салми сказал: «Это очень приятно, что Вы, несмотря на трудности, сумели завоевать симпатии финских зрителей. Ведь в тех местах, где Вы выступали, никто никогда не приезжает...»⁴³. Многие зрители по достоинству оценили выступления артистов из Карелии. Один из руководителей кооператива в Оулу Анти Пяккеля заявил: «Ваши концерты — не только проявление дружбы, они дают большую пищу для простых людей, они их идейно поднимают. Вот почему мы рассматриваем их не как развлечение после отчетного доклада, а как событие, имеющее большое воспитательное значение»⁴⁴.

Однако общественное мнение в самой Финляндии не столь однозначно воспринимало курс «Паасикиви — Кекконена», что также предопределило сложности, возникавшие в ходе межкультурной коммуникации сопредельных регионов. Так, в дополнении к отчёту о поездке ансамбля «Кантеле» в Финляндию в июле 1970 г. говорилось о бывшем члене парламента, старом коммунисте, который сетовал на то, что руководство компартии Финляндии стремится изолировать финских коммунистов от приезжающих в страну советских людей⁴⁵.

Нередко международное сотрудничество сдерживалось факторами политического порядка и бюрократическими препонами. На цензорском совещании Управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров КАССР 25 декабря 1968 г. указывалось на необходимость строго контролировать журнал «*Punalippu*» и газету «*Neuvosto-Karjala*», телевизионные передачи через Таллин на Финляндию⁴⁶. Сохранялся строгий контроль за составом делегаций, выезжавших за границу, поскольку одной из главных целей международного сотрудничества для СССР являлась пропаганда советского строя и образа жизни советских людей. В постановлении Комиссии по иностранным делам Верховного Совета РСФСР, рассмотревшей вопрос о развитии дружественных связей исполкомов городских советов депутатов трудящихся РСФСР с муниципальными органами городов зарубежных стран (22 декабря 1969 г.) как недостаток отмечался тот факт,

⁴³ НАРК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 45. Л. 27-28.

⁴⁴ Колосенок С. Встречи в Лапландии...

⁴⁵ НАРК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 45. Л. 39.

⁴⁶ Там же. Ф. Р-757. Оп. 4. Д. 32. Л. 39-40.

что в зарубежных поездках зачастую не использовались возможности ведения активной информационно-пропагандистской работы среди различных слоёв населения соответствующих стран⁴⁷.

Как вспоминает Виктор Талбонен, работавший в 1970-е гг. инструктором исполкома Петрозаводского городского Совета, были, конечно, и определённые трудности. В те времена существовала очень сложная процедура принятия решений, каждое действие приходилось согласовывать (с партийными органами)⁴⁸. О том же говорится в воспоминаниях Заслуженной артистки Карелии, заведующей труппой Финского драматического театра Е. Корниловой: «...в то время была жуткая цензура. Прежде, чем худсовет утвердит пьесу, аннотацию на нее относили в обком партии...Мы ничего не могли сделать. Репертуар диктовался обкомом партии. К финским комедиям меньше придирались — там политики-то не было. Страдала обычно советская драматургия... Хорошо, что у нас работали финские режиссеры — они, как доноры, вливали новую кровь в театр. Глотком свежего воздуха в 60–70-х годах для нас были также гастроли, особенно в Ленинград, в Эстонию и Финляндию»⁴⁹.

Серьёзным препятствием для расширения контактов на уровне различных делегаций служила ограниченность бюджетов городских органов власти. Во время беседы с представителями Финляндии по поводу осуществления культурных связей (29 июня 1970 г.) министр культуры Карелии А. Н. Колмовский отметил: «К нам в Карелию приезжали два ваших народных театра — из гг. Пиетарсаари и Ювяскюля. Мы готовы принять и другие такие же театры. Но это все же театры самодеятельные, художественное качество которых недостаточно высокое» Министр высказал пожелание, чтобы в Карелию приезжали и высококвалифицированные коллективы⁵⁰.

Не были налажены непосредственные связи между творческими коллективами городов-побратимов, так как приём в Петрозаводске творческих коллективов из Финляндии, а также направление их из Петрозаводска в Финляндию осуществлялось в централизованном порядке Министерством культуры СССР и РСФСР без учета побратимских связей. Ряд предложений городов-побратимов не был утверждён Ассоциацией по связям советских и зарубежных городов. Председатель Варкаусского отделения общества «Финляндия — СССР» Пентти Тюрвяйнен, являвшийся заместителем директора театра Варкауса, в 1972 г. высказывал недовольство тем, что театру не была предоставлена возможность

⁴⁷ Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 1850-а. Л. 6.

⁴⁸ Петрозаводск — Варкаус — города-побратимы. С. 44.

⁴⁹ Театр, который выжил... // Губерния. 2002. 23–29 октября.

⁵⁰ НАРК. Ф. Р-243. Оп. 1. Д. 45. Л. 33.

совершить гастрольную поездку в Петрозаводск⁵¹. Трудности с финансированием совместных мероприятий привели к сокращению контактов по ряду направлений.

Таким образом, улучшение политических взаимоотношений между СССР и Финляндией в 1950–70-е гг. явилось важным условием расширения межкультурной коммуникации между сопредельными регионами. Со своей стороны, сфера культурного сотрудничества оказывала активное и глубокое влияние на формирование устойчивого благоприятного культурно-психологического климата, способствовавшего сотрудничеству и взаимопониманию. Сосуществование и взаимодействие культур, отличных по своим социальным признакам и традициям, являлось важным фактором их взаимообогащения и дальнейшего развития.

Список литературы

Барышников, Н. И. Поворот в политике Финляндии в отношении СССР в 1944–1948 гг. / Н. И. Барышников // Скандинавские чтения 2004 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. — Санкт-Петербург : Кунсткамера, 2006. — С. 172–175.

Вавулинская, Л. И. Театр и цензура в Карелии в послевоенные годы / Л. И. Вавулинская // Цензура в России: история и современность: сб. науч. трудов. — Санкт-Петербург : Изд-во Рос. нац. б-ки, 2005. — Вып. 2. — С. 150–157.

Вихавайнен, Т. Из «рюсся» в «советикусы» — из «советикусов» в русские: революция в представлении соседей / Т. Вихавайнен // Два лика России: сб. статей / под ред. Т. Вихавайнена). — Санкт-Петербург : Издательство Европейский дом, 2007. — С. 305–320.

Галинская, И. Л. Мультикультурализм и межкультурная коммуникация / И, Л. Галинская // Культурология. — 2005. — № 4 (35). — С. 6–10.

Казарян, А. Р. «Линия Кекконена» в истории советско-финляндских отношений / А. Р. Казарян // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2013. — № 1 (167). — С. 71–74. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/liniya-kekkonena-v-istorii-sovetsko-finlyandskih-otnosheniy>. — (05.11.2018).

Карху, Э. Г. Финско-русские литературные связи XIX–XX веков / Э. Г. Карху // Многоликая Финляндия: образ Финляндии и финнов в России: сб. ст. — Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004. — С. 43–88.

Колосенок, С. Культура Советской Карелии / С. Колосенок, И. Моносов. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1967. — 156 с.

⁵¹ Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 2105. Л. 132.

Костина, Н. Ю. Межкультурная коммуникация: к истории изучения проблемы / Н. Ю. Костина // *Профессиональное образование и общество.* — 2014. — № 1 (9). — С. 33–36.

Красильникова, О. С. Межкультурная коммуникация и диалог культур как метод познания чужой культуры / О. С. Красильникова // *Система ценностей современного общества.* — 2015. — № 40. — С. 90–94.

Лапчинский, Г. Музыкальная культура Карелии / Г. Лапчинский. — Ленинград : Музыка, 1968. — 104 с.

Легасова, Т. А. Духовная культура и межкультурная коммуникация / Т. А. Легасова // *Сборники конференций НИЦ Социосфера.* — 2012. — № 17. — С. 36–38.

Могилевич, Б. Р. Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации / Б. Р. Могилевич // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки».* — 2008. — № 5 (61). — С. 383–386.

Мосалев Б. Г. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации / Б. Г. Мосалев, О. В. Авакова // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств.* — 2009. — № 3 (29). — С. 40–46.

Никулина, Т. В. Побратимские связи Карелии и Финляндии в 1960–1980-е годы и развитие международного туризма / Т. В. Никулина // *Россия и Финляндия в многополярном мире : 1809–2009 : материалы международной российско-финляндской научной конференции (19–22 октября 2009 года).* — Петрозаводск : ПетрГУ, 2009. — С. 90–92.

Петров, И. А. Добрые соседи: краткий очерк дружественных советско-финляндских отношений / И. А. Петров. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Петрозаводск : Карелия, 1984. — 125 с.

Петрозаводск — Варкаус — города-побратимы. — Петрозаводск : Scandinavia, 2005. — 87 с.

Прибалтийско-финские народы России / отв. редакторы Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. — Москва : Наука, 2003. — 671 с.

Приходько, А. И. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации / А. И. Приходько // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.* — 2011. — № 13. — С. 163–166.

Расила, В. История Финляндии / В. Расила ; пер. с фин. и науч. ред. А. В. Суни. — 2-е изд., перераб. и доп. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006. — 360 с.

Сенявская, Е. С. Участие Финляндии во Второй мировой войне в отражении финской и советской пропаганды и в исторической памяти / Е. С. Сенявская // *Россия и Финляндия в многополярном мире : 1809–2009 : материалы международной российско-финляндской научной конференции (19–22 октября 2009 года).* — Петрозаводск : ПетрГУ, 2009. — С. 61–62.

Такала, И. Р. Национальный театр Карелии: вехи истории / И. Р. Такала, И. А. Спажева // *Альманах североевропейских и балтийских исследований*

[Электронный ресурс]. — 2017. — Вып. 2. — С. 532–559. — URL: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=786>. — (05.11 2018).

Царева, М. А. Межкультурная коммуникация и диалог культур / М. А. Царева. — Хабаровск: Изд-во Дальневосточного государственного гуманитарного университета, 2006. — 62 с.

Черновицкая, Ю. В. Межкультурная коммуникация в современном обществе: на пути к обществу культурного плюрализма / Ю. В. Черновицкая // Философия и культура. — 2018. — № 1 (121). — С. —22–31.

Шамне, Н. А. Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий / Н. А. Шамне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2003. — № 3. — С. 73–80.

KIRCHANOV Maxim / КИРЧАНОВ Максим Валерьевич
Voronezh State University / Воронежский государственный университет
Russia, Voronezh / Россия, Воронеж
maksymkyrchanoff@gmail.com

**HONOURING THE DEAD, PRAISING THE LIVING:
THE INVENTED TRADITIONS OF OBITUARIES AND LAUDATORY
ARTICLES, OR HOW BALTICISTS COMMUNICATE WITH THEIR DEAD
AND REVERE THE LIVING**

ПОЧИТАТЬ МЁРТВЫХ, ПРЕВОЗНОСИТЬ ЖИВЫХ: ИЗОБРЕТЁННЫЕ
ТРАДИЦИИ НЕКРОЛОГОВ И ХВАЛЕБНЫХ СТАТЕЙ, ИЛИ КАК БАЛТИСТЫ
ОБЩАЮТСЯ СО СВОИМИ УСОПШИМИ И ЧТУТ ЗДРАВСТВУЮЩИХ

Аннотация: Автор анализирует восприятие смерти и бытия в форме некрологов и хвалебных юбилейных статей в академическом сообществе советских и российских балтистов. Некрологи и хвалебные статьи стали одновременно изобретённой интеллектуальной традицией и формой современной светской агиографии. Предполагается, что балтисты как академическое сообщество развивались как корпорация, которая сформировала свои уникальные культуры памяти, методы и стили использования прошлого. Исторические и культурные памяти балтистов советского и постсоветского периодов были фрагментированы. Некрологи стали формой инструментализации и идеологизации смерти потому, что позволяют сообществу вспоминать своих мёртвых в политически и идеологически мотивированной системе координат. Некрологи и хвалебные статьи актуализируют различные измерения академического сообщества, включая представления о нём как политическом теле. Поэтому посмертная политическая и идеологическая жизнь героев некрологов как отцов-основателей балтийских исследований стала предметом идеализаций и мифологизаций. Некрологи стали одной из форм интеллектуального воображения, изобретения традиций и идентичностей. Автор полагает, что некрологи стали формой интеграции сообщества и актуализации различных измерений и проявлений социальной, культурной и исторической памятей. Некрологи и юбилейные статьи актуализировали связи поколений и содействовали консолидации академического сообщества.

Keywords / Ключевые слова: Obituaries, jubilee articles, historical memory, Baltic studies, academic communities / Некрологи, юбилейные статьи, историческая память, балтийские исследования, академические сообщества

Dieviņš veda dvēseliti
Pliku, kailu debesīs;
Te palika miežu lauki,
Te mantiņa, bagatība

Formulation of the problem

Intellectuals as the imagined community tend to invent their own social-cultural traditions, languages and forms of communication and symbolic rites of initiation.

The invented traditions of intellectual communities are extremely diverse and range from the field of science and academic specialization. Academic communities as professional corporations have historically invented and imagined procedures for real communication with the world of officials and symbolic forms of communication with the world of the dead. Commemoration of the dead and the celebration of the living belongs to a number of invented traditions that the academic community actively and carefully supports and cultivates. The invented tradition of remembrance of the dead and honouring and glorifying the living is historically rooted in medieval practices and hagiography strategies. Academic communities of the modern world borrowed forms and practices of communication with their living and dead from the experience of medieval religious cultures.

Aims and objectives of the article

The author plans to analyse the practices and strategies of Soviet and Russian intellectuals in the contexts of communication with the real and symbolic worlds of the living and the dead. The objectives of the article are the following: analysis of cultural genealogy and intellectual archaeology of obituaries and jubilee articles in the contexts of their medieval hagiographic origins; study of the structure, content and characteristics of texts of obituaries and jubilee articles; the analysis of their role and place in symbolic and real communications; the study of obituaries in the contexts of memory cultures; and the analysis of obituaries as an invented intellectual tradition.

Methodology

The article draws on the principles and approaches of intellectual history and history of ideas. Various constructivist and structuralist approaches and practices can also be applied to the studies of Soviet and post-Soviet cultures of memory and communication with the worlds of the living and the dead. The author presumes that the concepts of the imagined communities and the invention of traditions proposed in the first half of the 1980s by Benedict Anderson, Eric Hobsbawm and Terence Ranger¹ are also applicable to the analysis of Soviet and post-Soviet traditions and practices of the secular academic hagiography of obituaries and jubilee articles. The author insists that these methods are applicable because obituaries and jubilee articles became invented traditions, universal symbolic forms of communication between different generations of representatives of academic communities because they, on the one hand, actualize

¹ Benedict Anderson, *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (New York: Verso, 1983); Ernest Gellner, *Nations and nationalism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983); Eric Hobsbawm, *The Invention of Tradition* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983).

the various forms and dimensions of corporative and professional identities and, on the other hand, they provide and guarantee reproduction of cultural and social memories. This article can be partially localized on mental maps of “death studies,”² but the author recognizes that this text is not classical for this segment of contemporary interdisciplinary humanities.

The corpus of sources

Formally, the corpus of sources is extremely wide and these sources, despite the general features of content and structure, are quite diverse and different. Man is the only social animal who could make death “subject of reflection.”³ Obituaries and jubilee articles of the Soviet and post-Soviet periods provide historians with a significant body of texts that stimulate our reflections on the community we belong to and its intellectual and cultural histories. Obituaries in the contexts of social and cultural history, the history of ideas and intellectual history, memory and identity studies can be determined as “one of the basic techniques for modernity, the public taming of death.”⁴ Obituaries and jubilee articles were published in academic journals, but obituaries have not yet been the object of systematic studies.⁵ The number of these journals was quite significant always, but the author will focus only on obituaries and jubilee articles published in the yearbook *Balto-slavianskie issledovaniia* in the Soviet and post-Soviet periods.

Thematically and methodologically academic journals are extremely diverse and heterogeneous, but they actualize the general practices, strategies and approaches in the culture of social memory of commemoration with the dead, glorification and celebration of the living and identity of the academic community. These sources are very diverse and the texts of obituaries and jubilee articles published in them are also very different. Svetlana Eremeeva, a modern Russian anthropologist, on the one hand, presumes that “some scientists created more than a dozen memorial texts for life... if you can see them as a general, continuum text, it will be a text about a living author, and not

² Katherine Verdery, *The Political Lives of Dead Bodies* (New York—Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2000); Peter Metcalf, Richard Huntington *Celebrations of Death. The Anthropology of Mortuary Ritual*, 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1991); Thomas W. Laqueur, *The Work of the Dead. A Cultural History of Mortal Remains* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015).

³ Evgenii Vdovchenkov, Aleksandr Kovalenko, “Zhivye i miortvye v mezhdistsiplinarnoi perspektive,” *Novoe proshloe*, no. 4 (2016): 10–21,

⁴ G. A. Orlova, “Biografiia (pri)smerti: zametki o sovetskom politicheskom nekrologe,” *Nepriekosnovennyi zapis*. No. 2, <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/or11-pr.html>.

⁵ Kira Onipko, “Bytovanie nekrologa v sotsial’nom poriadke nebol’shogo goroda,” *Arheologija russkoi smerti*, no. 2 (2016): 156–174, <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovanie-nekrologa-v-sotsialnom-poryadke-nebolshogo-goroda>; A. Reitblat, “Nekrolog kak biograficheskii zhanr,” in *Pravo na imia. Biografiia vne shablona. Tret’i chteniia pamiati Veniamina Iofe, Sankt-Peterburg, 22–24 apreliia 2005 goda. Sbornik dokladov* (St. Petersburg: Memorial, 2006), 3–10.

about the dead heroes.”⁶ On the other hand, “different traditions of commemoration presuppose different traditions of understanding, and, therefore, different traditions of analysis.”⁷ This feature became one of the system characteristics of the Soviet and Russian culture of commemoration and the tradition of academic hagiography as an interdisciplinary genre localized on the frontier of cultural studies, anthropology, intellectual history and the history of ideas. Therefore, Soviet and post-Soviet obituaries actualize the various forms and dimensions of mutually exclusive cultures, tactics, practices and strategies of memory.

Death as an invented tradition in the Baltic studies

Soviet Balticists were actively interested in the perception of death and dying in traditional Baltic cultures, mythologies and identities. Therefore, obituaries dedicated to their colleagues were not accidental. The experience of Soviet and Russian Baltic studies of perception of death expressed in the analysis of funeral rites and traditions in the context of Balto-Slavic contacts⁸ and in national Baltic cultures.⁹ The study of the perception of death in the Baltic cultures never had independent significance in Soviet humanities because the Soviet canon of scientific knowledge did not perceive death and collective ideas about death, dying, the world of the dead and symbolic communications between the living and the dead as problems that were worthy of attention by Soviet scientists. Therefore, the problems of death in Soviet academic discourse were both marginalized and imagined as ideologically alien and not desirable. Soviet ideologists sought to deny death and delegitimize it because death as an image was ideologically and politically alien to a Soviet man who was forced to build communism as a local form of a bright future and any reflections on death in this social situation became ideologically alien and politically unacceptable and undesirable. Therefore, Soviet intellectuals who dared to study the problems of death were forced to analyse them primarily in the context of folklore or cultural parallels¹⁰ between the Baltic and other

⁶ Svetlana Eremeeva, “‘Death studies’ — razgovor o zhizni i o budushchem,” *Novoe proshloe*, no. 4 (2016): 237–242, <http://nempast.sfedu.ru/upload/iblock/006/The%20Nov%20Past%204%2015.pdf>.

⁷ Svetlana Eremeeva “To, o chem molchim... Pochemu death studies nepopuliarny v sovrememmoi Rossii,” *Arheologiya russkoi smerti*, no. 1 (2015): 35–49, <https://cyberleninka.ru/article/n/to-o-chem-molchim-pochemu-death-studies-ne-populyarny-v-sovremennoy-rossii>.

⁸ L. Nevskaja, “Pogrebal’nyi obriad v Peliase: struktura i terminologija,” in *Balto-slavianskie etnoazykovye kontakty* (Moscow: Nauka, 1980), 245–254.

⁹ L. Nevskaja, “Semantika doma i smezhnykh predstavlenii v pogrebal’nom fol’klore,” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1981* (Moscow: Nauka, 1982), 106–121; L. Nevskaja, “Mat’ v pogrebal’nom fol’klore,” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1982* (Moscow: Nauka, 1983), 197–204; L. Nevskaja, “Motiv ‘dozhd’ pri solntse’ v latyshskikh pogrebal’nykh pesniakh,” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1987* (Moscow: Nauka, 1989), 73–78.

¹⁰ Viach.Vs. Ivanov, “Lingvisticheskie materialy k rekonstruktsii pogrebal’nykh tekstov v baltskoi traditsii,” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1985* (Moscow: Nauka, 1987), 3–9; V. Toporov, “Zametki po pokhoronnoi obriadnosti,” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1985*, 10–52.

Indo-European traditions. Death, dying and communications with the world of the dead were imagined as particular cases of ethnography in particular and therefore a place for death in Soviet humanitarian studies was absent in general. Despite these ideological circumstances, Soviet and Russian Balticists were able to develop their unique culture and identity of death, imagining it as an invented tradition. Therefore, obituaries written and published by Soviet Balticists became expressions of collective social, cultural and historical memories and forms of communication between different generations of the academic community as the worlds of the living and the dead.

Obituaries: the Soviet experience

The most of the obituaries published in the Soviet period had a unified structure and belonged to the number of formalized texts. Anna Sokolova, a Russian historian, presumes that ‘the theme of death and dying fell from the Soviet discourse and was generally tabooed.’¹¹ Therefore, official and semi-official obituaries, which were published in academic periodicals, form the core of the corpus of texts that fix the Soviet collective and individual attitudes toward death. Death and birth are among the central facts in most cultures and significantly affect the transformations of collective representations and different identities.

Authors of obituaries were allowed to use several stylistic clichés and these texts were maximally depersonified. Lithuanian philologists Kostas Korsakas and Jonas Kabialka died in 1986 and *Balto-slavianskie issledovaniia* in 1987 published two obituaries,¹² signed by A. Sabaliauskas who was forced to use several cliché phrases, describing and emphasizing that the deceased “left a significant contribution in various areas of Lithuanian philology.” A. Sabaliauskas, characterizing Jonas Kabialka’s impact intentionally and consciously stressed that he managed to get education in independent Lithuania and even continued his studies in Germany, preferring to keep silence about the war period. A. Sabaliauskas cultivated the image of Jonas Kabialka as the last significant scientist who actualized the connections between different generations of Lithuanian intellectuals, between those who started their academic careers in the First Republic and those who came to Baltic studies after the Sovietization of Lithuania.

In fact, obituaries in this intellectual situation had political and ideological significance because they were a form of historical and cultural memory of inter-war Lithuania, which unlike Soviet Lithuania had state independence and political sovereignty. The Soviet culture of obituaries was in this context a culture of politically and ideologically

¹¹ Anna Sokolova, “Zamechanie o znachenii ‘death studies’ v sovremennoi nauke,” *Novoe proshloe*, no. 4 (2016): 243–245, <http://newpast.sfedu.ru/upload/iblock/006/The%20New%20Past%204%2015.pdf>.

¹² A. Sabaliauskas, “Kostas Korsakas (1909–1986),” in *Balto-slavianskie issledovaniia* 1985, 242–243; A. Sabaliauskas, “Jonas Kabialka (1914–1987),” in *Balto-slavianskie issledovaniia* 1985, 243–244.

marked and motivated silence. Obituaries in this intellectual situation actualized the role of the intellectual and academic community because “death plays a special role in the maintenance and construction of the social. Death is the problem of community in general... Communication with the world of the dead plays a special role in the life of society, connecting its mythological and social spaces.”¹³ Obituaries played this role in the Soviet intellectual tradition, actualizing various forms and dimensions of memory and interrelationships between different generations of the academic community imagined and invented simultaneously as a formalized professional corporation and symbolic collective body.

Obituaries: the post-Soviet experience

Post-Soviet obituaries differed from Soviet ones. *Balto-slavianskie issledovaniia 1988–1996*, published in 1997 after an eight-year break, several obituaries and attempted to actualize the connections of different generations of the Balticists,¹⁴ including Soviet authors and their post-Soviet counterparts, successors, and heirs. Russian historians Evgenii Vdovchenkov and Aleksandr Kovalenko believe that “the image of the dead in culture and society is a kind of key to the world of the living.”¹⁵ Therefore, post-Soviet obituaries actualized the problems post-Soviet intellectual communities faced. Post-Soviet obituaries made visible the problems of social simultaneously, cultural and historical memories, the continuity of different generations of the intellectual community, the overcoming of ideological and political stereotypes because scientists who became compelled heroes of obituaries could be political and ideological opponents in the contexts of the significant ideologization of the Soviet humanities. Obituaries imagine, invent and integrate the life of an individual intellectual into the collective life and structure of the intellectual and cultural community, he belonged to. Therefore, obituaries actualize the general patterns of the existence of the community and the work of its social, cultural and historical memories.

¹³ Evgenii Vdovchenkov and Aleksandr Kovalenko, “Zhivye i miortvye v mezhdistsiplinarnoi perspektive.”

¹⁴ V. T., “Reinis Bertuls (10 maia 1937 — 19 fevralia 1994),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1989–1996* (Moscow: Indrik, 1997), 391–392; V. T., “Aleksandr Vanagas (12 avgusta 1934 — 13 apreliia 1995),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1989–1996*, 392–394; V. T., “Kazis Ulvidas (15 [28] avgusta 1910 — 16 marta 1996),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1989–1996*, 394–395; N. Mikhailov, “Kazimeras Eigminas (1929–1996),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1989–1996*, 395 – 396; V. T., “Marta Rudzite (24 noiabria 1924 — 19 iulia 1996),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1989–1996*, 396–397; T. Sudnik and T. Tsiv’ian, “Norbert Velius (1938–1996),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1989–1996*, 397–398.

¹⁵ Evgenii Vdovchenkov and Aleksandr Kovalenko, “Zhivye i miortvye v mezhdistsiplinarnoi perspektive.”

Obituary dedicated to Jan Safarevicz in *Balto-slavianskie issledovaniia 1988–1996*¹⁶ became an attempt to actualize the contradictoriness of the Baltic-Slavic contacts and the sacred status of Vilna / Vilnius as a collective place of several national and historical memories. The obituary of Maria Gimbutas was also published in *Balto-slavianskie issledovaniia 1988–1996*¹⁷ and in fact actualized and restored the links between linguistic and archaeological studies in the inter-war, Soviet and independent Lithuania and Lithuanian emigration. Obituaries of Petras Jonikas and Valdis Zeps, published in *Balto-slavianskie issledovaniia 1997*¹⁸ also actualized inseparable links within the academic community between scientists in Lithuania and Latvia and Lithuanian and Latvian emigrations.

Obituary of Velta Staltmane¹⁹ actualized transcultural and multicultural dimensions of identity simultaneously, her role in preservation and popularization of the Latvian language outside the Latvian ethnic borders. Obituary dedicated to Antuonas Breidakas²⁰ actualized his contribution to the revival of Latgalian culture and the popularization of the Latgalian language. The post-Soviet history of obituaries provides its historians with several obituaries with features of martyrdom. For example, *Balto-slavianskie issledovaniia 1998–1999* published an obituary of Konstantins Karulis,²¹ where his image was invented as a martyr who suffered from Soviet political repressions. The image of the righteous scholar and intellectual began to dominate in the post-Soviet obituaries²² and it became an expression of the desire of Russian intellectuals to actualize the historical and cultural continuity of different generations in the academic community. Post-Soviet obituaries actualized the achievements of their heroes, for example, Gintaras Beresnevičius,²³ in the development of the humanities. These obituaries inspired the emergence of new images of vivid intellectuals who made a significant contribution, for example, in studies

¹⁶ V. T., “Jan Safarevich (9 fevralia 1904 — 9 apreliia 1992),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1989–1996*, 383–389.

¹⁷ V. N., “Maria Gimbutas (23 ianvaria 1921 — 2 fevralia 1994),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1989–1996*, 390–391.

¹⁸ V. T., “Piatras Jonikas (25 marta 1996 — 3 fevralia 1996),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1997* (Moscow: Indrik, 1999), 617–618; V. T., “Valdis Zeps (25 maia 1935 — 25 iuliiia 1996),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1997*, 618–619.

¹⁹ E. L. Nazarova and S. I. Ryzhakova, “Velta Ernestovna Staltmane (9 sentiabria 1926 — 16 apreliia 2010),” in *Balto-slavianskie issledovaniia XIX* (Moscow: Nestor–istoriia, 2014), 259–263.

²⁰ V. T., “Anton Breidakas (Antuonas Breidakas) (25 ianvaria 1932 — 24 fevralia 2002),” in *Balto-slavianskie issledovaniia XV* (Moscow: Indrik, 2002), 676–677.

²¹ V. T., “Konstantin Karulis (10 fevralia 1915 — 3 noiabria 1997),” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1998–1999* (Moscow: Indrik, 2000), 393–395.

²² S. T., “Lidiia Georgievna Nevskaia (19 oktiabria 1938 — 19 maia 2008),” in *Balto-slavianskie issledovaniia XVIII* (Moscow: Iazyki slavianskih kul’tur, 2009), 633–635; A. V. Toporova and M. Evzlin, “Nikolai Mikhailov (11 iuniiia 1967 — 25 maia 2010),” in *Balto-slavianskie issledovaniia XIX*, 543–547.

²³ I. Vaishkunas, “Gintaras Beresniavichius (6 iuliiia 1961 — 6 avgusta 2006),” in *Balto-slavianskie issledovaniia XVIII*, 640–645.

of the history of the Baltic paganism and reconstruction of collective religious representations of the ancient Balts.

Vladimir Toporov was the author of several obituaries of scholars who were not Baltists, but these texts actualize general trends in the history of the culture of academic and intellectual memories. Vladimir Toporov in 1999 published an article dedicated to the memory of Nikolai Bakhtin²⁴ which became a vivid example of the institutionalization of the traditions of cultural and intellectual history and the history of ideas in the post-Soviet humanitarian discourse. Vladimir Toporov integrated the personal biography and academic interests of Nikolai Bakhtin into the contradictions and zigzags of the history of the Russian humanitarian and intellectual community during the Soviet period. Obituaries dedicated to Viacheslav Ivanov and Vladimir Toporov became the brightest texts in post-Soviet academic hagiography. Russian linguists engaged in Baltic studies invented a positive image of Vladimir Toporov²⁵ as a revered saint and one of the founding fathers of Baltic studies in the USSR. Viacheslav Ivanov who wrote an obituary about his friend and colleague stressed that Vladimir Toporov was among the first Soviet linguists who actively began to use structuralism. Viacheslav Ivanov imagined Vladimir Toporov as a scientist who resolutely studied new topics and aspects of Slavic and Baltic linguistics.

Viacheslav Ivanov stated that Vladimir Toporov's texts were marked by the considerable academic liberties and freedoms and therefore his ideas had nothing in common with the official Soviet discourse that exaggerated the role of the Slavic element because Vladimir Toporov expanded significantly the boundaries the Baltic dialects dominated in. Viacheslav Ivanov actualized various hypostases of personality and activity of Vladimir Toporov, imagining him as one of the pioneers in Soviet and Russian linguistic constructivism because Vladimir Toporov was among the initiators of the imagination and invention of the Neo-Prussian language. Obituaries, on the one hand, became the form of collective memory of the intellectual community. On the other hand, dead intellectuals in obituaries and memorial collections of articles continued their intellectual and political existence and experience. The posthumous life of the intellectuals as parts of the collective cultural body of the intellectual community has much in common with the political life of the dead bodies of state leaders because intellectuals, as members of a corporation, prefer to preserve and develop symbolic ties and connections of the dead with academic traditions, they belong to.

²⁴ Vladimir Toporov, "Pamiati Nikolaia Mihailovicha Bahtina. Predsport, sport i sport XX veka," in *Balkanskije chteniia — 5. Posviashchaiusia Nikolaiu Mikhailovichu Bakhtinu. V poiskah "balkanskogo" na Balkanah* (Moscow: Institut slavianovedeniia, 1999), 121–130, https://instav.ru/images/stories/pdf/1999_balkanskije_chtenija-5-tezisy.pdf.

²⁵ Viacheslav Ivanov, "Vladimir Nikolaevich Toporov (1928–2005) i balto-slavianskie issledovaniia," in *Balto-slavianskie issledovaniia XVII* (Moscow: Indrik, 2006), 7–14.

Life is stronger than death: laudatory and jubilee articles and cultures of memory

Praise texts in the Soviet culture of memory became a form of secular panegyric, which glorified the scientist mentioned in it. Most of these texts were timed to coincide with anniversaries. For example, *Balto-slavianskie issledovaniia. 1987* in 1989 published the text dedicated to the 60th anniversary of Viacheslav Ivanov.²⁶ *Balto-slavianskie issledovaniia. 1987* in general were confined to this event and had a non-Soviet Latin initiation (Ad LX Diem Natalem V.V. IVANOVI. Collegae, discipuli, amici), claiming to restore the links and connections of Soviet and Russian pre-revolutionary classical philology. The authors of the jubilee article sought to form an attractive image of its hero, imagining him as “a high model worthy of imitation” and a scientist with “an uncontrollable urge to develop new spaces.” Soviet Balticists formed the image of Viacheslav Ivanov as a bright and talented scientist and poet, citing his lines about Latvia:

Mne kazhetsia, chto ia popal v stranu,	It seems to me that I am now in the country,
Gde solntsem, kak miachom, igraiat deti,	Where children play the sun like a ball
Gde sosny, otkhodia ko snu,	Where the pine trees are going to sleep
I rybaki zabrasyvaiut seti.	And fishermen are throwing their nets.

The jubilee article dedicated to Viacheslav Ivanov actualized the political and ideological dimensions of the Baltic studies and its authors boldly and decisively wrote about 1940 as a “sad year.” Viacheslav Ivanov was imagined as an ascetic of the Baltic studies and defender of the Latvian and Lithuanian languages and these maxims in the jubilee article actualized the non-belonging of its hero to the Soviet ideological discourse that strengthened his positive and attractive image in the eyes of the late Soviet intelligentsia, which became more liberal and anti-Soviet.

A few years later Viacheslav Ivanov²⁷ was imagined as a leading intellectual and historical witness of cultural transformations and a coeval of cult figures of Russian culture of the 20th century. Post-Soviet jubilee articles differed from Soviet ones. Anniversary article about Vladimir Toporov²⁸ also belonged to the semi-official discourse of the post-Soviet academic hagiography. Vladimir Toporov was imagined as one of the fighters against the state of cultural and intellectual non-freedom that dominated in the humanities during the Soviet period. Authors of jubilee articles in the post-Soviet period about

²⁶ “K iubileiu Viacheslava Vsevolodovicha Ivanova,” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1987*, 3–7.

²⁷ V. T., “Chelovek i Vremia: k 75-letiiu so dnia rozhdeniia Viacheslava Vsevolodovicha Ivanova,” in *Balto-slavianskie issledovaniia XVI* (Moscow: Indrik, 2004), 363–366.

²⁸ V. A. Debo, “K semidesiatiletiiu V. N. Toporova,” in *Balto-slavianskie issledovaniia XVI*, 357–360.

Vladimir Toporov emphasized his academic courage and the fact that he was one of the first Soviet Balticists who suggested that the Proto-Slavic language developed as a Baltic dialect. If the authors of the Soviet jubilee article about Viacheslav Ivanov hinted on his structuralism, the authors of the text written for the sixtieth anniversary of Vladimir Dybo,²⁹ published in 1997 in the first *Balto-slavianskie issledovaniia*, published after the collapse of the USSR and eight years later after the publication of the last formally Soviet yearbook of *Balto-slavianskie issledovaniia*, wrote about structuralism as an important stage in his academic biography.

Preliminary conclusions

Obituaries and jubilee articles as forms of memory had various functions in the Soviet and post-Soviet periods. Obituaries and jubilee articles stimulated intellectuals to imagine their communities, to invent secular traditions and rituals of academic communication. Obituaries and jubilee articles helped the intellectual community understand what it was and what its historical roots and cultural backgrounds were. Genetically textualized forms of memory as attempts of symbolic communications between the worlds of the dead and the living have different origins. On the one hand, the author presumes that it is possible to localize the cultural and intellectual origins of modern institutionalized attempts to fix memory in the form of obituaries and jubilee “laudatory” articles in medieval Christian hagiography that suggested the basic canons, laws and patterns of describing the martyrdoms or the holy life of saints. Secular academic hagiography, represented by obituaries and jubilee articles, simulates and imitates the basic laws of the hagiographic genre. The actualization of righteousness, honesty, devotion and other positive features of the late intellectual in the obituary brings him to the heroes of medieval hagiography and turns him into a modern secular saint or academic martyr. On the other hand, the Soviet and post-Soviet academic culture of an obituary and jubilee eulogy is rooted in a Soviet ideologically marked and motivated political obituary. Obituaries of political Soviet leaders formed the canons of the right communist political and ideological life. These obituaries provided Soviet intellectuals with the necessary ideological ritual clichés, but they sought to avoid consistent ideologization and politicization of their corporate practices and rituals of communication with the living and the dead. The Soviet political obituary and ideological panegyrics inspire the development and further progress of academic obituary, and the Soviet culture of political memory stimulated the genesis of fixed rules and canons how to write obituaries and laudatory jubilee articles. Obituaries and jubilee articles could actualize

²⁹ “К юбилею Владимира Антоновича Дыбо,” in *Balto-slavianskie issledovaniia 1988–1996*, 9–12.

the party spirit and loyalty to the communist ideology of their heroes, and these texts formed the orthodox ideological discourse of the Soviet memory culture. Alternative strategies of communication with the world of the dead could actualize the alienity of the hero to the Soviet system and these texts emphasized deliberately academic merits and achievements. Pure science in these intellectual contexts confronted communist ideology as a form of control of the past in Soviet collective historical and academic memories. Obituaries and jubilee articles, published in the Soviet period, actualized personal academic trajectories of intellectuals and could be forms of political memory and identity. Obituaries of the post-Soviet era played a different role because they became a form of collective recall, the actualization of connections between different generations of the academic community and attempts to strengthen identity as an invented tradition that was imagined in the previous Soviet period. Obituaries became a form of consolidation and self-organization of the academic community because they allowed intellectuals to preserve the memory of their deceased colleagues as members of a formal or informal corporation. Consolidation and cohesion of academic groups became an extremely important factor in these contexts because it preserved the fact of death from the integration into official ideological discourse because Russian history provides historians with numerous examples how the authorities seek and attempt to appropriate the death of prominent representatives of the intellectual community and use it for their ideological purposes and needs. The death of Viacheslav Ivanov in 2017 and independent non-governmental intellectual obituaries proved that Russian intellectual community still retains an insignificant degree of freedom because the authorities could not turn the fact of his death into an occasion for numerous ideological manipulations and speculations. Ignorance of Viacheslav Ivanov's death by the official Russian authorities actualize the level of development of a culture of memory in Putin's Russia, which is clearly lower than Soviet elites had because they got significant experience of politically and ideologically motivated use of the past during a history of the USSR. Modern obituaries and laudatory articles can become sources for intellectual and cultural history, the history of ideas and form the corpus of texts of post-Soviet secular academic hagiography. Historiography of obituaries in contemporary interdisciplinary Humanities is the main form of the existence of collective memory about the academic community of Balticists because there are no other attempts to understand and systematize their intellectual heritage.

List of secondary sources

Вайшкунас, Й. Гинтарас Береснявичюс (6 июля 1961 – 6 августа 2006) / Й. Вайшкунас // Балто-славянские исследования XVIII. — Москва: Языки славянских культур, 2009. — С. 640–645.

Вдовченко, Е. В. Живые и мертвые в междисциплинарной перспективе / Е. В. Вдовченко, А. Н. Коваленко // Новое прошлое / The New Past. — 2016. — № 4. — С. 10–21. — URL: <http://newpast.sfedu.ru/upload/iblock/6fe/The%20New%20Past%204%2001.pdf>. — (30.12.2018).

Дыбо, В. А. К семидесятипятилетию В. Н. Топорова / В. А. Дыбо // Балто-славянские исследования XVI. — Москва : Индрик, 2004. — С. 357–360.

Еремеева, С. А. То, о чем молчим... Почему death studies не популярны в России? / С. А. Еремеева // Археология русской смерти. — 2015. — № 1. — С. 35–49. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/to-o-chem-molchim-pochemu-death-studies-ne-populyarny-v-sovremennoy-rossii>. — (30.12.2018).

Еремеева, С. А. «Death studies» — разговор о жизни и о будущем / С. А. Еремеева // Новое прошлое / The New Past. — 2016. — № 4. — С. 237–242. — URL: <http://newpast.sfedu.ru/upload/iblock/006/The%20New%20Past%204%2015.pdf>. — (30.12.2018).

Иванов, Вяч. Вс. Лингвистические материалы к реконструкции погребальных текстов в балтийской традиции / Вяч. Вс. Иванов // Балто-славянские исследования : 1985. — Москва : Наука, 1987. — С. 3–9.

Иванов, Вяч. Вс. Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) и балто-славянские исследования / Вяч. Вс. Иванов // Балто-славянские исследования XVII. — Москва : Индрик, 2006. — С. 7–14.

К юбилею Владимира Антоновича Дыбо // Балто-славянские исследования : 1988–1996. — Москва : Индрик, 1997. — С. 9–12.

К юбилею Вяч. Вс. Иванова // Балто-славянские исследования : 1987. — Москва : Наука, 1989. — С. 3–7.

Михайлов, Н. Казимерас Эйтминас (1929–1996) / Н. Михайлов // Балто-славянские исследования : 1988–1996. — Москва : Индрик, 1997. — С. 395–396.

Назарова, Е. А. Велта Эрнестовна Сталмане (9 сентября 1926 — 16 апреля 2010) / Е. А. Назарова, С. И. Рьжакова // Балто-славянские исследования XIX. — Москва : Нестор-история, 2014. — С. 559–565.

Невская, Л. Г. Погребальный обряд в Пелясе (структура и терминология) // Балто-славянские этноязыковые контакты. — Москва : Наука, 1980. — С. 245–254.

Невская, Л. Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре / Л. Г. Невская // Балто-славянские исследования : 1981. — Москва : Наука, 1982. — С. 106–121.

Невская, Л. Г. *Мать* в погребальном фольклоре / Л. Г. Невская // Балто-славянские исследования : 1982. — Москва : Наука, 1983. — С. 197–205.

Невская, Л. Г. Мотив «дождь при солнце» в латышских погребальных песнях // Л. Г. Невская // Балто-славянские исследования : 1987. — Москва : Наука, 1989. — С. 73–78.

Онишко, К. А. Бытование некролога в социальном порядке небольшого города / К. А. Онишко // Археология русской смерти. — 2016. — № 2. — С. 156–174. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovanie-nekrologa-v-sotsialnom-poryadke-nebolshogo-goroda>. — (30.12.2018).

Орлова, Г. А. Биография (при)смерти: заметки о советском политическом некрологе // Г. А. Орлова // Неприкосновенный запас. — 2009. — № 2 (64). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/or11-pr.html>. — (30.12.2018).

Рейтблат, А. И. Некролог как биографический жанр / А. И. Рейтблат // Право на имя. Биография вне шаблона : Третьи чтения памяти Вениамина Иоффе, 22–24 апреля 2005 года : сб. докладов. — Санкт-Петербург : Мемориал, 2006. — С. 3–10.

Сабаляускас, А. Йонас Кабялка (1914–1986) / А. Сабаляускас // Балто-славянские исследования : 1985. — Москва : Наука, 1987. — С. 243–244.

Сабаляускас, А. Костас Корсакас (1909–1986) / А. Сабаляускас // Балто-славянские исследования : 1985. — Москва : Наука, 1987. — С. 242–243.

Соколова, А. Д. Замечания о значении «death studies» в современной науке / А. Д. Соколова // Новое прошлое / The New Past. — 2016. — № 4. — С. 243–245. — URL: <http://newpast.sfedu.ru/upload/iblock/006/The%20New%20Past%204%2015.pdf>. — (30.12.2018).

Судник, Т. Норберт Велюс (1938–1996) / Т. Судник, Т. Цивьян // Балто-славянские исследования : 1988–1996. — Москва : Индрик, 1997. — С. 397–398.

Т. В. Александр Ванас (12 августа 1934 — 13 апреля 1995) / В. Т. // Балто-славянские исследования : 1988–1996. — Москва : Индрик, 1997. — С. 392–394.

Т. В. Валдис Зепс (25 мая 1935 — 25 июля 1996) / В. Т. //

Т. В. Мария Гимбутас (23 января 1921 — 2 февраля 1994) / В. Т. // Балто-славянские исследования : 1988–1996. — Москва : Индрик, 1997. — С. 390–391.

Т. В. Марта Рудзите (24 ноября 1924 — 19 июля 1996) / В. Т. // Балто-славянские исследования : 1988–1996. — Москва : Индрик, 1997. — С. 396–397.

Т. В. Рейнис Бертулс (10 мая 1937 — 19 февраля 1994) / В. Т. // Балто-славянские исследования : 1988–1996. — Москва : Индрик, 1997. — С. 391–392.

Т. В. Ян Сафаревич (9 февраля 1904 — 9 апреля 1992) / В. Т. // Балто-славянские исследования : 1988–1996. — Москва : Индрик, 1997. — С. 383–389.

Т. В. Казис Ульвидас (15 [28] августа 1910 — 16 марта 1996) / В. Т. // Балто-славянские исследования : 1997. — Москва : Индрик, 1999. — С. 618–619.

Т. В. Пятрас Йоникас (25 марта 1906 — 3 февраля 1996) / В. Т. // Балто-славянские исследования : 1997. — Москва : Индрик, 1999. — С. 617–618.

Т. В. Константин Карулис (10 февраля 1915 — 3 ноября 1997) / В. Т. // Балто-славянские исследования : 1998–1999. — Москва : Индрик, 2000. — С. 393–395.

Т. В. Антон Брейдакс (Antuonas Bredakas) (25 января 1932 – 24 февраля 2002) / В. Т. // Балто-славянские исследования XV. — Москва : Индрик, 2002. — С. 676–677.

Т. В. Человек и Время (к 75-летию со дня рождения Вяч. Вс. Иванова) / В. Т. // Балто-славянские исследования XVI. — Москва : Индрик, 2004. — С. 363–366.

Топоров, В. Н. Заметки по похоронной обрядности : (к 150-летию со дня рождения А. Н. Веселовского) / В. Н. Топоров // // Балто-славянские исследования : 1985. — Москва : Наука, 1987. — С. 10–52.

Топоров, В. Н. Памяти Николая Михайловича Бахтина. Предспорт, спорт и спорт XX века / В. Н. Топоров // Балканские чтения — 5 : посвящаются Николаю Михайловичу Бахтину. В поисках «балканского» на Балканах. — Москва : Институт славяноведения РАН, 1999. — С. 121–130. — URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/1999_balkanskije chtenija-5-tezisy.pdf. — (30.12.2018).

Топорова, А. В. Николай Михайлов (11 июня 1967 — 25 мая 2010) / А. В. Топорова, М. Евзлин // Балто-славянские исследования XIX. — Москва : Нестор-история, 2014. — С. 543–558.

Т. С. Лидия Георгиевна Невская (19 октября 1938 — 19 мая 2008) / С. Т. // Балто-славянские исследования XVIII. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — С. 633–635.

Anderson, B. Imagined Communities : Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. — New York : Verso, 1983. — 256 p.

Gellner, E. Nations and nationalism / E. Gellner. — Cambridge : Cambridge University Press, 1983. — 152 p.

Hobsbawm, E. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm. — Cambridge : Cambridge University Press, 1983. — 324 p.

Laqueur, T. W. The Work of the Dead : a Cultural History of Mortal Remains / T. W. Laqueur. — Princeton (NJ) : Princeton University Press, 2015. — 736 p.

Metcalf, P. Celebrations of Death : the Anthropology of Mortuary Ritual / P. Metcalf, R. Huntington. — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — 258 p.

Verdery, K. The Political Lives of Dead Bodies / K. Verdery. — New York ; Chichester (West Sussex) : Columbia University Press, 2000. — 208 p.

ЗАЙЦЕВА Нина Григорьевна / ZAITSEVA Nina

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

zng@ro.ru

КРИЖАНОВСКАЯ Наталья Борисовна / KRIZHANOVSKAIA Natalia

Институт прикладных математических исследований Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Applied Mathematical Research, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

nataly.krizhanovsky@gmail.com

**КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОМ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА
ВЕПСКОГО ЯЗЫКА И ОТКРЫТОГО КОРПУСА ВЕПСКОГО
И КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)***

CORPUS LINGUISTICS IN THE BALTIC-FINNIC RESEARCH AREA
(THE CORPUS OF THE VEPS LANGUAGE AND THE OPEN CORPUS
OF THE VEPS AND KARELIAN LANGUAGES)

Abstract: The basics of preparing electronic language corpora and some related problems are described. The presented project is focused on a language of a small people (Veps) and another one of a larger kindred people (Karelian). Both are young written languages that require significant textual resources to create written literature, and the presented corpora can contribute to promoting it.

Ключевые слова / Keywords: Корпусная лингвистика, вепсский язык, карельский язык, диалекты, младописьменные языки / Corpus linguistics, Veps language, Karelian language, dialects, young written languages

Тексты на разных языках, которые в языкознании называются обычно «образцами речи», становятся всё более востребованными в исследовательской практике не только лингвистов, но и этнографов, фольклористов. Историки, введя понятие «история повседневности», также активно стали использовать разного рода тексты и магнитофонные записи как источник сведений по истории. В этой связи появление электронных ресурсов с размещёнными в них текстами исключительно востребовано. Что же касается малочисленных народов, языки которых используются в повседневной практике небольшим кругом населения и известны узкому количеству специалистов, то параллельные корпуса, включающие в себя

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований президиума РАН на 2018 год № 25 «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде», проект «Открытый корпус вепсского и карельского языков».

переводы текстов на другие языки (русский, английский) и корпуса с поморфермной нотацией особенно популярны. Из них черпаются различные знания не только по языку, но и по истории народа, его духовной и материальной культуре.

Как известно, набор традиционных методов получения и анализа языковых данных, куда входит сбор текстового материала, его расшифровка, опрос, анкетирование и т. д., в современном языкознании дополняется корпусным методом, а создание лингвистических корпусов — сбалансированных коллекций текстов со встроенным лингвистическим аппаратом (разметкой) — осознаётся как одна из актуальных задач лингвистики. Корпусные ресурсы позволяют повысить прозрачность исследований и достоверность результатов, так как до сих пор исследователь редкого языка часто был практически лишён возможности проверить те или иные данные, приводимые в научных работах.

В распоряжении лингвистов имеются довольно богатые материалы по прибалтийско-финским языкам Карелии и сопредельных областей — по вепсскому и карельскому. Они представлены прежде всего в книгах образцов вепсской речи, изданных в Финляндии и России, диалектных словарях, магнитофонных записях Фонограммархива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН), однако все эти издания уже давно являются раритетными. Кроме того, образцы вепсской речи, изданные в Финляндии, обладают переводами только на финский язык, и их содержание доступно узкому кругу исследователей. В свою очередь, материалы Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, представляющие собой уникальную коллекцию фонозаписей на вепсском и карельском языках (более 1000 единиц хранения), по большей части даже не расшифрованы и мало кому доступны. Лишь небольшая часть коллекции введена в научный оборот в виде образцов вепсской и карельской речи, а также использована в трудах специалистов института: языковедов, фольклористов, этнологов.

Таким образом, вепсский и карельский языки представлены во многих источниках, однако нельзя утверждать, что они легкодоступны для всех интересующихся. В связи с этим работа по подготовке «Корпуса вепсского языка» (начата в 2009 г.), а затем и «Открытого корпуса вепсского и карельского языков» (ВепКар) была ожидаема, поскольку их материалы могут послужить более глубокому исследованию теоретических основ названных языков, их лексики и семантики, грамматических особенностей, что особенно востребовано и практикой жизни в период возрождения родной словесности вепсским и карельским языками.

Тема «Корпусная лингвистика» активно поддерживается в последние годы программами Отделения филологических наук РАН и Президиума РАН. Поддержку получают такие направления российской корпусной лингвистики, как:

- 1) создание и развитие корпусных ресурсов по современному русскому языку;
- 2) создание и развитие корпусных ресурсов по истории русского языка;
- 3) создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России.

Среди проектов данного направления поддержку получил и «Корпус вепского языка», который на момент начала работы являлся практически единственным языком из группы родственных прибалтийско-финских языков, попавших в поле корпусной лингвистики.

Как показывает поиск, среди иных финно-угорских языков России имеется лишь пилотная версия «Корпуса удмуртского языка», представляющая язык прессы 2007–2014 гг. и некоторое количество нехудожественных текстов.

Науке и пользователям известны прежде всего электронные ресурсы наиболее крупных финно-угорских языков, таких как:

- [Языковой банк Финляндии](#);
- [Справочный корпус эстонского языка](#);
- [Фонетический корпус спонтанной эстонской речи](#);
- [Венгерский национальный корпус](#).

На сайте Хельсинкского университета размещены небольшие [электронные ресурсы уральских языков](#), материалы которых широкому кругу пользователей не вполне доступны.

В сети интернет имеется также электронный ресурс вепских материалов известного финского лингвиста, исследователя вепского языка Л. Кеттунена¹, подготовленный его учениками и последователями. В своё время он совершил несколько продолжительных поездок в места расселения вепсов, подготовив и опубликовав работы, которые до сих пор являются настольными книгами у вепсологов и специалистов по прибалтийско-финским языкам². Данный ресурс с двумя системами поиска по населённым пунктам и словам особенно активно используется исследователями вепского языка, поскольку содержит точные и исключительно важные для диалектолога паспортизованные сведения о записи материала в определённых населённых пунктах вепской территории.

Совсем недавно появился электронный ресурс, который его создатели назвали «*Raja-Karjalan korpus*»³ («Корпус карельских диалектов Приграничной Карелии»).

¹ Vepsän verkkosanasto // Kotimaisten kielten keskus [Электронный ресурс]. URL: <http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/> (27.12.2018).

² Kettunen L. Lõunavepsa häälikajalugu.. Tartu, 1922. Vol. I. Konsonantid; Vol. II. Vokaalid; *Idem*. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943 и др.

³ Raja Karjalan korpus // Kielipankki. URL: <https://korp.csc.fi/download/finka/> (27.12.2018); The Corpus of Border Karelia // Metashare [Электронный ресурс]. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:lb-2014073033> (27.12.2018).

Данный корпус содержит 119 часов расшифрованных интервью и их фонозаписи с представителями пяти приграничных диалектов карельского языка. Работа по его созданию поддерживалась Академией наук Финляндии. Это довольно крупный электронный ресурс современных бесед со знатоками карельского языка, который пока не содержит системы поиска и может быть скачан желающими на собственные носители. Он может показать, в каком состоянии находятся диалекты в настоящее время, каковы их особенности и перспективы развития.

Что касается «Корпуса вепсского языка», то его подготовка была начата в 2009 г. при поддержке программы Президиума РАН. Его цель первоначально была исключительно скромной — создание корпуса оригинальных вепсских устных и письменных текстов небольшим объёмом и размещение их в открытом доступе в сети интернет.

Достижение этой цели предполагало последовательное решение ряда *задач*.

1. Определение круга оригинальных устных и письменных текстов на вепсском языке и составление их репрезентативной коллекции, что предполагает дополнительный сбор необходимых образцов аутентичных вепсских текстов.

2. Урегулирование вопросов авторского права. Поскольку сбалансированный корпус предполагает использование некоторого числа художественных текстов, достижение соглашения с правообладателями необходимо.

3. Компьютерная подготовка текстов (набор и редактирование). Сейчас значительная часть вепсских текстов, которой располагает ИЯЛИ КарНЦ РАН, хранится не в электронном виде. Многие аудиозаписи не расшифрованы, поэтому предстояла серьезная работа по расшифровке, сканированию, оцифровке, набору и редактированию текстов.

4. Лемматизация (отождествление всех словоформ одной лексемы). Эта в целом легко автоматизируемая задача для вепсского языка не имела простого решения: весь материал корпуса следовало размечать вручную.

5. Разработка схемы метаразметки и детальной паспортизации текстов в соответствии с этой разметкой. Каждый текст описывается по строгой схеме, учитывающей пол и дату рождения автора текста, место и время записи, принадлежность диалекту, жанр и некоторые другие признаки.

6. Создание интернет-сайта на русском языке (а по возможности и английском и/или финском языках) с поисковым механизмом.

На основе имеющегося опыта по корпусной лингвистике, который уже известен науке, были решены проблемы метаразметки, паспортизации текстов и т. д. Проблема лемматизации оказалась наиболее сложной. В качестве леммы было избрано слово вепсского письменного языка, к которому привязывались все прочие диалектные формы. Оказалось, что для изучающих вепсский язык студентов, которые были привлечены к работе в корпусе, эта задача была непосильной, поскольку они не могли спроецировать и привязать диалектную форму к лемме.

Трудно было решить, например, что форма адессива вепского младописьменного языка *sild* ‘мост’ — *sildal* ‘на мосту’ (язык северных вепсов, младописьменный вепский язык) может в восточных говорах вепского языка звучать как *siinduu*. Избрать же в качестве леммы какой-либо диалект было ещё сложнее, поскольку только представители местного говора смогли бы правильно образовать все формы, которые выступают у именных частей речи и глаголов в качестве заглавных, например, в словарях. Таким образом, оказалось, что для этой работы нужны специалисты с хорошим или абсолютным знанием языка.

Небольшим коллективом разработчиков цель проекта «Корпус вепского языка», которая заключалась в создании, а затем в дальнейшем пополнении и развитии компьютерной онлайн-системы, в основном достигнута. И научный мир, и все заинтересованные пользователи обладают в настоящее время впервые созданным в отечественной науке доступным вепским электронным ресурсом⁴. Этот ресурс содержит тексты и словарь. Тексты расположены в пяти подкорпусах:

- 1) подкорпус диалектных текстов;
- 2) два подкорпуса фольклорных текстов: а) подкорпус вепских причитаний, б) подкорпус вепских народных сказок;
- 3) тексты переводов Библии;
- 4) младописьменный подкорпус публицистических и художественных текстов на языке вепсов.

Подкорпусы обладают рядом собственных характеристик:

1. В рубрике «Диалектные тексты» можно обнаружить тексты на всех трёх диалектах вепского языка.
2. В рубрике «Вепские причитания», редкого, но исключительно мало введённого в научный оборот жанра вепского устного народного творчества, размещены причитания двух жанров — свадебные и похоронно-поминальные на любом диалекте. Они впервые были введены в научный оборот в столь значительном объеме — 88 текстов причитаний. В большинстве своём тексты в этой рубрике были расшифрованы специально для создаваемого корпуса⁵.
3. Впервые всему заинтересованному сообществу были представлены также тексты на *младописьменном* языке вепсов: это переводные тексты Нового Завета, которые оформлены как отдельный подкорпус, а также младописьменные публицистические тексты, художественные тексты и тексты для детей. Названный подкорпус был создан также и в связи с участвовавшими обращениями к специалистам-вепсологам по проблемам функционирования младописьменного языка как входящего в «Красную книгу языков народов России»⁶. В мировой науке данная проблема вызывает особый интерес, проводятся разного типа опросы. Одной

⁴ Корпус вепского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://vepsian.krc.karelia.ru/about/> (27.12.2018).

⁵ Опубликованный книжный вариант причитаний был осуществлён значительно позднее, в 2012 г.

⁶ Красная книга языков народов России. М., 1994. С. 21–22

из последних подобных работ, в которой представлен также и рукописный вепсский язык, следует назвать международный мультидисциплинарный проект ELDIA (*European Language Diversity for All*)⁷.

Подкорпусы диалектной речи, вепсских сказок, вепсских причитаний выполнены как параллельные, содержат удобно расположенные переводы на русский язык. Система поиска позволяет найти любой текст на нужном диалекте и/или слово электронного словаря. На рис. 1 проиллюстрирована одна страница поиска форм и словоупотреблений лексемы *мес* 'лес' в диалектах вепсского языка, где наглядно обнаруживается и паспортизация каждой иллюстрации.

Рис. 1

Поиск форм лексемы *мес* 'лес' в «Корпусе вепсского языка»

Важно, что в корпусе с 2014 г. предусмотрен поиск не только по вепсскому, но и по русскому слову, поскольку большая часть пользователей не владеет в полной мере вепским языком.

Таким образом, прибалтийско-финская лингвистика Карелии вместе с этой работой получила большой и необходимый опыт по созданию электронных языковых ресурсов. В 2016 г. назрела необходимость создания и «Корпуса карельского языка». Было принято решение использовать теоретические

⁷ Puura U., Karjalainen H., Zajceva N., Grünthal R. The Veps Language in Russia: ELDIA Case-Specific Report. Mainz; Wien; Helsinki; Tartu; Mariehamn; Oulu; Maribor, 2013. URL: <https://phaidra.univie.ac.at/detail/object/o:315545> (27.12.2018).

и практические наработки в создании «Корпуса вепского языка» и с его привлечением создать объединенный «Открытый корпус вепского и карельского языков» (ВепКар), который в настоящее время уже размещен в сети интернет⁸.

Новая система ВепКар унаследовала от Корпуса вепского языка (1) идею объединения в одно целое текстов и словаря, (2) проработанную структуру метаданных текста (паспорта текстов). При этом система ВепКар является совершенно другой системой, поскольку она:

1) основана на новой платформе *Laravel*. Старый «Корпус вепского языка» был разработан с нуля без использования каких-либо современных сред. Новая платформа существенно упростила решение ряда задач. Например, благодаря использованию платформы *Laravel* в системе ВепКар кроме поиска по тексту достаточно быстро и без существенных затрат была реализована возможность поиска по разным метаданным текстов;

2) использование платформы *Laravel* привело к тому, что внешне (интерфейс пользователя) и внутренне (структура базы данных и структура программного кода) ВепКар значительно отличается от компьютерной программы «Корпуса Вепского языка»;

3) словарь в системе ВепКар является многофункциональным;

4) в системе ВепКар добавлена возможность разметки корпуса. На рис. 2 хорошо видна интеграция словаря и корпуса текстов, а также возможности и особенности разметки текстов. Для каждого из значений можно выбрать подходящий пример, то есть предложение с заглавным словом словарной статьи. Предложения можно классифицировать по качеству иллюстрирования значения слова;

5) в словаре у словоформ появилась привязка к диалекту;

6) в рамках словаря создана инфраструктура для формирования многоязычного тезауруса;

7) в новой версии корпуса предложено автоматическое связывание слов текста со значениями лемм в словаре, что исключительно приветствуется пользователями, плохо или не владеющими вепским и карельским языками;

8) в Корпус добавлена возможность работы с многозначными словами, а в компьютерную программу — функционал для создания и работы с толковым словарём и тезаурусом.

⁸ Открытый корпус вепского и карельского языков VepKar [Электронный ресурс]. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru> (27.12.2018).

astta

язык: вепский

часть речи: глагол

1 значение Примеры (всего 195)

- русский: идти
- английский: to go

хороший пример 1. Libji i astub minhupää.
Поднялся и идет ко мне. (Astun mā ehtkoečoo jogiberegamu)

хороший пример 2. Sikš mejal'ne jogi astub sarimu oektaha, a tejal'ne jogi jokseb derounoimu venošti imbri.
Поэтому наша река идет прямо па лесу, а ваша река бежит спокойно на обход, по деревьям. (Joksiba kaks' joged)

хороший пример 3. Homen liner čoma pei: astub eddupei vouged lehm (Šimgår'v).
Завтра будет хорошая погода: впереди идет белая корова. (Primetad)

лучший пример

отличный пример

хороший пример

плохой пример

не проверено

совсем не подходит

4. Sid sanun: «Nu mid'a tūtar, dumale tari mända, astkam dumale». (Kut eduu mehele mändihe)

5. Ženih astub svad'buu niiččeno. (Kut eduu mehele mändihe)

еще примеры >>

сохранить

2 значение Примеры (всего 195)

- русский: шагать
- английский: to walk

не проверено 1. Sid sanun: «Nu mid'a tūtar, dumale tari mända, astkam dumale». (Kut eduu mehele mändihe)

не проверено 2. Ženih astub svad'buu niiččeno. (Kut eduu mehele mändihe)

Рис. 2

Словарная статья многозначного вепского слова *astta* в «Открытом корпусе вепского и карельского языков» (ВепКар)

Проблемы подготовки названных корпусов и их научная и практическая значимость излагались отчасти и в более ранних публикациях⁹. Они заключаются прежде всего в следующем:

⁹ См.: Зайцева Н. Г. Вепские причитания в фокусе корпусной лингвистики и лингвофольклористики // Материалы ХLI Международной филологической конференции. 26–31 марта 2012 г. Секция «Уралистика». СПб., 2012. С. 16–26; *Её же*. Корпус вепского языка: формирование и развитие электронного ресурса // Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития: Материалы международного форума. Петрозаводск, 2014. С. 151–152; Зайцева Н. Г., Крижановский А. А., Филатова М. М., Шибанова Н. А. // Корпусная лингвистика-2015: Труды международной конференции. СПб., 2015. С. 2002–2012; Крижановский А. А., Кириллов А. Н. Модель геометрической структуры синсета // Труды Карельского научного центра РАН. 2016. № 8. С. 44–54. URL: <http://journals.krc.karelia.ru/index.php/mathem/article/view/394> (27.12.2018); Зайцева Н. Г., Крижановский А. А., Крижановская Н. Б., Пеллинен Н. А., Родионова А. П. // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2017». СПб., 2017. С. 172–177. URL: <http://scipople.com/publication/124988/> (27.12.2018).

1) материалы находящихся в работе корпусов должны обеспечить частное и сопоставительное языкознание важным источником лингвистических данных по прибалтийско-финским языкам — вепсскому и карельскому, которые обладают богатой и своеобразной грамматикой, что повысит возможность независимой проверки примеров из названных языков и обогатит инструментарий лингвистов;

2) эти данные могут быть полезными в разработке модели документации языков малочисленных народов, таких как вепсы¹⁰, которые уже в ближайшие десятилетия могут исчезнуть с лингвистической карты России. «Корпус вепсского языка», а также «Открытый корпус вепсского и карельского языков» могут стать своеобразным музеем вепсского и карельского языков с широким и доступным кругом экспонатов, на который можно было бы ориентироваться при описании других языков, в том числе и малочисленных народов, к каковым относится язык вепсов;

3) в настоящее время, в момент ревитализации вепсского и карельского языков, создание многих учебников и учебных пособий, корпусы нашли и ненаучную сферу применения. Они оказались востребованными широким кругом пользователей: редакторами, педагогами, студентами, школьниками, переводчиками — всеми, кто интересуется вепским и карельским языками или работает с ними. Названные корпусы являются для них не исследовательским инструментом, а источником практических сведений о языках, способным быстро удовлетворить запрос, например, направленный на выявление значений слов, их употреблений, образования различных конструкций и т. п.

Список литературы

Зайцева, Н. Г. Вепские причитания в фокусе корпусной лингвистики и лингвофольклористики / Н. Г. Зайцева // Материалы ХLI Международной филологической конференции. 26–31 марта 2012 г. Секция «Уралистика». — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ. 2012. — С. 16–26.

Зайцева, Н. Г. Корпус вепсского языка: формирование и развитие электронного ресурса / Н. Г. Зайцева // Классический университет в пространстве трансграничности на Севере Европы: стратегия инновационного развития : материалы международного форума. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2014. — С. 151–152.

Зайцева, Н. Г. Корпус вепсского языка / Н. Г. Зайцева, А. А. Крижановский, М. М. Филатова, Н. А. Шибанова // Корпусная лингвистика-2015 : труды

¹⁰ Красная книга языков народов России. С. 21–22.

международной конференции. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2015. — С. 2002–2012.

Зайцева, Н. Г. Открытый корпус вепсского и карельского языков (ВепКар): предварительный отбор материалов и словарная часть системы / Н. Г. Зайцева, А. А. Крижановский, Н. Б. Крижановская, Н. А. Пеллинен, А. П. Родионова // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2017». — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2017. — С. 172–177. — URL: <http://scipeople.com/publication/124988/>. — (27.12.2018).

Красная книга языков народов России : Энциклопедический словарь-справочник. — Москва : Academia, 1994. — 116 с.

Крижановский, А. А. Модель геометрической структуры синсета / А. А. Крижановский, А. Н. Кириллов // Труды Карельского научного центра РАН. — 2016. — № 8. — С. 44–54. — URL: <http://journals.krc.karelia.ru/index.php/mathem/article/view/394>. — (27.12.2018).

Kettunen, L. Lõunavepsa häälikajalugu / L. Kettunen. — Tartu : s. n., 1922. — Vol. I. Konsonantid. — 139 lk.; Vol. II. Vokaalid. — 129 lk.

Kettunen, L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus / L. Kettunen. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1943. — 576 s.

Puura, U. The Veps Language in Russia: ELDIA Case-Specific Report / U. Puura, H. Karjalainen, N. Zajceva, R. Grünthal. — Mainz; Wien; Helsinki; Tartu; Mariehamn; Oulu; Maribor : Research consortium, ELDIA, 2013. — 262 p. — (Studies in European Language Diversity 25). — URL: https://phaidra.univie.ac.at/detail_object/o:315545. — (27.12.2018).

ПУБЛИКАЦИИ
PRIMARY SOURCES

КАРЕЛИН Владимир Анатольевич / KARELIN Vladimir

Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина / Pushkin Leningrad State University

Россия, Санкт-Петербург, Пушкин / Russia, St. Petersburg, Pushkin

karelin_vladimir@mail.ru

РЕПНЕВСКИЙ Андрей Викторович / REPNEVSKII Andrei

Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Northern (Arctic) Federal University

Россия, Архангельск / Russia, Arkhangelsk

andrey-gold@inbox.ru

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПРОФЕССОРА ОЛАФА БРОКА И ПЕТРА САВИЦКОГО (1916–1958)

SELECTIONS FROM THE CORRESPONDENCE OF PROFESSOR OLAF BROCH
AND PETR SAVITSKII (1916–58)

Вступление

Трудно представить более непохожих людей, чем Пётр Савицкий¹ и Олаф Брок². В годы Первой мировой войны один был юным студентом (21 год) экономического отделения Петроградского политехнического института, только начинавшим свой путь в науке. А другой — уже зрелым, почти сорокалетним человеком; известным учёным, профессором университета в Кристиании, возглавлявшим впервые созданную в Норвегии университетскую кафедру славянских языков; специалистом, завоевавшим признание европейских лингвистов; автором множества выступлений в печати о России и русских, переводчиком сочинений Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

И тем не менее их надолго связали дружеские отношения, отразившиеся в переписке. Она началась ещё во время Первой мировой войны и Русской революции и с перерывами длилась до конца 1950-х гг. Ныне эти письма служат одним из ценных источников для изучения российско-норвежских научных, общественно-политических и культурных связей первой половины прошлого, XX столетия. В переписке отражены как широкие научные интересы и сложившаяся дружба авторов, так и события современной им политической эпохи, драматически сказавшиеся на личной судьбе.

¹ Пётр Николаевич Савицкий (1895–1968) — сын черниговского помещика и члена Государственного совета Российской империи, русский географ, экономист, геополитик, культуролог, философ, поэт, политический и общественный деятель, один из основателей евразийства.

² Олаф Брок (норв. *Olaf Broch*, 1867–1961) — норвежский филолог, славист, основоположник описательной фонетики славянских языков, переводчик, историк, общественный деятель. Член Академии наук Норвегии (1896), иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1916), РАН (1917), АН СССР (1925).

В распоряжении публикаторов имеются копии нескольких писем П. Н. Савицкого профессору Броку. Оригиналы хранятся в Норвежской национальной библиотеке в Осло³, в Отделе рукописных материалов⁴. Выявленные письма Савицкого Олафу Броку датированы периодом с 1916 по 1958 г. Разрешение на их научное использование получено благодаря, во-первых, любезности сына Петра Николаевича Савицкого — Николая Петровича (проживающего в Праге) и, во-вторых, содействию сотрудницы библиотеки Анне Мельгорд (*Anne Melgård*).

Выявить письма Олафа Брока Петру Савицкому удалось благодаря помощи Лукаша Бабки — сотрудника Славянской библиотеки в Праге (составной части Национальной библиотеки Чехии), где хранится специализированное собрание книг и рукописей по мировой славистике. Письма датированы временем с 1956 по 1957 г., когда П. Н. Савицкий вернулся в Чехословакию из СССР после освобождения из мордовских лагерей⁵.

Публикаторы также считают своим долгом выразить искреннюю признательность за активное содействие в поиске документов Мартину Байссвенгеру (*Martin Beisswenger*)⁶, известному немецкому исследователю жизни и творчества П. Н. Савицкого.

Первое из писем Савицкого датировано 9 августа 1916 г. В июле 1916 — марте 1917 г. он служил помощником по коммерческим делам российского посланника в Кристиании К. Н. Гулькевича. Профессор Брок традиционно проводил летний отпуск с семьёй на родине. В уютном местечке Никирке коммуны Хортен провинции Вестфолд находился его отчий дом с небольшой усадьбой. Савицкий посетил профессора. Из содержания послания ясно, что Савицкий по прибытии к месту дипломатической службы взялся осваивать норвежский язык. Перед ним стояла задача изучить местные печатные издания и статистические материалы по экономике внешней торговли Норвегии. Семья Брокеров оказала молодому русскому радушный приём, а сам профессор любезно помог найти молодому человеку наставника по языку из среды сотрудников университетской библиотеки.

³ Национальная библиотека Норвегии (норв. *Nasjonallbiblioteket*) — главная научная библиотека страны, расположенная в городе Осло. Основана в 1988 г.

⁴ Специальный читальный зал (норв. *spesiallesesalen*) обеспечивает доступ к частным архивным материалам, фотографиям, старым и редким изданиям, картам и т. п.

⁵ С 1945 по 1955 г. П. Н. Савицкий находился в заключении в СССР. Он отбывал срок в Дубровлаге (Мордовия) за антисоветскую деятельность во время Гражданской войны и в эмиграции. От лагеря Савицкого не спасло даже то, что накануне и в годы Второй мировой войны он выступал против фашизма. В 1954 г. он был переведен в Подмоскowie, в 1955 г. освобожден и реабилитирован. Из СССР уехал.

⁶ См., например: Petr Nikolaevich Savitskii (1895–1968). A Bibliography of His Published Works — Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ / Сост. М. Байссвенгер. Prague, 2008 (Bibliografie Slovanské knihovny 72).

Важную роль в их знакомстве сыграл российский посланник в Норвегии К. Н. Гулькевич. Именно он рекомендовал своего помощника норвежскому учёному. Посланник убеждал руководителей МИД в Петрограде в возможности и целесообразности более тесного политического и экономического сближения России и Норвегии («Русское дело в Норвегии» по определению Гулькевича). Причем не только в военные годы, но и на послевоенную перспективу. На практике это означало существенное повышение значения Норвегии для российской внешней политики, ранее весьма скромного⁷.

Взгляды обаятельного и энергичного посланника разделяли и молодой помощник по коммерческим делам, и норвежский профессор⁸. Оба считали важным для себя участвовать в решении задачи сближения двух стран.

В марте 1917 г. Савицкий вернулся в Петроград. В столице в конце октября он защитил кандидатскую диссертацию о внешней торговле Норвегии во время войны. Гулькевич был высокого мнения о научных способностях своего молодого атташе и настойчиво звал его к себе в Стокгольм, куда был переведён в мае из Норвегии.

Но случилось иное. Драматический водоворот событий Гражданской войны увлёк молодого учёного. Он выступил на стороне белого движения, пережил его катастрофу и драму беженства. 23 декабря 1919 г. Савицкий был в составе дипломатической делегации Главного командования Вооружёнными силами Юга России направлен как специалист по экономическим вопросам через Константинополь в Париж⁹. На обратном пути 13 марта 1920 г. в Эгейском море с борта парохода «*Circassie*» (фр. «Черкесия») он отправил Броку письмо. Савицкому казалось важным знать, как отразилось происходящее в России на отношении к ней норвежцев¹⁰. За этим письмом, как можно предположить, последовала переписка, которая, к сожалению, в личном архиве Брока не выявлена или не сохранилась.

⁷ См.: Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Пер. с норв.; под ред. Й. П. Нильсена. М., 2017. С. 540–608 (гл. 20, 21).

⁸ См. подробнее: Карелин В. А. Профессор Олаф Брок — друг либеральной России (из истории русско-норвежских культурных и общественно-политических связей начала XX столетия) // Баренц-сборник: Региональное межвузовское научное издание. Мурманск, 2013. Вып. 1 (01). 20-летие Баренцева Евро-Арктического сотрудничества: Сб. статей и материалов. С. 144–151; *Его же*. П. Н. Савицкий о перспективах сотрудничества с Норвегией на Русском Севере: Аналитическая записка помощника российского посланника в Христиании. 1916 г.: (Документальная публикация) // Исторический архив. 2013. № 4. С. 139–144; Карелин В. А., Нильсен Й. П. Петр Николаевич Савицкий: «евразиец» в Норвегии // Наука из первых рук. 2014. № 6 (60). С. 30–41.

⁹ Petr Nikolaevich Savitskii (1895–1968). A Bibliography... С. 25.

¹⁰ Nasjonalbiblioteket i Oslo (Национальная библиотека Норвегии, Осло). No. 337. Professor Olaf Broch papers (далее — NBiO). Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 13 марта 1920 г.

В конце января 1921 г. Савицкий по приглашению П. Б. Струве переехал в Софию и занял пост технического редактора журнала «Русская мысль»¹¹. 8 апреля 1921 г. Савицкий отправил Броку письмо на бланке редакции¹². Оно содержит сведения об исполнении заказа норвежского профессора на издания, которые Савицкий отправил ему почтой. В их числе оказались три журнальные книжки «Русской мысли» и сочинения П. Н. Милюкова («История второй русской революции»¹³), С. Н. Булгакова («На пиру богов»)¹⁴ и Н. С. Трубецкого¹⁵ («Европа и человечество»). Эти сочинения Савицкий считал «выражением современной “интеллигентской” российской души» эмигрантов. Горький опыт Гражданской войны и вынужденной эмиграции оказал сильное влияние на их умонастроение¹⁶.

Савицкий, как и многие, пережил в эмиграции глубокий идейный кризис и постепенно отходил от западнического либерализма кадетов. Он и кружок его единомышленников находились в стадии формирования концепции «евразийства». Савицкому хотелось узнать отношение к новым идеям Брока, к мнению которого он прислушивался.

В период 1920–1930-х гг. Брок и Савицкий продолжали переписку, которая сохранилась лишь частично. Общим стал интерес к процессам, происходившим в СССР, и неприятие идеологии и практики большевистского режима. Ими владели надежды на его постепенное перерождение и изживание. Иллюстрацией может служить письмо Савицкого Броку от 12 июля 1936 г.¹⁷

В 1937 г. профессор Брок оставил университетскую службу по возрасту, но продолжал выступать с лекциями, в том числе в Лондоне и в Чехословакии. В 1938 г. он побывал в Праге, где общался с Савицким. В круг научных интересов

¹¹ Petr Nikolaevich Savitskii (1895–1968). A Bibliography... С. 26. «Русская мысль» — литературно-политический журнал, выходивший в Москве с 1880 г. ежемесячно; один из самых распространённых, закрыт большевиками в 1918 г. как буржуазный орган печати, далее печатался за рубежом — в Софии, затем в Праге и позже в Париже вплоть до 1927 г.

¹² NВiO. Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 8 апреля 1921 г.

¹³ Милюков П. Н. История второй русской революции. София, 1921–1924. Вып. 1–3.

¹⁴ Булгаков С. Н. На пиру богов (диалоги) // Из глубины. М., 1918.

¹⁵ Князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) — русский лингвист, философ и публицист евразийского направления. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, преподавал в Софийском университете, издал сочинение «Европа и человечество». Обсуждение книги на софийском семинаре, в котором участвовали П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, П. Н. Савицкий, привело к рождению евразийской идеологии, о чём было заявлено в сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1» (София, 1921).

¹⁶ Сын П. Н. Савицкого Иван вспоминал: «...особенно сильным было столкновение с Западом непосредственное, когда люди, которые раньше приезжали в Европу знатными иностранцами, и их принимали там совершенно иначе, они увидели этот Запад совершенно иначе. Вот когда они прибыли как беженцы, то их взгляд на европейский мир довольно резко поменялся у многих, надо сказать, что в худшую сторону» (Отец и сын. Евразиец Петр Савицкий и историк Иван Савицкий // Радио Свобода [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/lived/2005/lived.082205.asp#mailto> (22.12.2017)).

¹⁷ NВiO. Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 12 июля 1936 г.

учёного входила история пограничных отношений норвежцев на Русском Севере. В Славянском институте в Праге он 3 июня он прочёл лекцию на эту тему. Она называлась «Встреча и сношения славянства и германства на берегах Ледовитого океана»¹⁸. В её обсуждении участвовал и Савицкий. Его этот сюжет живо интересовал. За время своей работы в Норвегии в 1916-1917 гг. он разработал концепцию российско-норвежского экономического сотрудничества на Севере в послевоенный период¹⁹.

Мрачные годы германского протектората над Чехословакией с марта 1939 г. и нацистская оккупация Норвегии с 1940 г., как и весь период Второй мировой войны — это период, за который у нас нет сведений об общении Савицкого и Брока посредством переписки. Известно, что они оба резко отрицательно относились к нацизму и сочувствовали борьбе СССР против фашистской Германии.

В мае 1945 г. пришла победа. Германский рейх был разгромлен. Но Савицкий был арестован в Праге органами советской контрразведки и доставлен в Москву. 20 октября Особое совещание НКВД осудило его на десять лет заключения «за принадлежность к контрреволюционной организации» по ст. 58-4 и 58-11 УК РСФСР²⁰. Провёл он их в лагере в Мордовии. Освобожден был только в 1955 г.²¹ В январе 1956 г. Савицкий выехал из СССР и вернулся к семье в Прагу²². В течение многих лет он был оторван от близких. Всё это время тяготы содержания семьи лежали на плечах его жены²³.

Тем временем в Европе происходили важные политические события. В условиях начавшейся «холодной войны» Брок как убеждённый либерал возобновил критику советской внутренней и внешней политики. Это стало причиной резкой ответной реакции Москвы. За выступления в норвежской печати против политики Советского Союза Олаф Брок был исключен из числа иностранных членов-корреспондентов АН СССР в 1949 г.²⁴

В 1956 г. профессор получил сведения о возвращении П. Н. Савицкого в Чехословакию и постарался наладить переписку с другом и учёным через «железный занавес», используя свои связи в норвежском МИДе. Опасение вскрытия

¹⁸ Petr Nikolaevich Savitskii (1895–1968). A Bibliography... С. 43. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. Олаф Брок и группа скандинавских историков плодотворно работали в советских архивах.

¹⁹ См.: Карелин В. А., Нильсен Г. П. Петр Николаевич Савицкий: «евразиец» в Норвегии.

²⁰ Указанные статьи предусматривали наказания по УК СССР за контрреволюционные преступления.

²¹ Petr Nikolaevich Savitskii (1895–1968). A Bibliography... С. 45.

²² Там же. С. 46.

²³ Жена П. Н. Савицкого — Вера Ивановна Симонова. Сыновья — Николай Петрович (филолог и переводчик) и Иван Петрович Савицкий (историк).

²⁴ Сталин и космополитизм. 1945—1953: Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С. 210-213.

писем со стороны органов безопасности Чехословакии заставляло прежде всего Савицкого быть в переписке сдержанным, ограничиваться намёками, если речь шла о политически рискованных темах. Его корреспонденту разумная осторожность была свойственна в меньшей степени. Но нужно учесть, что он отправлял другу письма в Прагу через норвежское посольство.

Переписка, с одной стороны, подтвердила прочность связи двух старых друзей. С другой стороны, она выявила различие их отношения к СССР, к советскому проекту. Норвежский профессор как представитель западноевропейского либерально-буржуазного мира по привычке искал новые подтверждения старым, привычным, взглядам на советский строй, который он и после 1953 г. вполне отождествлял со сталинизмом. Брок не заметил и не понял (может быть, не успел понять) глубины изменений, происходивших в СССР после 1953–1956 гг. В итоге его представления имели тенденцию к превращению в консервативный стереотип, оторванный от менявшейся советской и международной реальности.

Савицкий остался верным евразийским идеям, но при этом радовался успехам советской родины, гордился растущей популярностью в мире русского языка. Представляется, что послевоенные успехи Советского Союза в науке, технике и на международной арене стимулировали научную мысль самого Савицкого, характерной чертой научного мышления которого был универсализм. Трогательно сердечное отношение Савицкого к корреспонденту в Осло объяснялось в большой степени тем, что труды норвежского профессора немало способствовали популярности русского языка, литературы и культуры.

Несмотря на выявившееся различие взглядов, общего у старых друзей оказалось больше, чем можно было ожидать. Оба относились с уважением к праву личности на свободу мысли и слова, на гражданское и политическое равенство. Оба разделяли веру в гуманистическое измерение общественного прогресса. Оба принадлежали к интернациональному сообществу учёных. Поиск научной истины они считали целью и смыслом своей работы. Отсюда проистекала сближавшая их преданность профессии и кропотливому труду. Обоих отличала широта научных и культурных запросов. Славистика в широком смысле слова создала поле их общих профессиональных интересов. Несомненно, испытывая глубокие патриотические чувства, они верили в возможность экономического, политического и культурного сближения народов России и Норвегии и были готовы многое для этого сделать.

Документ 1

9 VIII 1916

Многоуважаемый и дорогой г. Профессор!

Очень признателен Вам за любезность, которую Вы мне оказали, написав Гарборгу. После двух неудачных посещений университетской библиотеки вчера, наконец, я с ним увиделся. Г.²⁵ Гарборг был со мной приветлив и любезен, как только может быть милый норвежец. Завтра начинаются наши занятия.

С большой отрадою вспоминаю о своей поездке к Вам в Ньюкирку; о прелестной местности и Вашей милой «хатке»; о сердечном приеме мне оказанном. Мой заезд в Гортен²⁶ оказался очень удачен: я попал туда в момент народного праздника с танцами в рощице на берегу фиорда; быстро приобрел знакомства. Узнав, что я — русский, мужчины говорили мне, что они наши “*venner*”²⁷, а девушки учили меня норвежскому языку, и я принял даже участие в танцах!..

Передайте, дорогой профессор, мой низкий поклон Вашей уважаемой Супруге и всей семье. И позвольте еще раз поблагодарить Вас за прием и за услугу, мне оказанную.

В надежде, что в скором времени могу буду²⁸ лично пожать Вам руку, остаюсь искренне Вас уважающий

Пётр Савицкий

Источник: NBiO. No. 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П. Н. Савицкого О. Брокю от 9 августа 1916 г. Рукопись.

Документ 2

Дорогой Олаф Иванович,

Давно уже не приходилось нам разговаривать друг с другом. Как поживаете Вы, уважаемая Ваша Супруга и вся Ваша семья, о которой я храню благодарное

²⁵ Господин.

²⁶ *Horten* (норв.) — город и коммуна в провинции Вестфолд, включает в себя в поселение Ньюкирке. Старинной церкви, находящейся в последнем более 800 лет.

²⁷ Норв. «друзья».

²⁸ Так в тексте.

и теплое воспоминание? Очень хотелось бы мне знать так же, как отразилось все происходящее на отношении норвежцев к России, которую Вы ведь представляете в Норвегии больше, чем кто бы то ни было другой...

Что касается меня, то я как полагается по нынешним временам российскому интеллигенту, мечусь по пространству России, а теперь и побывал на два месяца в Европе, меняю «амплуа», вижу кругом горе, безысходное тяжкое горе, временами неожиданное облегчение — и не знаю, придет ли²⁹ это, наконец, к невозвратному концу, как пришло за эти годы для десятков тысяч русской молодежи. Или доведется еще в жизни достичь тихого пристанища.

В настоящее время направляюсь в Константинополь и, предположительно, в Новороссийск по делу устройства за границей беженцев с юга России. Очень хотел бы, чтобы наше общение снова возобновилось. Если Вам не покажется трудным, напишите мне в Константинополь, *Ambassade de Russie a M. Pierre N. Savičky*. Может быть, удастся получить Ваше письмо.

Жму Вашу руку и шлю почтительный привет Вашей Супруге, а также всей Вашей семье.

Преданный Вам
Петр Ник. Савицкий

13 III 1920
Эгейское море, пароход «*Circassie*»

Источник: NBiO. No. 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 13 марта 1920 г. Рукопись.

Документ 3

Прага 12 июля 1936 г. (русский «Петр и Павел»)

Дорогой Олаф Иванович

Сердечно благодарю Вас за письмо Ваше от 29 июня³⁰. Вы правильно угадали, что само появление в свет моей брошюры: «Разрушающие свою родину»³¹

²⁹ Так в тексте.

³⁰ Письмо Олафа Брока П. Н. Савицкому от 29 июня 1936 г. не выявлено или не сохранилось.

связано с общими происходящими в России переменами. Я предназначал эту брошюру не только для эмиграции. Иначе обстоит дело в настоящий момент. В отношении людей «по ту сторону рубежа» еще год тому назад я не имел бы доводов. Ведь отвержение «Ивана не помнящего родства», «левацкого интернационализма» и т. д. — это понятия созданные и мной³², а не мной, а мною лишь использованные в известном контексте.

Я знаю, что брошюра моя проникла в СССР в порядочном количестве экземпляров. Но к настоящему моменту уже можно констатировать, что практических результатов она не имела. Если бы дело обстояло иначе, весной этого года, не был бы разрушен один из замечательнейших русских храмов (XII века!) — Михайловский монастырь в Киеве³³. А на днях не были бы предназначены к уничтожению чудесные «ампирные» «Триумфальные ворота» в Москве³⁴.

Но от этой неудачи вопрос не теряет своей значительности. Как раз в настоящий момент сплошное уничтожение архитектурных памятников русской истории должно ощущаться как особо вопиющее явление. Люди реабилитируют русскую историю — и одновременно уничтожают ценнейшие ее памятники. Думаю, что это факт не только «местно-русского», но и вселенского значения.

Мы все заинтересованы в ценностях культуры не только своей страны, но и всех стран мира. В этой связи я и теперь был бы благодарен, если бы Вы довели до конца свой «рефератик». О фактах бессмысленного уничтожения больших ценностей не следует, как мне кажется, умалчивать — дабы не потакать продолжению такой практики.

Беря вопрос в наиболее общей форме, следует признать реальность и значительность происходящих в СССР идеологических и психологических перемен. Отмена ограничений «по социальному происхождению»³⁵ и реабилитация русской истории³⁶ — это, несомненно, большие факты этой последней. Неизвестно только, удержатся ли они и разовьются ли. Дело в том, что «правая оппозиция»

³¹ Савицкий П. Н. Разрушающие свою родину: Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР. Берлин, 1936.

³² Выделено автором здесь и далее.

³³ Михайловский собор в честь Архангела Михаила, небесного покровителя Киева, возведён в 1108–1113 гг. При церкви тогда же был учреждён и монастырь. В 1930-х гг. были разрушены соборный храм, трапезная с церковью Иоанна Богослова (1713) и колокольня (1716–1719). Воссозданы в 1997–1998 гг.

³⁴ Московские Триумфальные ворота (Триумфальная арка) — впервые сооружены в 1829–1834 гг. по проекту архитектора О. И. Бове на площади Тверская Застава в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. Разобраны в 1936 г. Копия ворот сооружена в 1966–1968 гг. по проекту В. Я. Либсона на Кутузовском проспекте, ныне — площади Победы в районе Поклонной горы.

³⁵ Конституция СССР 1936 г. декларировала предоставление всем советским гражданам равных политических прав (отмену ограничений периода государства диктатуры пролетариата).

³⁶ 15 мая 1934 вышло Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании отечественной истории в школах СССР». С этого времени в школах восстановлено преподавание истории с идеологически выдержанных (марксистско-ленинских) позиций.

сведена в СССР на нет, но «левая» жива, несмотря на казнь Николаева (убийцы Кирова), ссылку Зиновьева³⁷ и т. д. И она может еще дать о себе знать.

Будем надеяться, что этого не случится. Все-таки, из общих перемен, как бы они ни были значительны, еще нельзя, мне кажется, делать выводов о возможных переменах в положении эмиграции. Дело в том, что заметная часть эмиграции, действительно, стала на сторону Германии и Японии против СССР, превратилась в германских и японских агентов. Из-за страха перед ней коммунисты п а н и ч е с к и боятся всей эмиграции — с тем же отсутствием логики, с которым они уничтожают сейчас исторические памятники.

Этим страхом, я полагаю, весьма затрудняются пока что какие бы то ни было шаги в сторону возвращения эмигрантов на родину. Вот, дорогой Олаф Иванович, совершенно откровенное мое мнение по затронутым Вами вопросам.

Пользуюсь случаем, чтобы одновременно с этим послать Вам только что вышедшую в евразийском издательстве книгу Н. Н. Алексева³⁸ о новейшей эволюции марксизма. Я полагаю, что в ней могут быть интересны для Вас последние главы.

Шлю сердечный привет Вам и Вашей семье.

Искренне Ваш

П.Савицкий

Источник: NBiO. No. 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 12 июля 1936 г. Машинопись.

Документ 4

Прага чешская
4 ноября 1956 г.

Милый и дорогой Олаф Иванович,

Я сердечно обрадовался полученной от Вас милой записочке от 3.9.56.³⁹ Но пришла она только вчера! Поэтому для того, чтобы по возможности поскорее получить от Вас более подробную весточку, пробую написать Вам «прямым путем».

Чего я только не навидался за истекшие 12 лет, прошел все круги «Дантовой Божественной комедии»⁴⁰. Почти все время я был культторгом и библиотекарем.

³⁷ Зиновьев, Григорий Евсеевич (1888 – 1936) - российский революционер, советский политический и государственный деятель. В октябре 1932 года исключён из ВКП (б), Особым совещанием при ОГПУ осуждён на четыре года ссылки.

³⁸ *Алексеев Н. Н.* Пути и судьбы марксизма: От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину. Берлин, 1936.

³⁹ Письмо Олафа Брока П. Н. Савицкому от 3 сентября 1956 г. не выявлено или не сохранилось.

Поэтому я имел возможность не отрываться от книг, газет, радио. Со всем напряжением души я продолжал научную работу, хотя у меня не было возможности печататься. У меня были буквально десятки тысяч интереснейших собеседников. И какие поразительные вещи я видел.

Не имея возможности печатать прозу, я перешел к стихам. За истекшие годы я написал более пятисот стихотворений. Несколько их них посвящено нашему незабвенному Константину Николаевичу. По мере сил я описал его таким, каким мы его видели в 1916 году:

Какой чеканный, тонкий, нежный профиль
Простой изысканный наряд
Политик, чарователь и философ
Вельможа, сноб и демократ
Он элегантен, как Петроний
В любой черте — аристократ
Но видит рост волны народной
Его проникновенный взгляд

Пожалуйста, дорогой Олаф Иванович, напишите мне обстоятельно о Вашей жизни и трудах. Кое-что я слышал о них и находясь в отдаленных пределах.

Напишите мне о Вашей семье, о каждом ее члене в отдельности.

В течение одиннадцати лет я был оторван от семьи. В течение семи лет я вообще о ней ничего не знал. В мое отсутствие вся тяжесть пропитания семьи выпала на жену. Нашему старшему — Нике — сейчас 21 год. Младшему — Ване — неполные 19. Ника — филолог, Ваня — историк.

Я усиленно занимаюсь проблемами сельскохозяйственной географии — одной из моих специальностей. И пишу снова «прозой». Но условия работы нелегкие.

Еще раз сердечно благодарю Вас за память и милое письмецо. Узнаю руку Романа Осиповича. Все мои и я шлем всей Вашей семье искренний привет.

Ваш

П. Савицкий.

Буду ждать от Вас скорого ответа!⁴¹

Источник: NBiO. No. 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П. Н. Савицкого О. Брокку от 4 ноября 1956 г. Рукопись.

⁴⁰ С 1945 по 1955 г. П. Н. Савицкий находился в заключении в Дубровлаге (см. вступление к настоящей публикации).

⁴¹ Последняя фраза приписана автором на полях.

Документ 5

Осло, 13 ноября 1956.

Дорогой, милый Петр Николаевич,

Ваше письмо от 4 сего месяца — это просто великое событие в нашей жизни. Нашей⁴², ибо дети соучаствуют в таком моем чувстве. Надеюсь, будете в дальнейшей переписке сообщать мне по возможности больше. Надеюсь получить от Вас верную, настоящую картину того «рая», в который ввел и все больше вводит мир марксистско-ленинско-сталинский коммунизм бедных, незащитных людей... Не согласуется ли теперь большинство этих жертв ненасытного Молоха слепых теорий скорее со стариком социалистом в Дании, который уже много лет тому назад — ответил этим хвастунам развития в России : если это рай, так я бы лучше просил для себя уголок в аду...

Да о все том, Вы будете писать. Мне предстоит как первая задача Вашему желанию, сообщить нашему любимому другу времен благородного, незабвенного Константина Николаевича о житье-бытье нашей семьи. Как написано на открытке моя жена, Нина Ивановна, умерла весной 55 года (7 июня)⁴³. Вы ее помните и поэтому понимаете без дальнейших слов, что «действительная» моя жизнь кончилась при ее смерти. Спасла меня пока — как очевидно и Вас не раз — наука, научная работа, занятия скромными остатками материалов и мыслей, около которых вращаются мои научные интересы, так сказать, всю жизнь.

Кстати, Вы пишете, что слышали кое-что об этих моих занятиях и находясь в отдаленных пределах? Неужели!? Расскажите!

Сию теперь, в своем 90-м году, над диалектическими⁴⁴ материалами, собранными в 1895 году к югу от Вильны — кончил этой весной эшкиз⁴⁵ белорусского диалекта, оканчиваю нынче зимой подобный эшкиз восточно-литовского. А то, как Вы понимаете, я был много лет отрезан более или менее от славянского мира, славянской науки, славянских друзей. Вы помните, мы встретились в Варшаве (поклоны от Марианочки, с которой Вы танцевали там всю ночь!) на шумном, сердечном конгрессе. А потом я кончил в 37-м году свою университетскую службу, читал после этого лекции в Лондоне, в Чехословакии.

⁴² Здесь и далее выделено автором.

⁴³ Нина Ивановна Брок (норв. *Ninni Henriette Trampe*) (1868–1955) — жена Олафа Брока (с 1896 г.), дочь командор-капитана Йенса Эдварда Трампе (1837–1893).

⁴⁴ Так у автора.

⁴⁵ Так в тексте.

Два вот приблизилась 2-я всемирная война. Приехал в Норвегию Роман Якобсон⁴⁶, который до сих пор поддерживает мою связь с миром славистов.

О Гитлеровской оккупации Норвегии Вы знаете достаточно. Нелегкое время! Я имел тогда счастье, как старший, опытный генеральный секретарь Академии Наук, уважаемый немецким ученым миром, делать своей родине разные услуги, поддерживая работу и независимость нашей Академии — между тем, как наш университет был закрыт, многие профессора арестованы и т. д. и т. п. Горжусь еще немножко, смотря назад на то время, как ни тяжело оно и было и для нашей семьи.

И вот кончилась война, мы все надеялись на лучшие дни, на новую, более благородную Россию, между прочим... Да Вы сами знаете...

О том, что «случилось» между мною и Академией Наук СССР, не надо писать, оно чересчур смешно и жалко⁴⁷. Улыбаюсь самому себе и спрашиваю: что сказал бы Константин Николаевич к таким мальчишечкам⁴⁸ — дальнейших слов нет.

Оканчиваю, значит, свои дни в дорогих воспоминаниях о той России, которая была «моей» — России Ф. Фортунатова, Ключевского, Чупровых и т. д. и т. д., и всего прежде, Константина Гулькевича, которого Вы так мило рисуете и воспеваете в своих стихах.

Но вот перо...⁴⁹ Завтра дальше.

14-го.

Старший сын Йенс, юрист, занимает уже много лет место судьи, живет в своей вилле на *Vettakollen*⁵⁰ про себя, мирно, с несколько болезненной женой. Их единственный сын, “*Lille Jens*”, кончил после войны политехникум в Цюрихе, живет как инженер (электротехник) в Копенгагене, женился на датчанке (троюродной сестрице), имеет с ней двух прелестных девочек (4-х и 2-х лет) — чем я и возвышен в прадеды.

⁴⁶ Якобсон Роман Осипович (1896–1982) — российский и американский лингвист и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX столетия.

⁴⁷ В 1949 г. исключён из состава членов-корреспондентов Академии наук СССР за «злостную клеветническую кампанию против Советского Союза». См.: Служебная записка сектора науки агитпропа ЦК Д. Т. Шешелову по вопросу исключения из АН СССР троих её иностранных членов // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/cosmopolit/90.htm> (20.12.2016).

⁴⁸ Так тексте.

⁴⁹ Далее неразборчиво.

⁵⁰ *Vettakollen* — холм и окрестности в районе Осло *Vestre Aker*, расположен к западу от Согсванна и к юго-востоку от Холменколлена на высоте 419 метров над уровнем моря.

Второй сын, «Анти», как все его зовут, геолог, “*Statsgeolog Anton Olaf Broch*”, вернулся год тому назад из Пакистана, где он прожил 4 года в Лагор⁵¹, основывая и развивая геологический *department* при тамошнем университете. Он был профессором ЮНЕСКО, а теперь вернулся, значит, на норвежскую службу. Его жена была все время с ним, соучаствовала в его работе. В числе иностранцев, с которым и они встречались на Востоке, бывали также русские геологи, и мой сын мог из отношения и поведения к нему следовать, до известной степени, за ходом развития в СССР: первые сторонились и не смели разговаривать — последние дружились и не боялись говорить...

У Анти есть сын, норд-ский⁵² блондин 187 сантиметров, прошел коммерческое училище, занимается правоведением.

Старшая дочка Нини (=ночка), ученица *Centralskolen*⁵³, (потом учительница гимнастики) вышла замуж за выдающегося (но, к сожалению, болезненного) инженера-химика (он имел место в *Norsk Hydro*)⁵⁴. Все ему прочили прекрасную будущность, но он умер еще молодым. Ниночка осталась жить в деревне, недалеко от нашего домика в *Nykirke*, где посещаю ее летом. Сынок теперь в конце 20-х лет. Служит на скромном месте в *Hydro*. Мы все его очень любим — отличный сын своей матери.

А младшая дочка, знакомая Вам Марианночка, живет недалеко от меня, присматривает, как добрый ангел за старым отцом, живая, прекрасная супруга мужа (директор...⁵⁵) и мать сына *Caspara* (была и дочка, но она умерла 16-ти лет!). *Caspar* — любимец всех и заслуживает это. Летом он вернулся из Соединенных Штатов, где работал пару лет (он архитектор, кончил Академию в Копенгагене) и женился на датчанке. Она живет пока в Копенгагене у родителей. Между тем, как он достраивает их помещение тут в Осло. Нашел себе место у здешнего архитектора. Надеемся на...⁵⁶ весной.

Вот Вам все, можно сказать, и прошлое и настоящее и даже будущее семьи Нины Ивановны и Олафа Ивановича. То о чем Вы просили (а мне Вас жаль, при мысли о прочтении...).

А теперь назад к Вам да Вашим. Прошу кланяться, пожелать им всем всего, всего хорошего от старого, неизменного Вашего друга.

⁵¹ Лахор — второй по величине город Пакистана после Карачи, столица провинции Пенджаб, важный промышленный, культурный и транспортный центр северо-восточной части страны.

⁵² Так в тексте.

⁵³ Государственная гимнастическая школа (норв. *Statens gymnastikskole*) была основана в 1870 г. в Осло для подготовки учителей гимнастики и физической культуры.

⁵⁴ *Norsk Hydro ASA* — крупная норвежская нефтегазовая и металлургическая компания. Основана в 1905 г. под названием *Norsk hydro-elektrisk Kvalstofaktieselskab*.

⁵⁵ Далее неразборчиво.

⁵⁶ Далее неразборчиво.

Вам самим могу ли в чем помогать? Вы пишете, что не могли печататься во все эти годы (ссылки?). Не обратиться ли мне Роману Якобсону насчет этого? В Чехословакии не знаю, кто остался еще в живых и в мире «свободных убеждений» из моих друзей бывших времен... Жив ли еще *Horak, Král*? Поклонитесь от меня всем, помнящим нашего брата и смотрящего на него глазами старой дружбы.

А первое дело: пишите мне побольше о том ужасном времени, которое Вы и да Ваши пережили. Почему, на каком основании, за какое «преступление» гнали Вас в ссылку (?). Где Вы жили, работая как культорг, беседуя с десятками тысяч людей, и с какими?

И расскажите откровенно: считаете ли опасным иметь «откровенные» сношения со мною, чтобы я держал в молчании то, что я буду слышать от Вас?

Да надо кончить. Отказываются глаза и перо. Можете ли читать, что пишу? Мне самому отчасти невозможно. Пошлю свое письмо «косвенным путем». Вы понимаете почему. А можете ли и сами пользоваться этим путем, указывая на меня? Наш посланник, который знает меня немножко... пишет, что он узнал о какой-то научной статье Вашей, ищет ее чтобы послать мне. Видно, что уже в связи с людьми доброжелательными к Вам.

Итак, скажу лишь «до скорого свидания» в письмах. Надеюсь, что мой русский язык еще Вам понятен?

Ваш сердечно преданный и старый друг

Олаф Брок.

[штамп: PROFESSOR OLAF BROCH. Baldersgt 18 OSLO]

15-го.

Дочь Ниночка пишет из деревни (я сообщил ей о письме от Вас): «Сердечные мои поклоны Петру Николаевичу — вряд ли я узнала бы теперь, а имя и понятие *Piotr Nikolaevitch* все еще живы у меня». Я назвал Вас как *Savicky*. Сама она исправляет.

Можно ли у Вас узнать, как действуют венгерские события на настроения в Чехословакии? Вы не можете представить себе, как высоко ходят повсюду волны гнева на Кремлевских «господ» и их присных в «вассальных» государствах. А как в Праге? Куда делись те чехи, которые в свое время боролись в первых рядах человечества за свободу против гнета и насилий?

Но простите. Ведь это по-нынешнему — «не мое дело».

О. Брок

Источник: Славянская библиотека, Прага. T-SAV 13, II. Письмо О. Брока П. Н. Савицкому от 13–14–15 ноября 1956 г. Рукопись.

Документ 6

Прага, 2 декабря 1956 г.

Милый и дорогой Олаф Иванович,

Вы порадовали меня Вашей открыткой от 25 ноября, и Ваши ласковые слова нашли отклик в моем сердце.

Ваше печатное отправление еще не пришло («...⁵⁷ *og Minne*»). Надеюсь, что придет на днях. Такие задержки здесь бывают.

Я помню всех старших (моего поколения) членов Вашей семьи. И мне хотелось бы очень знать, как поживает и чем занят каждый из них. Хотелось бы знать мне и состав молодого поколения Вашей семьи (Ваших внучат). Лично я с ними незнаком, но меня порадовала весть о том, как они растут, учатся и действуют.

В качестве образчика здешней нашей продукции по вопросам «первой» моей специальности вкладываю в этот конверт одну из новейших своих статей — «С. х. география 6-й пятилетки»⁵⁸. Моя роль, как автора, свелась в этой статье к тому, что я собрал в единую «картину-систему» разрозненные данные. Впрочем, некоторые наблюдения, принадлежащие мне лично — напр., наблюдение о том, что «во всех районах освоения новых земель количество осадков за теплый период превышает 150 миллиметров (с. 211). По существу дела, статейку эту посылаю Вам «в знак любви и восхищения, но отнюдь не для прочтения». Хотя и шевелится во мне надежда, что некоторые данные, в ней заключающиеся, могут заинтересовать Вас, как руссиеведа широкого диапазона.

В этой же надежде шлю Вам в особом конверте две мои более ранних статьи о ритмах ранней русской истории⁵⁹. Кажется, в них мне удалось прийти к установлению метода, который не существовал до меня. С помощью этого метода я исследовал ритмы русской и истории до XIX века включительно. Но весь остальной, помимо посылаемого, этот «труд» мой лежит в шкафу, в виде рукописных

⁵⁷ Неразборчиво.

⁵⁸ По-видимому, речь о статье: Сельскохозяйственная география шестой пятилетки Советского Союза // За социалистическую сельскохозяйственную науку. Серия Б: экономическая. 1956. Т. 5, № 3. С. 209–228.

⁵⁹ Савицкий П. Н. «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории // Евразийская хроника. Берлин, 1935. Вып. 11. С. 65–100; *Его же*. Ритмы монгольского века // Евразийская хроника. Берлин, 1937. Вып. 12. С. 112–114; См. также: Ермишина К. Б. Место развитие и ритмы Евразии: к обоснованию философии евразийства // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, вып. 4. С. 135–148.

таблиц весом до пуда. Я уверен, что и норвежскую историю можно было бы плодотворно проработать с точки зрения ее «подъемом» и «прогибов».

Перехожу к ответу на Ваш вопрос. В 1920-х и 1930-х годах я напечатал несколько сот статей — по текущей истории, главным образом, экономической. Статьи эти печатались по-русски, по-французски, по-английски, по-русски, по-чешски и на других языках. В статьях 1930–1932 года заключалась критика тогдашних м.е.т.о.д.о.в⁶⁰ «сплошной» коллективизации. В них указывалось, что методы эти ведут к потере человеческих жизней и к большому ущербу по части материальных ценностей.

Эти статьи были мне вменены. В январе 1956 года мне было сказано, что произошло это «по недоразумению». В эти годы я был спасен — буквально любовью народной. Тысячи русских людей, находясь сами в очень тяжелых условиях, мне помогали, меня обслуживали, меня берегли. Рядовые русские люди проявили великое уважение к культуре. По гроб жизни я буду им за это благодарен...

В порядке нашего духовного общения я посылаю Вам в этом конверте восемь стихотворения из той тысячи, которые я написал за эти годы. Два первых посвящены русскому народу. Далее идет изложение выдвинутой мною «периодической системой сущего». Речь идет не только о «волнообразном» движении истории. Но также о «периодической и в то же время симметричной» системе географических зон России — Евразии, автором которой я являюсь. Она вошла под моим именем и в советскую литературу вопроса. Я полагаю, что ее можно было бы в соответствующей переработке распространить на весь остальной мир.

Стихотворение «Курганы» — чисто личное. Предки мои были «степными помещиками» (в основном Екатеринославской и Полтавской губернии), временами очень крупными со многими тысячами десятин земли. В стихотворении выражено мое ощущение степи — одной из основных стихий в истории нашей планеты. Степь — далеко от Норвегии, но я знаю, что Вы видали и степь!

Вы трогательно спрашиваете меня, «могу ли я в чем оказать помощь»? Мы все от всей души благодарим Вас за эту готовность помочь! Мы нуждаемся в кофе, какао и чае. Очень оценили бы несколько плиток шоколада. Посылки идут сюда хорошо. Но все это при единственном, но обязательном условии: чтобы отправление такой посылочки ни в каком отношении Вас не затруднило!

⁶⁰ Здесь и далее выделено автором.

Есть и еще две небольшие просьбы — также условных и таких, которые я просил бы выполнить только при с.л.у.ч.а.е. Наш старший — Ника — страстный филолог. В основном — русский и украинист, но владеет и другими славянскими языками (в том числе, чешским — в совершенстве), а также всеми большими романо-германскими (лучше всего — испанским, но наряду с тем, французским, итальянским, английским, немецким). Он очень интересуется книгой Ельмслева (*L. Hjelmslev*)⁶¹ по теории языка (Ника много занимается философией языка). Она могла бы быть доступна ему в английском издании *Prolegomena to a theory of Language*⁶². Тут ее достать невозможно. Ника и я были бы очень признательны Вам, если бы Вам удалось заказать английское издание книги Ельмслева — и прислать ее нам. Но повторяю, без затруднений для Вас и только при случае!

Еще я очень интересовался получить норвежско-русский словарь (по возможности, более полный). Это уже лично для меня. Я хотел бы «обновить» мой норвежский язык. Тут такой словарь достать невозможно. Если бы и в Осло его не было в продаже, то в качестве замены годился бы норвежско-немецкий или норвежско-английский. Мои норвежские словари (довольно многочисленные) погибли в Петрограде еще в 1918 году.

В истекшие годы я общался с двумя норвежцами — Ларсеном⁶³ и Харью⁶⁴. Знаю, что Ларсенов в Норвегии десятки тысяч. Мой собеседник был из северной Норвегии. Думаю, что он уже дома. Харью даже одно время был мне дневальным (я был культургом и библиотекарем). Его выручил Герхардсен⁶⁵ в дни своего пребывания в Москве⁶⁶. Об этом было напечатано в советских газетах.

⁶¹ Ельмслев, Луи Тролле (дат. *Louis Trolle Hjelmslev*) (1899–1965) — датский лингвист. В 1923 г. окончил Копенгагенский университет, учился также в Праге и Париже, профессор Копенгагенского университета (1937), заведующий кафедрой сравнительного языкознания.

⁶² *Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language / Transl. by F. J. Whitfield. Madison (WI), 1953.* Первое издание работы датского учёного-лингвиста появилось в 1943 г. под названием «*Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse*».

⁶³ *Larsen, Otto Marinus* (1912–1955) — норвежский коммунист, в 1940 бежал в СССР, принимал участие во Второй мировой войне в разведывательных операциях в северной Норвегии на стороне Красной армии, позднее был репрессирован, освобожден из Гулага в октябре 1953 г. и вернулся на родину. Автор книги «*Jeg var Sovjetspion*» (Oslo, 1954), её издание на английском вышло под названием «*Nightmare of the Innocents*» (London, 1955).

⁶⁴ *Harjo, Osvald* (1910–1993) — участник движения Сопротивления во время Второй мировой войны, принимал участие в разведывательных действиях в северной Норвегии на стороне Красной армии, в 1942 г. был арестован гестапо и подвергался пыткам, бежал, был репрессирован в СССР, освобождён из заключения в декабре 1955 г. Автор книги «*Moskva kjenner ingen tårer*. Oslo, 1956). См. также: *Jentoft M. Mennesker ved en grense: En beretning om folk i Øst-Finnmark i historiens drama*. Oslo, 2005.

⁶⁵ Герхардсен, Эйнар (норв. *Einar Gerhardsen*) (1897–1987) — норвежский политик, руководитель Норвежской рабочей партии, трижды премьер-министр Норвегии. В ноябре 1955 г.

Дорогой Олаф Иванович, не знаю, как и выразить Вам мои горячие пламенные дружеские чувства к Вам. Ведь уже более сорока лет мы с Вами в дружбе!

Бесконечно скорблю о кончине дорогой Нины Ивановны. Вам же и всем Вашим от всей души желаю доброго здоровья, благополучия и успеха во всем!

Все мои присоединяются к этим пожеланиям.

Крепко жму Вашу руку и лобызая Вас по русскому обычаю.

Сердечно Ваш

П. Савицкий

Жду подробной весточки от Вас!

Если у Вас есть запасные экземпляры более ранних Ваших работ, то, пожалуйста, пришлите! По содержанию своему эти работы Ваши очень близки к Никиной специальности. Ника и я — мы очень оценили бы эту присылку!⁶⁷

Источник: NBiO. No. 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П. Н. Савицкого Олафу Брокку от 2 декабря 1956 г.

Документ 7

Осло 11 — XII — 56

Милый Петр Николаевич

Не сомневаюсь, что Вы теперь получили мое подробное письмо. На главные мои вопросы в нем Вы уже ответили и косвенно, и прямо в письме от 2-го сего месяца, за которое очень благодарю. Большое спасибо также за экономическую статью (которую послал мне также наш министр⁶⁸), как и за две исторические работы. О Ваших взглядах имею уже давно некоторое понятие. Буду теперь углубляться — по силе старых глаз и старого же ума.

по приглашению советского правительства состоялся визит премьер-министра Эйнара Герхардсена в СССР, открывший новую страницу в советско-норвежских отношениях.

⁶⁶ По сведениям норвежского журналиста, писателя и историка Мартина Йентофта, Отто Ларсен был освобождён после смерти Сталина в октябре 1953 г. Освальда Хярья освободили в конце 1955 г., после визита Э. Герхардсена в Москву и встречи с Н. С. Хрущевым.

⁶⁷ Последний фрагмент приписан автором на полях.

⁶⁸ *Finnne-Gronn, Jorgen Magnus* (1905–1998) — норвежский дипломат, посланник в Праге с 1952 по 1958 г.

Ваши печально интересные сообщения в письме прошу пополнить, если помните, названиями и номерами тех лагерей, в которых держали Вас «власти» Советской России - без сопротивления «свободной» Чехословакии — 12 лет...

Скажу, отчего желаю названий и чисел. Вернулся Харью, написал при помощи норвежского земляка книгу «Москва не знает слёз», потрясающую нас своим простым рассказом особенно теперь, когда мощная волна негодования хватает весь мир из-за событий в Венгрии. А оказывается, что Х.⁶⁹ (где и когда?) был дневальным у Вас! Какой маленький наш мир!

Я искал опять, но без результата, оттисков своих работ. Написал *Hjelmslev*'у... с просьбой устроить присылку своего *Prolegomena* — по-английски. Простите же, что я как старый специалист, дал Вашему сыну-филологу подстроить под будущие лингвистические спекуляции солидное здание реальных знаний. Хотя бы они казались ему скучноватыми. И вот дам ему намек на главную мою работу, названную Венской Академией еще 4 года тому назад “*monumental*” и считающуюся действительно все еще необходимым пособием славистики. Это «Очерк физиологии славянской речи» в Энциклопедии славянской филологии (изд. Академии наук в Петербурге)⁷⁰. По-немецки: *Olaf Broch. Slavische phonetik. (Carl Winter, Heidelberg: 1911)*. Как сказано, у меня экземпляров нет. И давно нет. Но эту книгу Вы, несомненно, найдете в библиотеках Праги.

А вот больше не успею писать сегодня. Силы убывают. А можете читать написанное? Сам я могу лишь отчасти. Надеюсь, что перо не слишком развязно скакало.

О материальной помощи буду стараться, когда и если представляется случай. И здесь мы, к сожалению, не очень богаты ни кофеем, ни какао. А посмотрим.

Поклоны всем Вам от моих и преданного старого друга

Олаф Брок.

Источник: Славянская библиотека, Прага. T-SAV 13, II. Письмо Олафа Брока П. Н. Савицкому от 11 декабря 1956 г. Рукопись.

Документ 8

10 января 1957 Осло

⁶⁹ Харью.

⁷⁰ Энциклопедия славянской филологии / Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук; ред. И. В. Ягин. СПб., 1910. Вып. 5. Очерк физиологии славянской речи.

Дорогой и милый друг,

Наконец, удалось пару дней тому отправить Вам посылочку (не посылку, а лишь посылочку). Содержание скромно, так как вывоз кое-чего не разрешается. Но хоть на «поминки» старых, незабвенных дней!

Прошу сообщить, жив ли еще профессор *Jiří Horák*⁷¹. И в таком случае его адрес. Вы знаете, он был в свое время посланником Чехословакии в Москве, и мы с ним давно близко знакомы.

Получили ли *Prolegomena* от *Hjelmstev*. И мою последнюю открытку, между прочим, также о том?

Хотя с трудом (глаза!), а читаю с интересом то, что Вы мне послали. К заключениям, сделанным на основании языка в Добрил. Ев.⁷² (Трубецкой и Якобсон) можно было бы выставить известные возражения, да сил как будто не хватит.

Источник: Славянская библиотека, Прага. T-SAV 13, II. Открытка Олафа Брока П. Н. Савицкому от 20 января 1957 г.

Документ 9

Дорогой, милый Петр Николаевич,

Большое спасибо. Вчера одиннадцать оттисков, сегодня заключительное письмо. Все мне (и моим) дорого и своим содержанием и как доказательство, что никто и ничто не мешает (пока?) нашим сношениям. А именно я начал бояться, что мои, по дурному обычаю, откровенные и резкие выражения повредят, может быть...

Радуюсь, что посылочка повеселила Вас с семьей. На здоровье!

Надеюсь писать Вам вскоре подробнее. Пока же эти строки успокоят и порадуют Вас.

Сердечнейше Ваш

О. Бр.

⁷¹ Горак, Йиржи (чеш. *Jiří Horák*) (1884–1975) — чешский славист, фольклорист, литературовед, академик Чехословацкой академии наук и дипломат, в 1945–1948 гг. — посланник Чехословакии в СССР.

⁷² Добрилово Евангелие — древнерусская кириллическая иллюминированная рукопись Евангелия-Апракос, созданная в 1164 г.

Источник: Славянская библиотека, Прага. T-SAV 13, II . Открытка Олафа Брока П. Н. Савицкому от 14 февраля 1957 г.

Документ 10

Осло 2 марта 1957

Дорогой Петр Николаевич!

Вот, наконец, заметки к разным точкам в Вашем последнем письме.

Родилась правнучка. Благодарим с Марианночкой (бабушкой) за поздравление вперед! Все благополучно.

Все мои дети (ныне уже «старрики» да «старушки») помнят Вас, кланяются, благодарят «за добрую память». Говоря о Вас, мой сын, 2-й, геолог, рассказал, что, пожалуй, первым из них познакомился, а именно в *Nykirke*, куда отправил Вас Константин Николаевич. Нас с Ниной Ивановной случайно не было дома. Он поэтому занимал Вас, показал Вам хороший вид с близкой горки... Ах, как давно!.. Помнят Вас, значит, и то совсем не «смутно». С нашей «молодежью» дело обстоит, конечно, иначе. Для них рассказы о Вас и Константине Николаевиче, о всех тех интересных личностях, с которым мы видались в те дни — летопись о подъемном периоде в ритмике жизни деда...

Как видите, присланные Вами работы дают отзвук в уме Вашего устарелого друга.

Благодарю за последние 11 оттисков. Я набросился первое дело на «Слово о полку Игореве». Вы очень удачно анализируете его географические указания. Это меня сильно интересует вот почему: вопрос о «фальсификации», (поддержанный Мазон'ом⁷³, как Вы знаете) вызвал в защиту *der Echtheit*⁷⁴ весьма интересную, по-моему, чуть ли не лучшую из новых работ о поэме, построенную, на близких к Вашим соображениям чертах. Не географических, а, скорее «биологических» в широком смысле слова. Вы, вероятно, знаете на что я намекаю: Сергей Лесной⁷⁵, Слово о п. И., II–IV, Париж, 1952⁷⁶. *Editeurs Réunis*⁷⁷ Paris, 29,

⁷³ Мазон, Андре (фр. *André Maçon*) (1881–1967) — французский славист, профессор, автор трудов по древнерусской и русской классической литературе, русскому и чешскому языкам, славянскому фольклору, организатор научной деятельности в области французской и европейской славистики.

⁷⁴ Нем. «подлинность».

⁷⁵ Парамонов, Сергей Яковлевич (псевдоним — Сергей Лесной) (1894–1967) — учёный-эмигрант, биолог-энтомолог, автор ряда исследований, посвящённых древнерусской истории и литературе.

St. Didier, Paris 16. Мне указал в свое время на книгу мой прекрасный русский друг Борис Клейбер, лектор русского языка нашего университета, он и дал мне титул и т. д. книги с добавкой, что автор Парамонов (кажется, инженер), а *alias*⁷⁸ Лесной давно эмигрировал в Австралию.

С остальными оттками буду справляться понемножку, в зависимости от состояния моих глаз. Остающуюся их силу надо пока, первое дело, употреблять на мой литовский диалект.

Очень, очень благодарю за все то, что сообщили о себе самом и о Харью в лесах Мордовии. По правде сказать, и я очень плохо осведомлен о географии этих громадных лесов и, пожалуй, всей России. А это, хотя как Вы знаете, я побывал в разных местностях Вашей родины для лингвистических исследований. А как мило узнать через Вас о пребывании Романа Осиповича с супругой в Чехословакии нынче зимой. Очень любопытно насчет Вашего намека на «новых людей», до которых Роман Осипович не дошел, и которые представляют «немалую социальную силу». Для меня, стоявшего в свое время очень близко к Чехословакии, любившего и страну и людей ее научных и культурных кругов, «коммунистическая» Чехия и ее политика за «железным занавесом» была и остается загадкой, даже весьма несимпатичной. Вам, может быть, известно, что как раз «политическое» поведение Праги и Чехии было прямой причиной окончательного поворота нашей страны и народа (социалистов включительно) от «коммунизма», то есть марксистского взгляда на социалистическую программу. Заметна ли действительная коренная перемена во взглядах «новых людей»?

Сегодня не успею больше. Многое из написанного мне самому трудно читать. Разберете ли Вы?

Весь Ваш

Олаф Ив. Брок.

Очень радуюсь, что Ваш сын занимается и норвежским языком. Я думаю, что эта «специальность» будет ему в пользу, в разных отношениях. Жаль только не существует здесь даже словаря или словарей, которые можно бы послать.

⁷⁶ Слово о Полку Игоре. Исследование в четырёх томах: К 150-летию со дня опубликования. Париж, 1950–1953.

⁷⁷ Парижское издательство, специализирующееся в области русской литературы и философии.

⁷⁸ Лат. «иначе».

А просите его от меня — не унывать! Надо опираться на немецких и английских пособиях⁷⁹.

Источник: Славянская библиотека, Прага. T-SAV 13, II. Письмо Олафа Брока П. Н. Савицкому от 2 марта 1957 г. Рукопись.

Документ 11

25 декабря 1957

Милый и дорогой Олаф Иванович,

Я шлю Вам мои самые, самые горячие поздравления с наступившим западным Рождеством и с наступающим Новым годом! Поистине от всей души я желаю Вам здоровья, бодрости и сил для продолжения Вашей замечательной творческой работы, ход которой и в 1957 году ознаменовался появлением нового — в ряде отношений основоположного — Вашего труда!

Все мои и, в первую очередь, наш Ника, филолог и русист (сейчас он сидит над изучением современного литературного украинского языка) — присоединяют свои сердечные поздравления и пожелания к моим. Мои поздравления прошу передать всем членам Вашей мною любимой и мною глубоко чтимой семьи.

Сколько же у Вас теперь п.р.а.в.н.у.к.о.в⁸⁰, мой дорогой старший друг Олаф Иванович? Странствуя в 1955 пешком по Подмоскovie, из села в село и из веси в весь, я часто встречал на полянах чудесных тамошних лесов п.р.а.б.а.б.у.ш.е.к, около которых играли их правнуки. Я всегда радостно приветствовал тех и других. П.р.а.д.е.д.у.ш.е.к, к сожалению, приходилось встречать там реже : это следствие хода русской истории за последние 50 с лишним лет. На войне, в революции и даже от голода мужчин погибает гораздо больше, чем женщин. Это сказалось и во время героической, но и страшной обороны Ленинграда в 1941–1942 гг.

Скажите, пожалуйста, всем Вашим, что я храню о них благодарную сердечную память. Как же здоровье жены Йенса? Известие о ее болезни меня огорчило. От души желал бы, чтоб ее здоровье восстановилось вполне!

Получив Ваше письмо от 7 октября, я буквально в тот же день сообщил его содержание Роману Осиповичу. Я надеюсь, что Вы уже давно с ним списались.

⁷⁹ Так в тексте. Весь этот последний фрагмент приписан на полях первого листа.

⁸⁰ Здесь и далее выделено автором.

О самом же Романе Осиповиче я получаю вести только от моей свояченицы, сестры моей жены. Свояченица моя⁸¹ замужем за профессором Харвардского университета, бывшим моим соратником по ЕА⁸², ныне православным священником о. Георгием Флоровским⁸³. Роман Осипович их посещает и всегда проявляет сердечное внимание к нам,

здешним...

Я горжусь Вами, мой дорогой старший друг, горжусь тем, что Вы сделали и продолжаете делать для изучения русского языка, во многих его говорах и наречиях (отношу сюда также украинский и белорусский диалекты)! А предмет Вашего изучения, русский язык, в настоящее время широко распространяется в мире. Не говорю уже и о здешних местах, где учат и в начальной школе. Также на Западе его преподавание вводится во все большем числе школ, его изучает все большее число людей. Об этом мне пишут и из Франции, и из Англии, и из США. Один мой друг из Америки, по характеру чуждый преувеличений, пишет по его наблюдениям русский язык уже с.т.а.л вторым по распространённости в Соединенных Штатах...

Я надеюсь (если все будет благополучно) в скором времени выслать Вам свою работу по физической и экономической географии Советского Союза, которая выходит по-чешски в издательстве здешнего Управления геодезии и картографии.

Продолжаю работать и мыслить в области всех своих специальностей: географии общей, географии экономической, истории, экономики и даже истории искусств.

Но времени больше всего берут п.е.р.е.в.о.д.ы Они, «чтобы не сглазить» — дают хлеб насущный. К этому Новому году я, как выражаюсь, «тол-Праги перевел на русский язык»: были самые разные переводы из круга моих специальностей.

Почерк Ваш, дорогой Олаф Иванович, разбираю отлично. Сыновья (Ника и Ваня) учатся. Дал бы Бог, чтобы и дальше учились благополучно!

Еще раз желаю Вам и всем дорогим моему сердцу членам Вашей семьи всего, всего самого лучшего в наступающем Новом году! Крепко Вас обнимаю. Был бы искренне рад получить от Вас весточку.

⁸¹ В 1922 г. в Праге Г. В. Флоровский женился на Ксении Ивановне Симоновой.

⁸² Евразийству.

⁸³ Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) — протоиерей, богослов, философ и историк. В эмиграции наряду с Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким, П. П. Сувчинским явился одним из основателей евразийского движения, от которого позже отошёл.

Искренне преданный Вам и любящий Вас

П. Савицкий

Источник: NBiO. No. 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П. Н. Савицкого О. Броку от 25 декабря 1957 г. Рукопись.

Документ 12

О. И. Броку. 20 мая 1958 г.

Милый и дорогой Олаф Иванович

Ваше «дополнение» к статье о белорусском диалекте «к югу от Вильны» я получил своевременно и сердечно Вас за него благодарю.

Скажу без преувеличения, эта Ваша вещичка, несмотря на ее небольшие размеры, привела меня в восторг! В ней замечательная последовательность мысли, точность аргументирования!

Как вы знаете, я не лингвист по специальности. Я географ и экономист — географ. Но, видимо, есть во мне и лингвистическая жилка. Недаром же наш старший — Ника — стал лингвистом. Я всегда очень интересовался лингвистикой — просто как образованный человек. А в годы 1945–1954 в силу ряда обстоятельств даже много ею занимался.

В начале 1930-х годов со всем старанием я погружался в проблемы «евразийского языкового союза». Они сводятся в основном к вопросам взаимодействия русского языка с рядом *неславянских*⁸⁴ языков русского мира — и к замечательному факту *совпадения* ряда лингвистических явлений в русском и в этих неславянских языках. И вот Вы в своем «дополнении» — безусловно *без* намерения обогащать теорию «евразийского языкового союза» — приносите такой же факт с западных рубежей русского (в широком смысле этого слова).

Эта сторона Вашей работы в высокой мере меня заинтересовала. Спасибо Вам за нее большое!

Замечательно: свои исследования «к югу от Вильны» Вы проводили в 1895 году — в год моего рождения! Я преклоняюсь перед силой Вашей научной памяти и свежестью Вашей мысли!

⁸⁴ Здесь и далее выделено автором.

Я надеюсь, что заинтересовавшая Вас книга «Взник и початки Словяну»⁸⁵ (ред. Ян Эйсер⁸⁶) уже получена. Я раздобыл ее и выслал Вам заказным в самый день получения Вашей дорогой моему сердцу открытки от 7 мая. Открытка пришла своевременно. Я перехватил последний наличный на Пражском книготорговом рынке экземпляр этой книги: она разошлась.

В сентябре этого года по заявлению издательства выйдет второй сборник этой серии под тем же названием. Постараюсь своевременно выслать Вам и его.

Чек на пятнадцать долларов от Вашего милого друга из Нью-Йорка пришёл одновременно с Вашей открыткой — и очень меня выручил! Ведь на мне теперь забота о четырёх! От глубины сердца благодарю Вас за любовь и память. Горячую благодарность мою прошу передать и Вашему другу в Нью-Йорк.

К сожалению, я не смог разобрать её подпись (как говорится по-русски, «подпись неразборчива»). И потому не могу поблагодарить ее лично. Быть может, Вы сообщите мне Вашим и сейчас идеально четким почерком её инициалы и фамилию, и тогда я сделаю это сам. Все прочие данные её адреса у меня налицо.

Сердечно благодарю Вас за намерение направить мне оттуда же небольшой «продуктовый» подарочек. Мой же сверхскромный подарочек Вам Вы найдете в этом конверте. Это 29 небольших стихотворений моей «философской лирики времен изгнания» — т. е. лет 1945–1954.

Как я уже писал Вам, я сочинил за эти года и вывез сюда более тысячи (!!!) стихотворений.

По месту возникновения они в своем роде у н и к а л ь н ы, ибо не много стихотворений выходит о т т у д а .

Нельзя было писать. Я сочинял «в уме» и запоминал наизусть. Так и дошли они до этих мест.

Позвольте же мне преподнести Вам из их числа малую толику — как почтительный и пламенно дружеский дар. Если найдете минутку, чтобы их прочесть, читайте с лупой, чтобы не утомлять глаз.

Я думаю, что некоторые из этих стихотворений Вы найдете слишком «отвлеченными» и туманными. Ведь я знаю Вас, мой дорогой старший друг!

Но другие, быть может, и «дойдут» (как сейчас говорится по-русски). Думаю, что «Восемь строк о любви», «Любовь к жизни» (стр. 1), «Путь любви», «Звезда» (стр. 3) в к а к о й - т о м е р е внятны каждому человеческому сердцу.

⁸⁵ Vznik a počátky Slovanů / Red. J. Eisner. Praha, 1956.

⁸⁶ Эйсер, Ян (чеш. *Jan Eisner*) (1885–1967) — чехословацкий историк и археолог, академик АН ЧССР (1952). Профессор Карлова университета в Праге (1939–1957). Редактор сборников «Возникновение и начала славян». Основные исследования посвящены первобытной и древней истории Словакии, а также славянской археологии, в том числе проблеме этногенеза славян.

«Поэтика древнеславянских текстов» и стихи, за ней следующие («Печать огнепальная», «Жизнь сокровенная», «Контраст» — всё это на стр. 1) касаются частично предмета Вашей специальности (выразительность древнеславянского языка).

Полагаю, впрочем, что стихи эти покажутся Вам слишком «заумными». «Гость», «Неистошима нить», «Весть» — это мой «пасхальный цикл» (Вы ведь знаете отношение русского философского сознания к празднику Пасхи), сказанный по обстоятельствам времени и места прикровенными словами...

Не гневайтесь же на меня и не взыщите за сверхскромный подарок.

Дорогой Олаф Иванович очень жду дальнейших Ваших работ и очень, очень прошу Вас подробно писать мне о себе и о всех своих. Я полон дружеских чувств к Вам, и каждая подробность о Вас и Ваших для меня интересна и драгоценна.

Сколько у Вас теперь, милый Олаф Иванович, правнуков?

Все мои Вас сердечно приветствуют.

По русскому обычаю крепко Вас обнимаю и трижды лобызаю. И от души желаю Вам всего, всего наилучшего.

Будьте же дорогой здоровы и благополучны.

Искренне Ваш старый, старый друг

Петр Савицкий.

Источник: NВiO. No. 337. Professor Olaf Broch papers. Письмо П. Н. Савицкого Олафу Броку от 20 мая 1958 г. Рукопись.

Список литературы

Ермишина, К. Б. Место развитие и ритмы Евразии: к обоснованию философии евразийства / К. Б. Ермишина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2017. — Т. 18, вып. 4. — С. 135–148.

Карелин, В. А. Профессор Олаф Брок — друг либеральной России (из истории русско-норвежских культурных и общественно-политических связей начала XX столетия) / В. А. Карелин // Баренц-сборник: региональное межвузовское научное издание. — Мурманск: Изд-во МГТУ, 2013. — Вып. 1 (01). 20-летие Баренцева Евро-Арктического сотрудничества: сб. статей и материалов. — С. 144–151.

Карелин, В. А. П. Н. Савицкий о перспективах сотрудничества с Норвегией на Русском Севере: Аналитическая записка помощника российского посланника в Христиании. 1916 г.: (Документальная публикация) / В. А. Карелин // Исторический архив. — 2013. — № 4. — С. 139–144.

Карелин, В. А. Петр Николаевич Савицкий: «евразиец» в Норвегии / В. А. Карелин, Й. П. Нильсен // Наука из первых рук. — 2014. — № 6 (60). — С. 30–41

Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / пер. с норв.; под ред. Й. П. Нильсена. — Москва : Весь Мир, 2017. — 708 с.

Jentoft, M. Mennesker ved en grense: en beretning om folk i Øst-Finnmark i historiens drama / M. Jentoft. — Oslo : Gyldendal, 2005. — 350 s.

Petr Nikolaevich Savitskii (1895–1968). A Bibliography of His Published Works — Петр Николаевич Савицкий (1895–1968). Библиография опубликованных работ / сост. М. Байссвенгер. — Prague : Slavonic Library, 2008. — 111 p. — (Bibliografie Slovanské knihovny 72).

МУЛЛОНИН Ирма Ивановна / MULLONEN Irma

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

mullonen@krc.karelia.ru

МАТЕРИАЛЫ К «СЛОВАРЮ ТОПОНИМОВ КАРЕЛИИ»*

MATERIALS TO THE DICTIONARY OF KARELIA'S PLACE-NAMES

Данная публикация — это фрагмент рукописи «Словаря топонимов Карелии» (далее — СТК), работа над которой ведется в ИЯЛИ КарНЦ РАН (авторы Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин, И. И. Муллонен)¹. Словарь будет включать интерпретацию истоков около трёх тысяч топонимов края — наименований наиболее значимых культурных и природных объектов. Основу словника составили ойконимы — названия поселений. В него включено также около тысячи наименований природных объектов — озёр, рек, объектов орографии. Предметом внимания являются и названия известных туристических объектов. В словаре представлена топонимия Карелии в довоенных границах последней, т. е. без присоединенных в результате Второй мировой войны приграничных территорий, которые в силу этнокультурной истории характеризуются значительной спецификой в топонимии. С таким подходом согласуется и использование при подаче ойконимии довоенного административного членения республики (по СНМ 1926 г.²). При определённых минусах он имеет и явные плюсы, поскольку административные границы того времени во многом повторяли волостные, важные с позиций традиционной историко-культурной ситуации в регионе. Кроме того, многочисленные населённые пункты, исчезнувшие с карты Карелии во второй половине XX в., существовали как раз в административной сетке довоенных районов и сельских советов. При этом их названия продолжают жить и в памяти жителей, и как наименования новых объектов, возникших на месте прежних деревень. Для облегчения пользования словарём и идентификации топонимов к корпусу словаря будет приложена таблица, в которой административное членение 1926 г. соотнесено с современным.

Источники материала словаря разнообразны. Основу составляет полевой материал, хранящийся в Научной картотеке топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН.

* Финансовое обеспечение исследований осуществляется из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ АААА-А18-118012490344-5 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте»).

¹ Данный раздел СТК выполнен И. И. Муллонен.

² Расшифровку сокращений см. в списках источников и литературы.

Однако для того, чтобы показать историю становления названия, его закрепление в официальной практике, особенности бытования в разной языковой среде, активно привлекается справочная литература (например, списки населенных мест разных лет или каталоги водных объектов края), широкий спектр краеведческих, географических, исторических изданий, в том числе и периодических, выходявших в XIX–XX вв. Среди источников наибольшей ценностью обладают материалы писцовых и дозорных книг, а также старые карты XVIII–XIX вв. Для реконструкции истории ойконимов ценным источником является созданная в ИЯЛИ КарНЦ РАН ГИС «Каталог населённых мест Карелии и сопредельных областей XV–XX вв.», базирующаяся на сведениях письменных и картографических исторических источников. Современное официальное бытование топонима сверяется по такому источнику, как Автоматизированный государственный каталог географических названий по республике Карелия³. При необходимости он дополняется сведениями Общероссийского классификатора объектов административно-территориального деления⁴.

В Словаре отражена принципиально важная особенность топонимии Карелии — ее двуязычность. Здесь на протяжении столетий сосуществуют и взаимодействуют две этноязыковые традиции: прибалтийско-финская (соответственно, карельская и вепская) и русская. В топонимии русских районов Карелии отмечается мощный субстратный прибалтийско-финский пласт. В то же время в национальных районах многочисленные названия бытуют на двух языках: карельском / вепском и русском. В первую очередь это ойконимы и наименования относительно крупных водных и ряда других орографических объектов, которые зафиксированы в официальной практике: на картах, всевозможного рода списках, официальных документах, в СМИ и т. д., а также в устной практике. Поскольку словарь составлен на русском языке, в качестве заглавного слова словарной статьи выносится русский вариант названия, следом за которым приводятся национальные варианты. При этом в силу отсутствия для подавляющего числа национальных топонимов закрепленной нормы⁵ в статье может быть приведено несколько бытующих в устной практике вариантов названия. В некоторых случаях отмечаются как активно бытующие в устной практике,

³ Автоматизированный государственный каталог географических названий [Электронный ресурс]. URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/gosudarstvennyy-katalog-geograficheskikh-nazvaniy/> (24.12.2018).

⁴ Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosspravka.ru/35/011/000000.html> (24.12.2018).

⁵ Для большинства карело- и вепскоязычных географических названий Карелии не проведено нормирования в силу отсутствия у карельского и вепского языков статуса официальных. Исключение составляют наименования современных населенных мест на территории национальных районов республики.

так и закреплённые письменной нормой варианты русских топонимов. Словарь не выполняет функцию нормирования и стандартизации топонимов, поэтому варианты приводятся в алфавитной последовательности (*Кончезеро, Кончозеро*) и без ударения.

Словарная статья состоит из следующих основных разделов: топоним, включая его прибалтийско-финский вариант или варианты; тип объекта; административная привязка; документальные свидетельства; собственно этимологический раздел, отделяющийся знаком ♦. При необходимости делаются перекрестные ссылки, помеченные знаком →. В завершении за знаком • приводятся ссылки на литературу, в которой данный топоним рассматривался.

Документальные свидетельства включают упоминания топонима в письменных источниках XV–XIX вв. Если данные источников XV–XVII вв. в силу их немногочисленности и ценности приводятся максимально полно, то из свидетельств XVIII–XIX столетий выбраны только наиболее показательные с точки зрения интерпретации истоков названия.

В этимологическом разделе помимо собственно этимологии приводится и связанная с ней лингвистическая информация: словообразовательная модель топонима, семантика формантов, метафорическая природа топоосновы, фонетические изменения, модели интеграции в иноязычную среду и др. Не менее существенна и экстралингвистическая составляющая: сведения о самом объекте, характере его использования и т. д. Иначе говоря, происхождение названий вписано в географический, исторический, этноязыковой контекст, и таким образом через топонимию высвечивается этнокультурная история края. Данный раздел статьи достаточно свободен по форме изложения. В подавляющем большинстве случаев приводятся разработанные членами авторского коллектива этимологии — в силу того, что более ранние этимологии, предложенные предшественниками, не так многочисленны. При этом отмечают, естественно, и интерпретации топонима, предпринятые ранее. В целом, степень изученности топонимии варьирует по разным районам Карелии. Территория, рассмотренная в данном фрагменте, входит в состав людиковского Прионежья, ойконимия которого была в свое время описана финским топонимистом В. Ниссиля⁶ и является своеобразным исключением на фоне менее исследованных районов. Позиция составителей СТК может совпадать с высказанной предшественниками, но может быть и иной — в силу накопленных материалов и знаний.

Предлагаемый фрагмент включает топонимию территорию, расположенную в низовьях р. Шуи — главной водной артерии южной Карелии. Административно

⁶ Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, 1967 (Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 144).

она входит в Прионежский район Республики Карелии, располагаясь на его северной окраине. В соответствии с довоенным административным устройством (к его сетке, напомним, в СТК привязаны населённые пункты), территория нижней Шуи также входила в состав Прионежского района, границы которого в целом совпадали с современными, отличаясь, главным образом, принадлежностью к району некоторых поселений, расположенных в притяжении районной границы. В XIX в. — это территория Шуйской волости Петрозаводского уезда, которая состояла из 70 деревень, объединяемых в восемь обществ, в прошлом приписанных к Олонецким горным заводам. Собственно, Петрозаводск возник на территории исторической Шуйской волости, так что данный фрагмент содержит названия некоторых объектов, входящих сейчас в городскую черту. Картотека топонимов Карелии по этой территории включает около тысячи географических названий, но в словарь в соответствии с заданным форматом вошло 60 топонимов. При этом в силу значительной освоенности низовий Шуи в списке преобладают наименования населённых пунктов.

Археологические изыскания в низовьях Шуи, центре Шуйской волости, а в прошлом — Шуйского погоста Обонежской пятины обнаружили здесь, с одной стороны, памятники т. н. саамского железного века и возникшей на его излёте эпохи викингов рубежа I–II тыс. н. э., с другой — археологически датированный процесс крестьянского освоения от рубежа XIII–XIV вв.⁷ Языковая атрибуция «саамского железного века» может быть проведена по фрагментам системы топонимов низовий Шуи в виде наименований наиболее значимых объектов на местности: р. *Шуя*, оз. *Онежское*, оз. *Укшозеро*, гора *Сулажгора* и некоторых других, возникших, как свидетельствует их этимологическая интерпретация, в языке прасаамского или западно-уральского типа. В последние годы археологами получены убедительные свидетельства существования на месте с. Шуя в конце I тыс. н. э. торгового пункта, контролировавшего движение товаров и торговцев. Однако на рубеже XI–XII вв. система экономических и культурных контактов вступила в фазу кризиса, и деятельность торговой фактории в низовьях Шуи затухла. Наступило некое тёмное время, не атрибутируемое археологически⁸. При этом отсутствие археологических свидетельств не означает, что территория запустела. В низовьях Шуи обнаруживаются убедительные примеры топонимов с доприбалтийско-

⁷ Спиридонов А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье [Электронный ресурс]. Петрозаводск, 2014. URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=21607> (24.12.2018).

⁸ Спиридонов А. М. Колония эпохи викингов при устье Шуи под Петрозаводском // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 5 (134). С. 28–36.

финскими и дорусскими корнями. Наличие древних субстратных названий как раз убедительно свидетельствует в пользу того, что на протяжении всего II тысячелетия сохранялась преемственность в использовании географических названий и носители древней доприбалтийско-финской топонимии передали её пришлому прибалтийско-финскому населению. Иначе говоря, топонимы — связующее звено между разными эпохами, этносами, языками, культурными традициями.

Позднесредневековые селища датированы здесь XIV–XVI вв. и демонстрируют другой тип культуры — сельское хозяйство⁹. Здесь сформировалась сеть поселений, объединённых в гнезда большей или меньшей величины. Характерно, что большинство названий отдельных одно- или малодворных деревень, известных в довоенное время, упомянуты уже в «Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г.» — наиболее полном из ранних топонимических и исторических источников по рассматриваемой территории, т. е. поселенческая система сложилась уже столетия назад и большинство названий поселений характеризуются значительной устойчивостью. Эта связь не всегда лежит на поверхности, но улавливается при наличии промежуточных по хронологии источников или некоторых этимологических изысканий.

Территория исторической Шуйской волости довольно показательна для Карелии как расположенная на границе бытования двух культурно-языковых традиции — прибалтийско-финской и русской. Она — классический пример того, как происходила смена этнического и языкового самосознания внутри территории отдельного административного образования: от центра к окраинам вдоль водных и сухопутных путей. Некоторые поселения, которые ещё в предвоенные годы были карельскими, сейчас идентифицируются как русские. В «Списке населенных мест Олонецкой губернии по сведениям 1873 года» всё население волости названо *лопью*, под которой понимались, конечно, не саамы, а карелы, которым известно самоназвание *lappi*, т. е. *лопь*. Очевидно, имелись в виду карелы-людики — одно из подразделений карельского этноса, территориально привязанное к восточной части Онежско-Ладожского водораздела и сформировавшееся, исходя из языковых данных, в ходе активного вепско-карельского контактирования во второй половине II тыс. н. э. Определяющую роль сыграли события российско-шведского противостояния XVI–XVII вв., вызвавшие отток карелов из Приладожья на восток, на территорию Прионежья, освоенного вепсами. В связи со значительным сходством близкородственных карельского и вепского языков и их топонимических систем, идентификация карельских и вепских элементов в топонимии затруднена, хотя в ряде случаев возможна.

⁹ Спиридонов А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье.

Русский этап в истории Шуйской волости, начинается, очевидно, к середине II тыс. в связи с вхождением территории в новгородские, а затем московские земли и оформлением административного центра погоста. При этом само русское языковое внедрение было первоначально минимальным, так что русское население здесь является преимущественно обрусевшим, т. е. перешедшими на русский язык и русское самосознание наследниками местных карелов, которые, в свою очередь, сформировались в людиковском ареале в значительной степени в результате карелизации вепсов. Такой механизм убедительно доказывается обликом русской топонимии, которая образовалась прежде всего в ходе усвоения в русское бытование нерусской топонимии через т. н. прямую интеграцию (дер. *Ринда, Сагарва, Виданы*), иногда дополненную суффиксацией (*Лембачево*), или калькированием — полным (*Порожек* — кар. *Koski*), или методом полукалек (*Урозеро, Пиньгуба, Сурнаволок*). Ойконимы, т. е. наименования поселений, традиционно бытуют здесь в двух языковых традициях — карельской и русской, при этом официальные русские названия поселений, особенно выраженные антропонимами (т. е. именами людей), далеко не всегда совпадают с неофициальными карельскими (напр., *Антушевская* — кар. *Yliči* в с. Виданы), поскольку не столь системны как оригинальные карельские, закреплялись по другим принципам и подвержены изменениям.

В силу значительной устойчивости во времени, привязки к территории, специфики номинации и особой природы топонимы обладают значительной историко-культурной информативностью.

Антушевская — кар. **Yliči** деревня в составе куста поселений Виданы (Прион. Виданский). Док. *Антушевская, а Михайловская тож* [ПК 1726, л. 583-584], *Антушевская* [Карта 1790], *Антушевская* [СНМ 1873: 6]; совр. *улица Антушевская* в с. Виданы [ОКАТО]. ♦ Карельское название восходит к люд. *ylīci* ‘через’ и отражает расположение деревни на противоположном от центральной деревни берегу Шуи. Русский вариант содержит в основе антропоним *Антушев ← Антоша ← Антон.

• Nissilä 1967: 16, 96

Бараний Берег район г. Петрозаводска на противоположном от города берегу Петрозаводской губы Онежского озера. Статус населенного места приобрел в 1920-х годах, в СНМ 1926 г. отмечен как хутор, в котором 2 дома, населенных финнами [СНМ 1926: 48]. ♦ Первоначально название берега, которое принято связывать с т. н. бараными лбами — характерными для побережья скалами, сглаженными движением ледника. При этом, однако, сам термин не зафиксирован в русских говорах Карелии.

Березовые Мосты, Мандера деревня (Прион. Ялгубский) у дороги, ведущей из Петрозаводска в Ялгубу. Док. *новый починок в Березовых мостах у паловиннаго камня* [Карта 1790], *Мандера (два поселка: Березоваго Моста и Новый Починок)* [СНМ 1873: 8], *Березовые Мосты (Мандера)* [СНМ 1905: 40], совр. *Березовые Мосты* [АГКГН]. ♦ Карельская людиковская деревня, возникающая в конце XVIII в. Оба названия характеризуют расположение поселения на местности. *Мандера*: кар. *mandere, mander* > рус. диал. *мандера* ‘суша в отличие от озера, коренной берег (в противоположность острову)’ [ПФГЛК: 58], *Березовые Мосты*, видимо, воспроизводит первоначальное название моста через ручей Ялручей.

• Nissilä 1967: 50

Бесовец — кар. **Besouč(č)а** деревня (Прион. Виданский) на реке Шуя при пороге Бесовец. Делится на Верхний Бесовец — кар. *Ylähäine Besoučša* и Нижний Бесовец — кар. *Alahaine Besoučša*. Док. *под порогом под Бесовцом* [ПКОП 1563: 123], дер. *Бесовец Ивашковская Корилянинова* [ПКОП 1563: 120], *под порогом под Бесовцом на Шуе реке* [ПКЗП 1582: 133], *Нижний Бесовец, Бесовец Верхний*, при этом в качестве жителей последнего указана лопь [СНМ 1873: 5]; совр. *Бесовец* [АГКГН] ♦ Первоначально образное название бурливого, шумного порога на р. Шуе, ср. *бесоваться* ‘шалить, озорничать’, бесливый ‘норовистый, беспокойный’ [СРГК]. Метафорические модели названий порогов, в том числе образованные от наименований «нечистой силы» (напр. *Букин порог* в Заонежье), хорошо известны в русской топонимии. В. Ниссиля, не зная о вторичности ойконима по отношению к названию порога, связывал истоки названия поселения с древнерусским именем Бес [Nissilä 1967: 16–17], что в принципе допустимо для ойконима, но противоречит принципам называния речных порогов.

• Nissilä 1967: 50

Бирючево, Биричево деревня в составе с. Шуя (Прион. Шуйский). Док. *пос. старой Биричевской пуст* [ПКОП 1563, 123], *починок старой Биричевской на Шуе реке* [ПКЗП 1582: 133], *Биричевская* [ПК 1726, л. 487], *Бирючева* [Карта 1790], *Бирючево* [СНМ 1873: 8]. ♦ Семейное прозвание Бирич широко представлено в антропонимиконе Карелии XV–XVI вв. [Кюршунова 2010: 47–48]. Восходит к др.-русск. *биричь* ‘должностное лицо, объявляющее различные указы и распоряжения’ [СЛРЯ XI–XVII, 1: 185].

• Nissilä 1967: 17

Большая Вара гора на восточном берегу Петрозаводской губы Онежского озера, у пос. Соломенное, считается доисторическим вулканом. На ее восточном склоне, обрывающемся в озеро, скала Чертов Стул (см.). ♦ Кар. *vaara, vuara, vuare* ‘лесистая возвышенность’. Термин неизвестен вепским говорам и является в Прионежье четким карельским языковым маркером.

Виданы, Виданский Погост — кар. **Viidan, Pogoste** село на р. Шуе (Прион. Виданский). В составе дер. Антушевская — кар. **Yliči**, Вячерга — кар. **Viätsyrdä**, Нижняя Видана — кар. **Alažagd'a**, Кузьминская — кар. **Yläžagd'**. Жители **viidančad**. Док. на Видане [ПКОП 1563: 115], на Видане на Шуе на реке [ПКЗП 1582: 134], На Видане [ПКД 1617, л. 101 об.], Погостская (Красный посад, Вячурина) [СНМ 1873: 6]; совр. *Виданы* (Пряж.) [АГКГН] ♦ Считается, что топоним восходит к люд. **viid, viide** 'густой молодой ельник', при этом облик **Viidan** появился в ходе абстрагирования из генитивной падежной формы, т. е. ***Viid(e) : Viidan** [Nissilä 1967: 90–91]. Последняя выступает в наименовании длинного порога **Viidanniške**, букв. 'начало порога Вийда' (**niške** 'начало порога'), расположенного на р. Шуе напротив села. Его название в виде «в Веданской Нежке» упомянуто в Писцовой книге Обонежской пятины в 1563 г. [ПКОП 1563: 136], что может рассматриваться как свидетельство важности топонима и косвенно подтверждать предложенную интерпретацию истоков названия села.

• Nissilä 1967: 90

Вонжинская деревня. в составе с. Шуя (Прион. Шуйский). Док. у погоста на Вонге [ПКОП 1563: 122], на Вонги Поповская [ПКЗП 1582: 136], Поповская на Вонге на реке на Шуе [ПК 1646, л. 96], *Ванжинская* [Карта 1790], *Вонжинское, Ванжинское* [СНМ 1873: 7]. ♦ Документальные фиксации, а также расположение деревни «на изгибе реки», напротив водоворота [Шуя 1929: 8] позволяют возводить топоним к люд. **vong, vonge** 'водоворот, омут; излучина реки' [LMS].

Заозерье — кар. **Därventagaine** село на восточном берегу оз. Логмозеро (Прион.). Док. *Заозерье словет Матфеевская* [ПКОП 1563: 119–120], *На Заозерье Матфеевская, Кирилка Пархина* [ПКЗП 1582: 137], На Заозерье Матфеевская, Кирилка Пархина, а [По]ташев наволоок тож [ПКм 1617, л. 108 об. — 109], *Заозерская* [ПК 1726, л. 493], *Заозерское общество* [СНМ 1905: 40]; совр. *Заозерье* [АГКГН]. В составе в 1926 г. дер. Конашева (Конашев Остров СНМ 1933: 84), Лехнаволоок, Петрушин Наволок, Логморучей, Рудный Наволок (Руднаволоок), Тихоннаволоок, Щелейки, Шлыккин Наволок (Шлыккино), а также пос. Судосторой. Часть из них зафиксирована уже в писцовых книгах XVI в. Большинство названий отражают привязку поселений к озерным мысам — наволокам или другим географическим реалиям. В списках населенных мест от 1873 г. население деревень, входивших в Заозерье, именуется лопью, под которой подразумеваются, очевидно, карелы-людики, населявшие местность, наиболее близкую к Петрозаводску, в составе Шуйской волости. В Заозерской волости в XVI–XVIII вв. находился небольшой мужской монастырь Соломенская Петропавловская Пустынь. В 1870-х г. начал работать Соломенский лесопильный завод. ♦ Название отражает расположение группы поселений Заозерье

на противоположном от устья р. Шуи, а также с. Шуи — центра погоста и волости — берегу оз. Логмозера.

Зимник район города Петрозаводска, расположенный на противоположном от города берегу Петрозаводской губы Онежского озера. Статус населенного места приобрел в 1920-х годах, в СНМ 1926 г. отмечен как однодворное поселение, к 1933 г. количество жителей значительно возрастает, при этом бóльшую часть из них (28 человек) составляют финны [СНМ 1933: 83]. ♦ Первоначально название урочища, расположенного у выхода зимника, т.е. зимнего санного пути, шедшего из Петрозаводска через залив и далее к деревням Ялгубской волости и в Заонежье.

• Nissilä 1967: 73–74

Ивановские острова на выходе из Петрозаводской губы в открытое Онежское озеро. Архипелаг включает 6 небольших островов: *Никольский*, названный по часовне во имя Святителя и Чудотворца Николая, действовавшей на острове в дореволюционное время; *Койвостров*: кар. *koiv*, *koivu* ‘береза’; *Мудростров*: кар. *turdo* ‘привада — место в водоеме, куда ставили небольшие елочки для приманивания рыбы, особенно в период нереста’ с характерной для русского освоения перестановкой звуков; *Педай(остров)*: кар.-люд. *pedai* ‘сосна’; *Мадостров*: кар. *mado* ‘змея’; *Ивановский* или *Маячный*, названный так по маяку, установленному на острове. Происхождение названия Ивановский неизвестно.

Ивановский Погост деревня в составе с. Шуя (Прион. Шуйский), бывший административный центр Шуйского погоста и волости. Док. *Большой Двор Тимошкино у погоста, Ивановская тож под монастырским двором на реке на Шуе* [ПКМ 1617, л. 71], *Ивановский погост* [Карта 1790], *Ивановское*, село с двумя церквями (Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца) и волостным правлением [СНМ 1873: 7]. ♦ Название погоста обусловлено названием погостской церкви Иоанна Предтечи.

Карельская — кар. **Kard’aine**, **Kard’aiženkylä** деревня (Прион. Намоевский). Док. *Карельская* [Карта 1790], *Карельское* [Стрельбицкий 1871], *Карельская* [СНМ 1905: 42]. В 2009 г. в память об утраченной деревне наименование *Карельская Деревня* [АГКГН] присвоено новому поселку в составе Шуйского сельского поселения. ♦ Истинные мотивы номинации скрыты. С осторожностью можно предположить в качестве таковых привязку топонима к ливвиковско-людиковскому этническому пограничью. Впрочем, с учетом ряда других аналогичных “карельских” топонимов, логичнее возводить название поселения к антропониму *Kard’alaine* ‘карел’ (ср. неоднократно зафиксированную в Карелии фамилию Карельский, Корельский) с редукцией слога -la- внутри слова. На такой генезис указывает и наименование соседней деревни Карельский Наволок (см.), которая по-карельски называется *Kard’aiženniem*, букв. ‘наволок карела’.

• Nissilä 1967: 30–31

Карельский Наволок — кар. **Kard'aiženniem, Niemenkylä** деревня (Прион. Намоевский) на мысу (наволоке) в северном конце оз. Карельское. Док. *Карельский наволок* [Карта 1790], *Карельский Наволок* [СНМ 1873: 9]. ♦ См. Карельская.

Карельское озеро в бассейне р. Шуя, через озеро протекает р. Чална. Док. *Чавнозеро* [Карта 1790; Шуберт 1832; Стрельбицкий 1871], *Чавнозеро* [СНМ 1873: 9], *Карельское* [СНМ 1905: 42]. ♦ Названо Карельским по расположенным на его побережье дер. Карельская и Карельский Наволок (см.). См. Чална.

Косалма — кар. **Kossalm, Kos'alm** деревня (Прион. Шуйский) на узком перешейке между озерами Укшозеро и Кончозеро. Док. *Косалма* [Карта 1790], *Косалма* [СНМ 1873: 79], *Косалма* [СНМ 1905: 656]; совр. *Косалма* [АГКГН]. ♦ В названии произошло упрощение сочетания звуков на стыке двух элементов сложного по структуре топонима: *Koski/salmi (koski 'порог', salmi(i) 'пролив') > *Kosk/salm > Kossalm → Косалма. При этом содержание топонима обусловлено характерной ландшафтной особенностью местности — коротким порожистым проливом, соединяющим Кончозеро с Укшозером. Во времена работы Кончезерского завода порог был срыт, однако и сейчас в проливе сильное течение.

• Nissilä 1967: 38–39

Кончезеро, Кончозеро — кар. **Kendärv, Kend'järvi** озеро в южной части Карелии, в бассейне р. Шуя. Разделяется цепью островов на Западное и Восточное Кончозеро. Док. *в Конче озери, в концы озере* [ПКОП 1563: 116], *в Концеозере* [ПКЗП 1582: 133], *Кончезеро* [Шуберт 1824; Стрельбицкий 1871], *Кончозеро* [Маркс 1909], *Конч-Озеро* [РККА 1941], *Кончозеро* [АК]. На северном берегу озера расположено историческое поселение Кончезеро (см.), в котором в XVIII–XIX в. действовал Кончезерский чугуноплавильный завод. ♦ Озеро имеет карельский (людиковский) и русский вариант названия, связанные между собой некоторым случайным сходством в звучании топоосновы, но не происхождением. Русский вариант мог абстрагироваться из сочетания «конец озера», «в конце озера», которое традиционно использовалось в русской речи в деревнях Шуйского погоста для обозначения южного конца оз. *Kendär'v* и располагавшейся там дер. Чупы (см. Шуйская Чупа), входившей в состав Шуйской волости. При этом ойконим Чупа содержит в основе карельский термин *šurri* 'конец', характеризующий местоположение поселения. Модель хорошо известна в русской топонимии Заонежья, где неоднократно фиксируются прибрежные угодья *Кончезеро*, *Кончезерье* или *Концезерье* (дер. Падмозеро, Белохино, Тявзия), *Концеозерье* (дер. Хашезеро), а также образованные аналогичным образом *Концегубье*, *Концегородье*, *Концецелье*, *Кончулица* и др. [СТЗ: 203] с характерным колебанием *ц ~ ч*.

Для карельского варианта *Kendärv* существует интерпретация, возводящая название к кар. *kenttä* ‘открытое ровное место, напр., на берегу реки или озера; лужайка, заросшая травой’ [Nissilä 1967: 33; ЗКТ]. Однако название может иметь и саамские истоки, независимо от того, признаются ли за прибалтийско-финским термином общие праязыковые корни с саамским (фин., кар. *kenttä*, *kentä*, вепс. *kend* = саам. *gied'de* < праязыковое **kēntē* [Lehtiranta 1989: 52–53; SSA]) или же он считается саамским заимствованием в северные прибалтийско-финские языки: саам. *gieddi*, *kieddi*, *kind* ‘естественный луг’ < прасаам. **kientē*, был усвоен в виде *kenttä*, *kentä* (фин., кар.), *kend* (вепс.) [Aikio 2009: 81–84]. Такую вероятность поддерживает саамский гидронимический контекст территории Прионежья.

Вряд ли возможно сказать определенно, где конкретно располагалось это поросшее травой открытое место, давшее название озеру. Неким ориентиром может быть то обстоятельство, что первоначально термин имел, очевидно, более узкое значение и обозначал бывшее место обитания, заросшее травой, ср. и сейчас в говорах Северной Приботнии *kenttä* ‘заросшее место временного проживания’ [SMS], ‘место, где располагалось в прошлом поселение саамов’ [Aikio 2009: 81]. Применительно к Кончезеру, а также исходя из универсальных закономерностей номинации, можно полагать, что название озера зародилось у протоки, соединяющей озера Кончозеро и Пертозеро, где могли располагаться саамские сезонные поселения. В этом случае *Kendärv* входит в ряд других озерных и речных названий с саамскими корнями в округе, а постоянное поселение прибалтийско-финского населения (вепсов) возникло на месте сезонного саамского.

• Nissilä 1967: 33–34

Красково → Сурнаволоок

Кузьминская — кар. **Yläžagd'**, **Ylägd'** деревня на р. Шуя в составе с. Виданы [Прион. Виданский]. Док. *На Видоме на реке на Шуе, а Кузьминская тож у часовни* [ПКД 1617, л. 101об.], *Кузьминская у часовни* [Карта 1790], *Кузьминская* [СНМ 1873: 6], совр. *улица Кузьминская* в составе с. Виданы [ОКАТО]. ♦ Карельское название характеризует расположение деревни внутри куста поселений Виданы: *Yläžagd'* ‘верхний конец’. Ср. *Alažagd'* ‘нижний конец’ (Нижняя Видана). В русском варианте, образованном от антропонима (*Кузьмин* ← *Кузьма*), сохраняется память о роде, основавшем или населявшем деревню.

• Nissilä 1967: 43, 94

Кулля → Суйсарь

Куняково деревня (Прион. Шуйский). Док. *поч. на Кунякове* [ПКОП: 122], *Кунякова* [Карта 1790]. ♦ Допустимо восстанавливать прозвище **kun'akko*, ср. *kun'ettoa* ‘заикаться, запинаться’ [KKS 2: 439], ср. также вепс. *kon'ak* ‘кривой, косо́й’ [СВЯ: 223].

Лембачево деревня в составе с. Шуя (Прион. Шуйский). Док. *дер. на Лембоче* (ПКОП 1563: 115), *Лембачева* [ПКЗП 1582: 136], *Лембачева на реке на Шуе* [ПК 1627: 172 об. —173], *Лембачева* [Карта ОГ 1842], *Лембачево* [СНМ 1873: 7] ♦ В истоках одно из наиболее популярных прибалтийско-финских дохристианских имен с семантикой ‘любимый, родимый’, образованное от основы *lempre- и суффикса -tty (фин. Lemmittu, эст. Lembit) или -(a)čču (кар. Lembačču).

• Nissilä 1967: 44–45

Лехнаволоок — кар. **Lehniem, Lehtniem** деревня в составе с. Заозерье (Прион.). Док. *на Лехть-наволоке на Логмоозери* [ПКОП 1563: 117], *На Лехтонаволоке на Логмоозере* [ПКЗП 1582: 138], *На Лехто-наволоке на Логмо-озере у часовни* [ПКД 1617, л. 110], *Лехнаволоок* [Карта 1790], *Лех-наволоок, Лех-наволоок* [СНМ 1873: 7], совр. Лехнаволоок ♦ Сложный по структуре топоним, отражающий расположение поселения на мысу оз. Логмозера, кар. lehto ‘роща, дубрава’, -niem ‘наволоок, мыс’.

• Nissilä 1967: 44

Липачева, Липачевская — кар. ??? деревня (Прион. Виданский). Док. *На Бесовце словет Липачевых* [ПКОП 1563: 117], *Липачевых на реке на Шуе на Бесовце* [ПКЗП 1582: 136], *Бесовец Липачевский, жители «лопь»* [СНМ 1873: 5], *Липачевская* [СНМ 1905: 44]. ♦ Может восходить к Lirič, Lirač — карельскому варианту русского календарного имени Филипп.

Логмозеро — кар. **Lohmoidärv** озеро, через которое протекает р. Шуя перед впадением в Петрозаводскую губу Онежского озера. На восточном берегу с. Заозерье, на западном Соломенский лесопильный завод. Док. *на Логмоч-озере против Грив-острова* [ПКОП 1563: 116–117], *на Логмоозере* [ПКЗП 1582: 143]. ♦ Местность при впадении Шуи в Логмозеро низинная и болотистая, что могло послужить мотивом номинации озера, ср. люд. loim [SSA 2: 87], ložme [СКНГТ] ‘низина’, позволяющие предполагать и вариант *lohmi-, ср. фин. loima, loihma, loisma в том же значении [SSA]. См. также кар. lotma, lodm(o) ‘низина’

Логморучей — кар. **Lohmoja, Ručča** ручей, приток оз. Логмозера, а также деревня при устье ручья (Прион. Заозерский). Док. *на Логмо-ручьё* [ПКОП 1563: 116], *на Логморучью* [ПКЗП 1582: 138], *Логморучьевская* [Карта 1790; СНМ1873: 7]; совр. *Логморучейная улица*. Еще в 1940-е годы в деревне звучала людиковская речь и был засвидетельствован особый логмозерский говор [Turunen 1977]. ♦ См. Логмозеро.

Мандера → Березовые Мосты

Маткачи Терешкино — кар. **Matkač, Matkačču** хутор, позднее деревня [Прион. Шуйский] на берегу оз. Укшозеро. Совр. *Маткачи* [АГКГН]. ♦ Кар. matka, вепс. matk ‘путь, дорога’, первоначально ‘волок, т.е. сухопутный участок пути между

водными участками', оформленное суффиксом *-йи*, передающим сходство с тем, что выражено коренным словом. В названии отразилось историческое значение слова, характеризующее расположение деревни на старом волоке в основании длинного Красковского наволока. Чтобы не обплывать мыс, его пересекали посуху у основания, либо перетаскивая лодки, либо оставляя их на одном берегу мыса и пересаживаясь в другую лодку на противоположном. Подобная практика неоднократно зафиксирована на северных озерах. *Терешкино* — второе название хутора, появившегося на месте исторического волока, образовано от фамилии первопоселенца.

→ Укшезеро

• Nissilä 1967: 51–52

Намоево — кар. **Nuamoil**, **Nuomoiil** деревня (Прион. Намоевский). Док. *Дер. На Шуе Намовское: Офоноско Наумов* [ПКОП 1563: 116], *Дер. Намовское на Куниши озере* [ПКЗП 1582: 134], *Намоева* [Карта 1790]; совр. *Намоево* [АГКГН]. В СНМ 1873 г. жители Намоево, как и соседних деревень Сургуба и Ринда охарактеризованы этнонимом «лоп.» [СНМ 1873: 9], т.е. лопь или лопари, под которым имелись в виду карелы-людики. ♦ Один из редких людиковских ойконимов с *-l*-овым формантом, маркирующим место жительства человека / главы семьи, рода. Может служить здесь следом собственно-карельского проникновения [Захарова, Кузьмин 2015: 44-45], особенно с учетом того, что рядом дер. *Карельская* и *Карельский Наволок* (см.). В основе кар. *Nuamoi*, *Nuomoi* ← рус. *Наум*, ср. житель *Офоноско Наумов*.

• Nissilä 1967: 56–57

Наволоок деревня в составе с. Шуя (Прион. Шуйский). Док. *поч. в Наволоке* [ПКОП 1563: 122], *Наволоок* [Карта 1790], *Наволоок* в составе дер. Фофановская [СНМ 1873: 8]. ♦ Географический термин *наволоок* 'мыс на реке', характеризующий расположение деревни.

Нижняя Видана — кар. **Alažagd'**, **Ala-Viidan** деревня в составе с. Виданы (Прион. Виданский). Док. *Нижняя Видана* [ПК 1726, л. 578–79], совр. *Нижние Виданы* (Пряж.) [АГКГН] ♦ Русский вариант спровоцирован карельским, который характеризует расположение деревни внутри куста поселений Виданы: *Alažagd'* 'нижний конец', т.е. расположенный по течению реки Шуи ниже центральной дер. Виданский Погост. Ср. *Yläžagd'*, *Ylägd'* 'верхний конец' (Кузьминская).

• Nissilä 1967: 16, 90

Педройнаволоок → Суйсарь

Пески район г. Петрозаводска. Док. *Пески*, 1852 г. [Гайдук 2017: 387], *Песочки* хутор [СМН 1926: 49], *Пески* [СНМ 1933: 84]. В Песках находятся аэропорт местных воздушных линий, городской пляж. ♦ Топоним отражает расположение района

на песчаном берегу Петрозаводской губы Онежского озера. Форма мн. числа обусловлена русской ойконимной моделью.

Петрозаводская губа залив Онежского озера напротив г. Петрозаводска. На берегах района Петрозаводска **Сайнаволок, Пески, Соломенное**, урочища **Бараний Берег** и **Зимник**, на выходе из залива в открытое озеро о-ва **Ивановские**. Впадает р. Шуя, устье которой образует пролив между оз. Логмозером и Петрозаводской губой. Док. *на Соломяне озере* [ПКОП 1563: 115], *на Тусолеме на озере* [ПКЗП 1582: 137], *озеро Соломежна из Онега-озера* [ПКД 1617, л. 152–161]. ♦ В источниках XVI–XVII в. сохранилось историческое название залива, в основе которого рус. диал. соломе < приб.-фин. *salmi, sal'm* ‘пролив’, мотивированное наиболее значимой ландшафтной особенностью местности — проливом при впадении р. Шуи в губу.

Пиньгуба залив Онежского озера; дачный кооператив на берегу залива (Прион). ♦ Название-полукалька, возникшее в результате усвоения в русское употребление прибалтийско-финского оригинала. Второй элемент выражен хорошо известным в русских говорах Карелии термином -губа ‘(озерный) залив’, первый восходит к кар. прилагательному *rieni* ‘маленький’ с характерной адаптацией дифтонга кар. *ie* → рус. *и*. Мотивом называния послужил относительно меньший размер Пиньгубы на фоне соседней Ялгубы, в названии которой заключена идея большого по размеру залива (см.).

•ТМК 2018

Плаксино деревня в составе с. Шуя — Верховье (Прион. Шуйский). Док. *над Окшицею ж, Плаксино тож над усть Унищицы реки* [ПКЗП 1582: 134], *Плаксина* [Карта 1790], *Плаксинская* [СНМ 1873: 8]. ♦ В основе русский некалендарный антропоним — прозвище, неоднократно упоминающийся в документах писцового дела XVI в. в Заонежье: Влас Плаксин, Нечайко Плаксин и др. [Кюршунова 2010: 424], от плакса ‘слезливый, склонный к вытью, плачу’ [Даль].

• Nissilä 1967: 33–34

Порожек — кар. **Koskenkylä** деревня (Прион. Намоевский). Док. *На Порошке в Сосонье* [ПКОП 1563: 122], *Пустошь, что была деревня на Порошке в Сосонье* [ПКЗП 1582: 145], *Пустошь на порошке в Сосонье Михайка Прохнова* [ПК 1671, л. 79 об.], *Порожек* [Карта 1790]; совр. *Порожек* [АГКГН], в устной практике бытует форма *Порожки*. ♦ Деревня в истоках р. Чалны из оз. Карельского, при пороге: кар. *koski* ‘порог’, *kylä* ‘деревня’.

• Nissilä 1967: 38

Пустоша деревня в составе с. Шуя (Прион. Шуйский). Док. *Пустошь* [Карта 1790], *Пустошь* состоит из поселков Глупышевский, Тимонинский, Кучиновский [СНМ 1873: 7], *Пустоша* [СНМ 1905: 40]. ♦ Пустоша ‘невозделанная

или заброшенная земля; пустошь' [СРГК 5: 356], в ойконимии обычно 'поселение на месте запустевшей деревни'.

Половина — кар. **Pošte**, деревня (Прион. Виданский). Док. *Харчевня* [Карта 1790], *Половина* [СНМ 1873: 5]; совр. *Половина* [АГКГН]. ♦ Бывшая почтовая станция, располагавшаяся на полпути между Петрозаводском и Пряжей, что отражается как в русском, так и в карельском варианте топонима, кар. рошта 'почта'.

• Nissilä 1967: 33–34

Ринда — кар. **Rind, Rinde, Rindankylä** деревня (Прион. Намоевский). Док. *Поч. У Матки Якушевской* [ПКОП 1563: 122], *Матки Якушевские* [ПКЗП 1583: 144], *Починок Матки Якушевские, а Риндинская тоже на Ушко-озере* [ПК 1620, л. 153 об.], *Ринда в краю Ушезера* [ПК 1726, л. 585], *Ринда* [СНМ 1873: 9]; совр. сад. тов. *Ринда*. ♦ Деревня располагалась на склоне высокого мыса, разделяющего оз. Укшезеро и зал. Сургуба; люд. rinde 'склон, косягор'. Топоним является ярким карельским маркером, поскольку соответствующий ландшафтный термин отсутствует в вепсских говорах. Он входит в топонимический ареал с центром в северо-западном Приладожье. Историческое название *Матка* (люд. matk 'путь, дорога') — свидетельство летнего перевоза или зимника через пролив Соломенный на оз. Укшезеро, выходявшего на берег у деревни.

• Nissilä 1967: 69; Муллонен 2011: 236.

Рудный Наволок, Руднаволок, Рудники деревня в составе с. Заозерье (Прион.), на мысу оз. Логмозера. Док. *на Логмо-озере Федка Макарова, а Рудной наволок тож* [ПКМ 1617, л. 74], *Рудной наволок* [Карта 1790], *Руд-наволок* или *Рудный Наволок* [СНМ 1873: 8]. ♦ Название связано с местом добычи озерной руды на Логмозере — Логмозерским рудником

Тихоннаволок — кар. **Tihonniemi** деревня в составе с. Заозерье (Прион.). Док. *Тихон Наволок* или *Тихий Наволок* (поселки Матковщина и Щелейки) [СНМ 1873: 7] На карте 1790 г. *Машковщина* [Карта 1790]; совр. *Тихий Наволок, Тихонаволоцкая улица* [ОКАТО]. ♦ Исторически сложный топоним, в котором отражено расположение деревни на наволоке, т.е. мысу оз. Логмозеро, кар. niemi 'мыс, наволок', а также имя поселенца: кар. Tiho(i) от рус. Тихон. Вариант Тихий Наволок может быть результатом народной этимологии.

• Nissilä 1967: 83.

Сагарва — кар. **Sagarv, Sagarvojankylä** деревня в составе с. Шуя (Прион. Шуйский). Исторически включала в себя два поселения. Док. *дер. Сагарвица у Онега озера* (ПКОП 1563: 114), *на полянке на Сагарве* (ПКОП 1563: 117); *Сагарвица, Сагаврица Другое у Онега озера* [ПКЗП 1582: 137], *Сарговица на усть-реки Сарговицы на реке на Шуе; Сарговица Другая у Онега-озера на реке на Шуе* [ПК 1627: 178], *Сагарвица у Онега озера;*

Сагарвица, а Коньшевская тож [Карта 1790], *Сагарва* [СНМ 1873]. ♦ Название деревни восходит к названию протоки в устье р. Шуи — ручья *Sagarvoja*: люд. *sagarv*, *sagarvo* ‘выдра’ [LMS], оја ‘ручей’.

•Nissilä 1967: 71.

Соломенное район г. Петрозаводска при полове, соединяющем оз. Логмозеро с Петрозаводской губой Онежского озера. В прошлом рабочий поселок, село [Прион. Заозерский], *Соломенский Погост* [СНМ 1873: 7]. В 1589–1764 гг. существовал *Салминский* (позднее *Соломенский*) Петропавловский мужской монастырь, преобразованный затем в Соломенский приход. В составе Соломенного выделяется несколько районов, в том числе *Беляевская Сторона* и *Громовская Сторона*, сохраняющие в своих названиях фамилии купцов И. Громова и А. П. Беляева, владевших в разные годы Соломенским лесозаводом, *Лачинова Мыза*, где располагался загородный дом помещика Лачинова, *Борнаволок* и *Гатнаволок* соответственно на боровом и осиновом (кар.-люд. *huaba*, *huabu*, вепс. *hab* ‘осина’) мысах. ♦ Название характеризует положение района у пролива, в нем использован русский диалектный термин соломе ‘пролив’, восходящий к приоб.-фин. *salmi*, *sal'm* в том же значении. В первоначальном названии монастыря представлен прибалтийско-финский облик термина.

•Nissilä 1967: 75.

Суйсарь — кар. **Suisuari** село (Прион. Ялгубский), в составе которого несколько прибрежных деревень (*Северный Конец*, *Средняя*, *Южный Конец* или *Педройнаволок*, *Кулля*) на юго-западном берегу Кондопожской губы Онежского озера и островная *Суйсарь на острове*, отделенная проливом от прибрежных. Док. на *Сувесоре на острове Родивоновская* [ПКОП 1563: 138], на *Сувесоре Михалевская* [ПКЗП 1582: 138], на *Сювереси* [ПК 1646, л. 101–102], *Суйсарь* [Карта 1790], *Суйсарь*, *Суйсарский Остров* [СНМ 1873: 8], *Суйсарь на острове*, *Суйсарь северная*, *Суйсарь на материке* [СНМ 1905: 38], совр. *Суйсарь*, *Суйсарь на острове* [АГКГН]. ♦ Современный облик топонима сформировался в результате закономерной утраты согласного *v*, неустойчивого в позиции между гласными, и восходит к **Suvisar'* (вепс.) или **Suvisuari* (карел.): *suvi* ‘юг, южный’, *sar'*, *suari* ‘остров’. Название характеризует расположение острова в южном конце длинной Кондопожской губы, при выходе из нее в Онежское озеро. Людиковское село окончательно обрусело в первой половине XX в. Память о карельском прошлом хранят многие топонимы, в том числе дер. *Педройнаволок*: кар. *Pedroi* – рус. Петр, а также *Кулля*: кар. *ku'l'ŋu* ‘овраг’.

Nissilä 1967: 75—76; Муллонен, Мамонтова 1997: 11

Сулажгора — кар. **Suolužmägi** значительная по высоте и размерам гора в черте г. Петрозаводска, а также расположенный на ней городской район,

в прошлом карельская людиковская деревня (Прион. Пригородный). Док. *Сулажгорская* [Карта 1790], *Суложь гора* [СНМ 1873: 8], *Суложь-гора* [СНМ 1905: 40], совр. *Сулажгора*. ♦ Считается, что свое название получила еще в период саамской истории Прионежья: саам. *suolo* ‘остров; гора’, оформленное суффиксом *-ž* с диминутивной семантикой, ср. аналогичный суффикс в названии Онежского озера — вепс. *Äniž/järv* (см.). Попытки связать истоки топонима с кар. *sula* ‘растаявший’ фонетически некорректны, поскольку не учитывают карельский вариант с дифтонгом *-uo-* в первом слоге.

•Nissilä 1967: 77.

Сургуба — кар. **Suurlaht** обширный залив оз. Укшезеро (Прион.). На берегу одноименная деревня (см.). Впадает руч. *Сурручей* — кар. *Suuroja*, протекает через оз. *Suurlambi*. Док. *У озера Сур-губа* [ПКОП 1563:123], *Озеро Сургуба* [ПКЗП 1582: 141], *Сургубское* [ПК 1726, л.586-588]. ♦ Людиковский топоним, в котором *suur* ‘большой’, *lah* севернорус. ‘губа’, т.е. ‘залив’. Русский вариант является т.н. полукалькой, с калькированным атрибутивным элементом и переведенным основным.

Сургуба — кар. **Suurlaht, Suurlahtenkylä** деревня на берегу одноименного залива (см.) (Прион. Намоевский). Док. *Дер. в Сургубе* [ПКОП 1563: 122], *Починок на озере на Сургубе* [ПКЗП 1582: 144], *Сургуба* [Карта 1790], В СНМ 1873 г. население дер. *Сургуба* (12 домов) лопь, т.е. карелы-людики [СНМ 1873: 9]. В настоящее время гостевой дом *Сургуба*.

Сурнаволок, Красково — кар. **Suurniem** деревня (Прион. Шуйский) на одноименном мысу оз. Укшозеро. Док. *Сурь Наволок (Глаксинская)* [СНМ 1873: 8], *Сур-наволок (Краскова)* [СНМ 1905: 40]. ♦ Деревня получила свое название по узкому длинному мысу, отделяющему от оз. Укшозеро обширный залив *Сургуба* — кар. *Suurlaht* ‘большой залив’ (см.), название которого в результате метонимического переноса закрепилось и за смежным мысом: *Suurniem* ‘большой мыс’. Второе название *Красково* восходит к соответствующей фамилии Красков, бытовавшей в Шуе в XIX в.

Nissilä 1967: 40, 78

Томицы местечко в пригороде Петрозаводска, железнодорожная станция (Прион.). Впервые упоминается в качестве населенного пункта при кирпичном заводе в 1933 г. (СНМ 1933: 83). ♦ Видимо, первоначально наименование речки *Томица*, впадающей в оз. Логмозеро. Характерный русский речной суффикс *-ица* использован для интеграции в русское бытование прибалтийско-финского речного наименования с основой *tuomi, tuom* (кар.), *tom* (вепс.) ‘черемуха’.

Тюрино → Ялгора

Укшезеро, Укшозеро — кар. **Ukšarvi, Ukšjärvi** озеро в басс. р. Шуи, с которой соединяется в районе села Шуя (Прион.) короткой протокой, известной

в исторических документах под названием Окшица, Ушица, Уншица. Док. *Укше-озеро* [ПКОП 1563:123], *Укшеозеро* [ПКЗП 1582: 141], *на Укше-озере* [ПКД 1617, л. 130об.], *Укшаозеро* [Карта 1790]. ♦ В основе древний уральский термин *ukti ‘дорога’, преобразовавшийся в *Ukši- в соответствии с закономерным для прибалтийско-финских языков историческим звукопереходом *ti > si или в ходе адаптации к карельскому бытованию: *Ukti- > *Uhte- (ср. многочисленные гидронимы с основой Ухт-: *Ухтозера*, *Ухта*, *Ухтама* и др. в Карелии и сопредельных областях) > *Ukš- по типу кар. lahti ~ lakši ‘залив’. Мотивом номинации послужил, очевидно, волок в основании узкого и длинного Красковского наволока, располагавшегося при истоке из оз. Укшозеро протоки Окшица и делящего озеро на две части. Для сокращения пути мыс пересекали посуху у самого основания и попадали в западную часть акватории. Подобная практика широко бытовала на северных озерах. Этимологию подтверждает и название дер. *Маткачи* (приб.-фин. matk, matka ‘дорога, путь’) на месте предполагаемого перетаска через наволок, доказывающее, что этот волок / перетаск (*ukti, matka) использовался на протяжении многих веков — и древними (условно финно-угорскими), и прибалтийско-финскими жителями этих мест.

→ **Маткачи**

Урозеро озеро у левого берега р. Шуя в районе дер. Бесовец (Прион.). Док. *Урозеро* (ПКОП 1563: 123), *Урозеро* [ПКЗП 1582: 141]. ♦ Название может указывать на особенность абриса озера — длинный узкий залив в юго-восточном углу озера: кар. uga, uigo, вепс. ugu ‘промоина, углубление, борозда’.

Усадище деревня в составе с. Шуя (Прион. Шуйский), располагалась при впадении р. Укшицы в Шую и рядом на острове, образуемом основным руслом реки и протокой под названием Малая река. Док. ? дер. *Островок над Окшицею* [ПКОП 1563: 116], ? дер. *Макарово словес на Малой речке: живут сами своеземцы Богдан да Иван* [ПКОП 1563: 122], *Усадище* [ПК 1726, л. 487], *Усадища*, *Усадища остров* [Карта 1790], *Усадище* [СНМ 1873: 8]. ♦ Усадище ‘усадыба’ [Срезневский], усадище ‘господский дом на селе со всеми ужожами’ [Даль]. С учетом упоминания в писцовых документах XVI в. своеземцев, т.е. представителей особого социального слоя мелких земельных собственников в Новгородских землях, топоним, видимо, сохраняет память о принадлежавшей им и их потомкам усадьбе и землям. При этом деревня имела статус помещичьей вплоть до революции 1917 г., и в ней располагался дом управляющего [Шуя 1929: 67].

Царевичи — кар. *Āarviča*, *Āarvičä* деревня (Прион. Намоево). Док. *Царевка* [Карта 1790], *Царевичи (Новинка)*, в которой помещичий дом [СНМ 1873: 9]. Мыза принадлежала в XIX в. наследникам бывшего горного начальника Олонецких заводов

Бутенева [ОС 1902: 120–130]. Совр. Царевичи [АГКГН]. ♦ Видимо, топоним не имеет народных истоков, а возник как название помещичьей усадьбы в память о поездках царя Петра Первого в Марциальные Воды. Об отсутствии народной традиции бытования свидетельствуют и варианты *Царевка* с нехарактерным для названий населенных мест Карелии формантом *-ка*, а также *Царевичи*, не подкрепленный соответствующим ойконимным рядом *-ичи* в Прионежье. В. Ниссиля возводил топоним к апеллятиву *царевич* или антропониму Царь, Царев [Nissilä 1967: 85].

Чална — кар. **Čaunand’ogi** река, левый приток р. Шуя, протекает через оз. Карельское – исторически оз. Чавнозеро [Карта 1790, СНМ 1873: 9]. Док. *Чавна*, *Чавнозерка* [Карта 1790], *Чавна* [Стрельбицкий 1871] *Челма* [СНМ 1873: 9]. В 1947 г. в устье реки основан поселок лесозаготовителей, в котором в 1940-е — 1980-е годы располагалась дирекция Шуйско-Виданского леспромхоза. В настоящее время пос. *Чална* (Прион.) [АГКГН]. ♦ Истоки топонима затемнены.

Чертов Стул скалистое урочище на восточном берегу Петрозаводской губы Онежского озера, у пос. Соломенное. Геологический памятник природы на склоне горы Большая Вара (см), образовавшийся в результате древней вулканической и ледниковой деятельности. Традиционное место отдыха горожан. ♦ Очертаниями напоминает стул с «сидением» — поляной и «спинкой» — отвесной скалой, что и породило образный топоним. Образ носит универсальный характер, неоднократно воплощен в наименованиях гор и скал и за пределами Карелии.

Шуя — кар. **Šuoju, Šuojunjogi, Suojoki** река в южной Карелии, вытекает из оз. Суоярви, протекает через крупные озера Шотозеро, Вагатозеро, Логмозеро, впадает в Онежское озеро. Длина 194 км. Крупные притоки Святрека, Чална, Сяпса, Кутизма, Тарасйоки, Пюхяйоки [КОРК] ♦ Название принято связывать с наименованием оз. Suojärvi — Суоярви, являющегося истоком реки, в котором закрепилось приб.-фин. suo ‘болото’. При этом для объяснения шипящего *š* в *Šuojju* предлагается исходить из особенностей местного карельского произношения, а конечный элемент *-ju* рассматривать как рудимент *-jogi* ‘река’. Местная традиция Шуйской волости считала, что топоним родился в низовьях реки и связан с тем, что в приустьевой части реки «шуйская местность низкая и окружена болотами» [Шуя 1929: 20], что в принципе согласуется как с ландшафтно-географической характеристикой, так и с закономерным и естественным для рек появлением их названий в низовьях с последующим распространением вверх по реке. С другой стороны, с учетом вхождения *Шуи* в ряд других речных названий *Шуя*, бытующих в Верхневолжье и на Русском Севере, высказываются соображения в пользу мерянских истоков топонима [Nissilä 1967: 77; ЗКТ: 95–96]. Существует предположение о возможной связи топонимов *Шуя* с зап.-урал. *šuj или *šuj, которое, в свою очередь, реконструируется на основе саам. Инари *čuajá ‘длинный и

узкий залив, также река, впадающая в него' [Rahkonen 2013: 237]. Несмотря на некоторые историко-фонетические сложности, последняя интерпретация более адекватно, чем прибалтийско-финская, объясняет компонент *-ju /-я* в *Šuoju / Шуя*. Она подтверждается и ландшафтно-географически — узкой и длинной Петрозаводской губой Онежского озера, в которую впадает р. Шуя.

Шуя — кар. *Šuoju, Šuojunkylä, Šuojunpogosta* село, центр Шуйского сельсовета (Прион.) в низовьях р. Шуя. Позднесредневековые селища датированы XIV–XVI вв. [Спиридонов 2014]. Впервые упоминается в ПКОП в 1563 году как административный центр Никольского погоста, в котором две церкви: Николая Чудотворца и Иоанна Предтечи (см. д. Ивановский Погост). Позднее центр Шуйской волости и сельсовета. Док. *на погосте на Шуе* [ПКОП 1563: 113], *в Никольском погосте на реке на Шуе волость Шуя* [ПКЗП 1582:134], *Шуйская волость* [СНМ 1905: 38], *Шуйское общество* [СНМ 1905: 40], совр. *поселок Шуя* [АГКГН]. Село включало в себя в довоенное время 18 отдельных деревень, в том числе Бирючево (или Биричево), Вонжинская, Выморская, Ереминская, Ивановский Погост, Коловой Остров, Куняково, Лажевщина, Лембачево, Наволок, Плаксино, Пустоша, Сагарва, Соймино, Сысоевская, Маткач, Тимонинская, Фофаново, Усадище. Часть из них упомянута уже в писцовых книгах XVI в. Большинство ойконимов восходит к соответствующим антропонимам — именованиям первопоселенцев, что в целом характерно для сельскохозяйственных поселений. В списках населенных мест от 1873 г. население деревень, входивших в Шуйский погост, именуется лопью, под которой подразумеваются, очевидно, карелы-людики, населявшие местность, наиболее близкую к Петрозаводску, в составе Шуйской волости.

♦ Восходит к названию р. Шуи (см.).

Шуйская Чупа — кар. *Šurru, Šuojun Šurru* деревня (Прион. Шуйский) в южном конце озера Кончозера. Док. *В конце озери, на концы озере* [ПКОП 1563: 116], *в Кончозере* [ПКЗП 1582: 133], *Чупа* [Карта 1790], *Шуйская Чупа* [СНМ 1873: 9], *Чупа* [СНМ 1905: 40], совр. *Шуйская Чупа* [АГКГН]. ♦ Кар. *šurru* 'конец', характеризующий местоположение поселения у южной оконечности узкого и длинного оз. Кончозера. Определение *Шуйская*, т.е. входящая административно в состав Шуйской волости, отличает деревню от поселения *Чупа*, входящей в состав с. Кончезеро и расположенной в противоположном северном конце озера.

Nissilä 1967: 86.

Щелейки деревня в составе с. Заозерье (Прион.). Док. *Щелейки* поселок в составе д. Тихоннаволок [СНМ 1876: 7]. ♦ Рус. диал. щелейка, щелья 'скала, каменистое скалистое место' [СРГК].

Ялгора, Тюрмино деревня (Прион. Ялгубский) у подножья *Ялгоры*, в верховьях *Ялручья*, стекающего в зал. *Ялгуба*, на старой лесной дороге из с. Заозерье в с. Суйсарь. Док. *новой починок черной лес Ялгора* [Карта 1790], *Тюрмино, Ялгора (Янгора)*

[СНМ 1873: 8], *Ялгора, Тюрьмино* [СНМ 1905: 40]. ♦ Карельская людиковская деревня сележного типа, возникшая в конце XVIII в. Названа по одноименной горе, наименование которой, в свою очередь, входит в одно гнездо с *Ялгуба* (см.). Второе название, очевидно, восходит к фамилии жителей, ср. фамилия Turmi, Turminen, которая фиксируется на территории Восточной Финляндии с 1500-х годов [SN]. Менее вероятно его возведение к русскому заимствованию t'ürm 'тюрма', а также ландшафтному термину termä 'крутой склон горы, береговой обрыв' [Nissilä 1967: 87].

Ялгуба — кар. **Jallaht'**, **D'allaht'** залив Онежского озера; село (Прион. Ялгубский). Док. в *Ялгобе, на Ялгоше, на Ялгубе* [ПКОП 1563: 120–122], *на Ялокши, на Ялгоши, на Ялгубе* [ПКЗП 1582: 138, 143—144], *починок в Ялгобе* [ПК 1620, л. 154]; в *Ялгубе* [ПК 1646, л. 100], совр. *Ялгуба* [АГКГН]. В составе села несколько деревень, в названиях которых закрепились имена их основателей и первопоселенцев: Анхимовская, Емельяновская, Окуловская [СНМ 1926: 49]. На южном берегу горнолыжный комплекс **Ялгора**, название вторично по отношению к наименованию залива Ялгуба. В залив впадает руч. **Ялручей**, в истоках которого гора **Ялгора** и бывшая одноименная деревня (см.). Еще в конце XIX в. половина жителей Ялгубы свободно говорила по-людиковски [Turunen 1977]. ♦ В топониме закрепилось древнее приб.-фин. прилагательное *jalo 'большой' [SSA]: залив Ялгуба своей протяженностью практически в два раза превосходит соседний залив Пиньгуба (приб.-фин. riēni 'маленький') (см.). Ареал топоосновы *Jalo-* в южной Карелии привязан к исторической вепсской территории, в которую входила и Ялгуба. В свою очередь, зафиксированный в исторических документах вариант Ялокша отражает интеграцию изначально вепсского топонима в карельское употребление, связанное с активной карелизацией Прионежья в XVI веке: Ялокша < кар.*Jallakši, в котором ярким собственно карельским маркером является элемент кар. -lakši 'залив' при вепс. laht, ливв.-люд. lahti. Финский топонимист В.Ниссиля связывал в свое время происхождение топонима с кар. jalg, jalgu 'нога', мотивируя это формой узкого и длинного залива. Однако эта интерпретация основана, скорее, на народной этимологии.

Nissilä 1967: 24; ТМК 2018

Список сокращений

вепс. — вепсский язык
 дер. — деревня
 Док. — документы
 др.-рус. — древнерусский
 кар. — карельский язык
 ливв. — ливвиковский
 люд. — людиковский
 прасаам. — прасаамский
 Приг. — Пригородный район
 Прион. — Прионежский район
 Пряж. — Пряжинский район
 р. — река
 рус. — русский
 с. — село. дер. — деревня
 севернорус. — севернорусский
 фин. — финский

Список источников

АГКГН — Автоматизированный государственный каталог географических названий [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/gosudarstvennyy-katalog-geograficheskikh-nazvaniy/>. — (24.12.2018).

АК — Атлас «Карелия. Южная часть». Масштаб: в 1 см — 1 км. — Москва : Ультра Экстент : Арбалет, 2004. — 175 с.

Даль — *Даль, В. И.* Словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва, 1955. — Т. I–IV.

Срезневский — *Срезневский, И. И.* Словарь древнерусского языка. В трёх томах, в шести книгах : репринтное издание / И. И. Срезневский. — Москва : Книга, 1989.

Карта 1790 — План Генерального Межевания Петрозаводского уезда. Масштаб межевой карты — 4 версты в дюйме. 1790 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/. — (24.12.2018).

Карта ОГ 1842 — Общая карта Олонецкой губернии 1842 года [Электронный ресурс]. — URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_1842-oloneckaya-guberniya/. — (24.12.2018).

Маркс 1909 — Атлас Маркса онлайн. Карта Европейской России [Электронный ресурс]. — URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_marksa/. — (24.12.2018).

ОКАТО — Общероссийский классификатор объектов административно-территориального деления [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gosspravka.ru/35/011/000000.html>. — (24.12.2018).

ОС 1902 — Путь к водопаду Кивачу от Петрозаводска // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. — Петрозаводск, 1902. — Вып. 4. — С. 120–130.

ПКД 1617 — РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. «Книга Новгородцкого уезда Олонеским дворцовым погостам писма и меры Петра Ивановича Воейкова да диака Ивана Лговского 124-го и 125-го году, да туто же книга писма и меры одново диака Ивана Лговского заонежскому Андомскому погосту да Оштинскому стану дворцовым же погостом 1270го году», 1615/16–1616/17–1618/19 гг.

ПКМ 1617 — РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 1. Д. 8551. 458 л. Подлинник. «Список с писцовых книг Заонежских погостов митрополичьим, монастырским, поместным землям писма и меры князя Петра Воейкова да дьяка Ивана Лговского 124 и 125 году [1615/16–1616/17 гг.]»¹⁰.

ПК 1620 — РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 1. Кн. 979. 950 л. Подлинник. «Подлинная дозорная книга патриарших, митрополичьих и монастырских земель Обонежской пятины Заонежской половины» князя Мины Дмитриевича Лыкова. 1620 г.

ПК 1646 — РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 1. Кн. 980. 577 л. Список XVII в. «Книги переписные государевымъ царевымъ и великого князя Алексея Михайловича всея Руси Новгородского уезду Заонежским погостомъ чернымъ волостям деревнемъ и митрополичьим и монастырским вотчинам, и в них дворам и крестьянскимъ и бобыльским переписи Ивана Прохоровича Писемского да подьяего Якова Еуфимьева 156 и 155 году [1646\47–1647\48 гг.], а что в котором погосте сель государевных и починков и в них дворов крестьянских и бобыльских, и во дворах людей по имяномъ и з детми, и з братьею, и с племянники, и со внучатами, и с подсоседники, то писано в книге сей имянно».

ПК 1726 — РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2370. 1726 г. 596 л. «Книга переписная, окладная дворцовых, помещичьих и монастырских врестьян, монастырских работников Вытегорского, Андомского, Пудожского, Шальского и Лопских погостов, Пещанской, Водлозерской волостей, Шуйской половины Олонецкого уезда, положенных на содержание Фоменцына полка».

ПКЗП 1582/83 — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах /

¹⁰ Здесь и далее материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) из базы данных «Каталог населенных мест Карелии и сопредельных областей XV–XX вв.», созданной при поддержке РГНФ в ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / подг. к печ.; ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. — Петрозаводск ; Йоэнсуу : КарНЦ РАН, Ун-т Йоэнсуу, 1993. — Т. III. — С. 34–341.

ПКОП 1563 — Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР: Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / подг. к печ. А. М. Андрияшев / под ред. М. Н. Покровского. — Ленинград : Изд-во АН СССР, 1930. — С. 57–254.

РККА 1941 — Карта РККА Карелии. 2 км [Электронный ресурс]. — URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_rkka/. — (24.12.2018).

СКНГТ — Кузьмин, Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии. Рукопись. Хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН.

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII веков / Под ред. В. Б. Крысько / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — Москва : Наука – Азбуковник, 1975. — Вып. 1. — 371 с.

СНМ 1873 — XXVII. Олонецкая губерния: Список населенных мест по сведениям 1873 года / Центральный стат. комитет М-ва внутренних дел. — Санкт-Петербург : Типография МВД, 1879. — ХCV, 235 с.

СНМ 1905 — Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / составил действительный член-секретарь комитета И. И. Благовещенский. — Петрозаводск : Олонецкая губернская типография, 1907. — 326 с.

СНМ 1926 — Список населенных мест Карельской АССР : (по материалам Переписи 1926 года) / составлен Статистическим Управлением АКССР. — Петрозаводск : Изд. Стат. Управл., 1928. — XVI, 159 с.

СНМ 1933 — Список населенных мест : по материалам Переписи 1933 года. — Петрозаводск : Изд. УНХУ АКССР Союзоргучет, 1935. — 130 с.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / под ред. А. С. Герда. — Санкт-Петербург : Изд-во СПб. университета, 1994–2005. — Вып. 1–6.

Стрельбицкий 1871 — Карта Стрельбицкого онлайн. Специальная Карта Европейской России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-strelbickogo/>. — (24.12.2018).

Шуберт 1832 — Специальная карта Западной части России Шуберта 1826–1840 годов [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/>. — (24.12.2018).

KKS — Karjalan kielen sanakirja / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. — Helsinki : SUS, 1968–2005. — Osat 1–6. — (Lexica Societatis Fennougricae XVI).

LMS — *Lyydiläismurteiden sanakirja / ainekset keränneet* K. Donner, J. Kalima, L. Kettunen, J. Kujola, H. Ojansuu, E. Pakarinen, Y. H. Toivonen & E. A. Tunkelo ; toim. ja julk. J. Kujola. — Helsinki : SUS, 1944. — 543 s. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae IX).

SMS — *Suomen murteiden sanakirja. Ensimmäinen osa.* — Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36. — Helsinki : Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1985. — 806 s.

SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / toim.* E. Itkonen, U.-M. Kulonen. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. — Osat 1–3.

Список литературы

Гайдук 2017 — *Гайдук, С.* Топонимы Петрозаводска: улицы и парки / С. Гайдук. — Москва : ООО «Сам Полиграфист», 2017. — 742 с.

Захарова, Кузьмин 2015 — *Захарова, Е. В.* Историко-культурный потенциал людиковской топонимии / *Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин // Локальные исследования Южной Карелии: опыт комплексного анализа.* — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. — С. 25–51.

ЗКТ — *Керт, Г. М.* Загадки карельской топонимии. Рассказ о географических названиях Карелии / *Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова.* — Петрозаводск : Карелия, 1978. — 111 с.

КОРК — *Каталог озер и рек Карелии / под ред. Н. Н. Филатова и А. В. Литвиненко.* – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2001. — 289 с.

Кюршунова 2010 — *Кюршунова, И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. / *И. А. Кюршунова.* — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2010. — 672 с.

Муллонен 2011 — *Муллонен, И. И.* Людики на топонимической карте Карелии / *И. И. Муллонен // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреновские чтения.* — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2011. — С. 229–239.

Муллонен, Мамонтова 1997 — *Муллонен, И. И.* Село Суйсарь и его окрестности в географических названиях / *И. И. Муллонен, Н. Н. Мамонтова // Село Суйсарь: история, быт, культура / отв. ред. Т. В. Краснопольская, В. П. Орфинский.* — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. — С. 10–20.

ПФГЛК — *Мамонтова, Н. Н.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии / *Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен.* — Петрозаводск : КНЦ РАН, 1991. — 158 с.

СВЯ — *Зайцева, М. И.* Словарь вепского языка / *М. И. Зайцева, М. И. Муллонен.* — Ленинград : Наука, 1972. — 745 с.

Спиридонов 2013 — *Спиридонов, А. М.* Колония эпохи викингов при устье Шуи под Петрозаводском / *А. М. Спиридонов // Учёные записки Петрозаводского*

государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». — 2013. — № 5 (134). — С. 28–36.

Спиридонов 2014 — Спиридонов, А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье [Электронный ресурс] / А. М. Спиридонов. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. — 162 с. — URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=21607>. — (24.12.2018).

СТЗ — Муллонен, И. И. Свод топонимов Заонежья / И. И. Муллонен, И. В. Азарова, А. С. Герда ; под ред. А. С. Герда. — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. — 251 с.

ТМК — Захарова, Е. В. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте / Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин, И. И. Муллонен, Н. А. Шибанова ; под ред. И. И. Муллонен. — Москва: ИД ЯСК, 2018. — (в печати).

Шуя 1929 — Шуя, июнь 1929: Быт севернорусской деревни / сост. Ю. И. Дюжев; науч. ред. К. К. Логинов. — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. — 154 с.

Aikio 2009 — Aikio, A. The saami Loanwords in Finnish and Karelian : PhD Diss. Oulu : [s. n.], 2009. — 386 p.

Lehtiranta 1989 — Lehtiranta, J. Yhteisaamelainen sanasto / J. Lehtiranta. — Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. — 180 s.

Nissilä 1967 — Nissilä, V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes / V. Nissilä. — Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1967. — 130 s. — (Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia 144).

Rahkonen 2013 — Rahkonen, P. South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics / P. Rahkonen. — Jyväskylä : Bookwell Oy, 2013. — 246 p.

SN — Mikkonen, P. Sukunimet / P. Mikkonen, S. Paikkala. — Helsinki : Otava, 2000. — 895 s.

Turunen, A. Lyydiläisten murresaarekkeet Karjalan tasavallan venäjänkielisellä alueella / A. Turunen // Neuvostoliitto-instituutin vuosikirja. — Helsinki, 1977. — Osa 25. Kielen ja kulttuurin kentältä. — S. 173–186.

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ
КОНФЕРЕНЦИЙ**
PAPERS OF THE ACADEMIC
CONFERENCES

ELITES AND THE STATE. ORGANISATION, DISSOLUTION AND RE-INVENTION OF STATE AND GOVERNMENT, 1725–1925

ЭЛИТЫ И ГОСУДАРСТВО. СОЗДАНИЕ, РАСПАД И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ, 1725–1925

PREFACE

In the current issue we publish several articles based on the contributions to the third Finnish-Russian Conference on Elite Studies *Elites and the State. Organisation, dissolution and re-invention of state and government, 1725–1925*. It took place in St. Petersburg on September 12–14, 2018. The conference was organised by the *Imperial Era Network* (<https://keisariaika.wordpress.com/>), with the financial support of the Finnish *Kone Foundation* and in cooperation with *Consulate General of Finland*, St. Petersburg, the *Finnish Institute in St. Petersburg* and the *Aleksanteri Institute*, University of Helsinki. The organising committee consisted of docent, Dr Kristiina Kalleinen, Dr Alex Snellman, docent, Dr Marina Vituhnovskaja and Dr Marja Vuorinen.

The first conference in this series, with Professor Timo Vihavainen as the chairman of the organising committee, was held on November 7, 2014. It was titled *Encounters of Finnish and Russian elites in the 19th and early 20th century: nationality and citizenship as crucial factors defining the relations*. The second conference, organised by the present committee, in cooperation with Russian academics and institutions, titled *Elites in times of change*, took place on September 14–15, 2016.

As the interest for our conference has been steadily growing, this time it was organised as a three-day event. The venue of the first conference day was the Finnish Institute in St. Petersburg (Dom Finliandii, Bolshaia Koniushennaia 8), housed in a building the roots of which as the centre of Finnish activities in St. Petersburg go back to the 19th century. The second and the third conference days took place in the Consulate General of Finland (Preobrazhenskaia Square 4).

This time, all presentations were simultaneously translated between English and Russian. In the previous two conferences, the papers were either divided into all-English vis-à-vis simultaneously translated Finnish-Russian sections (days), or translated between Finnish and Russian in its entirety.

The opening remarks were given by Consul General Anne Lammila and Sani Kontula-Webb, the director of the Finnish Institute, on behalf of the housing institutions, followed by docent, Dr Kristiina Kalleinen, coordinator of the *Imperial Era Network*, the organiser of the conference, and professor Vladimir Vitalievitch Noskov as representatives of the Academia. In his speech, professor Noskov strongly suggested

that the participants should expressly define their main concepts, particularly that of 'elites'. Several speakers later took up this challenge and discussed their concepts in their presentations.

The conference opened with a session on *Reorganisation of state structures: before and after the 1917 revolutions*. The topics ranged from Russian political thinkers N. A. Berdiaev and Viktor Chernov to the role of Finland in the Soviet foreign policy in the 1920s. After a coffee break, the programme continued with another theme session, titled *Rethinking systems of state control during the 18th–20th centuries*, including papers on Iakov Esipovich as a developer of the Russian judicial system, and on the education of future Russian bureaucratic and other elites. The first conference day ended with an informal get-together with wine and canapés.

The second conference day, now at the Consulate General, opened with a session on *Formation of national elites before and after the end of the empire*, with papers about the role of Belarussian elites in imperial unification in the 19th century and the ethno-cultural ideals of the Revolutionary period.

The first session on *Regional-national elites*, with the sub-topic of *the Old Finland and the Grand Duchy*, shed light on the intermarriage of Russian soldiers and Finnish women in the period of 1750–1850, and the establishment process of the Finnish Military High Court in the 1810s. After lunch, the session continued with presentations on N. H. Pinello, a "deviant" Finnish nobleman with bourgeois-liberal ideas, and on the civil uniforms of the Grand Duchy as agents of Imperial power.

The second session on regional-national elites focussed on *Soviet Karelia*, with papers describing the formation, composition, internal relations and conflicts of the Karelian Workers' Commune, and the role of Swedes in the national construction of Soviet Karelia in 1920–35.

In the evening, there was a reception by the Consul General of Finland Anne Lammila at her residence, situated at a historical palace on Ulitsa Chaikovskogo built in the 1830s.

The third conference day opened with a session on *Elite identities, self-presentation and presentations of power*. The first two papers spanned the period of 18th to 20th century, describing the several generations of the Counts Zubov, and the social position of rich Russian merchants. They were followed by two 19th-century cases pertaining to the Grand Duchy of Finland and focusing on the role of the Governor-General and Russian Officers in the founding and operating of the Russian State Theatre in Helsinki in 1868–1918, and the Governor-General Nikolai Adlerberg as the representative of Russian Elite (1866–81).

The last session, titled *Elites and revolution*, focused on key individuals and groups as agents of revolution and resistance, such as Konni Zilliacus and Brutus Lagercrantz,

on the Finnish side, and the Russian political prisoners who formed the so-called *Schlisselburg Republic* of 1917.

During the closing discussion, the organisers asked the participants for ideas about the theme of the next conference. Several suggestions emerged, including individuals and processes, women and gender, childhood, and generations. Seeing that the theme of *Generations* actually included all the above suggestions, and furthermore was inclusive enough to be applicable to a wide range of individual topics, it was agreed that the general theme of the next conference will be *Generations*.

The fourth conference on Finnish and Russian elites is scheduled to take place in the autumn of 2020 in St. Petersburg.

M. Vuorinen

VUORINEN Marja / ВУОРИНЕН Марья
University of Helsinki / Университет Хельсинки
Finland, Helsinki / Финляндия, Хельсинки
marja.vuorinen@helsinki.fi

**A NOBLEMAN WITH BOURGEOIS ATTITUDES: N. H. PINELLO
CHALLENGING THE POLITICAL ROLE OF THE FINNISH NOBLE
ESTATE**

**ДВОРЯНИН СО ВЗГЛЯДАМИ БУРЖУА: Н. Х. ПИНЕЛЛО БРОСАЕТ ВЫЗОВ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ФИНЛЯНДСКОГО БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ**

Аннотация: Статья посвящена выдающемуся и необычному представителю финляндского дворянства — Нильсу Хенрику Пинелло (1802–1879), принадлежавшему к итальянскому по происхождению роду и активно вращавшемуся в экономических, политических и культурных кругах Финляндии середины XIX столетия. Этот экстраординарный человек, чья карьера была весьма извилистой, попробовал себя на ниве множества профессиональных занятий, типичных для той эпохи экономической и общественной модернизации: от неудачливого помещика, предпринимателя, державшего лесопилку, обладателя докторской степени по горному делу — до журналиста, писателя, драматурга, владельца ресторана и театра, любителя музыки и истории, обосновавшегося в родном для него Або (фин. Турку). Кроме того, Пинелло представлял свой дворянский род на финляндских сословных сеймах и был депутатом первых трёх из них — в 1863–1864, 1867 и 1872 гг. Настоящая статья относится к жанру биографического исследования на микроисторическом уровне. Рассматривая жизнь Пинелло на фоне его политического поколения, ставшего свидетелем медленного (вос)создания финляндского четырёхсословного сейма на протяжении 1840–1870-х гг., я прослеживаю политические взгляды выдающегося дворянина, который ассоциировался в первую очередь с процветавшей буржуазией небольших городов. Я анализирую замечания Пинелло (часто язвительные и саркастичные) относительно проектов, высказываний, перспектив, образа жизни и т. п. представителей благородного сословия — угасание непосредственного политического влияния дворянства было оборотной стороной многообразия игравшихся им общественных ролей, оно помогает объяснить и его идеологический выбор. Обращая внимание на исключительность политических предпочтений и яркость публичного поведения Пинелло, столь выделявшие его из его среды, я стараюсь подчеркнуть не только *отклонения от нормы*, но также преобладавшие *модели нормального*, за рамки которых он, как может показаться, выходил. Анализируя историю финляндского дворянства XIX в. одновременно на микро- и макроуровнях, я надеюсь осветить сразу с двух сторон процесс, который в итоге привёл к упразднению четырёхсословной системы (вместе с дворянством) и созданию однопалатного парламента.

Keywords / Ключевые слова: Finland, nobility, 19th century, modernisation, political generations, identity, norms, deviance / Финляндия, дворянство, XIX в., модернизация, политические поколения, идентичность, нормы, отклонение от нормы

A Ginzburgian moment in the Archives of the House of Nobility

N. H. Pinello may well be responsible for the fact that I became a professional historian. When I was planning my *pro gradu* thesis in the history of architecture, back in the early 1990s, my professor suggested that I should look into the construction process of *Riddarhus* or the House of Nobility, a small neo-gothic palace located among the government buildings in the administrative centre of Helsinki.¹ In the beginning, I was not at all keen on the project, yet decided to give it a go. It soon got exiting, when I entered the archives, kept in the very House whose history I was beginning to investigate.

I started to read through the protocols of the first, 1848 *Riddarhus committee*, whose task was to decide about the functions to be included into the building and its size, inspect the available assets, and engage an architect to make preliminary plans. Pinello, then in his late forties, was one of the nine members of the committee, which consisted of three representatives from each of the three classes of nobility (see below). He soon became my favourite among all the historical figures I have encountered. In my contribution to *The History of Nobility in Finland* (forthcoming 2019), I touch upon Pinello again, which gave me the reason to finally write something solely about him.

Perusing the hand-written protocols, ink on handmade paper, I noticed that they were made partly in dialogue format, recording the committee members' lines word for word, sometimes with additional commentary by the secretary who had jotted them down. When I came to Pinello's words, I was surprised by his starkly oppositional attitude towards the whole idea of building the House, as well as by his no-nonsense-verging-on-downright-rude style of speech.

I was also surprised by my own immediate reaction. My thoughts went something like this: "Here is a Voice of Modernity, commenting on an outmoded project; an Outstandingly Modern Personality speaking in an ancient setting, against antiquated and self-serving attitudes.² How Can This Be?!"

Only after Pinello's unexpected tone of voice had disturbed my ready-made notions about nobility, I realised that I actually had any – and started wondering where they might have come from. By then, I had never met a person with manifest noble ancestry. Also, I did not seem to have many intellectually plausible items of knowledge about

¹ Literally 'House of Knights'; nowadays formally translated as 'the Palace of Nobility', presumably to make a difference between the building (Palace) and the organisation (House), see: "The House of Nobility," *Riddarhuset.Fi*, <https://www.riddarhuset.fi/english/> (accessed December 30, 2018). Below, I nevertheless give the name of the building as 'House of Nobility', to better reflect the more subdued tone of its official names, *Ritarihuone* and *Riddarhus*, in Finnish and Swedish, equating the building with the institution it represents.

² Writing my *pro gradu*, I dutifully documented both the justifications for and the contemporary critique against the House project. In the title, I, for balance's sake, juxtaposed the two approaches. Marja Vuorinen, *Pyramidi vai kunnian temppele? Ritarihuoneen ikonografia* [A pyramid or a temple of honour? The iconography of the House of Nobility] (University of Helsinki, unpublished, 1994).

nobility, other than schoolbook commonplaces of its being a long-abolished historical estate, in the Scandinavian system the first among four, elsewhere one of three; a social group into which most of the powerful figures of the past had belonged to, up until, say, around the early 19th century.

What I seemed to have instead, and in plenty, were *attitudes*. Noble people were richer than all the others. They owned palatial manor houses, paid by spoils of war and cared for by the work of exploited peasants. As civil servants, they were powerful but not necessarily competent; they were idle; they were warlike; they had magnificent weapons, hounds, horses and carriages; they hunted; they gambled. They wore expensive clothes, fancy furs and heirloom jewellery. Often, they were physically degenerate, even feeble-minded, apparently from too much intermarrying. They were proud among their peers and contemptuous or even violent towards commoners. They spent most of their time in royal/imperial courts, doing little else than languishing about, dressing up, dancing, dining, scheming, intriguing and having affairs. If military, they wore fancy uniforms and decorations, and equally did nothing worthwhile, dividing their time between marching in parades and going to balls to dance with eligible maidens; marrying mainly amongst their peers, they made a habit of seducing the daughters of ordinary people just for sport, going to brothels, and/or marrying overaged bourgeois heiresses for money, in order to pay their long-accumulated, enormous debts. And so on, and so forth.

It began to dawn on me that these pre-existing notions could not be the whole truth. Provided that someone who spoke like Pinello could be found among the 19th-century Finnish nobility, my attitudes were not very charitable, either. In fact, they sounded suspiciously like an *intentionally hostile caricatures*, likely to have been made up *by a political enemy*.

At this point it became obvious that, as the saying goes, someone else had been thinking in my head. These ideas had clearly been planted, as sleeping agents, designed to spring into action in the presence of the notion of nobility. The question was, by whom had they been planted, and how?

Looking at the political and societal developments that took place in the 19th century — from the long shadow of the 1789 French Revolution to emerging nationalism, educational reform, all-round modernisation of bureaucracy, technology, economy and the media, as well as the growing popularity of the progressive ideas of equality and democracy — the perpetrator was not hard to find.

In the historic conflict where European nobilities were the eventual losers, the prime challenger and winner-to-be was the ever-growing educated, meritocratic, bourgeoisie-based commoner stratum. Having the most to gain from the impending power shift, it painted its predecessor and current rival in black, projecting an image of incompetent and exploitative international elite. In the process, nobility eventually lost its position

as a powerful political collective, even though maintaining all the resources stemming from property, culture, formal hierarchy and networks.

Having thus established the issue of *who*, I then arrived to the *how*. I was vaguely aware of the countless classic novels, plays, historical films and TV-series that portrayed members of nobility as rich, violent, power-hungry, incompetent and exploitative. Looking at 19th-century novels, mainly by progressive commoner authors, I soon realised the emotional potential of fiction to smuggle in political ideas, aided by nationalist historiography and militantly progressive press.³ Foucauldian *discourse theory*⁴ came in handy, when analysing the cross-media image of nobility as a deliberately created *enemy image*. After finishing my dissertation on the topic⁵ I have moved on, to the affiliate branches of *propaganda studies* and *dynamic elite studies*, focussing on how ideological power works, political movements organise, hegemonies shift, power structures get replaced, and regimes change.⁶ The insights gained along that path proved useful for making sense of Pinello's political (mis)behaviour.

Finally, the concept of *exceptional typical* (exceptional normal, typical exception, *etc.*), developed by Carlo Ginzburg, became invaluable for the project at hand. According to him, a decisive moment in a research process comes when the researcher finds in a source something that *does not fit* to their idea of a particular phenomenon; the researcher's acculturation thus plays a vital part in the process. Weakening the researcher's preconceived understanding of their subject, the find *disrupts* the working hypothesis. The *significant anomaly* then becomes a *clue* that leads to unexpected new insights, forcing a change in the whole focus of enquiry, affecting also the eventual interpretation. Juxtaposing a deviant with the prevailing norms of his era meaningfully combines micro and macro levels of interest.⁷ In this article, I combine the individual, biographic level with the collective-cultural and the structural. A diachronic analysis

³ See e. g. Franco Moretti, *Atlas of the European Novel 1800–1900* (London and New York: Verso, 1999) and *The Way of the World: the Bildungsroman in European Culture* (London: Verso, 1987); Anthony Taylor, *Lords of Misrule: Hostility to Aristocracy in Late Nineteenth and Early Twentieth Century Britain* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004); Ernst Gellner, *Nations and Nationalism* (Oxford: Blackwell, 1983)

⁴ Michel Foucault, *The Archaeology of Knowledge*, trans. A. M. Sheridan Smith (London and New York: Routledge, 2002).

⁵ Marja Vuorinen, *Kuviteltu aatelismies. Aateluus viholliskuvana ja itseymmäryksenä 1800-luvun Suomessa* [Imagined nobleman. Nobility as an enemy-image and an in-group identity in 19th century Finland] (Helsinki: SKS, 2010).

⁶ See e. g. Marja Vuorinen and Tuomas Kuronen, "Introduction: Regime Change as a Process," in *Regime Changes: Reassessed, Anticipated and in the making*, Marja Vuorinen & al. (eds) (Newcastle-upon-Tyne: CSP, 2016), VIII–XXIII; Marja Vuorinen, "From Past to Present, to Future," in *Regime Changes*, 404–414.

⁷ Matti Peltonen, "Clues, Margins, and Monads: The Micro-Macro Link in Historical Research," *History and Theory. Studies in the Philosophy of History*, 40: 3 (2002): 347–359, <http://www.culturahistorica.es/peltonen/clues.pdf>.

of several subsequent political moments reveals a gradual change in what were the 'normal' political ideas, social behaviour and societal attitudes of Finnish 19th-century noblemen.

N. H. Pinello 1802–79: a biographic summary⁸

The Pinello family, originally from Genova, Italy, had been naturalised in Sweden in the beginning of 18th century. Nils Henrik was born in Turku in August 17, 1802, as a Swedish subject, and died there in September 9, 1879, as a subject of the Russian Emperor in the Finnish Grand Duchy. His parents were Dominicus Julius Pinello, colonel in the Swedish navy, and Sofia Elisabeth née Bruncrona. In his teens, Nils Henrik, too, experimented on a naval career, entering the Turku-based *Archipelago Fleet*. He studied in the Academy of Turku from 1817 onwards, graduating in 1823, after which he went to Sweden, to pursue studies in metallurgy and mining, getting his PhD diploma in 1826. During this period, he acted as an amanuensis for the Swedish mining authority, and later assisted the Finnish authorities in mapping the Kisko copper mine. In 1827, he married Anna Juliana Schmidt (1809–86, daughter of the Postmaster of Riga, by his wife née Pychlau). They had a son, Julius Dominikus (1836–1910), who became a captain and later businessman.

Pinello started his career as *brukspatron* (owner-manager of an industrial establishment in a rural setting, e. g. metal works or paper mill), engaging also in extensive farming in the Turku region, first on the Kirjakkala Bruk in Perniö (1826–31), then on the Kartanonkylä Bruk in Tammela (1834–47), the latter inherited from his father. Pinello experienced an economic failure both as an industrialist and as a farmer, allegedly because being too generous in his dealings with other people.

Returning to city life in his mid-thirties, Pinello engaged as the editor-in-chief of *Åbo Tidningar* [Turku News] in 1836–47 and again in 1853–56. During his time in office, he improved the quality of the paper by starting to publish literary news, as well as articles on economy. In 1849, he founded *Tidning för landtbrukare och näringsidkare*, an instructive periodical aimed at farmers and entrepreneurs, and contributed to it for fifteen years, writing articles about agriculture. For *Åbo Underrättelser* [Turku Notices] he wrote cheerful stories on local cultural history, re-published in five small volumes in 1866–78. His short-lived *Puffens kalender* (1869) was a humorous publication, much in the vein of Rudolf Wallin's Stockholm funny paper *Kapten Puff* (1856–65).

As secretary and/or member of the board of *Finnish Economic Society*, from 1842 until 1865, Pinello participated in the modernisation of Finnish agriculture. In 1840, he was

⁸ Based on: Pia Forssell, "Pinello, Nils Henrik (1802–1879)," *Kansallisbiografia-verkkojulkaisu. Studia Biographica 4* (Helsinki: SKS, 1997–), June 14, 2002, <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sk-s-kebg-002932> (accessed December 30, 2018); Simo Tuomola "Kapten Puff," *Punainen Turku*, 2014, <http://punainturku.blogspot.com/2014/08/kapten-puff.html> (accessed December 30, 2018).

involved in founding a Sunday-school for young workers, instructing them in a plethora of practical subjects; Pinello himself taught chemistry. In 1861, he became the chair of a society for popular education, *Bildningscirkeln* (Education Circle), in whose gatherings he also gave lectures.

For lighter pursuits, he engaged in theatre, music, literature, visual arts (he was a member of the Finnish Art Society) and local cultural history. The Committee for restoring the relics of Turku Cathedral was founded on his initiative in 1865; one of its accomplishments was the sarcophagus, made of black marble, into which the remains of the one-time Queen of Sweden, Karin Månsdotter, the spouse of King Erik XIV, were moved in 1867.⁹

Unlike many bourgeois hosts and hostesses of the period, Pinello welcomed to his home all artists and intellectuals, irrespective of their economic or social position. A lasting monument to his famous hospitality is the traditional Turku restaurant *Pinella* (est. 1848), named after and, according to some sources, partly funded and owned by him. Its clientele included many Finnish cultural celebrities of the period.¹⁰ Incidentally, it was designed by the architect who, twenty years later, would also be responsible for the planning the House of Nobles in Helsinki, namely Georg Theodor Chiewitz (1815–62), of Swedish origin and one-time municipal architect of Turku.

Like his lady wife, Pinello was an enthusiastic amateur actor, who also translated and modified contemporary plays to suit the amateur ensemble. He was involved in the planning process of the *Turku Theatre*¹¹ and a member of its board right from the beginning, for years 1839–56 as its director. The opening ceremony took place in January 21, 1839, with *Gubben i Bergsbygden*¹² [Old man of the Mountain District], a musical comedy as the premiere. Pinello himself wrote a historical tragedy *Birgitta Kurck*, about the last abbess of the Order of St. Bridget's Cloister in Naantali, as well as libretti for two operas on national subjects, which, however, were never produced.¹³ He was known also as an inspiring festive speaker and author of festive poems.

⁹ "Kaarina Maununtyttären hammas" [Karin Månsdotter's tooth], *Erik Johan Löfgren*, 2012, <http://erikjohanlofgren.blogspot.com/2012/08/kaarina-maununtyttaren-hammas.html> (accessed December 30, 2018). See also C. J. Gardberg, *Turun linnan kolme Katariinaa* [The three Catharines of the Turku Castle] (Helsinki: Otava, 1986), 196–200.

¹⁰ E. g. Elias Lönnrot, folklorist and author of Kalevala; Zachris Topelius, history professor, journalist and novelist; J. L. Runeberg, poet laureate; J. V. Snellman, philosopher and statesman; and Josef Julius Wecksell, playwright.

¹¹ Nowadays known as *Abo Svenska Teatern* (Swedish Theatre in Turku), the oldest surviving theatre building in Finland.

¹² Original play by Benoît Joseph Marsollier des Vivetières.

¹³ *Junkerns förmyndare* [The Junker's guardian] and *Herman Wimpel*, music by A. G. Ingelius and O. F. B. Byström.

Pinello on the House project in the *Committee of 1848–49* and in the press

The decision about building a House of Nobles was included already into the proceedings of the Diet of Porvoo in 1809. Soon after, in 1818–19, the nobility of the newly-established Grand Duchy of Finland organised as an autonomous unit, separate from its Swedish mother organisation. In the Helsinki City Plan of 1812, a building plot, close to the Senate, had been reserved for a house of the four estates.¹⁴ As no Diets had assembled since, it was still available in the 1840s, when the nobility seriously started planning a house of its own. After much ado, an edifice made of red brick, in neo-gothic style, was erected in 1858–62, just in time to house the 1862 *January Committee* preparing the Diet of 1863.¹⁵

The essential 19th-century division into traditionalist-conservatives and progressive “radical” liberals culminated in the debate that surrounded the initial phase of the building process. The main argument focussed on the contemporary role and functions — if any — of the noble estate in the modernising world.

Mainstream nobility still saw itself as a pillar of society, a proud upholder of aristocratic and (Swedish) royalist traditions. The majority of the members of the *1848–49 Committee* — officers, civil servants and landowners, most of whom had reached a ripe old age — were definitely of that opinion. They supported the building project without reservation, hoping to achieve a House that would reflect the dignity of both the estate and the nation of which it was the representative. According to some, the limited funds of “the humble nobility of a small nation” called for a “simple but elegant” building, whereas others preferred more extravagant designs. Nevertheless, all agreed about the functions it should house, namely: an assembly hall, with the coats-of-arms of the noble families hanging on its walls, perceived as the icon of the estate as a political collective; meeting and collections rooms; and a vault for the genealogical documents and funds.¹⁶

The only exception to the general praise were N. H. Pinello’s sarcastic comments, documented in the protocols in an abridged (see below) and, for the most part, indirect form, accompanied by the secretary’s dry remark “according to Mr. Pinello’s reasoning.” He called to question the necessity of the whole building project, refuted the idea of nobility as an important or indeed necessary agent in the society, and questioned the ability of the other committee members to correctly assess the surrounding —

¹⁴ J. A. Ehrenström, “Nouveau plan de la ville de Helsingfors en Finlande” (1812) at the Finnish National Archives, Helsinki.

¹⁵ Per Olof von Törne, *Finlands Riddarhus I* (Helsingfors: Söderström, 1926), 70–152 (on the planning process, 148152) and *Finlands Riddarhus II* (Helsingfors: Söderström, 1935), 1–117 (on the planning process, 31–91).

¹⁶ “Ridd. och Adelns Komiterades Protocoller för åren 1848–1849,” at the Archives of the House of Nobility, Helsinki, 47–61, 114–115, 226–227. See also von Törne, *Finlands Riddarhus I*, 58–60 and *Finlands Riddarhus II*, 2–3, 14–18, 21, 23.

economic and societal — realities. As he saw it, the building now under design would be nothing but “a whitewashed mausoleum, to be filled only with the bones of the dead.” The building fund, started decades ago, in the earnest belief that Diets would occur on a regular basis, had long since lost its original purpose. Furthermore, the field of the political activity of the estate had dwindled almost into nothing. Therefore, he suggested, the accumulated funds would be better used for other, more noble (pun intended) causes.¹⁷

Pinello eventually opted out from the committee — quite unceremoniously, simply by not arriving to the first 1849 meeting, held in March 5. His absence came as a surprise to his fellow committee members, who first sent him an urgent request to appear, and later proceeded to choose a proxy to take his place.¹⁸ He ran again for the membership of the second, *1855 Committee*, whose task was mainly to decide about technicalities,¹⁹ but lost after a tie vote,²⁰ and did not run for the third one.

In 1857, when the building of the House was about to start, the project started to attract visibility in the press. On December 22, 1857 a well-informed, anonymous party, under pseudonym *En medlem af Finska adeln* [a member of the Finnish nobility], severely criticised the project in *Åbo Underrättelser*. Judging by the content, the style, the choice of newspaper, as well as the hallmark Latin quotation, *Cui bono?* [To whom is it a benefit?] at its opening, the author was in all likelihood Pinello himself.

The author condemned the project as useless and overly expensive, outdated, based on undemocratic initiative, childish, vain, pompous, and altogether megalomaniac. As he saw it, the house was about to become a monument of past glory, as well as a fancy showroom for coats-of-arms, for which even a lesser building would be more than enough. House or no House, nobility as an Estate had significance only if its actions truly benefitted the country.

“In our practical times, one is in the habit of expecting sound reason and common sense to be found behind such big building projects, particularly when conducted at the expenses of a collective and in its name. Nowadays, people don’t often erect pyramids as resting-places for rotting royal corpses, nor are we in

¹⁷ “Ridd. och Adelns Komiterades Protocoller för åren 1848–1849,” 55–56. See also von Törne *Finlands Riddarhus I*, 17.

¹⁸ “Ridd. och Adelns Komiterades Protocoller för åren 1848–1849,” 107, 110, 113–114.

¹⁹ “Ridd. och Adelns Komiterades Protocoller för år 1855,” at the Archives of the House of Nobility, Helsinki, 47–53, 81–90.

²⁰ von Törne, *Finlands Riddarhus II*, 47. It appears that Pinello’s sarcasms had hit the target particularly closely. After almost a century, they still inspired a historian of the nobility — professor of history of Finland in *Åbo Academi* and a fellow Turku-dweller, who also happened to be a member of the (then-abolished) noble estate — to personal slights. von Törne surly informs his reader that Pinello had, due to bankruptcy, by the time of his committee adventure, been compelled to give up the “seigneurial” lifestyle of his early manhood. What’s more, Pinello was known to have appeared in a wedding, in 1849, wearing a brand-new uniform of the nobility, with spurs, even though he was supposed to be so anti-nobility. See: von Törne, *Finlands Riddarhus II*, 14, 17–18, 42, 47.

the habit of designing mile-long grotto temples for monstrous false gods. To avoid being laughed at, it is wise to steer clear of ventures of such an oriental and antediluvian kind. [...] One doesn't often erect three-storey-high stone buildings only to house a collection of coats-of-arms.

To get himself a hat, a man must first have a head; to build a House of Nobility, there should be a nobility to start with. But is there? On paper, yes; in reality, only insofar as it comes to legal privileges [...], not as an actively functioning and beneficial societal force. One does not believe in a nobility based merely on bloodlines and diplomas, any more, at least not enough to build stone houses for such an imaginary quantity.”

He then goes on to stress that, as the building project was to be paid from the estate's common funds, the decision should not have been made within a small, closed circle — particularly as it now seemed that the completing of the project would require additional funding. And as there was still no certainty that a Diet would ever assemble, the House, for the time being, had no perceptible function. Mere office space, for secretaries, archives and board meetings, could be had more cheaply by renting. In the present situation, the project appeared a particularly high-risk venture.

“If what is being said is actually true, the state has rejected an application for a building loan, made by the Direction of the Nobility. This, as such, is no wonder — expect perhaps among those who, in their warm enthusiasm to further the honour and status of their estate, have thought that an empty House of Nobility might act as a substitute for an intelligent nobility, able to promote important patriotic interests. But who isn't filled with wonder and indignation, looking at a decision that serves merely a wish to shine, like a little glow-worm, and which on top of everything else is getting the whole estate into debt!”

The author further informs the reader of “having heard” that in the meeting of the first committee “someone” had opposed the plan, suggesting that the accumulated funds be distributed among the younger members of the estate as travel funds and stipends, thus allowing them to acquire new ideas, skills and experiences that would genuinely benefit the Fatherland. By so doing they might even earn new respect for their old estate among the other factions of society, who now observed the building project either with commiseration or with ironic amusement.²¹

Two years later, when the construction was underway, another nobleman journalist, Helsinki-based August Schauman, continued the critique much in the same vein, in his boulevard paper *Papperslyktan* [paper lantern]. One of his contributing authors, C. A. Gottlund, linguist and folklorist, a commoner, made sinister fun of the “dark and rusty” coats-of-arms, hanging abandoned on the walls of the main hall of the “House of Lords” as sad memories of the bygone great days when nobility was still relevant as a societal group.²² Schauman himself commented on the progress of the project on his column *Veckans Krönika* [weekly chronicle] in mildly ironic tones. After its completion

²¹ *Abo Underrättelser*, December 22, 1857.

²² *Papperslyktan*, January 31, 1859.

he pronounced that the building was, indeed, quite handsome and suitable for its purpose — were it not, in the current political circumstances, hopelessly outmoded.²³

In due course, the third, 1860 Committee was faced with a *fait accompli* of the worst sort. The construction site, began in 1858, was under shutdown. The building was under roof but completely unfurnished, and the funds had completely run out. As the Finnish-nationalist paper *Suometar* so elegantly put it, “people say that this big and fat block of a building, standing half-finished here in the capital, has eaten up all the money the nobility had.”²⁴

The composition of the third committee differed greatly from that of its predecessors. Inspired by youthful radicalism, by contemporaries called *sextiotalsliberalismen* [the 1860s liberalism], the new generation was only too happy to discard outmoded noble traditions; some of them were actually married to commoner women.²⁵ Along Pinello’s 1848 lines, the committee condemned the project as reckless, outmoded and pompous. They saw no other way out but to appeal to the emperor for additional funds. They also pointed out that the building plot had originally been marked for a House of the Four Estates, and had been seized by the nobility in what now seemed obscure circumstances. In a democratic spirit, they therefore suggested sharing it with the commoner estates.²⁶ Pinello himself, on November 6, 1860, in *Åbo Underrättelser* reminded any and all that the 1848–49 committee had agreed only to the use of a half of the estate’s funds for the project.²⁷

The emperor eventually granted the funds to finish the building — on the express condition that no part of it was to be handed over to the other three estates. Next year, the conditions of the loan were modified, releasing the nobility from the obligation to pay it back. This unexpected gift was considered awkward within the estate, as it might seem that the emperor had bought its loyalty.²⁸ The debate about the future of the building, its future holders as well as about who was going to pay the running expenses, continued, on and off, for decades, up until a separate palace, *Säätytalo*, was erected for the three commoner estates in 1891, two blocks away from the House of Nobility.²⁹

Pinello in the protocols of the Noble estate: Diets 1863–64, 1867 and 1872

²³ *Papperslyktan* August 15, 1959; February 4, 1861; May 27, 1861; September 2, 1861.

²⁴ *Suometar*, September 21, 1860.

²⁵ von Törne, *Finlands Riddarhus I*, 63–78.

²⁶ “De Comitterades Protocoller 1860,” at the Archives of the House of Nobility, Helsinki, fol. 5–61.

²⁷ *Åbo Underrättelser*, November 6, 1860.

²⁸ “Riddarhus Directionens Protocoller 1860,” 58–61, 78–82. “Riddarhus Directionens Protocoller 1861,” at the Archives of the House of Nobility, Helsinki, 44–48.

²⁹ Vuorinen, *Kvitteltu aatelismies*, 277–281 and 344–346. “The House of the Estates,” *Wikipedia*, January 11, 2017, https://en.wikipedia.org/wiki/House_of_the_Estates (accessed December 30, 2018).

Pinello represented his family within the noble estate at the first three Diets. Regardless of his prior bombastic rhetoric, he showed little interest in the actualities of general law-making. Nor did he contribute to the discussions about future investments in infrastructure and technology, even when they touched upon his personal experiences and expertise, e. g. economy, agriculture, forestry, mining, and domestic higher education. This may well be due to his not being present at the Diet at all times, as he undoubtedly also had many duties back home. During the second Diet he even was temporarily represented by a proxy.

The few comments by Pinello that can be found in the protocols, relate to issues that come close to the core of the noble identity. In the beginning of the first Diet he spoke for the abolition of the division of noble estate into three classes that voted separately.³⁰ A new *Riddarhusordning* that would in due course establish *per capita* voting was already in the making, but while it had not yet been passed as a law, the division-based system persisted — strongly favouring the members of the first and second classes, relatively few in number. The practice was criticized as undemocratic by several representatives of nobility, particularly in connexion with personalised elections, i.e. when nominating delegates to special committees, whose membership called for particular expertise. For his part, Pinello regretted the present practice, strongly preferring simple majority vote, but saw that the only realistic option was to wait out until the new *Riddarhusordning* was in force. Seeing that the continuity of the Diets was uncertain, he stressed the necessity to maintain all the formalities of the Constitution, of which the still valid old *Riddarhusordning* was a part, as even the smallest infringement of legality might endanger the future of the whole parliamentary process.³¹

When addressing the politically hot issue of allowing or not allowing the right of representation to those Finnish noblemen who had their permanent residence “abroad” (outside the Finnish Grand Duchy but within the Russian Empire proper, typically in order to pursue a military career within the imperial army) Pinello took good care of wrapping his position in flowery speech, with ironic echoes of his earlier critique. “Filled with joy

³⁰ The first or *berreklass* consisted of counts and barons, the second or *riddarklass* of the descendants of the lower-status members of the council of the realm, most of whom had been elevated into the first class, while the third or *svenneklass* included the rest, i.e. the untitled nobility. This practice had been abolished already once during the Swedish period, in 1719, but had been reinstated in 1778, as a part of his reorganisation of the government, by Gustav III, who simultaneously raised several hundreds of the most ancient noble families into the by then dwindled second class. Class division remained in force in Finland even after 1809, when she became a Grand Duchy within the Russian empire, even though abolished for good in Sweden already in 1810. In Finland, it was finally abolished in 1869.

³¹ *Protokoll hållna hos Höglofl. Ridderskapet och Adeln vid Landtdagen i Helsingfors åren 1863–1864. Första häftet. Från den 17 September till den 27 October 1863* (Helsingfors: Finska Litteratur-Sällskapets Tryckeri, 1864), 16–17.

and enthusiasm” he first thanked the noble-minded Emperor Alexander II for allowing the Diet to assemble, metaphorically “leading Finland’s children from the Egyptian slavery to the long-awaited promised land of Canaan”. For the first time in many decades, the Finnish people, represented by the four Estates, had been granted the opportunity to come together, “free and independent,” to debate and decide about their common future. However, Pinello also stressed that the right to representation was, literally, a *right*, decreed by the law. Thus he stated, if only in parenthesis, that the summoning of the parliament should not depend solely on the emperor’s will. Nevertheless, this was, indeed, a “new dawn for the Fatherland.” “*Post nubila Phoebus*” — after the clouds, the sun.³²

About extending the right to representation to the gentlemen in question, Pinello was of two minds. In his first address he granted that, like all patriots abroad, the Finnish noblemen resident in Russia were inspired by the same love of the Fatherland as those who had stayed at home. Also, Russia and Finland shared the same ruler. What made Russia, in a crucial sense, a *foreign country*, whose inhabitants had little in common with Finland, were the enormous differences between the laws and traditions. To make matters worse, when the noblemen staying in Russia visited home, they invariably bragged on about how efficiently everything was organised there. How, asked Pinello, could these men, who obviously held the laws of their native country in contempt, participate in the making of those laws, particularly as the said laws would probably never apply to them? Nor would they ever themselves pay the taxes they had agreed upon on behalf of others. The only exception to this rule were those who still owned property in Finland and were subject to taxation thereof.³³

Pinello’s certain provincialism in relation to Russia may well have stemmed from his rootedness in the westernmost part of Finland, including his strong family bonds as well as personal and cultural ties with the former mother country, Sweden. Later on, he nevertheless cautiously aligned himself with the moderate or *Realpolitik* option. He was willing to allow the right to representation even for those residing abroad — but only for the present Diet, expecting that the issue would be settled definitively in the new *Riddarhusordning*.³⁴

Commenting on the practical discussion about the recompenses to be paid to the stenographers used by the noble estate during the meetings, Pinello suggested

³² Ibid, 21–22.

³³ Ibid, 22–23.

³⁴ Ibid, 60. The 1869 *Riddarhusordning* granted the right of representation to Finnish noblemen who lived permanently in Russia. For full debate on the subject, see Marja Vuorinen, “Finnish Nobility Between Nation and Empire”, *Peterbergskii istoricheskii zhurnal* 4 (2015), 99–111. Online version: *Cyberleninka*, <https://cyberleninka.ru/article/v/finnish-nobility-between-nation-and-empire-the-swedish-legacy-and-the-diet-of-porvoo-in-1809> (accessed December 30. 2018).

the same amount as was paid at the Swedish Diet. By adding that his knowledge about the exact sums came from his having been present, among the audience, in the Swedish Riddarhus in Stockholm, during the Diet, he at the same time demonstrated his interest, and informedness, in parliamentary processes in general.³⁵

Understandably, Pinello's mind was exceptionally acute in all matters monetary. E. g. in the connection of discussing the possibility of granting funds to members of the estate who had to travel to Helsinki from afar, Pinello brought up his service as a member of the first, 1848–49 Committee and the related travel costs, still pending. He even practically suggested, though to no avail, that the estate might settle the overdue payment for his coat-of-arms, hung among others on the Great or Knights' Hall of the House of Nobility, as a trade-off for his old travel expenses.³⁶

Reporting about his parliamentary experiences in the press, Pinello's well-known pseudonym, *Kapten Puff*, opened with a humorous topic, with strong underlying aspects of equality and identity. In the eve of the first Diet, the Governor-General had proposed that noble representatives who were not militaries or civil servants (i. e. already in possession of proper uniforms), should acquire a "civilian" uniform to wear during the sessions. After debating the issue to and fro within the estate, the problem was solved by applying the Russian rank system – resulting in a set of uniform designs that allowed the finest, light-coloured trousers only for the four highest ranks. The uniform incident evoked much ridicule in the press, including a contribution from pseudonym –s –n, who, under the title *About the nobility's lost pants*, complained about the inequality of the rank-based design — of foreign origin, and foreign also to the idea of parliament — as well as about the nuisance and unnecessary expense of having a new set of ceremonial clothes made in such a hurry.³⁷

Fresh home from the Diet, Pinello naturally wanted the final word.

"I have lots of gold embroidery around my neck; I wear a uniform with blue turn-ups and passepoils, a sword on my side, spurs on the heels. All this tells that I am a handsome Finnish nobleman, just returned from the Diet, and in general happy and content. I would have been much happier, however, if only I had been allowed to keep those unforgettable and for ever deeply missed golden pants!"

Before changing the subject to discuss the more pressing Turku affairs, he mentioned in passing another noticeable topic that had come up at the beginning of the Diet: the daring suggestion, by two radical noblemen, of a wholesale abolishment of noble privileges. According to Pinello, it was all the more remarkable because none of the other,

³⁵ *Protokoll hållna hos Höglofl. Ridderskapet och Adeln vid Landtdagen i Helsingfors åren 1863–1864. Första häftet*, 43.

³⁶ *Ibid.*, 738–740.

³⁷ *Papperslyktan*, March 5 and 12, 1860; *Helsingfors Dagblad*, June 19, 1862 and August 31, 1863 (the pants case); *Finlands Allmänna Tidning*, July 24, 1862, August 22 and September 1, 1863; *Helsingfors Tidningar*, July 27, 1862; *Åbo Underrättelser*, August 5, 1862 and April 30, 1863.

commoner estates had followed suit, and would undoubtedly gain the Finnish nobility great respect and positive publicity abroad.³⁸

When it came to noble traditions, Pinello, despite his radical democratic ideas, definitely was no iconoclast. In 1872, he agreed to prepare for publication a new *Adelskalender* — an official index, with up-to-date records, of each Finnish noble family — for a recompense of 400 marks. He began his speech of acceptance by quoting the Roman maxim *Ultra posse nemo obligatur* [no one is obligated beyond what he is able to do], meaning that he would do his utmost to complete this important task. However, he commented on its preconditions by stressing that he could only guarantee complete results as regards the families resident in Finland, snidely pointing out that even the decade-long endeavours of the Direction of the *Riddarhus* so far had not resulted in complete records of the families that constantly stayed abroad.³⁹

Pinello in the press on nobility and on the society at large

Pinello's causeries and short stories, originally published in *Åbo Underrättelser* and reprinted as a series of inexpensive booklets,⁴⁰ featured a rich mixture of Turku townsfolk from all walks of life – militaries, children, students, matrons, maidens, spinsters, noblemen, aldermen, fishermen, ladies, watchmakers, theatre enthusiasts, sellers at the market. Pinello paints a series of street, home and party scenes, in current and historical settings, depicting the daily life of the city in a cheerful and perceptive way. Summery outings to nearby country villages, parsonages and manor houses are likewise described in colourful detail. Even though the stories involve people of distinctly different statuses, focus is on their informal person-to-person communication, not on formal, position-conscious courtesies. To Pinello, somebody's noble status does not seem to make a difference.⁴¹

Contexts for comparison

To make the most of the significance of Pinello's deviance, I seek to compare his ways with several different sets of normalcy. I also introduce a tentative time dimension, suggesting that the sort of critique towards nobility that in the early 19th century could

³⁸ *Åbo Underrättelser*, April 26, 1864.

³⁹ *Protokoll fördrat hos Höglofl. Ridderskapet och Adeln vid Landtdagen i Helsingfors, år 1872. Första häftet. Från den 5 Februari till den 22 April* (Helsingfors: Hufvudstadsbladets Tryckeri, 1872), 182–183, 206.

⁴⁰ Nils Henrik Pinello, *Små berättelser och tidsbilder I–V* [Little stories and period pieces I–V] (Åbo [Turku]: S. W. Wilén & Co:s Boktryckeri, 1866–1878).

⁴¹ Illustrating the so-called *homogenising gentry* thesis, by Kaarlo Wirilander, in his *Herrasväkeä. Suomen säätyläisistö 1721–1870* [Gentlefolk: Finnish gentry 1721–1870] (Helsinki: SHS, 1974), 356–409. Likewise, Pinello refutes the opposite concept of *narcissism of minor differences*. See Anton Blok, *Honour and Violence* (Cambridge: Polity Press, 2001), 115–135.

be perceived as open contempt, was in the second half of the century slowly becoming the norm. Among the political opponents, the self-serving anti-noble attitudes were often based on misinformation or deliberate misunderstanding, but within the noble estate itself the critique was usually based on accurate and varied inside information, personal experience and comprehensive understanding of the developing societal situation.

Traditional in-group norm is best presented by the politically active noblemen of the era. They supported a consistent variety of views — from pompous to serious to practical, and from deep to shallow. This group includes the majority of the members of the later Committees, as well as many of the representatives of nobility at the Diet. The latter were far more numerous and thus much more varied in their views than the former.

As we have seen, Pinello's ideas about the future of the noble estate differed greatly from the rest of the 1840s committee members, who can be described as *hard-core traditionalists*. On the other hand, his opinions about the class division, the legality principle, and the right of representation were well in line with the *moderates* at the 1860s Diets, who were in majority. Also, while he had his doubts about the future of nobility as a political and status entity, he nevertheless openly appreciated the aesthetic, historical and family traditions that went with it.

Another relevant group, whose normal was somewhat less traditional, were the noblemen who vented their political attitudes in public, either as journalists, like Pinello, or as writers of fiction. It seems that among them Pinello-style deviance was actually quite common, making it an *emerging modernist* norm. It was shared by a handful of progressive noblemen, forming a kind of 'deviants incorporated' faction within the estate. Yet, as a group they decidedly differed from the progressive nobleman types presented by commoner journalists and novelists,⁴² in their innate ability, and willingness, to correctly recognise and assess the many features of noble lifestyle and identity while maintaining a sense of proportion, even when severely criticising the antics of their own estate.

Another context is provided by the openly aggressive critique, as presented by the progressive commoner authors. Pinello and his likes had little to do with the *stereotypical noblemen of the hostile fiction*. However, he does have features in common with some of the ideal types of nobility, concocted by the commoner authors, particularly the figures of civil servant, active landowner engaged in extensive farming, and hapless mining entrepreneur.⁴³

⁴² Vuorinen, *Kuviteltu aatelismies*, 65–195.

⁴³ The list of noblemen ideal types, according to me, is as follows: *Warrior* (ancient and modern subtypes), *Courtier* (ancient type), *Civil servant*, *Landowner* (passive and active subtypes), *Modern professional* (very rare), *Modern entrepreneur* (often hapless), and *Complete loser* (completely hapless, often suicidal). Ibid, 125–136.

The mixed society, as described by Pinello in his short stories and causeries, no doubt reflects his own daily surroundings. As such, it differs greatly from the strictly hierarchical model of society perceived, and described with gusto, by the more militant commoner authors of the period. Their politically justified social paranoia typically resulted in ball scenes involving gross humiliation of commoner newcomers entering the hitherto closed aristocratic circles – often seen through the eyes of a chronically suspicious onlooker, with structurally motivated feelings of inferiority.⁴⁴

“Portraits of out-of-the-ordinary Finnish noblemen” — a series in the making?

This article is a part of my ongoing ‘slow’ project, for years simmering on the back burner, of compiling a series of portraits of unorthodox public figures among 19th-century Finnish noblemen. With each addition to the portrait series, I hope to benefit from the broadening scope and cumulative possibilities of comparison between the cases. I present them here in order to contextualise Pinello’s career, juxtaposing him with others of his kind.

The radical nobleman figures, some of whom I have listed below, have several things in common. Each, from his particular point of view, in the course of particular decades, witnessed the gradual passing of nobility as a political estate. Each gave public voice to his expectations and experiences when the process was under way, some also when it was already completed, and did so in a personal, often emotionally loaded style. In retrospective, they appear as witnesses of disintegration, either as onlookers, registering the symptoms, or as agents of change. In a way, they even complement — as additional real-life aspects — the caricatured set of ideal types of modern nobleman made up by the critical commoner authors.

My first attempt at tracing the public endeavours of unusual Finnish noblemen was about Arvid Järnefelt (1861–1932) who made his political career as a Tolstoian radical and champion of the landless poor, in the decades before and after the turn of the 20th century.⁴⁵ With N. H. Pinello (1802–79), we go back to the earlier political generation, and to the political ideas of a nobleman who mainly identified with the mid-century small-town bourgeoisie, then on its prime.

⁴⁴ Ibid, 76–102 and passim.

⁴⁵ See Marja Vuorinen. “Arvid Järnefelt, the Finnish Tolstoy: A radical social reformer and a nobleman”, *VIRTUS: Yearbook of the history of the nobility* 2011/18 (2012) and Marja Vuorinen “Arvid Järnefeltin Vanhempieni romaani aatelisnostalgian salakuljettajana” [Arvid Järnefelt’s *The novel of my parents* as a vessel of smuggling in secret nostalgia], *Hybris* 1 (2015), <https://hybrislehti.net/arvid-jrnefeltin-vanhempieni-romaani-aatelisnostalgian-salakuljettajana/>.

In a sense, Pinello represents the exact opposite of Molière's famous social pretender (in both senses of the word), *Le Bourgeois gentilhomme*.⁴⁶ Whereas the protagonist of the French play was a *social climber*, Pinello was what might be called a *social descender*, leisurely stepping down the stairs, towards a relaxed bourgeois world of theatre, music, street life, restaurants and laughter. Compared to the modern and social-minded but also fun-loving Pinello, Järnefelt the self-styled anarchist – dead serious, conscientious, and religious to a fault — was apt to descend socially by metaphorically jumping down from the cliff of high social status. Still standing on the moral high ground, he condemned the extravagances of the 19th-century aristocracy while secretly mourning its passing. However, unlike many of his kind, he honestly tried to practice what he preached, assuming the lifestyle of a humble peasant landholder, working on his fields and living off the produce of his farm.⁴⁷

Other potential exceptional noblemen of Pinello's ilk include K. A. Tavaststjerna (1860–98), whose preferred pose was nobleman-as-a-private-person. As an educated professional — architect, traveller, novelist and small-town journalist — he personifies the *low-key variety of conscious withdrawal* from political and state duties, in contrast to Järnefelt's *loud and self-assertive resignation*. One of the most influential journalist and publisher of Pinello's era, the Helsinki-based August Schauman (1826–96), already mentioned above, was something of a cross-breed between Pinello and Tavaststjerna. His day-to-day attitude towards his nobility might be described as *indifferent*.

The series of attitude portraits is completed by the famous underachiever and eventual autobiographer Anders Ramsay (1832–1910) whose life story might be perceived as the sad version of Pinello's sunny career. After a miserable childhood, having lost the family fortune in his middle age, Ramsay metaphorically went into a cocoon, to re-emerge as an author of a series of painfully honest memoirs. His original shameless self-pity (to judge from his descriptions, at times quite justified) is most apparent in the first volumes of what grew into a self-healing project, accentuated with *regret of not making it* as a proper nobleman.

All the above authors, each in their way, recorded detailed and deeply felt personal experiences. Simultaneously, they reflected the general economic, social and cultural developments of the period, from the early 19th century onwards. The gradual liberalisation of noble politics is revealed in their careers and personalities. Among them, Pinello takes the pride of place, as the first loudly dissident, socially and politically radical Finnish 19th-century nobleman.

⁴⁶ Known in its various English translations as *The Bourgeois Gentleman*, *The Middle-Class Aristocrat* or *The Would-Be Noble*.

⁴⁷ Vuorinen, "Arvid Järnefelt".

List of secondary sources

Blok, A. Honour and Violence / A. Blok. — Cambridge : Polity Press, 2001. — XII, 358 p.

Forssell, P. Pinello, Nils Henrik (1802–1879) / P. Forssell // Kansallisbiografia-verkkojulkaisu : Studia Biographica 4 [электронный ресурс]. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-002932>. — (30.12.2018).

Foucault, M. The Archaeology of Knowledge / M. Foucault, translated by A. M. Sheridan Smith. — London ; New York : Routledge, 2002. — 239 p.

Gardberg, C. J. Turun linnan kolme Katariinaa / C. J. Gardberg. — Helsinki : Otava, 1986. — 218 s.

Gellner, E. Nations and Nationalism / E. Gellner. — Oxford : Blackwell, 1983. — VIII, 150 p.

Kaarina Maununtyttären hammas // Löfgren, Erik Johan [электронный ресурс]. — URL: <http://erikjohanlofgren.blogspot.fi/2012/08/kaarina-maununtyttaren-hammas.html>. — (30.12.2018).

Moretti, F. The Way of the World : the Bildungsroman in European Culture / F. Moretti. London: Verso, 1987. — 256 p.

Moretti, F. Atlas of the European Novel 1800–1900 / F. Moretti. — London ; New York : Verso, 1999. — XI, 206.

Peltonen, M. Clues, Margins, and Monads : The Micro-Macro Link in Historical Research / M. Peltonen // History and Theory : Studies in the Philosophy of History. — 2002. — Vol. 40, issue 3. — P. 347–359. — URL: <http://www.culturahistorica.es/peltonen/clues.pdf>. — (30.12.2018).

Taylor, A. Lords of Misrule : Hostility to Aristocracy in Late Nineteenth and Early Twentieth Century Britain / A. Taylor. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. — 233 p.

Tuomola, S. Kapten Puff / S. Tuomola // Punainen Turku [электронный ресурс]. — URL: <http://punainturku.blogspot.fi/2014/08/kapten-puff.html>. — (30.12.2018)

Von Törne, P. O. Finlands Riddarhus / P. O. von Törne. — Helsingfors : Söderström, 1926–1935. — Bd. I–II.

Vuorinen, M. Pyramidi vai kunnian temppeli? Ritarihuoneen ikonografia : pro gradu thesis / Marja Vuorinen. — Helsinki: University of Helsinki, 1994. (Неопубликованная магистерская диссертация.)

Vuorinen M. Kuviteltu aatelismies : aateluus viholliskuvana ja itseymmäryksenä 1800-luvun Suomessa / M. Vuorinen. — Helsinki : SKS, 2010. — 430 s.

Vuorinen, M. Arvid Järnefelt, the Finnish Tolstoy : a Radical Social Reformer and a Nobleman / M. Vuorinen // VIRTUS : Yearbook of the history of the nobility 2011. — 2012. —

Vol. 18. — P. 121–138. — URL: <https://rjh.ub.rug.nl/virtus/article/view/31738/29124>. — (30.12.2018).

Vuorinen, M. Arvid Järnefeltin *Vanhempieni romaani* aatelinostalgian salakuljettajana / M. Vuorinen // Hybris [электронный ресурс]. — 2015. — Vol. 1. — URL: <https://hybrislehti.net/arvid-jrnefeltin-vanhempieni-romaani-aatelinostalgian-salakuljettajana/>. — (30.12.2018).

Vuorinen, M. Finnish Nobility between Nation and Empire / M. Vuorinen // Петербургский исторический журнал. — 2015. — № 4. — С. 99–111. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/finnish-nobility-between-nation-and-empire-the-swedish-legacy-and-the-diet-of-porvoo-in-1809>. — (30.12.2018).

Vuorinen, M. From Past to Present, to Future / M. Vuorinen // Regime Changes : Reassessed, Anticipated and in the Making / ed. by M. Vuorinen, T. Kuronen and A.-M. Huhtinen. — Newcastle-upon-Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2016. — P. 404–414.

Vuorinen, M. Introduction : Regime Change as a Process / M. Vuorinen. T. Kuronen // Regime Changes : Reassessed, Anticipated and in the Making / ed. by M. Vuorinen, T. Kuronen and A.-M. Huhtinen. — Newcastle-upon-Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2016. — P. VIII–XXIII.

Wirilander, K. Herrasväkeä : Suomen säätyläistö 1721–1870 / K. Wirilander. — Helsinki : SHS, 1974. — 509 s.

ЗАГОРА Марина Григорьевна / ZAGORA Marina
МГУ имени М.В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University
Россия, Москва / Russia, Moscow
Umna.marinka@yandex.ru

**ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО
НИКОЛАЙ АДЛЕРБЕРГ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ
ЭЛИТЫ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ (1866–1881)**

GOVERNOR-GENERAL OF THE GRAND DUCHY OF FINLAND NIKOLAI
ADLERBERG AS THE REPRESENTATIVE OF RUSSIAN ELITE
IN HELSINGFORS (1866–81)

Abstract: Based on diverse primary material from the archives of Moscow, Saint-Petersburg and Helsinki, the article touches upon Nikolai Adlerberg's life in Helsingfors. He was the Governor-General of the Grand Duchy of Finland from 1866 to 1881. By describing Adlerberg's background and several episodes of his career, the article examines his role of a public person, the emperor's honourable representative in this special part of the Empire, and a member of Russian elite in Helsingfors (as the city was usually called then in Russian). For this purpose, Nikolai Adlerberg successfully used the fact that he had powerful relatives among officials and good connections in Saint Petersburg. He demonstrated his status in different possible ways, for instance, by actively contributing to establishing the Russian theatre in Helsingfors and by thoroughly preparing the Emperor's visit to the capital of the Grand Duchy in 1876.

Ключевые слова / Keywords: Николай Владимирович Адлерберг, Великое княжество Финляндское, генерал-губернаторы, вторая половина XIX в. / Nikolai Vladimirovich Adlerberg, the Grand Duchy of Finland, Governor-Generals, the second half of the 19th century

Введение

В галерее финляндских генерал-губернаторов особенно выделяются фигуры А. А. Закревского и Н. И. Бобрíkова. Первый из них одновременно с должностью в Великом княжестве Финляндском (1823–1831) занимал важнейший в Российской империи пост министра внутренних дел (1828–1831). Пребывание же в Финляндии Н. И. Бобрíkова пришлось на один из самых трагичных эпизодов в истории российско-финляндских отношений (1898–1904). Они оба были выдающимися и сильными личностями, деятельность которых привлекает внимание исследователей. Так, в 1997 г. вышла русскоязычная версия книги 1984 г. финского историка Т. Полвинена о Бобрíkове и его политике в Великом княжестве¹. Времени генерал-губернатора Закревского посвящены работы финской исследовательницы

¹ Полвинен Т. Держава и окраина: Н. И. Бобрíkов — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997. Оригинальное издание: *Pohvinen T. Valtakunta ja rajamaa: N. I. Bobrikov Suomen kenraalikuvernöörinä 1898–1904.* Porvoo, 1984.

К. Каллейнен². Впрочем, интерес вызывают и личности других «коллег» Закревского и Бобрикова. Например, в 1985 г. финский историк П. Лунтинен опубликовал на английском языке книгу о генерал-губернаторе Ф. А. Зейне (1909–1917)³. Дополнительным подтверждением актуальности этой проблематики является изданная Национальным архивом Финляндии в год столетнего юбилея независимости страны двуязычная книга «Н. Н. Герард. Забытый генерал-губернатор Финляндии»⁴.

Настоящая статья посвящена ещё одному Николаю среди генерал-губернаторов Великого княжества Финляндского (помимо Бобрикова и Герарда) — Николаю Владимировичу Адлербергу (1819–1892). Известный финский историк О. Юссила, говоря о времени правления этого генерал-губернатора, подчёркивает особенно большую значимость его личных контактов с императором Александром II для выработки политики по отношению к Великому княжеству Финляндскому⁵. Однако в данной работе конкретные инициативы Н. В. Адлерберга и его реальный вклад в управление Финляндией не являются предметом специального рассмотрения. Первоочередная задача статьи как части большого диссертационного исследования заключается в анализе форм саморепрезентации Н. В. Адлерберга в бытность его генерал-губернатором. Прежде всего изучаются способы и вероятные мотивы манифестации им своего весьма знатного происхождения. Уделено внимание также некоторым его личным качествам.

Происхождение

Н. В. Адлерберг родился 19 мая 1819 г. в Санкт-Петербурге, умер 13 декабря 1892 г. в Мюнхене. Его родителями были адъютант великого князя Николая Павловича (будущего императора) В. Ф. Адлерберг (1791–1884) и его супруга, «первая русская в роду»⁶, фрейлина М. В. Адлерберг (урождённая Нелидова) (1797–1870).

² См., например, её новейшую статью: *Каллейнен К. А. А. Закревский как генерал-губернатор Великого княжества Финляндского (1823–1831) // История. Научное обозрение OSTKRAFT / Отв. ред. М. А. Колеров. М., 2018. № 1. С. 5–11. URL: http://ostkraft.ru/books/book71_1.pdf (19.12.2018).*

³ *Luntinen P. F. A. Seyn: a political biography of a tsarist imperialist as administrator of Finland. Helsinki, 1985.*

⁴ *Nikolai Gerard: Suomen unohdettu kenraalikuvernööri / Toim. A. Rantanen, O. Sendhardt, P. Harponen, J. Nuorteva — Н. Н. Герард: Забытый генерал-губернатор Финляндии / Ред. А. Рантанен, О. Сендхардт, П. Хаппонен, Ю. Нуортева. Хельсинки, 2017.*

⁵ См. подробнее: *Jussila O. Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917. Helsinki, 2004. Рус. пер.: Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 / Пер. с фин. под ред. А. Ю. Румянцева. Хельсинки, 2009.*

⁶ *Аренберг Я. Из новейшей истории Финляндии: I. Ген.-губ. Адлерберг / Пер. под ред. К. Ф. Тиандера // Голос минувшего. 1916. № 5–6. Май–июнь. С. 344.*

Немецкий историк Р. Швейцер отмечает роль всего семейного рода в становлении Н. В. Адлерберга и подчёркивает её космополитизм⁷, поскольку Адлерберги переезжали и меняли места службы. Род был знатным и имел шведское происхождение. Его история восходит ко второй половине XVI в.⁸ Многие родственники Н. В. Адлерберга занимали видные посты при российском дворе и являлись близкими и доверенными лицами императорской семьи. Дед Н. В. Адлерберга Густав Фридрих (Фёдор Яковлевич) в своё время, около середины XVIII в., перешёл на российскую службу. Его бабка Анна Шарлотта Юлиана (Юлия Фёдоровна) с 1802 г. занимала должность начальницы Воспитательного общества благородных девиц. До того, при императоре Павле I, она была воспитательницей великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича. Этот факт способствовал установлению впоследствии близких отношений между В. Ф. Адлербергом, отцом Н. В. Адлерберга, и Николаем I. Подобная ситуация в целом укрепила положение представителей рода Адлербергов при императорском дворе. Так, родная сестра В. Ф. Адлерберга Ю. Ф. Баранова (1789–1864) была воспитательницей великих княжон, дочерей Николая I.

Имея небольшую разницу в возрасте, будущий император и В. Ф. Адлерберг стали друзьями. В своём завещании Николай I так отозвался о родных ему людях: «С моего детства два лица были мне друзьями и товарищами: дружба их ко мне никогда не изменялась. г.-а.⁹ Адлерберга любил я как родного брата и надеюсь под конец жизни иметь в нем неизменного и правдивого друга. Сестра его, Юлия Фёдоровна Баранова, воспитала троих моих дочерей, как добрая и рачительная родная... В последний раз благодарю их за братскую любовь, г.-а. Адлербергу оставляю часы, что всегда ношу с 1815 г. <...> А сыну его Александру¹⁰ портрет Владимира Фёдоровича, что в Аничкове...»¹¹.

В. Ф. Адлерберг сопровождал Николая I во многих поездках, получал различные назначения и высочайшие награды. В 1846 г. ему и его потомству был дарован графский титул. В. Ф. Адлерберг сделал прекрасную карьеру: в 1843 г. он получил звание генерала от инфантерии и с 1852 по 1870 г. занимал должность министра императорского двора и уделов. В 1870 г. по состоянию здоровья он был

⁷ *Schweitzer R. Adlerberg, Nikolai Vladimirovitsh (1819–1892) // Biografiakeskus. Kansallisbiografia-verkkojulkaisu [Электронный ресурс]. URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-003251> (18.08.2018).*

⁸ *Шолов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской Империи 1801–1906: Библиографический справочник. СПб., 2006. С. 15.*

⁹ Генерал-адъютант.

¹⁰ А. В. Адлерберг (1818–1888).

¹¹ Цит. по: Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904: Историческое исследование. СПб., 1911. С. 457.

уволен в «почётную отставку» с назначением в члены Государственного совета. «Наследовал» отцу на этом посту его старший сын А. В. Адлерберг, который находился в должности министра императорского двора и уделов вплоть до 1881 г.

Тесные связи были не только у Николая I и В. Ф. Адлерберга, но и у их детей. Старшие сыновья В. Ф. Адлерберга Александр и Николай (будущий генерал-губернатор Финляндии) являлись ровесниками наследника Александра Николаевича и были с ним в доверительных отношениях. А. В. Адлерберг с 1836 г. состоял при наследнике. Уже будучи императором, Александр II очень тепло отзывался о нём: «Вы явили несомненные доказательства глубокой преданности мне и моему семейству, и тем приобрели мое полное доверие к вам и душевное расположение»¹². Герой настоящей статьи Н. В. Адлерберг в память о бракосочетании наследника Александра Николаевича получил серебряную медаль¹³ в июле 1841 г., а чуть позже в том же году — гессен-дармштадский орден Людвига 3-й степени. Возможно, это произошло благодаря тому, что супруга цесаревича великая княгиня Мария Александровна была родом из Гессен-Дармштадского княжества.

Личные качества

Р. Швейцер в своей монографии назвал Н. В. Адлерберга «наместником»¹⁴. Причём, как представляется, речь здесь идёт не только о самом смысле должности генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. Действительно, он являлся единственным в крае русским человеком, представлявшим императора на таком высоком посту. Однако слово «наместник» можно понимать и более широко. Его использование по отношению к Адлербергу отражает, вероятно, поведение и образ жизни генерал-губернатора в княжестве. Некоторые современники и историки отмечают, что Н. В. Адлерберг являлся заметной фигурой и жил отнюдь не скромно. В то же самое время трудно сказать, что ему был свойственен неумеренный или тем более вредный пафос. Следует также принять во внимание, что Н. В. Адлерберг был по-настоящему верующим и благодарным Богу человеком. Скорее, речь должна идти о самоуважении и достоинстве.

Адлерберг был человеком, любившим торжественность. Он предпочитал жить ярко и, главное, заметно. Здесь хотелось бы выйти за хронологические рамки пребывания Н. В. Адлерберга в Финляндии и проиллюстрировать свои предположения относительно его личных качеств примером из его более ранней

¹² Адлерберг, Александр Владимирович // Русский биографический словарь. Т. 1. СПб., 1896. С. 77.

¹³ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. С. 18.

¹⁴ В оригинале — «viceroy». В этом случае буквальный перевод, «вице-король», неуместен. См.: Schweitzer R. The Rise and Fall of the Russo-Finnish Consensus: The History of the “Second” Committee on Finnish Affairs in St. Petersburg (1857–1891). Helsinki, 1996.

служебной деятельности. Переписка Н. В. Адлерберга с таганрогским губернатором спустя шесть лет после оставления графом должности главы этого города характеризуют его как человека себя уважающего и отчасти тщеславного. В начале осени 1860 г. М. А. Лавров, губернатор Таганрога, писал Адлербергу, что передал в таганрогскую дворцовую церковь¹⁵ присланный графом в шоле крест. Он был освящён на Гробе Господнем и составлял «священное воспоминание вторичного, в настоящем году посещения» Адлербергом «св. мест»¹⁶. Лавров искренне благодарил графа «за такой дорогой подарок, тем более ценный», что он служил «доказательством, что и в отдалении» Н. В. Адлерберг не исключает «из памяти своей граждан города Таганрога, до сего времени помнящих полезное» его «управление таганрогским градоначальством»¹⁷.

Самому Н. В. Адлербергу, как он сообщал в ответном письме М. А. Лаврову, было «особенно приятно усмотреть», что его кратковременное управление «таганрогским градоначальством ещё осталось в доброй памяти некоторых горожан»¹⁸. Кроме того, он не упустил возможности вспомнить об «изъявленному» ему ещё тогда желании некоторых лиц «присоединить» к портретам его предшественников, «собранным в канцелярии градоначальника в память их управления», и его «скромное изображение»¹⁹. В связи с этим Адлерберг препровождал Лаврову свою фотографию. В ней «единогласно» находили «большое сходство» с реальным обликом Адлерберга²⁰. Граф просил Лаврова, если тот изволит «счесть уместным», передать фото в канцелярию губернатора «в дополнение собраний изображений таганрогских градоначальников»²¹. В заключение Н. В. Адлерберг добавлял, что хотя его управление в сравнении с другими было менее продолжительным, «душевное расположение» графа ко вверенным его «попечению жителям было, наверное, не менее искреннее»²².

Адлерберг хотел, чтобы о нём осталась не просто память, а добрая память. Тем более что губернатором Таганрога он служил очень малый срок, менее года (1853–1854). То, что он прислал освящённый крест в Таганрог, место своей

¹⁵ Возможно, речь идёт о домовом храме в честь Воздвижения Креста Господня в таганрогском дворце Александра I, закрытом в 1920-е гг.

¹⁶ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии, Хельсинки). Nikolai Adlerbergin arkisto. Kirjeenvaihto (1859–1865): М. А. Лавров — Н. В. Адлербергу от 15 сентября 1860 г. Таганрог. Первый раз Н. В. Адлерберг побывал там в 1845 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Kansallisarkisto. Nikolai Adlerbergin arkisto. Kirjeenvaihto (1859–1865): Н. В. Адлерберг — М. А. Лаврову от 17/29 октября 1860 г. Берлин. No. 1047.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

прошлой службы, с одной стороны, подчёркивает значение духовной стороны дела. Граф Адлерберг был человеком верующим, и поездка ко Гробу Господню, без сомнения, была для него одним из самых значимых событий в жизни. С другой стороны, нельзя не отметить: в поступке Адлерберга видно желание показать, что Таганрог был определённым этапом в его карьере. В дополнение к этому граф отправил свою фотографию и для того, чтобы она стала зримым напоминанием жителям о его службе в качестве губернатора города.

Представитель императора в Финляндии

По приезде с супругой в скромный Гельсингфорс²³ в 1866 г. после службы при короле Пруссии в Берлине Адлерберг, по-видимому, тоже хотел сразу запомниться. О яркости четы Адлербергов вспоминали и современники, например, архитектор Я. Аренберг. Он работал на последнем этапе строительства здания русского театра в Гельсингфорсе, сооружённого по личной инициативе Адлерберга. Аренберг писал, что Адлерберги въехали «в предназначенное для них помещение в Гельсингфорсе, которое никогда не содержалось в таком образцовом порядке, как в их время, и до этого времени никогда не отделялось с таким истинно-артистическим вкусом, как тогда»²⁴. Его особенно впечатлила золотая гостиная и курительная комната, «ярко расцвеченная в турецком стиле» и «хорошо известная гельсингфорским старожилам»²⁵. Здесь следует оговориться, что положительное и даже восхищённое отношение Аренберга к Н. В. Адлербергу — результат ещё и того обстоятельства, что на период генерал-губернаторства последнего пришлось становление Аренберга как архитектора. Аренберг также занял особое положение в обществе, и сам граф ему благоволил.

Празднование тезоименитства императора (30 августа) в столице Великого княжества Финляндского в 1866 г. оказалось памятным. Дело в том, что первый год управления краем генерал-губернатора Адлерберга совпал с годом первого покушения на монарха. Следует отметить, что в Великом княжестве Финляндском использовался «новый» стиль и все документы делопроизводства, служебные письма и пр. имеют двойную дату, через «/». Таким образом, празднование тезоименитства Александра II в Гельсингфорсе состоялось 11 сентября.

Жандармский офицер докладывал в Третье отделение, что «День тезоименитства государя императора в сем году был отпразднован в г. Гельсингфорсе с небывалыми до сего радостными изъявлениями войск

²³ Напомним, что Российской империи по отношению к главному городу Великого княжества Финляндского в официальных документах и переписке использовали именно шведское наименование «Гельсингфорс», а не финское — «Хельсинки».

²⁴ Аренберг Я. Из новейшей истории Финляндии. С. 346.

²⁵ Там же.

и городских жителей»²⁶. Жандарм отмечал в особенности «торжественное молебствие в нарочно для сего на главной городской площади устроенном павильоне и церковный всему войску²⁷ парад, при коих кругом площади присутствовало почти все население города»²⁸. Кроме того, запоминающимся было и «угощение». По распоряжению финляндского генерал-губернатора, «800 человек нижних чинов всех частей вблизи расположенных войск» получили «превосходный обед»²⁹. Он был дан «в аллее бульварной улицы — роскошно разукрашенной по сему случаю гирляндами, флагами и военными эмблемами вокруг столов и постановленного на высоком пьедестале бюста его величества»³⁰. Перед торжествами частью горожан были собраны 1800 марок, которые Ньюландский губернатор³¹ передал Н. В. Адлербергу. Губернатор сообщал, что эта добровольно собранная сумма была направлена на покрытие расходов в связи с обедом для русских войск. Помимо указанной суммы генерал-губернатор ассигновал «на этот же предмет» деньги из «другого источника»³², однако в своём письме не пояснил, откуда именно.

В начале обеда Н. В. Адлерберг произнес краткую речь с провозглашением тоста за здоровье и благоденствие императора, императрицы и наследника. Тост был принят «войсками и многочисленною собравшеюся публикою — громогласными и неумолкаемыми “Ура!”»³³. Вечером того же дня «город был великолепно иллюминирован, и все лучшее общество, равно члены других сословий, были собраны на бал у графа Адлерберга»³⁴. В тот период он временно занимал императорский дворец, перед которым «при звуках военной музыки, был сожжен блестящий фейерверк»³⁵. В целом жандармский офицер очень высоко оценил описанные им события с точки зрения значения для финляндского общества. Он сообщал, что «изложенные торжества, без сомнения, пробудят или освежат в жителях великое для всех верноподданных значение 30 августа»³⁶.

Говоря об этом эпизоде, нельзя не отметить, что у Адлерберга имелись серьёзные основания для придания особой торжественности этому дню. Во-первых,

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф.109. Оп. 41. Д. 5ч. 1. Л. 32.

²⁷ Вероятно, имеются в виду русские военные, находившиеся в Гельсингфорсе.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 32 об.

³⁰ Там же.

³¹ Гельсингфорс являлся административным центром Ньюландской губернии. Всего же Великое княжество Финляндское было поделено на восемь губерний.

³² Kansallisarkisto. ККК. 47/1866.

³³ ГАРФ. Ф.109. Оп. 41. Д. 5ч. 1. Л. 32 об.— 33.

³⁴ Там же. Л. 33.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

празднование тезоименитства императора именно в 1866 г. являлось благодарностью в связи со счастливым спасением монарха от покушения. Во-вторых, как новому главе княжества, графу необходимо было завоевать доверие представителей финляндского общества, продемонстрировав свою щедрость и расположение.

Вопросам организации балов генерал-губернатор уделял действительно много внимания. Сохранились записки, в которых Н. В. Адлерберг вместе с секретарём своей канцелярии Ф. Ф. Лерхе решал самые разные вопросы по организации торжеств. Он вникал во все детали и подробности. Так, перед балом в начале 1876 г. Лерхе сообщил ему, что «по учиненным справкам оказалось, что» у доктора философии Ф. Берндсона нет мундира: «Следует ли при таких обстоятельствах послать ему приглашение?»³⁷. На это Адлерберг записал карандашом на полях: «Ежели у него нет мундира собственно в служебном отношении, то его можно пригласить во фраке. Ежели же только не носит мундир, то его звать нельзя»³⁸. Берндсону в конечном счёте, разрешили идти во фраке, так как газетная экспедиция, где он раньше служил, давно была упразднена и, соответственно, у него не было особой формы.

Граф не только сам любил устраивать балы и приёмы, но и придавал большое значение своему появлению на различных мероприятиях. Выходы Адлербергов, по словам Я. Аренберга, «отличались пышностью, и, выражаясь высоким канцелярским слогом, были исполнены благоволения»³⁹. «Высокие особы», как вспоминает архитектор, «охотно появлялись в блестящих мундирах и ярких туалетах», и были сопровождаемы адъютантами и окружены «штатом аккредитованных особ с их жёнами и дочерьми»⁴⁰.

Театр как вид развлечения высших кругов общества нашёл в лице Н. В. Адлерберга как представителя этих кругов своего страстного и преданного сторонника. О. Юссила полагает, что основной задачей генерал-губернатора Н. В. Адлерберга в крае вообще было культурное сближение Финляндии и России, в том числе за счёт «импорта» русского театра⁴¹. В своих работах на финском, русском и английском языках финская исследовательница Л. Бюклинг подробно описывает и анализирует историю создания русского театра в Гельсингфорсе в 1868 г., а также постройку для него собственного здания в столице Великого

³⁷ Kansallisarkisto. ККК. Kans. На 13.

³⁸ Ibid.

³⁹ Аренберг Я. Из новейшей истории Финляндии. С. 346.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Юссила О. Великое княжество Финляндское. С. 189.

княжества Финляндского⁴². Мысль о строительстве здания для русского театра занимала генерал-губернатора много лет. Причём он желал, чтобы русский театр в Гельсингфорсе посещали не только русские жители, но и сами финляндцы. Для Н. В. Адлерберга русский театр был настоящим «детисцем», которому он уделял огромное внимание. Граф ходатайствовал о выделении средств, был в курсе текущей жизни театра, общался с его дирекцией и лично инспектировал постройку здания во второй половине 1870-х гг. вплоть до открытия сцены в сезоне 1879/1880 гг.

Высочайший визит в 1876 г.

Организаторские и репрезентативные качества Адлерберга проявились и в ходе посещения членами императорского дома во главе с Александром II 3/15 июля 1876 г. открытия промышленной выставки в Гельсингфорсе. Для Финляндии, а особенно для молодых промышленников и коммерсантов, выставка стала важной вехой. Это была возможность продемонстрировать собранные со всей Финляндии предметы производства, быта и пр., иными словами — показать уровень развития промышленности Финляндии. Одним из ответственных за подготовку был А. Мехелин (1839–1914), известный финляндский политический деятель, профессор права и экономических наук Александровского университета. В 1876 г. за успешную организацию выставки повелением Александра II он и его потомки были возведены в дворянское достоинство. Во время пребывания в столице император щедро раздавал «подарки» по представлениям генерал-губернатора. К примеру, сохранилось письмо товарища министра статс-секретаря К. Пальмрота с благодарностью Н. В. Адлербергу за его благорасположение, обеспечившее Пальмроту получение знаков ордена Святого Станислава 1-й степени⁴³.

Поскольку работу по организации всей выставки осуществлял хозяйственный департамент финляндского Сената и его промышленные комитеты, то генерал-губернатор Н. В. Адлерберг, будучи только контролёром принимаемых решений, занимался организацией приёма высочайших особ. Вне всякого сомнения, он чувствовал себя «принимающей стороной», поэтому хотел показать себя рачительным хозяином. Последний раз император приезжал в Гельсингфорс

⁴² См., например: *Byckling L. Keisarinajan kulisseissa: Helsingin venäläisen teatterin historia 1868–1918.* Helsinki, 2009; *Бюклинг Л.* Из истории Русского театра в Гельсингфорсе в 1868–1880 гг.: Постройка нового здания Александровского театра. Архивные документы // *Отражение русской души в зеркале Севера: Финско-русские литературные и театральные связи XIX–XX вв.* СПб., 2015. С. 310–337.

⁴³ Kansallisarkisto. ККК. 36/1876.

в 1863 г. на открытие Сейма, но тот визит состоялся ещё при предшественнике графа в должности генерал-губернатора, бароне П. И. Рокасовском⁴⁴. Кажется, это было очень «по-адлерберговски» — заниматься столь пышным, ярким и масштабным для Гельсингфорса делом. По крайней мере, для самого генерал-губернатора это событие имело важнейшее значение. Для любого начальника края и градоначальника в Российской империи визит императора или членов императорской семьи был событием волнительным. Он был связан с некоторыми трудностями и «головной болью», но, без сомнения, являлся почётным.

Имевший привычку и даже опыт в организации балов и приёмов, Адлерберг, конечно, был рад посвятить себя организации высокого визита. Он общался со своим братом А. В. Адлербергом, министром императорского двора и уделов, по поводу всех деталей приезда монарха с семьёй. Например, разрабатывались варианты прибытия «августейших путешественников» в Гельсингфорс: морем или по железной дороге, с расчётом времени, «смотря по погоде». В связи с этим, а также с другими деталями высочайшего визита, Н. В. Адлербергом задавал брату следующие вопросы⁴⁵:

— «Ежели их имп. вел. прибудут в Гельсингфорс морем, нужно ли представить по приезде 2 караула, так как один будет помещён в дворцовом дворе в совершенно близком расстоянии от набережной, или можно на самой набережной поставить другой почётный караул?»

— «Дозволяется ли нижним чинам по близости их расположения от железной дороги выбегать для встречи их величеств, и в какой они должны быть форме?»

— «На бале у генерал-губернатора следует ли военным быть в белых панталонах, или сие будет отменено по неимению у всех этой формы?»

— «Предположено убрать некоторые городские дома разноцветными флагами; так как генерал-губернатор живёт в казённом доме, можно ли мне убрать свой дом?»;

— «В какой день будет представление мужчин его величеству?»

В этом списке любопытен предпоследний вопрос. Н. В. Адлерберг, генерал-губернатор, спрашивает разрешение на украшение дома, в котором проживает, поскольку это здание не было его личным домом. Неслучаен вопрос и о форме военных. Как мы уже убедились, Адлерберг лично контролировал внешний вид приглашённых на балы и мероприятия. Можно сказать, что его особенно заботила внешняя сторона дела, а также вопросы красоты и эстетики. Р. Швейцер, например, полагает, что Н. В. Адлерберг вообще подчёркивал генерал-губернаторский

⁴⁴ Туоми-Никула Й., Туоми-Никула П. Императоры на отдыхе в Финляндии: (Очерки). СПб., 2003. С. 45. Авторы этой работы указывают, что с 1863 г. по 1876 г. Александр II ещё несколько раз посещал Великое княжество Финляндское, но в Гельсингфорс не заезжал.

⁴⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 472. Оп. 7. Д. 561. Л. 26–26 об.

церемониал и вёл себя элегантно⁴⁶. Безусловно, по такому важному событию как приезд императора не мог не быть запланирован бал «с высочайшим присутствием» у генерал-губернатора. Как и всегда, граф был хорошо осведомлён о разрешённой форме одежды для всех приглашённых⁴⁷.

Н. В. Адлербергом были высказаны и предложения о том, как улучшить будущий приём. Так, он писал, что по причине сырости в саду Тёле, где должно было состояться «парадное гуляние», императорскую чету можно было бы попросить обедать на час раньше, «дабы устранить влияние сырости на здоровье их Величеств»⁴⁸. Граф Адлерберг, как и его супруга, очень не любил финляндскую холодную погоду.

Будучи осведомлённым о том, как обедают при дворе, генерал-губернатор заблаговременно вступил в переписку с исполняющим дела обер-гофмаршала. Н. В. Адлерберг просил его распорядиться прислать в Гельсингфорс вино, фрукты, конфеты «и прочие съестные припасы, которые здесь достать нельзя в том виде, в котором их величества употребляют»⁴⁹. Графа Адлерберга также заботило отсутствие в достаточном количестве серебряных приборов для обеда. У него имелось таковых на 50–60 человек. Однако вследствие прибытия вместе с лицами императорской фамилии 30 человек свиты и приглашения на обед 20 сенаторов, 15 гражданских чиновников и 25 военных, следовало рассчитывать на 90–100 персон.

Важно отметить, что помимо занятия церемониальными и «внешними» вещами граф Н. В. Адлерберг разрабатывал программу пребывания императорской семьи в Гельсингфорсе. Она включала в себя посещение Успенского православного собора, строительство которого завершилось при Адлерберге, Николаевского протестантского собора, объезда города, а также посещение офицерского клуба и русской Александровской мужской гимназии. Она была открыта при большом участии графа Н. В. Адлерберга. Представляется, что посещение последней было важным пунктом в программе. Оно демонстрировало некоторые результаты десятилетнего пребывания Адлерберга на посту генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. Причём они имели значение как для политики, проводимой империей в Финляндии, так и для деятельности самого генерал-губернатора в этом крае.

⁴⁶ *Schweitzer* R. Adlerberg, Nikolai Vladimirovitsh.

⁴⁷ Kansallisarkisto. ККК. 36/1876.

⁴⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 561. Л. 26 об.

⁴⁹ Там же.

Таким образом, при описанных выше обстоятельствах Адлерберг со свойственной ему заинтересованностью в подобных делах соответствовал своему статусу и положению представителя знатного рода, с усердием и привязанностью служащего государству и лично императору. Что касается в целом проведения открытия промышленной выставки, приёмов и смотров, запланированных в ходе визита, то император был доволен посещением Финляндии. В своём дневнике об этом писал любимый брат Александра II великий князь Константин Николаевич: «Государь всей поездкой в Финляндию и смотром флота остался очень доволен»⁵⁰.

Заключение

Великое княжество Финляндское как особенная и привилегированная часть Российской империи было подходящим местом службы для любившего выделяться и запоминаться Н. В. Адлерберга. Оставаясь главой края в течение довольно продолжительного времени, граф активно демонстрировал свою принадлежность именно к русской элите. Например, это выражалось в заботе об устройстве русского театра и в подходе к организации императорского визита. Н. В. Адлерберг имел влиятельных родственников среди российской политической элиты и хорошие связи в Петербурге, что он с успехом использовал в целях саморепрезентации и подчёркивания своего почётного статуса представителя императора в такой особой части империи, как Финляндия.

Список литературы

Byckling, L. Keisarinajan kulisseissa : Helsingin venäläisen teatterin historia 1868–1918 / L. Byckling. — Helsinki : SKS, 2009. — 416 s.

Jussila, O. Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917 / O. Jussila. — Helsinki : WSOY, 2004. — 823 s.

Luntinen, P. F. A. Seyn : a Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland / P. Luntinen. — Helsinki : SHS, 1985. — 343 p.

Nikolai Gerard : Suomen unohdettu kenraalikuvernööri / toim. A. Rantanen, O. Sendhardt, P. Harpponen, J. Nuorteva — Н. Н. Герард : забытый генерал-губернатор Финляндии / ред. А. Рантанен, О. Сендхардт, П. Хаппонен, Ю. Нуортева. — Хельсинки : Национальный архив Финляндии, 2017. — 343 s.

Polvinen, T. Valtakunta ja rajamaa : N. I. Bobrikov Suomen kenraalikuvernöörinä 1898–1904 / T. Polvinen. — Porvoo : WSOY, 1984. — 431 s.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 111. Л. 43.

Schweitzer, R. Adlerberg, Nikolai Vladimirovitsh (1819–1892) / R. Schweitzer // Biografiakeskus. Kansallisbiografia-verkkojulkaisu [Электронный ресурс]. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-003251>. — (18.08.2018).

Schweitzer, R. The Rise and Fall of the Russo-Finnish Consensus : the History of the “Second” Committee on Finnish Affairs in St. Petersburg (1857–1891) / R. Schweitzer. — Helsinki : Commission on the History of Central Administration in Finland ; Edita, 1996. — 262 p.

Адлерберг, Александр Владимирович // Русский биографический словарь: в 25 томах. — Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1896. — Т. 1. — С. 76–78.

Аренберг, Я. Из новейшей истории Финляндии : I. Ген.-губ. Адлерберг / Я. Аренберг ; пер. под ред. К. Ф. Тиандера // Голос минувшего. — 1916. — №5–6, май–июнь. 1916. — С. 340–371.

Бюклинг, Л. Из истории Русского театра в Гельсингфорсе в 1868–1880 гг. : постройка нового здания Александровского театра. Архивные документы / Л. Бюклинг // Отражение русской души в зеркале Севера : Финско-русские литературные и театральные связи XIX–XX вв. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. — С. 310–337.

Двухсотлетие Кабинета его императорского величества. 1704–1904 : историческое исследование. — Санкт-Петербург : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. — 794 с.

Каллейнен, К. А. А. Закревский как генерал-губернатор Великого княжества Финляндского (1823–1831) / К. Каллейнен // История. Научное обозрение OSTKRAFT / отв. ред. М. А. Колеров. — Москва : Модест Колеров, 2018. — № 1. — С. 5–11. — URL: http://ostkraft.ru/books/book71_1.pdf. — (19.12.2018).

Полвинен, Т. Держава и окраина : Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. / Т. Полвинен. — Санкт-Петербург : Европейский дом, 1997. — 319 с.

Туоми-Никула, Й., Туоми-Никула, П. Императоры на отдыхе в Финляндии : (очерки) / Й. Туоми-Никула, П. Туоми-Никула. — Санкт-Петербург : Коло, 2003. — 285 с.

Шилов, Д. Н., Кузьмин, Ю. А. Члены Государственного совета Российской Империи 1801–1906 : библиографический справочник / Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. — 992 с.

Юссила, О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 / О. Юссила ; пер. с фин. под ред. А. Ю. Румянцева. — Хельсинки : Ruslandia, 2009. — 844 с.

JÄNIS-ISOKANGAS Ira / ЯНИС-ИСОКАНГАС Ира

Aleksanteri Institute, University of Helsinki/ Александровский институт, Университет Хельсинки

Finland, Helsinki / Финляндия, Хельсинки

ira.janis-isokangas@helsinki.fi

KONRAD (KONNI) ZILLIACUS AND REVOLUTIONARY RUSSIA

КОНРАД (КОННИ) ЦИЛЛИАКУС И РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

Abstract: В статье прослеживается путь Конрада Циллиакуса (1855–1924) от журналиста и писателя до политического активиста. Его идейная эволюция как представителя шведоязычной элиты, получившего хорошее образование и имевшего широкие международные связи, отражает изменения в образе мышления высших кругов финляндского общества. Статьи и книги Циллиакуса были посвящены истории США и американскому обществу, японской культуре, истории Финляндии, революционной России и финляндскому «активному сопротивлению» русификации в т. н. первый период угнетения (1899–1905). Его политическая деятельность включала в себя организацию международной поддержки конституционалистов, создание сети борцов с царизмом и содействие финляндскому «активизму» и сторонникам сопротивления российской власти, таким как «Союз силь» (*Voimaliitto*) и егерское движение. Имя Конрада Циллиакуса часто упоминается в историографии в связи с Финляндией периода русификации, однако он оказался в тени других конституционалистов и «активистов». Порой о нём говорят как об авантюристе-космополите и радикале без настоящих политических предпочтений. В настоящей статье биография Циллиакуса и его сочинения анализируются в контексте проблемы изменений во взглядах шведоязычной элиты Великого княжества Финляндского. Показано, как он пришёл к политическому «активизму» и как происходила его радикализация в период русификации. Его сотрудничество с российскими революционерами служит примером сложного переплетения национализма с другими идеологиями в первом десятилетии XX в.

Ключевые слова / Keywords: Konrad Zilliacus, elite, Grand Duchy of Finland, Russification, Constitutionalists, active resistance, Revolutionary Russia / Конрад Циллиакус, элита, Великое княжество Финляндское, русификация, активное сопротивление, революционная Россия

Introduction

This paper analyses the radicalisation process of the Finnish elite in the second half of the 19th century by looking at Konrad (Konni) Zilliacus's (1855–1924) career and activities. Zilliacus was a Swedish-speaking journalist and activist who organised active resistance campaigns among the young Constitutionalists, which constituted a special group of the Fennomans party. They represented the academically educated, mostly Swedish speaking administrative and cultural elite, a group vital to the development of Finnish nationhood as well as to the continued success of the Grand Duchy of Finland and its relations with the

Russian Empire. Their rather peaceful attitudes towards the Empire changed, however, when the Tsarist regime tightened its control over the Grand Duchy.

Konrad Zilliacus makes for an interesting case in the history of the Russian Empire, Revolutionary Russia, and the Russification period of the Finnish Grand Duchy, not to mention the history of Finland. This paper explores how Konrad Zilliacus's life story explains his radicalisation within the context of the Finnish elite, Russification and revolutionary movement in the Russian Empire.

Konrad Zilliacus's name was linked with the Russian revolutionary parties actively involved with terrorism at the beginning of the 20th century. By looking at his biography, this paper seeks to find answers to why he became a radical activist. Why prompted a well-educated member of the Swedish-speaking elite to no longer envision a future within the framework of the Russian Empire?

Many researchers have analysed political developments in the Grand Duchy of Finland.¹ This paper will concentrate on the Finnish elite's strategies to secure Finland's position and the development of Finnish nationalism during the first period of Russification (1899–1905).²

Finnish political nationalism and activism is also a widely studied and discussed topic, especially in Finland, and much quite interesting and thorough research has been done on it.³ Konrad Zilliacus, though, has never been the focus of such analyses. He has often been mentioned, but never discussed in detail in many important studies on the Russification period.

This research paper is a micro-level study of a single political actor, Konrad Zilliacus, and his relations with both the Finnish and Russian political parties as well as his understandings of passive and active resistance and terrorism and how the changes in the political landscape in Russia and Finland influenced his views. This paper analyses this development through his writings. Konrad wrote many articles on the Finnish question, for example in the newspapers *Nya Pressen* and *Fria Ord*, and he published many books on Finnish history. This paper concentrates on the ideas he explored in two

¹ Sami Suodenjoki, "Kansalaisyhteiskunnan ja Suomen ideat, liikkeet ja julkisuudet ennen vuotta 1917," in Kari Paakkunainen (ed.), *Suomalaisen politiikan murroksia ja muutoksia* (Helsinki: Helsingin yliopisto, politiikan ja talouden tutkimuksen laitos, 2012), <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/36047>, *Politiikan ja talouden tutkimuksen laitoksen julkaisuja* 2012:1; Rauli Mickelsson, *Suomen puolueet. Historia, muutos ja nykypäivä*, (Tampere: Vastapaino, 2006); Risto Alapuro et al. (eds), *Kansa liikkeessä* (Helsinki: Kirjayhtymä, 1987).

² Ilkka Liikanen, *Fennomania ja kansa. Joukkojärjestytyksen läpimurto ja Suomalaisen puolueen synty* (Helsinki: SHS, 1995); Päiviö Tommila (ed.), *Venäläinen sortokausi Suomessa* (Porvoo: WSOY, 1960).

³ See for example, Tommila (ed.), *Venäläinen sortokausi Suomessa*; Risto Alapuro, "Nineteenth Century Nationalism in Finland: a Comparative Perspective," *Scandinavian Political Studies* 2, no. 1 (1979): 19–29; Antti Kujala, *Vallankumous ja kansallinen itsemääräämisoikeus. Venäjän sosialistiset puolueet ja suomalainen radikalismi vuosisadan alussa* (Helsinki: SHS, 1989); Antti Kujala, "Finnish Radicals and the Russian Revolutionary Movement, 1899–1907," *Revolutionary Russia* 5, no. 2 (1992): 172–192.

books, *Det revolutionära Ryssland* (Revolutionary Russia), published in 1903, and *Från ofärdstid och oroliga år: politiska minnen* (Memories from the Russification period), published in 1920.⁴

Finnish elite within the Grand Duchy of Finland, the early years of Konrad Zilliacus

Konrad Zilliacus's family background was typical of the multinational elite within the Russian Empire. The family had German roots tracing back to the 17th century in Ingria, from where the family moved to different places in Finland, Estonia, and Germany. Konrad's grandfather had moved to Finland after it had become a Grand Duchy. Zilliacus was born there on 18 December 1855. His father was a senator, Henrik Zilliacus. Both parents used Swedish and German at home, while some Finnish was also spoken within the family. Although the family soon moved to Helsinki, the family's Karelian ties still remained strong.⁵

Zilliacus's biographer, Hermann Gummerus, notes that he was "a talented but lazy student".⁶

Nevertheless, he managed to graduate at the age of sixteen and began to study law. During his studies, he also spent one semester in Switzerland to improve his French. It took five years for him to complete his studies, and in 1877 he started work at the Court of Appeal in Turku. Gummerus describes Zilliacus as cheerful and a good companion, saying that many liked him.

In what came as a surprise for many, Konrad Zilliacus decided to marry a widow, Lovisa Ehrnrooth, who was eleven years older and the mother of seven children. For Zilliacus, this meant that he tried to follow in the footsteps of the men of his family and joined the civil service in 1879, which seemed to be a natural choice for him given his background and education. However, he did not like working at the governor general's chancellery and soon resigned from that post.

In 1881, Zilliacus moved to the countryside with her wife and established an estate. With a new enthusiasm for work, he began to develop the estate. Although he possessed some knowledge in this field, operating the estate and specialising in the breeding of horses proved very costly. He also travelled to Paris and Moscow to showcase his horses. Aside from his agricultural and international activities, he also maintained his contacts and networks in Helsinki.

A turning point in his life came when the estate in Kellokoski went bankrupt in 1889 and he had to leave the country in order to save his wife's property. Zilliacus's career was

⁴ Konrad Zilliacus, *Det Revolutionära Ryssland. En Skildring af den revolutionära rörelsens i Ryssland uppkomst och utveckling*, 2nd ed. (Stockholm: Boström, 1903); Konni Zilliacus, *Från ofärdstid och oroliga år. Politiska minnen. II* (Helsingfors: Söderström, 1920).

⁵ Herman Gummerus, *Konni Zilliacus. Suomen itsenäisyyden esitaistelija* (Jyväskylä: Gummerus, 1933), 9–10.

⁶ *Ibid*, 10.

saved because of his networks, and he found a job as a correspondent for the Helsinki-based newspaper *Hufvudstadsbladet*. With this new job, he sailed to the United States to report on Finnish immigrants there.⁷

Zilliacus's years as correspondent in the United States gave him a different understanding of those Finns who did not share his social status. Moreover, the problems of migration and nationalism became more concrete to him.⁸ Zilliacus regularly published news and stories from the States, which were quite popular in Finland.⁹ This, however, did not prevent him from suffering a constant lack of money, which put him in the same position as many other migrants to the United States. Eventually, he had to accept manual work in order to survive.¹⁰

It seems that Zilliacus's nationalism grew during his American years. Most of the Finns he met spoke Finnish, and the question of maintaining the native language came up frequently. At the same time, news from Finland became more worrisome concerning its status. The 1809 Treaty of Fredrikshamn (or Treaty of Hamina) guaranteed Finland its own system of national self-governance with Finnish civil servants. The Grand Duchy of Finland had its own legislative organ, the Senate, which was independent with regard to the Duchy's internal matters. Finland was also freed from providing recruits for military service, and it had its own postal service and systems of customs, finance, and credit.

All such rights came under threat when unification processes were intensified within the Russian Empire in the latter part of the 19th century.¹¹

While the reasons for the unification process within the Russian Empire had more to do with the foreign and security policy of the Empire than with the exceptional status of Finland, the Finns viewed these discussions and measures as a direct threat to their autonomy.

In his memoirs (*Sortovuosilta*), Zilliacus acknowledges that his experiences and the news from home influenced him greatly. He describes how, while at a dinner party, a few Americans had told him that Finland had no other way than to surrender to Russia's demands and how much this had irritated him.

"It is possible that if you take into consideration [the fact that the] Tsarist regime's understanding of fairness and justice, which is shared in other places as well ... but as hopeless as it seems, I am sure that

⁷ Ibid, 17–18.

⁸ Ibid, 19–20.

⁹ He published several books such as *Mariquita och andra historier från världens utkanter* (1890), *Utvandrarehistorier* (1892), *Några landsmän jag träffat* (1895), *Nya utvandrarehistorier* (1897), and *Indiankriget. Amerikanska gränsmarkshistorier* (1898).

¹⁰ Gummerus, *Konni Zilliacus*, 38.

¹¹ Andreas Kappeler, *The Russian Empire. A Multiethnic History* (Abingdon (Oxon.)—New York: Routledge, 2013), 260.

resistance will take place. And when it comes to me, I will take part in this fight, even if I have to crawl back home to be part of the fight.”¹²

The Constitutionals — passive and active resistance

During the period of Finnish autonomy, the Swedish-speaking elite perceived Finland as a constituent state.¹³

This perception was based on the Finnish constitution, which guaranteed the Finns autonomy within the Russian Empire, and which the Finnish elite considered to be intact. Tsar Nikolai II challenged this view when he issued a manifesto in February 1899. The manifesto stated that the Tsar had a right to issue laws in Finland without consulting representative organs of the Finnish Grand Duchy. This position led to the first Russification period, which divided the Finnish elite on how to defend the nation's autonomy.

The Russification period provoked different tactics within the Grand Duchy. The elite's strategy was to defend Finland's autonomy and develop Finnish nationhood. However, within the elite there were different views and points of emphasis on how to do it.

J. V. Snellman was a driving force for political nationalism and for the development of Finnish nationhood. After his death, his party, the Fennoman Party (*suomettarelaiset*), split into different fractions — into more conservative Old Finns (*vanhasuomalaiset*) and more liberal Young Finns (*nuorsuomalaiset*). Additionally, the Finnish political spectrum included the Swedish Party, which opposed the policies of the Fennoman Party, and a new political party called the Finnish Workers' Party was founded in 1899.

The Fennoman Party was a conservative party that adopted the strategy of strengthening the Finnish language and its status as a precursor to Finnish nationhood. In beginning of the Russification period, the leadership of the party chose not to resist the new statutes issued by the Tsar. It estimated that by avoiding conflicts and strengthening the Finnish language, the nation would have been better chances of surviving.¹⁴ However, this tactic led to a split within the party.

The younger generation challenged the chosen tactic and presented an alternative tactic, which was based on the legal argument that the Finnish constitution guaranteed the autonomy of Finland. This group, now called the Constitutionals and led by Senator Leo Mechelin, adopted the concept of passive resistance.¹⁵

¹² Konni Zilliacus, *Sortovuosilta. Poliittisia muistelmia* (Porvoo: WSOY, 1920), 7.

¹³ Osmo Jussila, *Suomen suuriruhtinaskunta. 1809–1917* (Helsinki: WSOY, 2004); Eino Jutikkala, Juhani Nyssönen and Kauko Pirinen, *Suomen historia*, 6th ed. (Helsinki: WSOY, 2002); Matti Klinge, *Keisarin Suomi* ([Espoo]: Schildt, 1997).

¹⁴ Pirkko Rommi, “Myöntyväisyysuuntauksen ideologia,” in Tommila (ed.), *Venäläinen sortokausi Suomessa*.

¹⁵ Lauri Hyvämäki, “Perustuslaillinen ideologia,” in Tommila (ed.), *Venäläinen sortokausi Suomessa*.

The concept of passive resistance meant that the Constitutionalists urged the Finnish people to ignore the law. They opposed the new law on language and urged Finnish people to resist being drafted into the Russian army. At the same time, passive resistance meant that the leaders of the Constitutionalists tried to seek international support for the Finnish question.

For Konrad Zilliacus, the Constitutionalist's project provided the perfect platform for him to use his skills as a writer and international activist. Zilliacus's career as a writer, novelist, and journalist began to flourish in the early 1890s. In 1893, he secured an agreement for a new book, which took him all over the world, and eventually, after many incidents, he landed in Japan. After spending two years in Japan, Zilliacus arrived with his new family in Paris in 1897, and finally, in 1898 he returned to Finland.

In his memoirs, Konrad Zilliacus describes how the Finnish elite were bewildered as to how to react to the February Manifesto and the feeling of betrayal that the manifesto caused. While others tried to draft arguments to convince the Tsar of the unique position of Finland and its people's loyalty to the Tsar, Zilliacus decided to seek international support.¹⁶

"I decided to travel abroad to see if there was any chance in Europe to express support for Finland on the basis made by the Dutch (officer) or on something other."

Konrad Zilliacus became radicalised when he was working as a journalist at *Nya Pressen*, the newspaper where he started to work after he had returned to Finland. His writings in *Nya Pressen* were nationalistic and political, and they received the regime's attention immediately. The paper itself was shut down on 29 June 1900 because of one of Zilliacus's articles. Zilliacus immigrated to Stockholm, where he continued writing for different publications.¹⁷

The Constitutionalists, many of whom now lived in Stockholm, started to publish a new journal called *Fria ord* (Free Word). This was the paper where Zilliacus most actively continued his writing career.

Beside his journalistic work, Zilliacus specialised in smuggling operations and helped the Constitutionalists sneak *Fria ord* into Finland. This activity expanded also into a larger network of smuggling, in which he moved all kinds of publications and people between the borders of the Russian Empire and Sweden. In his memoirs, Zilliacus describes in detail how he prepared these operations and what kind of play existed between Tsarist authorities and the Finnish activists.¹⁸ Zilliacus also helped the Russian revolutionaries by renting his boat to them and helping them smuggle revolutionary publications and the revolutionaries themselves into Russia. During the time of these operations, the skills

¹⁶ Zilliacus, *Sortovuosilta*, 8–11.

¹⁷ Matti Klinge, "Zilliacus, Konni (1855–1924)," *Kansallisbiografia-verkkojulkaisu. Studia Biographica 4* (Helsinki: SKS, 1997–) July 30, 2007, <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sk:s-kg-003698> (accessed December 30, 2018).

¹⁸ Zilliacus, *Sortovuosilta*, 92–93.

of Zilliacus and his comrades improved and they became experts in navigating the waters around the Gulf of Finland.

Senator Leo Mechelin and Konrad Zilliacus were working together at first. In the beginning of the Russification period, Zilliacus had acted as a mediator and creator of networks for the Constitutionals, between Leo Mechelin and international experts, when the Constitutionals had sought international support for the Finnish cause. One of these acts of support was an address by international cultural activists, who expressed their support for Finland, and which the Constitutionals tried to deliver to the Tsar.

The relations between Mechelin and Zilliacus soon became more complicated, though. Mechelin had made full use of Zilliacus's services when it came to publishing, smuggling, and international networking, but later he started to worry that his name or even the Constitutionalist's cause would be associated with illegal activities and forms of resistance. This frustrated Zilliacus, who advocated for more active Finnish resistance efforts. His idea was to unite all forces that resisted the Tsarist regime — the Russian revolutionaries, Polish nationalists, and Japanese government.

In 1902, Zilliacus wrote a book called *Det revolutionära Ryssland* (Revolutionary Russia), which described the activities of the Russian revolutionary parties starting from the Decembrists and continuing all the way to the revolutionary parties functioning in the early 20th century.¹⁹ The aim of the book was to introduce the actors, practices, and ideas behind the forces resisting the Tsarist regime inside Russia and to inspire Finnish activists on how to organise their resistance.

Konrad Zilliacus's relationship with the Russian revolutionaries was an issue, one which caused a conflict between Leo Mechelin and Zilliacus. Mechelin did not want the activities of the Constitutionals and the Finnish cause being associated with the revolutionaries in Russia for two reasons. First, most of the Finnish Constitutionals were conservative social reformists who were ideologically far from the radicals of the Russian Social Democratic Labour Party and the Social Revolutionary Party. Second, according to Leo Mechelin the case of Finland should be discussed at the level of the international community since it involved the Finnish state and Finnish nationhood. Therefore, his aim was to put pressure on the Tsar with the help of international scientific and cultural elite.

Passive resistance as a tactic was challenged when Governor General Nikolai Bobrikov received a special mandate to put an end to Finnish resistance in 1903. His mandate included the power to exile disobedient Finnish elite, and indeed many members of the group of Constitutionals received just such a punishment. Instead of putting an end

¹⁹ Konrad Zilliacus, *Vapanden liike Venäjällä* (Stockholm: Svanbäck, 1903).

to the resistance, this manoeuvre by the Tsar only served to radicalise many of the Constitutionalists, many of whom also belonged to the cultural elite of Finland.

The Finnish historian Matti Lauerma has pointed out that now the passive resistance of the Constitutionalists changed into that of active resistance — into the idea that violence needs to be met with violence.²⁰ According to him, the main reason was the Constitutionalist's reluctance to start an open conflict with the Tsarist regime, which the Constitutionalists thought would be devastating for the party. Therefore, they chose as their tactic to stick strictly within the law. However, Governor General Bobrikov's actions and the conservatism of the Constitutionalists caused many in the younger generation to demand taking more severe actions against Russification.

Konrad Zilliacus was close to the Kagal Organisation, which was founded as an underground movement to resist Russification. His brother and many friends were part of the organisation. Although he was not in the leadership of this organisation, Zilliacus's activist ideas were reflected there as well. In a brief description of a Kagal meeting held in April of 1903, the organisation emphasised the need to involve a large stratum of Finnish society in the resistance movement. Special emphasis was placed on the information being spread by the newspapers:

*"Papers like Fria ord and Vapaat lehdet have been valued by several speakers. People have generally acknowledged that this is the only way to follow state developments in our country."*²¹

Zilliacus became more involved with the activists. The Finnish activists planned many political murders — the murders of Finnish officials who cooperated with Tsarist regime and the representatives of the regime itself, such as Governor General Bobrikov. This plan was devised by Eugen Schauman on 16 June 1904. Although he was not a member of the Kagal Organisation, or any other activist organisation, the group of activists strongly supported the plan. They thought, however, that his subsequent suicide was unnecessary in terms of making a political point since the members of the organisation considered themselves engaged in a war with Tsarist Russia.²²

Interestingly enough, Zilliacus himself does not discuss Bobrikov's murder in his memoirs when describing the activities of the Finnish activists in 1903–1904. He concentrated instead on describing the international relations of the activists and his role in organising them. It might be because he was then in Sweden, but also because from his point of view international cooperation in resistance was more important than singular acts of violent resistance.

²⁰ Matti Lauerma, "Aktivismi," in Tommila (ed.), *Venäläinen sortokausi Suomessa*, 138.

²¹ "Kagaalin" arkistoa. *Kokoelma vuosina 1899–1905 ilmestyneitä poliittisia lentolehtisiä, julistuksia, kiertokirjeitä y. m.* (Helsinki: Eduskunnan kirjasto, 1939), 252.

²² Lauerma, "Aktivismi," 141–142.

Zilliacus and the Russian revolutionaries

Despite cooperating with the Russian revolutionaries, Zilliacus's attitudes towards terrorism remained ambivalent. His silence on Bobrikov's murder and his earlier writings show that he did not advocate political murder. However, something changed during his years in exile in Stockholm. In his memoirs, Zilliacus writes, that during the meeting in Amsterdam, during which time he helped arrange for a conference in Paris, the Russian Social Revolutionaries had discussed the issue of political murders, attempted murders, and possible new targets of political violence. They had also asked Zilliacus on his position on this issue. Zilliacus replied as follows:

*"I explained that the murders of Sipyagin, Plewhe, and Prince Sergei have shown that no matter their high social and political position, they had no influence whatsoever on the political resistance [movement]. They have confused the public, but nothing has changed. One actor has been replaced with another. There are plenty of people in Russia, who want to replace them, but there is no organisation that can dream that they can eliminate them all. Danger does not scare them from continuing the same policies typical of the regime. In my opinion, there is only one political murder worthwhile of an attempt, which would lead to the kind of situation and the social and political system that we want — it would be the murder of the head of the regime — the Tsar himself."*²³

His reply shows that terroristic attacks and political violence had for him only instrumental value. Lacking any direct benefits, then there was no use in using such measures. The change in his attitudes towards political murder, and the murder of the Tsar, occurred only after the Tsar had produced an heir. The legitimacy and authority of the regency would be significantly diminished as a result of powers scheming to have influence over the young heir, and this in turn would offer the chance for change:

*"How long do you think that this government will remain unanimous? From the very first day, it will start to plot how to influence him. After three months, the whole government, and with it the whole of Russia, would be split into different groups. This would give you — the Russian revolutionaries — a chance to create a revolution in Russia."*²⁴

Despite these comments, it is difficult to associate Zilliacus with the Russian revolutionaries, since his *modus operandi* was not to institute social change, only see to the end of the Tsarist regime and thereby Finnish independence. Zilliacus highlighted active resistance, which consisted of influencing public opinion and of international cooperation. Terrorism and political violence were the means to achieve goals that would otherwise be unachievable, and this connected him, although very weakly, to terrorism and the Russian revolutionaries.

In October 1904, Zilliacus organised the All-Russian Congress for oppositional and revolutionary parties in Paris. He acted as chairman for this congress, in which all

²³ Zilliacus, *Sortovuosilta*, 118–119.

²⁴ *Ibid*, 119.

the larger opposition parties except the Bolsheviks and Mensheviks took part. The resulting conference resolution demanded autonomy for all Russian minority nationalities. At the conference, Zilliacus agreed with the Russian revolutionaries and with the Polish nationalists that cooperation against the Tsarist regime should continue and develop. Both the conference resolution and the plan for resistance were published.

It seems that Zilliacus's attitude regarding political violence changed after the Paris conference, which was in many ways a disappointment for Zilliacus. He had hoped that the participants' belief in a common Tsarist enemy would have created an understanding about the goals and measures for achieving them. According to Zilliacus, the main result of the conference, the resolution, was so weakly worded that it had no practical meaning. The resolution did, however, clearly state two important objectives. The first was the clause calling for the autonomy of all national minorities and the second the idea of what tactics would best lead to revolution. Another disappointment for Zilliacus was that the Constitutionalists, led by Leo Mechelin, refused to sign the resolution.²⁵ Despite the fact that the resolution condemned autocracy and violations against the Finnish constitution, the Constitutionalists were afraid that the cause would defame the party and be perceived as overtly cooperating with the Russian revolutionaries. Instead of active resistance, most of the Constitutionalists wanted to continue their political activities within the framework of parliamentary activities.

For Zilliacus, support from the West was not enough. He also sought cooperation with Japan. At the start of the Russo-Japanese war of 1904–1905, Zilliacus contacted the Japanese military attaché in Stockholm, Akashi Motojiro, to discuss how best to help the Japanese win the war. Zilliacus suggested that Polish soldiers should be given guarantees that they could safely travel to the US if they abandoned the front.²⁶ Though this attempt did not succeed, Zilliacus's contacts with the military attaché remained.

Finnish Active Resistance Party and Power League

Disappointed, Zilliacus organised a new party — the Finnish Active Resistance Party (*Suomen aktiivinen vastustuspuolue*), which aimed to stage armed mutinies and launch terrorist attacks against the Russian authorities. In its founding conference on 17 November 1904, Johannes Gummerus was chosen as the leader of the party. The party had its own military wing, which worked together with the militant workers, especially in eastern Finland. The party programme stated its aims and measures accordingly:²⁷

²⁵ Ibid, 132, 136–138.

²⁶ Ibid, 97–98.

²⁷ Lauerma, "Aktivismi," 143–144.

§ 1. *The party wants to wake up the Finnish people and to make them realise that there is no law in Finland and that the country is dependent on the Russian autocracy, and that the active, severe, and ruthless fight against despotism and its henchmen is needed and justified.*

The party cooperates with other parties of resistance from other parts of Russia, and it sees benefits of this cooperation. The party wants to abolish the sense of loyalty of the people to the Tsar and strengthen their sense of freedom:

- a) by written and oral propaganda;*
- b) by forming and delivering weapons among a voluntary people's militia;*
- c) by supporting the military wing of the party;*
- d) by any other means appropriate for the cause.*

§ 2 *The party supports the work that individual people have already conducted in order to help further the Russian revolution.*

The military wing of the party initiated several unsuccessful murder attempts against Russian officials.²⁸ They even tried to murder Tsar Nikolai II when he was hunting in Koivisto in 1905, but the attempt failed when the Tsar had to leave for St. Petersburg before the activists had reached Koivisto region.

According to Lauerma, the general strike in October and November of 1905 (30.10.–5.11.1905) reflected the growing popularity of active resistance. The activists took part in planning and conducting the strike, cooperating with the labour movement.²⁹ However, the result of the general strike, the November Manifesto, forced the Finnish activists into the political margins. The Constitutionalist believed that ultimately it was their tactic of passive resistance that led to the victory of law and order and the Finnish constitution over unlawful militant actions. For them, the goal was to overrule the February Manifesto, which was achieved through the means of passive resistance.

However, for the activists the goal had changed. Their goal became that of Finnish independence because Konrad Zilliacus and his supporters did not believe that the situation in Tsarist Russia had significantly changed. Therefore, he and a group of political and cultural elite in Finland started to plan military resistance to free Finland.

The military wing of the Activist Party was founded in 1905. Zilliacus also organised the Finnish Power League (*Voimaliitto*), which was supposed to act as a people's militia and replace the Russian Army in Finland. In May 1905, the Power League had 125 regional units and approximately 25 000 members.³⁰ It managed to gather together members of the politically active cultural elite, such as Akseli Gallen-Kallela, Alpo Sailo, Aarno Hasselqvist, Mikko Oinonen, and Carl Bengts as well as many students. A significant part of the Finnish elite was involved in the league's activities, including the future president of Finland, Per-

²⁸ Ibid, 148.

²⁹ Ibid, 150–151.

³⁰ Ibid, 152.

Erik Svinhufud.³¹ These activities aimed at military resistance. Though masked as sports activities, the league sought through them to obtain weapons from Europe. Deliveries nonetheless failed, and the authorities uncovered the real nature of the league and shut it down in November 1906.

When Zilliacus's links with Japan were discovered, he had to escape to Sweden again in 1909. On the eve of WWI, he began actively supporting the Finnish jaegers. When he returned to Finland in 1918, he started to write his memoirs. In his memoirs, Zilliacus describes the goals and measures — the strategies and tactics — which the Finnish elite had chosen to resist Russification. The memoirs also reveal how the Finnish elite became radicalised and changed its tactics from passive to active resistance.

Conclusions

Konrad Zilliacus's background gave him ample resources to network internationally. Despite having strong ties with the Swedish-speaking elite in Finland, he also had good connections both to the West and to the East. His ties with Russia started from early on and continued throughout his adult years. However, this was not unique in the context of the Grand Duchy of Finland. What is interesting is that by abandoning a career in the civil service, Konrad Zilliacus began to mix more with different social groups and eventually created a career for himself abroad, namely in the United States.

During his stay in the United States, Zilliacus became more aware of the question of nationalism and social hierarchies. The issue of Finnish migration, which he studied systematically during those years, made him constantly return to the situation in the Finnish Grand Duchy. Why had so many people left the country, and how did Finnishness survive in the multinational environment of the States? Moreover, the immigrants were usually Finnish-speaking peasants and workers, and this it seems contributed to Konrad Zilliacus's emotional ties to the question of Finnish nationhood.

The Constitutionals provided Zilliacus with two crucial advantages. First, a network of Finnish elite, among whom he already belonged. His relatives, friends, and peers joined together to oppose the Russification process both by legal and underground means. The Kagal Organisation offered an example of how to organise underground activities. Second, the Constitutionalist's newspapers, *Nya Pressen* and *Fria Ord*, offered Zilliacus a platform to continue his activities as a writer and journalist.

However, Zilliacus's understanding of how to combat Russification was different from that of the leaders of the Constitutionalist Party. This was partly because of his personality, as a “man of action”, and because of his experiences and contacts with different immigrant

³¹ “Vaihe Suomen itsenäisyystaistelusta. Voimaliiton 25-vuotismuistio,” *Suomen Kuvalehti*, May 16, 1931, no. 20.

and political networks abroad. Zilliacus was ready and willing to cooperate with different parties on the opposite side of the political spectrum. For him, the main issue was first autonomy and later the independence of Finland.

Through examining the Constitutionalist Party and Konrad Zilliacus, a picture emerges of the different forms of resistance and the many conflicts affecting the issue of political independence. Within the Fennoman Party, the Finnish question was ideological and concerned tactical disputes over nation-building efforts and nationhood. At one end of this dispute, activists adopted the tactic of strengthening the nation through the Finnish language and administration, while on the other they sought to maintain the state structure and strengthen it by legal means.

A dispute also existed between regarding the various forms passive and active resistance within the Constitutionalist Party. Through analysis of the activities and ideas of Leo Mechelin and Konrad Zilliacus, we obtain a picture of the norms and values advocated by those within the Finnish resistance. Resistance efforts also had both a national and international dimension. Even though the Constitutionalist Party sought international support, such support had its limits for them. If we look at Zilliacus's activities, they confirm the precise nature of political opposition during the last years of the Tsarist regime. The more severe the measures taken against resistance efforts, the more radical the resistance efforts became.

Attitudes towards terrorism among the Finnish elite also changed. In the beginning, Constitutionalist Party members such as Konrad Zilliacus did not consider political violence to be justified as a means of political resistance. Later, he saw justification in terrorism if it really had an impact on power relations. When the social conflicts reached their peak at the end of the 1910s in Finland, a certain number of Finns had adopted the means of violent resistance as a measure to achieve their goals.

Despite cooperating with the Russian revolutionaries, Zilliacus's attitudes towards terrorism remained ambivalent. His silence on Bobrikov's murder and his earlier writings show that he did not advocate political murder. However, something changed during his years in exile in Stockholm. In his memoirs, Zilliacus writes that during a meeting in Amsterdam, during which time he helped arrange for a conference in Paris, the Russian Social Revolutionaries had discussed the issue of political murders, attempted murders, and possible new targets of political violence. They had also asked Zilliacus about his position on this issue. Zilliacus replied as follows:

"I explained that the murders of Sipyagin, Plewhe, and Prince Sergei have shown that no matter their high social and political position, they had no influence whatsoever on the political resistance [movement]. They have confused the public, but nothing has changed. One actor has been replaced with another. There are plenty of people in Russia who want to replace them, but there is no organisation that can dream that they can eliminate them all. Danger does not scare them from continuing the same policies typical

of the regime. In my opinion, there is only one political murder worthwhile of an attempt, which would lead to the kind of situation and the social and political system that we want — it would be the murder of the head of the regime — the Tsar himself.”

List of secondary sources

- Alapuro, R. Nineteenth Century Nationalism in Finland: a comparative perspective / R. Alapuro // Scandinavian Political Studies. — 1979. — Vol. 2, no. 1. — P. 19–29.
- Gummerus, H. Konni Zilliacus : Suomen itsenäisyyden esitaistelija / H. Gummerus. — Jyväskylä : Gummerus, 1933. — 280 s.
- Jussila, O. Suomen suuriruhtinaskunta : 1809–1917 / O. Jussila. — Helsinki : WSOY, 2004. — 832 s.
- Jutikkala, E. Suomen historia / E. Jutikkala, J. Nyssönen, K. Pirinen. — 6. uud. p. — Helsinki : WSOY, 2002. — 438 s.
- Kansa liikkeessä / toim. R. Alapuro ja muita. — Helsinki : Kirjayhtymä, 1987. — 303 s.
- Kappeler, A. The Russian Empire : a Multiethnic History / A. Kappeler. — Abingdon (Oxon.) ; New York : Routledge, 2013. — XXIII, 455 p.
- Klinge, M. Keisarin Suomi / M. Klinge. — [Espoo]: Schildt, 1997. — 542 s.
- Klinge, M. Zilliacus, Konni (1855–1924) / M. Klinge // Kansallisbiografia-verkkojulkaisu : Studia Biographica 4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://urn.fi/urn:nbn:fi:sks-kbg-003698>. — (30.12.2018).
- Kujala, A. Vallankumous ja kansallinen itsemääräämisoikeus : Venäjän sosialistiset puolueet ja suomalainen radikalismi vuosisadan alussa / A. Kujala. — Helsinki : SHS, 1989. — 348 s.
- Kujala, A. Finnish Radicals and the Russian Revolutionary Movement, 1899–1907 / A. Kujala // Revolutionary Russia. — 1992. — Vol. 5, no. 2. — P. 172–192.
- Liikanen, I. Fennomania ja kansa : joukkojärjestäytymisen läpimurto ja Suomalaisen puolueen synty / I. Liikanen. — Helsinki : SHS, 1995. — 363 s.
- Mickelsson, R. Suomen puolueet : historia, muutos ja nykypäivä / R. Mickelsson. — Tampere : Vastapaino, 2006. — 429 s.
- Suodenjoki, S. Kansalaisyhteiskunnan ja Suomen ideat, liikkeet ja julkisuudet ennen vuotta 1917 / S. Suodenjoki // Suomalaisen politiikan murroksia ja muutoksia / toim. K. Paakkunainen. — Helsinki : Helsingin yliopisto, politiikan ja talouden tutkimuksen laitos, 2012. — 393 s. — (Politiikan ja talouden tutkimuksen laitoksen julkaisuja 2012:1). — URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/36047>. — (30.12.2018).
- Venäläinen sortokausi Suomessa / toim. P. Tommila. — Porvoo : WSOY, 1960. — 254 s.

KÄHÖNEN Aapo / КЯХЁНЕН Ааппо
University of Helsinki / Университет Хельсинки
Finland, Helsinki / Финляндия, Хельсинки
aapo.kahonen@helsinki.fi

STATE-BUILDING AND FOREIGN POLICY: THE CASE OF EAST KARELIA AND THE ROLE OF FINLAND IN SOVIET FOREIGN POLICY IN 1921–22

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА:
СЛУЧАЙ ВОСТОЧНОЙ КАРЕЛИИ И РОЛЬ ФИНЛЯНДИИ В СОВЕТСКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В 1921–1922 гг.

Аннотация: Основания советской внешней политики и роль в ней Финляндии могут быть проанализированы в контексте государственного строительства, а также позиции элит и правящих классов в обеих странах. Несмотря на различия создававшихся политических систем, обе страны пережили жестокие гражданские войны, которые потребовали усилий по стабилизации новых режимов. Карелия как спорный пограничный регион в 1921–1922 гг. представляет собой хороший пример для плодотворного рассмотрения следующих вопросов: каково было значение идеологии — националистической либо большевистской — как для легитимации государства, так и для определения его внешнеполитической ориентации? Каким образом локальный, двусторонний конфликт был связан с более масштабными целями советской внешней политики в Европе? Результаты проведённого исследования показывают, во-первых, что в обеих странах идеология играла значительную роль в деле легитимации режима и в сфере внешней политики. Во-вторых, что советский внешнеполитический аппарат, несмотря на его революционное происхождение, имел достаточно точную информацию о финляндской внутренней политике и причинах Восточно-Карельского восстания. Однако главные внешнеполитические цели Советской России в отношении западных великих держав придавали локальному конфликту значение образцового примера, что предопределило характер советской ответной реакции.

Keywords / Ключевые слова: State-building, Soviet Russia, Finland, foreign policy, Karelia, 1921–22 / Государственное строительство, Советская Россия, Финляндия, внешняя политика, Карелия, 1921–1922 гг.

The starting points for both Soviet Russian and Finnish foreign policies were connected by revolution and stabilisation of the new, post-civil-war ruling elites,¹ as both countries were successor states of the Russian empire. Therefore, both ruling elites had in common clear ideological starting points, whether based on bolshevism or the anti-communist principles of a nation-state influenced by pan-Finnish nationalism, which clearly influenced their foreign political objectives. Regardless of this commonality,

¹ On the connections between revolution and state building from the standpoint of historical sociology, see, e. g. Barrington Moore, *Social Origins of Dictatorship and Democracy*, (Harmondsworth: Penguin Books, 1991), XII–XIV, 472–483; Theda Skocpol, *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*, (Cambridge & New York: Cambridge University Press, 1979), 161–164.

a transition point can be noted in the foreign policies of both countries during the years 1920–22, with them moving away from ideologically motivated expansion towards so-called state interests and traditional methods of diplomacy. This did not mean the disappearance of ideology from foreign policy, but the transition did push it more often into the background or relegate it to the position of being a second option. After presenting the case of East Karelia, the relationship between state-building and foreign policy in Soviet Russia and in Finland will be analysed on a more general level in the concluding section.

Traditionally, the East Karelian revolt, which lasted from October 1921 to January 1922, has been studied in Finland more as a problem of bilateral relations between Soviet Russia and Finland, in the form of an indirect conflict.² In Russia, the East Karelian revolt has been briefly related to the general emphases of Soviet foreign policy.³ More recently, the focus has been on observing the significance of national separatism and nationalist expansion for Soviet Russia in a situation where the new state needed to stabilise both its political system and its international position. From this standpoint, it also becomes clear why the border policy or national expansionist aspirations of the Finnish foreign political leadership, especially foreign minister Rudolf Holsti, did not receive support from Western Europe and, eventually, from the Finnish domestic political arena either.

Soviet viewpoints on the East Karelian Revolt

The East Karelian revolt was one of the many rebellions against Soviet power, which flared up in 1921 as a result of pre-NEP war communism and hunger. The Soviet leadership was aware of the need for peaceful conditions in East Karelia, for safeguarding the Murmansk railroad and for easing food supply situation, as the commissar for foreign affairs, Georgii Chicherin, wrote first about it to the Soviet government and then again directly to Lenin in August 1921.⁴

Despite his warning, the outbreak of the revolt came as a surprise to many in power, not only to the Soviet administration but also to the Finnish government. When the revolt really broke out in force in late October 1921, the Soviet army presence in the area totalled only about one thousand men. This was reflected in the initial successes of the revolt, and by 16 November the rebels had taken Uhtua. Then the commissar of the foreign

² Keijo Korhonen, *Naapurit vastoin tahtoaan. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan, vol. I, 1920–1933* (Helsinki: Tammi, 1966); Stacy Churchill, *Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922. Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välissä vuoteissa 1917–1922* (Helsinki: WSOY, 1970).

³ Aleksander Rupasov, *Sovetsko-finliandskie otnoshenija: seredina 1920-x — natschalo 1930-x gg.* (Sankt Petersburg: Evropeiskii Dom, 2001), 15–16.

⁴ Juri Kilin, *Suurvallan rajamaa. Neuvosto-Karjala Neuvostovaltion politiikassa 1920–1941* (Rovaniemi: Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 2001), 54.

affairs, Chicherin, sent a note on the events to the Finnish government, in which he presented the central arguments of the Soviet side that would be applied throughout the conflict. According to the information received by the Soviets, 'bandit groups,' which were at the time under the leadership of Finnish army officers, had caused disturbances in the Karelian Worker's Commune. On this basis, the Soviets claimed that Finland wanted to frame the events as a rebellion and a people's uprising deserving of foreign support, especially since the mixed Finnish-Soviet commission had Karelia on its agenda at the time. Soviet Russian reactions became harsher as the month progressed, and especially a note sent at the beginning of December offered a strict warning and raised the possibility of counter-actions against Finland. Finland's appeal to the League of Nations lent support to the Soviet argument that Finland wanted to interfere. It was defined both as a hostile act and as meddling in the internal affairs of Soviet Russia, as well as a violation of the Tartu Peace Treaty. Furthermore, the note accused the Finnish government of offering 'full-scale support' to the rebels and it denied that the revolt had been caused by food shortages or the repression of national and cultural rights. It argued that the Finnish border had been opened to support the movements of rebel groups.⁵

This public reaction of Soviet foreign policy officials needs to be related to the information offered by the Soviet Helsinki mission, which was based on a more diverse viewpoint. The Soviet representative in Helsinki, Aleksei Chernykh, distinguished between, on the one hand, the attitude of the Finnish government and, on the other, the attitude of Finnish right wing and activist circles towards the revolt. According to him, the government, unlike right-wing circles, aimed to avoid conflict with Soviet Russia, and he viewed the East Karelian events 'as a show which we [the Soviets] will quickly put a stop to.' He saw the Finnish government as balancing between the demands of 'the nationalistically-minded Finnish circles' and its own objectives of avoiding the growing tension in Finnish-Soviet relations. When evaluating the rebellion from the standpoint of domestic Finnish politics, Chernykh again emphasised that, 'It must be said that there are now very few elements in Finland willing to take the Karelian question to a direct confrontation with Russia [Rossii].' In addition to the social democrats, according to him almost all of the bourgeois parties desired a peaceful solution, while the 'Swedes,' the Swedish People's Party, was indifferent. This reflected the nationalistic and linguistic divisions within Finland, since 'the Swedes have never supported pan-Finnish tendencies,' the so-called kindred people policy. The addition of the 'kindred people,' namely the Karelians, into the Finnish population would have decreased the proportion of the Swedish-speaking minority among the total population of Finland.

⁵ Korhonen, *Naapurit vastoin tahtoaan*, 53–56; *Dokumenty vnesnei politiki SSSR, vol. 4* (Moscow: Izdatelstvo politzeskoi literatury, 1957), 558–559, Chicherin — Gyllenbögel 5.12.1921. On peasant revolts as 'banditism' in the bolshevik terminology, see Richard K. Debo, *Survival and Consolidation. The Foreign Policy of Soviet Russia* (Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 1992), 329.

The National Coalition Party of the conservative bourgeoisie was divided in its attitude towards the Karelian revolt. 'The far-right wing of the party' is militant, noted Chernykh, 'and its organ, *Iltalehti*, even presents calls to arms.' Instead, the more reasonable part of the party, represented by the newspaper *Uusi Suomi*, 'is not, at the end of the day, very resolutely demanding a decision on the matter.' For their part, the Agrarian League and the Progress Party supported the policy of the government, of which they were a part, 'with the exclusion of Minister of Defence Jalander.' Chernykh recognised the newspapers *Suunta* and *Inkeri*, the Civil Guards and the Committee of the White Karelians as being the main sources of East Karelian agitation.⁶

Chernykh characterised the fundamental divisions in Finnish foreign policy as follows. The government 'aims to find such a line, which, while simultaneously avoiding a direct confrontation with Soviet Russia, will maximally satisfy the objectives of the bourgeois-nationalist circles in Finland. The Finnish government has especially legalised so-called humanitarian aid to the rebels.' He viewed the collection of funds and ambulance services as 'violations of the most elementary forms of neutrality.' Chernykh noted the military enlistments and the sale of arms to East Karelia were taking place in Finland, though it was not easy to find proof of such activities since 'the work is done carefully and being led by individuals who are well recommended among the White Guard [Civil Guard] supporters.' Confirmation of the participation of Finnish officials in such actions was received through another organisation, Soviet Military Intelligence, at the beginning of January 1922. It found evidence that several officers in the Finnish 2nd division had been sent to East Karelia. In addition, on the initiative of the commander-in-chief of the armed forces, the vacations of army officers higher in rank than captain had been cancelled for three months.⁷

In practice, the Finnish government operated actively on the diplomatic level, and the Soviets were worried about the question coming up in the mixed Finnish-Soviet commission, where agreements had already been reached on railways and fishing. The Finnish government had taken the East Karelia question to the League of Nations, where it had brought publicity to the issue and received moral support but no concrete resolution.

Chernykh concentrated the substance of his report into the two last paragraphs, where he took a stand on the causes of the revolt as well as on the potential effects of its continuation:

⁶ Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI), f. 159, o. 2, d. 41, Chernykh — Chicherin 30.11.1921.

⁷ Kilin, *Suurvallan rajamaa*, 57.

“Speaking seriously about the rebellion, which is taking place in Karelia, it is very, very difficult to condemn it from here. Even though it is clear that the rebellion receives leadership and material support from Finland, it is obvious that there are local reasons [for it], one of which — the food tax.” A Cheka internal security report, made after the military action, confirmed the need to prioritise internal causes, even though Cheka’s Foreign Intelligence (VTchK-INO) claimed that the pan-Finnish ideology of annexing Karelia to Finland had had great significance.

However, the last paragraph of the report focused on the consequences: ‘If termination [of the rebellion] is delayed, then the Finnish government without doubt will move towards an aggressive policy.’⁸ In order to avoid this, the People’s Commissariat for Foreign Affairs (NKID) formulated its stance rather strongly for the politburo on 2 December 1921, in which it excluded the more nuanced and diverse analyses on Finnish policy and the internal causes for rebellion in East Karelia suggested by Chernykh. The international Soviet reaction, and the prevention of possible interference to events defined as internal affairs, were seen as a priority. The NKID collegium thought that Soviet Russia should put an immediate stop to any attempts to mobilise the League of Nations against it. Hence, it was necessary to announce that Finland ‘had taken a dangerous path, which could lead to serious consequences, which is why we [NKID] would consider it necessary to support this declaration with military demonstrations at the Finnish border.’ The question was, then, of making an example of Finland so as to prevent international interference in the future.

The NKID collegium evaluated the international situation as being favourable to them for the following reasons: ‘nothing will make England and France take part at the moment [in the East Karelian conflict]; in Poland, there is an exceptionally resolute tendency towards better relations with us; Romania has a cabinet crisis.’ Regarding the Western great powers, Soviet Russian foreign policy makers had clear reasons for their view, and even though the League of Nations supported the Eastern European border states in questions of sovereignty, it was not an immediate threat. In the end, the NKID collegium focused more on the revolt itself and on strengthening the political system in Soviet Russia. As diplomatic pressure, the NKID collegium proposed suspending the meeting of the mixed Finnish-Soviet commission, believing the Finns would suffer more from such a move. The Soviet Union should take advantage of the favourable international situation, the NKID collegium argued, so that the army and Cheka could suppress the revolt as quickly as possible. In connection with this, the NKID collegium observed: ‘In the end, we are prepared to consider in a positive spirit the extending of amnesty to those in Kronstadt [who rebelled against the Bolsheviks

⁸ RGASPI, f. 159, o. 2, d. 41, Chernykh — Chicherin 30.11.1921. On Cheka’s evaluation see Kilin, *Suurvallan rajamaa*, 54–55.

in 1921] who distinguish themselves [in suppressing the rebellion] in Karelia.’ Provided that the Cheka would not oppose such a move, ‘in a political sense an amnesty for the Kronstadt [rebels] at this moment would remarkably weaken the forces of those fighting against us in Karelia.’

The NKID collegium proposed sending the note to Finland before the League of Nations gave its official ruling on the Karelian question. The politburo decided on this suggestion the following day. By then, the memorandum had reached the top level of decision makers in Soviet Russia, evident because a handwritten note had been added: ‘To Com. Trotsky. Provide your opinion in two words. To my mind, Chicherin is right. 3/XII Lenin.’⁹

The Soviet conviction regarding the non-interference of the Western powers was based on the clearly progressing overtures for a European-wide rebuilding effort and peace conference, especially with Great Britain.¹⁰ Already at the beginning of September, the politburo had been studying Chicherin’s report on (Soviet) Russia’s debts to the Western powers. Chicherin and Leonid Krasin had been entrusted with ‘formulating the preconditions that should be orally communicated in discussions with Lloyd George [the British prime minister].’ Close to the middle of September, the reciprocity of compensations was defined as a starting point for the possible payment of all debts, excluding war debts, questions of nationalisation versus the damages caused by intervention, and a new loan from the Western markets. On the political side, the *de jure* recognition of the Soviet government and a peace treaty were expected. From the viewpoint of the legitimacy of the political system, a central demand was ‘to abstain from supporting our enemies and the counter revolution, not to interfere in the internal affairs of the Soviet republic [Soviet state] and not allow anything that violates the sovereignty of the Soviet government or questions the indivisibility of our territory...’ Regarding the debt negotiations, the Soviet government tentatively noted that they should not be discussed with Great Britain alone, but also with France, however separately if possible.¹¹

Trotsky’s presentation on Finnish relations was taken as a starting point on 3 December 1921, however it was modified so that his proposal to break off diplomatic relations was postponed. Already on the same day, Chicherin mentioned that there had been a misunderstanding in the politburo, and that the question only had to do with suspending the work of the mixed Finnish-Soviet commission. ‘The calling home of our

⁹ RGASPI, f. 159, o. 2, d. 41, Chicherin — Politburo 2.12.1921.

¹⁰ Jon Jacobson, *When the Soviet Union Entered World Politics* (Berkeley: University of California Press, 1994), 81–89.

¹¹ RGASPI, f. 17, o. 3, d. 196, Politburo protocol, Chicherin on the debt question, 2.9.1921, and f. 17, o. 3, d. 201, Politburo protocol, on debts, 13.9.1921.

representative from Finland was not proposed [by the NKID] and, of course that step would go too far,' he said. Two days later, the politburo accepted Chicherin's view. The interest of the People's Commissariat for Foreign Affairs was to avoid breaking off diplomatic relations, in no small part to ensure the transit of goods through Finnish ports and via Finnish railroads, especially for receiving newspaper-quality paper, of which there was an acute shortage.¹² In addition, the second motive might well have been that harsher reactions by the Soviet Union might steer Finland in the wrong direction.¹³ However, in late December the Soviet representative in Helsinki, Chernykh, announced in a tense discussion with Foreign Minister Holsti that the Soviets were concentrating troops on the border since Finland was not honouring the peace treaty. Finland had already noted the increased number of Soviet troops along the border and, according to the Americans, the government in Finland was panicking. The government was considering mobilising Finnish troops and had begun making overtures with the other states on Soviet Russia's western border from the Arctic Sea to the Black Sea.

Otherwise, the politburo used Trotsky's presentation as a basis for countermeasures, which it initiated against Finland on the basis of the East Karelian situation beginning on 3 January 1922. The starting point was, on the one hand, to wage a propaganda and diplomatic campaign against Finland, and on the other to intensify the role of the All Russian Extraordinary Commission, Cheka, in communications. Already by the end of December, Soviet Russia had had sufficient preconditions for ending the revolt: the Soviet army had concentrated 13 000 men in East Karelia, which was more than enough. During the first week of January, the Finnish government announced the closing of the border, which the Soviets had been demanding since autumn.¹⁴

Dismantling the Karelian crisis and its aftershocks: the last blossoming of a border-state alliance

The tension in bilateral relations between Soviet Russia and Finland, raised by the East Karelian crisis, began to ease off by mid-January. Soviet Russia took advantage of the progress it had made in relations with Western Europe, which had begun already in the autumn. At the beginning of January, as progress was being made in suppressing the revolt and with diplomatic pressure against Finland still mounting, the politburo heatedly discussed participation of a Soviet delegation in the economic conference

¹² Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (AVP RF), f. 04, p. 251, d. 53423, Ganetski — Chernykh 14.1.1922 and Ganetski — Chernykh 9.2.1922. Even in February, the Foreign Trade Commissariat (NKVT) was of the opinion that unless paper could be received through, or imported from, Finland, 'We will have to close all our newspapers.'

¹³ RGASPI, f.17, o. 3, d. 240, Politburo protocol, on Karelia,, 3.12.1921, f. 159, o. 2, d. 41, Chicherin — Molotov 3.12.1921 and f. 17, o. 3, d. 241, Politburo protocol, on Karelia, 5.12.1921.

¹⁴ Korhonen, 59, 61; RGASPI, f. 17, o. 3, d. 248, Politburo protocol, on the Karelian front, 3.1.1922.

to be held in Genova and prepared work groups to respond to the different questions that would be raised during negotiations.¹⁵

The Soviet understanding of the positive attitude on the part of Great Britain grew stronger in early January as well. The London government was known to have demanded, 'on the basis of general sources,' that Finland end the conflict with the Soviet government. The British representative in Helsinki had announced to the Finnish Ministry for Foreign Affairs that, 'at the moment, when the Entente High Council meets, in order to solve the Russian question peacefully, no member of the League of Nations should threaten European peace.' The declaration of the English government made a strong impression in the Finnish government. In other respects as well, the list of Finland's supporters was growing thin: the French-backed alliance of Central European countries, 'the Little Entente,' underlined its neutrality, as the Baltic countries were not part of the alliance. Even the Polish government, 'which had good relations with Finland,' seemed interested in safeguarding its neutrality.¹⁶ This image of Finland overstepping its national interests was further strengthened when the British representative in Moscow contacted Maxim Litvinov, Vice Commissar for Foreign Affairs, in mid-January enquiring into how he could encourage reconciliation and help end the fighting in East Karelia. Litvinov took the opportunity to convey a message. In addition to condemning the 'bandit attacks,' it was crucial to note 'that the slightest support from the League of Nations would increase the Finnish government's aggression and inevitably lead to armed conflict [between Soviet Russia and Finland].' 'I received the impression that the government of Great Britain will act in a restraining fashion in Helsinki,' he concluded.¹⁷

With respect to Poland, Soviet Russia was more optimistic about its foreign policy options than there were grounds for, but in terms of the main question regarding East Karelian crisis the government had a strong case. On 6 January, the High Council of Entente had reached a decision to call for a financial and economic conference in which all European countries, including the countries defeated in the First World War and Soviet Russia, would be asked to participate. The other option for Soviet foreign policy, forming a special relationship with Germany, had begun to progress rather swiftly after mid-January, when Karl Radek was sent to Berlin. During the first half of February, he met with the commander of the Reichswehr, Hans von Seeckt, and a little later

¹⁵ RGASPI, f. 17, o. 3, d. 249, on the delegation to the European conference, 5.1.1922, f. 17, o. 3, d. 250, on the invitation to Lenin to attend the European conference, 10.1.1922, and f. 17, o. 3, d. 251, on the Genova delegation, 12.1.1922.

¹⁶ RGASPI, f. 159, o. 2, d. 41, Raevskii — Chicherin 6.1.1922.

¹⁷ AVP RF, f. 04, o. 41, p. 251, d. 53423, Litvinov — Chernykh 16.1.1922

with the Foreign Minister, Walter Rathenau, with whom he had the possibility to discuss both military as well as financial co-operation.¹⁸

The relatively limited and peripheral crisis, at least from the viewpoint of the great powers, nevertheless increased activity in the other peripheral states, Estonia and Poland. The Estonian foreign political leadership, especially Foreign Minister Ants Piip, suggested in late December that Finland would soon have to give up its policy of 'splendid isolation.' The East Karelian crisis had finally made the Finns interested in alliances. Estonia proposed forming a mutual defensive alliance with Finland on 10 January 1922, but by then the Polish leadership was also trying to form political alliances with other countries. The Polish policy had changed from the previous summer, and it had returned to seeking guarantees of political security. An alliance with Finland would protect its northern flank in the same way as an alliance with Romania was already in place to protect its southern flank; additionally, Poland had already formed an alliance with France to protect itself from a German threat.

The participation of smaller border states did not interest the Polish security and foreign political leadership, unlike the Finnish leadership. In the final analysis, however, the Finnish political leadership was ready to choose an alliance with the militarily stronger Poland, and a preliminary treaty was prepared on the basis of the Polish-Romanian alliance at the beginning of February. The alliance failed not because of different opinions on the role of the Baltic countries, but because of the French stance on the matter. According to France, an alliance between Poland and Finland would tie Poland too tightly to its eastern border in a potential conflict with Soviet Russia, when the French primarily needed Poland as an ally against Germany. This negative view of Poland's main ally ended Polish-Finnish negotiations in mid-March.¹⁹ This type of process, even as a failure, was not in the interests of Soviet foreign policy, neither in its relations with Finland nor in a larger border-state context. Soviet Russia's security and foreign political leadership did, however, give signs of softening its stance, for example in Trotsky's speeches, in March–April of 1922.²⁰

The last act in this quickly evolving alliance-building activity took place at the border-state conference held in Warsaw on 13 March 1922. Even though the conference mainly dealt with loose political cooperation between the countries, especially following right on the heels of the Genova conference, in the end a political protocol was formed that included a security guarantee. According to it, with respect to an unprovoked attack

¹⁸ See Edward Hallett Carr. *A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution, 1917–1923, vol. 3* (1953) (London: Penguin Books, 1966), 357, 369–371, for more on the relations between Soviet Russia and Germany.

¹⁹ Marko Lehti, *A Baltic League as a Construct of the New Europe. Envisioning a Baltic Region and Small State Sovereignty in the Aftermath of the First World War* (Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999), 378–383.

²⁰ Korhonen, *Naapurit vastoin tahtoon*, 66–67.

‘a benign [Fr. *bienveillante*] attitude should be taken, and what kind of support can be offered should immediately be considered.’ Thus, the protocol was not a military treaty in the sense that the failed Finnish-Polish alliance would have been. Rather, it can be interpreted as an attempt by Finland, Estonia and Latvia to ensure some kind of binding cooperation in a situation where the earlier, publicly supported alliance plans had failed; Poland, for its part, was mostly interested in receiving political support at the Genova conference.

At the conference on economic cooperation and political relations, which began in Genova, Italy, on 10 April 1922, the Western powers and Soviet Russia failed to reach an agreement. Instead, Soviet Russia and Germany agreed on economic and political matters, as well as on secret military cooperation in nearby Rapallo on 16 April 1922. This made clear the fact that any alliance with Poland, though primarily against Soviet Russia, would also be an alliance against Germany. No bourgeois majority could then be found in Finland supporting an alliance with Poland, since the social democrats already opposed alliances with the border states in opposition to Soviet Russia. This domestic political combination ensured the failure of Holsti’s alliance policy in the Finnish parliament on 13 May 1922.²¹

The foundations of the Soviet Russian and Finnish foreign policies from the standpoint of state building

The elites governing Soviet Russia and its foreign political decision-making were quite new. First comprised of party officials and heads of the army during the civil war, the ruling cadre also came to include communist factory managers in the 1920s. The new ruling class had fully emerged in the Soviet Union by the 1930s. Socially, a central difference between the earlier imperial elite and the new Soviet elite was transition from an exclusive to an inclusive elite. This meant remarkable growth in the composition of the elite when both social and ethnic background became more diverse. Even though the level of education decreased, its significance remained high, and this enabled the rise of educated ethnic minorities, e. g. Armenians, Jews, Latvians and Georgians, to the ranks of top decision-makers, also regarding foreign policy.²²

The creation of the Soviet elite and Soviet state took place simultaneously as a reaction to the post-civil-war supply and economic crisis in the years 1920–21.

²¹ For more on the Genova conference and treaty of Rapallo, see Carr, *A History of Soviet Russia*, vol. 3, 371–376; on the Warsaw protocol, based on Latvian source in French, see Lehti, *A Baltic League as a Construct of the New Europe*, 381–395.

²² Aappo Kähönen, “Continuities and Differences between Soviet and Russian Foreign Policies from the Elite Perspective, 1860–1928”, *Peterburgskii istoričeskii žurnal* 1 (2017): 141–156. Online version: *Cyberleninka*, <https://cyberleninka.ru/article/n/continuities-and-differences-between-soviet-and-russian-foreign-policies-from-the-elite-perspective-1860-1928> (accessed January 15, 2019).

The most remarkable examples of the crisis were peasant rebellions, especially in Tambov, and the Kronstadt military rebellion in February-March of 1921. The stabilisation of the new regime required not only ending the confiscation of grain and food rationing, both of which were a part of war communism, but also the economic compromises in the form of the NEP in order to quickly strengthen political control of the country. This meant excluding not only other socialist parties, but all spontaneous working-class activity from the soviets. The Kronstadt sailors were revolting against such a policy when they began to support the strikes that broke out in Moscow and St. Petersburg in February. In practice, the soviets were converted into components of state administration by increasing the number of appointed officials (*nomenklatura*), while at the same time the standard of living of urban workers was increased in exchange. This resulted in unprecedentedly strong state machinery and control of the work force. The connections between the state administration and the party, and their eventual unification, together with the avant-garde character of the Bolshevik Party, made this development logical, and the party-state was for the most part fully functioning by 1923.²³ The new constitution for the Union of Soviet Socialist Republics was accepted in July 1923, mostly on the basis of the previous constitution for Russian Socialist Federative Soviet Republic. Even though the objective was to avoid the impression of having created a unified state, the exclusion of the word 'federative' from the constitution reflected just such a shift in the centre of gravity.²⁴

From an ideological standpoint, this change can be characterised by the concepts of hegemony and passive revolution employed by Antonio Gramsci. Usually the hegemony of the ruling class, when for example building a nation state, is achieved in part by genuinely including the ideologies of other social groups in it, in a process reminiscent of alliance building rather than exclusion or neutralisation. In cases when neutralisation plays a strong role in the creation of hegemony, then a passive revolution takes place. The consolidation of the different states of the Italian peninsula to form the single state of the Kingdom of Italy instead of a republic in the 1860s is an example of such a passive revolution. In Gramscian terms, the new ruling class in Russia ended social change and created hegemony via a passive revolution when neutralising other social groups, the working class included, and monopolising political power. This interpretation can be based on Gramsci's comments on Trotsky's America-inspired views in 1921 on the primacy of industry and the degree to which coercive industrial methods can

²³ V. P. Naumov and A. A. Kosakovskii, "Vvedenie", in V. P. Naumov and A. A. Kosakovskii (eds), *Kronshtad 1921* (Moscow: Mezhdunarodnyi fond 'Demokratia', 1997), 7–8; Simon Pirani, *The Russian Revolution in Retreat, 1920–24. Soviet Workers and the New Communist Elite* (London: Routledge, 2008), 7–23, 233–241.

²⁴ Carr, *A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution 1917–1923, vol. 1* (1950) (London: Penguin Books, 1966), 403–404, 410–413.

increase discipline in matters of production. This kind of combination could lead to a new form of Bonapartism. About a decade later, Trotsky's ideas were put into practice by Stalin.²⁵

The Finnish parliamentary system could be seen, from an outside perspective, as being just as unstable and perhaps temporary in nature as many in the West saw Soviet Russia. Even though there emerged in Finland a liberal state in place of an earlier estate state, one with civil liberties, its own law enforcement machinery, democratic municipal administration and land reforms, its permanence was not self-evident. A social compromise made this change possible: even the winners of the Finnish civil war recognised that the defeated group, i. e. the communists, could not be permanently excluded from political decision making.²⁶ However, the compromise was never entirely supported by the victorious bourgeois, anti-communist coalition. Even if this right-wing, extreme nationalist group of activists represented a minority on the bourgeois side, it still had considerable influence, and not only because of its background as part of the military and economic elite.

Gramsci's concept of hegemony can also be applied in the Finnish context, especially when observing, like Miika Siironen does, differences within the bourgeois, anti-communist coalition. The 'unpolitical' unanimity among the winners had central importance for political decision making in the post-civil-war Finnish state. The significant concepts in defining the unanimity were 'whiteness' and 'the heritage of the war of liberation,' became part of the hegemonic interpretation through which Finnish independence and Russia/Soviet Union relations were constructed. However, there were different points of emphases within the coalition on the enemy image and the policy of national integration.²⁷ It is possible to claim that the building of the Finnish nation state ultimately ended in 'genuine hegemony' when the activities of the reformist left became legally possible in the 1920s, making the integration process easier beginning in the mid-1930s. The activist group aimed for its part to extend its stricter nationalistic values first among the bourgeois coalition and then among the rest of society. Had their plan succeeded, it would have meant, in addition to an authoritarian state and a more aggressive

²⁵ Kähönen, 'Continuities', 152–154. See also Christine Buci-Glucksmann, "State, Transition and Passive Revolution" (1979), in Chantal Muffe (ed.), *Gramsci and the Marxist Theory* (New York: Routledge, 2014), 208–209, 227–228.

²⁶ Pertti Haapala, *Kun yhteiskunta hajosi. Suomi 1914–1920* (Helsinki: Painatuskeskus, 1995), 250–254. A *compromise* as the basis for post-civil-war Finnish society would seem better founded than the notion of 'everybody's victory' used by Haapala (Pertti Haapala, "Yhteiskunnallinen kompromissi", in Pertti Haapala & Tuomas Hoppu (eds), *Sisällissodan pikkujättiläinen* (Porvoo: WSOY, 2009), 404, in a subtitle), as in the sense that with a compromise everybody gives up on something, whereas the experience of victory was hardly shared in the same sense between the different parties after the civil war.

²⁷ Miika Siironen, *Vapaussodan perintö. Valkoisuus paikallisyhteisössä — sisältö, ylläpitäjät ja rapautuminen Iisalmessa 1918–1933* ([Oulu]: [Miika Siironen], 2011), 193–196.

expansionist foreign policy, the emergence of a new hegemony based on passive revolution.²⁸

When the representatives of Soviet Russia evaluated the objectives of Finnish foreign policy, for example during the peace negotiations in Tartu in 1920 or regarding East Karelia, they repeatedly characterised them by calling attention to the variations within the bourgeois coalition. Partly this viewpoint was based on the Marxist foundations of Bolshevik ideology, but mainly on practical observations. On the one hand, it was possible to pursue a relatively moderate policy with respect to the centre-liberal governments and aim for agreement on practical questions. On the other hand, the value of such agreements could be questioned if the right-wing, pan-Finnish pressure group would have caused the government to change its policy line, or worse, if it would have taken power.

Together with the stabilisation of the political system, the other theme that strongly reflected on the relations between Soviet Russia and Finland had to do with underlining one's own legitimacy and undermining that of the other. In principle, and at times also in practice, this led to expansionist objectives in foreign policy. This fundamental understanding of policy emerged out of the recent revolutionary fervour and shaped the relations of Soviet Russia with other countries, regardless of whether they were great powers or smaller countries. In the relations between Soviet Russia and Finland as well, this conflict of interest was demonstrated by the supranational role of the Comintern when it supported local communist parties, like the Finnish Communist Party (SKP), which questioned the very existence of the Finnish nation state. Similarly, there were corresponding elements in Finnish foreign policy, not only the official Greater Finland objectives of 1918–20, but also in its cooperation with other border states in order to further its own and the nationalist expansion of other states into Russia, for example through the Estonian-organised Border State Club. Soviet Russian legitimacy was questioned on separatist and expansionist bases by such organisations as the East Karelian government in exile, various refugee organisations, the Academic Karelia Society (AKS), founded immediately after 'loosing Karelia,' and the White Russian émigré organisations.²⁹ Both countries tried to keep a formal distance between their respective governments and these kinds of organisations after the signing of the Tartu Peace Treaty, but both financial ties and membership of the government-level politicians in such organisations,

²⁸ Aappo Kähkönen, "Vallankumouksen ja nationalismin leikkauskohdissa 1905–1932. Suomi hauraana valtiona", in Juhani Koponen & Sakari Saaritsa (eds), *Kiinniotajat* (Helsinki: Gaudeamus, 2019), forthcoming.

²⁹ On the objectives of the Border State Club and the Academic Karelia Society and the activities of the White Russian organisations in Finland, see Toivo Nygård, *Suur-Suomi vai lähibeimolaisten auttaminen. Aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa*. (Helsinki: Otava, 1978), 120–127; Risto Alapuro, *Akateeminen Karjalaseura. Ylioppilasliike ja kansa 1920- ja 1930-luvulla* (Helsinki: WSOY, 1973), 91–95; Aleksi Mainio, *Näkymätön sota: Suomi vastavallankumouksellisen terrorismin ja vakoilun tukialueena, 1918–1939*. (Helsinki: Unigrafia, 2015), 23–26.

or their participation in events involving the organisations, diminished the credibility of such claims.

After making and abiding by international agreements became an important tool in Soviet foreign policy, even temporary, reciprocal 'ideological armistices' became significant. Both the demands of Imperial Germany in the Brest-Litovsk Treaty of 1918 as well as Great Britain and Weimar Germany regarding trade negotiations in 1920–21 that the Bolsheviks cease their propaganda efforts in German and British territories and spheres of influence are examples of this new direction. Similarly, Soviet Russia also demanded as part of trade negotiations that Weimar Germany prohibit the activities of White Russian governments in exile and anti-Soviet organisations in its territory.³⁰ At the most general level, when preparing to negotiate with the Western great powers on imperial debts and new loans in 1921–22, the Soviet government required as part of its political preconditions undisputed recognition of its legitimacy and territorial integrity.

The East Karelian revolt was the second turning point, after the Tartu Peace Treaty, in the relations between Soviet Russia and Finland. The revolt became an example of the shift in Soviet Russia's foreign policy precisely because of issues of state legitimacy and preparations for the Geneva conference. Not only did the prospect of reaching a potential understanding with Soviet Russia make the Western great powers less interested in interfering in a local conflict, but also Soviet Russia had already defined its policy objectives. When both non-interference in internal affairs and territorial integrity became a central part of these objectives, it became clear that the East Karelian revolt had international significance: Soviet foreign policy could not make such local concessions to Finland because it would have weakened Soviet Russia's position in the international negotiations.

It would seem probable that on these grounds, the Soviet government expressly chose a strict policy when reacting to Finnish support for the East Karelian revolt. Despite the support the revolt received from Finland, the Soviet government had already been informed of the influence of the supply crises on local opinion, and the mission in Finland thought the risk of conflict between the two states was low providing that the revolt was not prolonged. The chosen policy in part led to counter-productive results. Visible Soviet troop concentrations prompted the Finnish government to finally close the border, but the build-up also scared the conservative bourgeoisie, earlier opponents of a border-state alliance, to now pursue this type of an alliance. The opening of talks for a military alliance with Estonia and/or Poland in early 1922 only made this easier. This kind of development was damaging from the Soviet viewpoint, and hence,

³⁰ Debo, *Survival and Consolidation*, 413.

the Soviet government understood that its relations with Finland would require new initiatives during the next months and years.

List of secondary sources

Наумов, В. П., Косаковский, А. А. Введение / В. П. Наумов, А. А. Косаковский // Кронштадт 1921 : документы о событиях в Кронштадте весной 1921 года / сост. В. П. Наумов и А. А. Косаковский. — Москва : Международный фонд «Демократия», 1997. — С. 7–16. — (Россия. XX век. Документы).

Рупасов, А. И. Советско-финляндские отношения : середина 1920-х — начало 1930-х гг. / А. И. Рупасов. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2001. — 312 с.

Alapuro, R. Akateeminen Karjala-seura : ylioppilasliike ja kansa 1920- ja 1930-luvulla / R. Alapuro. — Helsinki : WSOY, 1973. — IX, 270 s.

Buci-Glucksmann, C. State, transition and passive revolution / C. Buci-Glucksmann // Gramsci and the Marxist Theory / ed. by C. Muffe. — New York : Routledge, 2014. — P. 207–233.

Carr, E. H. A History of Soviet Russia : the Bolshevik Revolution, 1917–1923 / E. H. Carr. — London : Penguin Books, 1966. — Vol. 1. — 430 p.; Vol. 3. — IX, 614 p.

Churchill, S. Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922 : Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välissä suhteissa 1917–1922 / S. Churchill. — Helsinki : WSOY, 1970. — 218 s.

Debo, R. K. Survival and Consolidation : the Foreign Policy of Soviet Russia / R. K. Debo. — Montreal ; Kingston : McGill-Queen's University Press, 1992. — XIII, 502 p.

Haapala, P. Kun yhteiskunta hajosi : Suomi 1914–1920. — Helsinki : Painatuskeskus, 1995. — 313 s.

Haapala, P. Yhteiskunnallinen kompromissi / P. Haapala // Sisällissodan pikkujättiläinen / toim. P. Haapala ja T. Hoppu. — Porvoo : WSOY, 2009. — S. 395–404.

Jacobson, J. When the Soviet Union Entered World Politics / J. Jacobson. — Berkeley : University of California Press, 1994. — XI, 388 p.

Kilin, J. Suurvallan rajamaa : Neuvosto-Karjala Neuvostovaltion politiikassa 1920–1941 / J. Kilin. — Rovaniemi : Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 2001. — 291 s.

Korhonen, K. Naapurit vastoin tahtoaan : Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan / K. Korhonen — Helsinki : Tammi, 1966. — Osa 1. 1920–1933. — 159 s.

Kähönen, A. Continuities and Differences between Soviet and Russian Foreign Policies from the Elite Perspective, 1860–1928 / A. Kähönen // Петербургский

исторический журнал. — 2017. — № 1. — С. 141–156. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/continuities-and-differences-between-soviet-and-russian-foreign-policies-from-the-elite-perspective-1860-1928>. — (15.01.2019).

Kähkönen, A. Vallankumouksen ja nationalismin leikkauskohdissa 1905–1932 : Suomi hauraana valtiona / A. Kähkönen // Kiinniottajat / toim. J. Koponen ja S. Saaritsa. — Helsinki : Gaudeamus, 2019. — (в печати).

Lehti, M. A Baltic League as a Construct of the New Europe : Envisioning a Baltic Region and Small State Sovereignty in the Aftermath of the First World War / M. Lehti — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1999. — 550 p.

Mainio, A. Näkymätön sota : Suomi vastavallankumouksellisen terrorismin ja vakoilun tukialueena, 1918–1939 / A. Mainio. — Helsinki : Unigrafia, 2015. — 338 s.

Moore, B. Social Origins of Dictatorship and Democracy / B. Moore. — Harmondsworth : Penguin Books, 1991. — XVI, 559 p.

Nygård, T. Suur-Suomi vai lähiheimolaisten auttaminen : aatteellinen heimotyö itsenäisessä Suomessa / T. Nygård. — Helsinki : Otava, 1978. — 342 s.

Pirani, S. The Russian Revolution in Retreat, 1920–24 : Soviet Workers and the New Communist Elite / S. Pirani. — London : Routledge, 2008. — XIV, 289 p.

Siironen, M. Vapaussodan perintö : valkoisuus paikallisyhteisössä — sisältö, ylläpitäjät ja rapautuminen Iisalmessa 1918–1933 / M. Siironen. — [Oulu] : [Miika Siironen], 2011. — 275 s.

Skocpol, T. States and Social Revolutions : a Comparative Analysis of France, Russia and China / T. Skocpol. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1979. — 407 p.

**ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО ИСТОРИИ В РАМКАХ
XIX РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКОГО КУЛЬТУРНОГО
ФОРУМА «ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ
И РОССИИ» (САВОНЛИННА, 29 СЕНТЯБРЯ 2018 г.)**

*THE HISTORICAL SEMINAR CIVIL WARS IN FINLAND
AND RUSSIA (THE 19TH RUSSIAN-FINNISH CULTURAL FORUM,
SAVONLINNA, SEPTEMBER 29, 2018)*

ЖУРАВАЛЁВ Сергей Владимирович / ZHURAVLEV Sergei

Институт российской истории Российской академии наук / Institute of Russian
History, Russian Academy of Sciences
Россия, Москва / Russia, Moscow
zamdirectora_irikan@mail.ru

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ОРГАНИЗАТОРОВ ИСТОРИЧЕСКОГО
СЕМИНАРА**

**INTRODUCTORY WORD FROM THE ORGANISERS OF THE HISTORICAL
SEMINAR**

Тема нашего семинара связана со 100-летием гражданских войн в Финляндии и России. Она намеренно сформулирована в компаративистском ключе и заострена с прицелом на дискуссию.

Организаторы семинара ставили перед собой несколько задач. Прошло время подвести итоги научному изучению той трагической эпохи в российской и финляндской историографии, сказать, что уже сделано и известно, а каковы перспективы. Но не менее важно поднять тему современного восприятия событий 1918 г., исторической памяти о социальном катаклизме 100-летней давности; выяснить, какой след оставили гражданские войны в российском и финляндском обществах и какие уроки были ими извлечены из той эпохи.

Хорошо известно, что и в маленькой Финляндии, и в большой России в 1917–1918 гг. уровень эскалации социальной агрессии зашкаливал, причём в Финляндии жестокость «белофиннов» (в том числе по количеству жертв) подчас превосходила «красный террор». Кроме того, в Финляндии раньше, чем в большевистской России, появились концлагеря — для сторонников красных (российские большевики открыли первые концлагеря в августе 1918 г.).

Историки связывают волну насилия в России главным образом с последствиями Первой мировой войны, которая сделала столь привычной кровь и опустила цену человеческой жизни ниже плинтуса. Но в чём причина не менее сильной социальной агрессии в формально более демократичной Финляндии,

не участвовавшей в мировой войне? Этот вопрос, кажется, до сих пор не до конца исследован.

Что касается исторической памяти, то думается, в современной Финляндии примирение пошло дальше, а в российском социуме, к сожалению, значительно сильнее уровень политизации этой темы и противостояния сторонников красных и белых. Понятно, что все аспекты за отведенные три часа мы рассмотреть не успеем. Поэтому хотелось бы, чтобы докладчики сосредоточились в первую очередь на дискуссионных и малоизученных вопросах.

Для «затравки» разрешите поднять три темы, которые кажутся мне важными и заслуживающими обсуждения. Первая связана с разгоревшимися в последнее время с новой силой спорами о хронологии Гражданской войны в России. Этот вопрос имеет не формальное значение, в том числе для оценки событий 1917–1918 гг. в Финляндии. Я поясню свою мысль. Как известно, с 1990-х гг. академик Ю. А. Поляков и его сторонники отстаивали мысль о том, что Гражданская война в России была прямым следствием и продолжением большевистского переворота в октябре 1917 г. и разгона Учредительного собрания в начале 1918 г. Из этого следовало, что Гражданская война в смысле резкого обострения социально-политических, экономических, национальных и других конфликтов, усиления сепаратистских тенденций, с отдельными военными всполохами на уровне регионов началась уже осенью 1917 г. Эта точка зрения противоречила советской концепции «триумфального шествия Советской власти», но не исключала того общепризнанного факта, что наиболее ожесточённая, фронтовая фаза Гражданской войны началась с весны–лета 1918 г. Данная точка зрения по инициативе Института российской истории РАН вошла в утверждённый в 2013 г. Историко-культурный стандарт и ныне присутствует в новых школьных учебниках по истории России.

Почему периодизация или синхронизация (шли гражданские войны в наших странах одновременно или одна за другой?) столь важна для темы нашего семинара? Как известно, Гражданская война в Финляндии весной 1918 г. уже завершилась поражением «красных финнов», которых поддерживали русские большевики. Часть исследователей считают, что между гражданскими войнами в Финляндии и в России нет прямой связи, что это совершенно разные конфликты, в том числе и по времени. Другие ученые называли жестокою Гражданскую войну в Финляндии провозвестником или предтечей ожесточенного гражданского противостояния в России. Однако если взглянуть на ситуацию по-новому и принять, что Гражданская война (войны) на пространстве бывшей Российской империи началась уже с осени 1917 г., то все эти конфликты, бесспорно имевшие на региональном уровне свою ярко выраженную специфику, тем не менее

необходимо изучать не только отдельно, но и в тесной увязке друг с другом. Такой подход требует известной переоценки того, что происходило в 1917–1918 гг. в России и в Финляндии.

Вторая тема, которая кажется мне важной в рамках данного исторического семинара, — внешнее влияние (или вмешательство) в гражданское противостояние в России и в Финляндии. Речь в первую очередь идёт о Балтийском регионе, о Карелии, о Русском Севере. Это очень сложный и дискуссионный сюжет, который лишь в последние годы становится предметом серьёзного исследования. Одновременно с гражданскими конфликтами и распадом Российской империи продолжалась Первая мировая война, в которой и Германия, и страны Антанты преследовали свои интересы. Но одновременно нужно учесть, что высаживая свои войска на территории бывшей Российской империи или поддерживая те или иные политические силы в России, они принимали во внимание и свои геостратегические планы на перспективу.

В последнее время, в том числе благодаря новаторским исследованиям российских и финляндских историков, привлёкших новые архивные документы, мы узнали много нового о важнейшей роли Германии, о негласной деятельности в Финляндии «нейтральных» скандинавских стран, а также о Великобритании, которая фактически развязала с территории Финляндии необъявленную войну Советской России. Отдельная тема, в рамках которой ещё не всё изучено и проанализировано, — взаимное участие (военное, материальное и проч.) русских и финнов в гражданских конфликтах, как на стороне красных, так и белых.

Пока ещё историография ориентируется на изучение роли отдельных стран (прежде всего России, Германии и Великобритании) в гражданском противостоянии 1917–1918 гг. на Северо-Западе России и в Финляндии. На мой взгляд, перспектива — в комплексном изучении данного вопроса.

Тема внешнего влияния (вмешательства) провокационна, поскольку волей или неволей наталкивает на размышления о том, что происходило бы в данном регионе при отсутствии интервенции, являлось ли присутствие иностранных войск в тех условиях стабилизирующим или провоцирующим гражданское противостояние фактором. Такие размышления особенно полезны при преподавании истории и в лекционной деятельности, поскольку задевают за живое, заставляют современную аудиторию задуматься о противоречивости и трагичности ситуации гражданской войны.

Третья проблема, которую хотелось бы в той или иной степени затронуть в рамках данного исторического семинара, — роль «национального вопроса» в условиях гражданских войн в России и в Финляндии. Современная историография Гражданской войны в России показывает, что во многих случаях не социальный,

а национальный фактор выходил на первый план и становился определяющим. Под «национальным вопросом» я имею в виду отношение разных политических сил в условиях гражданских войн к самоопределению наций, к распространению национальных движений, к национальным государственным образованиям на пространстве Российской империи, а также присутствие этой темы в программных документах и в практических действиях «белых» и «красных» правительств. В этом контексте для Финляндии периода 1917–1922 гг. был особенно важен как «карельский вопрос», так и имевшая место в финском обществе дискуссия о «немецком» и «шведском» влиянии, которое могло стать гарантом невозвращения Финляндии в состав России.

Победившие в гражданской войне финны, при их явной симпатии к белому движению, были крайне чувствительны к призывам антибольшевистских сил восстановить «единую и неделимую» Россию, что означало бы конец финляндской государственности и вызывало в Финляндии всплеск русофобии. Эта тема имеет непосредственное отношение к ходу Гражданской войны в России. Самый известный, но не единственный эпизод — нейтралитет финляндского правительства во время похода генерала Юденича на Петроград в 1919 г. Рассчитывая на поддержку финляндских войск и запросив помощи у Маннергейма в борьбе с большевиками, Юденич составил и направил Колчаку проект соглашения с финляндским правительством. В документе присутствовали гарантии государственной независимости Финляндии, а также предоставление территориям России с преимущественно карельским населением права на самоопределение, что потенциально могло привести к их вхождению в состав Финляндии. Однако Колчак скептически отнесся к «тактической хитрости» Юденича, да и власти Финляндии отказались направить войска в помощь Юденичу, с подозрением относясь к белому генералу, внезапно заговорившему «голосом большевиков». Таким образом, очевидно, что отношение финляндского общества к противоборствующим сторонам гражданской войны в России в первую очередь определялось «национальным вопросом» и сохранением национальной независимости.

ВИХАВАЙНЕН Тимо / VIHAVAINEN Timo

Профессор-эмеритус / Professor Emeritus

Финляндия, Хельсинки / Finland, Helsinki

timo.vihavainen@helsinki.fi

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ И РОССИИ: ЧТО БЫЛО ОБЩИМ, ЧТО ОСОБЕННЫМ И КАКОВО НАСЛЕДИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ И РОССИИ

THE CIVIL WARS IN FINLAND AND RUSSIA: WHAT WAS COMMON, WHAT WAS PARTICULAR, AND WHAT WAS THE CIVIL WAR LEGACY IN FINLAND AND RUSSIA

В финляндской историографии основательное, с привлечением материалов иностранных архивов исследование роли великих держав на этапе становления независимости страны началось с 1950-х гг., когда стали доступными немецкие архивы¹. Юхани Паасивирта в своей книге, вышедшей в 1961 г.², смог использовать также американские, британские и шведские источники. Туомо Полвинену, изменившему ракурс рассмотрения российской революции, в двухтомнике «Российская революция и Финляндия, 1917–1920»³ удалось создать ещё более разностороннюю картину. Правда, из российских архивных материалов он смог использовать лишь опубликованные источники и эмигрантские публикации, однако и их было довольно много. Глубокое исследование места Финляндии в политике Великобритании представляет собой диссертация Эйно Льюютинена⁴. Под более широким углом зрения та же проблематика рассмотрена в диссертации Олави Хови⁵. Важным аспектам взаимоотношений с Германией посвящена диссертация Осмо Апунена⁶. В дальнейшем общая картина была дополнена, в частности, благодаря книге Марьялиисы Хентилы и Сеппо Хентилы⁷. Одновременно отдельные примечательные исследования по этому периоду появились в СССР / России⁸ и в Германии (ГДР)⁹.

Если к этому добавить обширную литературу, рассматривающую российскую революцию и Гражданскую войну, то можно сказать, что картина событий,

¹ *Nurmio Y.* Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo; Helsinki, 1957.

² *Paasivirta J.* Ensimmäisen maailmansodan voittajat ja Suomi. Helsinki, 1961.

³ *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. Porvoo; Helsinki, 1967. Osa 1. Helmikuu 1917 — toukokuu 1918; 1971. Osa 2. Toukokuu 1918 — joulukuu 1920.

⁴ *Lyytinen E.* Finland in British Politics in the First World War. Helsinki, 1980.

⁵ *Hovi O.* The Baltic Area in British Policy, 1918–1921. Helsinki, 1980.

⁶ *Apunen O.* Suomi keisarikunnan Saksan politiikassa 1914–1915. Helsinki, 1968.

⁷ *Hentilä M., Hentilä S.* Saksalainen Suomi 1918. Helsinki, 2016.

⁸ *Holodkovski V.* Suomen työväen vallankumous 1918. Moskova, 1978; *Idem.* Suomi ja Neuvosto-Venäjä 1917–1920. Helsinki, 1978; *Новикова И. И.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002.

⁹ *Menger M.* Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus, 1917–1918. Berlin, 1974.

происходивших в Финляндии и России в 1917–1920 гг., в части деятельности великих держав и их влияния на ситуацию довольно хорошо прояснена.

Далее я попытаюсь сделать обзор той общей картины, которая складывается на основе имеющейся исследовательской литературы, и предложить ответы на обозначенные в заглавии вопросы.

Как известно, обретение Финляндией независимости было непосредственным следствием российской революции, точнее — прихода к власти большевиков. Только это породило ситуацию, когда отделение Великого княжества Финляндского от империи стало не только возможным, но и неизбежным.

Трудно представить, что находившееся у власти в Финляндии буржуазное правительство согласилось бы на признание верховной власти большевистского Совета народных комиссаров. Таким образом, отделение от империи было единственной возможностью, поддержкой удалось заручиться также со стороны Германии.

Конечно, последствия революции были эпохальными и для России. В период с марта 1917 по март 1918 г. от мощной державы осталось лишь хаотичное пространство без армии, распадавшееся на множество государств, которые провозгласили независимость. Одним из них была Финляндия.

После большевистского переворота и до конца 1918 г. единственной великой державой, контролировавшей Россию, была Германия, армия которой делала что хотела на её территории, как показали события весны 1918 г. Германия также оказалась единственной силой, которая была способна защитить провозгласившую независимость Финляндию, на что последняя и ориентировалась.

С точки зрения Германии, большевики были лучшим из возможных правительств России, и это мнение сохранялось вплоть до осени 1918 г. Большевики, со своей стороны, тоже демонстрировали готовность к сотрудничеству с Германией, включая военное, что давало бы им защиту и от держав Антанты, и от других угроз.

С точки зрения России, Германия также была относительно и достаточно лояльным партнёром, не стремящимся к нарушению взаимовыгодного сотрудничества. В частности, это сдерживало финнов в их претензиях на Восточную Карелию. Немцы не поддерживали экспансионистские устремления финнов и, напротив, побуждали их переместить границу к западу, предвидя, что в противном случае возникнут новые осложнения с Россией.

Германия оставалась партнером и практически хозяином большевистского правительства России вплоть до своего поражения 11 ноября 1918 г. Она была также гарантом независимости Финляндии — в противовес России — и заключила

с Финляндией договор, предусматривавший довольно тесное экономическое, политическое и военное сотрудничество.

По этой причине державы Антанты, из которых для Финляндии наиболее важны были Великобритания, США и Франция, стали считать её вассалом Германии, что повлекло за собой неприятные для Финляндии последствия. Так, Финляндии, стоявшей на пороге голода, было отказано в поставках американского продовольствия. Кроме того, США и Великобритания не признавали независимость Финляндии, хотя в январе 1918 г. это сделали многие другие государства, включая Россию, Швецию, Германию и Францию.

Когда осенью 1918 г. в Финляндии был избран немецкий король, Франция, несмотря на признание финляндской независимости в январе 1918 г., прервала с ней отношения. В первый год после большевистского переворота как Россия, так и Финляндия находились фактически во власти Германии. Такое положение можно охарактеризовать словом «протекторат». Оно было фактически неизбежным. В Финляндии к сложившейся ситуации относились в основном положительно, однако в России мнения резко разделились.

Большевики и немцы нуждались друг в друге, это же касалось и действовавшего на Украине правительства Скоропадского. Однако в России существовали в то же время мощные антигерманские настроения, вызывавшиеся стремлением воспрепятствовать распаду империи. Их разделяли как представители насильственно сдерживаемой оппозиции, включая левых эсеров, так и возглавляемые белыми генералами силовые центры, которые возникли в течение 1918 г. и начали гражданскую войну с целью разгрома большевиков.

Гражданская война в Финляндии по своему характеру была локальной революцией, спровоцированной крахом центральной государственной власти. С позиции Германии, отделение Финляндии от России было одним из типичных элементов её российской политики, нацеленной на ослабление в известных пределах России. В случае с Финляндией особенность заключалась в том, что финские белые проявляли исключительный энтузиазм в получении германской помощи и положительно к ней относились.

С выходом Германии из игры в конце 1918 г., на пространстве России, помимо большевиков, остались силовые центры белых генералов, объединившиеся под руководством адмирала Колчака и имевшие представительство в Париже.

Как большевики, так и русские белые стремились заполнить военный вакуум, оставшийся после Германии. Державы Антанты предприняли ограниченную интервенцию в Россию ещё в период германского доминирования с целью противостоять ему. Теперь они вооружали русских белых для борьбы с большевиками.

Финляндии удалось заручиться покровительством со стороны Антанты, на практике — со стороны Великобритании. Для этого в стране потребовались существенные политические изменения, в том числе отказ от немецкого короля, который уже был избран на финляндский престол. Кроме того, П. Э. Свинхувуду пришлось уступить пост регента генералу К. Г. Э. Маннергейму.

Весной 1919 г. отряд британских кораблей вошёл в Финский залив, откуда действовал против российского флота в Кронштадте. Это было существенной поддержкой, оказанной как Финляндии, так и странам Балтии. Целью Великобритании было недопущение продвижения большевиков на запад, а также ограничение мощи России, в данном случае — на Балтийском море.

Отношения Финляндии и держав Антанты удалось нормализовать весной 1919 г. В частности, были проведены парламентские выборы, что позволило сделать полноценным парламент, действовавший с весны 1918 г. в неполном составе (так называемый «обрубок», в котором отсутствовали социал-демократы, поддержавшие революцию в 1918 г.). После новых выборов социал-демократы вернулись в парламент, и теперь его можно было считать выражающим волю народа Финляндии.

Для Финляндии, однако, серьёзным вопросом было отношение русских белых к финляндской независимости. Колчак и его представитель в Париже категорически не соглашались с возможностью признания независимости Финляндии и стран Балтии до созыва Учредительного собрания. Лишь оно могло бы высказаться от имени всего народа России.

В Финляндии, напротив, исходили из того, что её независимость неоспорима и признана на международном уровне и что это ни при каких обстоятельствах не может быть вновь вынесено на рассмотрение какого-либо российского органа.

С точки зрения Финляндии, это обстоятельство стало также непреодолимым препятствием для отправки финляндских войск на освобождение Петрограда, что неоднократно обсуждалось на протяжении 1919 г. Русские белые пытались склонить финнов предпринять такую интервенцию.

Финляндия не пошла на это. Вместе с тем она направила небольшие отряды добровольцев в Восточную Карелию, население которой, как считалось, желает отделиться от России и присоединиться к Финляндии. Существовали определённые признаки этого. Отделения от России желали в первую очередь обосновавшиеся в Финляндии выходцы из Восточной Карелии. Однако против выступили британские, карельские, белые русские, а также большевистские вооружённые силы, и финнам пришлось отступить.

Кроме того, против финской экспансии в Карелию выступала как Германия, взявшая на себя роль покровителя Финляндии, так и Великобритания, заменившая в этой роли Германию после поражения последней. Русские белые, естественно, тоже не хотели уступать Финляндии ни пяди «единой и неделимой России». Не говоря уже о том, что они не признавали независимую Финляндию как таковую.

На практике Финляндия на этой стадии сильно зависела от держав Антанты, прежде всего от Великобритании. Если бы та в 1919 г. стала склонять Финляндию к наступлению на Петроград, Финляндии, скорее всего, пришлось бы согласиться.

Маннергейм, который до лета 1919 г. был регентом Финляндии, также с энтузиазмом относился к перспективе сделаться освободителем Петрограда. Это, по его мнению, создало бы надежную основу для будущих хороших отношений между Финляндией и Россией. Однако оказалось, что у Маннергейма в стране не было достаточной политической поддержки. Летом 1919 г. он проиграл президентские выборы либералу К. Ю. Стольбергу (голоса разделились в соотношении 143–50).

Большевики, в свою очередь, высказали мысль о том, что если Финляндия, расположенная в непосредственной близости от Петрограда, нападет на него, то никакое российское правительство никогда не согласится с существованием независимой Финляндии.

Это подчеркнул Троцкий в своей газетной статье, которая была адресована финнам. Он также пообещал суровое и неотвратимое возмездие «гельсингфорской буржуазии», в случае если Финляндия начнёт наступление на Петроград.

Чуть позже Ленин отмечал, что если бы Финляндия или какая-либо из стран Балтии напала на Петроград, то она была бы легко разбита. По его мнению, Финляндия не пошла на это, поскольку там уже поняли, что империалистические державы — худшие поработители, чем большевистская Россия. Так что речь шла о выборе в пользу большевиков, несмотря на все усилия империалистов склонить Финляндию к выступлению на Петроград.

Как финские, так и российские исследования подтверждают, что Ленин был неправ. Британское правительство не подталкивало Финляндию к нападению, а напротив, предостерегало.

Несомненно, Великобритания была заинтересована в наращивании своего влияния на Балтийском море и в независимости Финляндии и стран Балтии ради ослабления России. Однако возможный конфликт между Финляндией и Россией вызывал опасения, поскольку он мог иметь непредсказуемые последствия и привести к новому присоединению Финляндии к России.

В российской гражданской войне победили большевики, что в России впоследствии зачастую расценивалось как катастрофа. Для Финляндии же

в конечном итоге как приход большевиков к власти, так и их победа в гражданской войне были в интересах страны.

Для Финляндии поражение России и продвижение Германии на восток в 1918 г. стали одними из решающих факторов с точки зрения достижения и обеспечения независимости. Победа Антанты над Германией помогла Финляндии избежать далеко идущих последствий установления тесных отношений с Германией. Поражение белых генералов в 1918–1919 гг. сняло угрозу финляндской независимости, исходившую от великорусских империалистических сил. На государственном уровне наследие российской революции и гражданской войны было для Финляндии тоже вполне позитивным. Довольно трудно представить, что без вызванного ими коллапса России было бы возможно отделение Финляндии и её поддержка со стороны великих держав.

Для России, в свою очередь, речь шла об ударе по собственному империализму и о распаде империи, последствия чего большевистская Россия в дальнейшем будет пытаться исправить всеми средствами.

Наследие гражданской войны как в Финляндии, так и в России в моральном отношении оказалось, безусловно, негативным. Финляндии необычайно повезло, ей не пришлось посылать свои войска на фронты мировой войны. Её собственная армия (войско) была ликвидирована в начале века в рамках действий по русификации Великого княжества и затем не была восстановлена. После этого финны перестали быть военнообязанными и, соответственно, не проходили общей военной подготовки. Таким образом, гражданская война весной 1918 г. стала для Финляндии первым соприкосновением с варварством современной войны. Она велась главным образом силами непрофессиональных военных.

В любом случае, жестокость гражданской войны в Финляндии привлекала к себе внимание. Русские газеты приводили невероятные цифры количества казнённых — и они на самом деле были близки к истине. Из газетных публикаций видно, что от финнов, которых привыкли считать мирными и благоразумными, не ожидали подобной жестокости. О массовом убийстве русских в Выборге в мае 1918 г. сразу стало известно в Петрограде, и это широко освещалось в прессе. Зверства в Финляндии были тем более шокирующими, что к тому времени российская гражданская война ещё по-настоящему не началась.

Для истории Финляндии кровопролитие гражданской войны — прискорбное наследие, столь тяжёлое, что к его беспристрастному рассмотрению и объективному изучению удалось приступить лишь в 1960-е гг.¹⁰ И это несмотря на то, что бывшие

¹⁰ Фундаментальное исследование Яакко Паволайнена о политическом насилии в Финляндии в 1918 г. по-прежнему является основополагающим трудом по этой проблематике. См.: *Paavolainen J.*

красные безусловно участвовали в оборонительных сражениях Финляндии во время Зимней войны 1939–1940 гг., а также в значительной степени в Войне-продолжении 1941–1944 гг.

Такая лояльность по отношению к государству заслуживает внимания ещё и потому, что особенно в Зимнюю войну со стороны СССР в качестве одной из основных тем выдвигался тезис, в соответствии с которым речь шла о доведении революции 1918 г. до победного конца. В начале войны в подобном духе высказывался и Маннергейм, однако от такой трактовки быстро отказались.

В России гражданской войне предшествовала Первая мировая, сопровождавшаяся невиданными прежде кровопролитиями и жестокостями по отношению как к военнослужащим, так и к гражданскому населению. Накануне революции большевистский лозунг о немедленном прекращении войны был, очевидно, наиболее важным и впечатляющим. Он, главным образом, и привёл к развалу армии.

Поскольку весной 1918 г. у России какое-то время вообще не было боеспособной армии, не могло быть и речи о каких-то существенных сражениях. Так, сохранивший боеспособность чехословацкий корпус, противодействуя большевикам, нигде не столкнулся с существенным сопротивлением.

Следует отметить, что превращение мировой войны в войну гражданскую было конкретной целью большевиков, провозглашённой Лениным ещё осенью 1914 г.¹¹ Ленин призывал не бояться ручьев крови гражданской войны, несравнимых с морем крови мировой войны.

Однако события развивались иначе. Гражданская война и экономическая политика так называемого военного коммунизма привела экономику России к катастрофе. Интервенция, блокада и плохие урожаи усугубили ситуацию. К этому добавилась в 1919 г. эпидемия гриппа, так называемая испанка. Эпидемия стала причиной смерти и многих финнов в лагерях и за их пределами.

Что касается методов ведения гражданской войны, то они оказались ещё более варварскими по сравнению с мировой войной. Нормы международного права не могли выступить ограничителем в отношении жестокостей гражданской войны, равно как большевистская власть не считала, что её деятельность ограничена какими-либо («буржуазными») законами. Белая сторона обычно действовала с такой же беспощадностью.

Polittiset väkivaltaisuuudet Suomessa 1918. Helsinki, 1966. Osa I. Punainen terrori; 1967. Osa II. Valkoinen terrori. Его дополняет работа того же автора: *Idem*. Vankileirit Suomessa. Helsinki, 1971. На фронтах гражданской войны 1918 г. погибло 5199 красных и 3414 белых. В ходе террора были казнены 7370 красных, 1424 белых и 926 "прочих". В концентрационных лагерях погибло 13446 красных, 3000 красных умерли в результате последствий пребывания в заключении. В целом людские потери составили свыше 36000 человек, то есть примерно один процент населения страны.

¹¹ См., например: Ленин В. II. Война и российская социал-демократия // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 26. С. 22.

В ходе гражданской войны в России пленных, как правило, не брали. Захваченного противника либо казнили, либо принуждали сменить сторону. Большевики довольно широко использовали практику заложников, в частности, с целью обеспечения лояльности буржуазных офицеров, так называемых «военных специалистов». Если такой офицер терял доверие, члены его семьи, взятые в заложники, расстреливались, и об этом даже сообщалось публично.

Революционеры традиционно считали террор приемлемым методом, и казни невинных широко использовались в целях устрашения. Ленин неоднократно призывал использовать террор для поддержания контроля. Корни новой политической культуры, беспощадности большевиков при осуществлении власти обычно ищут в опыте Гражданской войны. Этот опыт, очевидно, является ключевым. В годы так называемого Большого террора 1937–1938 гг. старая традиция была ещё сильна, и многие деятели времён гражданской войны по-прежнему занимали важные посты.

Белая сторона прибегала к этим же методам и, как свидетельствуют некоторые воспоминания, отрывто гордилась этим. В Финляндии террор, осуществлявшийся белыми, имел намного более широкий размах, чем красный террор. Отличие также состояло в том, что белый террор обычно, хотя и не всегда, облакался в некую официальную форму — пленных казнили на основании приговоров «полевых судов». У красных террор обычно осуществлялся группами людей, не имевшими никаких формальных полномочий.

Гражданская война в Финляндии по своей кровопролитности не уступает российской, но даже превосходит её. Однако если принимать во внимание её краткосрочность, можно говорить о различиях.

В обоих случаях использовался террор, зверства, важной целью которых было запугать тех, кто сам непосредственно не становился объектом террора. Однако большевистский террор, по крайней мере, в отдельных случаях, становился целенаправленной политикой, инициировавшейся сверху — например, Лениным.

Носил ли финский белый террор те же черты — спорный вопрос. Многие хотят найти черты сходства. Однако ясно, что белый террор не осуществлялся по указанию руководства белых. С другой стороны, оно не пыталось наказать его исполнителей, что могло повредить авторитету руководства.

Финский красный террор, напротив, не был элементом «программной деятельности». Так называемые революционные суды действительно пытались выносить обоснованные решения по реальным гражданским или уголовным делам и даже не выносили смертные приговоры.

Что касается последствий гражданской войны, то можно сказать, что в России зародился настоящий культ гражданской войны, ставший элементом создания сталинского культа. В рамках этого культа безжалостная жестокость гражданской войны получила своё оправдание и стала для большевиков поведенческой моделью.

В Финляндии в межвоенный период также создавался культ гражданской («Освободительной») войны. Наиболее активно в этом участвовали представители праворадикальных сил. Правда, их влияние в политической жизни Финляндии было на самом деле небольшим, и они никогда не определяли политику страны.

В длительной перспективе, однако, этому культу не удалось доминировать в национальном дискурсе, хотя в межвоенное время и даже позже он преобладал, например, в преподавании истории и, кроме того, в художественной литературе. В рамках этого дискурса белый террор не превозносился, напротив, его хотели полностью отрицать и забыть, а вместо него акцентировался красный террор. Высказывались и противоположные мнения, не повлиявшие на господствующее течение.

Тем не менее уже в 1920-е — 1930-е гг. в принадлежащих к власти кругах стали считать вредным акцентирование противоречий между красной и белой сторонами. Такие воззрения утвердились во время Зимней войны. 16 мая, день взятия Хельсинки, перестал отмечаться как день флага сил обороны Финляндии.

Хотя белый нарратив обретения Финляндией независимости и значения гражданской войны для его осуществления продолжал доминировать вплоть до 1960-х гг., это не означало, что тем самым одобрялся белый террор и его методы. Вопрос, так сказать, заметали под ковер, причиной чему было также то обстоятельство, что из-за угрозы, исходившей со стороны большевистской России, стремились не афишировать факторы, раскалывающие нацию.

Подобных воззрений в значительной степени придерживались и левые. Для них после обретения Финляндией независимости печать сторонников советской России и большевизма была довольно чувствительным и даже постыдным делом, о котором не хотелось вспоминать.

Раны гражданской войны 1918 г. были по-настоящему «вскрыты» лишь после выхода в свет второй части романа Вяйнё Линны «Здесь, под Северной звездой» в 1960 г. После этого начались интенсивные исторические исследования, в результате чего вскоре появились фундаментальные труды, посвящённые как красному, так и белому террору.

Тема эта настолько обширна, что её библиография насчитывает сотни различных исследований. Их количество продолжает расти, особенно в знаменательный 2018 год.

Список литературы

- Новикова, И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны / И. Н. Новикова. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. — 298 с.
- Arunen, O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa 1914–1915 / O. Arunen. — Helsinki : Tammi, 1968. — 293 s.
- Hentilä, M., Hentilä, S. Saksalainen Suomi 1918 / M. Hentilä, S. Hentilä. — Helsinki : Siltala, 2016. — 432 s.
- Holodkovski, V. Suomen työväen vallankumous 1918 / V. Holodkovski. — Moskova : Edistys, 1978. — 565 s.
- Holodkovskij, V. Suomi ja Neuvosto-Venäjä 1917–1920 / V. Holodkovskij. — Helsinki : Tammi, 1978. — 294 s.
- Hovi, O. The Baltic Area in British Policy, 1918–1921 / O. Hovi. — Helsinki : SKS, 1980. — 231 s.
- Lyytinen, E. Finland in British Politics in the First World War / E. Lyytinen. — Helsinki : Suomalainen tiedeakatemia, 1980. — 219 s.
- Menger, M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus, 1917–1918 / M. Menger. — Berlin : Akademie, 1974. — 242 s.
- Nurmio, Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa / Y. Nurmio. — Porvoo : WSOY, 1957. — 376 s.
- Paasivirta, J. Ensimmäisen maailmansodan voittajat ja Suomi / J. Paasivirta. — Porvoo : WSOY, 1961. — 270 s.
- Paavolainen, J. Poliittiset väkivaltaisuuudet Suomessa 1918 / J. Paavolainen. — Helsinki : Tammi, 1966. — Osa I. Punainen terrori. — 337 s.; 1967. — Osa II. Valkoinen terrori. — 337 s.
- Paavolainen, J. Vankileirit Suomessa / J. Paavolainen. — Helsinki : Tammi, 1971. — 403 s.
- Polvinen, T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920 / T. Polvinen. — Porvoo, Helsinki : WSOY, 1967. — Osa 1. Helmikuu 1917 — toukokuu 1918. — 323 s.; 1971. — Osa 2. Toukokuu 1918 — joulukuu 1920. — 385 s.

КОЛОНИЦКИЙ Борис Иванович / KOLONITSKII Boris

Европейский Университет в Санкт-Петербурге / European University at Saint Petersburg

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук / Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

kolon@eu.spb.ru

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1916–1926?

CIVIL WARS IN THE AREA OF THE RUSSIAN EMPIRE, 1916–26?

В начале XXI в. существует много поводов для того, чтобы вспомнить гражданские войны. Память о гражданских войнах в разных странах используется для политической мобилизации. Уничтожение памятников конфедератам в различных американских городах в 2017 г. стало проявлением политических противоречий в США¹. Испанское правительство в 2018 г. приняло решение о выносе останков Франко из мемориального комплекса, созданного ещё во времена диктатуры для увековечивания памяти об испанской Гражданской войне. Оппозиционные партии решительно отвергают этот план². Финляндия казалась образцом преодоления прошлого путем тщательной проработки памяти о Гражданской войне 1918 г. Исследователи полагали, что в этой стране достигнут общенациональный консенсус в понимании прошлого³. Однако, 100-летний юбилей Гражданской войны в Финляндии продемонстрировал, что эта память до сих пор может провоцировать дискуссии⁴.

100-летние юбилеи гражданских войн в Финляндии, России, Венгрии и других странах создают особый ресурс для многих акторов. Это возможность реализовать самые различные мемориальные проекты политического, культурного, коммерческого характера. Юбилей предоставляет условия для всевозможных

¹ Для людей, знакомых с политикой памяти в США такое развитие событий не стало большой неожиданностью. Существует большая литература, посвящённая памяти о войне Севера и Юга. Особенно следует выделить замечательное исследование Д. Блайта: *Blight D. Race and Reunion: the Civil War in American memory*. Cambridge (MS), 2001. См. также журналистское расследование темы: *Hornitz T. Confederates in the Attic*. New York, 1999.

² О памяти о гражданской войне в Испании см.: *Angilar P. Memory and Amnesia: The Role of the Spanish Civil War in the Transition to Democracy*. New York; Oxford, 2002 (испанское издание — 1996).

³ *Peltonen U. Muistin Paikat: Vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta*. Helsinki, 2003. Книга содержит краткий ее реферат на английском языке.

⁴ В 2017 году острую дискуссию вызвал проект выпуска юбилейной монеты, на которой предполагалось изобразить сцену расстрела белыми участниками финской гражданской войны их противников, красных. В конце концов заказ на выпуск монет был отменен. См.: Минфин Финляндии решил не выпускать монеты со сценой расстрела // РИА Новости [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/world/20170426/1493179566.html> (17.11.2018).

акторов — политиков, писателей, режиссеров, музейных работников многих других. Ресурс этот — как и любой ресурс — ограничен, и его не может полностью монополизировать ни один из акторов, даже самых сильных.

Гражданская война в России начала XX в. оказала влияние на последующую историю страны. Новая политическая и экономическая система была создана для того, чтобы обеспечить победу в этой войне. Мобилизационная экономика, аппарат пропаганды, аппарат террора, аппарат организационного воздействия пережили Гражданскую войну. Стремление обеспечить поддержку этнических элит влияли на практику создания федеративного государства. Новая политическая элита выдвигалась и воспитывалась в условиях Гражданской войны, что влияло впоследствии на процесс принятия и реализации решений в кризисных ситуациях, когда использовался опыт войны.

Травма Гражданской войны, нашедшая отражение в русской литературе и в искусстве, не изжита до сих пор. Многие современники, в том числе и некоторые историки, отождествляют себя с какими-либо силами Гражданской войны. Консенсус относительно её истории в настоящее время вряд ли возможен. Это влияет на возможность политического использования / не использования памяти о революции и Гражданской войне.

Есть и другие обстоятельства, которые делают историю Гражданской войны необычайно актуальной темой. С 1648 до 1945 г. большинство войн было международными конфликтами, войнами между государствами. После этого ситуация изменилась, стали преобладать конфликты иного рода. После окончания «холодной войны» подобная тенденция только усилилась, начиная с 1989 г.: лишь 5 % войн были вооруженными конфликтами между государствами. По некоторым подсчетам, в 2015 г. в мире происходило до 40 конфликтов, которые можно было бы назвать «гражданской войной»⁵. Эти выводы можно оспаривать, ибо вопрос об определении конфликта является сложной юридической и политической проблемой, часто одна сторона заинтересована в том, чтобы представить себя участником гражданской войны, а её противник (противники) склонны описывать ситуацию иначе. От определения может зависеть международное признание той или иной стороны, размер и характер оказываемой помощи и т. д. Не всегда термин «гражданская война» используется исследователями и преподавателями при описании конфликтов прошлого.

Десятки происходящих одновременно гражданских войн, порой влияющих друг на друга, представляют сейчас глобальный вызов. Они подпитывают международный терроризм и являют собой источник гуманитарных катастроф.

⁵ Armitage D. *Civil Wars: A History in Ideas*. New York, 2017. P. 9, 11, 12.

Попытки других государств ограничить и прекратить гражданские войны приводит порой лишь к усложнению конфликтов и их эскалации.

Неудивительно, что сейчас необычайно востребованной оказалась книга профессора Гарвардского университета Д. Эрмтейджа, посвященная появлению и развитию концепции гражданская войны. Показательно также, что специальный выпуск журнала Американской академии был посвящен гражданским войнам — тема, к сожалению, имеет немалое прикладное значение⁶.

В 1920-е и 1930-е гг. некоторые русские профессиональные военные историки полагали, что опыт Российской гражданской войны совершенно бесполезен для военного искусства — это было присуще и некоторым книгам, опубликованным в СССР, и трудам исследователей-эмигрантов. Между тем читатель XXI в. хорошо знаком с понятиями «гибридная война», «опосредованные войны» (*proxy wars*), «провалившиеся государства» (*failed states*). Было бы анахронизмом использовать указанные понятия при изучении гражданских войн начала XX в., однако история этих войн приобретает сейчас, сто лет спустя, иные смыслы.

Дискуссии о гражданских войнах часто сопровождаются «простыми» вопросами, на которые порой необычайно сложно дать короткий ответ. Споры идут даже о хронологических рамках войн. Вопрос о начале войны обычно связан с определением виновника войны, а определение даты завершения конфликта нередко переплетается с рассуждениями о причинах побед и поражений.

Порой непросто определить даже дату «обычной» войны, определить агрессора (достаточно вспомнить споры о начале Первой мировой войны и ответственности за её возникновение). Гражданская же война не сопровождается разрывом дипломатических отношений и официальным объявлением войны, здесь ещё сложнее назвать виновника конфликта.

В советской историографии особое внимание уделялось иностранной интервенции как главной причине Гражданской войны. Соответственно решающим событием считалось восстание чехословацкого корпуса в мае — июне 1918 г. Показателен заголовок соответствующей статьи в «Советской исторической энциклопедии»: «Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР, 1918–20». Именно интервенции и во время «оттепели» уделялось первенствующее значение⁷.

⁶ Dædalus: Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 2017. Fall. Vol. 146, no. 4. Civil Wars & Global Disorders: Threats & Opportunities.

⁷ Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. Индра–Каракас. Стб. 45–95. О корректировке описания гражданской войны в советской историографии свидетельствует заголовки других справочников: Гражданская война и военная интервенция в России, 1918–20 // Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 3. Гражданская–Йокота. Стб. 7–22; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983.

Другие историки уделяют особое внимание разгону Учредительного собрания (январь 1918 г.) и / или заключению Брестского мира с Германией и её союзниками в марте 1918 г. Наконец, многие исследователи полагают, что захват власти большевиками в октябре–ноябре 1917 г. уже представлял собою гражданскую войну. Например, известный советский историк В. Д. Поликарпов привел разнообразные высказывания В. И. Ленина, которые обосновывали тезис автора о том, что гражданская война фактически началась в октябре 1917 г.: ситуацию с октября 1917 по февраль 1918 г. автор назвал «прологом» Гражданской войны (для того времени, когда публиковалась книга, это был смелый вывод)⁸.

Ещё сложнее говорить о завершении Гражданской войны. В. П. Булдаков заметил в одном из своих исследований: «... революции и гражданские войны не кончаются тем моментом, когда один из противников оказывается повержен. Последнюю точку в описании революции стоит поставить лишь тогда, когда произойдёт подобие реставрации, под покровом которой стабилизируются взаимоотношения социумов и власти между собой»⁹.

У исследователей нет единства в определении времени завершения Гражданской войны: одни называют ноябрь 1920 г., другие — март 1921 г., третьи — октябрь 1922 г., когда белые и интервенты покинули Владивосток. Такие же события, как некоторые массовые крестьянские восстания, бои в Якутии в 1923 г. и восстание в Грузии в 1924 г. чаще всего связывают уже с «мирным» периодом в истории СССР.

Повод вновь поставить некоторые «простые» вопросы по истории Гражданской войны дает книга британского исследователя Джонатана Д. Смита: «“Российские” Гражданские войны, 1916–1926: Десять лет, которые потрясли мир»¹⁰. Почему автор избрал такие даты? Отчего слово «российские» заключено в кавычки? Почему исследователь пишет не об одной войне, а о войнах?

Само провокационное название книги вызывает желание немедленно возражать автору, спорить, даже не ознакомившись с содержанием книги. Между тем профессор Смит вовсе не имеет репутацию исследователя, который намеренно дразнит своих коллег для того, чтобы насладиться самим эффектом интеллектуальной провокации. Смит известен как автор обстоятельного исследования по истории Сибири в годы Гражданской войны¹¹. Немалую ценность

⁸ Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 – февраль 1918). М., 1976.

⁹ Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 257.

¹⁰ Smele J. D. The ‘Russian’ Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. London; New York, 2015.

¹¹ Smele J. D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge; New York, 1996.

представляют и полезные библиографические и биографические издания по истории Гражданской войны, подготовленные им¹².

Автор предпочитает говорить не о «начале», а о «началах» Гражданских войн, не об одновременном «окончании», а об «окончаниях». Речь идёт о переплетении войн разного типа, с разным набором участников, имеющих разную логику развития, различную периодизацию и разную хронологию. Это переводит дискуссию о хронологических рамках и сущности гражданской войны в иную плоскость.

Смил не единственный автор, который пишет о нескольких гражданских войнах, происходивших одновременно в России. Термин «гражданские войны» — во множественном числе — использовали применительно к России и другие англоязычные авторы, это отмечает и сам Смил¹³. Одни авторы указывают на несколько социальных войн, выделяя особо активную роль крестьянства как самостоятельной силы¹⁴. Другие подчёркивают роль умеренных социалистов, пытавшихся играть роль «третьей силы», которая противостояла и белым, и красным¹⁵. Третьи говорят об имперском измерении Гражданской войны. Четвёртые пытаются совместить эти подходы¹⁶. И всё же Смил наиболее ярко и откровенно сформулировал идею нескольких гражданских войн, влиявших друг на друга.

В своей книге Смил уделяет гораздо больше внимания фактам, чем общим рассуждениям, но структура книги и выбор сюжетов позволяет описать концепцию автора. Большую Гражданскую войну он видит как комплекс различных войн: гражданские войны, этнические и социальные конфликты, войны за независимость и др. Для автора Гражданские войны не сводятся к противостоянию красных и белых, или красных, белых и «зелёных», или красных, белых и сторонников «третьего пути». Это множественность конфликтов, протекавших не только на территории бывшей Российской империи, но и за её пределами — в Чехословакии, Румынии, Турции, Персии, Китае (Синьцзян), Монголии, Маньчжурии. Гражданскую войну в Финляндии, разнообразные конфликты,

¹² The Russian Revolution and Civil War, 1917–1921: An Annotated Bibliography / Comp., ed. and annot. by J. D. Smele. London; New York, 2003; Historical Dictionary of the “Russian” Civil Wars, 1916–1926 / Comp. J. D. Smele. Vol. 1–2. Lanham (MD), 2015.

¹³ См., например: The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars / Ed. by V. N. Brovkin. New Haven. 1997.

¹⁴ Оситова Т. В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 343. В некоторых отношениях такой подход продолжает и традицию описания Гражданской войны как классового конфликта.

¹⁵ Прайсман Л. Г. Третий путь в Гражданской войне: демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015. С. 471.

¹⁶ Голдин В. И. 1917 год и Гражданская война в России: Осмысление спустя столетие // Личность, общество и власть в истории России: сб. научных статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук профессора В. И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 255–257.

в которых участвовала получившая независимость Польша (бои с украинцами, литовцами, немцами, чехословаками), также нельзя представить без воздействия «Российских гражданских войн». Смила упоминает армяно-азербайджанскую, грузино-армянскую войны, грузино-осетинский конфликт¹⁷. Легко можно привести и много других примеров. К тому же нередко этнические, религиозные, сословные, региональные конфликты вписывались в противостояние белых, красных и социалистов, пытавшихся играть роль «третьей силы», которая в разных случаях имела разный характер: противоборствующие стороны в регионах искали сильных союзников, описывая свои цели с помощью их риторики и символики. Идеология основных сил, претендовавших на контроль над большей частью бывшей империи, с большей или меньшей степенью искренности и умелости часто использовалась провинциальными политиками и местными полевыми командирами, которые, впрочем, могли менять свою позицию.

Это указывает ещё на одну особенность подхода Смила: для автора важно имперское измерение конфликта, он описывает переплетающиеся войны на всём постимперском пространстве — точнее, даже на пространствах нескольких распадающихся империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской.

Чем же объяснить хронологические рамки, предложенные им? Наиболее длительной «российской гражданской войной», по мнению Смила, стали события в Туркестане. Начальной её точкой он считает восстание 1916 г., а завершающей датой большой войны в этом регионе он называет 1926 г.: тогда Туркестанский фронт, последний фронт Гражданской войны, был переименован в Среднеазиатский военный округ. Это не означало, что боевые действия в регионе завершены, но они переходили в иное качество¹⁸.

В 1916 г., как известно, в Средней Азии и Казахстане началось восстание против мобилизации местного мусульманского населения на тыловые работы. Протест против непопулярной и плохо реализуемой меры перерос в этнический конфликт, были убиты тысячи европейских поселенцев, в том числе женщин и детей. Восстание было жестоко подавлено, сотни тысяч казахов и киргизов вынуждены были в трудных условиях бежать в Китай. Точное число жертв вряд ли можно установить, но возможно, речь должна идти о сотнях тысяч людей.

После свержения монархии в 1917 г. новый вооружённый конфликт был неизбежен. Восставшим была предоставлена амнистия, они пытались вернуться на свои земли, однако их имущество оказалось захвачено европейскими поселенцами, которые были вооружены и пользовались поддержкой русских

¹⁷ *Smele J. D. The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926. P. 36.*

¹⁸ *Ibid. P. 234.*

гарнизонов. Между тем всеобщее избирательное право, провозглашённое Временным правительством, должно было предоставить большую власть местному мусульманскому населению. Некоторые бывшие повстанцы возглавили местную милицию. В этих условиях проблемы, присущие и другим регионам — продовольственный кризис, рост преступности, кризис власти и пр. — приобретали особую остроту, оформляя этнические и религиозные конфликты.

Первая серьёзная попытка бросить вызов власти Временного правительства в Ташкенте произошла ещё в сентябре, недостаток продовольствия существенно обострил политические, социальные и этнические противоречия, власть захватил комитет, который представлял активистов местного гарнизона и русских рабочих. Войска, посланные в край, смогли восстановить формально власть правительства, однако у них не было достаточно сил, чтобы разоружить солдат гарнизона, остававшихся опорой местных левеющих Советов и комитетов. И эта попытка переворота, и последовавшее затем установление власти Советов в Туркестане осуществлялось без «твёрдого большевистского руководства»: большевистская организация в Ташкенте была создана лишь в 1918 г. На первом этапе власть принадлежала русским социалистам, мусульманское население почти не было представлено в органах власти. Лозунг «Вся власть Советам» в Туркестане фактически означал полновластие русских Советов, а лозунг «Земля крестьянам» воспринимался как требование именно русских крестьян. Неудивительно, что хорошо информированный участник событий видный большевик Г. И. Сафаров именовал Гражданскую войну в Туркестане «колониальной революцией»¹⁹, данную работу ныне нередко вспоминают современные исследователи. Это определение, однако, нельзя принять целиком: друг с другом боролись и разные группы «колонизаторов» и «туземцев». После того как белые овладели Оренбургом, красный Туркестан был отрезан от территории, контролируемой большевистской Москвой, однако местные радикальные социалисты смогли сохранить власть, сочетая необычайно жестокое подавление противника с политическим лавированием. Вчерашние враги нередко становились новыми союзниками (нередко временными), а бывшие друзья превращались в опасных врагов. Противниками красного Ташкента в сложившейся ситуации были не только белые, но и местные повстанцы из числа мусульман (в особенности после жестокого подавления Кокандской автономии), и казаки, а с какого-то времени и русские крестьяне, выступавшие против реквизиций продовольствия большевиками. При этом на разных этапах важную роль играли сравнительно небольшие, но организованные и боевые группы, для которых союз с большевиками

¹⁹ Сафаров Г. И. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). М., 1921.

казался единственным шансом на выживание. Среди них исследователи выделяют вооруженные отряды армян и военнопленных (венгров, австрийцев, немцев), которые не могли вернуться домой из-за гражданской войны²⁰.

Книга Смила отражает и иные тенденции развития современной историографии. Как отмечалось выше, некоторые российские авторы также говорят о нескольких гражданских войнах, происходивших одновременно. Немало внимания уделяют исследователи разных стран имперскому измерению Гражданской войны²¹. В то же время многие историки предлагают смотреть на большие проблемы Гражданской войны, тщательно изучая особую расстановку политических сил и динамику развития военно-политических конфликтов в отдельных регионах. Благодаря усилиям исследователей мы сейчас представляем насколько разнообразной была ситуация на постимперском пространстве, можно говорить о своеобразном «калейдоскопе» революций²². Ситуация Туркестана была по-своему уникальной, но Гражданская война протекала по-особому во многих регионах, комбинации конфликтов там весьма отличались.

Простым кажется вопрос об исходе Гражданской войны: в конце концов красные победили белых. Но не только красные оказались победителями в начале 1920-х. На территории постимперского пространства свои различные проекты государственного строительства реализовали Финляндия, Польша, Литва, Эстония, Латвия, Румыния и, отчасти Турция. Причём в случае Польши, Литвы и Румынии речь шла о борьбе на пространствах нескольких империй. Часто это была борьба против Красной армии, которая участвовала в конфликтах прямо или / и косвенно, но Турция и Литва порой действовали совместно, противостоя другим государствам.

И не только белые могут считаться проигравшими. Поражения потерпели и представители т. н. третьей силы, и т. н. зелёные, и правительства некоторых национальных движений, пытавшихся получить независимость.

Можем ли мы считать без оговорок победителями красных? Ответ на этот вопрос также требует уточнения. Важным элементом Гражданской войны была порой война красных против красных. Нередко большую проблему

²⁰ О Гражданской войне в Средней Азии см., например: *Буттино М.* «Революция наоборот»: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. См. также: *Buttino M.* Central Asia (1916–20) // *The Empire and Nationalism at War* / Ed. by E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. von Hagen. Bloomington (Indiana), 2014. P. 109–136.

²¹ *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

²² *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–1922. Book 1. Russia's Revolution in Regional Perspective* / Ed. by S. Badcock, L. G. Novikova, A. B. Retish. Bloomington (Indiana), 2015. Некоторые рецензенты упрекали Дж. Смила за недостаток внимания к «новой имперской истории». См. рецензию И. Саблина (*Ab Imperio*. 2017. No. 1. P. 402–406). Однако, интерес к книге Смила со стороны работающих в рамках такого подхода исследователей показателен, в некоторых отношениях их позиции близки.

для большевиков представляли восстания под «советскими» или даже под «большевистскими» лозунгами: «Долой коммунистов, да здравствуют большевики!», «Долой Троцкого, да здравствует Ленин!». Ещё большую опасность для Москвы представляли восстания Красной армии и Красного флота. Кронштадское восстание 1921 г., начавшееся под лозунгами «Третьей революции», являет собой наиболее известный, но далеко не единственный пример такого рода военно-политического конфликта различных сторонников красного Октября.

Каковы возможности подхода, представленного в книге Дж. Смита и работах других авторов? Любой исследовательский подход заведомо ограничен, в науке не бывает универсальных методологических отмычек, ключей, пригодных для решения всех проблем. Поэтому и этот подход имеет ограниченное применение. Все же вряд ли от него стоит отказываться.

Как уже отмечалось, он соответствует некоторым важным современным исследовательским трендам. Можно было бы добавить, что стремление посмотреть на «большую» Гражданскую войну через тщательное изучение истории регионов, созвучно этому подходу. Сравнительное изучение офицерского корпуса противостоящих друг другу сил — не только белых и красных — также подталкивает к сравнительному изучению разнообразных конфликтов²³. О многообразии локальных войн свидетельствует и исследование роли всевозможных «полевых командиров»²⁴.

К тому же идея нескольких гражданских войн необычайно важна для символической политики, пытающейся оказывать воздействие на социальные представления о прошлом и на культурную память. И российскому обществу, и жителям государств, ранее входивших в Российскую империю, важно понять, что Гражданская война не была только борьбой белых и красных.

Понимание российской Гражданской войны как комплекса войн важно и в другом отношении. Утопичным было бы считать, что в ближайшее время человечеству удастся избавиться от гражданских войн, поэтому задача их ограничения и завершения становится всё более актуальной. Для её решения требуются междисциплинарные исследования гражданских войн. И изучение

²³ Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 9–152.

²⁴ От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты: Сборник статей и материалов / Под ред. А. В. Посадского. М., 2014. См. также: Крестьянский фронт, 1918–1922 гг.: Сборник статей и материалов / Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2013; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сборник статей и материалов / Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2015. Общие выводы на основе этих публикаций см.: Посадский А. В. Народные элиты Гражданской войны: Источники и пути формирования // Эпоха войн и революций, 1914–1922: (Материалы международного colloquium, 9–11 июня 2016 года). СПб., 2017. С. 175–184.

«Российской гражданской войны» как многоуровневого сложного конфликта приобретает сейчас особое значение.

Список литературы

«Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сборник статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. — Москва : АИРО-XXI, 2015. — 854 с.

Булдаков, В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — Москва : Росспэн, 1997. — 373 с.

Буттино, М. Революция наоборот : Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР / М. Буттино. — Москва : Звенья, 2007. — 446 с.

Ганин, А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны / А. В. Ганин. — Москва : Пятый Рим 2018. — 860 с.

Голдин, В. И. 1917 год и гражданская война в России: Осмысление спустя столетие / В. И. Голдин // Личность, общество и власть в истории России : сборник научных статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук профессора В. И. Шишкина. — Новосибирск : Издательство Сибирского отделения РАН, 2018. — С. 241–259.

Крестьянский фронт, 1918–1922 гг. : сборник статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. — Москва : АИРО-XXI, 2013. — 739 с.

Осипова, Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне / Т. В. Осипова. — Москва : Стрелец, 2001. — 397 с.

От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожачков русской смуты: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. — Москва : АИРО-XXI, 2014. — 621 с.

Поликарпов, В. Д. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918) / В. Д. Поликарпов. — Москва : Наука, 1976. — 415 с.

Посадский, А. В. Народные элиты Гражданской войны: источники и пути формирования / А. В. Посадский // Эпоха войн и революций, 1914–1922 : (Материалы международного colloquium, 9–11 июня 2016 года). — Санкт-Петербург : Нестор–История, 2017. — С. 175–184.

Прайсман, Л. Г. Третий путь в Гражданской войне: Демократическая революция 1918 года на Волге / Л. Г. Прайсман. — Санкт-Петербург : Издательство им. Н. И. Новикова, 2015. — 530 с.

Armitage, D. Civil Wars: A History in Ideas / D. Armitage. — New York : Alfred A. Knopf. — 349 p.

Augilar, P. *Memory and Amnesia: The Role of the Spanish Civil War in the Transition to Democracy* / P. Augilar. — New York ; Oxford : Bersham Books, 2002. — 330 p.

Blight, D. *Race and Reunion: the Civil War in American memory* / D. Blight. — Cambridge (MS) ; London : Belknap press of Harvard university press, 2002. — 512 p.

Buttino, M. *Central Asia (1916–20): A Kaleidoscope of Local Revolutions and the Building of the Bolshevik Order* / M. Buttino // *The Empire and Nationalism at War* / ed. by E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov and M. von Hagen. — Bloomington : Slavica, 2014. — P. 109–136.

Historical Dictionary of the “Russian” Civil Wars, 1916–1926 / comp. J. D. Smele. — Lanham : Rowman & Littlefield Publishers 2015. — Vol. 1–2. — 1419 p.

Horwitz, T. *Confederates in the Attic* / T. Horwitz. — New York : Vintage Books, 1999. — 406 p.

Peltonen, U. *Muistin Paikat : vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta* / U. Peltonen. — Helsinki : SKS, 2003. — 330 s.

Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–1922. — Book 1. Russia’s Revolution in Regional Perspective / ed. by S. Badcock, L. G. Novikova, A. B. Retish. — Bloomington (Indiana) : Slavica Publishers, 2015. — 404 p.

Sablin, I. [Review of: Smele, J. D. *The ‘Russian’ Civil Wars, 1916–1926 : Ten Years that Shook the World* / J. D. Smele. — Oxford ; New York : Oxford University Press, 2015. — 423 p.] / I. Sablin // *Ab Imperio*. — 2017. — No. 1. — P. 402–406.

Smele, J. D. *Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920* / J. D. Smele. — Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1996. — 759 p.

Smele, J. D. *The ‘Russian’ Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World* / J. D. Smele. — Oxford ; New York : Oxford University Press, 2015. — 423 p.

The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars / ed. by V. N. Brovkin. — New Haven : Yale University Press, 1997. — 333 p.

The Russian Revolution and Civil War, 1917–1921 : An Annotated Bibliography / compiled, edited and annotated by J. D. Smele. — London ; New York : Continuum, 2003. — 625 p.

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович / BULDAKOV Vladimir

Институт Российской истории Российской академии наук / Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

kuroneko@list.ru

ВОСПРИЯТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ В 1918 ГОДУ

PERCEPTION OF THE CIVIL WAR IN FINLAND BY THE RUSSIAN SOCIETY IN 1918

Прежде всего, несколько слов о том, что, на мой взгляд, было общего и особенного в гражданских войнах в России и Финляндии. Мне известно, что не все финляндские историки используют понятие «гражданская война» применительно к событиям 1918 г. в Финляндии: говорят и о «революции», и об «освободительной войне». Сейчас наиболее распространенное название — «Гражданская война». Но употребляется также термин «красный мятеж». Термин «классовая война» — большая редкость¹. За терминологией стоят определенные реальности и идеологические представления. Они сказались и на восприятии финляндской Гражданской войны в России.

Лично мне кажется, что термин «гражданская война» применительно к Финляндии 1918 г. вполне корректен: одна часть общества поставила другую вне закона от лица государственной власти. Вместе с тем гражданская война может быть частью более широкого цикла масштабных социальных потрясений. В свою очередь, последние явились частью грандиозного общеевропейского кризиса. В этом контексте сопоставление двух гражданских войн, несмотря на их кажущуюся несоразмерность, может быть весьма продуктивно в познавательном отношении.

Общим было и то, что эти две взаимосвязанных между собой войны были прежде всего следствием *внутренних* противоречий, обострённых тяготами мировой войны (и это заметно сказалось на восприятии событий в Финляндии российским обществом). Впрочем, далеко не все исследователи и в России, и в Финляндии принимают это представление об *эндогенном* характере революций и войн. Я, со своей стороны считаю, что всякие конспирологические и повиннистические доводы на этот счет относятся к области современной психосоциальной патологии, а не науки.

Общим можно считать и чрезвычайно высокий уровень взаимного ожесточения противоборствующих сторон — как в России, так и в Финляндии

¹ *Вихавайнен Т.* Финляндская историография финляндско-российских отношений XX в. Петрозаводск, 2006. С. 14.

(хотя трудно сказать, как «замерять» и сравнивать явления такого рода, и уместно ли это вообще).

На этом «сходство» двух гражданских войн, пожалуй, кончается. И прежде всего, надо иметь в виду, что гражданская война в Финляндии была относительно кратковременной, тогда как в России она затянулась на многие годы (1917–1922 гг.).

Однако принципиальное различие, как мне кажется, состоит не в этом. В настоящее время в России Гражданскую войну принято считать частью Великой российской революции. По моим представлениям, Гражданская война — часть синергетического процесса («смерть-возрождение» империи — хаотичный распад старых структур и воссоздание авторитарной системы в соответствии с господствующей политической культурой), включающего в себя различные формы насилия и завершившегося истощением социального пространства и окончательным утверждением общероссийской власти. Российская Гражданская война происходила в условиях *распада империи* и носила не только сложный социальный, но и *этнически многомерный* характер². Напротив, Гражданская война в Финляндии была связана с освобождением от империи и приобрела характер *внутринационального* социально-политического противоборства, хотя и здесь не обошлось без вмешательства извне.

Революция в России была в значительной степени связана с нежеланием народа и неспособностью существующей власти (имперской и демократической) продолжать войну. На Финляндию мировая война оказала иное воздействие: воевала крайне незначительная часть населения (егеря на стороне Германии), зато тяготы военного времени сказались на положении беднейших слоев населения. Значительно увеличился имущественный разрыв между бедными и богатыми финляндскими гражданами: буржуазия богатели, низы, напротив, беднели. Это было связано с характером взаимоотношений с Россией: с одной стороны, буржуазия наживалась на поставках леса, с другой стороны, беднейшая часть страдала от нехватки продовольствия и безработицы. Нельзя забывать, что с 14 по 19 ноября 1917 г. Финляндию охватила всеобщая забастовка, носившая характер восстания³.

Падение самодержавия вызвало взрыв восторга — как в России, так и в Финляндии. Поскольку связь последней с Россией держалась на личной унии императора с народом Финляндии, неизбежно встал вопрос о независимости. В прошлом эту идею разделяла лишь незначительная часть финляндского общества

² См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010; *Его же*. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.

³ Каремаа О. От морального возмущения до национальной программы: Русскость и формирование финского самосознания // Два лика России. СПб., 2007. С. 200.

(активисты). Широкого движения за независимость не было. Оно родилось только в результате резких изменений, произошедших в 1917–1918 гг.⁴ Так или иначе, в условиях социального раскола объективно вставала задача *консолидации* финляндской нации. Известно, что подобные процессы связаны с формированием *образа общего врага* — неважно, реального или воображаемого.

В прошлом взаимовосприятие финнами и русскими друг друга было достаточно благожелательным. Образ русского человека на страницах финляндской прессы 1880-х гг. рисовался однозначно. Русский — очень симпатичный, порядочный, общительный. Вместе с тем он умный, находчивый и беспечный, при общении неформальный, иногда буйный, но и тогда дружный⁵. Писали даже о том, что в петербургских трактирах люди различных сословий вели себя прилично, не было «такого грубого дебоша, как у нас»⁶. Честно говоря, я не узнал в этих характеристиках ни России, ни самого себя.

В спокойные времена люди охотно выдают желаемое за действительное. Русские (по крайней мере, в столице империи) взирали на финнов несколько свысока, но также благодушно — отсталые, но добрые, и главное честные представители «крестьянского» этноса. Не берусь судить об этой характеристике, основанной преимущественно на впечатлениях от финнов, занимавшихся извозом в Петербурге. Вместе с тем образ наивных и мужественных «детей природы» со временем приобрел характерную амбивалентность: либеральные публицисты стали изображать некогда отсталый народ, успешно воспринимающий основы европейской цивилизации⁷.

Отношение к финнам в России стало меняться с начала XX в. Это было связано не только с деятельностью активистов. К тому времени всё население Европы оказалось подвержено ресентименту (Ф. Ницше, М. Шелер) — неотрагированной агрессивности, связанной с «уплотнением» социального пространства (демографический бум, урбанизация, миграции, нарушение гендерного равновесия) в условиях информационной революции. К тому же антифинскую кампанию упорно вели российские правые публицисты. В годы Первой мировой войны отрицательно повлиял на финнов нравственный упадок

⁴ Вихавайнен Т. Финляндская историография... С. 11.

⁵ Гельсингфорс — Санкт-Петербург: Страницы истории (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб., 2012. С. 105.

⁶ Вихавайнен Т. Петербург глазами финнов. Вторая половина 19 века [Электронный ресурс]. URL: <http://timo-vihavainen.blogspot.com/2012/> (15.11.2018).

⁷ Витухновская М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX — начала XX веков // Многоликая Финляндия.: Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 99.

петроградских верхов⁸. Несомненно, начавшиеся после Февральской революции убийства русскими матросами своих офицеров привели в ужас всех финнов, в особенности интеллигенцию. Нарушения дисциплины среди солдат также вызывали растущее раздражение⁹. Отталкивание от негативного образа русского стало частью формирования финской идентичности.

В 1917 г. Финляндия стала раздражающим фактором для российских буржуазных кругов, добивавшихся внутренней стабильности ради продолжения войны до победного конца. Напротив, В. И. Ленину и его сторонникам Финляндия виделась не только как один из очагов российской революционности, но как один из форпостов «неизбежной» мировой революции. Отсюда поддержка большевиками финляндских социал-демократов, добивавшихся отделения от России для реализации своих социально-политических программ. Все это было достоянием российской прессы. Ленин также рассчитывал, что дислоцирующиеся в Финляндии русские войска помогут большевикам в захвате власти в Петрограде. Финляндские социал-демократы не без оснований рассчитывали на поддержку русских солдат в обретении независимости. Будущий маршал Финляндии К. Г. Маннергейм в сентябре 1917 г. отмечал, что «социалисты затеяли опасную игру, сделав опорой для своих ненасытных требований штыки русских солдатских масс»¹⁰.

Приход большевиков к власти заметно стимулировал раскол внутри финляндского общества. 27 октября социал-демократ К. Вийк получил письмо, в котором Ленин сообщал, что пора выступать¹¹. 30 октября Ю. Сирола и Э. Хуттунен от лица социал-демократии Финляндии вручили в Смольном В. И. Ленину поздравление в связи со свержением Временного правительства. Тот в свою очередь поинтересовался, когда же, наконец, социал-демократы возьмут власть. Между тем в Финляндии возникло подобие двоевластия: с одной стороны сейм, с другой — Гельсингфорский Совет. В результате в рядах финляндской социал-демократии произошёл раскол: правая её часть попыталась найти общий язык с аграриями и активистами — это был шаг к гражданской войне, к которой подталкивали большевики¹².

В российской прессе отмечалось, что в начале ноября в Гельсингфорсе было образовано социалистическое правительство, возобновились заседания сейма, всеобщая стачка прекратилась. Был принят закон о 8-часовом рабочем дне, были обещаны другие законы, призванные удовлетворить интересы рабочих и торпарей.

⁸ *Вишавайнен Т.* Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе. СПб., 2012. С. 126.

⁹ *Каремаа О.* От морального возмущения до национальной программы. С. 199–200.

¹⁰ *Поффе Э.* Линии Маннергейма. СПб., 2005. С. 141.

¹¹ *Ленин В. И.* Письмо финским товарищам // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 35. С. 90.

¹² *Черняев В. Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 320.

Вместе с тем в некоторых местностях начались вооружённые столкновения между красной и белой гвардиями¹³. Создается впечатление, что российские газеты даже несколько упреждали развитие событий в Финляндии. Этому не стоит удивляться: осенью 1917 г. всевозможные слухи словно расчищали дорогу большевикам¹⁴.

В то же время Финляндия оставалась ареной противоборства внешних сил. 13 ноября генерал Э. Людендорф высказал активистам пожелание, чтобы с началом перемирия Германии с Россией Финляндия объявила независимость и добилась ухода русских войск. На второй день перемирия П. Э. Свинхувуд издал декларацию о независимости Финляндии, которую через день поддержал сейм. Однако предложение оформить этот акт договором с правительством Ленина было отклонено: финляндские политики ожидали санкции «законного» российского Учредительного собрания. 27 ноября (по новому стилю) в сейме Финляндии с незначительным преимуществом буржуазные партии победили социалистов. Возможно, шаткий баланс сил обусловил последующую непримиримость сторон. Новый Сенат возглавил Свинхувуд. К тому времени русские войска начали стихийно покидать территорию Финляндии. Однако, выступая на съезде социал-демократической партии Финляндии, И. В. Сталин заверил, что большевики протянут финским рабочим «руку братской помощи», а постановлением военного отдела Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии передача финской красной гвардии вооружения и имущества русской армии в глазах солдат была узаконена. И хотя основная масса солдат была против вмешательства в финляндские дела, со временем от 1 000 до 10 000 русских добровольцев (назвать точное число невозможно) приняли участие в боевых действиях против белой гвардии. Это имело поистине трагические последствия для русского (точнее русскоязычного) населения Финляндии.

Большевистское правительство стремилось заручиться симпатиями социалистов Финляндии. Но активисты и правые социал-демократы предпочитали ориентироваться на Германию, которая в свою очередь, искала мира с Россией. 18 декабря 1917 г. Совнарком принял решение о предоставлении самостоятельности Финляндии. Этому предшествовали беседы В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого с делегацией финляндских социал-демократов. П. Э. Свинхувуд решился на соглашение с большевистским СНК: ему казалось, что это поможет предотвратить революцию в Финляндии. Таким образом, большевики вовсе не «даровали» независимость Финляндии «от широты души», как было принято

¹³ Московский листок. 1917. 9 ноября.

¹⁴ Булдаков В. П. Метанарративы и микронарративы Русской революции: к переосмыслению сложившихся представлений // Столетие русской революции 1917 года и ее значение в мировой истории и культуре. Будапешт, 2018. С. 87.

изображать в советской историографии. Они рассчитывали усилить внутри Финляндии классовую борьбу и тем самым подхлестнуть мировую революцию. Объективно, этим стимулировался раскол внутри финляндского общества.

22 декабря ВЦИК утвердил декрет о независимости Финляндии. На финляндских политиков этот акт не произвёл особого впечатления: они по-прежнему пребывали в убеждении, что с падением самодержавия их страна *de jure* обретала свободу. Формальное признание независимости также имело значение, позволив буржуазному большинству сейма предоставить Сенату полномочия для создания прочной власти. По мнению финского историка, обе стороны выторговывали выгодные для себя формальные условия, способные пригодиться с точки зрения международного права, ничуть не веря в прочность внутренних позиций своего партнера¹⁵. Обманулись и те, и другие. 31 декабря официальные представители Финляндии во главе с Свинхувудом получили документ Совнаркома о признании суверенитета своей страны. «Теперь мы с Россией будем друзьями», — заявил Свинхувуд в интервью кадетской газете¹⁶. Однако к этому времени в Финляндии уже сформировались две противостоявшие друг другу военные группировки — так называемый шюцкор (самооборона), ставший основой белой гвардии, и рабочие отряды, спешно обучаемые и вооружаемые большевистскими войсками. При этом, по мнению финского историка, «для красных финнов гражданская война в Финляндии являлась их собственной борьбой, отличной по идеологии от большевистской, хотя и стала частью большевистской операции по защите и распространению революции в Петрограде»¹⁷. Разумеется, антибольшевистские силы в России не делали разницы между финляндскими и российскими «большевиками» — те и другие представлялись носителями насилия и хаоса.

Опасения финнов были резонными. И. В. Сталин на заседании ВЦИК дал «разъяснения»: СНК вынужден был «помимо своей воли» дать свободу «не представителям пролетариата Финляндии, а финляндской буржуазии, которая странном стечением обстоятельств захватила власть», финляндские социал-демократы в силу нерешительности и трусости упустили власть. Позднее Сталин прямо заявил о необходимости «толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации»¹⁸.

¹⁵ Кеттола Э. Русская революция и независимость Финляндии // Анатомия революции. С. 300–301.

¹⁶ Наш век. 1917. 29 декабря.

¹⁷ Кеттола Э. Русская революция и независимость Финляндии. С. 304.

¹⁸ Сталин И. В. О независимости Финляндии: Доклад на заседании ВЦИК 22 декабря 1917 г. (Газетный отчет) // Сочинения. М., 1947. Т. 4. С. 23–24; *Его же*. Выступления на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 января 1918 г. // Там же. С. 31–32.

6 января Германия признала независимость Финляндии. 9 января правительство Финляндии, несмотря на сопротивление социал-демократов, получило от парламента согласие на формирование добровольческих сил безопасности (шюцкора). Большевицские надежды на советизацию Финляндии оказались под угрозой. В январе 1918 г. во главе шюцкора стал генерал-лейтенант российской армии К. Г. Маннергейм. Сенат объявил шюцкор правительственной армией, что превратило Маннергейма в фактического диктатора¹⁹. 15 января началось восстание финских красногвардейцев. Накануне Л. Д. Троцкий уверял, что СНК намерен вывести русские войска на родину, а большевики не собираются вмешиваться во внутренние дела Финляндии²⁰. Конечно, этому не верили ни в Финляндии, ни в России. А тем временем, как сообщалось в российской прессе, в Гельсингфорсе красногвардейцами были захвачены здания Сената и других центральных учреждений, сделаны попытки задержать членов Сената направляющихся на север²¹. Было сформировано революционное правительство — Совет народных уполномоченных (СНУ)²² в составе социал-демократа К. Маннера (председатель), Ю. Сиролы, О. Куусинена и др.

Правительство Свинхувуда было объявлено низложенным. «Правда» поспешила сообщить, что русские войска в перевороте никакого участия не принимали²³. 16 января СНУ опубликовал программу с призывом к социалистической революции. Большевицкий представитель в Гельсингфорсе И. Т. Смилга призвал русские войска на борьбу с «белой бандой»²⁴. Тем временем в западной Финляндии началось разоружение русских гарнизонов. В результате около пяти тысяч давно ожидавших демобилизации русских солдат были отправлены в Россию, а белая гвардия получила оружие²⁵. Русские солдаты в Финляндии становились заложниками политической игры левых политиков.

Генерал Маннергейм попытался разрядить обстановку. В воззвании «К храбрым русским солдатам» разъяснял, что его войска сражаются не против России, а защищают «свободы и законное правительство»²⁶. А тем временем из Советской России в Финляндию отправился поезд, в котором находилось около 15 тысяч винтовок и снаряжение²⁷. Тем не менее остатки русских войск в Финляндии, по донесениям контрразведки, были «совершенно пассивны и недееспособны».

¹⁹ См.: *Поффе Э.* Линии Маннергейма. С. 149–151

²⁰ Правда. 1918. 29 / 16 января.

²¹ Новые ведомости. 1918. 18, 19 января.

²² Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1918. 17 февраля.

²³ Правда. 1918. 30/17 января

²⁴ Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1918. 18 января.

²⁵ *Поффе Э.* Линии Маннергейма. С. 151–152.

²⁶ *Холодковский В. М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 72.

²⁷ *Невалайнен П.* Исход. Финская эмиграция из России, 1917–1939 гг. СПб., 2005. С. 99.

Участились случаи, когда отряды финских белогвардейцев направляли пулемёты против русских гарнизонов, требуя убраться с территории Финляндии²⁸.

31 января СНУ принял закон о закреплении земли за крестьянами-арендаторами. Тем самым был взят курс на углубление классового раскола, что не могло не придать гражданской войне особо ожесточённый характер. Активное участие в ней приняли русские войска под руководством русских офицеров²⁹. Согласно некоторым воспоминаниям, русские солдаты не только обучали финских красногвардейцев, но и участвовали вместе с ними в боях против белогвардейцев и немецких войск³⁰.

В некоторых регионах из не пожелавших возвращаться в Россию солдат и офицеров (преимущественно латышей и эстонцев, которым некуда было вернуться — их родина оказалась оккупирована немцами) был сформирован «Штаб русских добровольческих формирований», во главе которого стал полковник Генерального штаба, бывший начальник штаба 106 пехотной дивизии М. С. Свечников. Вскоре Свечников, не пожелавший выполнять указания большевиков, отказался от должности, которую занял подполковник Г. В. Булацель — офицер Финляндского стрелкового полка. Белогвардейцы, захватив Таммерфорс, расстреляли Булацеля³¹.

В том, что большевики непременно поддержат «пролетарскую» революцию в Финляндии, в России мало кто сомневался. Провинциальная левоэсеровская газета в январе 1917 г. уверяла, что СНК отправил «два поезда в сторону Выборга, причем на одном из них 500 латышских стрелков»³². Российская пресса видела в красном терроре в Финляндии нечто неизбежное. Поведение большевиков в России убеждало в том, что «красные» не останавливаются ни перед чем. Белого террора, напротив, поначалу почти не замечали.

В середине апреля немцы захватили Гельсингфорс, перерезав железнодорожное сообщение между столицей и Выборгом, куда успели перебраться руководители красных³³. Из Выборга сообщали, что на собрании представителей Финляндского совета народных уполномоченных, Верховного совета рабочих, Верховной военной комиссии, высших штабов Красной армии и начальствующих

²⁸ См.: *Кубасов А. А.* На перепутье: Российская военная контрразведка в Финляндии и на севере России в 1917 — первой половине 1918 г. // Вестник Военного университета. 2009. № 4 (20). С. 140.

²⁹ *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918 гг. Воспоминания и материалы. М.; Пг., 1923. С. 74.

³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9503. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8.

³¹ *Upton A.* The Finnish Revolution, 1917–1918. Minneapolis, 1980. P. 237; *Alapuro R.* State and Revolution in Finland. Berkeley (CA); London, 1988. P. 174; *Mannerheim C. G.* The Memoirs of the Marshal Mannerheim. London, 1953. P. 135–136; ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 377. Л. 190–191.

³² Курская жизнь. 1918. 26 января.

³³ *Пофффе Э.* Линии Маннергейма. С. 159.

военных лиц принято решение об установлении военной диктатуры. Комиссару Маннеру были предоставлены неограниченные полномочия³⁴. Тем не менее пробольшевицкие силы теряли свои позиции. Одно из первых постановлений финляндского Сената, принятое под давлением германцев, гласило, что все российские граждане и жители прибалтийских провинций должны быть немедленно выдворены из страны. Финляндские белогвардейцы развернули русофобскую пропаганду; свои действия они объясняли стремлением противостоять «восточной заразе»³⁵. Началось выселение русских из страны³⁶.

В марте правительство красных финнов, СНУ, начало переговоры с большевистским Совнаркомом, увенчавшиеся заключением 1 марта Договора о дружбе между двумя странами. 15-й пункт Договора предусматривал передачу Финляндии части Мурманского побережья. 16-й пункт предполагал создание подкомитета для рассмотрения вопроса об изменении границ «между двумя социалистическими государствами». СНУ рассчитывал, что в обмен на поддержку большевики согласятся на присоединение к Финляндии «восточной половины исторической Карелии» в «естественных границах». Эти решения вызвали недовольство русского населения Архангельской губернии. От его лица духовенство Архангельской епархии организовало протест против «расчленения России», доказывая, что за притязаниями финнов стоят немцы³⁷. Между тем угроза германского нашествия не покидала русское население.

В конце марта три отряда финских добровольцев численностью до 2,2–3 тысяч человек вторглись на территорию России. Достигнув 23 марта Ухты, они пытались склонить местное карельское население к идее присоединения к Финляндии³⁸. В российской прессе сообщалось, что Карельское просветительское общество приняло решение о присоединении Восточной Карелии к Финляндии под внешним давлением³⁹. Но эти акции не носили русофобского характера — население везде всеми возможными способами спасалось от российского хаоса.

³⁴ Казанское слово. 1918. 18 апреля.

³⁵ Суомела Ю. Русские газеты и журналисты в Финляндии в 1917–1927 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 214.

³⁶ Невалайнен П. Исход. С. 110.

³⁷ Север. 1918. 5 апреля; Архангельские епархиальные ведомости. 1918. 15 апреля; Дубровская Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917–1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 96.

³⁸ Кубасов А. А. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 — февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 39.

³⁹ Новые ведомости. 1918. 16 марта. Также см.: История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 384–385; Куликов К. П. Дело «Софин». Ижевск, 1997. С. 93.

Русские, проживавшие в «красной Финляндии», свидетельствовали, что в это время к ним относились наиболее благожелательно⁴⁰.

А тем временем большевики продолжали снабжать финскую красную гвардию оружием. 8 марта на 7-м экстренном съезде РКП (б) В.И. Ленин пояснял, что по Брестскому договору большевики обязаны вывести из Финляндии революционные войска, но о запрете ввоза оружия в договоре ничего не сказано⁴¹.

Для того чтобы противостоять красным, белогвардейское правительство объявило мобилизацию всего взрослого населения в возрасте от 21 до 40 лет. На западе страны мобилизация увенчалась успехом. Наряду с этим белогвардейские силы пополнились солдатами егерского батальона, прибывшего из Либавы. Маннергейму удалось создать работоспособный штаб, костяк которого составили шведские офицеры. В то же время Маннергейм был взбешён тем, что гражданское правительство Финляндии не соглашалось призвать на помощь германские войска.

Российская пресса реагировала на события в Финляндии достаточно отстранённо: гражданская война фактически началась в России, террор стал обыденностью. Возмущение вызывали в основном факты насилия над мирным русским населением.

Как бы то ни было, военные действия оборачивались не в пользу красных финнов. 29 апреля 1918 г. пал Выборг. Здесь издавна существовала самая крупная «русская» диаспора — до 10 % всего населения. Считается, что при захвате Выборга белогвардейцами 15 тысяч красных сдались в плен, 6 тысяч ушли в Россию⁴². Начались расправы над революционерами: 90 тысяч человек было заключено в тюрьмы, свыше 8 тысяч казнено. Основательно пострадали и русские, причём независимо от их классового происхождения.

О «выборгской резне» написано немало, уточняется количество жертв, частично восстановлены имена расстрелянных русских (точнее русскоязычных граждан)⁴³. Не берусь судить, насколько они точны. Писали и о том, как реагировала на эти события центральная российская социалистическая пресса («Новая жизнь», «Дело народа», «Беднота» и др.). Однако для меня остается загадкой, откуда получала информацию провинциальная печать. Часто далёкие от столиц газеты ссылались на свидетельства очевидцев. Некоторые их рассказы кажутся правдоподобными. Возможно, они помогут в восстановлении общей картины случившейся трагедии.

⁴⁰ Суомела Ю. Русские газеты и журналисты в Финляндии в 1917–1927 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. С. 223.

⁴¹ Ленин В. И. Заключительное слово по политическому отчёту Центрального комитета 8 марта [1918 г.] // Полное собрание сочинений. 1969. Т. 36. С. 32.

⁴² Иоффе Э. Линии Маннергейма. С. 160.

⁴³ См.: Вестерlund А. Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... СПб., 2013.

Российские газеты поначалу довольно осторожно сообщали о жертвах Выборгской резни, словно не веря в масштабность расправ. Так, писали, что было убито лишь несколько русских гимназистов и гражданских лиц, не имевших никакого отношения к гражданской войне⁴⁴. Со временем положение изменилось. В исполком Петроградского Совета поступили документы о расстрелах финскими белогвардейцами русских граждан в Выборге. Очевидец видел «два сарая, в которых было около 300 убитых, по большей части русских офицеров и реалистов, кроме того, были убиты около фридрихсгамской гауптвахты и в Папула — всего в общем не менее 500 человек». Жена убитого подполковника Высоких сообщала, что «видела лично, как русских выстроили в одну шеренгу и расстреляли из пулемета». Некий И. А. Нилов сообщал, что у него на глазах «были расстреляны два реалиста 13 и 14 лет». Много было расстреляно отставных русских офицеров и солдат. Белогвардейцы врвались в частные квартиры русских граждан и убивали их. Пронесся слух о том, что «транспорт русских инвалидов, шедший морем к Кронштадту, потоплен “белыми”». Сообщали также, что с приездом английского консула в город Выборг избиение русских прекратилось⁴⁵. Эти сведения стали своего рода матрицей, на которую насланивалась последующая информация.

После того, как 14 мая из Выборга в Петроград прибыло около 50 беженцев, преимущественно женщин и детей, газеты стали рисовать душераздирающие картины. Сообщали, что в течение пяти дней Выборг «бомбардировался тяжелыми орудиями, причем снаряды, падавшие в город, произвели значительные опустошения». Когда белогвардейцы ворвались в город, «началась беспощадная расправа не только с красногвардейцами, но и с мирными гражданами». Арестованных мужчин расстреливали группами по 20 человек во дворе Выборгской крепости «на глазах смотревших из окон жен и матерей». Всего здесь было расстреляно около 60 человек, в их числе неизвестный полковник русской службы. Однако к вечеру оставшиеся арестованные были освобождены. Сообщали также, что «на валах у Фридрихсгамских ворот расстреливали целыми сотнями. Трупы лежали без погребения в течение двух дней. Некоторые были изуродованы до полной неузнаваемости. Кровавая расправа продолжалась все время вплоть до момента отъезда прибывших беженцев из Выборга»⁴⁶.

Позднее сообщали, что в Выборге был расстрелян русский учитель Мухин и священник Земляницын⁴⁷. Повсеместно повторялось, что некий гражданин Вейзенберг видел в одном сарае 200 трупов, другой свидетель называл 500 убитых

⁴⁴ Вечерняя жизнь. 1918. 10 мая; Телеграммы газеты «Воронежский Телеграф». 1918. 12 мая.

⁴⁵ Дело народа. 1918. 11 мая.

⁴⁶ Петроградский листок. 1918. 15 мая.

⁴⁷ Новые ведомости. 1918. 30 мая.

в двух сараях, сложенных в три яруса, включая женщин и детей, а жена убитого подполковника Высоких видела, как 30 апреля было расстреляно из пулеметов около 400 человек. О расстрелах из пулеметов у Фридрихсгамских ворот и у Сапёрных казарм свидетельствовали и другие очевидцы. Писали также, что было расстреляно много женщин и детей, трупы страшно изуродованы, «у некоторых пашками снесены верхняя часть голов»⁴⁸.

Разумеется, без преувеличений такие события не обходятся. Издававшаяся в Грозном газета писала, что русских офицеров и солдат расстреливали из пулемётов группами по 40–50 человек⁴⁹. Случайный российский очевидец, рассказывал (в Глазове Вятской губернии), что сразу после захвата Выборга белогвардейцы стали врывать в частные дома, «расстреливая граждан без всякой вины, включая маленьких детей», а оставшихся уводили в крепость. Здесь от построенных в шеренгу арестованных отсчитывали с края несколько человек и тут же расстреливали, отсчитав другую партию, «отправляя в одно помещение, где над ними долго издевались», следующие за ними снова расстреливались и т. д. Пленных не кормили (были случаи голодной смерти), содержали в антисанитарных условиях. Самого свидетеля продержали в заключении 8 суток⁵⁰. В общем, создается впечатление, что большевики и прочие левые воспользовались случаем для демонизации всяких контрреволюционеров.

Позднее появилась информация иного рода. Сообщали, что белогвардейцами был расстрелян бывший сотрудник «Нового Времени» Н. В. Снесарев, якобы в отместку за «определенную кампанию против Финляндии»⁵¹. В данном случае газетчики попытались как-то уловить логику террора. На деле этот случай мог быть частью вспышки спонтанного насилия.

Нашим современникам истоки кровавых событий гражданских войн кажутся необъяснимыми. Некоторые современные российские журналисты пытаются представить дело так, что события в Выборге явились едва ли не самым кровавым этапом гражданских войн на всей территории бывшей империи. Однако нельзя не учитывать, что жестокость тех лет была связана с эмоциональным «перегревом» всей тогдашней эпохи⁵². На начальных этапах гражданских войн насилие всевозможных партизанских соединений носит неуправляемый стихийный характер. В феврале 1918 г. произошли жуткие расправы «большевиков» над калмыками. В начале марта случился страшный еврейский погром в Глухове (Украина),

⁴⁸ Уральская жизнь (Екатеринбург). 1918. 21 мая.

⁴⁹ Известия Совета рабочих и военных депутатов Грозненского района. 1918. 19 мая.

⁵⁰ Известия Глазовского Совета Крестьянских, Рабочих и Красноармейских Депутатов. 1918. 22 мая.

⁵¹ Петроградский голос. 1918. 28, 30 мая.

⁵² *Buldakov V. P. Revolution and Emotions: Towards a Reinterpretation of Political Events of 1914–1917 // Russian History. 2018. Vol. 45, issue 2-3. P. 196–230.*

устроенный «революционными» бандами солдат, выдававших себя то ли за «большевиков», то ли за «украинцев»⁵³. Подобное в российской Гражданской войне случалось не раз. «Идентификационный коллапс» в условиях обычной для гражданских войн «архаизации» массового сознания оборачивается спонтанными актами «бессмысленной» жестокости. При этом редко удастся найти командиров, так или иначе потворствующих насилию. В некоторых случаях большевики расстреливали всевозможных погромщиков за «дискредитацию Советской власти»⁵⁴. Белые, напротив, чаще терпели их⁵⁵.

«Классовый» конфликт часто «этнизировался»⁵⁶. Был востребован наиболее убедительный образ «чужого» — его облик должен был резонировать с потаёнными страхами исторического подсознания. Такова жестокая *обыденность* всяких гражданских войн, о которых «цивилизованное» общественное сознание старается поскорее забыть. И этим пользуются в собственных интересах политики, используя легковесных журналистов, выборочно реактивизирующих трагедии прошлого.

Считается, что только в Выборгской губернии было казнено почти две с половиной тысячи человек, что составляло почти треть всех жертв белого террора. В конце мая в финских концлагерях находилось свыше 80 тысяч человек, из которых только от голода и болезней скончалось около 12500 человек⁵⁷. С мая началась кампания по избавлению от следов русского присутствия в Финляндии. По словам очевидцев, «никогда русский человек не подвергался таким оскорблениям, никогда не был так унижен, как теперь... Русских ловят на улице и насильственным образом сажают на пароход, как собак...»⁵⁸. Петроградское телеграфное агентство распространяло информацию о выселении русских из Финляндии⁵⁹, сибирские газеты публиковали информацию о расстреле в течение одного дня 158 женщин, о бессудных расправах над сестрами милосердия⁶⁰.

Вслед за тем стала распространяться паническая информация о готовящемся походе белых финнов на Петроград. Писали, что в Финляндии под ружьем находится 100 тысяч человек, из них 35 тысяч «вполне готовы к походу»⁶¹. Это усиливало панические настроения в Петрограде, связанные с немецким

⁵³ *Его же*. Хаос и этнос. С. 649, 679.

⁵⁴ Там же. С. 1026; *Его же*. Красная смута. С. 489.

⁵⁵ Там же. С. 488–489.

⁵⁶ *Его же*. Хаос и этнос. С. 940, 1009, 1022, 1024, 1026, 1055, 1072.

⁵⁷ *Невалайнен П.* Исход. С. 403.

⁵⁸ *Мусаев В. II.* Первые русские общественные и политические организации в независимой Финляндии (1918 – начало 1919 гг.) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. С. 295, 296.

⁵⁹ Воронежский Телеграф. 1918. 30 мая.

⁶⁰ Земля и труд (Курган). 1918. 1 августа.

⁶¹ Воронежский Телеграф. 1918. 29 мая.

наступлением⁶². Со своей стороны среди финнов распространилось убеждение, что они должны способствовать избавлению от обезумевших «рюсся»⁶³.

Газеты писали, что по всей Финляндии белыми в целом арестовано 75 тысяч красных, из них 10 тысяч — русские. Было расстреляно несколько социал-демократов, включая депутатов сейма⁶⁴. Считается, что в 1918–1919 гг. всего погибло более 25 тысяч красных, причем лишь 6,5 тысяч — в боях. Основная их масса была уничтожена в концлагерях или стала жертвой белого террора. Белые потеряли около 5 тысяч человек⁶⁵.

На фоне жертв российской Гражданской войны эти масштабы кажутся незначительными. Но дело не в количестве жертв и даже не в их процентном отношении к численности населения. Всякая отдельная человеческая жизнь самоценна. И потому именно акты стихийного насилия, неизбежные в гражданских войнах, наиболее основательно травмируют память последующих поколений.

Список литературы

Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. — 965 с.

Булдаков, В. П. Метанарративы и микронарративы Русской революции : к переосмыслению сложившихся представлений / В. П. Булдаков // Столетие русской революции 1917 года и ее значение в мировой истории и культуре. — Будапешт : Russica Pannonica, 2018. — С. 77–90.

Булдаков, В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ / В. П. Булдаков. — Москва : Новый хронограф, 2010. — 1090 с.

Булдаков В. П., Леонтьева, Т. Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции / В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. — Москва : ИстЛит, 2017. — 617 с.

Вестерлунд, Л. Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... / Л. Вестерлунд. — Санкт-Петербург : Аврора-Дизайн, 2013. — 127 с.

Витухновская, М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX — начала XX веков / М. А. Витухновская // Многоликая Финляндия : Образ

⁶² Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017. С. 422, 425, 478.

⁶³ Вихавайнен Т. Столетия соседства. С. 142–143.

⁶⁴ Новые ведомости. 1918. 27, 28, 29, 30 мая.

⁶⁵ См.: Иоффе Э. Линии Маннергейма. С. 160; Невалайнен П. Исход. С. 403.

Финляндии и финнов в России. — Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004. — С. 60-120.

Вихавайнен, Т. Петербург глазами финнов. Вторая половина 19 века [Электронный ресурс] / Т. Вихавайнен. — URL: <http://timo-vihavainen.blogspot.com/2012/>. — (15.11.2018).

Вихавайнен, Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе / Т. Вихавайнен. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — 248 с.

Вихавайнен, Т. Финляндская историография финляндско-российских отношений XX в. / Т. Вихавайнен. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2006. — 39 с.

Гельсингфорс — Санкт-Петербург : Страницы истории (вторая половина XIX — начало XX века) : сб. статей / под. ред. Т. Вихавайнена, С. Г. Кащенко. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. — 200 с.

Дубровская, Е. Ю. Национальное движение в Беломорской Карелии в 1917–1918 гг. и вопросы национально-государственного самоопределения карелов / Е. Ю. Дубровская // Исторические судьбы Беломорской Карелии. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2000. — С. 88–97.

Иоффе, Э. Линии Маннергейма : письма и документы: тайны и открытия / Э. Иоффе. — Санкт-Петербург : Издательство журнала «Звезда», 2005. — 366 с.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — 943 с.

Каремаа, О. От морального возмущения до национальной программы : Русскость и формирование финского самосознания / О. Каремаа // Два лика России. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2007. — С. 193-215.

Кетола, Э. Русская революция и независимость Финляндии / Э. Кетола // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть / ред. В. Ю. Черняев. — Санкт-Петербург : Глагол, 1994. — С. 292—307.

Кубасов, А. Л. На перепутье: Российская военная контрразведка в Финляндии и на севере России в 1917 — первой половине 1918 гг. / А. Л. Кубасов // Вестник Военного университета. — 2009. — № 4 (20) . — С. 139–144.

Кубасов, А. Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 — февраль 1922 г.) / А. Л. Кубасов. — Москва; Вологда : ВГПУ, 2008. — 215 с.

Куликов, К. И. Дело «Софин» / К. И. Куликов. — Ижевск : УИИЯЛ, 1997. — 338 с.

Мусаев, В. И. Первые русские общественные и политические организации в независимой Финляндии (1918 — начало 1919 г.) / В. И. Мусаев // Россия

и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. Москва : ИРИ РАН, 2006. — С. 294–303.

Невалайнен, П. Исход. Финская эмиграция из России, 1917–1939 гг. / П. Невалайнен. — Санкт-Петербург : Коло, 2005. — 446 с.

Суомела, Ю. Русские газеты и журналисты в Финляндии в 1917–1927 гг. / Ю. Суомела // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. Москва : ИРИ РАН, 2006. — С. 221–235.

Холодковский, В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция / В. М. Холодковский. — Москва : Наука, 1967. — 382 с.

Черняев, В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии / В. Ю. Черняев // Анатомия революции : 1917 год в России: массы, партии, власть. — Санкт-Петербург : Глагол, 1994. — С. 292–307.

Alapuro, R. State and Revolution in Finland / R. Alapuro. — Berkeley (CA) ; London : University of California Press, 1988. — 315 p.

Buldaikov, V. P. Revolution and Emotions: Towards a Reinterpretation of Political Events of 1914 — 1917 / V. P. Buldaikov // Russian History. — 2018. — Vol. 45, issue 2–3. — P. 196–230.

Mannerheim, C. G. The Memoirs of the Marshal Mannerheim / C. G. Mannerheim. — London : Cassell, 1953. — 540 p.

Upton, A. The Finnish Revolution, 1917–1918 / A. Upton. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1980. — 608 p.

ДУБРОВСКАЯ Елена Юрьевна / DUBROVSKAIA Elena

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

dubrovskaya@krc.karelia.ru

РОЛЬ РУССКОГО И КАРЕЛЬСКОГО ФАКТОРОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ В РЕГИОНЕ: СОБЫТИЯ 1918 г. В ФИНЛЯНДИИ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ*

THE ROLE OF THE RUSSIAN AND THE KARELIAN FACTORS IN POLITICAL CLASH IN THE REGION: THE 1918 EVENTS IN FINLAND, THE CIVIL WAR IN WHITE SEA KARELIA

Abstract: The paper compares the influence of the Russian military servicemen, remaining in Finland after it gained independence, on the course of events during the 1918 Civil War (*the Russian factor*), and the influence of the Karelian population on the military and political situation in White Sea Karelia during the Civil War and Allied intervention in the Russian North (*the Karelian factor*).

Ключевые слова / Keywords: Гражданская война, Финляндия, Беломорская Карелия, российские военнослужащие, Карельский полк, военная интервенция, 1918 г. / Civil War, Finland, White Sea Karelia, the Russian military servicemen, the Karelian Regiment, military intervention, 1918

Изучение драматических событий 1918 г. в Финляндии, как и проблем Гражданской войны и военной интервенции на Русском Севере на заключительном этапе Первой мировой войны, а также в период участия Финляндии в вооружённом противостоянии противоборствующих сил на территории российской Карелии, имеет довольно значительную историографическую традицию. Начиная с 1960-х гг. в обеих странах исследователи уделяли особое внимание проблемам вовлечённости Финляндии в Гражданскую войну на Северо-Западе России и советско-финляндским отношениям этого периода. Новейшие работы английского историка Н. Барона, финских исследователей М. Вигтуховской, П. Ваары, Ю. Ниинистё, М. Харьюлы, отечественных исследователей В. И. Голина, А. В. Голубева, О. М. Морозовой, В. И. Мусаева, А. Ю. Осипова, С. Н. Филимончик дают возможность увидеть во взаимосвязи социальные конфликты разного уровня и связать политическую историю российской Карелии с историей этносоциальной и этнокультурной¹.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).

¹ Барон Н. Жизнь и эпоха Ф. Дж. Вудса // Король Карелии: Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.: История и мемуары. СПб., 2013. С. 169–307; *Его же*. Столкновение империй: российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников

Одной из весьма важных проблем, связанных с событиями Гражданской войны в Финляндии 1918 г., является вопрос о влиянии русских и России на характер и ход войны. В отечественной историографии этот вопрос в той или иной степени поднимался в работах, которые были проанализированы в историографическом обзоре Е. Ю. Дубровской и И. М. Соломеща², современная финляндская историография истории Гражданской войны 1918 г. рассмотрена в недавней публикации Д. Р. Лобановой³. Отдельные судьбы российских военнослужащих, оставшихся в Финляндии в 1918 г., прослежены в статьях В. В. Дмитриева, Н. В. Забавской, З. А. Новоселовой, А. С. Терашкевича, А. Г. Шкварова — историков из Санкт-Петербурга, Выборга и Хельсинки⁴.

на севере России // Труды Карельского научного центра РАН. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 6. С. 90–96. URL: <http://transactions.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=9247> (27.12.2018); *Витухновская-Кауттала М. А.* Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии // Финляндия и Россия: Образы общего прошлого. Петрозаводск, 2014. С. 299–314; *Её же.* Карельский крестьянин в горниле гражданской войны 1917–1922 // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв.: Сб. статей. Петрозаводск, 2013. С. 172–211; *Её же.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России. 1905–1917. СПб., 2006; *Голдин В. И.* Русский Север в эпоху великих испытаний: 1900–1920. Архангельск, 2018. Т. 1. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918.; *Голубев А. В.* «Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северо-карельского приграничья в годы Гражданской войны // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 37–44. URL: <http://www.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=4057> (27.12.2018); *Морозова О. М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д., 2012; *Мусаев В. И.* «Племенные войны» и беженство в Карелии (1918–1922) // Карелия — приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. Петрозаводск, 2018. С. 30–39; *Осипов А. Ю.* Финляндия и гражданская война в Карелии: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006; *Его же.* Финляндия и «независимая» Карелия в период гражданской войны // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 5-й междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 87–88; *Филимончик С. Н.* Гражданская война в Карелии в творчестве А. М. Линевского 1930-х гг. // История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 24–25 мая 2016. М., 2016. С. 368–373; *Harjula M.* Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922. Helsinki, 2006; *Idem.* Venäjän Karjala ja Muurmanni 1914–1922: Maailmansota, vallankumous, ulkomaisten interventio ja sisällissota. Helsinki, 2007; *Niinistö J.* Heimotien historia, 1918–1922. Helsinki, 2005; *Vaara P.* Viena 1918: Kun maailmansota tuli Karjalaan. Jyväskylä, 2018.

² *Dubrovskaya E., Solomesch I.* Russia and Finland During the World War I in Russian Historiography // Norden och Krigen i Finland och Baltikum / Red. L. Westerlund. Helsingfors, 2004. S. 185–194.

³ *Лобанова Д. Р.* Особенности изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016. 17 (№ 2). Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия: Материалы шестых Барышниковских чтений (25 сент. 2016 г.). С. 139–145. URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Sbornik_North_Europe_2016_2.pdf (27.12.2018).

⁴ *Дмитриев В. В.* Газета «Дело народа» о событиях Гражданской войны 1918 г. в Финляндии // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год: Материалы науч.-практ. конф. СПб., 2012. С. 61–79; *Забавская Н. И.* Участие военнослужащих русской армии в гражданской войне в Финляндии по воспоминаниям очевидцев событий // Там же. С. 35–50; *Новоселова З. А.* Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии // Там же. С. 3–34; *Терашкевич А. С.* Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№ 2). С. 70–73; *Шкваров А. Г.* Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: проблемы взаимоотношений с местным населением // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Двенадцатой ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2011. С. 80–89. URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Sbornik_North_Europe_2011.pdf (27.12.2018).

Кровавая гражданская война, которую пережила Финляндия зимой — весной 1918 г., сравнима с самыми ужасными страницами Гражданской войны в России. Жертвами эскалации ненависти становились не только участники боев на Северо-Западе бывшей Российской империи, но и мирное население, прежде всего финны, карелы, русские. В 1918 г. столкновения противостоявших друг другу сторон предопределили необычайную остроту политической обстановки в регионе. И Финляндия, и российская Карелия оказались втянутыми в орбиту международной политики и в сферу интересов военно-политических коалиций, боровшихся между собой в годы Первой мировой войны.

По наблюдениям финской исследовательницы О. Каремаа, выявившей корни русофобии в первые годы финляндской независимости, во время Гражданской войны в Финляндии за разжигаемой русофобией стояло желание белых сделать русских козлами отпущения за все жестокости и тем оправдать собственные действия. «Действительная роль русских в гражданской войне и степень ответственности их за убийства» не дают для этого повода, отмечает автор⁵. В начавшейся гражданской войне белые финны ставили задачу разоружить русские гарнизоны и переправить их в Россию, красные рассчитывали на реальную помощь со стороны русских военных.

К началу 1918 г. в 42-м армейском корпусе, дислоцированном в Финляндии, шла демобилизация. В войсках находилось, по одним оценкам, десять тысяч человек, по другим — 21 тысяча человек из 60—70 тысяч, положенных по штату. Боеспособность корпуса была низка. В целом в войсках пограничной стражи, в полевых подразделениях и крепостях оставалось около 40 тысяч чел., часть которых финские белые интернировали сразу же в начале войны и безоружными отправляли в Россию⁶.

В исследовании финского военного историка О. Маннинена приводятся сведения о том, что в середине января 1918 г. в Финляндии находилось не менее 73 тысяч русских солдат и матросов, а на разных этапах финляндских событий в вооружённых действиях принимали участие до десяти тысяч российских военнослужащих⁷. Как показал исследователь, из числа военнослужащих старой армии в боевых действиях принимали участие около трёх тысяч человек; вместе с красногвардейцами, присланными из Петрограда зимой 1918 г., на стороне

⁵ *Karémaa O.* Русофобия в Финляндии в 1917–1923 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 215; *Karémaa O.* Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: Venäläisviha 1917–1923. Helsinki, 1998.

⁶ *Smith C. I.* Finland and the Russian Revolution. 1917–1922. Athens, 1958. P. 39.

⁷ *Manninen O.* Kapina, kansalaissota, vapaussota // Itsenäistymisen vuodet 1917–1920. Helsinki, 1993. Osa 2. S. 43, 73.

красных сражалось от трёх с половиной до пяти тысяч российских военных⁸. С последней оценкой согласен и профессор университета Тампере В. Расила, отметивший, что на стороне красных сражалось около пяти тысяч русских, преимущественно в качестве командиров, инструкторов и артиллеристов⁹.

Главным военным инструктором красных финнов и командующим русскими добровольческими войсками стал М. С. Свечников, командир расквартированной в Таммерфорсе (Тампере) 106-ой пехотной дивизии. По его оценке, к началу марта 1918 г. русских добровольцев в войсках западной Финляндии насчитывалось около одной тысячи человек¹⁰. При этом каждая из сторон имела максимально 70 тысяч бойцов, хотя количество ставших под ружье с той и с другой стороны в ходе войны, безусловно, менялась¹¹. М. С. Свечников пишет, что русских специалистов-инструкторов было не более 50 человек¹². По подсчётам финского исследователя А. Танскинена, численность военных, участвовавших в сражениях на стороне красных, составила 2000–3700 человек, а в качестве инструкторов на службе состояло до 200 офицеров¹³.

Представляется, однако, что роль «русского фактора» в Гражданской войне в Финляндии определяется не численностью офицеров, солдат, матросов, принявших участие в вооруженном конфликте зимы–весны 1918 г., а воздействием «солдатской» революции на развитие социальных и национальных движений финляндцев в предшествующий период, который начался событиями Февральской революции в Петрограде. Вот почему необходимо остановиться на ситуации, сложившейся весной–осенью 1917 г., когда дислоцированные в Финляндии флотские и армейские части были единственной военной силой, способной существенно влиять на ход революционного процесса в гарнизонных городах на территории бывшего Великого княжества.

В дни Февральской революции, несмотря на сохранявшееся недоверие между матросами, солдатами и финскими рабочими, российские военные пытались революционизировать трудящееся население Финляндии. Участвуя в политических акциях финнов и обещая силой поддержать выдвинутые рабочими требования, военные содействовали радикализации и социальных движений, и национальных устремлений финляндцев. Так, весной 1917 г. финны использовали поддержку военных для того, чтобы добиться узаконения восьмичасового рабочего дня.

⁸ Ibid. S. 73.

⁹ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 159.

¹⁰ Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии & 1917–1918 годы (воспоминания и материалы). М.; Пг., 1923. С. 74.

¹¹ Новоселова З. А. Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии. С.13.

¹² Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии. С. 109.

¹³ Tanskinen A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978. S. 222.

С лета шли — подчас на одном плацу — военные учения будущих белых и красных финнов¹⁴.

По просьбе тех и других, учения проводили русские военные инструкторы, поскольку с начала XX столетия финляндцы не имели возможности обучаться военному делу: Николай II в 1905 г. распорядился упразднить финляндские войска. Подданные Великого княжества Финляндского были полностью освобождены от обязанности служить в российской армии. В обмен на это Финляндия выплачивала значительную денежную компенсацию (т. н. военные миллионы) в российский бюджет на нужды обороны империи¹⁵.

Нельзя не согласиться с петербургским исследователем А. С. Терашкевичем в том, что противостояние финляндских белых и красных можно рассматривать как одно из социальных «брожений», вызванных Первой мировой войной, а также российской революцией 1917 г.¹⁶ После победы Февральской революции у финляндских политических кругов сложились две модели поведения: сохранение лояльности новому российскому правительству в надежде на желаемое разрешение вопроса о судьбе Финляндии или курс на независимость. По мере развития событий всё отчетливее ощущалась тенденция смещения приоритетов от лояльности к конфронтации по отношению к российской власти. Обсуждение этого вопроса вело к расколу финляндского общества, что проявилось в противостоянии сторон во время Гражданской войны в Финляндии 1918 г. Вовлечение рядовых военнослужащих в набиравшую силу солдатскую революцию непреднамеренно усиливало и национальную революцию финляндцев. В специфических финляндских условиях это наряду с «демократизацией» необычайно осложнило положение армии и флота России на северо-западном рубеже воюющего государства.

О неизбежных в такой ситуации переменах во взаимоотношениях военнослужащих и финляндцев свидетельствуют письма матросов и солдат в редакции русских газет Гельсингфорса, Або, Выборга¹⁷. Стремление к независимости усиливалось не только благодаря пропаганде «активистских взглядов», но и под воздействием беспорядочных выступлений русских солдат и матросов, которые сыграли свою роль в радикализации национальных устремлений финляндцев. Резкое падение летом–осенью 1917 г. дисциплины в российских войсках, которые пережили «демократизацию» и были подвержены

¹⁴ Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 312.

¹⁵ *Расила В.* История Финляндии. С.105; *Lintinen P.* *Sotilasmiljoonat*. Helsinki, 1984. S. 176–180.

¹⁶ *Терашкевич А. С.* Русские в гражданской войне в Финляндии. С. 70.

¹⁷ *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008. С. 97–105.

послефевральской политизации, вызывало всё большее недовольство и раздражение населения¹⁸.

В начале ноября в газете «Мурманский путь», которая издавалась в Петрозаводске союзом служащих и рабочих Мурманской железной дороги, появилось заявление прибывшего накануне представителя Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих. По его словам, «в данный момент в Финляндии происходит полная разруха и неминуемо должна возникнуть гражданская война между солдатскими частями на почве отношения к петроградским событиям»¹⁹.

Описывая кризисную обстановку периода всеобщей забастовки в Финляндии, депутат из Гельсингфорса подчеркнул, что в финляндской столице «уже начались кровавые эксцессы, т. к. никакого подвоза предметов первой необходимости сейчас во всей Финляндии не наблюдается, за исключением контрабандного подвоза из Швеции и отчасти из России». Поэтому «в целях предотвращения голодных бунтов» Гельсингфорский совет распорядился выдавать запасы из армейского и флотского интендантств. «Насколько повышено настроение в Финляндии, свидетельствует факт ареста в Гельсингфорсе членов сейма голодной толпой», не выпускавшей парламентариев до тех пор, «пока толпе не были розданы лепешки из картофеля и овсяной муки». В пригородах столицы впервые за полвека были «зарегистрированы случаи голодного тифа»²⁰.

По справедливому замечанию финляндского историка М. Клинге, центральной темой буржуазной прессы Финляндии стали страх и осуждение «необузданной азиатской свободы», тогда как в рабочей печати главное внимание уделялось продовольственному кризису. Поскольку основной мыслью буржуазной прессы стало удаление из страны российской армии или «скорейшее усмирение неукротимых воинских частей», буржуазия стремилась к тому, чтобы шноцкоровские отряды — «охранная гвардия порядка», а позже и белая армия легитимного финляндского правительства появились и действовали «именно против русских, ради освобождения Финляндии от стад русских солдат». Такая позиция вызывала вполне обоснованные опасения красных финнов из-за угрозы германского вторжения²¹.

Продовольственный и жилищный кризис усилил требования скорейшего вывода российских войск из Финляндии. Однако и после обретения Финляндией независимости в условиях продолжавшейся мировой войны это требование, обращённое теперь уже к советской стороне, оставалось невыполнимым. Получение

¹⁸ Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 570–579.

¹⁹ В Финляндии // Мурманский путь. 1917. 8 ноября.

²⁰ Там же.

²¹ Клинге М. Имперская Финляндия. С.576.

финляндской независимости не разрешило внутренних противоречий. И конфликт, разгоревшийся вокруг пребывания русских войск в Финляндии в начале 1918 г., был скорее поводом, нежели причиной развернувшихся далее событий. Как пишет О. Каремаа, рассмотревшая феномен неприязненного отношения финляндцев к русским и прежде всего к российским военным, в период революции и в первые годы независимости заказ на русофобию возник лишь в ноябре 1917 г., когда финская буржуазия попыталась таким способом снять угрозу присоединения российских военных к всеобщей забастовке финляндцев²².

Т. Вихавайнен, изучивший отношение к России и русским накануне и в период Гражданской войны 1918 г. в Финляндии, отмечает, что движение за независимость было довольно серьёзным фактором в годы Первой мировой войны, однако решающим условием для полной независимости стала большевистская революция. В дальнейшем российские большевики сыграли роль необходимого ускорителя в развёртывавшейся гражданской войне финляндцев. Левый радикализм, который приобрел здесь «сугобо русские формы», автор называет проявлением «всемирной моды» и подвергает критике утвердившиеся в финляндском обществе в 1920–1940-е гг. мифы об исключительно «русском» истолковании войны 1918 г.²³

После обретения Финляндией независимости в декабре 1917 г. в стране продолжали оставаться десятки тысяч российских военных, что делало достигнутую независимость весьма непрочной. Воздействие русской политической культуры на финских красногвардейцев сказывалось и на их облике, сохранённом фотографиями периода Гражданской войны 1918 г. Полувоенное облачение, папиросы в зубах и пулемётные ленты через плечо позволяют безошибочно угадывать сторонников будущих красных — участников Гражданской войны, которая уже стояла на пороге²⁴.

Вместе с тем рабочая революция и Гражданская война в Финляндии, увенчав процесс обретения страной независимости, вывели представления о необходимости территориального расширения на восток в плоскость реальной политики²⁵. В силу этого на завершающем этапе мировой войны, после выхода из неё России и провозглашения Финляндией независимости, российская Карелия из тылового

²² *Karemaa O.* Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi // *Venäjan kahdet kasvot: Venäjä kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä.* Helsinki, 2004. S. 226–254.

²³ *Вихавайнен Т.* Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание. Петрозаводск, 2009. С. 11–12, 23.

²⁴ Подробнее об этом: *Дубровская Е. Ю.* Многомерная радикализация: российские военные в Финляндии, «солдатская революция» и социальные движения финляндцев в 1917 г. // *Альманах северо-европейских и балтийских исследований* [Электронный ресурс]. 2017. Вып. 2. С. 329–353. URL: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=769> (12.12.2018).

²⁵ *Левкоев А.А.* Национальная политика в советской Карелии (1920–1928): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С.3.

и относительно стабильного района стала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем оказалась одним из первых очагов военной интервенции и Гражданской войны.

События начала Гражданской войны и международной интервенции на территории российской Карелии развёртывались на фоне продолжавшегося до ноября 1918 г. противостояния Германии и стран Антанты на Русском Севере. Участие получившей независимость Финляндии в этом противостоянии предопределило необычайную остроту политической обстановки в крае, который оказался вовлечённым в сферу интересов военно-политических коалиций, столкнувшихся здесь в годы Первой мировой войны. Всё это наложило своеобразный «колоритный отпечаток» на ход вооружённой борьбы и предопределило многообразие её форм и взаимодействовавших сил.

Вторжения добровольческих отрядов из охваченной гражданской войной Финляндии в Беломорскую Карелию в марте–октябре 1918 г. и в Олонецкую Карелию в апреле–сентябре 1919 г. именовались «племенными войнами» или «карельским освободительным движением», что должно было подчеркивать их национальную составляющую²⁶. Развернувшаяся весной и летом 1918 г. интервенция сил Антанты на Север России под предлогом защиты от финнов, и особенно от немцев, всё более накаляла обстановку в северокарельских волостях.

В июле 1918 г. страны Антанты усилили своё военное присутствие в Карельском Поморье, опасаясь проникновения туда войск Германии и Финляндии как её союзника. Высадка английских войск на Севере России началась весной 1918 г., и Беломорская Карелия оказалась театром военного противостояния. Поначалу англичане объясняли свое присутствие необходимостью защищать регион от возможного продвижения немцев и охранять военные грузы, однако скоро стали очевидными их цели — укрепление своего геополитического влияния на Русском Севере и борьба с большевизмом. Захватив населенные пункты вдоль Мурманской железной дороги, войска Антанты и военные формирования союзного им белого правительства в Архангельске остановились на границе Кемского уезда Архангельской губернии и Повенецкого уезда Олонецкой губернии²⁷.

²⁶ См. об этом: *Витухновская-Кауппала М. А.* Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии. С.301–304; *Vituhnovskaja-Kauppala M., Kauppala P.* Itäkarjalaiset eri kansallisten projektin subjekteina ja objekteina, 1917–1922 // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа: Сб. науч. статей. Петрозаводск, 2012. С. 309–320.

²⁷ *Голдин В. П.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993; *Николаев О. Р.* Портрет войны в севернорусском ландшафте в версии британских фотографов // Гражданская война на севере России глазами британцев: Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008. С. 6–37; *Шумилов М. П.* Революция и гражданская война в Карелии: 1917–1920 // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 342–426.

Интересно сравнить мотивацию участия российских военных в столкновениях красных и белых в Финляндии с тем, что руководило карельскими крестьянами, в большинстве — недавними фронтовиками Первой мировой войны. В отличие от Гражданской войны в Финляндии, в которой проявил себя «русский фактор» и где были чётко разграничены красный и белый лагеря, в российской Карелии, несмотря на конфронтационные устремления действовавших в крае главных политических сил, к весне 1918 г. не сложилось самостоятельного белого движения. Такое движение, нацеленное на вооружённую борьбу против советской власти, было принесено сюда извне интервенционистскими силами. Истоки гражданской войны в Карелии находились в деревне, в противостоянии бедных и зажиточных слоёв, а также в противостоянии между городом и деревней²⁸.

Выражаясь образно, возвратившиеся из окопов солдаты Первой мировой войны приносили в родные места «войну на сапогах»: участниками кровопролитных столкновений в 1918 г. стали карельские крестьяне, отягощённые опытом четырёх лет сражений и по-разному, в том числе с оружием в руках, решавшие вопрос о судьбе российской Карелии. В Финляндии же как белая, так и красная стороны были лишены предыдущего военного опыта, который, однако, имелся у многих российских военных. Летом и осенью 1917 г. он оказался востребован и Красной гвардией, и шюцкоровскими отрядами, вследствие чего к воинской службе и к военным занятиям оказалось привлечено значительно больше людей, чем в ходе Первой мировой войны присоединилось к германской и российской армиям²⁹.

Осенью 1917 г. — зимой 1918 г. оперативное руководство российскими войсками взял на себя Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии. Военное командование армии и флота решительно выступило против участия русских в финской гражданской войне, заявив, что вооружённое вмешательство станет «источником нового военного позора» для России³⁰. Однако члены Областного комитета Финляндии во главе с И. Т. Смилгой не собирались прислушиваться к мнению бывших офицеров царской армии. Несмотря на то, что далеко не все русские гарнизоны поддержали финскую Красную гвардию, легитимное финляндское правительство считало себя в состоянии войны с Советской Россией. Вмешательство российских военнослужащих в гражданскую войну финнов позволило сторонникам белой Финляндии интерпретировать события зимы–весны 1918 г. как войну «освободительную».

²⁸ Осипов А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии. С. 86, 105.

²⁹ Клине М. Имперская Финляндия. С.578–579.

³⁰ Рапорт командующего сухопутными войсками в Центробалт от 22 января 1918 г.: Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. 353. Оп. 1. Д. 32. Л. 108.

За время Гражданской войны заметно изменилось отношение Областного комитета к снабжению Красной гвардии оружием и помощи ей пополнением из русских добровольцев. Январские и февральские номера «Известий Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих» изобилуют призывами Областного комитета к российским войскам «поддержать финский пролетариат в его классовой борьбе», поскольку отказ от такой поддержки «покрыл бы революционные войска несмываемым позором». В одном из писем в редакцию гельсингфорских «Известий» говорилось: «Угнетенные и обиженные в Финляндии по нескольку раз от каждой воинской части слышали о готовности помочь всеми имеющимися у нас силами всем трудящимся. ...Такие призывы и обещания были слышны вообще по всей Руси, и в частности, голос из Гельсингфорса звучал громче и настойчивее, чем откуда либо. Обещания помощи были гораздо тверже и убедительнее... Белая гвардия оказала слишком серьезное сопротивление. Обездоленные голодные рабочие Финляндии, помня резолюции русских и веря им всей душой, обратились за помощью. И что же? Стыдно говорить. Стыдно сознаться, что принадлежишь к войсковым частям, находящимся в Финляндии. Многие и многие из солдат не хотят идти против Белой гвардии...»³¹.

В оперативных сводках о ходе военных действий между Красной и Белой гвардиями упоминается о том, что командир бригады полковник С. Боровский, направленный для переговоров в штаб белых, отказался вернуться в штаб 106-ой дивизии³². В большинстве своём офицерство, которому больше импонировали белые, всё же стремилось остаться нейтральным в начавшейся в Финляндии гражданской войне. Во многом сходно и отношение русских рядовых военнослужащих, которые были рады остаться вне революционных событий. Хотя многие были не прочь присоединиться к экспроприации финляндской буржуазии, но настоящая борьба и кровопролитие прельщали их мало. Намерение помочь своим финским товарищам сохраняли лишь радикально настроенные солдаты и матросы. Большинство частей, вероятно, были вынуждены сражаться только под угрозой уничтожения со стороны Белой гвардии.

Без такой крайней необходимости большинство солдат оставались нейтральными. Причину этого А. С. Терашкевич вполне резонно усматривает в изменившейся политической ситуации в России: до Октябрьской революции российские армия и флот, дислоцированные в Финляндии, вдали от театра боевых действий, в любой момент могли быть отправлены на передовую. «Поэтому политический радикализм солдатских масс, выступавших за передачу власти Советам и окончание войны, был объясним». А гражданская война в Финляндии

³¹ Там же. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 105—108.

³² Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1918. 23 января.

«началась гораздо позже взятия власти большевиками в Петрограде и начала переговоров с немцами о перемирии, когда стало ясно, что война подходит к концу». По заключению исследователя, у российских военных не было причин рисковать жизнью ради интересов «красных финнов»³³.

Обращает на себя внимание эволюция отношения красногвардейцев к русским. 15 января Совет народных уполномоченных — правительство красной Финляндии — обратился с приветствием к Совнаркому, выразив надежду на укрепление солидарности между рабочими обеих стран. Ответное приветствие, с которым прибыл в Гельсингфорс нарком почт и телеграфа П. П. Прошьян, содержало заверения в том, что правительство России обещает всяческую поддержку в борьбе против буржуазии³⁴. За этим последовала транспортировка вооружения и продовольствия из России и обучение финских рабочих русскими военными инструкторами.

Автор неопубликованных воспоминаний «Записки интернированного», которые весной 1918 г. были подписаны псевдонимом Владимир Приморский, рассказывая о последних днях перед падением Гельсингфорса, с горечью записал: «Поняв, что флот займет нейтральную позицию в предстоящей решительной борьбе, красногвардейцы перестали считаться с русскими властями. Начался ряд выступлений, носивших явно неприязненный к русским характер. Красногвардейцами по любому поводу задевались не только русские матросы, но и офицеры. Ими же самовольно захватывалось оружие, склады и даже позиции в укрепленном приморском районе. А накануне выступления германцев было даже захвачено небольшое военное судно»³⁵.

Даже в подобной обстановке на страницы русских газет попадали свидетельства о бедственном материальном и моральном положении тех военнослужащих, кто оставался в Финляндии после заключения Брестского мира в связи с делами по ликвидации своих частей и подразделений. Об этом же красноречиво рассказывают «Записки интернированного» в той их части, которая посвящена событиям в Гельсингфорсе весной 1918 г. Предположительно, «Записки» принадлежат перу В. А. Волкова, юрисконсульта штаба Старшего морского начальника русских морских вооруженных сил в водах Финляндии, который являлся председателем юридической секции «Общества Русская Колония в Финляндии» и членом-учредителем «Русского клуба». Распространённым в отечественной исследовательской литературе представлениям о ничем не нарушавшихся симпатиях

³³ Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии. С. 71.

³⁴ Холодковский В. М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С.122.

³⁵ РГАВМФ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 18.

между красными финнами и русскими военными, остававшимися в Финляндии, противоречат и отдельные документы, обнаруженные в бумагах помощника главнокомандующего финской Красной гвардии и командующего добровольческими отрядами в Финляндии М. С. Свечникова.

Во время Гражданской войны мысль о необходимости подавления «контрреволюционного и антинародного заговора буржуазии», ставшая в 1917 г. привычной российским военнослужащим, была воспринята и красными финнами. Так, в марте 1918 г. в местечке Тюсьбю финские красногвардейцы арестовали помощника командира дивизионного обоза 106-й пехотной дивизии Заме. Дивизия находилась в составе русских войск, которые подчинялись М. С. Свечникову и взаимодействовали с Красной гвардией. Командиру обоза, обратившемуся в штаб Красной гвардии на станции Керава за разъяснением, в чём обвиняют его заместителя, был дан ответ, что тот подозревается в принадлежности к Белой гвардии, обвиняется в выдаче уволенному со службы солдату казённых вещей, подлежащих передаче Финляндии, а также в том, что «Заме вообще буржуй»³⁶.

Среди общей пассивной массы военнослужащих старой русской армии, оставшихся в Финляндии, всё же находились солдаты и матросы, которые изъявляли желание принять участие в сражениях Красной гвардии против белых. Интересны два списка, составленные почти одновременно командиром сводного первого батальона русских добровольческих сил. В одном из них перечислены фамилии 32 убитых и 26 раненых в бою под Пекалой и Руовеси матросов и солдат. Второй документ — «Список позорно бежавших с награбленным народным достоянием», не законченный из-за спешки при отъезде отряда и содержащий 80 фамилий. Примечательно, что и в том, и в другом списках числятся имена добровольцев от одних и тех же команд линейных кораблей «Республика», «Андрей Первозванный», «Гангут», «Полтава», миноносцев «Прыткий», «Инженер-механик Зверев», учебного судна «Орлица», тральщика «Взрыв», транспорта «Тамара» и др.³⁷

Итак, далеко не все русские части вмешались в ход Гражданской войны в Финляндии. Первоначально политика советского правительства и подведомственных ему учреждений и организаций в Финляндии была направлена на невмешательство во внутренние дела страны. Солдаты русских гарнизонов придерживались нейтралитета в гражданской войне, ожидали демобилизации и возвращения на родину, но часто оказывались на положении военнопленных. Вместе с сотнями русских матросов и солдат, воевавших в рядах финских красногвардейцев, страшную цену братоубийственной гражданской войны платили

³⁶ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии, Хельсинки). Venäläiset sotilasasiakirjat (Русские военные бумаги. Д. 2980. Бумаги командующего добровольческими отрядами в Финляндии.

³⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2262. Оп. X. Д. 3. Л. 23–23об.

и те российские военные, кто сохранял полное невмешательство в эти трагические события³⁸.

Нападения Белой гвардии, объявленной правительственными войсками страны, на русские гарнизоны побудили российских военных принять меры к самозащите. Такими же вынужденными были и действия крестьян Беломорской Карелии. Летом 1918 г. при помощи и под командованием английских интервенционистских сил был создан «Карельский полк» («Карельский отряд», как называли его карелы). Обучение бойцов отряда иностранными инструкторами — ещё один момент, сближающий военную деятельность карельских крестьян с борьбой белых или красных финнов, прошедших подготовку у русских военнослужащих в Финляндии.

Ядро «Отряда», действовавшего в карельско-финляндском приграничье, было организовано в конце апреля 1918 г. в г. Кеми под руководством бывшего фронтовика Григория Лежеева (Рикко Лесонена), уроженца села Кивиярви Вокнаволоксской волости. Отряд состоял из карелов, ранее работавших на Мурмане, и первоначально насчитывал около трёх десятков бойцов. Их задачей стало вытеснить из Ухтинской волости вторгшихся белых финнов — сторонников «воссоединения финно-угорских племен» и спасти от голодной смерти население северокарельских волостей: будучи отрезанными от южной Карелии, они не снабжались продовольствием³⁹.

Мотивация бойцов отряда и помогавших им земляков заключалась прежде всего в страхе перед надвигающимся голодом. Отношения жителей приграничья — карельского населения Кемского уезда — с руководством Архангельской губернии, будь то советское управление или сменившие его белые правительства⁴⁰, складывались весьма непросто. Из-за страшного бездорожья снабжение северокарельских волостей продовольствием всецело зависело от поддержки, которую оказывало их население той или иной внешней силе, претендовавшей на управление краем.

По воспоминаниям одного из бойцов отряда С. И. Леттиева, находились желающие вступить в отряд и среди русских рабочих Кеми, села Сорока и других рабочих посёлков, но «вербовщики их не принимали, говорили, что возьмем только

³⁸ Мусаев В. И. «В чужом пиру похмелье»: Гражданская война, послевоенный террор в Финляндии и русское население в 1918 г. // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX — середина XX в.: Матер. междунар. colloquium (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб., 2014. С. 485–497.

³⁹ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее — НА КарНЦ РАН) Ф.1. Оп. 20. Д. 142. Л. 16–17.

⁴⁰ Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М., 2011.

карелов»⁴¹. Такие свидетельства не очень вписываются в долго господствовавшие в советской исторической науке представления о едином фронте трудящихся Карелии, поднявшихся на борьбу против иноземных захватчиков для защиты завоеваний нового строя. Воспоминания об инициативе англичан, оказавшихся организаторами защиты Беломорской Карелии от вторжения финских вооружённых отрядов, долгие годы не вводились в научный оборот. Они мало соотносились с базовым мифом о Гражданской войне⁴². Такими же «неудобными» оказывались подробности, связанные с историей «Карельского полка», с лета 1918 г. действовавшего под британским командованием⁴³.

Из деревень Беломорской Карелии, занятых финскими экспедиционными отрядами, к командирам английских частей приходили бежавшие добровольцы-карелы и обращались с просьбой предоставить им оружие и дать военную подготовку, чтобы они могли выступить против финнов. К июлю число бойцов отряда достигло 300 человек⁴⁴. Из карелов были назначены и офицеры, хотя они командовали лишь формально. Фактическое командование осуществлялось англичанами⁴⁵. Отряд организовался под лозунгом «Прочь финны из Карелии», «Карелия для карел»⁴⁶. В фондах Научного архива Карельского научного центра РАН сохранились воспоминания бойцов «Карельского легиона» о том, как они записывали в отряд ради получения пайка стариков и женщин, так что на бумаге отряд в 600 бойцов разрастался до нескольких тысяч человек⁴⁷.

В отличие от белых финнов довольно дисциплинированным английским частям все же скоро удалось завоевать некоторую популярность у населения Беломорской Карелии. Решающее значение в этом сыграли регулярные поставки продовольствия, благодаря которым удалось предотвратить голод в северокарельских волостях. Бойцы отряда получили приказ Г. И. Лежоева показать «товар лицом», т. е. «необычайно разросшийся отряд». По свидетельству Ф. А. Лесонена, «мы привлекли для участия в параде, да и вообще в “торжествах” мужчин почти всех деревень». Проверка прошла удачно, поскольку снабжение

⁴¹ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 20. Д. 142. Л. 2.

⁴² Нарский И. В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 222–223.

⁴³ *Polyakova T.* The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia // Альманах североамериканских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. 2016. Вып. 1. С. 118–131. URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=482> (12.12.2018).

⁴⁴ НА КарНЦ РАН Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 98.

⁴⁵ Степанов О. Прошлое и настоящее Беломорской Карелии // Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С.292–293; *Vahkola J.* «Suomi suureksi — Viena vараaks»: Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918. Rovaniemi, 1988. S. 365, 453.

⁴⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140. Л. 56.

⁴⁷ Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск, 2016. С. 89 – 91.

отряда англичанами по завышенному списочному составу продолжилось. Когда «комиссия была выпровожена, крестьяне вернулись к своим занятиям. Важно было вырвать у англичан продовольствие для голодающих»⁴⁸.

Во время инспекторских проверок, изредка проводившихся англичанами в карельском приграничье, для усиления впечатления многочисленности отряда на охрану границы отправляли стариков, принимая начальство, организовывали своего рода «художественную самодеятельность», чтобы заручиться добрым отношением со стороны «спонсоров»⁴⁹. Однако все эти ухищрения на деле соотносились с практиками выживания в кризисной ситуации и имели вынужденный характер.

Как военнослужащие российских гарнизонов для красных финнов весной 1918 г., так и английские военные в глазах карелов оказывались олицетворением чужого государства, которое не грех обмануть, несмотря на заключённый с ним договор. Разумеется, англичане оказали помощь населению Беломорской Карелии прежде всего для защиты собственных интересов. Поэтому конфронтация карельских офицеров и солдат сначала с русскими белогвардейцами, а потом и с британским командованием всё более усиливалась.

Пользуясь хорошим знанием местности, «Карельский полк» в течение июля–октября 1918 г. вёл успешные боевые действия против финнов, вытесняя их к границе. После того как эта цель была достигнута, предназначенный английским командованием для изгнания финских добровольческих отрядов из Беломорской Карелии «полк» оказался во власти не предусмотренных англичанами внутренних процессов. Формально отряд, снабжавшийся англичанами продовольствием, охранял финскую границу. Однако по окончании военных действий в приграничье осенью 1918 г. всё очевиднее становилось стремление его бойцов добиваться независимости Карелии.⁵⁰

Обострившиеся противоречия в конечном счете привели к разрыву карельского движения с бывшими союзниками России. 20 мая 1919 г. британское командование издало приказ о расформировании «Карельского полка» и создании ряда новых карельских подразделений в составе русских частей армии белого Временного правительства Северной области, действовавшего в Архангельске.⁵¹

⁴⁸ НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп.20. Д.139. Л.100, 107.

⁴⁹ Там же. Л.100.

⁵⁰ Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905–1922 гг.) // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2007. № 10. Финно-угорские народы России: (Проблемы истории и культуры). Источники исследования, историография С. 33–38.

⁵¹ Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение... С. 142.

Степень влияния военнослужащих российской армии и флота, остававшихся в независимой Финляндии, на ход Гражданской войны 1918 года сопоставима с воздействием «карельского фактора» на развитие военно-политической ситуации в Беломорской Карелии в условиях Гражданской войны и военной интервенции на Севере России. Однако «карельским фактором» во многом определялось противоборство центробежных и центростремительных сил в регионе. Это явление, ставшее сущностной характеристикой эпохи, накладывалось на многообразие социально-экономических и политических конфликтов. В частности, оно было связано с имевшим здесь свою специфику аграрно-крестьянским, продовольственным вопросом, который затрагивал абсолютное большинство местного населения, а также с национально-этническими и другими конфликтными ситуациями. Особенностью складывавшегося в эти годы образа беспощадного противника стало то, что в восприятии карелов — участников гражданской войны как с той, так и с другой стороны, враждебными оказывались Финляндия и финны: либо белые, либо красные (сражавшиеся в 1918 г. в рядах т. н. Мурманского легиона, а позже — в 6-ом финском полку в составе частей Красной армии).

В заключение следует отметить, что общество воюющей страны, каким в годы Первой мировой было и российское, и финляндское, даже находясь вдали от театра военных действий, неизбежно оказывалось отравлено последствиями мирового вооружённого конфликта. В период гражданской войны психология такого общества, порождённая жестоким истреблением сограждан, неизбежно приводила к поиску врага в соответствии как с «классовым», так и со сложившемся этническим стереотипом.

Список литературы

Барон, Н. Жизнь и эпоха Ф. Дж. Вудса / Н. Барон // Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — С. 169–307.

Барон, Н. Столкновение империй: российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников на севере России / Н. Барон // Труды Карельского научного центра РАН. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 2. — 2011. — № 6. — С. 90–96. — URL: <http://transactions.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=9247>. — (27.12.2018).

Витухновская-Каушпала, М. А. Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии / М. А. Витухновская-Каушпала //

Финляндия и Россия: образы общего прошлого. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2014. — С. 299–314.

Витухновская-Каушпала, М. А. Карельский крестьянин в горниле гражданской войны 1917–1922 / М. А. Витухновская-Каушпала // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. : сб. статей. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2013. С. 172–211;

Витухновская-Каушпала, М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917 / М. А. Витухновская-Каушпала. — Хельсинки ; Санкт-Петербург : Норма, 2006. — 381 с.

Вихавайнен, Т. Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание : лекция / Т. Вихавайнен. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2009. — 27 с.

Голдин, В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере 1918–1920 / В. И. Голдин. — Москва : Изд-во МГУ, 1993. — 200 с.

Голдин, В. И. Русский Север в эпоху великих испытаний: 1900–1920 / В. И. Голдин. — Т. 1. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. — Архангельск : САФУ, 2018. — 623 с.

Голубев, А. В. «Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северо-карельского приграничья в годы Гражданской войны / А. В. Голубев // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. — Вып. 1. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. — С. 37–44. — URL: <http://www.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=4057>. — (27.12.2018).

Дмитриев, В. В. Газета «Дело народа» о событиях Гражданской войны 1918 г. в Финляндии / В. В. Дмитриев // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год : материалы науч.-практ. конференция. — Санкт-Петербург : Остров, 2012. — С. 61–79.

Дубровская, Е. Ю. Многомерная радикализация: российские военные в Финляндии, «солдатская революция» и социальные движения финляндцев в 1917 г. / Е. Ю. Дубровская // Альманах североевропейских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. — 2017. — Вып. 2. — С. 329–353. — URL: <http://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=769>. — (12.12.2018).

Дубровская, Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918) / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. — 125 с.

Дубровская Е. Ю. Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905–1922 гг.) / Е. Ю. Дубровская, Н. А. Кораблев // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. — 2007. — № 10. Финно-угорские народы России: (Проблемы истории и культуры). Источники исследования, историография. — С. 33–38.

Дубровская, Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2016. — 110 с.

Забавская, Н. И. Участие военнослужащих русской армии в гражданской войне в Финляндии по воспоминаниям очевидцев событий / Н. И. Забавская // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год : материалы науч.-практ. конференция. — Санкт-Петербург : Остров, 2012. — С. 35–50;

Каремаа, О. Русофобия в Финляндии 1917–1923 гг. / О. Каремаа // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. : материалы российско-финляндских симпозиумов историков, Санкт-Петербург, февраль 1999 г.; Хельсинки, май 2001 г.; Санкт-Петербург, сентябрь 2004 г. — Москва : ИРИ РАН, 2006. — С. 212–220.

Клинге, М. Имперская Финляндия / М. Клинге. — Санкт-Петербург : Коло, 2005. — 614 с.

Левкоев, А. А. Национальная политика в советской Карелии (1920–1928) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Алексей Альбертович Левкоев. — Санкт-Петербург, 1995. — 20 с.

Лобанова, Д. Р. Особенности изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г. / Д. Р. Лобанова // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. — Выборг : ГБУК ЛО «Историко-архитектурный музей-заповедник “Выборгский замок” и историко-этнографический музей-заповедник “Ялкала”», 2016. — 17 (№ 2). Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия. Материалы шестых Барышниковских чтений (25 сент. 2016 г.). — С. 139–145. — URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Sbornik_North_Europe_2016_2.pdf. — (27.12.2018).

Морозова, О. М. Антропология гражданской войны / О. М. Морозова. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. — 559 с.

Мусаев, В. И. «В чужом пиру похмелье»: Гражданская война, послевоенный террор в Финляндии и русское население в 1918 г. / В. И. Мусаев // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX — середина XX в.: матер. междунар. colloквиума (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 485–497.

Мусаев, В. И. «Племенные войны» и беженство в Карелии (1918–1922) / В. И. Мусаев // Карелия — приграничный регион России в XX–XXI веках:

формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. — С. 30–39.

Нарский, И. В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. / И. В. Нарский // *Ab Imperio*. — 2004. — № 2. — С. 211–236.

Николаев, О. Р. Портрет войны в севернорусском ландшафте в версии британских фотографов // Гражданская война на севере России глазами британцев. Из фондов Имперского военного музея (Лондон) / О. Р. Николаев. — Санкт-Петербург : ГАМАС, 2008. — С. 6–37.

Новикова, Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920 / Л. Г. Новикова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 384 с.

Новоселова, З. А. Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии / З. А. Новоселова // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 год : материалы науч.-практ. конференция. — Санкт-Петербург : Остров, 2012. — С. 3–34.

Осипов, А. Ю. Финляндия и «независимая» Карелия в период гражданской войны / А. Ю. Осипов // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера : материалы 5-й междунар. науч. конференция. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2005. — С. 86–89.

Осипов, А. Ю. Финляндия и гражданская война в Карелии : дис. ... канд. ист. наук / Александр Юрьевич Осипов. — Петрозаводск, 2006. — 241 с.

Расила, В. История Финляндии / В. Расила. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 1996. — 294 с.

Степанов, О. Прошлое и настоящее Беломорской Карелии / О. Степанов // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. — Ювяскюля : Атена, 1995. — С. 279–310.

Терашкевич, А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии / А. С. Тарашкевич // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. — Выборг : ГБУК ЛО «Историко-архитектурный музей-заповедник “Выборгский замок” и историко-этнографический музей-заповедник “Ялкала”», 2016. — 17 (№ 2). Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия. Материалы шестых Барышниковских чтений (25 сент. 2016 г.). — С. 70–73. — URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Sbornik_North_Europe_2016_2.pdf. — (27.12.2018).

Филимончик, С. Н. Гражданская война в Карелии в творчестве А. М. Линевского 1930-х гг. / С. Н. Филимончик // История Гражданской войны

в России 1917–1922 гг.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. 24–25 мая 2016. — Москва : ЦМВС, 2016. — С. 368–373.

Холодковский, В. М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция / В. М. Холодковский. — Москва : Наука, 1967. — 387 с.

Черняев, В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии / В. Ю. Черняев // *Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть.* — Санкт-Петербург : Глагол, 1994. — С. 308–323.

Шкваров, А. Г. Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: проблемы взаимоотношений с местным населением / А. Г. Шкваров // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы Двенадцатой ежегод. междунар. науч. конференции. — Санкт-Петербург : РХГА, 2011. — С. 80–89. — URL: http://novist.history.spbu.ru/docs/Sbornik_North_Europe_2011.pdf. — (27.12.2018).

Шумилов, М. И. Революция и гражданская война в Карелии: 1917–1920 / М. И. Шумилов // *История Карелии с древнейших времен до наших дней* / науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. — Петрозаводск : Периодика, 2001. — С. 342–426.

Dubrovskaya, E. Russia and Finland During the World War I in Russian Historiography / E. Dubrovskaya, I. Solomeshch // *Norden och Kriegen i Finland och Baltikum 1918–19* / red. L. Westerlund. — Helsingfors : Statsrådets kansli, 2004. — S. 185–194. — (Statsrådets kanslis publikationsserie. 2004 / 7).

Harjula, M. Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922 / M. Harjula. — Helsinki : SKS, 2006. — 700 s.

Harjula, M. Venäjän Karjala ja Muurmanni 1914–1922. Maailmansota, vallankumous, ulkomaiden interventio ja sisällissota / M. Harjula. — Helsinki : SKS, 2007. — 410 s.

Karemaa, O. Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi / O. Karemaa // *Venäjän kahdet kasvot: Venäjä kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä.* — Helsinki : Edita, 2004. — S. 226–254.

Karemaa, O. Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä : venäläisviha 1917–1923 / O. Karemaa. — Helsinki : SHS, 1998. — 221 s. — (Bibliotheca Historica 30).

Luntinen, P. Sotilasmiljoonat / P. Luntinen. — Helsinki : SHS, 1984. — 186 s.

Manninen, O. Kapina, kansalaissota, vapaussota / O. Manninen // *Itsenäistymisen vuodet : 1917—1920.* — Helsinki : Valtionarkisto, 1993. — Osa 2. — S. 8—21.

Niinistö, J. Heimotien historia, 1918–1922 / J. Niinistö. — Helsinki : SKS, 2005. — 307 s.

Polyakova, T. The Memoirist and the Redactor: Writing the History of the Russian Civil War in Karelia // *Альманах северо-европейских и балтийских исследований* [Электронный ресурс]. — 2016. — Вып. 1. — С. 118–131. — URL: <http://nbsr.petrstu.ru/journal/article.php?id=482>. — (12.12.2018).

Smith, C. I. Finland and the Russian Revolution: 1917–1922 / C. I. Smith. — Athens : University of Georgia Press, 1958. — 251 p.

Tanskinen, A. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918 / A. Tanskinen. — Tampere : Tampereen yliopisto, 1978. — 222 s.

Vahtola, J. «Suomi suureksi — Viena vapaaksi». Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuonna 1918 / J. Vahtola. — Rovaniemi : Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1988. — 476 s.

Vaara, P. Viena 1918: kun maailmansota tuli Karjalaan / P. Vaara. — Jyväskylä : Docendo, 2018. — 230 s.

Vituhnovskaja-Kauppara M. Itäkarjalaiset eri kansallisten projektin subjekteina ja objekteina, 1917–1922 / M. Vituhnovskaja-Kauppara, P. Kauppara // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа : сб. науч. статей. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2012. — С. 309–320.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

СУНИ Лев Вальтерович / SUNI Leo
Профессор-эмеритус / Professor Emeritus
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
suniawake@gmail.com

РЕЦ. НА КН.: Kalleinen K. Suuriruhtinaskunnan etuvartiossa: ministerivaltiosihteerin R. H. Rehbinder Suomen etujen puolustajana Pietarissa 1811–1841. Helsinki: SKS, 2017. 308 s.

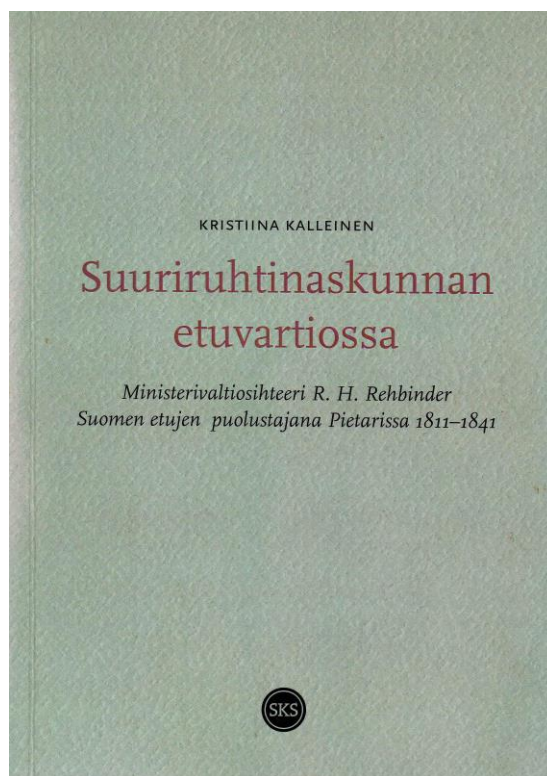
REVIEW OF: Kristiina Kalleinen. *Suuriruhtinaskunnan etuvartiossa: ministerivaltiosihteerin R. H. Rehbinder Suomen etujen puolustajana Pietarissa 1811–1841*. (Helsinki: SKS, 2017). 308 p.

Ключевые слова / Keywords: Великое княжество Финляндское, Р. Х. Ребиндер / Grand Duchy of Finland, Robert Henrik Rehbinder

В 2017 г. из-под пера доцента Хельсинкского университета Кристины Каллейнен, известного специалиста по истории Финляндии и российско-финляндских отношений XIX в., вышло исследование, посвященное жизни и деятельности Роберта Хенрика Ребиндера, министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского.

Новая книга «На передовом рубеже Великого княжества. Министр статс-секретарь Р. Х. Ребиндер — защитник интересов Финляндии в Санкт-Петербурге (1811–1841 гг.)» является своеобразным продолжением предыдущей монографии Кристины Каллейнен о Ларсе Габриеле фон Хаартмане, занимавшем, как и Р. Х. Ребиндер, высокие посты в административных структурах автономной Финляндии¹.

Конкретные исследовательские задачи Кр. Каллейнен видела в том, чтобы охарактеризовать «представления Р. Х. Ребиндера и его коллег о положении Финляндии, а также те средства, с помощью которых это положение могло быть упрочено; как они относились к России/русским/императору; к каким

¹ Kalleinen K. "Isänmaani onni on kuulua Venäjälle": Vapaaherra Lars Gabriel von Haartmanin elämä. Helsinki, 2001.

компромиссам они были готовы и какой ценой; в каких делах уступки были абсолютно недопустимы»².

Ответы на эти вопросы Кр. Каллейнен искала прежде всего в личной переписке Р. Х. Ребиндера с его корреспондентами, хранящейся в Национальном архиве Финляндии, а широкий исторический фон, характеристика которого заняла значительную часть книги, автор воспроизвела на основе имеющейся исследовательской литературы.

Однако нельзя не отметить, что личная переписка Р. Х. Ребиндера как источник для воссоздания полной картины его взглядов, мотивов принимавшихся решений страдает серьезным изъяном: значительный массив писем был уничтожен самим Р. Х. Ребиндером, и в распоряжении исследователей осталась лишь та часть, которая сохранилась у некоторых его корреспондентов. Но если учесть, что панически опасавшийся перлюстрации Р. Х. Ребиндер не доверял свои сокровенные мысли почтовой бумаге, то информационная ценность сохранившейся корреспонденции оказалась всё же не столь велика. Это, несомненно, осложняло работу Кр. Каллейнен над избранной темой.

При знакомстве с новой монографией Кр. Каллейнен постоянно ловишь себя на мысли, в какой мере созданный заголовком книги образ Р. Х. Ребиндера — стражника, «защищавшего на передовых рубежах в Санкт-Петербурге интересы Финляндии», соотносится с конкретным материалом исследования.

Следует всё же отметить, что перед читателем возникает иной Р. Х. Ребиндер: крайне осторожный в своих поступках и суждениях, «боготворивший Александра I и уважавший Николая I», более всего боявшийся потерять благосклонность императоров и отступавший перед давлением центральной власти.

Р. Х. Ребиндер предстаёт перед нами как чиновник, сделавший свою карьеру от асессора придворного суда в Турку до члена Государственного совета России (1841) в немалой степени благодаря пониманию им реального расклада сил в имперской иерархии власти и приобретённой с годами «придворной опытности». Министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского, как отмечает Кр. Каллейнен, установил тридцатилетний рекорд выживаемости близ императорского престола, прежде всего благодаря своей лояльности по отношению к российским монархам³.

Р. Х. Ребиндер понимал, что судьба автономии зависела только от благоволения императора и следовало избегать малейших угроз её существованию. В силу этого даже кандидатура отличавшегося твёрдым характером Л. Г. фон Хаартмана в качестве возможного преемника Р. Х. Ребиндера на посту министра статс-секретаря была неприемлема.

² *Eadem*. Suuriruhtinaskunnan etuvartiosta: Ministerivaltiosihteeri R. H. Reh binder Suomen etujen puolustajana Pietarissa 1811–1841. Helsinki, 2017. S. 15.

³ *Ibid.* S. 281.

Защита финляндских интересов, как это явствует из содержания книги, заключалась для Р. Х. Ребиндера в том, чтобы не допустить неудовольствия императора положением дел в финляндском княжестве. По сути, она начиналась ещё на дальних рубежах, в самой Финляндии, где предстояло минимизировать негативные последствия от студенческих событий, вольнодумства А. И. Арвидссона и прессы, сохранявшихся прошведских симпатий в обществе и т. д.

Защита автономного статуса княжества Р. Х. Ребиндером и его ближайшими единомышленниками сводилась в первую очередь к охране старой шведской формы правления XVIII в. от «неоправданных» изменений, которые были вполне вероятны, поскольку параметры автономии не были закреплены законодательно. В связи с этим в исследовании приводятся конкретные свидетельства умонастроений финляндской элиты, её отношения к центральной власти, опасений, связанных с превращением княжества в обычную российскую губернию. Материал книги проливает дополнительный свет на закулисные придворной жизни, соперничество в структурах административного управления княжеством (Комитет — Сенат — генерал-губернатор). Длительное отсутствие докладов императору, сотни (!) не рассмотренных Александром I финляндских дел — всё это угнетало Р. Х. Ребиндера, который видел здесь как козни своих недоброжелателей, так и потерю к себе монаршей благосклонности.

Характеризуя своего героя, Кр. Каллейнен отмечает подверженность Р. Х. Ребиндера меланхолии, депрессии, которые — и это явствует из текста исследования — неоднократно порождали мысли об отставке с занимаемого поста в Санкт-Петербурге. Наиболее очевидным образом подобные настроения посещали Р. Х. Ребиндера во время обострения его отношений с генерал-губернатором А. А. Закревским, стремившимся к усилению своей личной власти в княжестве.

Генерал-губернаторство А. А. Закревского было для Р. Х. Ребиндера, без сомнения, наиболее трудным временем, поскольку тот методично добивался своих целей, направленных, как он выражался, «к более тесному единению империи и княжества». Кр. Каллейнен вкратце отмечает, что генерал-губернатор не мог радикально изменить общий курс финляндской политики в неблагоприятную для Финляндии сторону. Это действительно так. Но напрашивается сама собой более подробная характеристика отношения А. А. Закревского к автономии княжества, а также оснований, которыми он аргументировал перед императором необходимость расширения своих полномочий. Тем более что соответствующие российские документы (в том числе свидетельство его биографа Д. В. Друцкого-Соколинского об отрицательном отношении А. А. Закревского к финляндской автономии) Кр. Каллейнен хорошо известен. Да и сам Р. Х. Ребиндер, как следует из некоторых опубликованных ещё в 1920-е гг. писем, хорошо понимал скрытый смысл усилий А. А. Закревского.

В целом структура книги отражает узловые вопросы российско-финляндских отношений начального периода автономии. В значительной мере это объясняется тем обстоятельством, что Р. Х. Ребиндер по своей должности имел отношение к широкому спектру проблем — от университета и созыва сейма до экономики Финляндии и кодификации финляндских законов. Практически все названные сюжеты уже имеют свою литературу, и фигура Р. Х. Ребиндера не была обойдена вниманием историков. В новой книге определённо недостает более широкой оценки этих работ под углом исследовательского интереса Кр. Каллейнен.

В монографии много деталей, естественным образом дополняющих общие тексты по истории административных учреждений Финляндии. Помимо этого в книге приводятся небезытересные свидетельства о мотивах принимавшихся Александром I решений по финляндским делам (о войне 1808–1809 гг., о Спренгтпорте и т. д.). Некоторые из них, полученные Р. Х. Ребиндером ещё в декабре 1808 г. в ходе личной аудиенции у Александра I, были записаны будущим статс-секретарем Великого княжества. Обращает на себя внимание осторожная и прозорливая позиция Р. Х. Ребиндера по вопросу о присоединении Старой Финляндии к финляндскому княжеству.

Стремление Р. Х. Ребиндера и его последователей сохранить старую форму правления XVIII в., (которая, кстати, в самой Швеции была отменена уже в 1809 г.), в российских реалиях XIX столетия означало сохранение того правового барьера, под защитой которого происходило становление финской нации, её культуры и политической системы. Этим масштабом, собственно, и определяется место Р. Х. Ребиндера в истории автономной Финляндии.

Новое исследование Кр. Каллейнен естественным образом дополняет её предыдущие монографии, посвящённые Финляндскому генерал-губернаторству⁴ и Л. Г. фон Хаартману, определявшему экономическую политику местного Сената⁵. С появлением новой книги о министре статс-секретаре Р. Х. Ребиндере родилась фундаментальная историко-биографическая трилогия об анатомии власти в Великом княжестве Финляндском первой половины XIX столетия.

Список литературы

Kalleinen, K. Suomen kenraalikuvernementti: kenraalikuvernöörin asema ja merkitys Suomen asioiden esittelyssä 1823–1861 / K. Kalleinen. — Helsinki : Painatuskeskus, 1994. — 390 s.

Kalleinen, K. “Isänmaani onni on kuulua Venäjälle” : vapaaherra Lars Gabriel von Haartmanin elämä / K. Kalleinen. — Helsinki : SKS, 2001. — 345 s.

⁴ *Eadem.* Suomen kenraalikuvernementti: Kenraalikuvernöörin asema ja merkitys Suomen asioiden esittelyssä 1823–1861 Helsinki, 1994.

⁵ *Eadem.* “Isänmaani onni on kuulua Venäjälle”.

ВОСТРОВ Алексей Владимирович / VOSTROV Alexei

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого /
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg
vostrov_av@spbstu.ru

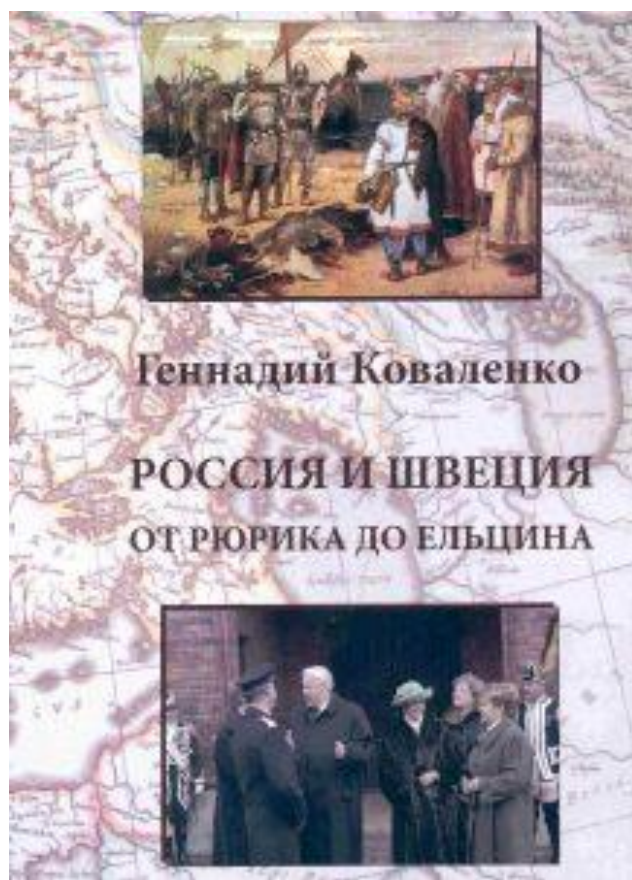
**РЕЦ. НА КН.: Коваленко Г. М. Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина.
СПб.: Крига, 2018. 354 с.**

REVIEW OF: Kovalenko G. M. *Rossia i Shvetsiia ot Riurika do Eltsina* (St. Petersburg:
Kriga, 2018), 354 p.

Ключевые слова / Keywords: Россия, Швеция, Великий Новгород / Russia,
Sweden, Velikii Novgorod

Книга Геннадия Коваленко «Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина» вышла в свет во второй половине 2018 г. Первый раз автор этих строк столкнулся с ней в сентябре во время традиционных Барышниковских чтений, где проходила её презентация. Третий год подряд чтения проходят в Выборгском замке, и появление книги на публике именно здесь можно считать символичным: приграничный замок оставил значительный след в истории русско-шведских отношений.

Вторая «неслучайность» кроется в посвящении книги памяти А. С. Кана, ушедшего из жизни в 2017 г. Известный скандинавист, последние несколько десятилетий работавший в Швеции, оставил после себя множество трудов. Один из них — «Швеция и Россия в прошлом и настоящем»¹ содержит описание шведско-русских отношений и незримо перекликается с публикацией Г. Коваленко. Периоды исследования практически совпадают: в обоих случаях события ограничиваются концом XX столетия. Однако акценты в книгах авторами расставлены по-разному.

¹ Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. Шведская версия книги: *Kan A. S. Sverige och Ryssland: Ett 1200-årigt förhållande*. Stockholm, 1996.

Третий (не)случайный момент можно найти в названии: созвучие слов «Швеция» и «Ельцина». Именно в период президентства Бориса Николаевича произошло последнее потепление (или созвучие?) отношений между двумя государствами — дальше, выражаясь словами из книги (сказанными, правда, по другому поводу), начались «заморозки», или (уже по этому поводу) «окончился медовый месяц» (с. 349)².

Г. Коваленко заканчивает книгу очерком, посвящённым первому президенту России, где описывает его трёхдневный визит в Стокгольм в начале декабря 1997 г. Экстравагантные выступления и действия Б. Н. Ельцина послужили своеобразной иллюстрацией долгой истории отношений между русскими и шведскими землями, полными неожиданных поворотов — войн, мира, политических споров... наконец, реальных событий и мифов. Яркой точкой этого исторического полотна можно считать то, что президент на выступлении в шведском парламенте впервые на высшем государственном уровне упомянул имя Рюрика — полумифической фигуры совместной истории. Круг замкнулся (что и подчёркивает автор), стартовал новый отсчёт.

Книга «Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина» содержит более пятидесяти научно-популярных очерков, связанных темой взаимоотношений двух государств в период между правлениями двух исторических фигур, указанных в названии. Тематика очерков не ограничивается военно-политической и экономической канвой: рассматриваются культурные контакты и воспоминания, связанные с совместной русско-шведской историей. Тем не менее в этом контексте доминируют описания шведов в России, что неудивительно: книга предназначена для российского читателя, и подобные описания могут вызвать больший интерес.

По сравнению с предыдущим изданием, которое носит название «Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты»³, настоящая книга дополнена очерками, посвящёнными послереволюционным событиям. Также небольшие изменения коснулись уже вышедшего материала: заглавий, источников, некоторых очерков; появилось несколько новых глав дореволюционного периода... Период исследования расширился, и, что стоит отметить особо, из заглавия исчезло безапелляционное «контакты и конфликты», сужающее диапазон восприятия книги.

Автор не разделил очерки по укрупненным главам, но книгу можно условно поделить на несколько частей. Первая часть включает период до царствования Петра I, вторая — от Петра I до революции, новая третья — послереволюционные события. Последовательность очерков определяется временной шкалой, однако

² Все ссылки на рецензируемую книгу даются в круглых скобках в тексте.

³ См.: Коваленко Г. М. Русские и шведы от Рюрика до Ленина: Контакты и конфликты. М., 2010.

их «плотность» на определённый период разнится — порой значительно. Учитывая сферу научных интересов Г. Коваленко, неудивительно, что многие очерки так или иначе связаны с историей Великого Новгорода. Поэтому первая половина книги больше наполнена малоизвестными историческими фактами и воспоминаниями обывателей, в первую очередь — связанными с отношениями древнего города со «свейской стороной».

Наглядным примером подобного очерка является «Удивительное путешествие в плен» Аделаиды Хаусвольф» (с. 174–180) — дочери майора Ханса Густава Хаусвольфа, пленённого после капитуляции Свеаборга в 1808 г. Дневник молодой женщины описывает её впечатления от русской земли с июля 1808 г. по апрель 1809 г. Побывав в качестве пленной в Выборге, Петербурге и Новгороде, Аделаида описывает своё пребывание в трёх абсолютно разных по духу городах, русский быт, чуждый шведской подданной. Особый акцент в очерке делается на пребывании в Новгороде — и не только потому, что девушка и её отец дольше всего находились именно здесь. Акцент, несомненно, ставит автор.

Другим примером можно считать очерк «По-свейски говорит и грамоту свейскую знает» (с. 97–103) об истории переводчиков (толмачей) в русских и шведских землях. В описании преобладают русские толмачи и попытки развития соответствующей службы Посольского приказа, что является достоинством книги, так как эта сторона русско-шведских отношений практически не освещена в отечественной историографии. В зарубежной историографии (в первую очередь, шведской), основной акцент, естественно, делается на шведских переводчиках со знанием русского языка.

Интересные аспекты шведско-русских культурных связей отмечаются в главе «Шведы в русском фольклоре» (с. 146–155), описывающей не только образы Рюрика, Якоба Делагарди, Карла XII в русских произведениях, но и отношения двух сторон в целом. Своеобразным контрапунктом этой главе является очерк «Пушкин и Швеция» (с. 196–202), в котором отражается «асимметричный характер русско-шведских отношений в новое и новейшее время». Из которого вырастает вывод А. Кана о том, что «Россия и её политика гораздо важнее для Швеции, чем шведская политика для России» (с. 202).

Если продолжить разговор о военно-политическом контексте книги, то можно отметить, что допетровский период рассматривается подробнее по сравнению с последующими столетиями. Так, большое внимание уделено событиями Смутного времени и окружающим их нескольким десятилетиям. Детально рассматриваются многие нюансы внешнеполитических и экономических контактов царства и королевства — как на уровне военных действий и мирных переговоров, посольств

и их обычаев, так и на торговом уровне (русский двор в Стокгольме, шведский двор в Великом Новгороде).

В главе «Спор о “посольском обычае”» (с. 40–46), посвящённой дипломатическим отношениям московского царства Ивана IV со шведским королевством Густава Васы и его сыновей Эрика XIV и Юхана III, рассматриваются обстоятельства образования герцогства (позднее, Великого княжества) Финляндского и его роль как буфера между Москвой и Стокгольмом. Одновременно отмечается схожая роль Великого Новгорода, однако в этом случае древние традиции самоуправления (и центра северо-западной части русских земель) позволяли смещать баланс в новгородских интересах, что и подчёркивает автор.

Период между правлениями Петра I и Николая I также не обойдён вниманием в военно-политическом аспекте: упоминаются Великая Северная война, войны 1741–1743 и 1788–1790 гг., Финская война 1808–1809 гг., а также события, их окружавшие. Густавианская война рассматривается в контексте взаимоотношений двух монархов — Екатерины II и Густава III (с. 156–165), чья родственная переписка стала отражением не только политического противостояния, но и «силы пера»⁴.

В главе «Союз 1812 года» на фоне политического противостояния с Наполеоном автор едва касается зарождавшихся взаимоотношений и личных симпатий Александра I и Ж.-Б. Бернадота. Русский император поддержал позиции бывшего наполеоновского маршала на шведском троне (на Венском мирном конгрессе 1814–1815 гг. русские и шведские дипломаты активно сотрудничали), а позднее их взаимные симпатии отразились в переписке и диктовали многие политические решения того времени⁵.

Здесь же уместно отметить другой известный и близкий по времени сюжет, посвящённый родству династий, который, к сожалению, не вошёл в книгу: сын короля Густава IV Адольфа приходился племянником Александру I, и оба монарха были представителями дома Гольштейн-Готторпов. Однако отношения между монархами не сложились — вопреки тому, что их жены являлись родными сёстрами (принцессы Баденские)⁶.

Тема отношений династий продолжается в очерке «Русская принцесса в Швеции» (с. 225–230), посвящённом Марии Павловне — племяннице Николая II. Выйдя поневоле замуж за герцога Вильгельма Сёдерманландского, она оказалась в чуждом ей Стокгольме и, несмотря на симпатию шведского короля Густава V,

⁴ Подробнее см.: *Лейнфут Э.* Великая роль: Король Густав, играющий сам себя. СПб., 1999. Также: *Шкваров А. Г.* Россия — Швеция: История военных конфликтов: 1142–1809 годы. СПб., 2012. С. 427–440.

⁵ Подробнее см.: *Рогинский В. В.* Борьба за Скандинавию: Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815. М., 2012. С. 473–482.

⁶ См., например: *Шкваров А. Г.* Россия — Швеция. С. 476–482.

не смогла перенести изоляцию. Она покинула мужа, чем поставила оба царствующих дома в неловкое положение — редкий пример единства восприятия ситуации по обе стороны границы.

Русская революция освещена на страницах книги достаточно подробно («Ленин и Швеция», «Шведская спичка русской революции») и с важными подробностями (особенно в области экономических контактов), однако события Первой мировой войны остались в тени. К сожалению, не освещён напряженный момент ультиматума, едва не повлекшего вступления Швеции в войну на стороне Германии: русский адмирал Н. О. фон Эссен выдвинул его по собственной инициативе у шведского острова Готланд в первые дни Первой мировой войны⁷.

В продолжение тематики мировых войн и революций «всплывает» фигура А. Коллонтай, многие годы связывавшая политику двух государств. О ней написано огромное количество статей и книг, и, возможно, поэтому Г. Коваленко сознательно решил не посвящать ей отдельную главу. Тем не менее её имя несколько раз встречается в книге наряду со многими людьми, оставившими большой или малый след в совместной русско-шведской истории. Примерами последнего можно считать малоизвестный, но успешный визит в Швецию Ю. Гагарина, который способствовал созданию позитивного образа советского человека у шведского обывателя (с. 300–305). Или судьба «невозвращенца поневоле» Валентина Агапова, попытки которого воссоединиться с семьей в итоге привели к обсуждению обстоятельств этого дела на самом высоком уровне (с. 319–326).

Если говорить о некоторых недостатках книги (коих действительно немного), то после её прочтения возникает вопрос, почему автор не рассматривает русско-шведские отношения на балтийском театре Крымской войны. Падение Бомарсунда и последующая демилитаризация Аландского архипелага создали так называемый Аландский вопрос, который значительно влиял на отношения между государствами на протяжении последующего столетия. С одной стороны, это можно объяснить тем, что рассмотрение войн между двумя государствами и политических коллизий не являлось основной задачей автора. С другой стороны, «Аландский вопрос» стал прологом многих политических решений времен Первой мировой и Второй мировой войн, и постоянная «кабинетная борьба» за статус Аландов часто определяла градус отношений между Россией (СССР) и Швецией⁸.

⁷ См.: *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997. P. 278.

⁸ Подробнее см., например: *Мусаев В. II.* Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. СПб., 2012. С. 145–147. Также: *Камапов А. А.* СССР и Аландский вопрос // Северная Европа. Проблемы истории. М., 2005. С. 132–135; *Luntinen P.* The Åland Question during the Last Years of the Russian Empire // *The Slavonic and East European Review.* 1976. Vol. 54, no. 4. P. 558–559.

Можно найти ещё одну проблему, достойную специального освещения в рецензируемой работе: Финляндия как буферная территория между Россией и Швецией. Наиболее важный аспект, который мог бы обогатить книгу, кроется в передаче Финляндии Российской империи по итогам войны 1808–1809 гг., что создало новую границу и новые отношения между официальными Стокгольмом и Петербургом. И породило идею «реванша», которая ещё несколько десятилетий «кочевала» по самым высоким кабинетам шведской столицы. Обратной стороной шведской утраты можно считать то, что шведскому правительству удалось избежать многих социальных проблем из-за «иноплеменного (финского) элемента»⁹.

Небольшая общая библиография книги дополняется библиографией каждой главы, что в совокупности создаёт достаточно полную картину взаимоотношений между двумя государствами. Тем не менее приведённый список можно дополнить некоторыми публикациями обобщающего характера. Например, книгой А. Шкварова «Россия — Швеция. История военных конфликтов. 1142–1809 годы», подробно описывающей военные конфликты между Швецией и Россией на протяжении почти семи столетий¹⁰. Или изданным в 2008 г. трудом финского историка К. Таркиайнена, который детально раскрывает отношения между шведскими и русскими землями в контексте буферной Финляндии от доисторических времён до правления Густава Васы¹¹. Либо исследованием соотечественника К. Таркиайнена — Н. Э. Вильстранда, в книге которого об истории Великого княжества Финляндского в период со смерти Густава Васы до Финской войны много внимания уделено отношениям России и Швеции¹². Если же говорить о периоде начала XIX столетия, то нельзя обойти вниманием работу В. В. Рогинского «Борьба за Скандинавию. Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815», изданную в 2012 г.¹³.

В целом, значительная часть книги «Россия и Швеция от Рюрика до Ельцина» являет собой пример подачи материала на микроисторическом уровне, который, вне сомнений, приводит к уровню макроисторическому. Переключение регистров позволяет рассматривать материал объёмно и с различных ракурсов, что, бесспорно, добавляет публикации положительных черт. Особенно отчётливо это проявляется

⁹ Более подробно см.: Рогинский В. В. Борьба за Скандинавию. С. 187. Также: Новикова И. Н. Между молотом и наковальней: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 428.

¹⁰ Шкваров А. Г. Россия — Швеция.

¹¹ *Tarkiainen K. Sveriges Österland: Från forntiden till Gustav Vasa.* Helsingfors, 2008. В библиографии упоминаются несколько более ранних книг указанного автора (самая поздняя — 1997 г. издания).

¹² *Villstrand N. E. Riksdelen: Stormakt och rikssprängning 1560–1812.* Helsingfors, 2009.

¹³ Рогинский В. В. Борьба за Скандинавию. В библиографии упоминаются две ранние книги указанного автора.

в главах, посвящённых событиям Смутного времени и событиям, ему предшествовавшим.

Автор стремится не высказывать однозначного суждения о рассматриваемых им исторических событиях, оставляя читателю возможность самостоятельно оценивать факты, что, несомненно, является достоинством книги. Тем не менее можно задаться вопросом, почему автор не завершил её эпилогом, в котором прояснил бы своё видение представленного исторического полотна. Вероятно, это является осознанным решением: читатель должен сделать выводы самостоятельно.

Особо хочется отметить язык автора и стиль подачи материала: книга читается легко и не перегружена фактами и ссылками, что, за некоторыми указанными выше исключениями, не наносит ущерба её содержанию. Работу можно рекомендовать как широкому кругу читателей, интересующихся данной тематикой, так и специалистам из-за достаточного количества сравнительно малоизвестных фактов, многие из которых касаются судеб простых людей. Эти сведения, при условии критического их использования, позволят дополнить и профессиональные исследования.

Список литературы

Кан, А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем / А. С. Кан. — Москва : РГГУ, 1999. — 359 с.

Коваленко, Г. М. Русские и шведы от Рюрика до Ленина : контакты и конфликты / Г. М. Коваленко. — Москва : Ломоносовъ, 2010. — 256 с.

Комаров, А. А. СССР и Аландский вопрос / А. А. Комаров // Северная Европа. Проблемы истории. — Москва : Наука, 2005. — Вып. 5. — С. 131–143.

Лённрут, Э. Великая роль : король Густав, играющий сам себя / Э. Лённрут, пер. со шв. Ю. Н. Беспятых. — Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1999. — 423 с.

Мусаев, В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема / В. И. Мусаев // Скандинавские чтения 2010 года : этнографические и культурно-исторические аспекты. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2012. — С. 144–154.

Новикова, И. Н. Между молотом и наковальней : Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / И. Н. Новикова. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. — 450 с.

Рогинский, В. В. Борьба за Скандинавию : международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн (1805–1815) / В. В. Рогинский. — Москва : Весь мир, 2012. — 520 с.

Шкваров, А. Г. Россия — Швеция : История военных конфликтов : 1142–1809 годы / А. Г. Шкваров. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. — 576 с.

Kan, A. S. Sverige och Ryssland : ett 1200-årigt förhållande / A. S. Kan. — Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1996. — 224 s.

Luntinen, P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918 / P. Luntinen. — Helsinki : SHS, 1997. — 486 s.

Luntinen, P. The Åland Question during the Last Years of the Russian Empire / P. Luntinen // The Slavonic and East European Review. — 1976. — Vol. 54, no. 4. — P. 557–571.

Tarkiainen, K. Sveriges Österland : från forntiden till Gustav Vasa / K. Tarkiainen. — Helsingfors : SLS ; Atlantis, 2008. — 334 s. — (Finlands svenska historia 1).

Villstrand, N. E. Riksdelen : stormakt och rikssprängning 1560–1812 / N. E. Villstrand. — Helsingfors : SLS ; Atlantis, 2009. — 416 s. — (Finlands svenska historia 2).

КОРУНОВА Евгения Валерьевна / KORUNOVA Evgeniia

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова /
Lomonosov Moscow State University

Россия, Москва / Russia, Moscow

ekorunova@yandex.ru

РЕЦ. НА КН.: Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы — Russia and the Countries of Northern Europe: Physical and Symbolic Borders: Сб. ст. V Киркенесского международного семинара историков / Редкол.: С. Г. Веригин, А. А. Комаров, Й. П. Нильсен, М. Н. Сулейм, В. В. Тевлина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 183 с.; Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders / Ed. by T. N. Jackson, J. P. Nielsen. М.: Языки славянской культуры, 2005. 216 с.

REVIEW OF: Sergey Verigin, Alexey Komarov, Jens Petter Nielsen, Marianne Neerland Soleim, Victoria Tevlina (eds), *Rossiiia i strany Severnoi Evropy: fizicheskie i simbolicheskie granitsy — Russia and the Countries of Northern Europe: Physical and Symbolic Borders: sbornik statei V Kirkenesskogo mezhdunarodnogo seminaru istorikov* (Petrozavodsk: PetrSU, 2016), 183 p.; Tatjana Jackson, Jens Petter Nielsen (eds), *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders* (Moscow: Languages of Slavonic culture, 2005), 216 p.

Ключевые слова / Keywords: Российско-норвежские отношения, границы, лимология, Киркенесские семинары, российско-норвежское сотрудничество, «народная дипломатия» / Russian-Norwegian relations, borders, limology, the Kirkenes seminars, Russian-Norwegian cooperation, «people's diplomacy»

Более семидесяти лет назад, 14 сентября 1944 г., было подписано Соглашение о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией, с другой. По одному из пунктов соглашения, район Петсамо отошел к СССР. В результате у Норвегии и СССР появилась общая граница. Это внесло серьезные изменения в геополитическую обстановку на Европейском Севере и повлияло на характер последующих отношений двух государств. Такое соседство вызывало естественное беспокойство со стороны норвежских политиков, но в то же время у Норвегии появился шанс не «смотреть на Советский Союз через финские очки, окрашенные неудачным политическим развитием» и «добиваться основанных на доверии отношений»¹.

Советско-норвежские отношения действительно оживились. Уже после успешного завершения Петсамо-Киркенесской наступательной операции (октябрь 1944 г.) норвежская сторона официально выразила благодарность советскому руководству за вклад в освобождение оккупированных территорий

¹ Письмо посла Норвегии в СССР Р. О. Андворда министру иностранных дел Норвегии Т. Ли о будущих советско-норвежских отношениях // Советско-норвежские отношения 1917–1955: Сборник документов / Редкол.: А. О. Чубарьян, У. Ристе, А. А. Комаров, М. А. Коробочкин, И. В. Лебедев, В. В. Рогинский, С. Хольтсмарк, О. М. Эгге. М., 1997. С. 348.

Норвегии от фашистских захватчиков. Норвежский король Хокон VII направил в адрес главы Президиума Верховного совета СССР М. И. Калинина телеграмму, в которой декларировал конец угнетения норвежского народа и восхищался блестящей борьбой советских вооруженных сил за общее дело свободы².

Однако ряд спорных моментов, среди которых приоритетное значение имел вопрос о судьбах архипелага Шпицберген и острова Медвежий, затормозил начавшийся процесс политики «наведения мостов», завершившийся в итоге вступлением Норвегии в НАТО в 1949 г. Тогда у Советского Союза появилась единственная общая граница с Североатлантическим блоком, что не могло не сказаться на характере двухсторонних отношений Норвегии и СССР.

Потепление в советско-норвежских отношениях наметилось только после визита норвежского премьер-министра Эйнара Герхардсена в СССР в ноябре 1955 г. Спустя несколько месяцев МИД СССР подготовило «Указание послу СССР в Норвегии», в котором подчеркивалась необходимость «развития и укрепления дружественных, добрососедских отношений между СССР и Норвегией и ослабление связей с Североатлантическим блоком»³.

Не прошло и года, как события в Венгрии снова приостановили процесс сближения двух стран. Однако стремление к конструктивному диалогу, которое не прекращалось никогда, одержало вверх над обоюдными страхами и недоверием. Оно нашло выражение в официальном поездке Н. С. Хрущева по Скандинавии, когда он в 1964 г. посетил и Норвегию. Взаимоотношения двух соседей вновь претерпели определенную эволюцию. Новый импульс получили политические, экономические и культурные связи стран. Подобная «политика дипломатических качелей» была характерна для советско-норвежских отношений на протяжении всего XX в.

Параллельно политической линии формировалась так называемая народная дипломатия, которая традиционно играла особую роль во взаимоотношениях двух государств. Население по обе стороны границы всегда ощущало особую общность и потребность в более тесном сотрудничестве. Как заметил генеральный консул Королевства Норвегия в Мурманске Э. Нордслеттен (2011–2013): «Народная дипломатия» дала многое. Это не миф, а факт, который подтверждается каждый день»⁴.

² Поздравительная телеграмма короля Норвегии Хокона VII М. Калинину // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. М., 2010. С. 387.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) Ф. 0116. Оп. 45. П. 183. Д. 1. Л. 2.

⁴ Из интервью с Генеральным Консулом Королевства Норвегия в Мурманске Э. Нордслеттеном // Баренц-сборник: Региональное межвузовское научное издание. Мурманск, 2013. Вып. 1 (01). 20-летие Баренцева Евро-Арктического сотрудничества: Сб. статей и материалов. С. 20.

Действительно, XXI в. с его глобализацией и ранее невиданными темпами развития технологических возможностей изменил традиционное представление о границах между государствами. Еще недавно, в начале 2000-х гг., учёные занимались изучением межгосударственных границ в трёх плоскостях: территория, гражданство и орган государственной власти. Но уже тогда высказывалась точка зрения, что границы бывают не только физические, но и символические. Так, например, учреждение Баренцева Евро-Арктического региона стало своеобразным ответом на имеющиеся трансграничные контакты на севере. Деятельность в рамках БЕАР способствовала возрождению и развитию международных связей «четырёх стран северо-западного угла Европы» и создало между ними благоприятную атмосферу сотрудничества⁵. На рубеже веков значительным образом укрепились научные контакты, нашедшие выражение в совместной деятельности историков Университета Тромсё и их российских коллег из Архангельска, Мурманска, Москвы и других городов Российской Федерации.

Всё это наилучшим образом вписывается в новое понятие «лимнология»⁶, принятое в последние десятилетия на вооружение специалистами, которые занимаются политической географией. Являясь междисциплинарной наукой, лимнология способна наиболее широко охватить весь спектр отношений в БЕАР, где присутствуют понятия культурных, цивилизационных, экономических, демографических и других границ. Данная наука определяет важность пограничных районов для культурной коммуникации между народами и нациями. Благодаря своей «многослойности», лимнология стала междисциплинарным направлением, рассматривающим отдельные регионы, которые существуют вне политической действительности, по принципу «мир без границ».

Ярким примером такой коммуникации, благодаря которой изучаются как государственные границы на разных этапах истории, так и политическое и социокультурное пространство приграничных территорий, а также развивающиеся на них политико-территориальные процессы, стало проведение крупной конференции по проблемам русско-норвежских отношений в Санкт-Петербурге в 2005 г. с последующим изданием сборника статей. Встреча была приурочена к открытию международной выставки «Россия-Норвегия: сквозь века и границы». Торжественно открытая генеральным консулом Норвегии в Санкт-

⁵ Миклебост К., Голдин В. II. Асимметричное соседство глазами историков: К 20-летию Киркенесской декларации. // Янтарный мост. 2013. № 1 (9). С. 42. URL: <http://ambbr.artinfo.ru:8008/userfiles/file/amberjournal/issue9/rus/06-sosedstvo.pdf> (24.12.2018).

⁶ Лимнология (от лат. *limes* 'граница') — научная дисциплина, изучающая природу и функции границ, приграничные территории (регионы), пограничные институты, а также приграничные процессы.

Петербурге Отто Мамелундом (2003–2008) конференция привлекла серьезное внимание российских и зарубежных СМИ.

В том же году увидел свет подготовленный усилиями российских и норвежских историков сборник «Россия-Норвегия: физические и символические границы». Его редакторами выступили д. и. н., сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) Татьяна Николаевна Джаксон и профессор Университета Тромсё (Арктического университета Норвегии) Йенс Петтер Нильсена (*Jens Petter Nielsen*)⁷.

В предисловии Т. Н. Джаксон и Й. П. Нильсен, указали, что глубокая разница в подходах к политическому устройству, несовпадение религий и наличие множества культурных барьеров по всей логике мироустройства должны были бы привести к конфликтам между двумя народами. Тем не менее российско-норвежское двухстороннее сотрудничество на Севере имело преимущественно мирный характер на протяжении многих столетий⁸.

К участию в сборнике были привлечены известные в своей области учёные из Норвегии, Дании, Великобритании и России. Скандинавию представляли Карстен Папе (*Carsten Pape*), Ларс Ивар Хансен (*Lars Ivar Hansen*), Эйнар Ниemi (*Einar Niemi*), Астри Андресен (*Astri Andresen*), Эрик Эгеберг (*Erik Egeberg*), Кари Мюклебуст (*Kari Myklebust*), Свен Хольтсмарк (*Sven Holtsmark*) и Ингрид Квальвик (*Ingrid Kvalvik*). Из российских учёных приняли участие В. В. Рогинский, Т. А. Шрадер, Р. В. Пересадило, А. В. Познанская, А. Ю. Юрченко, Т. П. Тетеревлева, А. А. Комаров и А. В. Репневский. Тематика статей сборника широка и охватывает периоды от раннего Средневековья и до 90-х гг. XX столетия. Авторы издания продемонстрировали, что в богатой разнообразием истории отношений между двумя народами границы могут становиться подвижными и пересекаться в различных плоскостях. Это, в частности, хорошо показывает открывающая сборник статья Й. П. Нильсена «Размышления о норвежско-русской границе и эволюции государственной границы в целом», которая посвящена теоретическим аспектам, анализу понятий *border* и *frontier*, а также динамике развития отношений, связанных с норвежско-русской границей сквозь века⁹.

Традиция, заложенная учёными в начале 2000-х, не прервалась. Благодаря деятельности историков в рамках регулярно-проводимых Киркенесских семинаров, возникла идея продолжить обсуждение вопросов российско-скандинавских отношений сквозь столетия и развить дискуссию о характере российско-норвежской границы. Первый семинар состоялся в 1999 г. в Мурманске и был посвящён истории

⁷ Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders / Ed. by T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005.

⁸ Preface // Ibid. P. 6.

⁹ *Nielsen J. P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Borders in General // Ibid. P. 7–16.*

международных отношений на Севере Европы. Следующий семинар, на котором учёные подняли волнующую тему сотрудничества и конфликтов в Арктике в XIX–XX вв., организовывался норвежской стороной и проходил в Киркенесе в 2002 г. Именно тогда возникла идея проводить встречи учёных на регулярной основе.

К активной деятельности были привлечены крупные научно-образовательные центры, институты и университеты Норвегии и России. География участников семинаров была весьма обширна. При этом важно отметить, что все города-участники (за исключением Москвы) представляли собой столицы административных областей, входящих в состав Евро-Арктического Баренц региона. Состоявшиеся в 2007 и 2009 гг. III и IV международные семинары закрепили традицию встреч учёных.

На V Киркенесском международном семинаре в Петрозаводске, который прошёл шесть лет спустя (в 2015 г.), снова собрались как учёные, ранее принимавшие участие во встречах, так и молодые специалисты, присутствие которых свидетельствовало о глубоком интересе к проблемам российско-норвежских проблем среди нового поколения скандинавистов. Выступая перед собравшимися, министр образования Республики Карелия и историк по образованию А. Н. Морозов подчеркнул необходимость углубленного изучения вопросов, касающихся российско-норвежских отношений в целом и проблемы границы в частности. Он выразил точку зрения, что границу нельзя рассматривать исключительно как линию, разделяющую народы. На границе происходит своеобразная «гуманитарная диффузия», выражающаяся в проникновении культур, обрядов, архитектуры, гуманитарных составляющих от одного народа к другому¹⁰.

V Киркенесский семинар придал новый импульс научным контактам. Именно тогда зародилась идея публикации на русском языке большой коллективной монографии по истории российско-норвежских отношений, к написанию которой были привлечены ведущие специалисты из обеих стран и которую издательство «Весь Мир» выпустило в свет в 2017 г. под названием «Сближение. Россия и Норвегия в 1814–1917 годах»¹¹.

¹⁰ «В ПетрГУ начал работу V Киркенесский международный семинар историков на тему “Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы”» [Электронный ресурс]. URL: <http://old.petsu.ru/print.html?action=preview&id=16298> (4.09.2018).

¹¹ Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Пер. с норв.; под ред. Й. П. Нильсена. М., 2017.

Непосредственно же по итогам встречи в Петрозаводске был подготовлен сборник статей «Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы», опубликованный в 2016 г.¹²

Сборник открывается статьёй профессора Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) А. М. Пашкова об историко-культурном наследии Русского Севера¹³. Благодаря творчеству деятелей русского искусства периода «серебряного века» для последующих поколений были открыты великие достояния русского деревянного зодчества, ставшие, как утверждает автор, важнейшим элементом русского национального самосознания¹⁴. Статья иллюстрирует наилучшие проявления историко-культурного наследия Европейского Севера России и подтверждает глубину взаимного проникновения в культуру населяющих регион народов.

Общий фон российско-норвежских отношений в XIX — начале XX в. представлен в статье к. и. н. А. С. Касиян¹⁵. Автор даёт характеристику двухсторонним отношениям и ставит перед собой задачу определить последствия возникновения в 1826 г. российско-норвежской границы.

Ряд учёных, занимающиеся русско-норвежской конвенцией 1826 г., обратили внимание на историографию вопроса. Так, в статье доцента В. В. Ефимовой на основании анализа двух работ директора Арктического центра стратегических исследований Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (САФУ) К. С. Зайкова отстаивается мнение, что в изучении истории заключения конвенции ставить точку пока еще рано¹⁶.

Той же позиции придерживается и известный норвежский учёный Й. П. Нильсен. Он значительно расширяет рамки интерпретации этой границы, которая, по его мнению, являлась результатом эволюции, характерной для Европы в целом, но в то же время в некоторых отношениях и отклонялась от общей закономерности. Автор особо подчёркивает, что «для небольшого государства широкая пограничная зона, или “ничейные” земли», могли стать источником беспокойства и конфликта, поэтому неопределенность в вопросе территориальной

¹² Россия и страны Северной Европы: физические и символические границы — Russia and the Countries of Northern Europe: Physical and Symbolic Borders: Сб. ст. V Киркенесского международного семинара историков / Редкол.: С. Г. Веригин и др. Петрозаводск, 2016. 183 с.

¹³ Пашков А. М. Пограничные столбы Русского мира: деревянная архитектура Поморья и ее изучение в период «серебряного века» // Там же. С. 16–25.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ Касиян А. С. Некоторые особенности российско-норвежских отношений на Севере в XIX — начале XX века // Там же. С. 60–69.

¹⁶ Ефимова В. В. К вопросу о степени изученности истории подготовки и заключения русско-норвежской Конвенции 1826 года о границе // Там же. С. 70–74.

протяжённости, продолжавшаяся в течение долгого времени, привносила в отношения двух соседей осторожность и определённое недоверие¹⁷.

В статье К. С. Зайкова представлен краткий обзор российских и европейских исследований по теме приграничья и, в частности, содержится полемический анализ упомянутой выше статьи В. В. Ефимовой. Кроме того, К. С. Зайков рассказывает об исторической традиции восприятия договора 1826 г. в Норвегии¹⁸.

Нельзя не отметить, что вопросы, касающиеся конвенции 1826 г., волновали учёных и ранее. В сборнике 2005 г. этой проблематике также было посвящено несколько исследований, в частности, сотрудника ИВИ РАН, профессора В. В. Рогинского, историка из Бергена Астри Андресен и историка из Кембриджа Мари Ишизука¹⁹.

Историографический обзор по ряду вопросов, связанных с развитием российско-норвежского сотрудничества в сфере исторических исследований, представил директор научно-образовательного центра «Международные отношения и арктическая политика России» на базе САФУ А. В. Репневский²⁰. Он перечислил позитивные моменты двадцатипятилетнего опыта двухстороннего сотрудничества историков на современном этапе взаимоотношений.

Отдельное внимание традициям в сфере локальной и региональной истории в Тромсё, Мурманске и Архангельске уделил докторант Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии У. Г. Андерссон (*O. G. Andersson*)²¹.

Историографический блок подытожили PhD, директор Баренц-института Университета Тромсё М. Н. Сулейм (*M. N. Soleim*) и д. и. н, доцент того же Баренц-института В. В. Тевлина. В продолжение темы, заданной коллегой из Архангельска профессором Репневским, В. В. Тевлина описала методы и особенности подготовки кадров-историков в Норвегии и России²², в то время как М. Н. Сулейм предложила краткий обзор исследований и научных обменов, касающихся приграничья,

¹⁷ Нильсен Й. П. Запоздалая, но стабильная... Норвежско-российская государственная граница 1826 года // Там же. С. 53–59.

¹⁸ Зайков К. С. История российско-норвежского пограничья в свете российской и европейской историографии // Там же. С. 75–90.

¹⁹ Roginsky V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge // *Russia — Norway*. P. 62–68; *Andresen A.* States demarcated — People Divided: the Skolts and the 1826 Border Treaty // *Ibid.* P. 80–94; *Isbizuka M.* Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites in 1826–1852 // *Ibid.* P. 95–104.

²⁰ Репневский А. В. 25 лет сотрудничества: вехи на пути к международному проекту «Асимметричное соседство: Норвегия и Россия 1814–2014» // *Россия и страны Северной Европы*. С. 163–174.

²¹ *Andersson O. G.* Local and Regional Historical Research in the Russian and Norwegian North: The Turn to the Border // Там же. С. 143–150.

²² Тевлина В. В. Исторические исследования, подготовка историков и межграницное сотрудничество: опыт России и Норвегии // Там же. С. 151–162.

с акцентом на партнеров не только в России, но и в США, Канаде и Финляндии²³. Задачей статьи было понять, какие возможности скрываются за практикой международного партнерства в этом направлении. В свою очередь, В. В. Тевлина постаралась исследовать системность в работе над международными изданиями с целью создания необходимых условий для успешной реализации совместных проектов в будущем.

Новаторской с точки зрения введения новых источников в научный оборот представляется статья доцента ПетрГУ И. А. Черняковой и главного специалиста издательства ПетрГУ О. В. Чернякова²⁴.

Проблемам урегулирования вопроса о советско-финской границе на завершающем этапе и после Второй мировой войны посвящены две статьи сборника, авторство которых принадлежит профессору, директору Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ С. Г. Веригину²⁵ и к. и. н., в. н. с., руководителю Центра истории Северной Европы и Балтии ИВИ РАН А. А. Комарову²⁶.

Статья доцента ПетрГУ Г. В. Чумакова посвящена главным образом деятельности Союзной контрольной комиссии в Финляндии в 1944–1945 гг. Автор даёт оценку роли председателя комиссии А. А. Жданова в деле подписания соглашения между СССР и Финляндией на завершающем этапе Второй мировой войны. Г. В. Чумаков не только затрагивает проблемы демаркации границы, но и уделяет особое внимание экономической составляющей отношений между двумя государствами-соседями. На основе документов Российского государственного архива социально-политической истории он показывает наличие у советских дипломатов заинтересованности в выстраивании прочных экономических связей с Финляндией задолго до подписания советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в апреле 1948 г.²⁷

Историки из Мурманска (доцент Института экономики В. А. Карелин) и начальник отдела истории Мурманского областного краеведческого музея (Е. А. Орехова) затронули важные темы, связанные с проблемой саамских сервитутов

²³ *Soleim M. N.* Knowledge Production and Capacity Building on the Social Science of Borderlands and the High North // Там же. С. 175–180.

²⁴ *Чернякова И. А., Черняков О. В.* (Не)известная старая карта как источник о состоянии российско-шведской границе в конце XVIII века // Там же. С. 34–52.

²⁵ *Веригин С. Г.* Демаркация советско-финляндской границы по мирному договору 12 марта 1940 г. (по источникам из фондов центральных российских архивов) // Там же. С. 118–124.

²⁶ *Комаров А. А.* К вопросу о восстановлении советско-норвежской границы в результате Второй мировой войны // Там же. С. 132–142.

²⁷ *Чумаков Г. В.* Деятельность А. А. Жданова в Финляндии на заключительном этапе Второй мировой войны // Там же. С. 125–131.

в истории российско-норвежских пограничных отношений начала XX в., а также понятием «граница» в отношении Мурманского берега²⁸.

В целом, появление двух сборников, которые разделяет целое десятилетие, свидетельствует о сложившихся академических традициях, заложенных учёными России и Норвегии в постбиполярную эпоху. Изучение различных аспектов жизнедеятельности друг друга, обмен знаниями и опытом в вопросах восприятия общих исторических тем, попытки взглянуть на исследовательские проблемы под разным углом зрения — всё это нашло отражение в двух представленных изданиях. В сборниках прослеживается научная преемственность: многие участники только начинали свой путь в качестве историков-скандинавистов в начале 2000-х гг., а в 2015 г. на V Киркенесском международном фестивале выступали уже признанными специалистами в своей области.

Постоянство в поддержании контактов, осуществляемое на протяжении многих лет историками Й. П. Нильсенем, А. А. Комаровым, С. Г. Веригиным, А. В. Репневским, В. В. Тевлиной, М. Н. Сулейм и многими другими, обеспечили как проведение семинаров и выход указанных сборников, так и способствовали развитию связей в гуманитарных области между Норвегией и Россией, доказывая своей работой эффективность «народной дипломатии».

Список литературы

Миклебост, К. Асимметричное соседство глазами историков : к 20-летию Киркенесской декларации / К. Миклебост, В. И. Годин // Янтарный мост. — 2013. — № 1 (9). — С. 40–47. — URL: <http://ambbr.artinfo.ru:8008/userfiles/file/amberjournal/issue9/rus/06-sosedstvo.pdf>. — (24.12.2018).

Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / пер. с норв.; под ред. Й. П. Нильсена. — Москва : Весь Мир, 2017. — 708 с.

²⁸ Карелин В. А. О проблеме саамских сервитутных прав в межпограничных отношениях России и Норвегии (1826 — начало XX века) // Там же. С. 91–102.; Орехова Е. А. Мурманский берег. Колонизация 1860–1940: границы реальные и символические // Там же. С. 103–107.

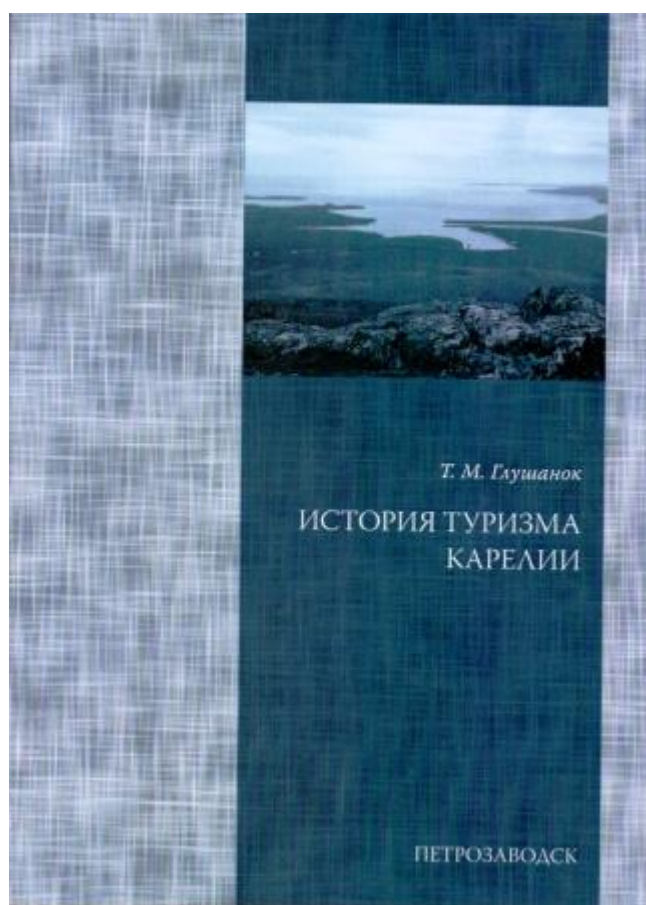
ОСИПОВ Александр Юрьевич / OSIPOV Aleksandr
Университет Восточной Финляндии / University of Eastern Finland
Финляндия, Йоэнсуу / Finland, Joensuu
alexander.osipov@uef.fi

**РЕЦ. НА КН.: Глушанок Т. М. История туризма Карелии. Петрозаводск:
Издательство ПетрГУ, 2018. 176 с.**

REVIEW OF: Glushanok T. M. *Istoriya turizma Karelii*
(Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2018), 176 p.

Ключевые слова / Keywords: Карелия, туризм, история / Karelia, tourism, history

«Лагерный туризм в карельских условиях является одним из лучших способов получения здорового отдыха», гласит «Краткий справочник для экскурсанта и туриста по Карелии» от 1931 г.¹ Этот ценный исторический документ был целиком опубликован в работе под многообещающим названием «История туризма Карелии», автором которой является профессор Института физкультуры, спорта и туризма ПетрГУ Т. М. Глушанок. Презентация книги в Национальной библиотеке Республики Карелия символично состоялась в канун Всемирного дня туризма, а многочисленные анонсы на различных информационных ресурсах сообщали о многолетнем опыте работы автора в туризме и «обширных архивных материалах», ставших основой исследования². Таким образом, рецензируемое издание является первым обобщающим трудом по истории туризма Карелии.

¹ Глушанок Т. М. История туризма Карелии. Петрозаводск, 2018. С. 167. Здесь и далее ссылки на соответствующие страницы рецензируемой книги даются прямо в тексте в скобках.

² Книга «История туризма Карелии» вышла в издательстве ПетрГУ // Республика [Электронный ресурс]. URL: http://rk.karelia.ru/social/culture/kniga-istoriya-turizma-karelii-vyshla-v-izdatelstve-petrgu/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (05.11.2018); Презентация книги «История туризма Карелии» // Портал Национальной библиотеки Республики Карелия

Первая глава «История путешествий в дореволюционной Карелии» неизбежно ставит перед читателем вопрос об определении термина «туризм»: что можно считать таковым, а что относится к научным экспедициям и паломническим миссиям? Смело отмечая во введении, что «история туризма как вида человеческой деятельности началась задолго до возникновения цивилизованного общества» (с. 4), автор считает необходимым упомянуть Рюрика, торговые пути новгородцев, плавно перейдя к событиям Великой Северной войны. Не упустив из виду приезд в Петрозаводск и на водопад Кивач Александра II (об этом событии говорится дважды), автор почему-то оставляет за рамками внимания путешествие по Карелии Александра I. Впрочем, визиты августейших особ не являются главной темой первой части работы.

В начале главы Т. М. Глушанок отмечает, что «путешественники и ученые, исследовавшие этот край, были первыми прототипами “туристов”, а их поездки можно считать познавательными, деловыми и паломническими турами» (с. 9). Таким образом, история этнографии и археологии, паломнические миссии и, разумеется, описание Выговской поморской пустыни становятся главным предметом исследования. Поэтому когда автор пишет, что «в это время начал развиваться просветительский период туризма» (с. 15), она имеет в виду экспедиции Н. Я. Озерецковского, К. И. Арсеньева и других учёных. Правда, ссылки даются почему-то не на оригинальные публикации. И вообще в большинстве случаев ссылки на использованные источники, к сожалению, совершенно отсутствуют. Между тем, сравните, например, кусок текста со с. 21 (слева) с фрагментами статьи с созданного усилиями сотрудников Карельского научного центра РАН и ПетрГУ сайта «Петроглифы Северной Фенноскандии»³:

<p>Интересная находка ждала его на мысе Бесов Нос восточного побережья Онежского озера. Местные жители показали ему странные, выбитые на скалах изображения зверей, людей и непонятных знаков.</p> <p>Центральной является фигура более чем двухметрового существа с</p>	<p>Самая интересная находка ждала его на Бесовом Носе. Местные жители показали ему странные выбивки на скалах. Это были изображения зверей, людей, непонятных знаков.</p> <p>Центральной фигурой было изображение более чем двухметрового</p>
--	---

[Электронный ресурс] URL: http://library.karelia.ru/anons/Prezentacija_knigi_Istorija_turizma_Karelii/ (05.11.2018).

³ Исследователи петроглифов [Электронный ресурс]. URL: <http://petroglyphs.ru/researchers/> (05.11.2018).

<p>квадратной головой, прямоугольным телом и раскинутыми руками и ногами. Крестьяне утверждали, что это изображение беса — хозяина здешних мест.</p> <p>Константину Ивановичу удалось выявить примерно 80 петроглифов на мысах Бесов Нос и Пери Нос. Экспедиционный отчет с краткой информацией о гравировках был представлен на сессии Академии наук в марте 1849 года.</p>	<p>существа с квадратной головой, прямоугольным телом и раскинутыми руками и ногами. Крестьяне утверждали, что это изображение беса, хозяина здешних мест.</p> <p>К. Гревингу удалось выявить примерно 80 петроглифов на мысах Бесов Нос и Пери Нос. Экспедиционный отчет с краткой информацией о гравировках был представлен на сессии Академии Наук в марте 1849 г.</p>
--	---

Первым упоминанием в работе о туризме в современном смысле слова, по всей видимости, можно считать приводимое на с. 27 объявление об организации туров в Карелию для рыбалки и охоты в 1913 г. Наряду со взятой из статьи журналиста В. Верхоглядова обширной (более страницы) цитатой с описанием пути из Санкт-Петербурга в Петрозаводск и посещения водопада Кивач (с. 31–32), это, пожалуй, единственные в первой главе пассажи о собственно туризме. С другой стороны, из той же главы читатель узнаёт о «неоценимом вкладе в популяризацию красот Карелии» Н. К. Рериха (с. 33, 34). К сожалению, неаккуратное заимствование играет с автором злую шутку: «Интерес Рериха к Северу был продиктован желанием разыскать и сохранить исконные знания наших предков. Он живо интересовался изучением древнего магического искусства, существование которого в стародавние времена связывалось именно с северными территориями России, когда ковался особый дух, когда народ и природа жили вместе. В это же время художник проявил интерес к старинным храмам, подчёркивая своеобразие местной настенной живописи: фантастические орнаменты, птицы, звери напоминали ему наскальные рисунки Севера» (с. 33–34). В действительности приведённый фрагмент взят, очевидно, не из первоисточника, то есть монографии Е. Г. Соини «Николай Рерих и Север»⁴ (хотя чуть ниже ссылка даётся именно на неё), а с сайта <https://lady.webnice.ru>⁵. В оригинале говорится исключительно о финских храмах, финской культуре и варяжском вопросе, а не о красотах Карелии.

На этом период интересных находок не заканчивается, и в разделе, посвящённом истории старообрядчества в Карелии, вновь обнаруживаются

⁴ Соини Е. Г. Николай Рерих и Север. Петрозаводск, 1987.

⁵ Николай Рерих: жизнь и творчество в Карелии [Электронный ресурс]. URL: <https://lady.webnice.ru/blogs/?v=12900> (05.11.2018).

любопытные совпадения. Теперь речь идёт о курсовой работе безвестной ученицы Университетского лицея г. Петрозаводска, которая использовала хранящуюся в НАРК (Национальном архиве Республики Карелия) записку чиновника Смирнова⁶ о расколе в Олонецкой губернии:

<p>Старообрядцы поповской и беспоповщинской сект отделились от православной церкви со времен правления патриарха Никона, а именно в 1667 году, когда правительство взялось за исправление церковных книг и обрядов. С того времени Олонецкая губерния стала колыбелью и театром действий последователей старообрядчества... (с. 38).</p>	<p>Как известно, старообрядцы поповской и беспоповщинской сект отделились от православной церкви со времен правления патриарха Никона, а именно в 1667 году, когда правительство взялось за исправление церковных книг и обрядов. С того времени Олонецкая губерния стала колыбелью и театром действий последователей старообрядчества⁷.</p>
--	---

После этого отрывка ученица лицея ссылается на архивное дело из ЦГАРК — Центрального государственного архива Республики Карелия, который в 1998 г. был переименован в НАРК. Стоит пояснить, что курсовая датирована 1997 г. Вот только профессор Глушанок в работе 2018 г. также ссылается на ЦГАРК, хотя в остальных сносках верно указывает название архива. Впрочем, к документам из НАРК мы ещё вернёмся, а сейчас обратимся к очередному отрывку из обоих источников:

<p>Вторая часть часовни называлась трапезою и была разделена продольной перегородкой для мужчин и женщин (образа здесь ставились редко). И наконец, третье отделение или преддверие часовни. Оно устраивалось со стеклянным окном — для мирских или зрителей, то есть для тех людей, которые не были староверами, но могли бы подробно видеть весь процесс</p>	<p>Вторая часть часовни называлась трапезою и была разделена продольной перегородкой для мужчин и женщин (образа здесь ставились редко). И, наконец, третье отделение или преддверие часовни. Оно устраивалось со стеклянным окном — для мирских или зрителей, то есть для тех людей, которые не были староверами, но могли бы подробно</p>
--	---

⁶ П. С. Смирнов является также автором ряда работ по истории русского старообрядчества.

⁷ Старообрядчество в Олонецкой губернии в середине 19-ого века: Курсовая работа. Петрозаводск, 1997. URL: <http://refu.ru/refs/70/16846/1.html> (05.11.2018). Курсовую работу можно найти и на других сайтах. Например, здесь: URL: <http://mirznanii.com/a/317907/staroobryadchestvo-v-olonetskoy-gubernii> (05.11.2018). Здесь и далее пунктуация и орфография автора сохранены.

старообрядческого служения. В середине моленной на аналое лежало большое Евангелие в малиновом или зеленом бархате. Наставники или наставницы становились обычно перед аналоем и начинали службу вместо священника, а певцы и певицы пели утрени, вечерни и молебны по старинным нотам. Во время служения иногда наставник или пономарь брали ручные медные кадила и кадили росным ладаном все иконы и кресты единоверцев, собравшихся на молеенье. Мужчины во время молений всегда были одеты в длинные кафтаны без кушаков, а женщины — в темно-синие сарафаны. Их головы с распущенными волосами были покрыты большими темного цвета платками, девушки же были с перевязанными, но не заплетенными волосами. У каждого из староверов в руках были лестовка и подручник (с. 39, 40).

видеть весь процесс старообрядческого служения. В середине моленной на налое лежал большое Евангелие в малиновом или зеленом бархате. Наставники или наставницы становились обычно перед налоем и начинали службу вместо священника, а певцы и певицы пели утрени, вечерни и молебны по старинным нотам. Во время служения иногда наставник или пономарь брали ручные медные кадила и кадили рослым ладаном все иконы и кресты единоверцев, собравшихся на молеенье. Мужчины во время молений всегда были одеты в длинные кафтаны без кушаков, а женщины — в темно-синие сарафаны. Их головы, с распущенными волосами, были покрыты большими темного цвета платками, девушки же с перевязанными, но не заплетенными волосами. У каждого из старовера в руках были листовка и подручник⁸.

В реферате ссылка на источник не указана, хотя и очевидна, а вот в работе Т. М. Глушанок она есть и отправляет читателя к тезисам конференции «Выговская поморская пустынь», состоявшейся в Петрозаводске в 1994 г.⁹ Однако в действительности эту информацию в сборнике не найти.

Название первой главы «История путешествий в дореволюционной Карелии» логично разграничивает периоды развития туризма, но во второй главе речь опять идёт о событиях 1900–1910-х гг. Более того, анализ текста снова показывает его удивительное сходство на этот раз с работой доцента Ярославского госуниверситета Ю. Г. Саловой, «Памятники истории и культуры в экскурсионной практике начала XX в.»:

⁸ Там же.

⁹ Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры: Тез. докл. междунар. науч. конф. (13–17 сент. 1994) / Редкол.: А. Н. Амозова, А. М. Папков, А. В. Пигин. Петрозаводск, 1994.

<p>Поддержка экскурсионных начинаний учительства России в 90-х годах XIX века позволила вести экскурсионную работу относительно планомерно. И в начале XX века при Министерстве народного просвещения была создана Комиссия по организации экскурсий для учащихся и учащихся средних учебных заведений, которая должна была координировать работу учебных заведений. Комиссия, считая экскурсии эффективной формой приобретения знаний и средством патриотического воспитания, разработала типологию экскурсий (географические, естественно-исторические, исторические), предписывала учителям организовывать экскурсии как на дальние расстояния, многодневные, так и ближние, рассчитанные на один день (с. 42).</p>	<p>С 90-х годов XIX века государство стало поддерживать экскурсионные начинания учительства, что позволило вести экскурсионную работу относительно планомерно. В начале XX века координировать работу учебных заведений стала созданная по решению Министерства народного просвещения Комиссия по организации экскурсий для учащихся и учащихся средних учебных заведений Московского округа. Одним из направлений деятельности Комиссии стала разработка типологии экскурсий. Ею предписывалось, что учителя могут организовывать как экскурсии на дальние расстояния, многодневные, так и ближние, рассчитанные на один день. Кроме того, Комиссия определила, что экскурсии могут быть географическими, естественно-историческими, историческими¹⁰.</p>
--	---

Абзац на той же странице, начинающийся со слов «Определенную роль в развитии ученических экскурсий сыграл введенный 9 марта 1902 года специальный тариф № 6900», также приводится без ссылки на первоисточник, которым, по видимости, является работа Г. П. Долженко «История туризма в дореволюционной России и СССР», ставшая одной из первых в своем жанре¹¹. Вбейте эту фразу в поисковик и вы удивитесь, насколько широким тиражом она разошлась по просторам интернета. То же замечание относится к с. 44–45. А на следующей странице читатель узнает о «непрерывных военных действиях на значительной территории Карелии», связанных с реализацией идеи Великой

¹⁰ Салова Ю. Г. Памятники истории и культуры в экскурсионной практике начала XX века (на примере деятельности Ярославской экскурсионной комиссии) // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / Гл. ред. Г. В. Судаков; сост. С. А. Тихомиров. Вологда, 2007. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/4_08.htm (05.11.2018).

¹¹ Долженко Г. П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов, 1988.

Финляндии. Впрочем, из текста не вполне понятно велись ли они с 1917 по 1930 гг., либо начались до 1918 г.

Во введении автор дважды отмечает трудности при поиске источников, чем, вероятно, объясняется ссылка на такие авторитетные ресурсы, как <https://ptzgovorit.ru> и <http://рустрана.рф>. Поэтому первоначальное знакомство со второй главой, содержащей ссылки на материалы НАРК и газету «Карело-Мурманский край», обнадеживает. Однако внимательное изучение раздела, посвящённого истории развития туризма в 1920–30-е гг., демонстрирует его невероятное совпадение с комплексом источников, использованным преподавателем ПетрГУ К. В. Шафранской в статье «Краеведческий опыт развития туризма в Карелии в 1920–30-е гг.», опубликованной в 2011¹². Следует отметить, что сноска на К. В. Шафранскую всё-таки приводится, но ошибочная, на другую статью автора. Сравните отдельные части работ Т. М. Глушанок и К. В. Шафранской:

<p>Экскурсанты получали возможность посетить разнообразные объекты города: Онежский металлургический и механический завод, радиостанцию, телеграф, электростанцию, рентгеновский кабинет Мурманской железной дороги, типографию имени Анохина, столярную фабрику, пивоваренный завод, Дворец труда, Публичную библиотеку, места дислокации егерского батальона. Приезжим предлагали за небольшую плату, в размере 30 копеек в сутки, размещение в помещении школы № 3 и педагогического техникума, с «предоставлением бесплатной постели и кипятка» (с. 54).</p>	<p>Далее экскурсанты получали возможность посетить разнообразные объекты города: Онежский металлургический и механический завод, радиостанцию, телеграф, электростанцию, рентгеновский кабинет Мурманской железной дороги, типографию имени Анохина, столярную фабрику, пивоваренный завод, Дворец труда, Публичную библиотеку, места дислокации егерского батальона. Приезжим предлагали за небольшую плату, в размере 30 коп. в сутки, размещение в помещении школы № 3 и педагогического техникума с «предоставлением бесплатной постели и кипятка»¹³.</p>
--	--

¹² Шафранская К. В. Краеведческий опыт развития туризма в Карелии в 1920–30-е гг. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. №5. С. 24–27. URL: <http://uchzap.petrso.ru/files/n118.pdf> (05.11.2018).

¹³ Там же. С. 25.

<p>При приеме больших групп туристов возникали различные проблемы, которые приводили к уменьшению или даже срыву некоторых экскурсий из-за отсутствия или недостаточного качества питания, размещения, доставки до места назначения (с. 54).</p>	<p>Основные проблемы при приеме больших групп въездных туристов состояли в отсутствии или недостаточном качестве инфраструктуры — питание, размещение, доставка до места назначения. Данные недостатки приводили к уменьшению или даже срыву некоторых экскурсий...¹⁴</p>
<p>Для организации экскурсий использовались моторные лодки спасательной базы «Спартак», а также пароходы «Роза Люксембург» и «Кудома», предоставлявшие льготный проезд для экскурсий численностью более 10 человек (с. 55).</p>	<p>Для перемещения экскурсий использовались моторные лодки спасательной базы «Спартак», а также пароходы «Роза Люксембург» и «Кудома», предоставлявшие льготный проезд для экскурсий численностью более 10 человек¹⁵.</p>
<p>В экскурсии часто внедрялись передовые элементы интерактивности, благодаря чему туристы получали возможность не только ознакомиться, например, с деревенским бытом, но и поучаствовать в подготовленных фольклорно-этнографических вечерах (с. 57).</p>	<p>В экскурсии часто внедрялись передовые элементы интерактивности, благодаря чему туристы получали возможность не только ознакомиться, например, с деревенским бытом, но и поучаствовать в подготовленных фольклорно-этнографических вечерах¹⁶.</p>
<p>Основные туристические маршруты Карелии 1920–30-х гг. разрабатывались в специально созданном для этого структурном подразделении Наркомата просвещения АКССР — Экскурсионном бюро. Деятельностью Бюро руководил</p>	<p>Разработка туристских маршрутов Карелии велась при республиканском правительстве в специально созданном структурном подразделении — экскурсионном бюро Наркомата просвещения АКССР (далее НКП). Бюро возглавлял ведущий краевед,</p>

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 26.

¹⁶ Там же.

<p>директор Карельского музея, краевед Степан Андреевич Макарьев (1895–1937) (с. 58).</p> <p>Степан Андреевич Макарьев... вдохновителем и создателем первых туристских и экскурсионных маршрутов по Карелии (с. 61).</p> <p>К 1927 году на территории, прилегающей к водопаду, были построены гостиница с буфетом, барак, предназначенный для отдыха и ночлега экскурсантов со скромным достатком, которые не сохранились до наших дней (с. 59).</p>	<p>с 1928 года — директор Карельского музея Степан Андреевич Макарьев (1895–1937), являвшийся вдохновителем и создателем первых туристских и экскурсионных маршрутов по республике¹⁷.</p> <p>К 1927 году на территории, прилегающей к водопаду, завершилось строительство гостиницы с буфетом, а также барака, предназначенного для отдыха и ночлега экскурсантов со скромным достатком¹⁸.</p>
--	--

Совпадения с текстом статьи К. В. Шафранской встречаются и далее — на с. 65 и 66, ссылки при этом даны как на архивные документы, так и на электронные ресурсы.

Отдельно следует сказать о логике повествования. Как, например, создание Карело-Финской ССР способствовало положительной динамике спроса на туристские услуги (с. 67–68)? Какое значение для развития туризма имел статус финского языка в республике (с. 68)? Как соотносится вывод второй главы о выходе Карелии на новый этап массового туризма и достижения профессиональных спортсменов (с. 73)?

Третья глава работы «Эпоха профсоюзного туризма» посвящена преимущественно деятельности Центрального совета по туризму и экскурсиям, который являлся структурным профсоюзным подразделением. По сложившейся традиции главу открывают обширные цитаты из Г. П. Долженко, отсылающие читателя почему-то к сборнику постановлений ВЦСПС (Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов) (с. 74). Далее, описывая деятельность Бюро международного молодежного туризма «Спутник», автор ссылается на документы РГАСПИ (Российского государственного архива социально-политической истории). По исключительному стечению обстоятельств те же документы легли в основу изданной в 2010 г. статьи профессора НИУ ВШЭ И. Б. Орлова. Тексты обеих работ приводятся ниже:

¹⁷ Там же. С. 25.

¹⁸ Там же.

<p>Руководство БММТ «Спутник» исходило из того, что молодежь нуждается в недорогих путевках и «может обойтись без излишнего комфорта при обслуживании» в поездках, гостиницах и столовых. Поэтому в целях удешевления стоимости обслуживание приезжающих туристов организовывалось проще, чем в «Интуристе». При этом для иностранных и советских туристов были распространены льготы: 50%-е скидки на проезд по железным дорогам СССР и 75%-е скидки на госпошлину за выдачу загранпаспорта. Для иностранных туристов из капиталистических стран средняя стоимость поездки по СССР, включая транспортные расходы, составляла в среднем 7 долларов в день (с. 78–79).</p>	<p>Руководство «Спутника» исходило из того, что молодежь (в том числе зарубежная) нуждается в недорогих путевках и «может обойтись без излишнего комфорта при обслуживании», в поездках, гостиницах и столовых. Поэтому в целях удешевления стоимости обслуживание приезжающих туристов организовывалось проще, нежели в «Интуристе». ... При этом деятельность новой туристской организации предусматривала систему льгот для иностранных и советских туристов и, прежде всего, 50% скидки на проезд по железным дорогам СССР и 75% скидки с госпошлины за выдачу загранпаспорта. Начиная с 1958 г., для иностранных туристов из капиталистических стран средняя стоимость поездки по СССР, включая транспортные расходы, составляла в среднем 7 долларов в день¹⁹.</p>
---	---

Развитие туризма в Карелии в 1970–80-е гг. известно Т. М. Глушанок не понаслышке. Очевидно, этим можно объяснить полное отсутствие сносок с 97-й по 113-ю и с 119-й по 126-ю страницы. Впрочем, имеющийся научно-справочный аппарат в избытке снабжает читателя такими сведениями, как «по воспоминаниям ветеранов отрасли» (с. 82), «по материалам республиканских газет “Ленинская правда” и “Комсомолец”» (с. 91), «по материалам Республиканского центра детского и юношеского туризма» (с. 96). Подобное обращение с источниками, то есть отсутствие каких бы то ни было ссылок, характерно и для иллюстраций, которыми книга чрезвычайно богата. Так, например, читатель имеет возможность увидеть

¹⁹ Орлов И. Б. Бюро международного молодежного туризма «Спутник»: между «Спиной идеологии» и «Харибдой прибыли» // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2010. Вып. X. С. 142–154. URL: https://www.hse.ru/data/2011/09/17/1208051459/БММТ_Спутник.pdf (05.11.2018).

картину Д. А. Налбандяна «Сталин, Киров и Ворошилов на Беломорканале», герб КФССР, участников похода Т. Антикайнена и символы Олимпиады-80.

Третья глава работы наиболее полно отражает её компилятивный характер. Хронологический метод изложения материала, выбранный автором, работает не в полной мере, и главной причиной этого являются не только растянутые временные рамки, но и отсутствие структуры внутри каждой из глав. В результате читатель погружается в чересполосицу из региональных и центральных событий; разрозненных данных о въездном и выездном туризме; сведений о развитии молодежного, детского и спортивного направлений; истории структуры туристских организаций и, по всей видимости, личных впечатлений автора. Статистика посещения Карелии туристами приводится выборочно, в ней не прослеживается динамика и поэтому она выглядит бессистемно. В работе отмечается наибольший поток туристов из Финляндии, однако нет даже упоминания о теневой стороне туризма. Также не работает и список персоналий, приведённый в качестве приложения, хотя интервью с людьми, работавшими в сфере туризма в 1960-х гг. по настоящее время, могли бы стать ценным источником.

Проблемы, перечисленные выше, характерны и для завершающей главы, сюрреализм которой зашкаливает: «Известной и популярной выставкой стала “Matka” (Хельсинки, Финляндия), на которой, кроме стран Европы, участвовали Африка, Азия, Южная и Северная Америка, Мозамбик, Гамбия, Мали; возобновили свое участие Эфиопия, Намибия и Карибские острова» (с. 121). Такой подход заставляет вспомнить довластовский «Компромисс первый» и проблему перечисления стран-участниц конференции.

Не утомляя вновь читателя перечислением заимствованных фрагментов (а их более чем достаточно), отмечу лишь некоторые вопросы, которые возникают при чтении рецензируемой работы, но, к сожалению, остаются без ответов. Как осуществлялась преемственность институтов туризма после распада СССР? В чём суть упоминаемого автором кластерного подхода и как происходило его применение? Какова была роль Европейского Союза, Финляндии и проектов TACIS, SVC и пр. в развитии туризма? Что такое «гостевой» туризм? Почему не приводится статистика посещений республики с разбивкой по видам туризма? Какова роль туризма в экономике РК в 1990–2010-е гг.? Почему в качестве заключения приводится анализ программы развития туризма по монографии 2008 г.²⁰, хотя в тексте есть упоминания более новых концепций?

Стоит признать, что история туризма в Карелии довольно слабо представлена в научной литературе, и рецензируемая работа должна была восполнить этот пробел. Однако, к сожалению, огромный пласт источников, содержащийся в фондах НАРК, остался без внимания автора. Речь идёт о документах

²⁰ Управление развитием туризма в регионе. Опыт реализации Стратегии Республики Карелия / Ред. Ю. В. Савельев, О. В. Толстогузов. Петрозаводск, 2008. URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2008/upravl_turizm.pdf (05.11.2018).

Госкомтуризма, Госкомитета по физической культуре, спорту и туризму, Карельского облсовета по туризму и экскурсиям и др. Современные монографии по проблемам въездного и выездного туризма в СССР, истории туристских организаций и истории туризма в целом также не нашли отражение в работе Т. М. Глушанок²¹. Поэтому утверждение автора, что первая попытка «не в полной мере раскрывает глубину и значимость происходивших событий» близко к истине (с. 8).

Список литературы

Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры : тез. докл. междунар. науч. конф. (13–17 сент. 1994) / редкол.: Л. Н. Амозова, А. М. Пашков, А. В. Пигин. — Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 1994. — 119 с.

Долженко, Г. П. История туризма в дореволюционной России и СССР / Г. П. Долженко. — Ростов : Издательство Ростовского университета, 1988. — 192 с.

Квартальнов, В. А. Туризм: история и современность : избранные произведения : В 4-х т. / В. А. Квартальнов. — Москва : Финансы и статистика, 2002. — Т. I. Кн. 1. Туризм — феномен XX века; Кн. 2. Социальный туризм; Кн. 3. Иностраный туризм. — 500 с.

Орлов, И. Б. Бюро международного молодежного туризма «Спутник»: между «Сциллой идеологии» и «Харибдой прибыли» / И. Б. Орлов // Проблемы российской истории. Москва ; Магнитогорск : ИРИ РАН, МаГУ, 2010. — Вып. X. — С. 142–154. — URL: https://www.hse.ru/data/2011/09/17/1208051459/БММТ_Спутник.pdf. — (05.11.2018).

Орлов, И. Б., Попов, А. Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991 / И. Б. Орлов, А. Д. Попов. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. — 360 с.

Орлов, И. Б., Попов, А. Д. See USSR! Иностраные туристы и призрак потемкинских деревень / И. Б. Орлов, А. Д. Попов. — Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. — 485 с.

²¹ Приведу лишь некоторые работы для примера: Квартальнов В. А. Туризм: История и современность: Избранные произведения: В 4-х т. М., 2002. Т. I. Кн. 1. Туризм — феномен XX века; Кн. 2. Социальный туризм; Кн. 3. Иностраный туризм; Орлов И. Б., Попов А. Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. М., 2016; Их же. See USSR! Иностраные туристы и призрак потемкинских деревень. М., 2018; Усыскин Г. С. Очерки истории российского туризма. М., СПб., 2000; Хохлов А. Н. «Спутник». Пятьдесят лет на орбите туризма. М., 2008.

Сойни, Е. Г. Николай Рерих и Север / Е. Г. Сойни. – Петрозаводск : Карелия, 1987. – 168 с.

Салова, Ю. Г. Памятники истории и культуры в экскурсионной практике начала XX века (на примере деятельности Ярославской экскурсионной комиссии) / Ю. Г. Салова // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков; сост. С. А. Тихомиров. — Вологда: Книжное наследие, 2007. — URL: https://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/4_08.htm. — (05.11.2018).

Старообрядчество в Олонецкой губернии в середине 19-ого века: курсовая работа. — Петрозаводск, 1997. — URL: <http://refu.ru/refs/70/16846/1.html>. — (05.11.2018).

Управление развитием туризма в регионе. Опыт реализации Стратегии Республики Карелия / ред. Ю. В. Савельев, О. В. Толстогузов. — Петрозаводск: Издательство Карельского научного центра РАН, 2008. — 141 с. — URL: http://resources.krc.karelia.ru/krc/doc/publ2008/upravl_turizm.pdf. — (05.11.2018).

Усыскин, Г. С. Очерки истории российского туризма / Г. С. Усыскин. — Москва, Санкт-Петербург: Герда, 2000. — 219 с.

Хохлов, А. Н. «Спутник». Пятьдесят лет на орбите туризма / А. Н. Хохлов. — Москва: ЗАО «Спутник», 2008. — 256 с.

Шафранская, К. В. Краеведческий опыт развития туризма в Карелии в 1920–30-е гг. / К. В. Шафранская // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2011. — № 5. — С. 24–27. — URL: <http://uchzap.petrstu.ru/files/n118.pdf>. — (05.11.2018).

БИБЛИОГРАФИЯ
BIBLIOGRAPHY

ЧИКИНА Наталья Валерьевна / CHIKINA Natalia

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук / Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

tchikina@krc.karelia.ru

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ 2002*

CHRONICLES OF THE LITERARY LIFE OF KARELIA 2002

Abstract: With this issue we resume the publication of the *Chronicles of the Literary Life of Karelia* that had been published until 2011. This issue is structured similarly to the previous editions. It starts with the literary events chronicle, after which a list of the books and articles published in the Finnish, Karelian, and Veps languages follows. A distinctive feature of the issue is that it has been compiled from the national periodicals published in the Republic of Karelia: the magazines *Carelia* and *Kipinä*, and the newspapers *Karjalan Sanomat*, *Oma Mua*, *Vienan Karjala*, *Kodima*.

Ключевые слова / Keywords: Литература Карелии, финский язык, карельский язык, вепсский язык / Literature of Karelia, Finnish language, Karelian language, Veps language

Настоящая «Летопись литературной жизни Карелии 2002» является продолжением ранее выпущенных «Летописей», которые содержат публикации с 1917 по 2001 гг.¹ Отличительной особенностью данной «Летописи» является то, что в ней представлен анализ и перечень публикаций, выполненный только на основе национальной периодической печати Республики Карелия. Источниковую базу в 2002 г. составили журналы «*Carelia*» и «*Kipinä*», газеты «*Karjalan Sanomat*», «*Oma Mua*», «*Vienan Karjala*» и «*Kodima*».

Принцип отбора и систематизация материалов в данном выпуске в основном остаётся прежним. Раздел «Хроника литературной жизни» выполнен на русском

* Исследование выполнено в рамках проекта «Реализация этнонациональной политики в Карелии в XX–XXI веках на фоне меняющейся информационной среды региона». Регистрационный номер: АААА-А18-118020990109-0; Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (АААА-А18-118030190091-5).

¹ Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961) / Сост. М. Ф. Пахомова и Н. С. Полищук. Петрозаводск, 1963; Летопись литературной жизни Карелии (1962–1966) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1968; Летопись литературной жизни Карелии (1967–1971) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1974; Летопись литературной жизни Карелии (1972–1976) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1978; Летопись литературной жизни Карелии (1977–1981) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова. Петрозаводск, 1984; Летопись литературной жизни Карелии (1982–1986) / Сост. Е. И. Такала и Х. П. Кабанова, Н. А. Прушинская. Петрозаводск, 1989; Летопись литературной жизни Карелии (1987–1991) / Сост. Н. А. Прушинская, О. П. Кошкина, Э. П. Кемпинен. Петрозаводск, 1994; Летопись литературной жизни Карелии (1992–1996) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2010; Летопись литературной жизни Карелии (1996–2001) / Сост. Н. В. Чикина, О. П. Кошкина. Петрозаводск, 2011.

языке и содержит краткое описание литературных событий (съездов, конференций, праздников, зарубежных контактов и т. д.); раздел «Библиография» даёт перечень оригинальных и переводных произведений художественной литературы, фольклора, детской литературы, литературы Финляндии в переводах на карельский язык, работ по критике, литературоведению и фольклористике, опубликованных в отдельных и периодических изданиях. Литературные материалы публикуются и приводятся в библиографии на финском, карельском и вепсском языках.

При составлении «Летописи» были использованы фонды Научной библиотеки Карельского научного центра РАН, архив издательства «Периодика». Все публикации просмотрены *de visu*. Использовано упрощенное библиографическое описание на основе ГОСТ 7.1–2003.

Данной публикацией «Летописи» мы возобновляем работу по ведению библиографии в секторе литературоведения Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. С момента выхода последнего выпуска «Летописи литературной жизни Карелии (1996–2001)», охватывающего пятилетний период, прошло семь лет, а разрыв в описании материала составляет 17 лет. «Летопись литературной жизни Карелии» не только позволяет проанализировать количество и качество публикаций, но и является хорошей иллюстрацией истории национальных литератур республики.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ

Названы имена 100 лауреатов 2001 года Республики Карелия. Среди них редактор отдела прозы журнала «Север» Раиса Мустонен, поэт Елена Николаева, председатель Карельского союза писателей Марат Тарасов. (Vienan Karjala. — 2002. — 10. tammik.).

8 января в выставочном зале Карельской филармонии состоялась презентация книги «Руна о моем Тяжбуммаше» петрозаводского поэта Виктора Федорова. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 12. tammik. — S. 14).

18 января в Национальной библиотеке Республики Карелия состоялся вечер памяти О. Тихонова (1932–2001), которому в этом году исполнилось бы 70 лет. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 19. tammik. — S. 7).

27 января в Центре национальных культур состоялся вечер памяти В. Брендоева, на котором прозвучали стихи поэта, а также песни, написанные на его произведения в исполнении народного хора «*Oma rajo*» и фольклорной группы «*Ploine*». (Oma Muu. — 2002. — 24, 31. pakkask.; Vienan Karjala. — 2002. — 14. helmik.; Kodima. — 2002. — № 2 (uhok)).

1 февраля в здании Союза писателей Карелии состоялось собрание поэтов и прозаиков, пишущих на карельском языке, на котором обсуждали творчество

К. Алексеевой. В разговоре приняли участие И. Савин, А. Коппалов, Т. Щербакова и другие. (Oma Mua. — 2002. — 7. tuhuk.).

28 февраля по 9 апреля в Республике Карелия Министерством культуры и Республиканским центром национальных культур проводился «Калевальский марафон», посвящённый традиционному Дню Калевалы и 200-летию со дня рождения фольклориста, поэта, учёного Элиаса Лённрота. В течение этого времени на разных площадках города Петрозаводска и республики прошли праздники «Калевалы», выставки, концерты для детей и взрослых, балет «Сампо» и многое другое. (Oma Mua. — 2002. — 7. kevätк.; 11. sulak.; Vienan Karjala. — 2002. — 28. tuiskuk.; 14. kevätк.; Kodima. — 2002. — № 3 (keväs'k.)).

1 марта исполнилось 75 лет Юрию Николаевичу Башнину — доценту кафедры русской и зарубежной литературы Карельского государственного педагогического института, кандидату филологических наук. (Kodima. — 2002. — № 2 (uhok.)).

В первую неделю марта в пос. Мелиоративный прошла «Неделя карельского языка», приуроченная к 200-летию Э. Лённрота. (Oma Mua. — 2002. — 7. kevätк.).

21 марта в Карельской государственной филармонии состоялась презентация антологии писателей Баренц-региона «Здесь начинаются дороги», в которую вошли произведения 150 поэтов и прозаиков из Швеции, Финляндии, Норвегии и России. Делегацию писателей литературного центра Баренц-региона представлял шведский писатель Б. Похьёнен. Свои стихи на презентации прочитал вепсский поэт Н. Абрамов. (Oma Mua. — 2002. — 28. kevätк.; 11. sulak.; Kodima. — 2002. — № 3 (keväs'k.)).

В конце марта на факультете Прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского государственного университета состоялась встреча с известными переводчиками «Калевалы» на русский язык Э. Киуру и А. Мишиным, на которой они беседовали об Э. Лённроте, «Калевале» и о том, как рождаются стихи. Во встрече принял участие и преподаватель университета Е. Богданов, известный под поэтическим именем Э. Якобсон. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 6. huhtik. — S. 8).

18–20 апреля в шведском городе Умая прошел фестиваль детской книги писателей Баренц-региона. Карелию на нем представляли четыре писателя Игорь Востряков, Дмитрий Вересов, Елена Кирсанова и Татьяна Мешко. (Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 148–151).

23 апреля в Национальной библиотеке Республики Карелия подвели итоги республиканского конкурса «Книга года — 2001». В номинации «Лучшая книга года» победителем признано издательство Петрозаводского государственного университета за книгу В. Кузнецовой и К. Логинова «Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX вв.)». Эта же работа получила первую премию в номинации «Лучшее художественное оформление издания». В номинации «Лучшая книга для детей» награду получило издательство «Периодика» за книгу

И. Вострякова «Учебник по вранью, или как тренировать воображение». (Karjalan Sanomat. — 2002. — 27. huhtik. — S. 7; Oma Mua. — 2002. — 1. orask.; Vienan Karjala. — 2002. — 25. sulak.; Kodima. — 2002. — № 5 (semendk.)).

25 апреля в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН состоялся вечер памяти археолога и писателя А. Линевского, посвящённый 100-летию юбилею учёного. (Oma Mua. — 2002. — 1. orask.).

15 мая в Большом театре г. Москвы петрозаводскому поэту Олегу Гальченко была вручена международная премия «Филантроп», утверждённая в 1998 г. и вручаемая раз в два года. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 9. toukok. — S. 9).

24–26 мая в г. Гатчина Ленинградской области состоялся съезд ингерманландских писателей, на который прибыли бывшие жители Карелии, ныне проживающие в Финляндии, Т. Тупин и П. Мутанен, известный пастор, поэт и певец А. Сурво, Э. Олла (Тампере) и исследователь Х. Миеттинен. От Карелии на съезде выступили Э. Киуру, Р. Коломайнен и А. Мишин. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 8. kesäk. — S. 8).

С 28 мая по 1 июня языковед Н. Зайцева и финские исследователи во главе с М. Ниеминеном проехали по вепским деревням, пытаясь повторить путь Э. Лённрота. (Kodima. — 2002. — № 6/7 (heink.)).

3 июня были объявлены победители конкурса пьес на карельском языке. Лучшей оригинальной пьесой признана работа А. Нярья «Спой песню, карел». Поощрительную премию получила пьеса О. Мишиной «Разговор при часах». Лучшей переводной пьесой признаны переводы пьес А. Островского «Доходное место» П. Семенова (на ливвиковское наречие), Ф. Булякова «Бабы хлопоты» В. Сабуровой (на собственно карельское наречие). Вторую премию получила З. Дубинина за перевод двух пьес финляндских авторов А. Киви («Помолвка») и М. Лассила («Когда розы цветут»). Поощрительную премию получил А. Еремеев. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 5. kesäk. — S. 7; Vienan Karjala. — 2002. — 13. kesäk.).

24 июня были подведены итоги республиканского литературного конкурса «Северная лира» среди школьников. Абсолютным победителем стала О. Тимошкина из Пряжи. Лауреатами конкурса в номинациях для пишущих на карельском, вепском и финском языках стали Э. Потапова (финский язык) из Олонца, А. Варфоломеева (вепский язык) из Петрозаводска и коткозерец И. Мошников (карельский язык). (Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 6; Karjalan Sanomat. — 2002. — 22. kesäk. — S. 3; Oma Mua. — 2002. — 27. kezäk.; 26. talvik.; Kodima. — 2002. — № 8 (elok.)).

28 июня в Финляндии состоялся семинар «Калевала», Самматти и природа», посвящённый 200-летию издания эпоса, в котором приняли участие переводчики А. Мишин и Э. Киуру. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 13. heinäk. — S. 6; Oma Mua. — 2002. — 11. heinäk.; Vienan Karjala. — 2002. — 11. heinäk.).

6 июля средней школе д. Кепа было присвоено имя Народного писателя Карелии Ортъе Степанова. (Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 125; Karjalan Sanomat. — 2002. — 10. heinäk. — S. 3; Vienan Karjala. — 2002. — 22. elok.).

6 и 7 июля в д. Хайколя Калевальского района уже в третий раз состоялся летний праздник, посвящённый О. Степанову. (Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 125; Karjalan Sanomat. — 2002. — 13. heinäk. — S. 1).

9 июля в редакции журнала «Carelia» («Карелия») состоялась презентация книги финляндского поэта Вейкко Хуотаринена «*Vienankarjalainen rapsodia*» («Рhapsодия Беломорской Карелии»). (Vienan Karjala. — 2002. — 25. heinäk.).

В июле в выставочном зале на ул. Ленина в Петрозаводске состоялась выставка скульптора Эдуарда Акулова (1938 – 2000), автора бюстов Э. Лённрота, Т. Вякя и других. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 10. heinäk. — S. 7).

В начале августа в г. Суоярви был организован литературный лагерь для молодых писателей стран Баренцева региона, в котором приняли участие 21 начинающий писатель в возрасте от 14 до 17 лет из Норвегии, Финляндии и Карелии. От карельских писателей в качестве преподавателя выступил Д. Вересов. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 10. elok. — S. 6).

24 августа в Паанаярви трагически оборвалась жизнь журналиста и поэта Пааво Воутилайнена (род. 29 февр. 1952 г.). (Karjalan Sanomat. — 2002. — 28. elok. — S. 3; Oma Mua. — 2002. — 5. süvüsk.; Kodima. — 2002. — № 9 (sügüz'k.).

В конце августа в г. Ижевск (Удмуртия) состоялся седьмой конгресс финно-угорских писателей, в котором приняли участие поэты и прозаики из Марий Эл, Мордовии, Чувашии и других финно-угорских республик России, а также из Финляндии, Венгрии и Эстонии. Карелов на форуме представляли Ольга и Армас Мишины. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 11. syysk. — S. 7; Oma Mua. — 2002. — 19. süvüsk.).

6 сентября в Олонецком районе прошел поэтический фестиваль «Здесь родины моей начало», посвящённый творчеству В. Брендоева. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 7. syysk. — S. 3; Oma Mua. — 2002. — 15, 29. elok.; 5, 12. süvüsk.; Vienan Karjala. — 2002. — 26. syysk.).

28 сентября в Центре национальных культур состоялось обсуждение «Ингерманландского романа» финляндского писателя Тойво Пекканена. На встрече присутствовали читатели, писатель и критик Матти Мякеля, литературовед А. Мишин. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 25. syysk. — S. 3).

3 октября в Институте повышения квалификации работников образования состоялась презентация книги И. Костина «Запах росы». (Oma Mua. — 2002. — 10. ligak.).

9–11 октября в г. Кухмо (Финляндия) прошла первая международная конференция вепских писателей, в которой приняли участие Р. Лардо (Финляндия), А. Петухов (Вологодская обл.), В. Ершов, Г. Поливанова, Н. Поташева (Ленинградская обл.). Карелию представляли Н. Зайцева, Н. Фомин, О. Мошников,

М. Башнин, Р. Лонин, М. Зарубалова и Н. Абрамов. В рамках конференции состоялась презентация романа «Каларанд» И. Бродского. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 5. lokak. — S. 6; Oma Mua. — 2002. — 19. süvüsk.; 17. ligak.; Kodima. — 2002. — № 10 (reduk.)).

23 октября состоялась презентация книги В. Пулькина «Царские персты», выпущенная к 300-летию Петрозаводска. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 26. lokak. — S. 7).

26 октября в Хельсинки в Ингерманландском центре прошел вечер памяти поэта П. Воутилайнена, организованный Обществом ингерманландской культуры. Собравшиеся читали его стихи и вспоминали друга. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 19. lokak. — S. 3).

1 ноября в Карельской государственной филармонии состоялся юбилейный вечер Галины Скворцовой (55 лет со дня рождения и 30 лет со дня творческой деятельности). (Karjalan Sanomat. — 2002. — 2. marrask. — S. 7).

27 ноября в студенческом кофе Петрозаводского госуниверситета открылся «Поэтический клуб», в первом заседании которого приняли участие М. Тарасов, А. Валентик, Д. Вересов и другие. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 30. marrask. — S. 7).

В ноябре газета «Ома Муа» («Родная Земля») получила премию Общества М. А. Кастрена (Финляндия) за активное издание произведений поэзии и прозы на карельском языке. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 16. marrask. — S. 3; Oma Mua. — 2002. — 28. külmük.; Vienan Karjala. — 2002. — 28. pimiek.; Kodima. — 2002. — № 12 (tal'vk.)).

29–30 ноября в литературном центре шведского города Оверкаликс прошла конференция поэзии стран Баренц-региона. Особое место организаторы уделили поэзии Русского Севера. (Kodima. — 2002. — № 12 (tal'vk.)).

В конце ноября исполнилось 80 лет средней школе им. В. Кириллова пос. Калевала. В ней в свое время учились национальные писатели Я. Ругоев, П. Перту и О. Степанов. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 1. tammik. — S. 4).

В декабре в Карелии гостила московский поэт Римма Казакова. Приезд был посвящён проблемам культуры и литературным связям Москвы и Карелии, которые ослабли за последние двенадцать лет. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 21. jouluk. — S. 8).

В декабре в центральной библиотеке г. Сортавала прошла презентация книги местного поэта Л. Тервонен «Свет Родины». Эта уже третья книга автора вместе с двумя предыдущими «Свет Ладоги» и «Свет любви» они составляют серию изданий, главной темой которой является любовь. (Karjalan Sanomat. — 2003. — 1. tammik. — S. 4).

В Венгрии вышла книга переводов поэзии финно-угорских писателей «*Majd minden szó feledésbe merült*» («Забыли почти все слова»), в которую вошли

стихотворения ингерманландцев Л. Хело, П. Пёлля, К. Корвела, А. Хийри, Т. Флинка и других. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 11. syysk. — S. 8).

Указом Президента Российской Федерации В. Путина за многолетний и добросовестный труд Орденом за заслуги перед Отечеством II степени награждён редактор отдела журнала «Карелия» Матти Мазаев. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 5. lokak. — S. 3).

Стипендию Я. Ругоева в этом году получила студентка Карельского государственного педагогического университета Ольга Индюкова, а стипендию Р. Рождественского студентка Петрозаводского государственного университета Марина Никулина. (Karjalan Sanomat. — 2002. — 11. jouluk. — S. 3).

80 лет исполнилось Ухтинской школе, в которой учились будущие Народные писатели Карелии Яакко Ругоев и Пекка Пертту. (Vienan Karjala. — 2002. — 12. talvik.).

Литературные страницы печатали республиканские газеты «Karjalan Sanomat» (12. tammik. — S. 13; 6. helmik. — S. 8; 6. maalisk. — S. 8; 3. huhtik. — S. 8; 9. toukok. — S. 12; 12. kesäk. — S. 8; 3. heinäk. — S. 8; 14. elok. — S. 8; 25. syysk. — S. 8; 9. lokak. — S. 8; 13. marrask. — S. 8; 11. jouluk. — S. 10).

За год вышло 12 номеров журнала «*Carelia*» («Карелия»).

За год вышло 12 номеров журнала «*Kipinä*» («Искорка»).

Рец.: Barbašina J. Tulevia kynäilijöitä suomenkielisiin julkaisuihin // Karjalan Sanomat. — 2002. — 18. syysk. — S. 8.

БИБЛИОГРАФИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

Отдельные издания

На финском языке

Stepanov O. Kotikunnan tarina : romaani. Osa 1. — Petroskoi : Periodika, 2002. — 644 s.

Stepanov O. Kotikunnan tarina : romaani. Osa 2. — Petroskoi : Periodika, 2002. — 720 s.

Arv.: Nesvitski M. Karjalan klassikoita uudestaan julkisuuteen Ortjo Stepanovin Kotikunnan tarinasta tuli kansainvälisen kirjaprojektin esikoinen // Karjalan Sanomat. — 2002. — 13. heinäk. — S. 7.

Väinämöisen paluu: lähialueantologia / toim. T. Tuominen; kannen kuva S. Perttu; taitto K. Herala. — Petroskoi: VERSO, 2002. — 98 S. — Текст: коми язык, карел., вепс., фин., эст., рус. — Все тексты публ. помимо языка оригинала также на фин. и рус. яз.

Arv.: Nesvitski M. Väinämöinen tekee vakuuttavaa paluutaan: Lähialueantologia kokosi yhteen nousevaa suomalais–ugrilaista kirjoittajapolvea // Karjalan Sanomat. — 2002. — 30. marrask. — S. 7; Antonova N. Väinämöisen paluu–antologii nägi päivänvalon // Oma Mua. — 2002. — 24. ligak.; Erazvuiččil kelil // Kodima. — 2002. — № 12 (tal’vk.).

На карельском языке

Eloksen ratas: runot, sananlaskut karjalan kielel: kerävökniiгу / сост.: Г. М. Федулова, Т. И. Бойкова; авт. предисл. и ред. Г. М. Федулова. — [Олонец]: Б. и., 2002. — 32 s.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

На финском языке

Ahava T. 2002; Olet Velho Karjalan; Uuden Sammon rakentajille — 2; Muisto; Kanssasi kahden; Liekö ollut syytäni; Pari vitsiä: runoja // Carelia. — 2002. — No. 5. — S. 59–64.

- Valssi: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 12. tammik. — S. 13.
- Liekö ollut syytäni: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 12. kesäk. — S. 8.

Feklistov N. Syntymämaani: laulu / sävel N. Feklistov // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 159.

Hiiri A. ”Paanajärven ainoa katu...”; ”Juminkeon mahtava rakennus...”; ”Vanha romahtanut oppi...”; ”Minäkin elin...”; ”Enemmistö tulee rohkeammaksi...”; ”28. maaliskuuta 1887...”; ”Nurmeksessa on niin paljon...”; ”Selailen kirjoja...”; ”Reino Turunen...”; ”Ei mikään toistu...”; ”Kesälahti!..”; ”Oletko saamelainen?..”; ”Lumi hiljensi Turun...”; ”Marraskuun Turku sumussa...”; ”Kaikki kuluu...”; ”Paavo Lipposta...”; ”Ruotsia puhuva...”; ”Harmaa hamsteri...”; ”Kattoja jotka vuotavat vuosia...”; ”Maapallo on niin iso...”; ”Sukellusvene...”; ”Amiraali Koltšak...”; ”Rohkea mies...”; ”Olla suomalainen...”: runoja // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 48–57.

- Uuden Vuoden malja: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 1. tammik. — S. 1.

- Ballaadi rakkaudesta: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 8. maalisk. — S. 1.
- Olla suomalainen...: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 11. jouluk. — S. 10.
- Kolpakova S. Saavu suvi suloisena: runoja // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 55–56.
- Korvela K. Öinen keskustelu: novelli // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 10–16.
- Lesonen P. Tyhjiä en muistele: Muutama sana itsestäni; Rakkaus; Äidin laulu lapselle; Venehjärven hymni; Myrsky; Puu ja elämä; Kuittijärvi; Susi; Reissu Vienan Karjalaan: runoja // Carelia. — 2002. — No. 4. — S. 6–14.
- Kuittijärvi: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 9. toukok. — S. 12.
- Lund S. Tuulen tietä tullen: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 11. jouluk. — S. 11.
- Masajev M. Onpahan eletty: päiväkirjamerkintöjä vuosilta 1984–1987 // Carelia. — 2002. — No. 4. — S. 42–81; No. 5. — S. 65–112; No. 9. — S. 102–140; No. 12. — S. 10–39.
- Miekkä M. Yö; Ovi: runoja // Karjalan Sanomat. — 2002. — 12. kesäk. — S. 8.
- Paavolle [Voutilaiselle]: runo // Carelia. — 2002. — No. 9. — S. 158.
- Pahomov M. Viimeinen kirje Puavolle [Voutilaiselle] // Carelia. — 2002. — No. 9. — S. 157.
- Potapova E. Kesällä; Karjala: runoja // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 8.
- Kesällä: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 3. heinäk. — S. 8.
- Stepanov O. Elämäkertani: romaani // Carelia. — 2002. — No. 4. — S. 114–121; No. 5. — S. 135–142; No. 6. — S. 88–92; No. 7. — S. 149–152; No. 9. — S. 8–17; No. 11. — S. 9–12.
- Vikström T. Yössä hiljaisessa syntyy aamunkoi; Oma polkuni; ”Jos lähden elämästä...”: runoja // Carelia. — 2002. — No. 10. — S. 111–112.
- Ahin kosken tarina // Carelia. — 2002. — No. 10. — S. 113–119.
- Oma polkuni: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 13. marrask. — S. 8.
- Voutilainen P. Lyyrani laulaa luonnollista lempeä: Koivuvasta ei käpristele kylmästä; Katso peiliin, rakas!; Sanani saattaa sattua ja satuttaa; Ennen ja jälkeen rakkausreissun; Rakkaus ja runo; Karkailevakin kimuli palaa; Sydämen sulattaja: runoja // Carelia. — 2002. — No. 1. — S. 6–12.
- Punainen talo: runoelma // Carelia. — 2002. — No. 2. — S. 104–114.
- Lahja tulevaisuudelle: runo // Carelia. — 2002. — No. 4. — S. 39–40.
- Tuhoisa tulevaisuus; Välitän en valita; Kirjoitan kiitoskirjaani; Suotta Sinä: runoja // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 81–84.
- Luonto kostaa yltäkylläisyydestä: runo // Carelia. — 2002. — No. 9. — S. 6–7.

• Luriikkaa luurista lorahtaa: lyyrillinen lauluni; ei kolmatta koskaan; kaksi kuollutta; olet ollut mulle nasta; heitä; kultainen Koivukatu; merkkipäiväriimittäjä muistaa ilman Muusaakin; pääskysset päästelevät; Ilman ilolientäkin jaksan; Keskellä koittavaa ruskaruljanssia; kauhukakarasta lempilapseksi; Totuus paljastuu saunassa ja banjassakin: runoja // Carelia. — 2002. — No. 9. — S. 144–157.

• Tiainen tirkistelee; Haikola huokailee: runoja // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 17–19.

• Sydämen sulattaja: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 6. helmik. — S. 8.

• Punainen talo: Epilogin asemesta // Karjalan Sanomat. — 2002. — 6. maalisk. — S. 8.

• Välitän en valita: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 3. heinäk. — S. 8.

• Kaksi kuollutta: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 9. lokak. — S. 8.

На карельском языке

Aleksejeva K. Harmušši: pajo // Oma Mua. — 2002. — 10. pakkask.

• Karjalaizien tähkät: runo // Oma Mua. — 2002. — 31. pakkask.

• Talvi küläzes: kerdomus // Oma Mua. — 2002. — 27. tuhuk.

• Baijutuspajo // Oma Mua. — 2002. — 25. sulak.

• Liipoilinduzet; Indien slona; Pihl'an tuomaizet: runuo // Oma Mua. — 2002. — 23. orask.

• Mustu meri; Reboine: runuo // Oma Mua. — 2002. — 20. kezäk.

• Kalastai; Kezäl; Karjalazien korbi: runuo // Oma Mua. — 2002. — 18. heinük.

• Nouzii päiväine; Elotähkän iduizet; Ainavoine; Baba armahaine: runuo // Oma Mua. — 2002. — 8. elok.

• Lökküine; Üksinäine pedäi: runuo // Oma Mua. — 2002. — 19. talvik.

• Lumi valgei: runo // Oma Mua. — 2002. — 26. talvik.

Antonova N. Telkin Outii da Jorkin Homua mieras tietäh: sananpolvet // Oma Mua. — 2002. — 8. elok.

• Peze kättü da kävü stolah!: sananpolvet // Oma Mua. — 2002. — 15. elok.

• Elät–elät–ekotat da griivenniekkua lekurat: sananpolvet // Oma Mua. — 2002. — 29. elok.

Boldenko A. Častuškat: runuo // Oma Mua. — 2002. — 27. kezäk.

Brendojev V. Petroskoi; Eloksen Ratas: runuo // Oma Mua. — 2002. — 12. süvüsk.

Brendojeva M. Elos; ”Anusrandaine itköü”; Pajatammo ielleh; Kiso: runuo // Oma Mua. — 2002. — 19. süvüsk.

Dubinina Z. Pajo; Terveh, hierul: runoja // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 157–158.

- Rastavu; Kus Karjalan külät: runuo // Oma Mua. — 2002. — 10. pakkask.

- Minun rodu: runo // Oma Mua. — 2002. — 7. kevätk.

- Kevättü vuottajes: runo // Oma Mua. — 2002. — 28. kevätk.

- Puškin: runo // Oma Mua. — 2002. — 6. kezäk.

- Lähten koivikkoh; Süvüsehtü; Pilvet; Aino // Oma Mua. — 2002. — 21. külmük.

Fedulova G. ”Oraskuu, tuomi halvaštau...”: runo // Oma Mua. — 2002. — 23. orask.

- Suaugo unohtua oma kiel: runo // Oma Mua. — 2002. — 10. ligak.

F’odorova P. ”Naižien päiväl...”: runo // Oma Mua. — 2002. — 7. kevätk.

- Terveh Luodogul; ”Hätkenko talvi...”: runuo // Oma Mua. — 2002. — 5. süvüsk.

Harakka P. Iivanan huolet: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 3. huhtik. — S. 8.

Huotarinen V. Muissanta: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 9. toukok. — S. 12.

- ”Hopeisiä järvenselkiä...”: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 10. heinäk. — S. 6.

Ignatenkova N. Sügüzü; Oma randu; Piäsköi lindu; Koivu kazvoi: runuo // Oma Mua. — 2002. — 12. süvüsk.

Isajev S. ”Elän järvirandazes...”; ”Buaban kolme poigastu...”: runou // Oma Mua. — 2002. — 25. heinük.

Ivanova P. ”Pagan parvi paha rahvas...”: runo / kirj. V. Jevsejev // Oma Mua. — 2002. — 9. orask.

Jukkina L. Maman kodi: runo // Vienan Karjala. — 2002. — 11. heinäk.

- Oma kyläne: runo // Vienan Karjala. — 2002. — 10. sajek.

Karlova O. Iivanan päivä Vuokkiniemen kylässä: näytelmä / O. Karlova, N. Antonova // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 126–132.

Korn’akova L. Elätit sežo maltetah kiittä: kedomus // Oma Mua. — 2002. — 12. kezäk.

Mišina O. Lehmü leiväkse, lammas palkakse: kedomus // Oma Mua. — 2002. — 21, 28. kevätk.; 11. sulak.

- Uuzi karjalaine: kedomus // Oma Mua. — 2002. — 25. heinük.; 1. elok.

- Muaman iäni: kedomus // Oma Mua. — 2002. — 10, 17. ligak.

Mošnikov I. Minun Baba: runuo // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 7.

Osipova A. Natoi uutinjärveläine: kerdomus / A. Osipova, V. Kalinin // Oma Mua. — 2002. — 17, 31. pakkask.; 18. sulak. Jatkuu. Alku vuonna 2001 n:ssa 12. heinük.; 2, 16. elok.; 13, 20, 27. süvüsk.; 11, 18, 25. ligak.

Pahomov M. Soudaj; Kurskan tusk; ”Eibo kuulu kohtad milei...”; Dälges külüd; ”Milei vihm ei tuonu virzid suuhu...”; ”Ala diätäl!” silei hill’ašti sanuin...”; ”En d’uo viinat enambad...”; Iänetoi pajattai; ”Ala sanu ni konz ”Ni konz!”...”; ”Ozuta milei...”; Pagoh; ”Düged eččida on uuzid tiemoid...”; Üksinaine randal; Pohd’oilan kanzalaine; ”Olen puu...”; Puškinskaja 13; Üö merel; Tazavaldan päivän; Raštvan piirgad; Tundematoi; Harmagad kard’alaižed: runuo // Carelia. — 2002. — No. 1. — S. 143–149.

• Noidan silmäd: Noidan silmäd; ”Kuččujad huuled...”; Tuulen starin; Soiton nahk; ”Pedrad letah...”; Yöлинд; ”D’oga visockoil...”; ”Sinun silmäd on...”; ”Sinun d’arvyziš...”; Yang & Yin; ”Panou ja panou...”: runoja // Carelia. — 2002. — No. 12. — S. 83–87.

• Dälges külüd: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 6. helmik. — S. 8.

Remsujeva S. Papin lakista: starina / kirj. M. Remsujeva // Vienan Karjala. — 2002. — 26. syysk.

Sem’onov P. Puhtasjärven Maša: pienoisromuanu // Oma Mua. — 2002. — 7, 14. tuhuk.; 7, 14. kevätk.; 11. sulak.; 1, 16. orask.

Savin I. Roindurandu; Astuin viele: runuo // Oma Mua. — 2002. — 30. orask.

• Roindurandu; ”Vihmat millo avvutettih eliä...”: runuo // Oma Mua. — 2002. — 18. heinük.

Siitari O. Tuli syksy; Koivun valitus; Kaččelen taivasta: runoja // Vienan Karjala. — 2002. — 24. sajak.

Suavan I. Talvi mečäs; Talvi keviän iel: runuo // Oma Mua. — 2002. — 21. kevätk.

• Vladimir Brendojevan mustokse: runo // Oma Mua. — 2002. — 24. ligak.

Ščerbakova T. Pagolazet: kerdomus // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 133–134.

• Lehmän küünälet: kerdomus // Oma Mua. — 2002. — 14. külmük.

Tarasov S. Kyläne miun: runo // Vienan Karjala. — 2002. — 26. talvik.

Veikki V. ”Ristikanzu oigei...”; Hukku; ”Pardu kazvau ravieh...”; Talvi; Koivu; ”Tuuli pilven kiškoi...”; Ohtoi; Libei; Kibe; ”Sellittäy talvi valgieloih sobih...”; Tähtet: runuo // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 154–156.

• Uuzi vuoz: runo // Oma Mua. — 2002. — 26. talvik.

Volkov A. Karjalan meččy: runo // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 156.

• Karjalan suot; Karjalan neičoi: runoja // Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 158–159.

• Karjalan kylät; ”Karjalazil Jumal käski...”: runuo // Carelia. — 2002. — No. 12. — S. 146–148.

• Karjalan meččü; Karjalan suot: runuo // Oma Mua. — 2002. — 24. pakkask.

• Karjalan neičoi: (pajo) // Oma Mua. — 2002. — 7. tuhuk.

- Karjalan külät: runo // Oma Mua. — 2002. — 21. tuhuk.
- Meijän Voitonpäivü: muistelmia // Oma Mua. — 2002. — 9. orask.
- Külän soittajil: runo // Oma Mua. — 2002. — 1. elok.
- Minun Siämärvi; Sanan valdu: runuo // Oma Mua. — 2002. — 14. külmük.
- Liivin virret: runo // Oma Mua. — 2002. — 28. külmük.
- Eule žiäli; Eloinvirdu; Päivän tähtet: runuo // Oma Mua. — 2002. — 24. ligak.

На вепском языке

- Abramov N. Keväz' tuli!: runo // Kodima. — 2002. — № 5 (semendk.).
- Abramova M. Jogi–randal: runo // Kodima. — 2002. — № 4 (sulak.).
- Andrejeva A. Koivuine: runo // Kodima. — 2002. — № 12 (tal'vk.).
- Brodski I. Kohtukaz naine da oslut: (Nägudez) // Kodima. — 2002. — № 4–10.
- Lonina A. Kodirandeine: runo // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 141.
- Polivanova G. Armaz Kodima: runo // Kodima. — 2002. — № 6/7 (heink.).
- Varfolomejeva A. Ehtal: runo // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 9.
- Ehtal: runo // Karjalan Sanomat. — 2002. — 3. heinäk. — S. 8.
- Voutilainen P. Alevtina Andrejevan muštho: runo // Kodima. — 2002. — № 1 (viluk.).

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

На финский язык

- Abramov F. Tampereen erakko: kuvaus / suom. P. Autio // Carelia. — 2002. — No. 10. — S. 37–39.
- Aleksandrova V. ”Paitsi sodasta tuosta...”; ”Kuolen talvella varmasti näin...”; ”Pihapoppelit ihoittuivat...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 98–99.
- Belitsa P. Valinta; ”Kuuset valkoiset jätä rauhaan...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 100.
- Beznosikov V. Mitä ihminen etsii, sen hän löytääkin: kertomus / suom. J. Hidman // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 14–22.
- Bilibin D. Rajan railon tuolla puolen: kertomus / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2002. — No. 4. — S. 15–34.
- Butyrjeva G. Sopusointu / suom. P. Voutilainen // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 98.

Firsov V. Kymmenen Andronia: satu / suom. A. Mišin // Karjalan Sanomat. — 2002. — 15. kesäk. — S. 6.

Gabova J. Rakkautta ristitulessa: kertomus / suom. J. Hidman // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 99–114.

Indjukova O. ”Alta ikkunoiden silmäripsien...”; ”Pidä kiinni kaidepuustal Siellä...”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 103.

Ivanov V. Erehdyksen mestari: romaani / suom. J. Vaskina // Carelia. — 2002. — No. 12. — S. 88–101.

Jelfimova A. ”Älä pelkää. Annetaan...”; ”Elämä niin lyhyt on...”: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 36.

Jeltsova A. ”Katson taivaalle, kävelen...”; ”Kylämme, lumihin kätkeytyen...”: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 37.

Jevsejeva J. ”Hauraat hiutaleet sulaa, kun ne...”; ”On säe lyhyt. Miten mahdolluttaa...”; ”Miksi, Muusa, olet jälleen poissa?”: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 102.

• ”Miksi, Muusa, olet jälleen poissa?”: runo / suom. A. Hiiri // Karjalan Sanomat. — 2002. — 3. huhtik. — S. 8.

Juškov G. Tsasouna: kertomus / suom. J. Hidman // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 61–69.

Kirjušina L. Perheeni miehet; Uikujoki: runoja / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 101.

• Perheeni miehet; ”Minä rakkauden...”: runoja / suom. A. Mišin // Karjalan Sanomat. — 2002. — 18. toukok. — S. 9.

Kol L. Ihmeellinen joulumaa: kertomus / suom. G. Pronina // Carelia. — 2002. — No. 12. — S. 142–144.

Kušmanov V. Eeva Levandovskaja: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 38.

Lazarev J. Tunnen koko kylän tuskan: Lahja; Ukonilma; ”Kesä raidoille kiharat antoi...”; Postinkantaja maalla: runoja / suom. S. Kolpakova // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 79–80.

• Lahja: runo / suom. S. Kolpakova // Karjalan Sanomat. — 2002. — 14. elok. — S. 8.

Lodygin V. Pilli; ”Kirkas aurinko, sormus kultainen...”: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 10.

Lvova I. Doris; Aihivais: kertomuksia / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 104–110.

Mišin A. Poimintoja: 2. osa / suom. J. Vaskina // Carelia. — 2002. — No. 9. — S. 20–41. Poimintojen 1. osa on julkaistu Careliassa 8/2001.

Morozov V. Metso: runo / suom. T. Summanen // Karjalan Sanomat. — 2002. — 10. heinäk. — S. 7.

Mošnikov O. Veli: runo / suom. A. Hiiri // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 24.

• Paluu: runo / suom. PV // Karjalan Sanomat. — 2002. — 12. tammik. — S. 13.

Nikolajeva J. Vieras nuoruudesta ei kaikilla käy: ”Yhäkin käännyn lapsen huutoon...”; ”Joskus kun katoaa ketju...”; ”Olen aina niin pitänyt tästä kaupungista...”; ”Kerran sanoin rakkaalleni...”; ”...Joskus ääni kutsuu sinut...”; Vieras nuoruudesta: runoja / suom. PV // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 6–9.

• ”Kerran sanoin rakkaalleni...”: runo / suom. PV // Karjalan Sanomat. — 2002. — 3. huhtik. — S. 8.

Novikov D. Veden totuus; Täysarvoisuuden tunne: kertomuksia / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 110–124.

Obrezkova N. ”Runoja on kaikenlaisia...”; ”Sinä kerran palaat kotiisi suurena miehenä...”; ”Nainen kosii miestä...”; Mummo: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 12–13.

• Sinun silmiesi värisen...: runo / suom. P. Lesonen // Karjalan Sanomat. — 2002. — 30. marrask. — S. 7.

Rastorgujev A. Aika rakastaa; ”...En pääse Puškinista millään...”; ”Olen yhä nuori vanhuksen silmissä...”; ”Nykyaikainen, mutta aikaan väärään...”; ”Mitä surullisempi elämä, sitä halutumpi...”; ”Mikä meitä pystyssä pitää häilyvällä maalla...”: runoja / suom. PV // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 6–8.

• ”Olen yhä nuori vanhuksen silmissä...”: runo / suom. PV // Karjalan Sanomat. — 2002. — 14. elok. — S. 8.

Saltup G. Elokuvaohjaaja ja ballerina: kertomus / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 53–62.

Suvorov A. ”Kuin lohikäärme, miestä, lentäjää...”; ”Mennyttä vain pöyhötämme...”: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 39.

Timin V. Vanha hevonen; ”Se hurja Gundryr täällä eli...”: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 9.

Trofimov F. Vuosisatani: muistelmia / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2002. — No. 1. — S. 13–44; No. 2. — S. 10–39; No. 3. — S. 10–29. Alku Careliassa nro 11, 12/2001.

Vanejev A. Aallot; Korpi: runoja / suom. A. Mišin // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 11–12.

• Korpi: runo / suom. A. Mišin // Karjalan Sanomat. — 2002. — 14. elok. — S. 8.

Vasiljeva N. Sellaista on elämä. Toinen osa: novelli / suom. S. Moltsa // Carelia. — 2002. — No. 10. — S. 9–32: Novellin ensimmäinen osa oli julkaistu Careliassa nro 1, 2001.

Voronin A. Punainen päiväyt pyrkii vapauteen: ”Punainen päiväyt nousee...”; ”Tanssivien tuntureiden rytmit...”; ”Hänen silmänsä ovat kuin aukot...”; Kaiku; ”Kutittamalla nostan tuulen...”; ”Lyhdyt kuvastuvat taivaassa...”; ”Ihanteeni, luo...”; Haiku; ”Olen kangastatti...”: runoja / suom. P. Voutilainen // Carelia. — 2002. — No. 2. — S. 6–9.

• ”Olen kangastatti...”: runo / suom. P. Voutilainen // Karjalan Sanomat. — 2002. — 6. maalisk. — S. 8.

Vyskočil I. Masak; Yksinpuhelua pääkallon parissa; Paraneminen; Henkivakuutus; Kahvia Jakubille; Tenti: kertomuksia / suom. T. Väisänen // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 58–76.

На карельский язык

Avertšenko A. Ildaizen vuottajes; Naizen händy; Gal'aine: kerdomuksia / kiänd. P. Semjonov // Carelia. — 2002. — No. 2. — S. 151–159.

Čern'atjev A. Tazattu ahnavus: kerdomus / kiänd. M. Viglijeva // Oma Mua. — 2002. — 20. kezäk.

Helo L. Jumpura: kerdomus / kiänd. I. Savin // Oma Mua. — 2002. — 22. elok.

• Suappuat: kerdomus / kiänd. I. Savin // Oma Mua. — 2002. — 12. talvik.

Kalevala; Karjalas on minun kodi...: Suomen pajon mugah / kiänd. Z. Dubinina // Oma Mua. — 2002. — 14. kevätk.

Lönnrot E. Marijanpäivän kiitändüvirzi: pajo / kiänd. Z. Dubinina // Oma Mua. — 2002. — 21. tuhuk.

Morozov V. “Lähtöy pojezdu matkah...”: runo / kiänd. A. Volkov // Karjalan Sanomat. — 2002. — 12. tammik. — S. 13.

Nekrasov N. Pakkaine valdumiehennü: runo / kiänd. Z. Dubinina // Oma Mua. — 2002. — 14. tuhuk.

• Vil'pupeldoloin keskeh...: runo / kiänd. Z. Dubinina // Oma Mua. — 2002. — 5. talvik.

Paleček J. Konsa kala läksi kirjasta...: kertomus / Kiänt. M. Remsujeva // Vienan Karjala. — 2002. — 13. kesäk.

Puškin A. Tuhu: pitkykerdomus / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2002. — 4, 18, 25. sulak.; 9, 16. orask.

• Kapitanan tütär: pitkykerdomus / kiänd. P. Sem'onov // Oma Mua. — 2002. — 30. orask.; 6, 12, 27. kezäk.; 4, 11, 18. heinük.; 8, 29. elok.; 12, 26. süvüsk.; 10, 24. ligak.; 7, 21. külmük.; 5, 19. talvik.

• Arion; Talvi–ildu: runuo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2002. — 6. kezäk.

• Matkas: runo / kiänd. Z. Dubinina // Oma Mua. — 2002. — 5. talvik.

Seizotah koivikot...: pajo / muz. Jousinen, kiänd. Z. Dubinina // Oma Mua. — 2002. — 28. kevät.

Zoščenko M. Suvaičus: kerdomus / kiänd. P. Sem'onov // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 157–158.

• Elokas elaigu: kertomus / kiänd. P. Sem'onov // Carelia. — 2002. — No. 12. — S. 149–151.

• Ukko: kerdomus / kiänd. P. Sem'onov // Oma Mua. — 2002. — 24. pakkask.

• Ruadosoba: kerdomus / kiänd. P. Sem'onov // Oma Mua. — 2002. — 27. tuhuk.

• Šohkaine: kerdomus / kiänd. P. Sem'onov // Oma Mua. — 2002. — 9. orask.

Vanejev A. ”Joga linnul oma mua on rakas...”: runo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2002. — 22. elok.

Visotskii V. Velliöin kalmat: runo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2002. — 9. orask.

На вепсский язык

Brendojev V. Koiv; Lumi; Pihläle; Armahad randad: runod / känd. N. Zaiceva // Kodima. — 2002. — № 2 (uhok.).

Kalevala / känd. N. Zaiceva // Kodima. — 2002. — № 3–11.

Mišina O. ”Üks’ oravut ehtal..”; ”Mec ol’ nor’ i rusked..”: runod / Veps. känd. N. Zaiceva // Kodima. — 2002. — № 10 (reduk.).

Zoščenko M. Bohat elo: kerdomus / känd. N. Abramov // Kodima. — 2002. — № 10 (reduk.).

• Čoma lebu: kerdomus / Veps. känd. N. Abramov // Kodima. — 2002. — № 11 (kül'mk.).

Tagor R. Se elon jogi: runoja / känd. N. Abramov // Carelia. — 2002. — No. 5. — S. 133–134.

• ”Surm minei sanui: ”Poigan sinun otan”...”: runo / Veps. käänt. N. Abramov // Karjalan Sanomat. — 2002. — 12. kesäk. — S. 8; Kodima. — 2002. — № 3 (kevüz'k.).

Tolstoi L. Tactüd laps?: kerdomus / känd. N. Abramov // Kodima. — 2002. — № 4 (sulak.).

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

На финском языке

- Hellman H. Päiväsen pälveessä: runo // Kipinä. — 2002. — No. 4. — S. 2.
- Hiiri A. Taas joulu tullut on: runo // Kipinä. — 2002. — No. 12. — S. 2–3.
- Kivi A. Veljesten karkumatka: katkelma romaanista ”Seitsemän veljestä” // Kipinä. — 2002. — No. 10. — S. 3.
- Lund S. Kevätmieli: runo // Kipinä. — 2002. — No. 3. — S. 2.
- Panshina H. Pakkaspoika ja Pyrypoika: satu // Kipinä. — 2002. — No. 2. — S. 14–15; No. 3. — S. 4–5.
- Pöllä P. ”Yli maan kun tuuli...”: runo // Kipinä. — 2002. — No. 4. — S. 3.
- Tuisku M. Toivoisin mie kuulevani: katkelma runosta // Kipinä. — 2002. — No. 5/6. — S. 2.
- Muistelmia kesästä: kuvaus // Kipinä. — 2002. — No. 9. — S. 6–7.
 - Taru valkoliljasta // Kipinä. — 2002. — No. 12. — S. 6–7. — Jatkuu.
- Vikström T. Saunatalkoissa; Kun ahven sanoi hei: runoja // Kipinä. — 2002. — No. 7/8. — S. 2.

На карельском языке

- Mišina O. Piäsköin korgevus: Runot lapsille / Comastai L. Sabajeva. — Petroskoi: Periodika, 2002. — 23 s.
- Ščerbakova T. Armahile bunukoile / čomastai O. Ikkonen. — Petroskoi: Periodika, 2002. — 47 s.: kuv.
- Arv.: Umberg A. Lapsille uutta lukemisto karjalaksi // Karjalan Sanomat. — 2003. — 29. tammik. — S. 11.

* * *

- Dubinina Z. Kuut; Lumibuabo: runuo // Kipinä. — 2002. — No. 2. — S. 10.
- Kevät: runo // Kipinä. — 2002. — No. 4. — S. 13.
 - Tuikkai—lindu parandai: runo // Kipinä. — 2002. — No. 5/6. — S. 15.
 - Midä sinä opastut: runo // Kipinä. — 2002. — No. 9. — S. 2.
 - Enzimäine školapäivü: laulu / muuz. L. Olešova // Kipinä. — 2002. — No. 9. — S. 3.
 - Lumilinduine: runo; Lumitiähtüt: kerdomus // Kipinä. — 2002. — No. 12. — S. 14–15.

- Isajeva G. Linduzet; ”Nämmä sanat tuldih gor’as...”: runuo // Oma Mua. — 2002. — 25. heinük.
- Joki I. Mitä järvessä on?: kertomus // Vienan Karjala. — 2002. — 24. sajek.
- Kudel’nikova I. Muamo: laulu / I. Kudel’nikova, muuz. L. Olešova // Kipinä. — 2002. — No. 3. — S. 3.
- Kuusela O. Kalastajat: kerdomus // Oma Mua. — 2002. — 30. orask.
- Reboi da vinogruadumarjat; Hanhi, kudai muni kuldaizii jäiččii: suarnuja // Oma Mua. — 2002. — 19. talvik.
- L’ovkin I. Kaunis Karjala: laulu // Kipinä. — 2002. — No. 5/6. — S. 3.
- Lukin P. Iče minä: runo // Oma Mua. — 2002. — 26. süvüsk.
- Mišina O. Uvven Vuvven iel; ”Lendäü lapsil lumuzii...”: runuo // Kipinä. — 2002. — No. 1. — S. 14.
- Zuakkunazet anhelit: kerdomus // Oma Mua. — 2002. — 23. orask.
 - Kaži, hiiri da televizor: runo // Oma Mua. — 2002. — 31. ligak.
- Olešova L. Tulou Uuzi Vuozi: laulu / muuz. L. Olešova // Kipinä. — 2002. — No. 1. — S. 3.
- Petruševskaja L. Anna kualie!: kertomus // Vienan Karjala. — 2002. — 24. sajek.
- Repo ta kontie: starina // Vienan Karjala. — 2002. — 26. talvik.
- Revon starina // Vienan Karjala. — 2002. — 28. pimiek.
- Rodionova A. Matku baban da died’oin luo: kerdomus // Oma Mua. — 2002. — 31. pakkask.
- Opastundu oli mieleh: kerdomus // Oma Mua. — 2002. — 4. heinük.
- Ščerbakova T. Kagrulüühtes: kerdomus // Kipinä. — 2002. — No. 1. — S. 16–17.
- Tuatan poijat: kerdomus // Kipinä. — 2002. — No. 3. — S. 14–15.
 - Üstävien abu: kerdomus // Kipinä. — 2002. — No. 9. — S. 14–15; Oma Mua. — 2002. — 27. kezäk.
 - Peibozen pezä: kerdomus sananpolvet // Oma Mua. — 2002. — 29. elok.
 - Lumut da pihl’aimuarjazet // Oma Mua. — 2002. — 5. talvik.
- Zirkaloizeh näh: Kaskuja–kirjasta // Kipinä. — 2002. — No. 4. — S. 14–15.
- Veikki V. Radio; Ken kažile silmät da hännän andoi: kerdomuksia // Carelia. — 2002. — No. 1. — S. 158–159.

На вепском языке

- Abramov N. Kezalebul; Heinku; Eloku: runod // Kipinä. — 2002. — No. 7/8. — S. 16.
- Andrejeva A. Verez lumut: runo // Kipinä. — 2002. — No. 1. — S. 15.
- Jeršova O. Kuna jokseb ojaine?: sadu // Kipinä. — 2002. — No. 5/6. — S. 13.
- Lapsed sanuba // Kipinä. — 2002. — No. 2. — S. 13.

Ozoituzed // Kodima. — 2002. — № 2 (uhok).

Rogozina V. Runod meceläjiden polhe: runo // Kodima. — 2002. — № 8 (elok.).

Zaiceva N. Purdeheinäized: kerdomus // Kipinä. — 2002. — No. 5/6. — S. 12.

• Hillüz’-manikuš: kerdomus // Kipinä. — 2002. — No. 7/8. — S. 12–13.

• Lühüdad kuvastarinad // Kodima. — 2002. — № 1–3; 6/7.

• Toine toiženke rindal; Külän homendesen äned: kerdomuksie // Kipinä. — 2002. — No. 10. — S. 14–15.

ПЕРЕВОДЫ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На финский язык

Antsygina Z. Punaruskea: kertomus / suom. S. Moltsa // Kipinä. — 2002. — No. 1. — S. 10–11.

• Kylässä Orina-tädin luona: kertomus / suom. S. Moltsa // Kipinä. — 2002. — No. 5/6. — S. 19–21.

Danilov V. Kuusijalkainen hevonen: kertomus / suom. L. Kolomainen // Kipinä. — 2002. — No. 10. — S. 6–7, 12.

Firsov V. Harava: satu / suom. S. Moltsa // Kipinä. — 2002. — No. 10. — S. 10–11.

Krasavtseva N. Harakanpoikanen Tshizhik: kertomus / suom. S. Moltsa // Kipinä. — 2002. — No. 5/6. — S. 6–7.

Lekander S. Tarina kissasta ja koirasta / suom. S. Moltsa // Kipinä. — 2002. — No. 4. — S. 6–7.

Pozdnjakova J. Pikku kameli ja sen ystävät: kertomus / suom. S. Moltsa // Kipinä. — 2002. — No. 7/8. — S. 22–23.

Šomvukva: komilainen kansansatu / mukail. P. Stolpovski; suom. A. Mašin // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 40–45.

Sudakov V. Kansallinen puu: kuvaus / suom. I. Kolomainen // Kipinä. — 2002. — No. 2. — S. 5.

Ukkone A. Jasja: kertomus / suom. S. Moltsa // Kipinä. — 2002. — No. 2. — S. 6–7.

• Kuinka Pihlajakadusta tuli Jäniskatu: kertomus / suom. S. Moltsa // Kipinä. — 2002. — No. 7/8. — S. 8–9.

Voronin A. Kolme porsasta ja viekas susi: uusia seikkailuja / suom. A. Mashin; A. Hiiri // Kipinä. — 2002. — No. 4. — S. 10–12; No. 5/6. — S. 16–18; No. 7/8. — S. 17–19; No. 9. — S. 18–20.

Vostrjakov I. Unia Kristuksesta: Opettaja: kertomus / suom. S. Moltsa // Kipinä. — 2002. — No. 1. — S. 6–7.

На карельский язык

Bianki V. Lintujen ruokala; Ensimmäini kevät: kertomuksie / kiänt. R. Remsujeva // Kipinä. — 2002. — No. 2. — S. 11.

Čukovskii K. Ar baitukset / kiänd. A. Volkov // Kipinä. — 2002. — No. 10. — S. 16–17.

• Segovus (katkelmu) / kiänd. A. Volkov // Kipinä. — 2002. — No. 11. — S. 2–3.

• Segovus (katkelmu); Ar baitukset / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2002. — 1. orask.

Kalinan svuad’bas loppiettiheze lihat: suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2002. — 15. elok.

Kivini kani: Vietnamilaini starina / kiänt. M. Remsujeva // Kipinä. — 2002. — No. 11. — S. 13; Vienan Karjala. — 2002. — 12. syysk.

Kl’ujev J. Elävän luonnon lakijen mukah: starina / kiänt. M. Remsujeva // Vienan Karjala. — 2002. — 10. tammik.

Kolme tahtuo: Latvien suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2002. — 3. ligak.

Kui köühäl talvi meni: Saamelaine suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2002. — 26. talvik.

Kukki da reboi: skotlandien suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2002. — 21. kevätk.

Lindu–tüttöine: suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2002. — 1. elok.

Linnun kieli: suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2002. — 19. süvüsk.

Mister Maika: Anglien suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2002. — 24. ligak.

Nikke–revon seikkailu: starina / kiänt. M. Remsujeva // Vienan Karjala. — 2002. — 22. elok.

Ošanin L. Anna ainos on Päivü: pajo / kiänd. A. Volkov // Oma Mua. — 2002. — 4. heinük.

Paleček J. ”Konsa kala läksi kirjasta...”: satu / kiänt. M. Remsujeva // Kipinä. — 2002. — No. 11. — S. 12.

Ranskalaista folklorie / kiänt. M. Remsujeva // Kipinä. — 2002. — No. 5/6. — S. 14.

Reboi da vuohi: suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2002. — 12. süvüsk.

Tarasova M. Kuldaine jäseni: kedomus / kiänd. T. Ščerbakova // Oma Mua. — 2002. — 22. elok.

Varoi da kruabu: suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2002. — 17. ligak.

Vüzas Homa: suarnu / kiänd. J. Jemujev // Oma Mua. — 2002. — 5. süvüsk.

На вепсский язык

Mišina O. Keväz'; Kondi; Päskhaiženpäskoin korktuz': runod / känd. N. Zaiceva // Kodima. — 2002. — № 9 (sügüz'k.).

Osejeva V. Ezmäižehe vihmahasai; Uz' boba: kerdomukset / Veps. känd. N. Abramov // Kodima. — 2002. — № 11 (kül'mk.).

Sladkov N. Reboiden vändod: kerdomus / känd. A. Andrejeva // Kipinä. — 2002. — No. 2. — S. 12.

Sutejev V. Kerdan möhsügüzel: kerdomus / känd. N. Zaiceva // Kipinä. — 2002. — No. 11. — S. 16–17; Kodima. — 2002. — № 8 (elok.).

Tolstoi L. Kažin poig: elosanund; Tactüd laps': kerdomus / känd. N. Abramov // Kipinä. — 2002. — No. 3. — S. 16–17.

•Kažin poig; Orav i händikaz: elosanund / känd. N. Abramov // Kodima. — 2002. — № 1 (viluk.).

ЛИТЕРАТУРА ФИНЛЯНДИИ В ПЕРЕВОДЕ**На карельский язык**

Hütönen T. Kүүnäl: kerdomus / kiänd. I. Savin // Oma Mua. — 2002. — 25. sulak.

Kuntijärvi L. Myö toimima heimon hyväksi: Katkelmia romanista ”Yhessä yletti” / Kiänt. I. Joki // Vienan Karjala. — 2002. — 13. kesäk.

Sörlie C.W. Iisus on aino mual...: pajo // Oma Mua. — 2002. — 18. sulak.

Topelius S. Talven suarnu / kiänd. S. Kondratjeva // Oma Mua. — 2002. — 10, 24, 31. pakkask.; 7, 14, 21. tuhuk.

Vatanen J. Muissanta rakkahasta: runo / kiänt. V. Huotarinen // Vienan Karjala. — 2002. — 26. syysk.

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА**На финском языке**

Karhu E. Isien sanoma: Tutkielma karjalaisesta ja inkeriläisestä kansankulttuurista / suom. R. Kolomainen. — Juminkeko: Verso, 2002. — 316 s.

Arv.: Mironova V. Eino Karhun uuzi kirju // Oma Mua. — 2002. — 14. kül'mük.

* * *

Abramov N. Vepsäläiset kirjailijat tapasivat Kuhmossa // Karjalan Sanomat. — 2002. — 23. lokak. — S. 7.

• Runoilijaklubi Petroskoihin // Karjalan Sanomat. — 2002. — 30. marrask. — S. 7.

Aleksis Kivi Suomen kansalliskirjailija // Kipinä. — 2002. — No. 10. — S. 2.

Brendojevin runot koskettavat edelleenkin // Karjalan Sanomat. — 2002. — 7. syysk. — S. 3.

Djužev J. Karjalan 1990-luvun venäjänkielisen proosan kehityslinjat // Carelia. — 2002. — No. 1. — S. 66–79.

• Fjodor Abramov (1920–1983) / suom. P. Autio // Carelia. — 2002. — No. 10. — S. 40–68.

Filantrooppi-palkinto runoilija Galtšenkolle / MN // Karjalan Sanomat. — 2002. — 9. toukok. — S. 9.

Fjodorov esitteli Runonsa: [Runo minun tehtaasta–esikoiskirjasta] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 12. tammik. — S. 14.

Fuks G. Ihmeellisiä unia: [O. Mišinan proosakokoelmasta] // Carelia. — 2002. — No. 2. — S. 148–150.

Gin J. Venäjällä kirjailijan on elettävä kauan: [Urho Ruhanen] // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 48–49.

Haanpää: novellisti ja ironikko / Kerän. I. Smirnova // Karjalan Sanomat. — 2002. — 1. toukok. — S. 12.

Hiiri A. Paavo muistellen // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 32–33.

• ”Syytettynä suomalainen”: [Oskari Johansson] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 15. kesäk. — S. 6.

• Salli Lundin pysyvä runontupa // Karjalan Sanomat. — 2002. — 11. jouluk. — S. 11.

Ivanov V. Aljoša Karamazovin Perhe–Kirkko // Carelia. — 2002. — No. 12. — S. 125–126.

Jaakkola M. Askel kohti Karjalan ja Suomen kulttuuriyhteistyötä: Marat Tarasov vieraili vuoden alussa läntisessä naapurissa ja neuvotteli käytännön järjestelyistä // Karjalan Sanomat. — 2002. — 9. helmik. — S. 8.

Kanssaihminen muistikuvia Tertusta [Vikström] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 12. lokak. — S. 8.

Karhu E. Nuorten kirjallisuuksien historia: Huomioita kolmiosaisen ”Karjalan kirjallisuushistorian” ilmestyttyä / suom. P. Autio // Carelia. — 2002. — No. 2. — S. 81–89.

Karhu T. Kirjoitan kotimaastani: Kipinä-lehden toimitus palkitsi kirjoituskilpailuihin osallistuneet koululaiset // Karjalan Sanomat. — 2002. — 29. toukok. — S. 8.

Kirjailijanaluille opiskelua // Karjalan Sanomat. — 2002. — 10. elok. — S. 7.

Kirsanova J. Lastenkirjafestivaali Pohjois-Euroopassa // Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 148–151.

Kokko W. Inkeriläisrunoutta unkariksi // Karjalan Sanomat. — 2002. — 11. syysk. — S. 8.

Kolomainen I. Kirjailijat toimivat kansallisen itsetunnon ja omaperäisen kulttuurin säilyttämiseksi // Karjalan Sanomat. — 2002. — 11. syysk. — S. 7.

Kolomainen R. Kalevala ja Sormusten herra: [110 vuotta J. R. R. Tolkienin syntymästä] // Carelia. — 2002. — No. 2. — S. 3–5.

• Inkerin pojan kulttuuriteko tieteen saralla: [T. Flinkin Maaorjuuden ja vallankumouksen puristuksessa-väitöskirjasta] // Carelia. — 2002. — No. 5. — S. 3–5.

• Päivänpaisteinen selviytyjäluonne: [Urho Ruhanen] // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 44–47.

• Yya-kauden ensyklopedia: [V. Fjodorovin ”NKP:n Suomen osastolla 1954–1989” kirjasta (Otava, Helsinki 2001)] // Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 3–5.

• Sie palasit – et ollaksesi poissa: Paavo Voutilainen 50-vuotispäivään // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 20–23.

• Tilinpäätös yya-kaudesta ja evästyks tulevaisuudelle: [V. Fjodorovin ”NKP:n Suomen osastolla 1954–1989” kirjasta (Otava, Helsinki 2001)] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 21. elok. — S. 6.

Kolpakova S. Suomentajan saatesanat: [Jevgeni Lazarev] // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 78.

Kostin I. Pitkä elämäntaival vuosisadan pyörteissä: Urho Ruhanen syntymästä 95 vuotta 30. kesäkuuta // Karjalan Sanomat. — 2002. — 19. kesäk. — S. 8.

Kutkov N. Linevskin kivikirja / suom. L. Kolomainen // Kipinä. — 2002. — No. 5/6. — S. 8–9.

Mašin A. Poikkeusten vallaton poika: [P. Voutilaisen muistolle] // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 25–31.

• Poikkeukset keksitty vallattomille: [Paavo Voutilaisesta] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 27. helmik. — S. 8.

Mašin V. Isällinen rehtorimme [Urho Ruhanen] // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 38–41.

• Ahkera kuin muurahainen: Terttu Vikströmin 70-vuotispäiväksi / V. Mashin, A. Mashin // Kipinä. — 2002. — No. 11. — S. 4–5.

• Ei taito taakkana ollut: Kirjailija Uljas Vikströmin muistolle // Karjalan Sanomat. — 2002. — 17. huhtik. — S. 8; 20. huhtik. — S. 8; 24. huhtik. — S. 8.

Metšev M. Ystävyyden lahja: [T. Vikströmista] // Carelia. — 2002. — No. 10. — S. 120–123.

Mišin A. Antti Tiittasen lyhyt taival // Carelia. — 2002. — No. 1. — S. 50–51.

• Ystäväni Urho [Ruhanen] // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 25–37.

- Romantikko Terttu Vikström // *Carelia*. — 2002. — No. 10. — S. 126–128.
- Jo kuuluvat askelet keväimen (Lea Helon syntymän 95–vuotispäiväksi) // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 26. tammik. — S. 8.
- Inkeri–kaipuu panee toimimaan: Inkeriläiskirjailijat pitivät ensimmäisen kokouksensa // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 8. kesäk. — S. 8.
- Firsovin kymmenen Andronia // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 15. kesäk. — S. 6.
- Morozovin runot sointuvat yhä tuoreina // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 10. heinäk. — S. 7.
- Inkerin romaani: [T. Pekkanen] // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 25. syysk. — S. 3.
- Nesvitski M. Suomesta kirjalahjoitus Petroskoihin: Valtionyliopiston kirjasto sai otoksen Pohjois–Karjalan nykyaikaista sanataidetta // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 2. maalisk. — S. 8.
- Tirkistysaukko Barentsin kirjallisuuteen: Kansainvälinen runo– ja novellivalikoima [«Здесь начинаются дороги» Архангельск, 2001] pääsi vihdoon venäjänkielisenä Karjalaan asti // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 27. maalisk. — S. 7.
- Karjalan kirjamarkkinoilla läpimurtovuosi // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 27. huhtik. — S. 7.
- Karjalan kieltä halutaan näyttämölle: Näytelmäkilpailu tarjosi teattereille kuusi kunnan näytelmää // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 5. kesäk. — S. 7.
- Tšehovia mahtavasti Luovapajassa: Kirsikkapuutarha tuotiin lavalle Petroskoissa // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 7. jouluk. — S. 8.
- Oleg Tihonovia muisteltiin // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 19. tammik. — S. 7.
- Paavo Voutilaisen muistoksi // *Carelia*. — 2002. — No. 9. — S. 159.
- Paavo Voutilainen poissa // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 28. elok. — S. 3.
- Perttu A. Siltoja ja kahlaamoja pohjoiseurooppalaisessa kulttuurimaisemassa // *Carelia*. — 2002. — No. 12. — S. 122–124.
- Remsujeva R. Kalevalan kääntäjien seminaari pidettiin Sammatissa // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 13. heinäk. — S. 6.
- Rettijeva A. Huotarisen Vienankarjalainen rapsodia // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 10. heinäk. — S. 6.
- Roiha M. Kepan koulu nimettiin Ortjo Stepanovin mukaan // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 10. heinäk. — S. 3.
- Haikolassa vietettiin komeasti pruasniekkaa: [O. Stepanov] // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 13. heinäk. — S. 1, 3.
- Vienan runokyltiin tehdään kulttuurimatkoja // *Karjalan Sanomat*. — 2002. — 17. heinäk. — S. 6.
- Romanova P. Komin tasavallan kirjallisuus // *Carelia*. — 2002. — No. 7. — S. 70–73.

Rugojev J. ”Tuloksekas ja urauurtava työ” kulttuurimme hyväksi: [T. Vikström] // Carelia. — 2002. — No. 10. — S. 124–125.

Ruhanen U. Viimeinen haastattelu kevättä täynnä / haast. J. Dmitrijev // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 50–53.

• Vesselä vekkuli, miehinen mies / haast. P. Voutilainen // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 54–56.

Sanantaitaja Ahvo Lies täytti 90 / MN // Karjalan Sanomat. — 2002. — 25. toukok. — S. 7.

Saveljev V. Kirjailijan opetuksia: Petroskoi Konstantin Paustovskin tuotannossa // Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 97–99.

Seuraavaksi julkistaan Rugojevia tai Lainetta // Karjalan Sanomat. — 2002. — 13. heinäk. — S. 7.

Slaavilainen kulttuuri vahvimmillaan toukokuussa / MN // Karjalan Sanomat. — 2002. — 29. toukok. — S. 7.

Stepun F. Dostojevskin maailmankatsomus / suom. P. Nenonen // Carelia. — 2002. — No. 1. — S. 97–112.

Šštenniko G. ”Koko ihmiskunta mestauslavalla...”: Merkittävien Dostojevskitutkijoiden pikahaastatteluja / haast. V. Ivanov // Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 100–101.

Tarasov M. Runosuoni kuin haavoittunut omatunto / haast. G. Sohnova // Carelia. — 2002. — No. 5. — S. 143–146.

Terttu Vikström (1932–1990): Kirjailijan 70–vuotispäiväksi // Carelia. — 2002. — No. 10. — S. 110–111.

Timofejeva T. Kalevala ja runous nuorten käsittelyssä // Karjalan Sanomat. — 2002. — 6. huhtik. — S. 8.

Titova T. Ljubov Kirjušinan runokirja valmistumassa // Karjalan Sanomat. — 2002. — 18. toukok. — S. 9.

Tolstyh M. Kalevala–maraton aloittanut kulkunsa Karjalassa // Karjalan Sanomat. — 2002. — 2. maalisk. — S. 3.

• Barentsin alueen kirjailijanalut leirillä Suojärvellä / M. Tolstyh, M. Roiha // Karjalan Sanomat. — 2002. — 10. elok. — S. 6.

• Kirjailija Marat Tarasov suojelee ihmisoikeuksia Karjalassa // Karjalan Sanomat. — 2002. — 11. jouluk. — S. 1, 3.

Tuhattaituri Terttu Vikströmin muistolle: kirjailija ja kirjallisuudenkääntäjä Terttu Vikström olisi täyttänyt tänään 70 vuotta // Karjalan Sanomat. — 2002. — 12. lokak. — S. 8).

Tupin T. Muistellemme Paavoja [Voutilainen] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 19. lokak. — S. 3.

Umberg A. Rimma Kazakova vieraili Karjalassa: Lakiehdotus, kulttuurikeskus ja jatkokoulutus vierailun teemoina // Karjalan Sanomat. — 2002. — 21. jouluk. — S. 8.

Vasiljeva N. Tuota pikaa vain sadussa...: [Tietoja Karjalan ja Barents-alueen yhteiskirjallisuustyöstä] // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 74–77.

Voutilainen P. Vienankarjalainen rapsodia: [V. Huotarisen kirjasta] // Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 42–43.

• Onnellisinkin vuosi takaiskuja täynnä // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 138–140.

• Vladimir Mašin: ”Moskovaan en lähtenyt, jäin työttömäksi Karjalaan” // Karjalan Sanomat. — 2002. — 23. maalisk. — S. 8.

• Ortjo [Stepanov] odottelee Haikolassa // Karjalan Sanomat. — 2002. — 6. huhtik. — S. 8.

• Unelman [Konkka] unelmamatka Uhtualle // Karjalan Sanomat. — 2002. — 18. toukok. — S. 12.

• Pohjoinen lyyra menee Prääsään // Karjalan Sanomat. — 2002. — 22. kesäk. — S. 3.

• Kesäpruasniekka kulkee Haikolasta Kepalle: [O. Stepanov] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 26. kesäk. — S. 8.

• Uhreille uhrattu eläkeläisen autuus: [E. Lahti–Argutinasta] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 13. huhtik. — S. 8.

Väisänen T. Armottoman vuosisadan inhimillinen edustaja: [Urho Ruhanen] // Carelia. — 2002. — No. 6. — S. 42–43.

Zaitseva N. Vepsäläisen kirjallisuuden ystäville luvassa yllätyksiä / Haast. L. Vlasova // Karjalan Sanomat. — 2002. — 5. lokak. — S. 6.

* * *

*

Karhu E. Kansakuntaa luomassa: Elias Lönnrotin elämä ja merkitys / Suom. P. Nenonen. — Juminkeko: Verso, 2002. — 234 s.

Arv.: Mironova V. Kalevala–marafounu jatkuu // Oma Mua. — 2002. — 4. sulak.; Kalevala–eeposan luadijan mustokse // Oma Mua. — 2002. — 1. orask.

* * *

Dunkers A. Juri Ljukshinin Kalevala / suom. L. Kolomainen // Kipinä. — 2002. — No. 2. — S. 2–4.

• Nikolai Brjuhanovin satumaailma / suom. A. Mashin // Kipinä. — 2002. — No. 4. — S. 4–5.

Kalinin J. Tie itsensä luo: [M. Koppalevin tuotannosta] // Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 81–92.

Karhu E. Elias Lönnrotin ja Jakov Grotin kirjeenvaihto / suom. P. Autio // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 50–78.

Karhu T. Kalevalan luoja syntymästä tulee kuluneeksi 200 vuotta [E. Lönnrotista] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 6. huhtik. — S. 8.

Kiuru E. Miten Elias Lönnrot teki Kalevalan: mietteitä runoelman rakenteesta // Carelia. — 2002. — No. 4. — S. 96–113.

• Onko Elias Lönnrot kirjoittanut Kalevalan tekstin ulkomuististaan? // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 106–110.

• Kun jotain väittää, pitää se jokin tietää: [A. Mišinin Elias Lönnrot, Kalevalan luoja-artikkelista (Carelia. 2002. No. 3. S. 3–5)] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 10. huhtik. — S. 8.

• Lauri Hongon aikaansaannokset ulottuvat kauas // Karjalan Sanomat. — 2002. — 7. elok. — S. 8.

Krasavtseva N. Kansanrunoudesta elämäntyö: [U. Konkka] // Karjalan Sanomat. — 2002. — 10. huhtik. — S. 7.

Kutkov N. Lönnrot vertasi Petroskoita Helsinkiin: 200 vuotta Elias Lönnrotin syntymästä / suom. L. Kolomainen // Kipinä. — 2002. — No. 4. — S. 8–9.

Limerov P. Maailmanrakentajain taistelu // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 46–50.

Makarov V. Koppalevin Melodia soi yhä // Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 93–96.

Mišin A. Elias Lönnrot, Kalevalan luoja // Carelia. — 2002. — No. 3. — S. 3–5.

• Elias Lönnrotin eepoksen taiteelliset erikoispiirteet // Carelia. — 2002. — No. 4. — S. 90–95.

• Suomalaini Homero: (Elias Lönnrotin 200-vuotispäiväksi) // Vienan Karjala. — 2002. — 28. tuiskuk.

Nesvitski M. Lönnrotin ja Inhan jälkiä Kalevalaan: Suomalaiset valokuvaajat dokumentoivat Vienan runokyllien nykyistä tilaa // Karjalan Sanomat. — 2002. — 10. huhtik. — S. 7.

• ”Picassomainen” Kalevala Juminkeossa: Petroskolaisen Fominin kankaita kevätnäyttelyssä Kuhmossa // Karjalan Sanomat. — 2002. — 15. toukok. — S. 7.

• Kauas suomalaisen kulttuurin juurille: Santra Remsujevan laulujen levy aloitti Vienan kansan laulajia-äänitesarjan // Karjalan Sanomat. — 2002. — 11. jouluk. — S. 11.

Perttu A. Verrattoman vaatimaton Elias Lönnrot ja Lönnrotin mänty: Pauli Lesosen tutkielmia // Carelia. — 2002. — No. 8. — S. 123–125.

Poljakova S. Vitali Dobrynin. Omakuva // Carelia. — 2002. — No. 7. — S. 160.

Sudakov V. Venäläisen surun runotar: [Irina Fedosova] // Carelia. — 2002. — No. 11. — S. 111–113.

Vienan runokylä herätellään henkiin // Karjalan Sanomat. — 2002. — 13. heinäk. — S. 3.

На карельском языке

Čikina N. Aleksandr Volkov: eloskerdu // Oma Mua. — 2002. — 4. sulak.

• Karjalan literatuurin enziaskeli: [F’odor Isakov] // Oma Mua. — 2002. — 19. talvik.

D’ekoin D. Pohjoine liiru–nuorižokilvas karjalakse kirjuttajua löödii vai üksi // Oma Mua. — 2002. — 27. kezäk.

• Vepsäläzet pietäh maailman tapahtumua // Oma Mua. — 2002. — 17. ligak.

Fedulova G. Mielet jälles [V. Brendojevan] Festivuali // Oma Mua. — 2002. — 10. ligak.

Kemppainen M. Vladimir Brendojevan mustokse // Oma Mua. — 2002. — 12. süvüsk.

Melentjeva O. Karjalaini klassikko jälkipolvella: [Ortjo Stepanov] // Vienan Karjala. — 2002. — 22. elok.

Mišin A. Uskommo, gu tuli aigu meigi: [Suomi–ugrilazien kirjailijoin VII kongressu] / Pag. M. Viglijeva // Oma Mua. — 2002. — 19. süvüsk.

Prušinskaja N. Miikul Krisun, Miron Smirnov da karjalankielizen kaunehlit’eratuuran alguperä // Oma Mua. — 2002. — 25. heinäk.

Rettijeva A. Huotarisen Vienankarjalaini rapsodija – kaunehutta ylistäjä laulu // Vienan Karjala. — 2002. — 25. heinäk.

Suavan I. Suuri runoniekku [V. Brendojev] eli mejän rinnal // Oma Mua. — 2002. — 31. pakkask.

• Vladimir Brendojev minun elokses // Oma Mua. — 2002. — 31. pakkask.

• Vladimir Brendojev on mejän kel // Oma Mua. — 2002. — 24. ligak.

Viglijeva M. Huvän ristikanzan jätetty jälgi: [P. Lukinan 80–vuotispäiväkse] // Oma Mua. — 2002. — 26. süvüsk.

Volkov A. Karjalazen Sanan kerähmö // Oma Mua. — 2002. — 7. tuhuk.

• Aleksandr Puškin karjalakse // Oma Mua. — 2002. — 4. sulak.

• Karjalan kieleh kiändäjät // Oma Mua. — 2002. — 11. heinäk.

• Runopruazniekku Anukses: [V. Brendojevan festivaali] // Oma Mua. — 2002. — 19. süvüsk.

• Anuksessa piettih toini [V. Brendojevin] runofestivali: ”Minun syväin jii maailmal runolois” // Vienan Karjala. — 2002. — 26. syysk.

Voutilainen P. Vienan Karjala kuvastuu Careliassa: [Ortjo Stepanov] // Vienan Karjala. — 2002. — 23. orask.

• Kiertämättä Kepalla ta haikailomatta Haikol'ah: [Ortjo Stepanov] // Vienan Karjala. — 2002. — 27. kesäk.

* *
*

Kuulužu rahvahanrunohuon tiedäi: [Paraskovja Saveljeva] // Oma Mua. — 2002. — 20. kezäk.

Mironova V. Tämänpäiväzen küläläzen kul'tuuru: (Folklouran keräilijöin kačahetus) // Oma Mua. — 2002. — 17, 31. pakkask.

• Kalevalan algu // Oma Mua. — 2002. — 27. tuhuk.

Remšujeva R. Kalevala latinakse – ongo se kebjei: Sammatis piettih eeposan kiändäjien seminuaru // Oma Mua. — 2002. — 11. heinük.

• Elias Lönnrotin jalanjälillä: Kalevalan kiändäjien seminari piettih Sammatissa // Vienan Karjala. — 2002. — 11. heinäk.

Syväin muistau Mändyselän Paša–t'otan: [P. Saveljevasta] // Vienan Karjala. — 2002. — 27. kesäk.

Ščerbak M. Kalevala–2002 // Oma Mua. — 2002. — 7. kevätk.

Volkov A. Rahvahan pajoniekku: [Ivan L'ovkin] // Oma Mua. — 2002. — 15. elok.

На вепском языке

Abramov N. Ezmäine vepsläižiden kirjutajiden suim / N. Abramov, N. Fomin // Kodima. — 2002. — № 10 (reduk.).

Ezmäine vepsläine filologian tedodoktor–naine: [N. Zaiceva] // Kodima. — 2002. — № 5 (semendk.).

* *
*

Zaiceva N. Kaidašt tropaštme Lönnrotan jäl'gidme // Kodima. — 2002. — № 6/7 (heink.).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
ACADEMIC LIFE

**СВЯЗИ РОССИЙСКИХ И ЭСТОНСКИХ ИСТОРИКОВ В РАМКАХ
ПРОЕКТА «РОССИЯ И ПРИБАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН В XVIII–XX ВВ.
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ»**

CONNECTIONS BETWEEN RUSSIAN AND ESTONIAN HISTORIANS
WITHIN THE PROJECT *RUSSIA AND THE BALTIC REGION IN THE 18TH–
20TH CENTURIES. PROBLEMS OF RELATIONSHIPS IN A CHANGING WORLD*

Балтийское направление международного сотрудничества — одно из приоритетных в деятельности Института всеобщей истории РАН в настоящее время. В контексте данного направления институт укрепляет научные связи с историками стран Балтии. Сотрудничество с эстонскими коллегами развивается в рамках договора между ИВИ РАН и Институтом истории Таллинского университета, который заключен в марте 2008 г. В апреле 2009 г. в Таллине была организована первая российско-эстонская конференция «Россия и Прибалтийский регион в XVIII–XX вв. Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире», положившая начало практике двусторонних встреч¹. К настоящему времени состоялись четыре такие встречи. Итогом сотрудничества стала выработка платформы для конструктивного диалога между историками двух стран. Кроме того, нельзя не упомянуть, что по результатам первых двух конференций был издан сборник статей, посвященный проблемам российско-эстонских межнациональных и межгосударственных отношений².

Конференция, организованная ИВИ РАН и Гуманитарным институтом Таллинского университета³ и состоявшаяся в Москве 24–25 сентября 2018 г., была приурочена к 100-летию Эстонской Республики⁴. Исторический период, на котором сосредоточились участники конференции, характеризовался распадом Российской империи и становлением национальных государств на её западных окраинах. Эти процессы были длительными и непростыми, сопровождалась гражданскими и освободительными войнами, но обретение независимости открыло новую эпоху национальных государств Балтии. В ходе церемонии открытия

¹ См., например: Михайлова Ю. А. Россия и Прибалтийский регион в XVIII–XX вв. Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире: Обзор второй российско-эстонской конференции 29–30 ноября 2010 г. // Россия и Балтия. М., 2011. Вып. 6. Диалог историков разных стран и поколений / Отв. ред. А. О. Чубарьян, ред.-сост. Е. А. Назарова. С. 240–245.

² См.: Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв. Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире / Редколл.: Т. Н. Джаксон, А. А. Комаров, Ю. А. Михайлова, Е. А. Назарова. М., 2013.

³ После структурной реформы, проведённой в Таллинском университете в 2015 г., Институт истории вошёл в состав Гуманитарного института Таллинского университета. Договор, подписанный в 2006 г. между Институтом истории Таллинского университета и ИВИ РАН, продолжает действовать.

⁴ Мероприятие проводилось также при финансовой поддержке в рамках проекта Минобрнауки 33.4122.2017/ПЧ (Международные комиссии историков: современные подходы в исторических исследованиях, изучении и преподавании истории в России и мире).

конференции участников приветствовали научный руководитель ИВИ РАН академик А. О. Чубарьян, директор ИВИ РАН М. А. Липкин, в. н. с. Гуманитарного института Таллинского университета М. Ильмярв. Выступившие подчеркнули, что этот период имеет большое значение для формирования эстонской государственности, а исследование революционных импульсов в контексте российской и мировой истории составляет одно из важных направлений современной историографии. В работе конференции приняли также участие представители МИД РФ и Посольства Эстонии. В ходе двухдневной конференции было заслушано и обсуждено 14 научных докладов.

Исследованию революционных процессов и формированию идеи независимости Эстонии была посвящена первая сессия конференции. В докладе с. н. с. ИВИ РАН к. и. н. Е. Л. Назаровой «Проекты самоуправления Эстляндии и Лифляндии в контексте политики Временного правительства. Март–июнь 1917 г.» рассматривалось, каким образом Временное правительство решало актуализировавшийся в годы войны и революции вопрос о предоставлении народам Российской империи национально-культурной и административной автономии. Автор подчеркнула, что идея автономизации нетитульных наций Российской империи после падения монархии получила широкое распространение. Национальный вопрос обострился в период войны и революции, тем более что Прибалтийские губернии находились в стратегически важном районе и наступавшая Германия не скрывала своих претензий на Прибалтийский регион. В таких условиях национальные лидеры края были намерены добиваться автономии — проект эстонской автономии был подан Временному правительству 18 марта 1917 г.; 24 марта было выполнено требование двух народов по разделу Лифляндской губернии по этническому признаку, а в мае свой проект самоуправления привезла в Петроград и латышская делегация. Несмотря на то, что далеко не все требования и надежды на реформы самоуправления были Временным правительством реализованы, эти документы дали возможность для дальнейшего практического развития планов самоуправления латышей и эстонцев, стимулировали стремление наций к автономиям и показали невозможность административно-политической унификации в новых условиях.

Доктор истории, в. н. с. Гуманитарного института Таллинского университета М. Ильмярв в докладе «Эстляндская губерния до и после октября 1917 г.» продолжил тему рождения идеи автономии Эстонии. Историк сосредоточил внимание на активной деятельности национальной эстонской элиты, которая в условиях войны и революции продвигала во Временном правительстве проект национальной автономии и боролась за создание единой этнической территории. Эстония как политическое образование появилась после образования национальной

Эстляндской губернии в апреле 1917 г. Автор подчеркнул, что цели, которые ставила национальная элита в период Февральской революции, были достигнуты: Временное правительство пошло на уступки и поддержало проект автономии. Ситуация изменилась после Октябрьского переворота: несмотря на то, что большевики пришли в Эстляндской губернии к власти бескровным путем, политические настроения населения и армии осенью 1917 г. оказались для них благоприятными, а на выборах в Учредительное собрание РСДРП(б) набрала наибольшее по сравнению с остальными партиями количество голосов — 37,1%, эстонские политики в большинстве своём стали по-другому смотреть на будущее страны. Смута, охватившая Россию, отрицание традиционных ценностей, в том числе частной собственности, стали причиной того, что эстонская политическая элита, за исключением коммунистов и части социал-демократов, выступила с идеей о национальном самоопределении и провозглашения независимости Эстонии. Дальнейшая её судьба решалась в условиях начавшегося наступления германских войск, введения военного положения и последующей войны за независимость.

Важные аспекты истории Гражданской войны (в прибалтийской историографии эта война носит название Освободительной) на территории Прибалтики поднял в своем докладе д. и. н., г. н. с. ИВИ РАН А. В. Шубин. Историк сосредоточил внимание на событиях 1919 г., когда Советская Россия, после того как 13 ноября 1918 г. был аннулирован Брестский мир, предъявила свои права на Прибалтику. Наступление красных частей (на острие шла дивизия латышских стрелков) имело целью занятие Риги — как важного пункта для дальнейшего продвижения в Европу. Правительство К. Улманиса спешно формировало собственные войска, которые было вынуждено составить из прибалтийских немцев, латышей и русских. «Эстонским фактором» в борьбе за независимую Латвию было то, что латышские силы (Северолатвийская бригада, командующий Й. Земитанс) подчинялись командованию Эстонии. Военные силы Земитанса эстонцы поддерживали и в последующих операциях в борьбе с Красной армией. Решающим для определения судьбы Латвии событием стала победа объединённых сил латышей и эстонцев над немецкими силами (прибалтийский ландесвер и Железная дивизия) в боях под Цесисом 19–23 июня 1919 г., в результате которой правительство К. Улманиса вернулось в Ригу, а созданное прибалтийскими немцами марионеточное правительство А. Ниедры вынуждено было сойти с политической арены. 3 июля при посредничестве Антанты было достигнуто перемирие. Железная дивизия покинула Ригу, а ландесвер вошел в состав латвийской армии.

Вопрос о том, как региональные и международные аспекты влияли на становление независимости Балтийских государств, был рассмотрен на второй сессии конференции. Сессия открылась докладом д. и. н., г. н. с. ИВИ РАН

Е. Ю. Сергеева «Балтийский вопрос в отношениях Советской России и Великобритании (эстонский ракурс), 1918–1920 гг.», в котором он проанализировал советско-британские отношения, в частности по вопросу о статусе Балтийских государств в период революции и Гражданской войны. Автор подчеркнул, что несмотря на очевидную ценность Восточно-Балтийского региона для Великобритании с точки зрения экономики, инвестиций, а также сдерживания «большевистской угрозы», исследователи отмечают отсутствие какой-либо единой политической концепции в отношении государств региона. Решение балтийского вопроса виделось представителям различных групп британского истеблишмента по-разному: меньшая часть (У. Черчилль и генералитет) выступала за восстановление единой сильной России с предоставлением независимости лишь Польше и Финляндии; другие — подобно лорду-председателю Тайного Совета Дж. Кёрзону, отстаивали тезис о необходимости создания на имперских окраинах России полосы буферных государств под британским патронатом, объединённых в некую конфедерацию как «передовую линию противодействия большевизму»; наконец, третьи — вроде министра иностранных дел А. Бальфура и ряда высокопоставленных экспертов Форин офиса, выражая поддержку самоопределению Эстонии и её восточно-балтийских соседей, не исключали, однако, варианта их вхождения в состав демократической федеративной Российской республики. Новый этап начался с провозглашения независимости балтийскими государствами и интервенции Англии против России — Форин офис ориентировался на дипломатическую, военную и финансовую поддержку молодых государств (меморандум А. Бальфура для военного кабинета от 18 октября 1918 г.). С наступлением Красной армии на Ригу «малые страны» стали воспринимать как «буферные государства». Однако после поражения белых и краха Юденича британский Кабинет большинством голосов принял решение о постепенном прекращении военных поставок в страны региона, обеспечив к началу 1920 г. почти полный вывод боевых кораблей из восточно-балтийских вод. С этого момента ставка делалась на формирование под эгидой Британии альянса суверенных восточно-балтийских государств, который смог бы эффективно противодействовать как экспансии большевистской России, так и возрождению милитаристской Германии, что обсуждалось в ходе ряда международных конференций. И хотя провозглашение т. н. Балтийской лиги в составе Эстонии, Латвии, Польши и Финляндии состоялось 17 марта 1922 г. в Варшаве, в последующие годы «Восточно-Балтийский Бенилюкс» не стал прочным политическим образованием вследствие конфликтов между рядом стран региона. В заключение Е. Ю. Сергеев отметил, что послевоенные планы обоих ведущих геополитических игроков в Восточной Балтике — Советской России и Великобритании — по отношению к Эстонии и её соседям оказались на практике

труднореализуемы по целому ряду внутри- и внешнеполитических причин. То обстоятельство, что попытки их осуществления носили непоследовательный, противоречивый характер в значительной степени обусловило сохранение конфликтного потенциала на протяжении всего существования Версальского миропорядка, явившись одной из важных региональных причин начала Второй мировой войны.

Доктор истории, в. н. с. Гуманитарного института Таллинского университета К. Брюггеманн сосредоточил внимание на том, как вопрос о становлении независимых государств на территории Прибалтийского края рассматривается в современной историографии. Историк подчеркнул, что для объективного понимания этих процессов в настоящее время важно в первую очередь региональное измерение, анализ того, какие общие и особенные условия влияли на обретение независимости трех государств, ведь фокусирование исключительно «на своём», на собственной истории, не дает полного представления. На примере Эстонии, где раньше, чем в других Балтийских республиках, было основано демократическое правительство и утверждена конституция (июнь 1920 г.) К. Брюггеманн показал, что влияние оказали многие факторы: и то, что во время войны территория Эстонии не была оккупирована; и Февральская революция, приведшая к созданию Временного правительства, которое не могло противостоять воплощению идей национальной автономии: 24 марта 1917 г. Лифляндская губерния была разделена по этническому признаку, в результате чего уезды с эстонским населением отошли к Эстляндской губернии, а 30 марта было подписано Постановление о временном устройстве, административном управлении и местном самоуправлении Эстляндской губернии. В результате создались условия для окончательного оформления национальной территории. В период же Гражданской и Освободительной войны свою положительную роль сыграло географическое положение Эстонии на самом севере Прибалтики: для наступавшей Красной армии приоритетом была Рига, как возможность экспортировать революцию в Центральную Европу, Таллин же находился на периферии пути к мировой революции. Таким образом, следует учитывать многообразие факторов, повлиявших на возникновение новых государств, и обобщённый взгляд на эти процессы, учитывающий как глобальные факторы (война, революция и распад Российской империи), так и стремления национальных элит к независимости, способствует их лучшему пониманию, заключил историк.

Д. и. н., в. н. с. ИВИ РАН В. В. Рогинский выступил с докладом «Коммунистическое восстание 1 декабря 1924 г. — финал первого этапа мировой революции», в котором рассмотрел попытку коммунистического переворота, предпринятую в Таллине 1 декабря 1924 г. Несмотря на то, что повстанцы были

обезврежены в течение нескольких часов, это событие имело значение в международном контексте. Автор показал, что подготовка вооруженного выступления происходила в структурах РККА, а о начале восстания было принято специальное решение Политбюро. Коминтерн и Эстонская коммунистическая партия также принимали участие в подготовке мятежа. В. В. Рогинский подчеркнул, что Перводекабрьское восстание стало одной из многих попыток советского руководства и Коминтерна экспортировать революцию, при этом таллинские события вписываются в контекст восстаний в Европе, дирижируемых из Москвы, организованных силами малых групп заговорщиков и не поддержанных широким рабочим движением, а неудачи таких выступлений (восстание в Германии 1923 г., 1 декабря 1924 г. в Таллине и др.) постепенно вели советское руководство к свёртыванию «военно-конспиративной деятельности» за рубежом⁵.

Выступление доцента кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России к. и. н. В. В. Воротникова было посвящено особенностям международно-политического признания стран Балтии после Первой мировой войны. Автор подчеркнул специфику военно-политической обстановки на территории Прибалтики после 1918 г., где в противостоянии, охарактеризованном им как «война всех против всех», принимали участие по меньшей мере восемь противоборствующих сторон и заинтересованных политических сил (в том числе внерегиональных). В. В. Воротников подчеркнул особую роль Советской России в признании Прибалтийских государств, а также значение позиции «непредрешенчества» белых правительств для выхода «буржуазных» правительств Прибалтики из военного противостояния с РСФСР и начала переговоров о мире и взаимном признании. На примере Латвии автор продемонстрировал трудности, стоявшие перед странами Балтии в процессе переговоров с Антантой относительно получения признания *de jure*. В заключение В. В. Воротников отметил, что решение задачи сохранения независимости в начале 1920-х гг. Прибалтийские государства видели в поиске внешнего покровителя, что, с одной стороны, было естественным для молодых, не обладавших большим ресурсным потенциалом стран, с другой стороны, соответствовало стратегическим планам ведущих европейских держав в регионе.

Вопросы конфессиональной политики и религиозной жизни в Прибалтике, в том числе в Эстонии, обсуждались на третьей сессии конференции. В докладе к. и. н., в. н. с. ИВИ РАН А. А. Комарова и д. и. н., в. н. с. ИВИ РАН Е. С. Токаревой «К вопросу о конфессиональной политике независимых государств Прибалтики после распада Российской империи» был рассмотрен религиозный аспект

⁵ См. об этом подробнее: Михайлова Ю. А., Рогинский В. В. Мировая революция остановлена в Таллине? // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв. С. 78–102.

становления и укрепления национальной независимости и национальной идентичности Латвии и Эстонии. В этой сфере новообразовавшиеся государства ставили перед собой двоякую задачу: во-первых, максимально разорвать связи местных православных церквей с Российской православной церковью и, во-вторых, найти авторитетных покровителей на Западе, способных нейтрализовать влияние православия, ориентированного на Россию, и лютеранства, ориентированного на Германию. Такого покровителя молодые государства видели в Католической церкви (Ватикане), с которой попытались установить тесные связи сразу же после обретения независимости. Однако, при очевидном позитивном восприятии указанных намерений в Ватикане, путь установления дружеских отношений не был простым и легким. Одним из факторов, активно влиявшим на взаимоотношения Ватикана с Балтийскими государствами, был рост националистических настроений в этих странах, в который во многом оказалось втянутым и католическое духовенство. Противоречия и взаимные обвинения польских и латышских католиков вызывали большую обеспокоенность в Ватикане, несмотря даже на то, что в 1922 г. Латвии удалось заключить с Ватиканом Конкордат, предоставлявший Католической церкви в этой Балтийской стране ряд привилегий. В соседней Эстонии, где католики составляли лишь 0,2 % населения страны, то есть около 2500 человек, подобные националистические настроения скорее играли на руку Ватикану. Рост националистического движения среди православных эстонцев давал Риму основание для весьма сильной надежды на заключение с ними унии.

Другим фактором, существенно сказавшимся на развитии латвийских и эстонских отношений с Ватиканом, был курс, достаточно твёрдо взятый правительствами обоих государств, на построение светского государства. Проекты ограничения прав Католической церкви в Латвии, выявившиеся в ходе подготовки Конкордата, законы о конфессиональных организациях в Эстонии 1925 и 1934 гг., носившие отпечаток ограничительного характера, служили причиной озабоченности дипломатических представителей Ватикана в этих странах, и они стремились представить свои возражения соответствующим правительствам. Но несмотря на отмеченные негативные факторы, отношения новых стран с Ватиканом развивались достаточно стабильно вплоть до Второй мировой войны. В своём выступлении А. А. Комаров и Е. С. Токарева опирались на выявленные и опубликованные ими документы из ватиканских архивов⁶.

⁶ *Комаров А. А., Токарева Е. С.* «То, что есть некая склонность к унии, в этом нет сомнения...»: Донесения апостольского делегата в Эстонии Антонино Дзеккини. 1924–1929 гг. // Исторический архив. 2016. № 5. С. 114–129; *Их же.* Православие и католичество в Эстонии в переписке посланцев Ватикана (1928—1940 гг.) // История. Электронный научно-образовательный журнал [Электронный ресурс]. 2016. Т. 7, вып. 9 (53). URL: <http://history.jes.su/s207987840001653-7-1> (12.10.2018).

Доктор истории, с. н. с. факультета теологии Тартуского университета И. Пярт выступила с докладом «Вера и независимость. Процесс создания православной Эстонской епископской кафедры в 1917–1918 гг.». Она рассказала о роли православной церкви на территории Эстонии в 1918–1919 гг., сконцентрировавшись на периоде руководства православной церковью в Прибалтике епископом Платоном вплоть до его расстрела большевиками в январе 1919 г. Епископская кафедра в Ревеле (Таллине) была учреждена в 1917 г., когда состоялась епископская хиротония благочинного эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии протоиерея Павла (в монашестве Платона) Кульбуша. Епископ Платон принял епархию в годы немецкой оккупации, когда многие приходы были разрушены войной. Трудно переоценить его деятельность, направленную на поддержание и восстановление церковной жизни: Платон объезжал приходы, обращая внимание на насущные проблемы и трудности, уделял внимание тому, каковы настроения среди народа в отношении православия, ратовал за самообеспечение церковных причтов в условиях военного хаоса, когда главным становился не вопрос участия государства в управлении церковной жизнью, а роль народа в её поддержке. На епархиальном собрании 22 апреля 1918 г. был сформулирован переход от «церкви государственной» к «церкви народной», собрание согласилось с Платоном в том, что нужно опираться не на государственность (российскую или оккупационных властей), а на «эстонскую национальность».

Подводя итоги, И. Пярт подчеркнула, что хотя образование епископской кафедры в Эстонии не было чем-то из ряда вон выходящим в череде церковных событий 1917 г., процесс, начатый эстонскими православными, стал для эстонской православной церкви формирующим, важным этапом, который впоследствии привёл к отделению Православной церкви Эстонии от Московского патриархата. Именно в ходе лоббирования Ревельского епископства сплотились деятели православия, произошла мобилизация приходов и прихожан, укрепилась позиция националистов среди руководителей церковных структур. Война, оккупация, революция, а также параллельные процессы в лютеранской церкви также стимулировали переход к идее церковной самостоятельности в Эстонии.

К. и. н., с. н. с. ИВИ РАН Н. А. Белякова выступила с докладом «Традиции периода независимости в повседневной жизни православных приходов Эстонии 1960-х — 1970-х гг.», в котором рассказала об уникальной особенности жизни православных приходов в Советской Эстонии, а именно — о сохранении двух церковных практик ведения богослужения, западной и восточной пасхалий. Традиция празднования Пасхи по новому стилю была введена в Эстонии в 1920 г., когда по благословению святейшего патриарха Тихона Священный синод и Высший церковный совет Православной российской церкви на совместном

заседании постановили предоставить право автономной церкви в Эстонии при праздновании церковных праздников пользоваться новым стилем. При этом часть православных («русских») приходов продолжили жить по старому календарю. Н. А. Белякова подчеркнула: несмотря на то, что после войны, когда Эстонская православная церковь была присоединена к Московскому патриархату, архиереи Эстонской епархии стремились к унификации церковной жизни и прилагали усилия «перевести» всю епархию на старый стиль, в соответствии с «обычаями и традициями Православной Церкви», лишь несколько эстонских приходов восприняли переход к александрийской пасхалии. Практика показала, что традиция праздновать Пасху по новому стилю сильно укрепилась в эстонском обществе, где тесно сосуществовали православные и лютеране, а во многих смешанных браках православие и лютеранство исповедовались одновременно, что и отмечали приходские священники, глубоко укоренённые в местной традиции. В заключение Н. А. Белякова подчеркнула, что уникальная разделённость эстонского православия на разные временные и языковые пространства, заложенная в период независимости, несмотря на определенные попытки унификации, сохранялась на протяжении всего советского периода. Это стало возможным в том числе и потому, что советская власть индифферентно относилась к существовавшей ситуации, в отличие от Украины и Белоруссии, где епископат и чиновники объединяли усилия в борьбе с местными народными религиозными практиками. Вопрос о том, почему из всех специфических православных эстонских практик межвоенного периода в Эстонии сохранилась именно пасхалия по западному стилю — тема для будущих исследований, заключила Н. А. Белякова⁷.

В завершение первого рабочего дня конференции состоялась презентация книги «Православие в Прибалтике: религия, политика, образование 1840-е — 1930-е гг.», ответственным редактором которой является И. Пярт⁸. В книге рассматривается история православия в Прибалтийском регионе на материале синодального периода и периода независимой Эстонской Республики. Авторы статей — учёные из Эстонии, Латвии, Литвы, России и Германии анализируют значение православия для народов Прибалтийского региона, задаются вопросом, в какой степени православие как господствующая конфессия служила инструментом

⁷ См. о православии в Прибалтике также другие работы автора: *Белякова Н. А.* «В республике наблюдается устойчивый процесс снижения уровня религиозности населения»: Об особенностях религиозной жизни в Латвии и Эстонии в позднесоветский период // *Церковь и общество в истории стран Центрально-Восточной Европы: актуальные исторические исследования.* М., 2012. С. 123–138; *Её же.* Православная церковь в общественно-политической жизни прибалтийских государств // *Православная церковь при новом патриархе /* Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Московский центр Карнеги. М., 2012. С. 341–400.

⁸ См.: *Православие в Прибалтике: религия, политика, образование. 1840-е — 1930-е гг.* / Отв. ред. И. Пярт. Тарту, 2018.

национальной политики и способствовала укреплению имперской власти на национальных окраинах. Значительная часть историков даёт однозначный ответ на этот вопрос: православие являлось инструментом в руках государства, служило задачам ассимиляции национальных регионов и формированию единой русской нации. Задача сборника — показать, что реальная ситуация была намного более сложной и неоднозначной.

Авторы статей освещают различные аспекты этой проблемы, предлагают оригинальные интерпретации, опирающиеся на значительную источниковую базу. Их труды отражают современное состояние исследований, посвящённых роли православия в Балтийском регионе. Изучение традиций восточного христианства не ограничивается анализом деятельности Русской православной церкви и её преемников, но включает рассмотрение истории старообрядцев, а также православных сету, проживающих на границе с Прибалтикой, в Псково-Печерском крае.

В ходе четвёртой сессии конференции обсуждались вопросы национального и экономического развития Эстонии в составе Российской империи и в период независимости. Н. с. Института Европы РАН / МГИМО (Университета) МИД России П. В. Осколков в докладе «Вапсы: опыт институционализации национализма в межвоенной Эстонии» затронул проблему деятельности эстонской националистической организации — Лиги ветеранов освободительной войны (вапсов). В межвоенной Эстонии сложились необходимые условия для формирования успешной националистической партии: с одной стороны, государственная система имела существенные недостатки, на которые обращали внимание многие политические деятели: отсутствие сильной президентской власти и даже должности президента, «всевластие партий»; с другой стороны, благоприятный контекст: экономический кризис, дискуссии о девальвации кроны и характерный почти для всех стран Центральной и Восточной Европы правоавторитарный поворот. П. В. Осколков обратил внимание на характер организации: с 1932 г. вапсы являлись политическим движением, но не партией (одним из лозунгов был отход от «партийной политики»), принимавшим активное участие в политической жизни Эстонии, в том числе по вопросу об изменении конституции и выхода из кризиса. Несколько позднее для участия в парламентских и президентских выборах было организовано Народное движение вапсов, по количеству членов оно стало крупнейшей партией Эстонии.

Говоря об идеологии вапсов, автор подчеркнул, что её основой являлся классический консервативный тезис о народе как едином целом, едином политическом теле (*rahvusliktervik*). П. В. Осколков также отметил, что далеко не однозначным является вопрос о возможности причисления движения вапсов

к «фашистскому» — если придерживаться критериев отнесения движения к фашистскому, предложенных С. Пейном⁹ (корпоратизм, ирредентизм, организованное насилие, авторитарное лидерство), то вапсы определённо не вписываются в эту категорию. По мысли идеологов движения, эстонцы — особый народ, но не стоит его ставить выше других народов. Вапсы были движением не столько «против» чего-либо, сколько «за»: за республику с «президентской конституцией» и сильной исполнительной властью, палингенетическое возвращение к идеалам Освободительной войны, за создание «нового эстонца». Завершая анализ истории движения вапсов, П. В. Осколков отметил, что их успешная политическая деятельность, подкреплённая поддержкой населения, была прервана государственным переворотом 12 марта 1934 г.: активные члены движения вапсов были уволены из Союза обороны Эстонии (Кайтселийта) и других государственных учреждений. Попытка государственного переворота, предпринятая вапсами в декабре 1935 г., была подавлена: 150 активистов приговорили к разным срокам тюремного заключения (в 1938 г. их амнистировали), а лидер Артур Сирк был вынужден эмигрировать.

Д. соц. н., профессор МГИМО (Университета) МИД России Р. Х. Симонян в докладе «От Эстляндской губернии к Эстонскому государству» остановился на анализе черт национального характера и национальной культуры эстонского народа, которые обеспечили условия для формирования государственности. Р. Х. Симонян подчеркнул значимый вклад эстонцев в мировую культуру, что также является основополагающим качеством состоявшейся нации. Восприимчивость к новому является гарантией развития нации. И сегодня девиз независимой Эстонии — «изменяющаяся к лучшему страна», подчеркнул автор.

Доктор истории, директор издательства «Argo» Андрус Адамсон выступил с докладом «О начале банковского дела в Эстонии», в котором рассказал, как в XIX — начале XX в. в Эстляндии и Лифляндии появились первые банки и система кредитования. Прежняя полусредневековая система основывалась на крупных торговых домах, однако к концу XVIII в. она оказалась в кризисе — требовался дополнительный финансовый ресурс. Первыми настоящими частными ипотечными банками стали созданные в 1802 г. кредитные общества Лифляндии и Эстляндии, стартовый капитал которых был основан на госзаймах. А. Адамсон отметил, что после крестьянской реформы в Эстляндии и Лифляндии (1816 и 1819 гг.), когда прибалтийские крестьяне были освобождены от крепостной

⁹ Стэнли Пейн (р. 1934) — американский историк, исследователь истории Испании и феномена европейского фашизма, предложил типологическое описание фашизма, а также основные характеристики идеологии. См., например: *Payne S. Fascism: Comparison and Definition*. Madison, 1980; *Idem. A History of Fascism, 1914—1945*. Madison, 1995.

зависимости без земли, эти кассы в том числе финансировали выкуп крестьянами своих земель. На ипотеке базировались и соответствующие учреждения в городах (кредитное общество таллинских домовладельцев, 1868 г., Лифляндское городское ипотечное общество в Тарту и в др. городах, 1884 г. и пр.). С развитием промышленности и финансов во второй половине XIX в. формировались и частные коммерческие банки (*Dorpater Bank*, 1868 г., *Revaler Handels-Bank*, 1871 г.). Если первые подобные общества были учреждены представителями остзейской знати, позднее были основаны и чисто эстонские банки. По примеру Германии и Северных стран, а также остзейских немцев и благодаря изменениям в российском законодательстве появились общества взаимного кредита (первое в 1902 г. в Тарту, самое крупное, будущий Кредитный банк, в 1907 г. в Таллине — накануне и во время Первой мировой войны оно выполняло как бы функции центрального банка). Завершая свой доклад, историк подчеркнул, что многие местные банки пережили мировую войну, революцию, немецкую оккупацию и Освободительную войну, став таким образом основой для формирования национальной банковской системы независимой Эстонии.

На завершающей пятой сессии конференции выступил м. н. с. Гуманитарного института Таллинского университета Денис Кузьмин. В своём докладе «Кавказ (как земля обетованная?) в эстонских газетах конца XIX — начала XX вв.» он подверг анализу практику миграций эстонцев и особенности отражения этого процесса в эстонской прессе конца XIX — начала XX в. Автор подчеркнул, что у современного миграционного кризиса много схожих черт с общероссийскими миграционными кризисами в общем и миграцией автохтонного населения с территории Эстляндской губернии в частности: они заключаются и в присущим этим периодам видам миграций, и в транснациональном аспекте. Переселения эстонцев во внутренние губернии Российской империи началось в середине XIX в. Эстонские крестьяне переселялись в другие губернии в поисках лучшей жизни, земли и благополучия. По упоминанию в газете «*Ristirahva Pühapäevaleht*» («Воскресный христианский листок») от 11 июля 1904, крупное переселение эстонцев в Самару из Лифляндской и Эстляндской губерний пришлось на конец 1850-х — начало 1860-х гг., в 1861 г. началось переселение самарских эстонцев в Крым. Открытие в 1871 г. Балтийской железной дороги интенсифицировало процесс. Д. Кузьмин отметил, что переселения эстонцев — тема, волновавшая многих. Среди авторов, посвящавших ей свои публикации, — журналисты и общественные деятели, школьные учителя, пасторы — эстонцы и немцы. Автор подчеркнул, что отношение к переселенческому движению в Эстонии с самого начала было резко отрицательным. Поэтому тем, кто вплотную занимался этой темой, приходилось ориентироваться на аудиторию, которая изначально была

настроена против переселенцев и идеи «смены родины». Эстонские и немецкие публицисты описывали Кавказ так, что туда невозможно было не захотеть поехать: подчёркивались замечательный климат, плодородие почв, прогресс и процветание. Материал подавался в том числе в виде писем эстонских колонистов на родину. Эти письма, имевшие намерением связать метрополию и диаспору, вызвали новые вспышки «переселенческой горячки», которая всячески осуждалась оппонентами переселения, что и являлось предметом споров на страницах эстонской прессы. Таким образом, подчеркнул Д. Кузьмин, периодика оказывала определённое влияние на восприятие переселений. Эстонские колонисты, несмотря на трудности адаптации, добились процветания колоний, но в историческом масштабе оно было недолгим — плоды его потонули в эпохе революции, Гражданской войны и большевистском терроре. Тартуский (Юрьевский) мирный договор 1920 г. окончательно разделил эстонское общество на тех, кто смог оптироваться, и на тех, кто остался в Советской России, фактически — на своих и чужих. Следы этого разделения заметны и сейчас в современной Эстонии, заключил автор.

На заключительном заседании конференции участникам было представлено второе издание книги «Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв.»¹⁰. Книга впервые вышла в конце 2013 г. как результат международного научного проекта (в том числе научной конференции, которая состоялась в июне 2011 г. в Москве), осуществлённого историками России, Швеции, Латвии и Эстонии. Участники конференции выразили удовлетворение состоявшимся научным диалогом и — в преддверии столетнего юбилея подписания мирных договоров между Советской Россией и республиками Балтии, которые имели огромное значение как для преодоления военного и революционного кризиса в этом регионе, так и последующего международного признания независимых Латвии, Литвы и Эстонии — высказали надежду на то, что практика подобных научных встреч не прервётся.

Ю. А. Михайлова

¹⁰ Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв. / Отв. ред. А. А. Комаров. М., 2019.

ТРАДИЦИЯ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ СЕМИНАРОВ «ESTO-RUSSICA» В ЭСТОНИИ: 2013–2018

THE *ESTO-RUSSICA* SCHOLARLY EDUCATIONAL SEMINARS TRADITION IN ESTONIA: 2013–2018

16 ноября 2018 г. в Тартуском университете состоялся шестой семинар из серии научно-просветительских семинаров «*ESTO-RUSSICA*». Традиция берет своё начало в 2013 г., когда 25 октября в Нарве прошёл первый научный семинар. В тот день состоялось ещё одно знаменательное для Нарвы событие: наследники профессора-эмеритуса Тартуского университета Сергея Геннадиевича Исакова (1931–2013) по его завещанию передали Нарвскому колледжу Тартуского университета научную библиотеку, которую он собирал на протяжении всей своей жизни учёного-филолога.

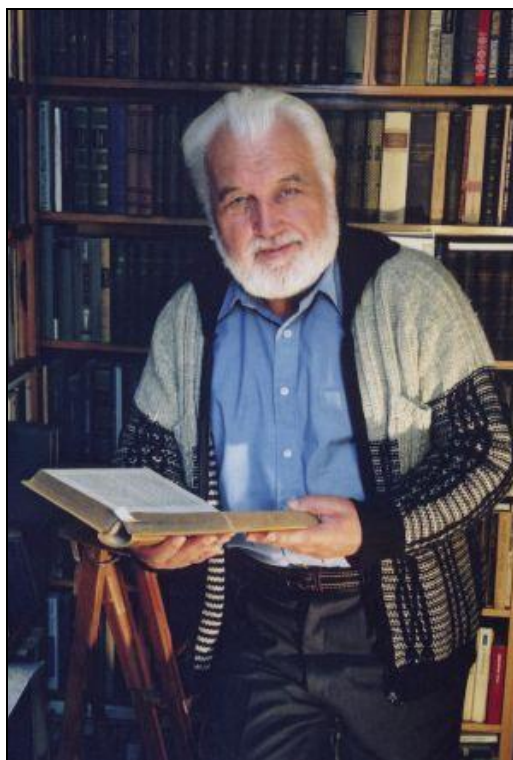

Фото 1

Сергей Геннадиевич Исаков в своем кабинете (источник фото — сайт «*ESTO-RUSSICA*»)

Научно-просветительские семинары «*ESTO-RUSSICA*» посвящены памяти Сергея Геннадиевича Исакова, который родился в Нарве и, закончив здесь среднюю школу, в 1949 г. поступил в Тартуский государственный университет. Эти два города — Нарва и Тарту — сыграли решающую роль в судьбе выдающегося

учёного. В Тарту он состоялся как исследователь и педагог, а Нарва всегда была для него не просто родным местом, а городом, историю которого (с его многоязычием и многокультурностью) Сергей Геннадиевич воспринимал, по-видимому, как своего рода культурный феномен. Сергей Геннадиевич часто приезжал в Нарву, выступал с публичными лекциями и презентациями своих новых книг, читал лекции для студентов Нарвского колледжа Тартуского университета, делал доклады на нарвских научных семинарах и конференциях. Вполне закономерно, что научно-просветительские семинары «ESTO-RUSSICA», посвящённые памяти профессора С. Г. Исакова, с 2013 г. регулярно проводятся поочередно в двух городах — Нарве и Тарту.

Научное и публицистическое наследие профессора Исакова велико: более 1000 научных и газетных публикаций¹, среди которых 10 монографий². В его научном творчестве выделяется несколько тем, которыми он активно и непрерывно занимался на протяжении всей своей исследовательской карьеры (1953–2012): русско-эстонские литературные связи, история эстонской и других национальных литератур, контакты между эстонской литературой и литературами других народов, переводы эстонской литературы на другие языки и произведений национальных литератур на эстонский язык, история Тартуского университета, литературная и культурная жизнь Тарту в прошлом. В 1990-е гг. в круг научных интересов С. Г. Исакова входит комплекс вопросов, связанных с историей русской эмиграции, русской общины в Эстонии в 1918–1940 гг., её общественной, политической, культурной и литературной жизни. Эта проблематика становится центральной в его научном творчестве до конца жизни. Обращение к ней было закономерным в переломный для общества Эстонии период. Исследователь понимал, что современная русская община Эстонии нуждается в духовных опорах и надёжных ориентирах, которые могут быть найдены в истории и культурном опыте русского национального меньшинства в независимой Эстонской Республике 1918–1940 гг. Своего рода итогом этой многолетней работы стал выход в свет коллективной монографии «Русское национальное меньшинство в Эстонской

¹ См.: Библиография работ С. Г. Исакова за 1953–1990 гг. // ESTO-RUSSICA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ut.ee/FLVE/ruslit/estorussica/isakov.htm> (26.11.2018); Библиография работ С. Г. Исакова за 1991–2011 гг. / Сост. М. Кооп // Там же. URL: <http://www.ut.ee/FLVE/ruslit/estorussica/isakov.htm> (26.11.2018).

² Исаков С. Г. Сквозь годы и расстояния: Из истории культурных связей Эстонии с Украиной, Грузией и Латвией в XIX – начале XX века. Таллин, 1969; *Его же*. Русские писатели и Эстония. Таллин, 1978; *Его же*. Русские в Эстонии (1918–1940): Историко-культурные очерки. Тарту, 1996; *Его же*. Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллинн, 2005; *Его же*. Путь длиною в тысячу лет: Русские в Эстонии: История культуры. Tallinn, 2008; *Его же*. Властители Российской империи на эстонской земле. Таллинн, 2009; *Его же*. Культура русской эмиграции в Эстонии 1918–1940: Статьи, очерки, архивные публикации. Tallinn, 2011 и др.

Республике (1918–1940)»³, созданной Сергеем Геннадиевичем в соавторстве с коллегами и учениками. В монографии на основе архивных данных в деталях реконструируется история русской общины Эстонии тех лет: деятельность политических партий и объединений, которые представляли интересы русского национального меньшинства, общественных (эмигрантских, просветительных, благотворительных, академических и студенческих, театрально-художественных, литературных и музыкальных, церковных и религиозных, женских, молодёжных и спортивных) организаций и объединений. Монография повествует о положении русского национального меньшинства (которое составляло 8 % населения) в республике, образовании, книгоиздательской деятельности и периодической печати на русском языке в то время.

Научные интересы профессора Исакова оказали решающее влияние на определение тематики научно-просветительских семинаров «ESTO-RUSSICA». Одной из ведущих тем всех семинаров стала культурная жизнь русской общины в Эстонии 1918–1940 гг. Доклады Т. К. Шор, Т. Т. Гузаирова на эту тему отражали этапы и итоги работы по завершению последнего научного труда профессора Исакова — «Хроники русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940). Из истории русского Зарубежья», изданной в Таллине в 2016–2017 гг.⁴

Фото 2

Презентация издания «Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940). Из истории русского Зарубежья» (2016–2017) в Нарве на семинаре «ESTO-RUSSICA» в 2017 г. (автор фото — А. Маркова)

³ Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001.

⁴ Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940) / Сост. С. Г. Исаков, Т. К. Шор, Т. Т. Гузаиров. Tallinn, 2016. Т. 1. 1918–1931; Т. 2. 1932–1940.

Вторая по значимости тема семинаров, восходящая к научному наследию С. Г. Исакова, — русско-эстонские культурные и литературные связи. Третьей сквозной темой, объединяющей все семинары, можно признать теорию и практику переводов художественной литературы (преимущественно русской литературы на эстонский язык). Наконец, ещё одной важной для семинаров «ESTO-RUSSICA» темой стало изучение истории, культуры Нарвы, образа Нарвы в литературной традиции.

Шестой научный семинар «ESTO-RUSSICA» (2018) не стал исключением. Традиционно на семинаре была представлена тематика, связанная с изучением русско-эстонских литературных и культурных связей, истории и культуры Нарвы. По доброй традиции семинар был открыт презентацией нового печатного издания (вышедшей в 2017 г. книги историка и литературоведа М. Г. Салупере о культовом эстонском поэте и общественном деятеле Лидии Койдула⁵) и нового интернет-ресурса (базы данных «Русская культура на страницах эстонских журналов: 1918–1940»⁶), которая, несомненно, станет востребованной у современных историков и литературоведов.

Фото 3

Профессор Тартуского университета Л. Н. Киселева на семинаре «ESTO-RUSSICA» в 2017 г. (автор фото — А. Маркова)

Доминантой семинара этого года стала проблематика русско-эстонских культурных и литературных связей. Сложное взаимодействие двух культур в широком историческом и политическом контексте было рассмотрено на самом

⁵ Salupere M. Koidula: Ajastu taustal, kaasteliste keskel. 2017.

⁶ См. архив эстонских журналов «Looming» и «Eesti kirjandus» на сайте ESTO-RUSSICA: Русская культура на страницах эстонских журналов: 1918–1940 // ESTO-RUSSICA [Электронный ресурс]. URL: <http://estorussica.ut.ee/project/search.php> (26.11.2018).

разном материале. Доклад профессора Л. Н. Киселёвой, который, по словам автора, вырос из внимательного изучения представленного на открытии семинара электронного архива эстонских журналов, рассказывал об одном из эпизодов в истории духовной борьбы эстонского народа за своё национальное пробуждение — литературном вечере, устроенном тартускими школьниками 17 января 1903 г. в помещении общества «Ванемуйне» в память эстонского лингвиста и общественного деятеля Михкеля Вески (1843–1890). История этого вечера как в зеркале отразила господствовавшие в разных социальных слоях тогдашнего остзейского общества настроения, вскрыла недалёковидность действий местных властей и российского правительства, а также наметила будущие результаты имперской политики русификации прибалтийского края.

Доклад Т. К. Шор о мемуарах Эльмара Фишера, эстонца по происхождению, служившего личным врачом императрицы при дворе Николая II, и доклад Т. Т. Гузаирова о письмах семьи Иды Энсоо, отправленной в 1940-е гг. на сибирское поселение, стали прекрасными иллюстрациями сложных переплетений частного и исторического в судьбах простых людей и в биографических документах, которые попадают в руки современного историка.

По традиции целый блок докладов семинара был посвящён проблемам перевода текстов русской литературы на эстонский язык, которыми сотрудники кафедры русской литературы Тартуского университета занимаются на протяжении последних трёх лет в рамках проекта «Идеология перевода и перевод идеологии: механизмы динамики культуры в Эстонии XIX–XX вв. в период русской и советской власти». Т. Степанищева рассказала о реформаторской деятельности Йоханнеса Лавика (1880–1973) в создании эстонского литературного языка и его переводах из русской литературы, которые должны были послужить проводником лингвистических идей автора в широкие массы эстонских читателей. Л. Л. Пильд в своём докладе вспомнила один из эпизодов литературно-критической полемики середины 1950-х гг., а также роль будущего редактора эстонского научного журнала «*Keel ja Kirjandus*» (Язык и Литература) Олева Йыги в реабилитации переводческого метода Ф. Тугласа. Анализ этого эпизода позволил докладчику сделать вывод о том, что, несмотря на идеологический гнёт постсталинской эпохи, механизмы саморегуляции эстонской культуры продолжали действовать, что обеспечивало сохранение и развитие культурной традиции. В докладе М. В. Боровиковой речь шла о многочисленных переводах поэзии А. Ахматовой на эстонский язык (переводы К. Кангура, Д. Карева, Д. Варанди). В центре внимания докладчика были проблемы отбора текстов для перевода, композиционное построение переводного сборника, семантические сдвиги и новые смыслы, возникающие при переводе поэтического текста.

Характер преломления и отражения эстонской культуры в русском культурном сознании стал предметом разговора в докладе О. Н. Бурдаковой и Е. Ю. Нымм. На примере изучения образа типичного эстонца в русской культуре и в сознании русскоязычной студенческой молодежи Эстонии докладчики представили новый методологический подход к выявлению этнокультурных стереотипов. Для разграничения индивидуальных представлений людей о том или ином этносе и коллективных стереотипов авторы предложили ввести качественные и количественные параметры анализа фактов обыденного сознания, такие как биполярные ортонормированные стержневые оси распределения признаков; значимость оси; степень согласованности признаков, распределённых на оси, и весовой коэффициент реакции испытуемого.

Несомненно, украсил семинар 2018 г. и единственный доклад, затронувший нарвскую тематику. Он был посвящён одному из объектов локального текста Нарвы — «подземным ходам» под городом, крепостными бастионами и рекой Наровой. Е. П. Дерябина на материале письменных источников и устных нарративов горожан реконструировала мотивы и устойчивые сюжеты, связанные с осмыслением горожанами подземного комплекса ходов, высказала предположение о роли и функциях этого объекта в городской культуре.

Ежегодные научно-просветительские семинары «*ESTO-RUSSICA*» выполняют сразу несколько важных научных и общественных задач. Они продолжают начатое С. Г. Исаковым научное изучение эстонско-русских культурных и литературных связей, истории русской общины Эстонии в 1918–1940 гг. и регулярно представляют результаты системной работы учёных Эстонии в заданных направлениях. Поскольку круг слушателей и участников семинаров не ограничивается научным сообществом, результаты научной работы становятся достоянием широкой общественности, а сами семинары оказываются своего рода средством консолидации русской общины Эстонии. Осмысление на семинарах истории и культурной жизни русского национального меньшинства в довоенной Эстонской Республике является актуальным и дает материал для анализа современной ситуации, а потому неизменно вызывает у слушателей живой отклик.

О. Н. Бурдакова

Е. Ю. Нымм

СОСЕДИ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ И НОРВЕГИИ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИТОГАМ РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА «АСИММЕТРИЧНОЕ СОСЕДСТВО...»)

NEIGHBOURS IN THE FAR NORTH: HISTORICAL CONNECTIONS BETWEEN RUSSIA AND NORWAY (INTERNATIONAL SCHOLAR CONFERENCE ON THE RESULTS OF THE RUSSIAN-NORWEGIAN RESEARCH AND PUBLISHING PROJECT *ASYMMETRIC NEIGHBOURHOOD*)

По случаю издания масштабной коллективной монографии «Сближение: Норвегия и Россия, 1814–1917» на русском языке¹ в Мурманском арктическом государственном университете 26 апреля 2018 г. состоялась научная конференция, на которой участники большого российско-норвежского проекта «Ассиметричное соседство: Норвегия и Россия 1814–1917 гг.» подвели некоторые итоги исследовательской работы и ознакомили с её результатами региональную общественность.

Организаторами конференции выступили Институт всеобщей истории РАН (Москва), Мурманский арктический государственный университет (Социально-гуманитарный институт) и Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии (Институт археологии, истории, религиоведения и теологии, Баренц-институт).

Работу конференции открыл ректор МАГУ д. филос. н. А. М. Сергеев, подчеркнувший важную роль изучения истории российско-норвежских отношений для укрепления сотрудничества университета с научными и образовательными учреждениями Норвегии. Участников конференции тепло приветствовали Генеральный консул РФ в Киркенесе С. В. Шатуновский-Бюрно и Генеральный консул Королевства Норвегии в Мурманске Эрик Сведал. Радина Тренгерейд, Советник по образованию, науке и технологии Посольства Королевства Норвегии в Москве, в своём выступлении отметила значимость научных результатов и ценность опыта взаимодействия, полученного учёными двух стран в названном выше крупнейшем и наиболее протяженным по времени (2008–2014 гг.) за всю историю сотрудничества проекте².

¹ Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Пер. с норв.; под ред. Й. П. Нильсена. М., 2017. Первоначальное норвежское издание: *Russland kommer nærmere: Norge og Russland 1814–1917*. Oslo, 2014.

² Ретневский А. В. The Modern History of the Russian-Norwegian Relations We Wrote Together: (Joint Scientifically-Historical Projects of the Norwegian and Russian Historians. 1991–2015) // История. Электронный научно-образовательный журнал [Электронный ресурс]. 2017. Т. 8, вып. 4 (58). Проблемы истории Скандинавско-Балтийского региона. URL: <https://history.jes.su/s207987840001849-2-1> (24.12.2018).

Первую сессию открыл доклад профессора Й. П. Нильсена «Великая российская революция и её последствия для Норвегии». Автор сосредоточил внимание, во-первых, на истоках и причинах роста массовости и организованности норвежского рабочего движения в конце XIX — начале XX в., а, во-вторых, на особой восприимчивости местных социалистов к радикальным идеям большевиков и воодушевляющему влиянию на них примера Октябрьской революции в России.

Профессор Нильсен в своём выступлении охарактеризовал ход и итоги дискуссии скандинавских историков, которые рассматривали особенности пути, пройденного норвежскими рабочими и социалистами. Он привёл и проанализировал разные точки зрения на проблему. Заслуживают внимания схожесть условий формирования рабочего движения двух стран. Россия и Норвегия воспользовались «преимуществом отсталости» — возможностью использовать готовые производственные технологии и управленческие формы, что ускорило рост промышленности и способствовало высокому уровню концентрации рабочей силы. Другим обстоятельством, общим для двух стран, стал тот факт, что и норвежские, и русские рабочие были недавними выходцами из деревни с её общинными уравнительными традициями.

Профессор Нильсен указал также, что возможна и иная трактовка проблемы. Она предлагает искать причины радикализма в особых условиях начального этапа индустриализации Норвегии, когда временный характер занятости часто толкал рабочих к силовым акциям вместо ведения затяжных переговоров с администрацией и хозяевами.

Во многом благодаря этим обстоятельствам Норвежская рабочая партия пережила в своей ранней истории уникальный период. Она стала единственной социалистической партией не только в Скандинавии, но и в Европе, которая в 1918 г. приняла программу революционного захвата власти³. Это спровоцировало разрыв с правыми, умеренными деятелями, настроенными исключительно на мирные реформы и парламентскую деятельность. В дальнейшем, когда Норвежская рабочая партия вышла из Коминтерна, что повлекло новый раскол в её рядах, группа левых, убеждённых сторонников политики русских большевиков, учредила самостоятельную норвежскую компартию, противостоящую

³ Близкие позиции занимала Итальянская социалистическая партия (1892–1994). В годы Первой мировой войны она единственная из западных социал-демократических партий осталась на антивоенных позициях; принимала участие в Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) конференциях социалистов-интернационалистов. После Октябрьской революции 1917 г. левые социалисты выдвинули лозунг «Сделать, как в России». В 1921 г. они вышли из партии и создали Итальянскую коммунистическую партию. В 1919 г. так называемые максималисты во главе с Дж. М. Серрати заявили о присоединении Итальянской социалистической партии к Коммунистическому интернационалу.

реформистскому крылу. В конечном счёте, власти Норвегии, комбинируя силовые методы с уступками, сумели стабилизировать политическую ситуацию в стране.

Интересно заметить, что норвежские революционные социалисты рассчитывали, как и русские социал-демократы (большевики и часть меньшевиков), на победу революции в Германии, которая должна была бы стать решающим толчком к мировой революции. Однако русские большевики, в отличие от норвежских товарищей, оказались не склонны к пассивному ожиданию. Они полагали, что победа пролетариата в России будет способствовать успеху революции и в Германии.

Профессор В. В. Тевлина (Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии и Северный Арктический (Федеральный) университет) посвятила выступление ценностному подходу в изучении российско-норвежских отношений. («Люди как ценность в сохранении добрососедских связей между Россией и Норвегией»). Автор хронологически ограничилась рамками XX — начала XXI вв., взяв за отправную точку 1905 г. — время появления на политической карте мира независимого норвежского государства.

Для раскрытия темы докладчик применила приём персонификации, обратившись к личностям тех деятелей, кто играл или продолжает играть существенную роль в укреплении двустороннего сотрудничества в самых разных сферах деятельности — политике, науке и дипломатии. В. В. Тевлина дала сжатую характеристику вклада самых разных деятелей в развитие двустороннего сотрудничества — дипломатов (посланник императорской России в Кристиании К. Н. Гулькевич, посол Норвегии в Москве Э. Нордшлеттен, генеральный консул РФ в Киркенесе А. И. Смирнов), выдающихся учёных (Фритъоф Нансен, филологи О. Брок и В. П. Берков, историк А. С. Кан), норвежских предпринимателей, вложивших свой труд и капитал в Россию (Мартин Ульсен, Эгиль Абрахамсен, Йонас Лид). По мнению автора, творческий труд этих выдающихся людей и сохранение памяти о них — хорошая основа дружественных трансграничных отношений и позитивного взаимного восприятия.

А. А. Комаров, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН / проф. Университета Тромсе — Арктического университета Норвегии, представил вниманию аудитории доклад «Норвегия в публикациях советского времени». Автор подчеркнул, что в библиографическом указателе, помещённом в сборнике «Россия и Норвегия. Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.)»⁴

⁴ Библиографический указатель источников и научно-исследовательской литературы по истории Норвегии и российско-норвежских отношений, XIX–XXI вв. / Сост. А. С. Касиян // Россия и Норвегия: Вопросы отечественного источниковедения и историографии (XIX–XXI вв.) / Отв. ред. А. А. Комаров. М., 2012. С. 172–245.

перечислено 1115 публикаций различного рода. Поскольку подробно охарактеризовать их невозможно, докладчик остановился на тенденциях и направлениях в публикаторской активности⁵ советского времени, посвящённой истории и политике независимой Норвегии.

В период между двумя мировыми войнами советско-норвежские отношения, равно как отношения СССР с другими Скандинавскими странами, не пользовались вниманием советских историков и обществоведов, поскольку сама история межгосударственных отношений была ещё не велика да и норвежское направление не являлось приоритетным в сфере советских интересов. Однако существовали и исключения из указанной общей тенденции. В частности, Советская Россия обратила пристальное внимание на передачу в 1920 г. Шпицбергена и острова Медвежий под норвежский суверенитет. Кроме того, в фокусе интересов двух стран (особенно в 1920-е гг.) находились политические и экономические проблемы, связанные с разграничением в Арктике. И наконец, активность норвежской секции Коминтерна способствовала появлению публикаций (преимущественно статей норвежских авторов) о норвежском рабочем движении и внутренней политике страны.

С началом Второй мировой войны в СССР возросла востребованность знаний о европейских странах, в том числе и о Норвегии. В военное время, например, из печати вышло несколько изданий политико-экономического очерка А. С. Доброва «Норвегия», появились и другие публикации⁶.

После окончания войны в Советском Союзе начался новый этап в изучении Норвегии. Это было вызвано возросшим влиянием Советского государства на внешнеполитической арене, началом «холодной войны» и становлением биполярной системы. Советский Союз, ставший сверхдержавой, нуждался в знаниях о странах и событиях во всех точках земного шара, но в особенности — о своих соседях. Защищались диссертации по истории Норвегии, появились публикации, в которых затрагивалась внешняя политика страны, а также советско-норвежские отношения. По мере развития советской скандинавистики росло и количество публикаций, посвящённых истории Норвегии и советско-норвежским связям, а также актуальным вопросам отношений двух стран. Разумеется, все эти исследования советского времени выполнялись в соответствии с требованиями марксистской исторической науки, в них также учитывалась политическая конъюнктура.

⁵ Этот термин в связи с ростом влияния наукометрии стал часто употребляться в последние годы.

⁶ Подробнее см.: *Камапов А. А.* Об изучении истории советско-норвежских отношений в СССР / России // Там же. С. 13–30.

В заключение выступления А. А. Комаров подчеркнул, что многие публикации советского времени были подготовлены на высоком научном уровне и не утратили своего значения до сих пор. В этой связи следует прежде всего назвать коллективную монографию «История Норвегии», вышедшую под редакцией выдающегося историка-скандинависта Александра Сергеевича Кана. Труд, подготовленный в Институте всеобщей истории АН СССР и изданный в 1980 г.⁷, представляет собой результат успешного развития советской скандинавистики в области изучения истории Норвегии. Благодаря своему высокому качеству он востребован до сих пор.

К. и. н. О. А. Зимарин как генеральный директор и главный редактор издательства «Весь Мир» (Москва), опубликовавшего книгу «Сближение»⁸ выступил с докладом «Книги о Норвегии в современной России». Автор отметил, что его книгопечатная организация представила книгу на проводимый Ассоциацией книгоиздателей старейший в стране конкурс «Лучшая книга России» в номинации «Диалог культур». В этом факте красноречиво отражена положительная оценка научного и популяризаторского потенциала издания и плодотворного сотрудничества ученых обеих стран.

Выступающий представил широкую панораму деятельности независимого научного издательства «Весь Мир», которое сотрудничает с ООН и другими международными организациями. Руководители его ставят задачей содействовать диалогу учёных и мыслителей разных стран путём издания переводов с более чем 30 языков стран мира, издания работ российских и иностранных учёных. Одно из основных направлений — литература стран Северной Европы и книги о них. При этом, подчеркнул О. А. Зимарин, «мы особенно высоко ценим норвежскую научную книгу». Интерес к ней привили прежде всего сочинения сотрудников Института всеобщей истории — в их числе В. В. Рогинского, Т. Н. Джаксон и др. За последние двадцать лет на свет появилось и немало переводов исторических сочинений норвежских авторов⁹. Среди них «История Норвегии»¹⁰, «История внешней политики Норвегии» Улава Ристе¹¹, публикация воспоминаний Йонаса Лида¹² с предисловием Йенса Петтера Нильсена, книги

⁷ История Норвегии / Отв. ред. А. С. Кан. М., 1980.

⁸ См. сноску 1.

⁹ Докладчик выделил среди общей массы как наиболее актуальные следующие издания: Эриксен Т. Х. Тирания момента: Время в эпоху информации / Пер. с норв. Е. С. Рачинской и др.. М., 2003; Сисе Х. Справедливая война?: О военной мощи, этике и идеалах / Пер. с норв. М., 2007.

¹⁰ Даниельсен Р., Дюрвик С., Гренли Т. и др. История Норвегии: От викингов до наших дней / Пер. с англ. М. А. Коробочкина. М., 2003.

¹¹ Ристе У. История внешней политики Норвегии / Пер. с англ. М. А. Коробочкина. М., 2003.

¹² Лид И. Сибирь — странная ностальгия: Автобиография / Пер. с норв. С. А. Машкова. М., 2009.

Марианны Солейм (Сулейм) о советских военнопленных в Норвегии¹³. Видное место в этом ряду занимает теперь и книга «Сближение».

В современной России интерес к Норвегии традиционно велик, о чём свидетельствует статистика переводов. По данным Российской книжной палаты, за период с 1995 по начало 2018 г. в России было издано около 800 книг норвежских авторов. Поэтому книги российских авторов, полностью или частично посвящённые норвежской проблематике, и книги норвежских авторов, вне зависимости от того, о чём в них идёт речь, представлены на российском рынке неплохо. В том, что норвежские авторы выглядят в России более внушительно, немалую роль, по мнению О. А. Зимарина, играет деятельность агентства НОРЛА¹⁴, которое осуществляет финансовую поддержку переводов на иностранные языки. Если же говорить о причинах повышенного интереса современных российских представителей социальных наук к Норвегии, считает автор доклада, то следует признать очевидный факт: скандинавская модель служит для многих ориентиром, а норвежский опыт созидания «общества всеобщего благоденствия» особенно привлекателен.

Остаётся при этом невыясненным вопрос о книгах о России и русских авторах, издаваемых в Норвегии. По мнению О. А. Зимарина, здесь наблюдается очевидная асимметрия. Если не считать переводов русской литературы на норвежский (о чём написал профессор Э. Эгеберг¹⁵ в книге «Россия и Норвегия. Физические и символические границы»¹⁶), в России существенно больше публикуют норвежских авторов, пишущих в жанре *non fiction*, чем наоборот. И если такие работы российских авторов публикуются, то в основном в совместных норвежско-российских сборниках статей и иных изданиях.

В. А. Карелин, к. и. н., доцент МИЭ и научный руководитель Центра региональных исследований, предложил вниманию аудитории доклад «Динамика российско-норвежских отношений накануне и во время Первой мировой войны». Автор считает изучение российско-норвежских отношений конца XIX — начала XX в. относительно молодым направлением исследований. Серьезный импульс ему придало сотрудничество в российско-норвежском проекте «Асимметричное

¹³ Солейм М. Советские военнопленные в Норвегии в 1941–1945 годах: численность, организация и репатриация. М., 2012.

¹⁴ NORLA (осн. 1978) — *Norwegian Literature Abroad*. Агентство распространяет норвежскую литературу за границей посредством субсидирования переводов. Руководит деятельностью и финансирует его Министерство культуры Норвегии.

¹⁵ Erik H. Egeberg (р. 1941) — профессор-эмеритус русской литературы (Институт лингвистики и культурологии Арктического университета Норвегии г. Тромсё).

¹⁶ Egeberg E. *Cultures in Contact: translation between Russian and Norwegian // Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders* / Ed. by T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 128–135.

соседство». Оно позволило объединить усилия историков и получить качественно новые результаты, открыть пласты новых источников.

Норвегия в российской политике имела до 1905 г. незначительный удельный вес не только в силу скромных ресурсов страны (людских, природных, промышленно–технологических и финансовых), географической удалённости (исключение — примерно стокилометровая граница на Крайнем Севере по реке Паз). Кроме того, Норвегия, в отличие от великих держав, обладала, по выражению современных политологов, ограниченной политической субъектностью. Во внешних делах страна зависела от Стокгольма. Как составная часть дуалистического королевства она представляла собой дипломатическую провинцию Европы.

Российский генштаб, по оценке докладчика, рассматривал Норвегию лишь как слабый военный резерв германофильской Швеции, поскольку последняя могла представлять потенциальную угрозу имперской столице, Петербургу. В экономических связях беспокойство руководителей министерства финансов вызывали лишь попытки норвежских рыботорговцев преодолеть высокий таможенный барьер и проникнуть на внутренний российский рынок. Министерство внутренних дел было озабочено норвежской промысловой экспансией и браконьерством в водах побережья Мурмана и Новой Земли. В приграничных отношениях проблемными являлись положение печенгских саамов и норвежских колонистов.

Геополитическая ситуация на Севере Европы радикально изменилась в 1905 г. Норвегия обрела, наконец, полный политический суверенитет, а Россия, ослабленная неудачной войной с Японией, остро нуждалась в укреплении безопасности своих северных границ. Поэтому официальный Петербург с самого начала желал видеть Норвегию нейтральным и дружественным соседом и без промедления признал независимость молодого норвежского королевства «во всей его территориальной целостности».

Вскоре успехом завершились переговоры России и других великих держав с Норвегией о гарантиях ее территориальной целостности (интегритета). В Петербурге с удовлетворением встретили подписание в Кристиании в 1907 г. соответствующего договора. В основном положительно он был воспринят и норвежским обществом.

Особое значение для российской политики в Норвегии имел Шпицбергенский вопрос. В российском правительстве его рассматривали как важную составляющую проблемы безопасности арктических рубежей Русского Севера (побережья Мурмана, Белого моря и морского пути в Сибирь). При проведении в Кристиании серии предварительных Шпицбергенских конференций трёх северных государств

(1910 и 1912 гг.) российские дипломаты не без успеха играли на шведско-норвежских противоречиях и претендовали на ведущую роль России в международных органах регулирования правопорядка на архипелаге.

Однако большая конференция лета 1914 г. принесла разочарование. В результате открытой оппозиции проекту трёх (Российской империи, Швеции и Норвегии) со стороны Германии и США и скрытого нежелания английских делегатов поддержать Россию он не был утверждён. Продолжение переговоров перенесли на февраль 1915 г. В целом же Норвегия перед мировой войной в среде дипломатов по-прежнему считалась скучной провинцией.

Первая мировая война всё изменила. Она подняла значение Норвегии для России и её союзников по Антанте. Закрытие балтийских и черноморских проливов превратило северную европейскую страну в важнейший канал связи России с союзными и нейтральными странами и ключевое звено т. н. скандинавского транзита стратегически важных грузов. В России были востребованы и продукты собственной индустрии Норвегии: взрывчатые вещества, алюминий, ферросилиций, ледаколы. Приобретённые у норвежцев китобойные суда переоборудовали в минные тральщики. Верфи компании «Маритим» изготовили боевые моторные катера для Балтийского флота и Флотилии Северного Ледовитого океана. Материалы для строительства Мурманска — нового города и незамерзающего порта в Заполярье — частично поступали из Норвегии.

В феврале 1916 г. в Норвегию был командирован новый посланник К. Н. Гулькевич. Он решал задачу сближения России с Норвегией и завоевания симпатий норвежского общества. Его собственная либеральная политическая ориентация этому способствовала. Подкрепить желаемое политическое сближение двух стран было призвано оживившееся экономическое сотрудничество и рост новых бизнес-связей двух стран.

Гулькевич поддержал обращение группы крупных норвежских компаний в августе 1916 г. к российскому правительству с предложением капиталовложений. Он считал выгодным привлечь капиталы и технологии для преодоления отсталости Русского Севера и Сибири. В свою очередь, в деловом мире России во время войны наметилось движение в пользу альянса с норвежским крупным капиталом. По данным известного историка Т. М. Китаниной, крупнейший военно-промышленный концерн Путилова-Стахеова-Батолина готовился к масштабным послевоенным поставкам в Норвегию хлеба и леса. С его участием в 1917 г. в Петрограде был учреждён Русско-Норвежский банк. Октябрьская революция и Гражданская война этот прогресс в двусторонних экономических связях прервали.

Е. А. Орехова. (к. и. н., научный сотрудник Мурманского областного краеведческого музея) выступила с докладом «Колонии Мурманского берега —

близкие и дальние соседи». Автор отметила, что в исследовательской литературе рассматриваются различные аспекты и формы соседства северных регионов России, Норвегии и Финляндии и их влияние на развитие колонизации Мурманского берега в 1860–1940 гг. Термин «соседство» докладчик, опираясь на сведения различных словарей, определила как 'близость, смежность, сопредельность'. Именно такая близость трёх северных стран — России, Норвегии и Финляндии — повлияла на особенности и ход развития колонизации Мурманского берега. Это сказалось и на национальном составе колоний, и на особенностях заселения и хозяйственного освоения побережья.

Западный Мурман стал заселяться еще с 1860-х гг. и привлёк колонистов всех национальностей, но в дальнейшем здесь стали преобладать выходцы из Норвегии и Финляндии. В экономических связях он ориентировался на Норвегию, в то время как Восточный — на Архангельск. Это объяснимо, поскольку в 1860–1870-х гг. именно Норвегия могла предложить рынок сбыта, а также товары и услуги, недоступные на Кольском полуострове. Появление позднее «Архангельско-Мурманского срочного пароходства»¹⁷ связало побережья Белого и Баренцева морей и города Северной Норвегии с Архангельском. В результате возникла морская транспортная инфраструктура для перемещения людей и товаров, вложения капиталов в производство и торговлю и общего оживления хозяйственной жизни на Мурмане и в Беломорье.

Свобода передвижения между соседними странами имела две стороны. Без проблем могли перемещаться не только предприниматели, работники, легальные товары, но и контрабандисты. Любой, кто имел проблемы с законом или кредиторами, мог безнаказанно скрыться в соседней стране. Это вызывало подозрения в отношении соседей по обе стороны границы и нередко — заявления в прессе о притязании соседней страны на свои территории. Впрочем, по заключению докладчика, весь опыт колонизации Мурмана свидетельствует, что люди разных национальностей и вероисповеданий, несмотря на различия, были вполне способны договариваться и жить как добрые соседи.

А. К. Порцель, к. и. н., доцент МГТУ, назвал свой доклад «Шпицберген: просвет в «железном занавесе» времен холодной войны». В 1931 г. в СССР был создан государственный трест «Арктикуголь», который ведет добычу угля на Шпицбергене по сей день. Работа треста была прервана начавшейся в 1941 г. войной и возобновилась в 1948 г. Работали на архипелаге три советских рудника: Баренцбург, Грумант и Пирамида. В послевоенное время там постоянно жили и трудились около двух тысяч советских граждан (от двух до трёх тысяч в 1950-е гг.,

¹⁷ Основано в 1875 г.

от полутора до двух тысяч — в 1960–1980-е). Поскольку шахты «Арктикутля» находились на территории иностранного государства, контакты советских людей с норвежцами были неизбежны. Они не прекращались и в период «холодной войны» после 1945 г.

Отношения между советскими и норвежскими гражданами на Шпицбергене разворачивались на двух уровнях. Первый — контакты между официальными представителями двух государств на архипелаге: губернатор Свальбарда и его администрация, руководители советских и норвежских рудников, сотрудники консульства СССР и т. д. Второй — встречи рядовых граждан двух государств на архипелаге. В своём выступлении А. К. Порцель рассмотрел отношения второго уровня.

Во время «холодной войны», по мнению докладчика, наблюдалось несколько периодов охлаждения и потепления в отношениях советских и норвежских жителей Шпицбергена. В целом они соответствовали характеру отношений на межгосударственном уровне. Напряжённость прослеживается на рубеже 1940–1950-х гг. из-за вступления Норвегии в НАТО, в конце 1960-х — в связи с событиями в Чехословакии, на рубеже 1970–1980-х — под влиянием событий в Афганистане. Периоды потепления отношений заметны в первой половине 1960-х гг. в связи с визитом Н. С. Хрущева в Норвегию, а в середине 1970-х — благодаря разрядке, зафиксированной Хельсинкским процессом.

Задачи советских шахтёров на Шпицбергене определялись в партийных документах. Основным было, конечно, выполнение плановых заданий по добыче угля, но и о политической стороне дела не забывали. Инструктаж и объяснение правил поведения советских людей при общении с иностранцами проводились индивидуально с каждым, кто выезжал на Шпицберген. Руководители призывали работников к бдительности в условиях пребывания на территории капиталистического государства, члена организации НАТО. О встречах с иностранцами за пределами рудника необходимо было незамедлительно информировать консульство СССР на Шпицбергене и диспетчера рудника. Партийная и профорганизация рудников вели систематическую работу по воспитанию «революционной бдительности» советских полярников, обеспечению строгого сохранения ими государственных тайн.

Вместе с тем был налажен обмен поездками групп советских работников и норвежцев. В них участвовали рядовые граждане во главе с официальными лицами. Их сроки и программа согласовывались обеими сторонами заранее. Чаще всего эти визиты носили характер деловых встреч. Но и о политическом значении общения говорилось не раз. Например, консул Г. С. Барулин в выступлении на островной конференции в 1964 г. указывал: «Поскольку мы

находимся за границей, на виду у иностранцев, мы должны стремиться к тому, чтобы как наши предприятия, так и поселки служили как бы витринами всего хорошего, что есть у нас на Родине»¹⁸.

Имели место и текущие контакты между советскими и норвежскими гражданами. Они были связаны с работой радиостанции, ледакольной проводкой судов, работой аэропорта и т. п. Стороны шли навстречу просьбам соседей о помощи. Однако они крайне редко касались производственных дел.

Норвежские власти обращались к советской администрации чаще всего по поводу оказания медицинской помощи попавшим в беду гражданам своей страны и гражданам иных государств. Часто обращались норвежские рыбаки, охотники и туристы, попавшие в шторм или заблудившиеся в горах. Надо отметить, что в таких случаях всегда оказывалось необходимое содействие, хотя советские власти опасались шпионажа со стороны соседей.

В заключение А. К. Порцель сделал вывод, что хотя отношения двух стран на межгосударственном уровне не могли не отразиться и на отношениях между представителями СССР и Норвегии на Шпицбергене, всё же чётко проявлялись они преимущественно на уровне отношений официальных лиц. Влияние политического фактора на отношения рядовых граждан, по мнению автора доклада, прослеживается крайне слабо. В целом дружеские контакты и взаимопомощь стали нормой в отношениях между советскими и норвежскими жителями архипелага.

Урбан Врокберг, профессор Арктического университета Норвегии (Тромсё) привлёк внимание аудитории своим докладом “Nature and Cultural Heritage in Arctic Tourism — the case of Svalbard” («Природное и культурное наследие Арктически как объект туризма — на примере Свальбарда»). Автор обратил внимание участников конференции на тот факт, что Шпицберген / Свальбард лишь на первый взгляд представляет собой пустынное царство дикой природы. На самом деле архипелаг, будучи на протяжении веков перекрёстком встреч представителей разных народов, обладает богатым мультикультурным наследием. Многие из его реальных и потенциальных туристических объектов являются многослойными, сложными и чувствительными к воздействию человека. Поэтому Свальбард нуждается в профессионально подготовленных гидах, обученных на базе университетских исследовательских и учебных программ.

Многие туристы, полагает автор, хотя и могут участвовать в физически сложных, приключенческих походах в дикую природу Заполярья. Большинство

¹⁸ Протокол XVII островной профконференции советских угольных рудников на о. Шпицберген от 9 августа 1964 г.: Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 236. Л. 70, 71.

из них хотели бы сосредоточиться на каком-либо одном объекте или хобби. Например, на наблюдении за птицами. Другим туристам хотелось бы узнать, что популярная наука может рассказать о современных экологических проблемах Арктики.

На основе интервью с туристами, наблюдений их запросов и потребностей, а также изучения коммерчески устойчивых туристических программ, автор пришёл к предварительному выводу, что большинство полярных туристов естественным образом хотели бы иметь безопасные, удобные и умеренно сложные полевые поездки. При этом большинство предпочитает разнообразные экскурсии: они интересуются и природой, и культурой, и особенно историей, а также геоэкономикой и социальными условиями жизни на Заполярном Севере. Для успешного обучения гидов и проведения исследований в области туристического менеджмента на базе университетов необходимо это учитывать. Докладчик в ходе выступления использовал разнообразный и технически хорошо организованный мультимедийный иллюстративный ряд, вызвавший живой интерес слушателей. Следует отметить, что в САФУ подобная специализированная подготовка студентов ведётся уже несколько лет.

Выступление Пети Манковой (сотрудницы Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии) на тему «Социальная жизнь в иллюстративных материалах коллективной монографии “Сближение: Норвегия и Россия, 1814–1917”» позволило участникам конференции составить наглядное представление об увлекательных поисках и счастливых находках участника проекта. Перед ней как редактором-иллюстратором книги стояла непростая задача выявления и подбора изобразительного ряда для книги в российских и зарубежных источниках: библиотеках, музеях и архивах.

М. Б. Ильичёва, к. и. н., доцент МАГУ, в своём докладе попыталась показать широкие возможности использования учебного потенциала монографии «Сближение: Норвегия и Россия, 1814–1917» в вузовском преподавании истории Северной Европы. По её мнению, потребность в трудах, написанных с позиций современных научных подходов, очень велика в высшей школе. Книга предлагает преподавателю университета следующие возможности: комплексное рассмотрение истории отношений двух стран; особое внимание к Северу как историко-культурному феномену; разнообразие и широта освещения темы (рассматриваются и подталкивают к аналитическому сопоставлению разные сферы жизни норвежского и российского обществ, в том числе вопросы, недостаточно разработанные в отечественной науке).

М. Б. Ильичёва подчеркнула, что материалы издания освещают двусторонние отношения в широком контексте международной политики, прежде всего

европейской, предлагают читателю анализ представлений норвежцев и русских друг о друге, рисуют образ страны-соседа в динамике всего столетнего периода. Она считает исключительно важным то, что авторы коллективной монографии стремятся избежать односторонних оценок сложных проблем российско-норвежских связей, что иллюстрации в книге разнообразны и характеризуют различные стороны жизни наших стран, а в обобщающих главах показана эволюция историографических подходов учёных. По мнению докладчика, книга «Сближение» может служить универсальным инструментом для преподавателя в сферах истории и культуры, страноведения и политики Норвегии и России.

На заключительной сессии участники конференции подвели её итоги, отметили научную новизну, высокое качество представленных докладов и сообщений, выразили уверенность в том, что издание, которому конференция была посвящена, достойно самой высокой оценки. И они не ошиблись...

1 июня 2018 г. из Москвы пришла приятная новость: Ассоциация книгоиздателей России на своём съезде объявила результаты финального этапа конкурса на лучшую книгу 2017 г. Это исключительно солидное мероприятие. Оно проводится уже 27 лет. В 2017 г. на конкурс были заявлены более 600 книг от 150 издательств из 45 регионов Российской Федерации. Борьба шла в 13 номинациях. И вот, в номинации «Лучшее издание, вносящее вклад в диалог культур» победителем признана коллективная монография «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах» под редакцией Й. П. Нильсена¹⁹.

В. А. Карелин
А. В. Репневский

¹⁹ Лучшая книга 2017 года в номинации «Лучшее издание, вносящее вклад в диалог культур» на конкурсе Ассоциации книгоиздателей (АСКИ) // *Весь Мир*. Издательство [Электронный ресурс]. 02.06.2018. URL: <https://www.vesmirbooks.ru/news/3534/> (24.12.2018); 1 июня состоялась торжественная церемония награждения лауреатов конкурса «Лучшие книги года» // Ассоциация книгоиздателей России [Электронный ресурс]. 05.06.2018. URL: <http://www.aski.ru/ru/news/id-529/> (24.12.2018).

КУЛЬТУРЫЙ КОД СОЛОВКОВ

A CULTURAL CODE OF THE SOLOVSKI

Образ Соловков в русской литературе является своеобразным культурным кодом, начиная с «Истории о отцах и страдальцах Соловецких»¹ Семёна Денисова (1710-е гг.). Апофеоз трагического церковного раскола проявился в знаменитом соловецком «сидении» 1668–1674 гг., которое столь образно описано в этой повести, давшей начало литературе Выгорецкой старообрядческой пустыни. Мистическим образом соловецкая трагедия повторилась в XX в., оставив след в десятках литературных произведений. Каждый раз, обращаясь к теме Соловков, писатели задавались вопросом, чего здесь больше — кощунства или святости. В полной мере к Соловкам можно было бы отнести строки Николая Гумилева, обращённые к Северу:

Я ничего не понимаю, горы:

Ваш гимн поет кощунство иль псалом...²

¹ Повесть об осаде Соловецкого монастыря / Подгот. текста и коммент. Н. В. Поньрко и Е. М. Юхименко // Памятники литературы Древней Руси: XVII век / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1988. Кн. 1. С. 192–266.

² Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 239.

Лирический герой Гумилева убеждён, что невозможно разгадать код северной земли.

Автор защищённой 24 мая 2018 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького диссертации «Образ Соловков в русской литературе XX в. (на материале воспоминаний соловецких узников и романной прозы 2000-х гг.)»³, Вячеслав Вячеславович Умнягин поставил перед собой сложнейшую задачу разгадать культурный код Соловков.

В центре исследования — воспоминания соловецких узников, которые, по мнению автора, стали «точкой пересечения пространственно-временных координат и отразили борьбу за высшие идеалы»⁴. В диссертации рассматривается рецепция образа Соловков в произведениях узников Соловецкого лагеря, среди которых Б. Н. Ширяев, Ю. Д. Бессонов, Б. А. Солоневич, Д. С. Лихачев. Часть первой главы посвящена произведениям женщин-мемуаристок Ю. Н. Данзас, О. А. Олицкой, А. П. Скрипниковой, Т. В. Чернавиной и других.

Большой пласт воспоминаний изучен как единый соловецкий метатекст. Причём ряд произведений впервые был опубликован в России и введён в научный обиход автором диссертации в многотомном издании «Воспоминания соловецких узников» («Соловки» А. П. Скрипниковой, «Пять лет в советских тюрьмах и лагерях» С. Курейши, «Тайна Соловков» Б. А. Солоневича и другие⁵). Столь обширный материал впервые был собран воедино и классифицирован, что является несомненным научным достижением. Исследование получилось поистине междисциплинарным, с необходимыми экскурсами в историю, философию, психологию. В работе большой архивный материал сочетается с новейшими научными данными и находками. Стоит отметить верно найденный стиль изложения, хороший литературный язык, владение современной научной терминологией.

Одним из важнейших выводов работы является тезис, что в отношении к Соловкам в художественной литературе и мемуарах отразились исторические контрасты, сложились две противоречивые (положительная и отрицательная) трактовки образа.

В главе «Этиологическая легенда Соловков и ценностные ориентиры соловецкой мемуаристики» В. В. Умнягин предлагает классификацию соловецкой мемуаристики, выделяя в ней довоенный, послевоенный, переходный

³ Умнягин В. В. Образ Соловков в русской литературе XX в. (на материале воспоминаний соловецких узников и романной прозы 2000-х гг.). Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2018.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Скрипникова А. П. Соловки // Воспоминания соловецких узников. Соловецкий монастырь, 2016. Т. 4. С. 171–323; Курейши С. Пять лет в советских тюрьмах и лагерях // Там же. 2014. Т. 2. С. 90–148; Солоневич Б. А. Тайна Соловков // Там же. С. 427–591 и др.

и современный периоды, характеризуя отличительные черты каждого из периодов⁶. В частности, в довоенные годы, резюмирует автор исследования, мемуаристы рассматривали происходившие на Соловках события в свете религиозных представлений; после Второй мировой войны у писателей появилось желание показать причины социальных потрясений; произведения, написанные до 1980-х гг., носили своеобразный исповедальный характер; в период перестройки мемуары пополнились анализом исторического пути России, но «история оценивалась с точки зрения ценностей скорее моральных, чем религиозных»⁷.

В главе «Соловки в мемуарах соловецких узников» В. В. Умнягин прослеживает связь между природой и душевным состоянием героев произведений, резюмируя: при отсутствии свободы природа «нередко становилась источником позитивных эстетических переживаний»⁸. В целом образ-символ Соловков, созданный в литературе узников, традиционно характеризуется, по мнению автора, как граница живого и неживого, как место духовного и физического подвига, духовного преображения, как пространство, где оспаривались и осмыслились принципы российской государственности. Обращают на себя внимания страницы, посвящённые творчеству Б. Н. Ширяева и комментариям Д. С. Лихачева на полях «Неугасимой лампы»⁹. Автор диссертации сравнивает творческие пути мемуаристов, вносит необходимые уточнения и приходит к выводу, что мемуаристы при различных подходах к понятию Святой Руси, к образу Соловков были едины в оценке наблюдаемых социокультурных процессов, «разглядели и по достоинству оценили высоту «жертвенного подвига»¹⁰ соловчан.

В главе «Современные произведения о соловецком лагере» В. В. Умнягин находит противоречия в мировоззренческих установках мемуаристов и писателей — наших современников¹¹. Герои современных произведений порой лишены нравственного идеала, не воспринимают архипелаг как «поруганную, но святыню». Показывая современное состояние социума, авторы на первый план выводят проблемы национального, в то время как мемуаристы даже не вспоминают о межнациональных распрах.

В достаточно объёмном труде тем не менее не хватает одного параграфа о восприятии Соловков в воспоминаниях бывших юнг. Хотя этот материал не относится к теме диссертации и выходит за рамки исследования, но без страницы о школе юнг образ Соловков в истории острова не полный. А при сравнительном

⁶ Умнягин В. В. Образ Соловков в русской литературе... С. 21–78.

⁷ Там же. С. 78.

⁸ Там же. С. 89.

⁹ Там же. С. 118–124.

¹⁰ Там же. С. 124.

¹¹ Там же. С. 125–161.

анализе воспоминаний Юнг с воспоминаниями соловецких узников могут быть получены интереснейшие результаты.

Можно сделать вывод, что автору диссертационного исследования удалось открыть новые подходы к литературному наследию соловчан и новые смыслы в историко-литературной трактовке образа Соловков как метафизического центра России.

В. В. Умнягин является ответственным редактором, составителем и автором ряда вступительных статей в шести томах «Воспоминаний соловецких узников» (1923–1939)¹². Академик РАН П. В. Флоренский, внук священника Павла Флоренского, на защите диссертации сказал, что произведения, опубликованные в книжной серии, — это жития, в которых описывается жертвенный подвиг их авторов. Наряду с известными текстами в серию входят неопубликованные рукописи из государственных архивов, библиотечных фондов и частных коллекций. Среди писателей — представители разных национальностей, сословий, конфессий, мировоззрений. Каждое произведение сопровождается научной статьёй и комментарием. Авторами вступительных статей выступают ученые разных отраслей знаний из отечественных и зарубежных академических центров. Презентация шестого тома состоялась в Петрозаводске в Национальном музее Республики Карелия 30 октября 2018 г. Этот том интересен прежде всего публикацией отрывков из книг М. М. Розанова: «Завоеватели белых пятен» и «Соловецкий концлагерь в монастыре». Сам соловчанин, М. М. Розанов проанализировал воспоминания других соловчан. Его историко-литературное исследование 1979–1987 гг. впервые публикуется в России.

Издание подобного многотомного труда, которое возглавил В. В. Умнягин, само по себе является ценным вкладом в историю отечественной науки, в развитие разных её направлений.

Е. Г. Сойни

¹² Воспоминания соловецких узников: в 6 т. Соловецкий монастырь, 2013–2018.

AMERICAN AND CANADIAN FINNS AND THE DEVELOPMENT OF THE FOREST SECTOR OF RUSSIAN KARELIA IN THE 1930s

АМЕРИКАНСКИЕ И КАНАДСКИЕ ФИННЫ И РАЗВИТИЕ ЛЕСНОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ КАРЕЛИИ В 1930-е гг.

Background

The project *American and Canadian Finns and the Development of the Forest Sector of Russian Karelia in the 1930s* started as a personal quest for information about a missing relative of the principle investigator, Mirja Jääskeläinen. Mirja's great-aunt, Naimi Petronella Koskio, who immigrated to the USA in 1914 travelled to Soviet Russia twice. Her first destination was Kuzbass, Kemerovo, where she worked from 1922 to 1924. In 1931, Naimi again travelled to the USSR, this time to Soviet Karelia. In doing this, Naimi joined the ranks of the so-called "American Finns," that is, Americans and Canadians of the Finnish origin who were lured to settle in Soviet Karelia in order to contribute to the building of communism, a phenomenon called the Karelian fever.

Fig. 1

Naimi Petronella Koskio as a young woman, between 20 and 23 years old. The photograph was taken in Finland, before Naimi's first trip to America.

To Mirja's frustration, no additional information about Naimi Petronella Koskio could be discovered in Karelia. Yet the time spent in archives and libraries, both in Finland and in Russia, was not wasted. Through a personal history of her great-aunt Mirja acquired

a sense of a bigger picture. She started to see the impact of the Karelian Fever not only on personal lives of those involved, but also on the development of Russian Karelia, in general, and on the advancement of the Karelian forest sector, in particular. Out of ca. 6,500 of those who immigrated to Karelia from the USA and Canada between 1931 and 1934, approximately 60 % became employed in the forest sector, thus making it the main area of technology transfer. The immigrants, most of whom were skilled forest workers, successfully combined Finnish and North American wood harvesting tools, methods, applied research, training, and education. They became the first to introduce them in Russian Karelia and later across many parts of Soviet Russia by means of forest schools, training courses, and publications. A detailed account of their contribution to the forest sector, including the impact on felling volumes and the state of Karelian forests, is still missing. As a former lecturer in forest marketing, Mirja immediately saw a knowledge gap to be filled in, so that the contribution of the American Finns to the development of Russian Karelia could be fully appreciated.

Fortunately, like-minded people were eager to get involved. The National Archive of the Republic of Karelia possessed a wealth of materials documenting the lives and work of the American Finns in Russian Karelia, and offered to share those with Mirja. Prof. Irina Takala of Petrozavodsk State University, a renowned historian and the author of several publications on the history of Russian Karelia, helped to develop the project idea. As a final seal of approval, in 2018 the project received financial support from Metsämiesten Säätiö, Finland.

About the project

The main objective of the project is to uncover the truth about the influence of Canadian and American lumberjacks and other forest workers on the development of the forest sector of Soviet Karelia from the late 1920s to the mid-1930s, in particular, about their contribution to the technological advancement in wood processing. It is a well-known fact that between the early 1920s and the end of the 1930s, the annual volume of timber harvesting in Karelia increased tenfold.

The project will make use of the abundant material available in the National Archive, the National Museum, and the National Library of the Republic of Karelia, including documents, textbooks, manuals, maps, and statistical reports produced in Petrozavodsk in the 1930s. For some documents, abstracts will be written and translated into Finnish, Russian, and English, if appropriate. The project partners will meet in Petrozavodsk two or three times a year to monitor and evaluate the progress.

The main project output is an online digital resource to be hosted and maintained by the National Archive of the Republic of Karelia. A user-friendly interface of this electronic resource will allow a free access to the digital archive (i. e. a collection of digital copies of documents and photographs from the National Archive), and a database allowing a search of people as well as relevant documents and photographs.

Several other outputs will be produced during the lifetime of the project. A number of articles will be written for the general public and scholarly audience. Some of the documents will be selected for a museum exhibition. The exhibition will go on a public display at the Forest Museum of Finland LUSTO in 2020, and later will be displayed in other parts of Finland.

The core research task of the project is to examine to what extent Canadian and American Finns developed the forest sector of Soviet Karelia, in particular the methods of timber harvesting and transportation. The evidence can be obtained from textbooks and manuals published at that time, and also in the form of tools that were used during the period under study. The methods and tools used in Russian Karelia will be compared with the ones used in Finland, Canada, and the USA during the same period. Thus an explanation will be found for a tremendous increase in the volume of timber harvesting observed during the 1930s. An analysis of methods and technological solutions will be complemented by personal accounts of the events and anecdotes obtained from letters and other documents.

The database will have links to map resources, such as those showing the locations of forest camps (“lesopunkt”), industrial enterprises, saw mills, joinery factories, and the Kondopoga Pulp and Paper Plant. It will also include digital copies of watercolor paintings created in the early 1930s. Thus, personal data will be combined with data from the forest sector to form a single entity; depending on their interests, the users will be able to query either any of them or both. For example, the following questions could be answered:

1. Where the forest camps were located, who were the people working there, and what do we know about them.
2. How a forest camp functioned, how big it was, and how it changed over time; such information will be available for each individual forest camp.
3. What infrastructure was built in each forest camp or village, including tool and equipment maintenance facilities, stalls, machine and tractor stations, cafeterias, housing (barracks and individual houses), schools, etc.
4. What was the climate, soils, and forest growing conditions in the area.

In the course of the project, the team will analyze some of the data. The Karelian (Russian) forest types and growing conditions in the 1930s will be compared with those in Finland at the same time period and at present. Forest harvesting methods will also be reviewed and compared. For instance, in the 1920s and 1930s, the Russian method was to divide a harvested area into squares. Each square was felled by its own team of workers consisting of 1–2 loggers and 3–4 pruners, with many women among the latter. Canadians introduced a strip method combined with directional felling. A hauling track would then be made in the middle of the strip.

Gathering information about the political and economic landscape that existed in Soviet Karelia in the 1920s and 1930s is another major project objective. Karelian

forests were of enormous importance for Soviet Russia as they were conveniently located for the purpose of timber export to European countries. However, Edvard Gylling who in 1923 became the leader of Soviet Karelia strove to ensure a sustainable development of Karelia. Following negotiations with Lenin, Gylling acquired a measure of budgetary autonomy for Karelia, and made Finnish the second official language in addition to Russian. In the 1920s, an unprecedented share of the budget (12 %) was allocated to the cultural development in Karelia. As a result, in the 1930s, nearly 100 % of all children went to school. With the imposition of Stalin's First Five Year Plan in 1929, a large-scale labour migration from all over Soviet Russia to Karelia dramatically changed its ethnic composition. To counter this trend, Gylling decided to recruit ethnic Finns from North America as qualified labour force. He drafted the petition requesting a permission to invite lumberjacks and others skilled forest workers to come to Karelia and assist in harvesting Karelia's "green gold". A permission to recruit the Finnish North American labour to Karelia was granted by Stalin, and for nearly half a decade immigrants kept on coming. However, the late 1930s saw a dramatic turn in the fortunes of Gylling and the North American Finns whom he had recruited to move to Karelia. In 1935, Gylling was removed from his position in the leadership of Soviet Karelia, followed by his arrest in July 1938, after which he was sentenced to death and executed. About 15% of the North American Finns who settled in Soviet Karelia in the 1930s were repressed, and many suffered the same fate as Edvard Gylling.

The project partners believe that this dramatic story of Finnish-American and Finnish-Canadian forest workers will help to understand the progress achieved by the Soviet forest industry before the WWII in Russian Karelia and in Soviet Russia as a whole. This understanding will hopefully contribute to the development of sustainable forest practices and better appreciation of Karelia's "green gold".

Project Sustainability: development and maintenance of the electronic resource

After the end of the project, the electronic resource will be maintained by the National Archive of the Republic of Karelia. The project partners hope that it will not only be further developed to include additional materials on the Karelian forest industry and North American Finns among its work force, but also to embrace other sectors of Karelia's pre-WWII economy. The long-term aim is to provide a useful tool for those who are interested in the natural history of Karelia, in general, and family history, in particular. The electronic resource can also establish foundations for the development of tourist activities in Karelia focused on its pre-WWII history.

Mirja Jääskeläinen
Nadia Bystriakova

IN MEMORIAM

**ДОЛГАЯ ДОРОГА В ИНКЕРИНМАА
ПАМЯТИ АРМАСА ИОСИФОВИЧА МИШИНА (15.02.1935–9.10.2018)**

THE LONG ROAD TO INKERINMAA
IN MEMORY OF ARMAS MISHIN (15.02.1935–9.10.2018)

9 октября ушёл из жизни народный поэт Карелии Армас Иосифович Мишин. Поэт, писавший на русском и финском языках, переводчик, исследователь–финно-угровед, просветитель.

Свои стихи на русском языке он подписывал именем Олег Мишин, стихи на финском — именем Армас Хийри. Слово «псевдоним» не любил. Говорил, что имя Алик (Олег) дали ему в детстве сибирские учителя, так как финское имя было для них непривычным. Так с тех пор и повелось: два языка — два имени.

Родился Армас Мишин в 1935 г. в деревне Пустошка Мгинского района Ленинградской области на древней ингерманландской земле. Через шесть лет в страну вошла война и жестоко распорядилась судьбами миллионов людей. У него отняла детство и забрала здоровье, потому и видел впоследствии «Наркозные сны в госпитале инвалидов Отечественной войны». Взяла и не вернула отца. Украла малую родину и материнский язык.

Рок был к нам неласков.
Сталинский помнится жест:
род мой ингерманландский
согнан с родимых мест¹.

¹ Мишин О. Свет рябиновый. Петрозаводск, 1990. С. 103

В Великую Отечественную войну, как известно, ингерманландцы были эвакуированы без права возвращения на свои исконные земли. Семья будущего поэта оказалась в Омске, где он «забыл язык отцовский», первую и последнюю букву алфавита учился писать по-русски:

«А» старательно выводит
тонким прутиком на земле.
«А» он складывает из листьев,
«А» рисует на стекле².

По окончании войны семья Мишиных обосновалась в городе Пудоже, в русском районе Карело-Финской ССР, издревле славящимся своими сказителями и певуньями. Здесь Армас окончил семилетнюю школу и Пудожское педагогическое училище (1954). Продолжил образование в Петрозаводске, в Карельском педагогическом институте (1959), по окончании которого работал в вечерней школе учителем русского языка и литературы. Жизнь преимущественно среди русских людей, выбор профессии, казалось, способствовали его полной национальной переориентации, самоидентификации Мишина как русского поэта.

И он прижился на другой земле, обрёл другое имя и другой язык. Полюбил его настолько, что во сне к нему пришли русские стихи. Утром «строки записывал эти, как будто их кто диктовал». «Легкокрылый Пегас» был щедр к поэту: «надиктовал» ему 20 русских книг.

Действительно, его первые книги («В дорогу», 1961; «Голубая улица», 1963; «Бессонница», 1966; «Солнечный день», 1970) хорошо вписывались в русскую поэзию 1960-х гг. Даже говоря о его стихотворении «Родной язык», критика прежде всего подчёркивала, что «глубинно-национальное чувство становится интернациональным и общечеловеческим»³. Ни щемящее–грустная интонация стихотворения, поведавшего о завещании «позабытых предков», ни вкраплённые в текст слова на финском: *äiti, kotimaa* (мать–родина) — ничто не вызывало вопросов: где родина предков, почему они завещали поэту одно — родной язык, знает ли их потомок финскую речь...

Да и сам молодой лирик казался полностью погружённым в романтику буден. Мишин начал свой путь в поэзии как пролетарский поэт. Благодаря матери, работавшей в литейном цехе, он ощущал себя своим в рабочей среде, чувствовал поэзию труда. Именно труд даёт человеку ощущение полноты жизни, поэтому лирик сравнивает работу вагранщика с обязанностями виночерпия на пиру:

² *Его же*. Сопричастность. Петрозаводск, 1985. С. 151.

³ Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 263.

Неторопливо и степенно
Всем наливает от души.
Как будто чаши с брагой пенной,
Стальные подняты ковши⁴.

Постепенно его поэтическая палитра обогащается новыми красками. Его герой предстает прежде всего в функции путешественника, взору которого открывается мир во всём его движении и многообразии. Мотив пути, сюжеты и образы путешествий становятся определяющими в лирике Мишина. Его герой путешествует на поезде зимой и летом: «Облепило снегом тальым насыпи и виадук, Белые на черном шпалы в зиму новую ведут» («Облепило снегом тальым»); «Косматый хвост откинув на ветру, сверканьем солнечным облит, состав товарный, зноем поднятый, вдали над рельсами летит» («Жара»). Пассажирские, товарные и рабочие поезда, дорога, рельсы, шпалы, вокзалы — всё становится предметом описания. Реже он путешествует на машине и пароходе, идёт пешком и скользит на лыжах. Тогда он глядит в «Смотровое зеркальце», и на его поэтической карте появляются «Полевая дорога», «Лежневая дорога» и т. д.

Лирика Мишина, вписываясь в систему русской романтической поэзии 1960-х гг., имела свои отличительные черты. Русский человек выходит из дома на дорогу и возвращается из путешествия в отчий дом. Образ дома отсутствует в лирике Мишина, что указывает на особый статус его героя. Это — маргинальный человек, покинувший в войну дом детства и так и не обретший другой. Хотя дома (на Мге, на Водле, на Иртыше, в Петрозаводске) постоянно присутствуют в творчестве поэта, они являются не местом обитания, а остановкой в пути. Герой Мишина то находится на пути к дому, то покидает его. Уютнее всего, похоже, он чувствует себя на вокзале:

А на вокзале, как всегда,
дороги ожидание,
притягивают города,
притягивают расстояния⁵.

Маргинальный человек, как правило, очень тяжело, порой трагически, ощущает свою бездомность, неукоренённость, чего не скажешь о герое Мишина 1960–1970-х гг., который нашёл свое средство защиты от бездомности.

⁴ Мишин О. В дороге. Петрозаводск, 1961. С. 9–10.

⁵ *Его же*. Бессонница. Петрозаводск, 1966. С. 11.

Осознав значимость каждого мгновения в жизни, он делится с читателями впечатлениями о том, что он ощутил в таинственный миг встречи с природой — той опорой, которую никто у человека отнять не может.

Характерную для русской поэзии оппозицию «дом / дорога» в лирике Мишина сменяет оппозиция «беспрерывное движение / запечатлённое (остановленное) мгновение». Очевидно, поэтому в дороге (да и в доме) для него важно окно, что закреплено в названии его стихотворений: «Из окна вагона»; «Проплывает за окном мой край»; «Ночной пейзаж из окна автобуса»; «За окном квартиры городской»; «Мы стоим у ночного окна»; «За окошком — весна». Воистину прав поэт, утверждая: «Мои окна смотрят в мир».

В постоянно меняющемся мире поэт стремится задержать, остановить мгновение, сказать ему: «Ты прекрасно!». Об этой черте лирики Мишина хорошо сказал критик А. Гидони, первый основательно проанализировавший его художественный мир: «... главная сила его пока что в лирике малых форм и камерного звучания. ...Полутонов... многообразных переходов света в тень — и наоборот; счастья в горечь — и обратно, реального быта — в поэзию, и поэзии — в реальность быта»⁶. Возможно, здесь сказался инстинкт самосохранения представителя малого народа, которому помогала выжить красота. Поэтому зло напоминает о себе в лирике Мишина исподволь. Оно обыденно, оно настолько стало частью человеческой жизни, что не только не всегда замечается, но даже слегка эстетизировано, потому особенно опасно:

Здесь войны катилась лава...
Из-под снега неспроста
проступает слева, справа
краснота болотной ржави,
словно кровь из-под бинта⁷.

Создаётся ощущение, что герой только констатирует существование болевых точек, порой неприглядное наступление человека на природу. Его позиция объясняется тем, что он верит в жизнеспособность природы, знает: она «сама себя спасет»⁸, пробиваясь «цветами и травой» сквозь сваленный на дороге шлак, заглушая «медовым ароматом» запахи мазута. В связи с последним А. Гидони писал: «Вряд ли так уж силен “аромат цветов”, чтобы заглушить все “мазутные запахи”, но поэт,

⁶ Гидони А. Изнутри озаренный мир: (О стихах Олега Мишина) // Север. 1972. № 5. С. 122–123.

⁷ Мишин О. Тревожность. Петрозаводск, 1978. С. 29.

⁸ Резников Л. Необходимость преодоления (Свет и тени лирики Олега Мишина) // Север. 1980. № 5. С. 111.

разумеется, вправе подчеркнуть свое мажорное восприятие житейских коллизий, свое ощущение победоносности красоты в ее столкновении с повседневностью»⁹.

Жизнь А. И. Мишина, казалось, навсегда определилась. У него выходит книга за книгой. Его заметила критика. В 1969 г. его творчеству уделяется внимание в «Очерке литературы советской Карелии», что, безусловно, являлось большой честью для молодого поэта. Завёл семью, обосновался в столице Карелии. Хотя Петрозаводск — русский город, но в отличие от Пудожа, в нём проживали и карелы и вепсы, здесь в те годы была большая финская диаспора: уцелевшие в годы сталинского террора и войны красные финны и иммигранты из США и Канады, его земляки-ингерманландцы. Из этой среды вышли талантливые музыканты и художники, и конечно, среди них были и поэты. Поскольку карельский язык в то время был бесписьменным, писатели–карелы тоже писали по-фински. На финском языке издавались газеты и книги, выходил литературно-художественный журнал «*Punalippu*». В городе работал Финский драматический театр, по республиканскому радио в течение дня не раз звучала финская речь.

Если среди молодых русских поэтов непререкаемым авторитетом пользовался уроженец Ленинграда Борис Андреевич Шмидт, ставший для многих из них наставником, а завоевывавшие столицу петрозаводчане Роберт Рождественский и рано ушедший из жизни Владимир Морозов были для них примером, то в кругу финноязычных поэтов Мишин обрёл учителя в лице Якова Васильевича Ругоева, выходца из рунопевческой калевальской земли. Образцом верности финскому языку, финскому стиху стал для него потомок красных финнов Тайсто Сумманен. У Мишина был русский друг поэт Иван Костин и друг поэт-финн Рейё Такала. Вместе с ним он стал вспоминать, заново осваивать материнский язык.

Родина все-таки в сердце жива,
тянет отечество силой земною.
Вечны родного наречья слова,
всюду с тобою они и со мною¹⁰.

Давным-давно заложенные ингерманландские семена стали прорасти в душе поэта и потянули за собой новую череду изменений: его стихи заговорили по-фински. По времени (конец 1960-х) это совпало с переменой рода деятельности, с новым этапом в творчестве А. И. Мишина: он вплотную занялся историей и культурой финно-угорских народов, поступил в аспирантуру по специальности «литература Финляндии» (1967–1970). Его научным руководителем был Эйно

⁹ Гидони А. Изнутри озаренный мир. С. 125.

¹⁰ Мишин О. Свет рябиновый. С. 101.

Генрихович Карху, известный учёный — финно-угровед. Финская литература открыла для молодого исследователя неисчерпаемый клад родного языка, позволила осмыслить специфику её национальной поэтической образности и характер стихосложения. В 1971 г. А. И. Мишин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Поэты левой группы “Клин” (“Кийла”) и их роль в развитии прогрессивной финской поэзии (1936–1946)» и продолжил свои научные изыскания: подготовил два раздела для «Истории литературы Финляндии» (1977) по шведоязычной литературе (основной исполнитель труда — Э. Г. Карху). Он решил открыть советскому читателю творчество шведоязычного поэта Финляндии Эльмера Диктониуса (1896–1961). Фигура, достойная внимания: в 1946 г. его имя стояло в ряду номинантов на Нобелевскую премию по литературе: М. Шолохова, Э. Хемингуэя, М. Андерсена-Нексе, А. Жида, Г. Гессе. Что значит изучить творчество Диктониуса? Это значит — за короткое время постичь ещё один язык. Открыть ещё один поэтический мир. Надо и описать его на языке филологических штудий, что и было сделано в монографии «Творчество Эльмера Диктониуса и проблемы шведоязычной литературы Финляндии» (1987). Эта книга и по сей день является единственным в России капитальным трудом, посвящённым оригинальному поэту. Творчество Диктониуса не только было тщательно проанализировано А. И. Мишиным, но и представлено в социокультурном пространстве Финляндии и в широком контексте европейского искусства, прежде всего — скандинавского, немецкого и русского. Всерьёз заняться исследовательской деятельностью позволил переход на работу в Институт языка, литературы и истории Карело-Финского филиала СССР (ныне Карельского научного центра РАН), в котором Мишин проработал с 1970 до середины 1985 г.

Свою исследовательскую деятельность А. И. Мишин сочетал с литературной: продолжал писать стихи на русском языке, постепенно увеличивалось число текстов на финском. Это не автоперевод (хотя он прибегал и к нему), а самостоятельный раздел в его художественном творчестве: он учился думать, поэтически мыслить по-фински.

С 1976 по 1986 г. поэт издал три книги на финском языке: «*Ikkunani katso maailmaan*» («Мои окна смотрят в мир», 1976), «*Juuret avaruuteen*» («Врастать корнями в небо», 1980), «*Kotikyläni pääskyset*» («Ласточки моего дома», 1986). Освоив в сорок лет «забытый» язык предков и начав писать на нем стихи, Мишин, наконец, обрёл своё родовое имя Армас Хийри. В этих стихах он не может не обратиться к своему прошлому, что понятно, но его история имеет проекцию в будущее. Времена «связывает между собой память — категория, обладающая актуальным нравственным содержанием: без памяти человек не просто беззащитен и одинок, — он перестает

быть самим собой “*Lapsuuteni*” (“Детство”, 1976), “*Muistaako puu lapsuutensa?..*” (“Помнит ли дерево свое детство?..”, 1976))¹¹. Как и в своей русской лирике, поэт по преимуществу в светлых красках описывает северную природу. Однако на финском языке традиционная тема звучала по-новому. Поэт, работая на финском языке, перешёл к новой форме лирического выражения — к верлибру. Эта форма была новой и непривычной для финноязычных поэтов, поэтому поначалу вызвала их резкое неприятие, что не остановило Мишина. Возможно, он стал использовать её одним из первых, потому что благодаря погружению в лирику Диктониуса познал специфику данной формы стиха и как поэт, и как читатель. В известной степени, можно согласиться с определением Э. Л. Алто, что «произведение традиционной лирики есть *результат* познания окружающей действительности», а «произведение модернистское, в том числе и стихотворение, написанное в свободных ритмах, это *процесс* познания действительности (читатель должен искать, постигать скрытую смысловую связь слов)»¹². Исследовательница находит, что обращение к свободному стиху для Мишина и его единомышленников (например, для Катри Корвела), «стало проявлением протеста против ортодоксальных стереотипов восприятия реальности, скрытой формой отвержения догм социалистического реализма»¹³.

Как ни углублялся Армас Хийри в финскую лирику, он не смог вытеснить Олега Мишина. Поэт стал билингом. Вместе с Рейё Такала они стали зачинателями нового, билингвального, контекста в литературе Карелии, который позднее впервые сам А. И. Мишин и опишет¹⁴. Его аналитический опыт не пропал бесследно: в настоящее время проблемы билингвизма в литературе Карелии и конкретно билингвальная поэзия А. И. Мишина стали объектом изучения в работах М. В. Казаковой.

Поэт-билингв, как правило, — хороший переводчик. Хотя А. И. Мишин и ранее занимался этим родом деятельности¹⁵: переводил на русский язык стихи финноязычных поэтов Карелии и Финляндии, но благодаря общению в ИЯЛИ с замечательными фольклористами, его работа получила новый импульс: он начал углубленно изучать ингерманландский, ижорский и карельский фольклор. В результате он в 1980-е годы перевёл и подготовил к публикации сборник лирических и эпических песен выдающейся ижорско–ингерманландской

¹¹ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии: История литературы Карелии 2. СПб., 1997. С. 164.

¹² Там же. С. 163.

¹³ Там же.

¹⁴ История литературы Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 361–370

¹⁵ Свои первые переводы с русского на финский О. Мишин представил в книге стихов «В дорогу» (1961).

сказительницы Ларин Параске «Тростниковая свирель» (1986), а в 1990-е гг. совместно с фольклористом, к. филол. н. Э. С. Киуру решился на смелый шаг: сделал новый перевод «Калеваль». Толчком стал перевод избранных рун «Калеваль», выполненный двумя русскими поэтами А. Титовым и М. Тарасовым, а также писавшим на финском языке поэтом-карелом Н. Лайне и исследовательницей эпоса А. Хурмеваара. Не входя в подробности, скажем, что они стремились предельно приблизить древний текст к современному читателю и достигли этого, но, как считали специалисты, ценой ряда потерь. В числе критиков были и А. И. Мишин с Э. С. Киуру. В ответ на замечания они не раз и не два слышали: сделайте свой перевод. Разумеется, не только подобные реплики, но и накопленный к тому времени багаж: знание народных рун и других фольклорных жанров, знакомство с обширной, если иметь в виду финляндскую науку, литературой вопроса, с теорией и практикой перевода, собственный переводческий и стихотворный опыт — всё это вкупе и побудило их принять решение. В 1995 г. они представили перевод канонической версии, а впоследствии первыми в России перевели и другие версии «Калеваль», вышедшие из-под пера Элиаса Лённрота. В роли «спутников» нового перевода эпоса выступили аналитические работы и адаптации основного текста для детей. Так, А. И. Мишин опубликовал научно-популярную книгу для старшеклассников «Путешествие в “Калевалу”» (1988) и составил адаптированную для детского чтения композицию из «Калеваль» «Сампо» (1985). Кроме того, по мотивам «Калеваль» он написал пьесу для детей «Стрела девы Похьель» (1985). А Э. С. Киуру подготовил (самостоятельно и в соавторстве) три академических издания ингерманландских песен (1974, 1985, 1990) и две монографии, посвящённые изучению фольклорных истоков «Калеваль» (1990, 1993; вторая — в соавторстве с А. И. Мишиным).

Как явствует из перечисленного, всё это не могло не отразиться на качестве перевода: соавторам удалось войти в эпический мир и донести его пафос до читателей. Несмотря на исключительно бережное отношение к первоисточнику, они тем не менее не избежали весьма суровой критики в связи с тем, что посчитали Элиаса Лённрота полновластным создателем текста и назвали «Калевалу» поэмой¹⁶. Безусловно, можно не соглашаться с переводчиками в деталях, но в целом они проделали большую работу, выполнили её на достойном уровне, что и было оценено авторитетными специалистами.

В 1985 г. А. И. Мишин ушел из Института не на «вольные хлеба», а на работу в правление Карельского отделения Союза советских писателей на должность

¹⁶ «Покажите путь на берег, выведите в мир прекрасный»: обсуждение нового перевода «Калеваль» на секции критики Союза писателей Карелии // «Север». 1996. № 5–6. С. 126–38

заместителя председателя Союза (которым был Я. В. Ругоев). В 1990 г. А. И. Мишин был избран на должность председателя Карельского регионального отделения Союза писателей России и исполнял её по 2004 г. включительно. Насколько сложна была жизнь писателей в момент распада Советского Союза (и единого Союза советских писателей) и начала формирования новых государственных и общественных структур Российской Федерации, он поведал сам в статье «Литература Карелии в 1990–1994 гг.»¹⁷. Отсылая читателей к этой работе, всё же не можем не сказать о просветительской деятельности А. И. Мишина. В трудные годы, когда людям в общем-то было не до стихов, они с И. А. Костиным и группой преподавателей Института усовершенствования учителей в течение примерно полутора десятилетия почти ежемесячно проводили литературные вечера, посвящённые карельским писателям, русским и зарубежным классикам. В газете «*Karjalan Sanomat*» Мишин вёл новостную литературную рубрику. Безусловно, постоянное общение писателей и читателей было полезно обеим сторонам.

Середина 1980-х гг. стала для Карелии началом национального ренессанса: именно в это время были изданы учебники для обучающихся карельскому и вепсскому языкам, появились первые литературные произведения на новописьменных языках. Трудно переоценить вклад А. И. Мишина в становление литературы на трёх диалектах карельского и на вепсском. Кто, как не он, хорошо понимал, насколько важно писать на родном языке, поэтому поддерживал начинающих писателей. Консультировал их, представлял книги новых авторов читателям, писал рецензии, обзорные статьи. Вместе с поэтом А. Л. Волковым они подготовили первый сборник «*Omil pordabil*» («У родного крыльца», 1999), в который вошли стихи и рассказы, написанные на трёх диалектах карельского языка. Далее последовали совместно подготовленные сборник «*Karjalan pagin*» («Карельская речь», 2005) и сборник стихов финно-угорских поэтов в переводах на финский, карельский и вепсский языки «*Jagras Balotonsab / Jagrasta Balotonille*» («От Югры до Балатона», 2006). Не будь поддержки мужа, вряд ли в карельской литературе появилось бы имя детской писательницы-карелки Ольги Фёдоровны Мишиной.

Как ни велика роль А. И. Мишина в общественной жизни республики и в финно-угорском сообществе России (здесь представлена только малая толика его письменных работ и устных выступлений), всё же основным делом его жизни была поэзия. До самых последних дней своих он писал стихи. Сами названия его сборников «На российском ветру» (2000) и «Сквозь ливни и метели» (2004) говорят, насколько значимой для него стала гражданская лирика. Но не были им забыты пейзажная и любовная лирика. Увеличилось число персонажей в его стихотворной

¹⁷ Мишин А. И. Литература Карелии в 1990-1994 гг. // Эйно Карху — Человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск, 2013. С.119–125.

«портретной галерее». А. И. Мишин также заявил о себе и как автор философских стихов. Если ранее, даже в своих финских сборниках, его герой, вспоминая об утраченной родине предков, тем не менее не называл себя ингерманландцем, то в 1995 г. появляется сборник *«Inkeriläisen laulu»* / «Песнь ингерманландца», куда вошли русские и финские стихи А. И. Мишина. Если в его первых сборниках финноязычной лирики ощущалось «осознание культурной неприкаянности, маргинальности»¹⁸, то судя по этой книге, процесс этнического самоопределения и национального самосознания автора-героя завершился. Появляется вера в будущее своего народа, поэтому название его сборника на финском языке звучит вполне оптимистично: *«Sillä aikaa kunsiivet kasvavat»* («Время, когда вырастают крылья», 2000). Если в эпоху стабильности лирический герой А. И. Мишина являл собой тип путешественника–скитальца, то теперь он обретает дом, о чем свидетельствует поэма *«Karjalainen talo»* («Карельский дом»). Это и родовой дом его жены-карелки, ставший его домом, и домом *его* России. И конечно, неизменно в его стихах присутствует образ главной дороги его жизни: «Вся моя жизнь — возвращение на родину...»

На карельской земле А. И. Мишин состоялся как поэт, как гражданин. Вместе с поэтом И. А. Костиным и композитором А. С. Белобородовым он стал автором гимна Республики Карелии. Деятельность А. И. Мишина оценена по заслугам: он — заслуженный работник культуры Карелии и России (1985, 1999), лауреат Государственной премии Карелии имени Архипа Перттунена (1986), лауреат литературно-художественной премии Главы Республики Карелия и «Сампо» (1999, 2007). Награждён орденом Дружбы (2005). В 2011 г. ему было присвоено почётное звание «Народный писатель Карелии».

Прощаясь с поэтом, хочется напомнить звучащие как признание в любви к Родине, как завещание строки:

Гори, гори, не угасай,
пылай святым огнем,
живи в душе, родимый край,
с рябиной за окном¹⁹.

И пусть этот свет рябиновый освещает Вам, Армас Иосифович, путь в мире ином... Вечная память...

Е. И. Маркова

¹⁸ Алто Э. А. Ингерманландские писатели в СССР // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1991. С. 22.

¹⁹ Мишин О. Свет рябиновый. С.99.

Е. М. МЕЛЕТинский в воспоминаниях Э. Г. Карху*

ELEAZAR MELETINSKII IN EINO KARHU'S MEMORIES

В уходящем году исполнилось сто лет со дня рождения Елеазара Моисеевича Мелетинского (1918–2005) — выдающегося фольклориста, мифолога, историка литературы. Его жизнь в конце 1940-х гг. была тесно связана с Петрозаводском. Здесь он заведовал кафедрой в университете и по совместительству несколько месяцев работал в Институте истории, языка и литературы Карело-финской базы АН СССР. А среди студентов университета был Эйно Генрихович Карху — в будущем видный филолог, автор двухтомной «Истории литературы Финляндии», положивший начало систематическому изучению литературы Финляндии и Карелии. В 2003 г. мне довелось взять интервью у Эйно Генриховича, в котором он поделился воспоминаниями о своем преподавателе Елеазаре Моисеевиче Мелетинском.

Эйно Карху поступил в петрозаводский университет (тогда он назывался Карело-Финский государственный университет) непосредственно после окончания Великой Отечественной войны. Для юноши, демобилизовавшегося из армии и не имевшего представления о вузовском преподавании, всё было ново. Несомненным принципом оставалось желание учиться. Карху, что называется, везло на учителей. В университете в послевоенные годы преподавали видные учёные: Д. В. Бубрих, М. К. Азадовский, Е. М. Мелетинский, И. Г. Муравьёва. Студенты были восхищены их лекциями. В личном деле Е. М. Мелетинского в архиве ПетрГУ, хранится автобиография учёного, в которой сообщается, что «в сентябре 1946 г. Е. М. Мелетинский был переведен в Карело-Финский государственный университет, где был назначен заведующим кафедрой и читал лекции по литературе (в том числе средневековой), по русскому фольклору, вел спецкурс по истории скандинавских литератур»¹.

На вопрос: «Что бы Вы могли сказать об уровне тогдашнего преподавания в университете?», Эйно Генрихович ответил, что хороший, знающий, эрудированный, преподаватель вызывает уважение, зависть, и привёл в пример Елеазара Моисеевича Мелетинского: «Вот Е. М. Мелетинский, ему было 27–28 лет. Он производил не только на меня, но и на других потрясающее впечатление своей эрудицией, знанием языков, например, он преподавал средневековую литературу, Ронсара.

* Работа подготовлена в рамках госзадания ИЯЛИ КарНЦ РАН, тема «Литература Европейского Севера: проблемы этнопоэтики и компаративистики», номер государственной регистрации: АААА-А18-118030190091-5.

¹ Марковская Е. В., Новожилова С. Е. М. Мелетинский в Карелии (к 100-летию со дня рождения) // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2018. № 1.

Он читал Ронсара наизусть, на французском диалекте, женская половина аудитории жаловалась, что его лекции трудно записывать, очень сложный язык. Это была правда. У него эрудиция большая и он на ходу упоминал разные средневековые культурные явления. Студенты не все понимали. Его жена, Ирина Григорьевна Муравьева, читала проще, и она тоже читала по-своему идеально. Эта пара в области литературоведения — образец»².

Будучи учеником Мелетинского, молодой Карху с особым рвением стал изучать языки: английский, французский, шведский. Немецкий был освоен еще в школе. В Хибинах, где семья Карху находилась в ссылке, его талантливо преподавала учительница-немка. Мелетинский стремился опекать молодого Эйно, сделать из него фольклориста. На третьем курсе встал вопрос о специализации. Студентов, изучавших финский язык, было трое: А. Мантере ориентировалась на изучение литературы, Мартти Куусинен хотел стать языковедом, а Эйно Генрихович под влиянием Мелетинского начал заниматься фольклором. «Мелетинский привлек меня для написания собственной статьи, — вспоминал Карху. — Я ему переводил материал по одной теме — “Гамлетовский сюжет в финском фольклоре” — имелся в виду Куллерво. По ней я в 1949 году прочитал в Тартуском университете доклад, опираясь на его статью и ссылаясь на него»³. Судя по всему, речь идет о статье «Социальные мотивы в Карело-финских рунах о Куллерво». В университетском архиве в рукописи этой статьи указаны два имени: Е. М. Мелетинский и Э. Г. Карху. Статья, пролежав многие годы в архиве, недавно опубликована в первом номере журнала «Фольклор: структура, типология, семиотика» (2018. № 1). «В общем, — вспоминает Эйно Генрихович, — Мелетинский стремился меня взять под опеку, сделать из меня фольклориста, рекомендовал мне посетить В. Проппа в Ленинграде. Я действительно посетил Владимира Яковлевича. Я, разумеется, ничего тогда в фольклоре не понимал, еще не было возможности прочитать основные финские и наши работы по фольклору. Пропп был почти под запретом, его громили как буржуазного ученого, был страх, что его посадят, как Эйхенбаума и других ленинградцев. “Исторические корни волшебной сказки” В. Проппа попали под огонь критики с обвинением, что вот находят в сказках древние мифологемы, зачем это нужно? В сказках есть современность, крестьянская идеология, ее надо обнаруживать.

² Сойни Е. Г. Беседа с Эйно Карху в канун юбилея ученого (июль 2003) // Эйно Карху — человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск, 2013. С. 26–27.

³ Там же. С. 27.

Его книга — умнейшая книга. Хотя Мелетинский сам кое-какие замечания делал. И нельзя было этого не делать»⁴.

В 1949 г. после публикации в газете «Ленинское знамя» (№ 57) статьи «О проявлениях космополитизма в работе кафедры литературы Университета», где упоминались имена А. В. Павлова, Е. М. Мелетинского, Л. Я Гинзбург и В. М. Морозова, Елеазар Моисеевич был арестован. «Я помню, — вспоминает Карху, — пришел сдавать скандинавскую литературу Муравьевой, она мне сказала сугубо в частном порядке, что ее муж только что был арестован: “Вы не смогли бы прийти ко мне на квартиру сдавать ваш экзамен?” Я пришел. Никаких особо сочувственных слов я сказать не мог, я понял все, она была в слезах. Она сказала, что спрашивать не будет, попросила зачетку. Мы об аресте ничего не говорили, просто вежливо друг с другом прощались. Это было в 1949 году»⁵.

Позже, уже будучи сотрудником Института мировой литературы им. А. М. Горького, Е. М. Мелетинский, приезжал в Петрозаводск на симпозиум, встречался с Эйно Генриховичем, приглашал его переехать в Москву, работать в ИМЛИ.

Учёных связывали годы дружбы, научных диалогов, творческого общения. Они обменивались своими выпедшими книгами, цитировали друг друга, оба изучали «Калевалу». Как известно, в книге Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса» (1963) о «Калевале» написана одна из глав. У Карху калевальской проблематике посвящён ряд книг: «От рун к роману» (1978), «Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении» (1994) — первый том «Истории литературы Карелии», «Элиас Леннрот: жизнь и творчество» (1996).

В 1985 г. на международной конференции, посвящённой 150-летию первого издания «Калеваль», оба представили доклады: Елеазар Моисеевич — «“Калевала” в сравнительном освещении», Эйно Генрихович — «“Калевала” — выдающийся памятник карельской, финской и мировой культуры». Не вдаваясь в историю возникновения рун⁶, а по этой теме сейчас опубликованы сотни исследований, отметим, что сделанные в докладе Мелетинским выводы, звучат убедительно и сегодня. «В “Калевале”, как и в других архаических эпосах, доминирует не воинская героика и богатырская самонадеянность... а мудрость, магическая сила, творческий порыв в космогонии и мирном труде, своего рода “прометеевский пафос”, чуждый

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 27–28.

⁶ *Kuusela M., Anttonen P. Kalevala-lipas. Helsinki, 1985.*

классическим формам героического эпоса...»⁷. Каждый раз, обращаясь к «Калевале», Карху вспоминал о прекрасном выражении Мелетинского «прометеевский пафос», неоднократно его цитировал.

Е. М. Мелетинский и Э. Г. Карху знали и ценили «Философию символических форм» (1923–1929) Эрнста Кассирера, идеи которого повлияли в своё время и на М. М. Бахтина. Учёные ссылались на книги Кассирера задолго до того, как они были переведены на русский язык. По словам Карху, трёхтомная «Философия символических форм» помогла осмыслить многое в восприятии пространства, космоса, времени, раскрыла глаза — и не только ему одному. «Когда я принялся писать первый том “Истории литературы Карелии”, я задался целью осмыслить локальный карельский фольклорный материал на мировом теоретическом уровне», — вспоминал Эйно Генрихович. — О мифологии написано колоссальное количество книг. В Швеции я обнаружил 16-томную энциклопедию по мифологии⁸. Многие статьи ксерокопировал. Это было очень интересно, и мне кажется, что некоторые наши фольклористы даже представления не имеют, что существует такая огромная теоретическая литература, языками не владеют, и само имя Кассирера им не знакомо. Оно знакомо Мелетинскому...»⁹. В первом томе «Истории литературы Карелии», Карху обратил внимание на высокую оценку идей Кассирера в статьях Мелетинского, на слова Мелетинского о том, что Кассирер понимал миф как «важнейшую “символическую” форму человеческой деятельности», выявляя при этом и рациональные элементы мифа¹⁰.

Годы, проведенные Мелетинским в Петрозаводске, не принесли ему счастья, закончились не радостно. Но здесь он обрёл верного ученика, а как говорили ещё в древнем Китае, именно в учениках продолжается жизнь человека.

В качестве иллюстрации к сказанному о работе Е. М. Мелетинского в Петрозаводске мы публикуем две фотографии из его личного архива, предоставленные нам редакцией журнала «Фольклор: структура, типология, семиотика» с согласия Лидии Глебовны Семёновой, которым мы выражаем свою искреннюю признательность.

⁷ Мелетинский Е. М. «Калевала» в сравнительном освещении // «Калевала» — памятник мировой культуры: Материалы науч. конференции, посвящ. 150-летию первого изд. карело-фин. эпоса. 30–31 января 1985 г. Петрозаводск, 1985. С. 80.

⁸ Речь идёт об издании: The Encyclopedia of Religion. New York; London, 1986. Vol. 1-16.

⁹ Сойни Е. Г. Беседа с Эйно Карху... С. 30.

¹⁰ Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении: История литературы Карелии 1. СПб., 1994. С. 83.

Фото 1

Е. М. Мелетинский в группе студентов и преподавателей Карело-Финского государственного университета, Петрозаводск, 1948 г.

Нижний ряд (слева направо): Вера Бахвалова, Ирина Муравьева, Е. М. Мелетинский, Эра Сохина, Борис Ардентов, Валентина Ковалева.

Средний ряд (слева направо): Нина Паршукова, Муза Шаппо, Елизавета Полякова, Галина Афанасьева, (?) Кудрявцева.

Верхний ряд (слева направо): Людмила Фрейндинг, Нина Соколова (Малявкина), Муза Елпидинская, Эльвира Панова, неизв.

Фото 2

Е. М. Мелетинский в группе преподавателей и студентов Карело-Финского государственного университета, Петрозаводск, 1948 г.

Нижний ряд (слева направо): Е. М. Мелетинский, неизв., Ирина Муравьева, Иван Кяйвяряйнен, Ауне Морозова, Арсений Громов, (?) Александровская.

Средний ряд: в центре Мартти Куусинен, справа от него — Александровская, крайняя справа — Галина Лишанская.

Верхний ряд (слева направо): неизв., Елена Чернова, Елена Маховская, Зоя Рассветова, Надежда Золина, неизв.

Е. Г. Сойни